Фундаментальная библіотека

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ-ПОЛИТИКИ-

ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 9.

СЕНТЯБРЬ, 1914.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 9-я.—СЕНТЯБРЪ, 1914.

СТРАН.

I.—ЗАРЯ ЖИЗНИ.—Продолженіе.—Повѣсть.—**А. Ѳедорова** 5
II.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—**В. Варяжскаго** 43
III.—МОРОКА.—Разсказъ.—**Ал. Богданова** 45
IV.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Александра Рославлева** 81
V.—СТАРАЯ ИСТОРІЯ.—Разсказъ.—**Н. Осиповича** 83
VI.—ИЗЪ ВЕРЛЭНА.—Стихотворенія.—**О. Приселковой** 119
VII.—НАДЪ ЛУАРОЙ.—Разсказъ.—**Алексѣя Окулова** 121
VIII.—СОНЕТЪ.—Стихотвореніе.—**Г. Вяткина** 158
IX.—ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ВЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ.—Изящная словесность 1855—1861 годовъ и молодой читатель.—**Нестора Котляревскаго** 159, 190
X.—АВАНПОСТЪ.—Сонетъ.—**Леонида Долинина** 191
XI.—А. И. ГЕРЦЕНЪ, КАКЪ НАТУРАЛИСТЪ.—**Владиміра Вагнера** 206
XII.—ВОПРОСЫ ВРЕМЕНИ.—IV. Патологія словесности. — **Д. Овсянико-Куликовскаго** 214
XIII.—ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫЙ. — Повѣсть Арнольда Беннетта. — Перев. съ англ. **М. Славинской** 254
XIV.—ХРОНИКА.—НОВЫЯ ОСНОВЫ ОХРАНЫ ТРУДА ВЪ АНГЛІИ.—**А. Чекина** 276
XV.—КИНЕМАТОГРАФЪ, КНИГА И ДѢТИ.—**А. І. Зака** 295
XVI.—Б. ЗАЙЦЕВЪ.—Критическій этюдъ. — **Н. Коробки** 315
XVII.—АПОЛЛОНЪ ГРИГОРЬЕВЪ.—Къ пятидесятилѣтію смерти.—**Ч. Вѣтринскаго** 326
XVIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Украинскій вопросъ. Изданіе редакціи журнала „Украинская Жизнь". — **К. Арсеньева** — С. И. Гусевъ Оренбургскій. Враги. Т. IX. Изд. „Жизнь и Знаніе".—**Е. К.**—С. Подъячевъ. Забытые. Изд. „Освобожденіе".—**Е. Колтоновской** 331
XIX.—АНАТОЛІЙ КОНСТАНТИНОВИЧЪ ЛЯДОВЪ.—**Виктора Лядова** 333
XX.—ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Война и настроеніе страны.—Какъ выдержаны первые дни всенароднаго испытанія. — Прочность національной ткани государства.—Общее воодушевленіе.—Жертвы и подъемъ общественной энергіи.—Крестьянская помощь „міромъ".—Великое отрезвленіе Россіи.—Поразительные результаты мѣсячнаго опыта.—Благодарность и мольбы населенія о продленіи опыта.—Народная трезвость, какъ внутренняя и неожиданная побѣда.—**И. Жилкина** 342
XXI.—ВОЙНА И НАЦІОНАЛЬНОСТИ.—**К. Арсеньева** 350
XXII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Война и дипломатическіе подлоги.—Безуміе прусскаго милитаризма. — Проявленіе массоваго психоза въ Германіи. — Страхъ передъ шпіонами и германскія звѣрства.—Средневѣковые пріемы Вильгельма II и его войскъ.—Упраздненіе международнаго права. — Неизбѣжные практическіе выводы. — Положеніе дѣлъ во Франціи.—Перспективы войны. — Смерть папы Пія X.—Избраніе папы Бенедикта XV 369
XXIII.—ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. — Отраженіе войны во внутренней жизни.—Главныя черты общественнаго настроенія. — Война и отрезвленіе народа. — Всероссійскій земскій и городской союзы. — Задачи союзовъ. — Призрѣніе семействъ запасныхъ и ратниковъ. — М. Е. Соломка и Г. А. Горбуновъ. †. — **В. Кузьмина-Караваева** 379
XXIV.—ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ СОБЫТІЙ 385
XXV.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 386
XXVI.—НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 387
XXVII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . . . .

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

СОРОКЪ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

СЕНТЯБРЬ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

ПЕТРОГРАДЪ.

1914.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ на 1914 г.

(Сорокъ-девятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый **М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ**, подъ редакціей **К. К. АРСЕНЬЕВА, Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО и А. С. ПОСНИКОВА,**

при ближайшемъ участіи:

И. В. ЖИЛКИНА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА, А. А. МАНУИЛОВА, М. А. СЛАВИНСКАГО, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:	По четвертямъ года:
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ и Москвѣ, съ доставкою	16 » — »	8 » — »	4 » — »
Въ друг. городахъ, съ перес.	17 » — »	8 » 50 »	4 » 25 »
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 » — »	9 » 50 »	4 » 75 »

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, Моховая, 37, въ книжныхъ магазинахъ: М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28; К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ:

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Тверской бульв., 15, въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжн. магаз. «Образованіе», Ришельевская, 12; въ книжн. магаз. «Одесскихъ Новостей», Дерибасовская, 20; въ книжн. магаз. «Трудъ», Дерибасовская, 25.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ «С.-Петербургскій Книжный Складъ» Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе.—1) Почтовый адресъ долженъ быть написанъ четко и заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію и точное названіе мѣста жительства и губерніи. Если въ мѣстѣ жительства подписчика *нѣтъ почтоваго учрежденія, гдѣ допускается выдача журналовъ, необходимо указать ближайшее почтовое учрежденіе, гдѣ таковая выдача производится.*—2) Перемѣна адреса должна быть сообщена Главной конторѣ журнала *не позже 26-го числа каждаго мѣсяца, съ указаніемъ прежняго адреса*; перемѣна адреса, поступившая въ Контору послѣ 26-го, дѣлается лишь со слѣдующаго очередного номера. За перемѣну адреса городского на иногородній уплачивается одинъ рубль; въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный, иногороднаго на городской) за перемѣну адреса никакой платы не взимается.—3) Жалобы на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала и, согласно циркуляру Почтоваго Департамента, *не позже полученія слѣдующей книжки журнала.* Жалобы, поступившія позже этого срока, равно какъ и жалобы на неполученіе книжки, *вслѣдствіе несвоевременнаго заявленія о перемѣнѣ адреса*, оставляются Конторою безъ вниманія.—4) При доплатной подпискѣ необходимо указывать свой точный адресъ и фамилію, а также и *прежній адресъ*, если предшествовавшая взносу книжка получалась подписчикомъ по иному адресу.—5) Подписныя квитанціи высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. (можно и почтовыми марками).

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“.

Моховая, 37.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ: Тверской бульв., 15.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Спб., Б. Подъяческая, 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ—СЕНТЯБРЬ.

	стран.
I. ЗАРЯ ЖИЗНИ.—Продолженіе.—Повѣсть.—**А. Ѳедорова**	5
II. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**В. Варяжскаго**	43
III. МОРОКА.—Разсказъ.—**Ал. Богданова**	45
IV. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Александра Рославлева**	81
V. СТАРАЯ ИСТОРІЯ.—Разсказъ.—**Н. Осиповича**	83
VI. ИЗЪ ВЕРЛЭНА.—Стихотворенія.—**О. Приселковой**	119
VII. НАДЪ ЛУАРОЙ.—Разсказъ.—**Алексѣя Окулова**	121
VIII. СОНЕТЪ.—Стихотвореніе.—**Г. Вяткина**	158
IX. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ВЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ.—Изящная словесность 1855—1861 годовъ и молодой читатель.—**Нестора Котляревскаго**	159
X. АВАНПОСТЪ.—Сонетъ.—**Леонида Долинина**	190
XI. А. И. ГЕРЦЕНЪ, КАКЪ НАТУРАЛИСТЪ.—**Владиміра Вагнера**	191
XII. ВОПРОСЫ ВРЕМЕНИ. — IV. Патологія словесности. — **Д. Овсянико-Куликовскаго**	206
XIII. ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫЙ.—Повѣсть Арнольда Беннетта.—Перев. съ англ. **М. Славинской**	214
XIV. ХРОНИКА. — НОВЫЯ ОСНОВЫ ОХРАНЫ ТРУДА ВЪ АНГЛІИ.—**А. Чекина**	254
XV. КИНЕМАТОГРАФЪ, КНИГА И ДѢТИ.—**А. І. Зака**	276
XVI. Б. ЗАЙЦЕВЪ.—Критическій этюдъ.—**Н. Коробки**	295
XVII. АПОЛЛОНЪ ГРИГОРЬЕВЪ. — Къ пятидесятилѣтію смерти. — **Ч. Вѣтринскаго**	315
XVIII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Украинскій вопросъ. Изданіе редакціи журнала „Украинская Жизнь“.—**К. Арсеньева.**—С. И. Гусевъ-Оренбургскій. Враги. Т. XI. Изд. „Жизнь и Знаніе“.—**Е. К.**—С. Подъячевъ Забытые. Изд. „Освобожденіе“.—**Е. Колтоновской**	326
XIX. АНАТОЛІЙ КОНСТАНТИНОВИЧЪ ЛЯДОВЪ.—**Виктора Вальтера**	331
XX. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Война и настроеніе страны.—Какъ выдержаны первые дни всенароднаго испытанія. — Прочность національной ткани государства. — Общее одушевленіе. — Жертвы и подъемъ общественной энергіи. — Крестьянская помощь „міромъ“. — Великое отрезвленіе Россіи. — Поразительные результаты мѣсячнаго опыта.— Благодарность и мольбы населенія о продленіи опыта. — Народная трезвость, какъ внутренняя и неожиданная побѣда.—**И. Жилкина**	333
XXI. ВОЙНА И НАЦІОНАЛЬНОСТИ.—**К. Арсеньева**	342
XXII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Война и дипломатическіе подлоги.—Безуміе прусскаго милитаризма.—Проявленіе массоваго психоза въ Германіи.—	

стран.

Страхъ передъ шпіонами и германскія звѣрства. — Средневѣковые пріемы Вильгельма II и его войскъ. — Упраздненіе международнаго права.—Неизбѣжные практическіе выводы.—Положеніе дѣлъ во Франціи. — Перспективы войны. — Смерть папы Пія X. — Избраніе папы Бенедикта XV 350

XXIII. ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. — Отраженіе войны во внутренней жизни.—Главныя черты общественнаго настроенія.—Война и отрезвленіе народа.—Всероссійскій земскій и городской союзы. — Задачи союзовъ.—Призрѣніе семействъ запасныхъ и ратниковъ.—М. Е. Соломка и Г. А. Горбуновъ †.—**В. Кузьмина-Караваева** 369

XXIV. ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ СОБЫТІЙ 379

XXV. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 385

XXVI. НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 386

XXVII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 387

ПОПРАВКА.

Въ рецензію г. Ч. Вѣтринскаго (августъ, стр. 354) на книгу André Mazon'a: *Un maître du roman russe, Ivan Gontcharov*—вкралась досадная опечатка.

Напечатано: Въ крайне любопытномъ письмѣ къ *Ѳ. А. Кони*...

Нужно читать: ...къ *А. Ѳ. Кони*...

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: А. С. Посникова — по субботамъ отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ ч., Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Съ К. К. Арсеньевымъ—сношенія письменно по адресу: Царское Село. Церковная улица, д. Сутугиной.

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ)

ЗАРЯ ЖИЗНИ.

Повѣсть.

(*Продолженіе*) [1]).

9.

Такъ начался первый день моей жизни въ этомъ домѣ.

Мысль о моемъ обѣщаніи написать пьесу терзала меня и отравляла все. Даже катаясь на американскихъ конькахъ, я не испытывалъ того удовольствія, которое могъ бы получить, тѣмъ болѣе, что объ этомъ узнали всѣ въ домѣ, и за завтракомъ Константинъ нѣсколько разъ насмѣшливо назвалъ меня: господинъ сочинитель. Между тѣмъ изъ всѣхъ только одинъ онъ, кажется, допускалъ, что если не теперь, то когда-нибудь, ставши сочинителемъ, я отплачу за сдѣланное мнѣ благодѣяніе тѣмъ, что опишу ихъ всѣхъ въ жалкомъ и противномъ видѣ.

— Вообще,—ѣдко заключилъ онъ,—всѣ эти господа, которые изъ крѣпостныхъ лѣзутъ въ баре и которымъ вы,—онъ насмѣшливо взглянулъ на отца,—либеральничающіе земскіе дѣятели, помогаете учиться, они покажутъ себя.

— И пусть покажутъ,—серьезно отвѣтилъ отецъ.

— Ну, ужъ нѣтъ, извините. Если я собираюсь служить и охранять родину, то ужъ, конечно, не для того, чтобы терпѣть всѣхъ этихъ враговъ внутри. При малѣйшей смутѣ я съ удовольствіемъ расправлюсь съ ними.

Я покуда совсѣмъ еще не чувствовалъ себя такимъ врагомъ, но уже догадывался, о чемъ онъ говоритъ.

Одно время снималъ у насъ маленькую комнатку какой-то человѣкъ, котораго звали Ермолаемъ. Жилъ онъ у насъ подъ видомъ переплетчика, и я помню у него множество какихъ-то

---

[1]) См. Августъ, стр. 5.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

маленькихъ книжечекъ съ зелеными корешками. И помню, какъ однажды ночью къ намъ нагрянули жандармы и все въ домѣ перевернули вверхъ дномъ. Лазили на чердакъ, вскрывали половицы и увезли всѣ Ермолаевы книжки, но самъ онъ успѣлъ бѣжать. Отецъ съ таинственнымъ видомъ долго потомъ разсказывалъ близкимъ знакомымъ, что Ермолай былъ святой души человѣкъ и что онъ распространялъ книжки о томъ, какъ господа обижаютъ бѣдныхъ, темныхъ людей...

Покуда Константинъ говорилъ, я не поднималъ глазъ, но во мнѣ закипало непріязненное чувство къ нему, и я думалъ, что, если дѣйствительно буду сочинителемъ, не пощажу его, какъ своего врага. Если же придется встрѣтиться въ борьбѣ лицомъ къ лицу, я съ радостью погибну.

И такъ ясно представилъ себѣ я эту сцену борьбы, что едва могъ сдержать свое волненіе и какія-то новыя для меня слезы.

Въ то же время въ головѣ моей засвѣтилась какая-то мысль, изъ-за которой начала мерещиться неожиданная для меня самого возможность сочинить пьесу.

Тотъ маленькій кругъ представленій, изъ котораго я до этой минуты не могъ вырваться и гдѣ дѣло не шло дальше разбойниковъ и спасенія, словомъ, всего того, что я уже использовалъ въ выдуманномъ мною снѣ, сразу какъ-то разомкнулся и пока еще смутно въ немъ открывался спасительный для меня просвѣтъ...

— Ну, мы никогда не сойдемся съ тобой на этомъ,— примиренно, но все еще серьезно отвѣтилъ отецъ на всѣ его вызывающія рѣчи.

Мать печально подняла голову и, глядя мимо нихъ, какъ будто про себя проговорила:

— Зато на другомъ вы сходитесь отлично.

И въ ея лицѣ, еще болѣе усталомъ, чѣмъ вчера, появилась не то брезгливая, не то горестная гримаса.

— Мама нынче всю ночь не спала,—сообщилъ мнѣ послѣ завтрака Миша.—Все дожидалась папу и Константина. Я подслушалъ, какъ Петръ говорилъ Полѣ, что они вернулись на разсвѣтѣ и Константинъ былъ подвыпивши. Мама потому и Олечку отдала въ институтъ, что она не хочетъ, чтобы та знала и видѣла такія штуки.

Это открытіе вызвало во мнѣ чувство, похожее на удовлетвореніе. Значитъ, не только у бѣдныхъ, темныхъ людей, но и у бо-

гатыхъ, образованныхъ господъ бываетъ такое. Что нехорошо себя велъ Константинъ, это мнѣ казалось естественнымъ, но то, что заодно съ нимъ былъ отецъ его, такой добрый, заступавшійся за бѣдняковъ, это мнѣ казалось дикимъ и по-настоящему меня огорчало, даже возмущало. Отецъ долженъ былъ бы останавливать сына, а онъ самъ потакаетъ ему.

При всей этой неурядицѣ, повидимому, я долженъ былъ больше всего сочувствовать его женѣ, а между тѣмъ, мнѣ почему-то гораздо больше было жаль самого виновника и особенно Олечку, которая изъ-за того, что они нехорошо живутъ, должна оставаться внѣ родительскаго дома.

Благодаря своей неженской молчаливости Олечка съ перваго раза представлялась мнѣ загадочной, теперь же изъ-за того, что я узналъ, она уже являлась передо мной страдалицей, и я ей простилъ за это нѣсколько горделивое отношеніе ко мнѣ.

А можетъ быть... Тутъ меня озарило предположеніе, отъ котораго сердце затрепетало. Почему она, такъ желающая быть актрисой, настаивала, что Грушенька была подкидышемъ? Вѣдь если такъ, значитъ, мы не столь ужъ далеки другъ отъ друга.

Мелодраматическія пьесы, которыя я видѣлъ на театрѣ, оказали свое вліяніе на мое воображеніе. Я началъ склоняться къ мысли, что Олечка знаетъ страшную тайну и считаетъ себя подкидышемъ.

Это смѣлое предположеніе еще болѣе помогало оправданію моей надежды. Являлась какая-то ниточка, за которую я могъ ухватиться.

Я рѣшилъ немедленно приступить къ сочиненію пьесы и сообщилъ объ этомъ Мишѣ, а Миша, конечно, тотчасъ же выболталъ сестрѣ.

— Посмотримъ,—сказала она.—Но только...—тутъ, поглядѣвъ на Мишу, она нѣсколько замялась. Потомъ покраснѣла, встряхнула головой и закончила:—Только, кромѣ главной роли для меня, еще должна быть главная роль для Эди,—скороговоркой сообщивъ это имя, она гордо повернулась и ушла, точно маленькая королева, отдавшая свое приказаніе подданному.

— Кто такой этотъ Эди?—спросилъ я Мишу.

Онъ лукаво подмигнулъ мнѣ и таинственно сообщилъ:

— Это въ котораго она влюблена. Сынъ богатаго англичанина, доктора Райта. Онъ очень красивый, всѣ дѣвочки въ него влюблены, и оттого зазнается.

Это открытіе больно укололо меня. Я сразу возненавидѣлъ этого неизвѣстнаго мнѣ Эди, и мое рѣшеніе сочинить пьесу внезапно поколебалось.

Между тѣмъ Миша провелъ меня въ комнату, далъ мнѣ совсѣмъ новую тетрадку и новое перо и сказалъ:

— Вотъ будетъ хорошо, когда ты сочинишь пьесу.

И, притворивъ дверь, онъ сѣлъ противъ меня у стола и заявилъ:

— Сочиняй.

Опустивъ на облокоченныя руки голову, онъ уставился прямо на меня, повидимому, не желая потерять ничего изъ того чуда, которое я долженъ былъ сотворить.

— Сочиняй. Я мѣшать не буду, я буду только смотрѣть, какъ ты будешь сочинять.

Я обмеръ. На меня какъ будто нашелъ столбнякъ. Хорошо ему смотрѣть. А на что смотрѣть?

Я сѣлъ на стулъ съ такимъ чувствомъ, какъ, помнилось мнѣ, въ первый разъ садился верхомъ на лошадь. Взялъ въ руку перо и выжидательно посмотрѣлъ на тетрадку. Ничего сейчасъ не написать, значитъ, навѣки погубить себя. И я старательно вывелъ на первомъ листѣ крупными буквами слово, которое крѣпко зацѣпилось въ моей памяти:

ПОДКИДЫШЪ.

Написалъ и самъ еще больше растерялся. Это слово къ чему-то обязывало меня, но передо мной выросла стѣна до небесъ, и за этой стѣной я ничего не видѣлъ. Пропало и то, что смутно мерещилось мнѣ. Я чувствовалъ, какъ то блѣднѣю, то краснѣю отъ волненія.

Между тѣмъ Миша, очевидно, пораженный тѣмъ, что я такъ скоро приступилъ къ сочиненію, заглянулъ въ тетрадку, прочелъ заглавіе и не могъ сдержать своего восхищенія:

— Подкидышъ. Это, должно быть, будетъ ужасно интересно. Разскажи мнѣ, какъ это будетъ.

Голова моя заработала. И фантазія, какъ лошадь, на которую я сѣлъ въ первый разъ, неуклюже побѣжала впередъ. Только бы не сорваться и не упасть.

— Вотъ. У одного графа... Очень богатаго графа... Такого богатаго, что ему некуда было деньги дѣвать, была жена. Но дѣтей у нихъ долго не было. Вотъ разъ поѣхалъ графъ однажды на охоту и два дня и двѣ ночи не былъ дома. А поѣхалъ-то онъ не на охоту, какъ сказалъ женѣ, а къ старику-лѣснику, который былъ его крѣпостной, онъ же былъ и колдунъ. И графъ велѣлъ колдуну, чтобы онъ наколдовалъ ему ребенка. Пріѣзжаетъ

графъ отъ колдуна домой, а графиня уже родила ему дѣвочку. Да, я забылъ тебѣ сказать, что у нихъ былъ еще одинъ мальчикъ-пріемышъ. Когда они стали большіе, они хотѣли жениться. А графъ и графиня не позволили, потому что на ней хотѣлъ жениться принцъ, а пріемыша за дерзость приказали своимъ слугамъ казнить.

Миша сидѣлъ, вытаращивъ глаза, и это подхлестывало мою фантазію. Не разъ также я разсказывалъ небылицы своимъ товарищамъ, выдумывая то, чего со мной никогда не случалось.

Съ воодушевленіемъ я продолжалъ:

— Но слуги пожалѣли пріемыша и отвезли его въ лѣсъ, чтобы онъ умеръ тамъ съ голода и чтобъ его съѣли волки. Но волковъ онъ всѣхъ убилъ, а самъ заплутался и упалъ отъ голода. Тутъ его нашелъ старикъ-лѣсникъ.

— Тотъ самый колдунъ?—спросилъ Миша.

Я важно кивнулъ головой.

— Тотъ разспросилъ его, а онъ разсказалъ ему свое горе. Тогда старикъ сказалъ: я тебѣ въ твоей бѣдѣ помогу. И одѣлись они музыкантами и пошли въ графскій домъ. Въ графскомъ домѣ готовились къ свадьбѣ и очень обрадовались музыкантамъ. Потому что принцева невѣста стала очень грустная съ тѣхъ поръ, какъ пропалъ пріемышъ. А тѣмъ и на руку. Пробрались они къ ней и уговорили ее бѣжать съ ними въ лѣсъ отъ нелюбимаго принца и тамъ пожениться.

— А развѣ въ лѣсу была церковь?—спросилъ Миша.

Этотъ вопросъ меня нѣсколько озадачилъ, но я тотчасъ же нашелся.

— Чудакъ. Да вѣдь старикъ-то колдунъ былъ.

— Въ колдовской церкви грѣхъ вѣнчаться.

— Такъ они могли въ другой городъ поѣхать.

— Правда.

— Ну, вотъ, повѣнчались они, а въ это время принцъ и графъ разыскивали, разыскивали ихъ и нашли въ лѣсу. Только-что они хотѣли убить пріемыша, какъ старикъ упалъ на колѣни передъ графомъ и повинился.

— Въ чемъ повинился?

— А въ томъ, что принцева невѣста совсѣмъ не графская дочь, а дочь старика.

Миша въ изумленіи развелъ руками.

Тогда я побѣдоносно закончилъ:

— Вотъ то-то и она-то. Послѣ того, какъ графъ уѣхалъ

отъ старика, старикъ взялъ свою дочку, обогналъ графа и, когда графиня спала, подкинулъ дѣвочку ей на постель.

— Вотъ такъ штука, — сказалъ Миша и покачалъ головой.

— Когда принцъ и графъ узнали правду, принцъ отказался отъ мужички, а графъ похвалилъ старика, что онъ спасъ пріемыша и, когда умеръ, оставилъ все королевство ему.

— У графовъ не бываетъ королевства,—замѣтилъ Миша. У нихъ только бываютъ замки.

— Ну, это все равно. И замки, и всѣ свои богатства.

Миша радостно засмѣялся. Онъ пришелъ въ полный восторгъ отъ этой исторіи. Не могъ усидѣть на мѣстѣ и сорвался, чтобы тотчасъ же оповѣстить Олечку, что я уже сочинилъ пьесу.

Но лишь только онъ исчезъ за дверями, меня объялъ настоящій ужасъ. Что же это я надѣлалъ? Вѣдь если Миша, который ничего не знаетъ, не догадался, такъ ужъ Олечка-то догадается навѣрное. А если даже и она не знаетъ страшной тайны, то родители ея, которыхъ я вывелъ подъ видомъ графа и графини, увидѣвъ, что мнѣ все извѣстно, навѣрное прогонятъ меня изъ своего дома, а то и еще сдѣлаютъ мнѣ что-нибудь похуже.

Какъ быть? Не разсказывать Олечкѣ, но вѣдь ей тогда разскажетъ все Миша.

Я почувствовалъ, что падаю съ своего коня прямо въ бездну.

Какъ разъ въ эту минуту Миша пришелъ съ Олечкой.

10.

У меня оставался одинъ выходъ: сказать, что всю эту исторію я не сочинилъ, а прочиталъ въ книжкѣ или слышалъ отъ матери. Но въ такомъ случаѣ я оказался бы хвастуномъ передъ Мишей, которому только-что выдалъ это сочиненіе за свое.

Съ отчаяніемъ взглянулъ я на Олечку, стараясь по ея глазамъ угадать, какъ мнѣ поступить.

Но въ ея глазахъ было только любопытство и ожиданіе.

— Гдѣ же пьеса, которую вы сочинили?—спросила она.

— Замѣчательная пьеса. Замѣчательная пьеса!—возбужденно расхваливалъ Миша.

Для меня это было открытіе. Я никакъ не думалъ, что то, что выдумалъ—пьеса. И сознался, что не написалъ ее.

Миша махнулъ рукой.

— Это все равно. Ты потомъ напишешь, а теперь разскажи.

У меня захватило духъ. Все равно, была не была, пускай прогонятъ,—въ отчаяніи рѣшилъ я и сталъ разсказывать Олечкѣ еще болѣе связно, гладко и подробно то, что̀ разсказалъ Мишѣ.

Къ моему удивленію Олечка ни разу не выдала себя во время моего разсказа, и я уже начиналъ сомнѣваться, дѣйствительно ли она подкидышъ.

Это значительно облегчило мою душу. И по временамъ у меня неожиданно являлись новыя сцены и даже цѣлые разговоры между героями.

Вниманіе, съ которымъ она слушала, волновало и возбуждало меня. Съ трепетомъ и гордостью я видѣлъ, какъ у нея на ея худенькомъ чуткомъ лицѣ отражались всѣ перемѣны чувствъ.

Миша переводилъ глаза съ меня на нее: что̀, молъ, каково?

Тѣ новыя черты, которыя я вносилъ въ свое сочиненіе, теперь окончательно убѣдили его, что авторъ я.

И когда разсказъ былъ конченъ, Олечка долго смотрѣла на меня пристально и удивленно.

Отъ этого взгляда расширялось и расцвѣтало мое сердце. Я чувствовалъ къ ней такую безконечную нѣжность, что если бы она въ эту минуту протянула мнѣ руку, даже просто подошла бы ко мнѣ, я бы расплакался отъ восторга.

Но она молча встала, заложила руки за спину, взглянула почему-то на Мишу, который ожидалъ нетерпѣливо ея приговора, разинувъ ротъ и, поблѣднѣвъ, какъ будто отъ усталости, опуская рѣсницы, вздохнула.

Прежнее опасеніе пронзило меня, и пока Олечка неподвижно стояла такъ, напоминая изваяніе, я испытывалъ такую муку, точно былъ на эшафотѣ.

Но вотъ рѣсницы ея открылись и освѣтили всего меня ласковымъ сіяющимъ свѣтомъ.

— Мнѣ очень, очень нравится эта пьеса, — сказала она тихо.

Я весь обомлѣлъ отъ восторга.

Она раскрыла ротъ, хотѣла еще что-то сказать, но взгля-

нула на Мишу и молча, съ заложенными за спину руками, прошлась по комнатѣ.

Но Миша послѣ ея словъ не выдержалъ и, возбужденно подпрыгивая, изливалъ свои чувства:

— Я тебѣ говорилъ! Я тебѣ говорилъ! А ты не вѣрила. А еще говорила, что если и сочинилъ, то не самъ.

Она остановилась въ углу и, значительно глядя на меня, произнесла:

— Я говорила, пока не знала. А теперь я знаю. Я вижу, что это онъ сочинилъ самъ, потому что... потому что...

Но тутъ она запнулась, покраснѣла, и у меня опять захватило духъ.

— Все равно, я знаю почему, — торопливо и совсѣмъ смущенно закончила она.

— Если хотите, я могу еще сочинить пьесу, другую, лучше этой.

Слова эти вырвались у меня сами собой, но въ виду моего вновь возникшаго опасенія, я подумалъ, что хорошо было бы, если бы передъ ея родителями все же исполнялась другая моя пьеса.

Но она быстро закачала головой:

— Нѣтъ, нѣтъ, мы будемъ играть эту пьесу. Я, конечно, буду играть принцессу, Эди принца, а вы пріемыша.

Она опять взглянула на меня такъ же значительно и ласково, какъ раньше. И за одинъ этотъ взглядъ я готовъ былъ претерпѣть всѣ непріятности, которыя могла вызвать эта пьеса, если тайна дѣйствительно существуетъ.

Оставалось написать пьесу. Но какъ это сдѣлать? Тутъ я совсѣмъ растерялся.

Но Олечка оказалась хитрѣе насъ.

— Это пустяки, надо только посмотрѣть, какъ пишутъ другіе. Пойдемте въ папину библіотеку.

Мы отправились втроемъ въ библіотечную комнату, въ которой было такъ много книгъ, что мнѣ подумалось, что этимъ книгамъ должно быть тѣсно и душно.

Книги были въ старинныхъ переплетахъ и совсѣмъ новыя безъ переплетовъ: онѣ стояли на полкахъ и валялись на столахъ.

— Папа постоянно покупаетъ новыя книги, — сообщилъ Миша.

— А читаетъ ихъ Никодимъ Павловичъ, — добавила Олечка. — Это папинъ секретарь. Онъ очень умный, и папа его слу-

шаетъ. А мама его не любитъ за то, что онъ плохо брѣется и говоритъ на-о.

Нашли въ шкафу громадные томы Шекспира. Я въ первый разъ видѣлъ напечатанной драму и, когда мы перелистывали книгу, я былъ убѣжденъ, что вполнѣ постигъ, какъ надо писать. И готовъ былъ сейчасъ же приступить къ этому.

Но Олечка и на этотъ разъ проявила практическую сообразительность. Кромѣ того, ее одолѣвало нетерпѣніе.

— Вѣдь если вы будете все записывать, какъ здѣсь,—сказала она мнѣ, такъ вы, пожалуй, будете писать цѣлый годъ, а еще у насъ должны быть репетиціи.

Она на минуту задумалась, затѣмъ подняла вровень съ лицомъ свой тоненькій пальчикъ.

— А мы вотъ что сдѣлаемъ,—пальчикъ опустился,—мы соберемся всѣ, кто долженъ играть. Вы будете говорить, кто что долженъ дѣлать и что говорить, а мы сыграемъ сами.

Это значительно облегчало мою задачу, хотя на меня и возлагалась обязанность не только автора, но и режиссера и артиста.

Въ домѣ скоро всѣ узнали объ этой затѣѣ, и насмѣхался надъ нами только одинъ Константинъ: остальные снисходительно интересовались, особенно заинтересовался Никодимъ Павловичъ.

Я сразу почувствовалъ довѣріе къ этому человѣку. Можетъ быть, потому, что онъ дѣйствительно плохо брился, носилъ длинные волосы и говорилъ на-о: что напоминало мнѣ деревенскихъ людей. Но онъ былъ не крестьянинъ, а сынъ священника, окончилъ курсъ въ духовной академіи, но не пошелъ по родительскому пути, а служилъ въ земствѣ и, кромѣ того, писалъ статьи въ газетахъ и журналахъ.

Былъ онъ худощавъ, чернявъ, сухъ и жилистъ, и неровнымъ блескомъ своихъ глазъ напоминалъ мнѣ мою мать, что вмѣстѣ съ его слабымъ голосомъ указывало на такую же, какъ у матери, болѣзнь. У него были тонкія брови, которыя шевелились, какъ живыя, и даже когда онъ молчалъ, движенія его бровей мѣняли порой выраженіе его лица.

Я почувствовалъ къ нему особенное уваженіе и за его писательство, хотя онъ писалъ не тѣ сочиненія, о которыхъ мечталъ я, и за то, что, несмотря на свое подчиненное положеніе, онъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и спокойствіемъ.

Мнѣ нравилось и то, что онъ не дѣлалъ разницы между взрослыми и дѣтьми и мнѣ говорилъ—вы. Онъ говорилъ—вы—даже крошечнымъ дѣтямъ и извозчикамъ: надъ чѣмъ подсмѣивались добродушно взрослые.

Когда при нихъ зашелъ разговоръ о нашемъ театрѣ, онъ заявилъ, что театра не любитъ и не признаетъ актерское дѣло искусствомъ, но что то, что̀ предполагалось у насъ, его занимаетъ, потому что здѣсь актеры должны выступить творцами наравнѣ съ авторомъ.

— И ничего изъ этого не выйдетъ. Получится одна чепуха,—увѣрялъ Константинъ.

Миша и Олечка рѣшили не пускать его на репетиціи, чтобы онъ не мѣшалъ.

Содержаніе пьесы по моему настоянію рѣшили держать въ секретѣ, и я съ такимъ волненіемъ и тревогой ожидалъ, когда мы приступимъ къ этому дѣлу, что даже во снѣ видѣлъ цѣлыя сцены, которыя представлялъ себѣ; волновало меня и желаніе увидѣть этого Эди, которому я завидовалъ и заранѣе не любилъ.

Я сразу узналъ его прежде, чѣмъ мнѣ его назвали, хотя онъ вошелъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ товарищей, но узналъ совсѣмъ не по тѣмъ чертамъ, которыя дѣлали его мнѣ непріятнымъ. А прежде всего потому, что онъ выдѣлялся среди нихъ. Въ его стройной изящной фигурѣ, въ красивомъ, нѣсколько женственномъ лицѣ и даже въ проборѣ необыкновенно тщательно расчесанныхъ волосъ было что-то свое не русское. Хотя не русскимъ онъ былъ наполовину. Отецъ—англичанинъ, но мать—русская.

Насколько онъ былъ красивъ и женственъ, настолько двѣ сестры его, близнецы, поразительно похожія одна на другую, наоборотъ, были похожи на мальчиковъ: грубоваты лицомъ и рѣзки въ движеніяхъ, но сильны и ловки, потому что постоянно занимались гимнастикой и въ деревнѣ одѣвались мальчиками. Звали ихъ Элла и Мея.

Были и еще дѣвочки и одна очень красивая и необыкновенно тихая. Но всѣ онѣ ничего не значили передъ Олечкой.

Я очень страдалъ, когда Олечка удалилась съ Эдей въ уголъ и начала что-то оживленно шептать ему, нѣсколько разъ взглянувъ при этомъ и на меня.

Но я почти успокоился, когда онъ вслухъ сказалъ:

— А, это интересно.

Послѣ чего уже громко было объявлено всѣмъ о пьесѣ и на меня съ внимательнымъ удивленіемъ обратились нѣсколько паръ глазъ.

Я долженъ былъ опять разсказывать пьесу, но на этотъ разъ я распредѣлилъ содержаніе ея по сценамъ, которыя передъ тѣмъ пытался записать въ тетради. Но такъ какъ писать было

трудно и лѣнь, я бросилъ это скучное занятіе и понадѣялся на свою память.

Начиналась пьеса приготовленіемъ къ охотѣ, прощаніемъ съ графиней и отъѣздомъ графа. Для роли графа былъ избранъ неуклюжій, старообразый мальчикъ по фамиліи Воронковъ. Распредѣлили и другія роли, сообразно характерамъ и внѣшности.

Помощницей въ постановкѣ пьесы вызвалась быть мадемуазель Тестъ, которую подробно ознакомила съ содержаніемъ еще раньше Олечка.

Почти всѣ дѣти говорили по-французски, и мнѣ было неловко за свое невѣжество и досадно, что француженка вмѣшалась въ это дѣло, потому что она все путала и придавала нашей затѣѣ какой-то нелѣпо торжественный характеръ.

Никодимъ Павловичъ присутствовалъ здѣсь же; онъ сидѣлъ, положивъ ногу на ногу и обнявъ руками колѣно, смотрѣлъ и слушалъ, не говоря ни слова. Исполнители знали, что имъ нужно говорить, но какъ говорить, это было ужъ ихъ дѣло, и Олечка сразу съ этимъ освоилась. Всѣ другіе терялись и долгое время не могли наладиться, особенно Эди. И, если послѣднее мнѣ было непріятно, какъ автору, втайнѣ я былъ доволенъ его неспособностью, потому что видѣлъ, какую досаду вызывало это въ Олечкѣ.

Дѣло налаживалось съ большимъ трудомъ, но большинству исполнителей нравилось, что они не какъ попугаи, повторяютъ чужія слова, а должны сами ихъ выдумывать. Я помогалъ, насколько могъ и былъ страшно доволенъ, когда все время молчавшій Никодимъ Павловичъ послѣ первой сцены положилъ мнѣ руку на плечо и сказалъ:

— Молодецъ!

И еще болѣе былъ доволенъ, когда тутъ же вошла мать Олечки и съ разсѣянной улыбкой, здороваясь съ дѣтьми, спросила:

— Ну, какъ вашъ спектакль?

Мадемуазель Тестъ стала по-французски объяснять ей, а Никодимъ Павловичъ, указывая на меня, сказалъ:

— У этого мальчика есть царь въ головѣ.

— Тѣмъ лучше,—отвѣтила она, вяло улыбаясь, послѣ чего они продолжали говорить по-французски, такъ какъ въ разговорѣ приняла участіе мадемуазель Тестъ.

Я взглянулъ на Олечку и замѣтилъ, какъ она, покраснѣвъ отъ удовольствія, съ гордостью посмотрѣла на меня, но, встрѣ-

тивъ взглядъ мой, смутилась, подошла къ матери и стала ласково ластиться къ ней.

Эди какъ-то притихъ и надулся. Ему не нравилось ни представленіе, ни его роль, и видно было, что если бы не самолюбіе, онъ отказался бы отъ участія въ нашемъ спектаклѣ.

Въ видѣ маленькаго отдыха передъ слѣдующей картиной всѣ пошли къ чайному столу и, когда я случайно одинъ очутился въ корридорѣ, мимо меня быстро скользнула Олечка, и я около самаго уха своего почувствовалъ ея дыханіе и услышалъ слово, которое упало въ мой слухъ горячо и нѣжно:

— Монанжъ!

Непонятное мнѣ слово, которое я схватилъ, чтобы никогда уже его не забывать.

Ея свѣтлое платье съ легкимъ шелестомъ мелькнуло впереди меня; я же остановился посреди корридора, и эти таинственные радостные звуки звенѣли у меня въ головѣ, проникая все глубже и глубже, и точно растворяясь во мнѣ голубымъ, ласковымъ сіяніемъ.

Я не зналъ прямого смысла этого слова, но значеніе его мнѣ было близко и понятно. Однако, мнѣ этого было мало и загорѣлось мучительное желаніе узнать прямой его смыслъ.

Но какъ узнать? Спросить кого-нибудь? А вдругъ этимъ я выдамъ тайну, которая была такъ несказанно дорога мнѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ умерла мать, я ни отъ кого, кромѣ бабушки Васены, не видѣлъ ласки, той нѣжной трогательной женской ласки, безъ которой душа ребенка оскудѣваетъ и сохнетъ. Я видѣлъ, какъ на моихъ глазахъ ласкаютъ другихъ дѣтей; особенно въ этомъ домѣ, за эти нѣсколько дней моего пребыванія въ немъ, я испытывалъ настоящую тоску: сколько разъ и съ какой любовью мать Миши и Олечки ласкала ихъ; гордилась не только каждымъ ихъ добрымъ порывомъ, но и каждымъ движеніемъ ихъ.

У меня всегда въ такія минуты щемило сердце, и я дѣлалъ видъ, что не замѣчаю этого, а когда она вечеромъ подходила къ кровати сына, поправляла одѣяло на немъ, если онъ спалъ, или, наклонялась надъ нимъ и благословляла его, мнѣ вспоминалась моя мать, пріучившая меня за свою недолгую жизнь къ нѣжности и ласкамъ. Я весь сжимался въ комокъ, скрылся подъ одѣяло, притворяясь спящимъ и въ первыя ночи плакалъ, забивая въ ротъ простыню, чтобы не выдать себя.

Проходя мимо меня, она иногда вскользь роняла:

— Спокойной ночи, мальчикъ.

Если бы она также подошла ко мнѣ, приласкала и благословила меня, я бы, несмотря ни на что, помнилъ это всю жизнь. Но она, хотя Миша и поправлялъ ее всегда, даже рѣдко меня называла по имени, точно уже одно созвучіе нашихъ именъ въ ея глазахъ равняло со мной ея сына.

Я былъ для нея просто мальчикъ, чужой мальчикъ, взятый не то для развлеченія, не то для подбадриванія ея сына въ ученіи:—для пристяжки,—какъ зло и мѣтко опредѣлилъ мое положеніе въ домѣ Константинъ.

И они, несмотря на оказанное благодѣяніе, оставались мнѣ до сихъ поръ чужими. Еще въ первый день моя растроганная неожиданной перемѣной душа чего-то ждала, и мнѣ даже неловко было звать старшихъ по имени, но я скоро понялъ, что иначе нельзя, и хотя избѣгалъ звать мать Миши Дарья Николаевна, а отца—Хрисанѳъ Андреевичъ, это было только по непривычкѣ.

Миша ко мнѣ былъ внимательнѣе всѣхъ, но и въ его отношеніи не чувствовалось настоящей близости и равенства. Самъ не знаю почему, я не считалъ его особенно надежнымъ. Такъ ко мнѣ относился онъ по новизнѣ и потому, что ему нравилось оказывать мнѣ покровительство.

За то теперь, когда Олечка сказала мнѣ это слово, я перешагнулъ за грань, раздѣлявшую насъ, и всѣ они стали мнѣ сразу много ближе и роднѣе, чѣмъ до этого важнаго событія.

— «Монанжъ, монанжъ»,—твердилъ я себѣ съ замирающимъ сердцемъ.—Пять, десять, двадцать, сто разъ. Меня одолѣвалъ страхъ, что я могу забыть это слово. Побѣжать и записать его. Но записать простыми чернилами и карандашемъ на бумагѣ, это мнѣ казалось почти кощунствомъ; записать своей кровью, обрѣзать перочиннымъ ножемъ палецъ и записать. Нѣтъ, и это недостойно. Никакія силы меня не заставятъ забыть его.

Когда мы сѣли пить чай, Олечки не было. Она долго не появлялась, и Миша, побѣжавшій разыскивать ее, сообщилъ, что нашелъ ее въ людской, гдѣ она подставила свое лицо подъ кранъ съ ледяной водой.

Мать забезпокоилась, что она можетъ простудиться, и сама пошла за ней и вскорѣ ее привела, покраснѣвшую, какъ-то неестественно оживленную.

На меня она даже не взглянула.

— Вѣчные фокусы,—пробурчалъ Константинъ, который уже сидѣлъ за столомъ, когда мы пришли, и былъ недоволенъ,

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

когда мать отказала ему на этотъ разъ при дѣтяхъ дать къ чаю ромъ.

Нашу репетицію онъ, конечно, не удостоилъ вниманіемъ. И, когда Никодимъ Павловичъ, какъ бы продолжая какой-то давній споръ съ нимъ, сказалъ, что то, что онъ видѣлъ сейчасъ, можетъ служить залогомъ и оправданіемъ для новаго театра будущаго, тотъ пренебрежительно усмѣхнулся:

— Воображаю. Вѣроятно, это будетъ такой же необыкновенный театръ, какъ эта графиня изъ пьесы господина сочинителя,—кивнулъ онъ на меня головой,—которая съумѣла за двое сутокъ отсутствія своего супруга наградить его чудесной дочерью.

Мать съ испугомъ взглянула на дѣтей, но, повидимому, никто не понялъ его иронiи. Она съ укоромъ взглянула на него и покачала головой.

Я понялъ, что сдѣлалъ какую-то ошибку въ пьесѣ, но что Дарья Николаевна за меня безмолвно заступилась.

— Меня такъ, наоборотъ, восхищаетъ эта наивность,—сказалъ Никодимъ Павловичъ.—Но, конечно, дѣло даже не въ пьесѣ, а въ новомъ опытѣ, который можетъ спасти театръ.

— А условности, на которыя вы такъ нападаете, условности все-таки останутся. И такъ же, какъ и прежде въ театрѣ, все будетъ грубо закончено или, какъ вы выражаетесь, матеріализовано и такъ же, какъ и прежде, публика будетъ лишена того совмѣстнаго творчества съ авторомъ, которое, по вашему мнѣнію, нужно цѣнить выше всего и которое мыслимо только при чтеніи.

— Да,—возразилъ Никодимъ Павловичъ, со спокойствіемъ, изъ котораго онъ никогда не выходилъ.— Но тутъ публика будетъ присутствовать при проявленіи коллективнаго творчества, а это ужъ много.

Они заспорили. Константинъ горячился, но говорилъ, какъ мнѣ казалось, очень красиво и складно. А главное, у него была подкупавшая меня страсть къ театру, въ то время, какъ Никодимъ Павловичъ явно почти презиралъ театръ.

Неудивительно, что Никодимъ Павловичъ, несмотря на это, мнѣ казался необыкновенно умнымъ, но то, что такимъ же умнымъ представлялся мнѣ и Константинъ, сидѣвшій въ каждомъ классѣ по два года, негодовавшій на то, что освободили крестьянъ, которыхъ онъ, навѣрное, меньше считалъ за разумныхъ существъ, чѣмъ свою лошадь, это меня поражало.

Я мало понималъ ихъ споръ, да мнѣ было и не до того. Я

никакъ не могъ уяснить себѣ, что̀ значило, что Олечка, послѣ брошеннаго ею мнѣ слова, какъ будто даже забыла о моемъ присутствіи. Можетъ быть, я ошибся, и мнѣ вовсе нечего радоваться этому слову. Можетъ быть, наоборотъ, оно обидно для меня или просто ничего не значитъ.

Но я вспомнилъ жаркое дыханіе ея около моего уха и эту музыку нѣжности, которая была въ ея голосѣ. Нѣтъ, ошибиться я не могъ.

Лихорадочно, нетерпѣливо хотѣлось подтвердить это убѣжденіе.

— «Монанжъ, монанжъ», — повторялъ я мысленно, стараясь по звукамъ вникнуть въ значеніе самого слова.

Но эти безплодныя попытки только растравляли мое сердце.

Я рѣшилъ во что бы то ни стало добиться яснаго разрѣшенія этой загадки, но для этого необходимо было изобрѣсти какую-нибудь хитрость, чтобы никому и въ голову не пришло, почему я объ этомъ спрашиваю и откуда ко мнѣ залетѣло это слово.

11.

Репетиція продолжалась, но мое горькое недоумѣніе запутывалось все болѣе. Я какъ будто совсѣмъ не существовалъ для Олечки и все, что̀ я говорилъ, словно говорилъ не я, такой же человѣкъ, какъ и они, а только голосъ, у котораго нѣтъ ни тѣла, ни лица, ни глазъ, ни сердца; она даже иногда смотрѣла въ мою сторону, когда это было неизбѣжно, но взглядъ ея ни разу не встрѣтился съ моимъ взглядомъ. Она глядѣла или мимо меня, или черезъ меня, точно я былъ духъ.

Можетъ быть, это потому, что здѣсь присутствуетъ мать, и она боится себя выдать. Но та сидитъ съ Никодимомъ Павловичемъ и хотя извѣстно, что она его не любитъ, бесѣдуетъ съ нимъ не только любезно, а даже иногда заискивающе. Этотъ человѣкъ, повидимому, въ ихъ домѣ имѣетъ особенную силу.

За глаза о немъ отзываются недоброжелательно всѣ, не исключая и Хрисанѳа Андреича: онъ и дурно воспитанъ, и тяжелъ, и прямолинеенъ, а въ глаза только одинъ Константинъ споритъ съ нимъ.

Матери сейчасъ не до того, чтобы слѣдить за нами, но если бы и такъ, почему же, не обращая вниманія на меня, Олечка опять стала такъ внимательна къ Эди? Не потому ли, что, желая отомстить ей за только-что проявленную небрежность, онъ сталъ ухаживать за этой красивой тихоней Любой?

Я напрасно мучаюсь и ломаю себѣ голову; единственнымъ ключомъ остается все то же слово; пока оно не объяснилось, нечего и думать о покоѣ. Эта загадка мѣшаетъ мнѣ продолжать мое дѣло. Иногда я путаюсь и теряюсь и съ ужасомъ думаю, что могу совсѣмъ оказаться безпомощнымъ, если будетъ продолжаться такъ.

Но судьба неожиданно выручаетъ меня: у Олечки развязалась ленточка въ одной изъ ея чёрныхъ косъ, которую она по временамъ перекидываетъ то черезъ плечо на грудь, то обратно. Я давно вижу, что она можетъ потерять ленточку, но не смѣю сказать. Мнѣ даже хочется, чтобы ленточка упала и чтобы я поднялъ ее и подалъ ей раньше, чѣмъ успѣетъ сдѣлать это кто-нибудь другой, особенно Эди.

Но тутъ мать замѣчаетъ этотъ безпорядокъ и подзываетъ ее къ себѣ:

— Подойди ко мнѣ, mon ange.

Я едва не вскрикнулъ, услышавъ это слово. Правда, тонъ его былъ не тотъ, который прозвучалъ мнѣ, но ошибиться я не могъ. Я увѣренъ въ этомъ уже по одному тому, что Олечка метнула на меня послѣ этого слова быстрый, встревоженный взглядъ, покраснѣла и, отвернувшись отъ меня, наклонила къ матери голову.

Пока та завязывала ей ленточку, я съ бьющимся сердцемъ обратился къ Мишѣ.

— Что значитъ это слово мон-анжъ, которое сейчасъ сказала твоя мама?

— Это не одно слово, а два: mon ange—Mon значитъ мой, а—ange—ангелъ. Мой ангелъ.

Черная птица улетѣла изъ моего сердца. Какъ бы теперь Олечка ни держала себя по отношенію ко мнѣ—я знаю, что̀ знаю.

Меня охватываетъ такая радость, что хочется прыгать и смѣяться. Всѣ эти дѣти, которыя за минуту передъ тѣмъ представлялись мнѣ не только чужими, но и почти враждебными, всѣ, не исключая Эди, кажутся мнѣ милыми и необыкновенно привлекательными; они уже больше не относятся ко мнѣ, какъ къ низшему, и совсѣмъ не замѣчаютъ того, что̀ на мнѣ надѣто Мишино платье и бѣлье.

Но я ничѣмъ не выдаю себя. Мысль моя опять становится легкой и подвижной, особенно тамъ, гдѣ приходится играть за самого себя. Тутъ я выдумываю такія слова и сцены съ Олечкой, что Никодимъ Павловичъ переглядывается съ Дарьей Ни-

колаевной и, когда неожиданно является Хрисанѳъ Андреичъ, я слышу, какъ онъ говоритъ имъ:

— Поздравляю васъ. На этотъ разъ доброе дѣло, которое вы дѣлаете, можетъ дѣйствительно оказаться добромъ. У мальчика чувствуются настоящіе задатки. Вотъ вамъ новое свидѣтельство, что въ народѣ таятся богатыя творческія силы. Напрасно Константинъ Хрисанѳычъ отказывается посмотрѣть. Это кое-въ-чемъ его бы разубѣдило.

Хрисанѳъ Андреичъ смѣется, поднявъ брови, и похлопываетъ меня по спинѣ.

— Ну, ну, отлично, отлично. Только смотри, когда станешь сочинителемъ, не напиши на меня какого-нибудь пасквиля.

Но жена его выслушиваетъ похвалы мнѣ, чуть-чуть безпокойно щуря глаза и странно улыбаясь однимъ уголкомъ губъ.

— Да, да,—роняетъ она слова—однако, я нахожу, что тутъ слишкомъ много говорится о любви.

— Но вѣдь это только слова,—возражаетъ Никодимъ Павловичъ.

— Ахъ, отъ словъ недалеко и до дѣла,—говоритъ она какъ бы про себя и бросаетъ взглядъ на мужа.

— Тѣмъ лучше, mon ange, тѣмъ лучше,—смѣясь, подхватываетъ онъ, чѣмъ раньше они начнутъ разбираться въ этихъ дѣлахъ, тѣмъ скорѣе поймутъ ихъ настоящую цѣну. Не правда ли, Никодимъ Павловичъ?

— Ну, я въ этихъ дѣлахъ мало понимаю,—грубовато отвѣчаетъ онъ.

Весь этотъ короткій разговоръ былъ понятенъ мнѣ лишь наполовину. Я видѣлъ только, что Дарья Николаевна не совсѣмъ довольна мною, и это опять мнѣ внушило нѣкоторыя опасенія за предполагаемую ранѣе тайну.

Но мысль моя не останавливалась на этомъ; меня едва-ли не болѣе занимало то, что я вотъ въ третій разъ сегодня услышалъ эти два дорогія для меня слова, и каждый разъ они звучали иначе. Значитъ, помимо прямого смысла этихъ словъ, важно еще, какъ они сказаны, и, пожалуй, это самое главное.

И съ чѣмъ бы теперь ни обращалась ко мнѣ Олечка, въ самыхъ пустыхъ ея словахъ будетъ мнѣ слышаться та музыка, которая сейчасъ заполняла всего меня.

Едва Олечка замѣтила, что настроеніе мое измѣнилось, она опять перестала обращать вниманіе на Эди, и во время перерыва тотъ взялъ подъ руку Мишу и, совѣщаясь съ нимъ о чемъ-то, ушелъ въ его комнату.

Черезъ нѣсколько минутъ Миша вышелъ оттуда съ таинственнымъ лицомъ и что-то шепнулъ Олечкѣ. Та гордо встряхнула головой и сначала вмѣсто отвѣта ограничилась только гримасой, но, замѣтивъ, что я видѣлъ эту сцену, перекинула косу съ груди на спину и пошла, конечно, туда, гдѣ ожидалъ ее Эди.

Миша подбѣжалъ ко мнѣ и увлекъ меня въ уголъ.

— Кажется, между Эди и Олечкой все кончено.

— А ты почему знаешь?

— Какъ почему! Онъ сейчасъ попросилъ у меня бумаги и чернила и конвертъ, все самое лучшее и написалъ ей письмо.

— Ну?

— Онъ написалъ ей: «Если вы меня, Олечка, больше не любите, прошу мнѣ отвѣтить на это письмо, тогда я влюблюсь въ Любочку Разсудову».

— А ты почему знаешь, что онъ это написалъ?

— Какъ почему! Онъ мнѣ прочиталъ. Запечаталъ въ конвертъ и написалъ на конвертѣ: «Олечкѣ. Весьма нужное».

— Гдѣ же это письмо?

— А вотъ онъ и просилъ позвать Олечку, чтобы отдать ей его.

Меня охватило неодолимое любопытство. Я бы, кажется, отдалъ отрубить себѣ палецъ на рукѣ, только бы узнать, что они тамъ говорятъ.

Какъ я обрадовался, когда Миша сказалъ:

— Ну, я побѣгу туда и узнаю, что отвѣтитъ ему Олечка.

Онъ исчезъ, а я остался, какъ на угольяхъ.

Любочка, которая играла графиню, подошла ко мнѣ и стала просить помочь ей въ ея роли.

Какъ я желалъ, глядя на нее, чтобы она была еще красивѣе, чѣмъ есть, и чтобы дѣйствительно въ нее влюбился Эди.

Занятый этой мыслью, я не отвѣтилъ ей сразу и, вѣроятно, по своей разсѣянности имѣлъ очень нелѣпый видъ, потому что она вдругъ залилась смѣхомъ. Я и прежде у нея замѣтилъ эту странную особенность переходить внезапно къ самому неудержимому хохоту изъ длительнаго состоянія своей тихой задумчивости. Тогда она долго не могла успокоиться и смѣялась до слезъ. Но затѣмъ этотъ смѣхъ также неожиданно прерывался, и красивое лицо ея опять становилось грустнымъ и тихимъ.

Но меня этотъ смѣхъ ея смутилъ. Навѣрное, она догадалась о моемъ чувствѣ къ Олечкѣ и смѣется надо мной. Можетъ быть, дѣйствительно, со стороны Олечки эти два слова были

только насмѣшкой, и она шепнула объ этомъ своей подругѣ, и та хохочетъ надъ моей глупой довѣрчивостью.

Неудержимый смѣхъ дѣвочки заразилъ и другихъ дѣтей: глядя на нее, они также стали смѣяться, и скоро вся комната звенѣла отъ этого безудержнаго дѣтскаго смѣха, который заставлялъ нѣкоторыхъ падать въ кресла, на диванъ, дрыгать ногами и руками.

Дарья Николаевна, при видѣ этого безпричиннаго смѣха, сама невольно улыбаясь, старалась успокоить дѣтей. Но это ей не удавалось. Никто не слушалъ ея словъ, тогда она, разводя руками, обернулась къ Никодиму Павловичу. Но тотъ, сначала съ недоумѣніемъ оглядывавшій эту хохочущую компанію, вдругъ расхохотался самъ, да еще такимъ веселымъ смѣхомъ, какого я никакъ не ожидалъ при его серьезномъ, всегда спокойномъ лицѣ.

Какъ разъ въ эту минуту вошелъ Эди. Продолжая смѣяться, всѣ обернулись къ нему, какъ бы приглашая принять участіе въ этомъ сумасшедшемъ весельѣ, но онъ, взволнованный, блѣдный, ничего не понимая, остановился въ дверяхъ, и вдругъ блѣдность его уступила краскѣ, которая такъ измѣнила его лицо, что оно стало некрасивымъ. Ему представилось, что смѣются надъ нимъ, надъ его пораженіемъ, о которомъ онъ разсказалъ Мишѣ.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, остановился среди комнаты, гнѣвно оглянулъ всѣхъ и, топнувъ ногою, закричалъ, заикаясь отъ волненія:

— Вы не смѣете смѣяться надо мною!

Смѣхъ сразу оборвался. Всѣ подняли на него глаза.

Но онъ уже не владѣлъ собою:

— Да, да, вы не смѣете! Это стыдно. Это гадко.

Губы его тряслись, и подергивались руки со сжатыми кулаками; въ искаженномъ лицѣ и въ глазахъ трепетала истерическая вспышка; голосъ дрожалъ и становился пронзительнымъ:

— Я не виноватъ, что она разлюбила меня. Она мнѣ сама сказала, она созналась. Да, да, сами спросите ее. Вотъ спросите. Спросите,—указывалъ онъ на дверь, гдѣ одновременно съ Мишей появилась Олечка и замерла, испуганная этой безумной сценой.

Дарья Николаевна и Никодимъ Павловичъ бросились къ нему, стараясь его успокоить, но появленіе Олечки окончательно лишило его разсудка.

— Она сама созналась мнѣ, что влюбилась въ него. Вотъ въ него,—выкрикнулъ онъ звенящимъ отъ слезъ голосомъ и ткнулъ пальцемъ въ моемъ направленіи.

Это былъ послѣдній взрывъ его изступленной вспышки,

послѣ котораго слезы брызнули изъ его глазъ, и онъ истерически зарыдалъ.

Но на это рыданіе, кромѣ взрослыхъ, мало кто обратилъ вниманія. Взгляды всѣхъ дѣтей устремились на меня съ жаднымъ любопытствомъ и волненіемъ, въ которомъ былъ испугъ, но еще болѣе радость неожиданнаго скандала.

Я былъ ошеломленъ до такой степени, что сначала стоялъ безъ всякихъ чувствъ и мыслей, но когда взглянулъ на Олечку и увидѣлъ ее, бѣленькую, тоненькую, какъ свѣчечка, всю горящую отъ стыда и негодованія, меня прежде всего охватила злоба противъ него за нее. Будь это не здѣсь, не въ этомъ чужомъ барскомъ домѣ, я бы зналъ, что мнѣ дѣлать.

На улицѣ, въ той средѣ, гдѣ я росъ, всякія недоразумѣнія разрѣшались очень просто. И тутъ мнѣ стоило большого труда, чтобы не броситься на этого нюню и не расквасить ему носъ.

Но я стоялъ неподвижно, задыхаясь отъ дрожи, которая проникала до самаго моего сердца.

«Мон-анжъ, мон-анжъ, мон-анжъ»,—безсмысленно вертѣлось у меня въ мозгу и, чѣмъ дальше, тѣмъ все стремительнѣе и стремительнѣе. Я какъ будто даже начиналъ видѣть эти два слова, сильныя, какъ пламя, одно—красное, другое—синяго цвѣта. Несмотря на быстроту движеній, эти цвѣта не смѣшивались и мелькали одно за другимъ до того ярко, что хотѣлось закрыть глаза.

Они вертѣлись около какой-то остро зудящей точки, и въ этой точкѣ было отчаяніе, что теперь все для меня погибло, что меня сейчасъ съ позоромъ выгонятъ изъ этого дома на улицу, на бѣлый, холодный, безпощадный снѣгъ, и никто за меня не заступится и никто мнѣ не протянетъ руку.

Я стоялъ, опустивъ голову, упершись взглядомъ въ паркетъ, который былъ блестящъ и гладокъ до того, что отражалъ смутнымъ пятномъ мое лицо. Я ни на кого не глядѣлъ, но какимъ-то чудомъ все видѣлъ. Видѣлъ, какъ бросились изъ комнаты за водой сестры Эди, какъ появился Петръ, и тутъ не забывшій этикета, съ подносомъ, на которомъ стоялъ графинъ съ водой и стаканъ. Всхлипывавшаго въ истерикѣ моего врага заставляли глотнуть воды. И точно такъ же, какъ минуту тому назадъ, всѣ были заинтересованы мною, теперь всѣ сразу отъ меня отвернулись и обступили Эди.

Даже Миша сунулся къ нему, и я остался одинъ, не смѣя поднять глазъ.

Проходившій мимо меня уже съ пустыми руками Петръ на ходу ко мнѣ наклонился и съ суровой жалостью сказалъ:

— Попала ворона въ барскія хоромы. Эхъ, ты!

Въ этихъ словахъ, особенно въ послѣднемъ восклицаніи, кромѣ жалости были и укоръ, и осужденіе.

За что?

Я не могъ сейчасъ разобраться въ этомъ. Но если онъ такъ говоритъ, значитъ, я виноватъ. Вонъ тотъ кричалъ, что онъ не виноватъ, и всѣ около него, всѣ стараются его успокоить, а отъ меня отвернулись. Что же мнѣ дѣлать?

Если бы тутъ не было Олечки, которая стояла у двери, такая же одинокая и подавленная, я бы убѣжалъ вотъ такъ, какъ есть, изъ этихъ красивыхъ стѣнъ, отъ этихъ чужихъ мнѣ людей на улицу.

Въ купеческій подвалъ я бы ужъ не вернулся: за эти дни что-то переломилось во мнѣ, и я бы не въ состояніи былъ примириться съ тѣмъ, что̀ меня ожидало раньше; я бы просто ушелъ, куда глаза глядятъ, и скорѣе бы согласился замерзнуть, за городомъ, ночью въ снѣгу, чѣмъ просить прощенія за вину, которой я въ себѣ не сознавалъ.

Мнѣ вспомнилось, какъ я совсѣмъ маленькимъ мальчикомъ зимою вскочилъ въ пустыя сани обоза, который возвращался изъ города въ деревню. Обыкновенно эту штуку я продѣлывалъ вмѣстѣ съ товарищами, а тутъ, какъ на грѣхъ, былъ одинъ.

Мужики были въ переднихъ саняхъ. Послѣ удачнаго базара всѣ пьяные, они ломались другъ передъ другомъ, горланили пѣсни, хлестали лошадей, которыя подбрыкивали ногами, крутили головами и мчались, что было силы.

Я тоже въ саняхъ сталъ изображать пьянаго, потому что мнѣ казалось, что такъ еще веселѣе ѣхать. Я и не замѣтилъ, какъ очутились за городомъ. И въ городѣ-то было не шумно, а за городомъ еще тише. Но почему-то въ этой тишинѣ мужицкія пѣсни пьяныя не были такъ рѣзки и пронзительны. Иногда онѣ совсѣмъ затихали, и тогда слышно было, какъ посвистываютъ по укатанной дорогѣ полозья саней, цокаетъ у лошади селезенка, и сухо шуршитъ колючимъ снѣгомъ вѣтеръ, куря въ догонку намъ сизой, змѣистой поземкой.

На городскомъ отлетѣ скрылась красная вывѣска съ синими буквами «Бѣлая харчевня»; пролетѣли на покой черные грачи и открылась степь, сизая отъ чуть-чуть курившагося снѣга, съ такимъ же сизымъ небомъ, въ мути котораго совсѣмъ не видно было солнца.

Нѣсколько разъ взрывались горластые мужики, но пѣсни не ладились и скоро совсѣмъ замолкли. Въ городѣ все это пьяное горланство и истязаніе лошадей дѣлалось больше для

форсу, чѣмъ отъ похмелья, а теперь некого было удивлять, и лошади бѣжали весело и ровно, такъ что нагонявшій ихъ вѣтеръ развѣвалъ имъ гривы и закручивалъ на исхлестанные кнутомъ бока хвосты.

Такъ хорошо было бы свернуться на пахучемъ сѣнѣ въ комочекъ, закрыть глаза и ѣхать и ѣхать...

Но вотъ, когда все умолкло, мнѣ какъ-то вдругъ стало жутко. Я оглянулся назадъ: городъ очутился совсѣмъ далеко, все какъ-то сразу еще болѣе потускнѣло и посѣрѣло, и окраинныя городскія зданія, и колокольни церквей, и полицейскія каланчи, все стало какъ будто не настоящимъ, а тонко нарисованнымъ на этой мути.

Мнѣ стало холодно отъ страха и отъ мороза, который тутъ только разобралъ меня, какъ слѣдуетъ.

Я кубаремъ скатился съ розвальней и удивился, когда всталъ на ноги, что обозъ такъ далеко отъ меня. Я вдругъ сознался себя маленькимъ-маленькимъ и со всѣхъ ногъ пустился бѣжать назадъ.

Но городъ все не приближался. Оглянулся. Лошади чернѣли далеко, далеко, какъ черная строчка на сѣромъ полотнѣ.

Я уже сталъ задыхаться отъ бѣга и представилось, что я бѣгу давно, а между тѣмъ лошадиный пометъ на снѣгу не успѣлъ остыть и чуть-чуть тепло и пахуче дымился.

Едва отдышавшись, я опять припустился бѣжать, но опять пробѣжалъ недолго и долженъ былъ пойти шагомъ. Вѣтеръ подулъ сильнѣе мнѣ навстрѣчу, поднялъ снѣжную пыль и бросилъ мнѣ въ лицо.

У меня сразу помутнѣло въ глазахъ; я невольно закрылъ ихъ отъ рѣжущаго вѣтра, а когда открылъ, все вокругъ потускнѣло и помертвѣло еще болѣе. Я обмеръ отъ мысли, что сейчасъ настанетъ ночь, я потеряю дорогу, набѣгутъ изъ лѣса волки и съѣдятъ меня.

Тутъ ужъ я не могъ совладать съ собою и заплакалъ насколько могъ громко. И такъ бѣжалъ и плакалъ, и кричалъ, маленькій, безпомощный, одинокій. Слезы застилали глаза и стыли на лицѣ, но некогда было вытирать ихъ, и некому было меня услышать.

Городъ то какъ будто приближался, то опять уходилъ, словно дразнилъ меня. По временамъ мнѣ казалось, что я топчусь на одномъ мѣстѣ, а между тѣмъ, устаютъ не только мои ноги и руки, которыми я изо всей силы махаю, помогая себѣ

бѣжать, но и все мое тѣло и голова, и особенно сердце, которое колотится испуганно и тревожно.

Отъ слезъ и частаго дыханія накипаетъ горечь у меня во рту и въ горлѣ, которое схватываютъ спазмы: вотъ-вотъ я задохнусь и упаду.

Тогда я останавливаюсь и начинаю кричать, пронзительно и отчаянно:

— Мама! Мамушка! Мама!

Вѣтеръ залетаетъ мнѣ въ ротъ и вталкиваетъ мои крики обратно, посыпая снѣжною пылью.

Едва отдышавшись, я опять бѣгу и бѣгу навстрѣчу вѣтру и мраку, который вѣтеръ несетъ съ собою, разстилая его надъ городомъ и какъ бы желая совсѣмъ скрыть спасеніе отъ моихъ глазъ.

Наконецъ, силъ моихъ больше не хватаетъ. Вотъ какъ будто огонекъ прокололъ сумерки, и такъ недалеко, что я-было обрадовался. Собралъ послѣднія силы, побѣжалъ, но споткнулся, упалъ и ужъ не могъ подняться отъ изнеможенія. Колкая пыль снѣга и сѣрая муть упали на меня и накрыли до духоты.

Я не знаю, какъ я очутился дома. Послѣ мнѣ говорили, что встревоженные моимъ отсутствіемъ родители дознались отъ кого-то, что я уѣхалъ съ обозомъ, побѣжали по знакомой дорогѣ и нашли меня близъ городской окраины въ обморокѣ.

12.

Зачѣмъ я не замерзъ тогда!—съ отчаяніемъ думалъ я сейчасъ.

Мысль о смерти болѣзненно подсѣкаетъ меня, какъ удочка рыбу.

Но тутъ Эди, переставшій плакать, поднимается съ сконфуженнымъ лицомъ, съ застѣнчивой, растерянной улыбкой. Онъ не находитъ своего платка, машинально беретъ платокъ, протянутый ему Дарьей Николаевной, и третъ имъ глаза.

— Простите, простите,—бормочетъ онъ, ни на кого не глядя.—Это я такъ, нечаянно. Я пойду домой.

Онъ по привычкѣ шаркаетъ ногой и идетъ, низко опустивъ голову, очевидно, сильно сконфуженный за поднятую имъ кутерьму.

За нимъ идутъ сестры и всѣ дѣти. Вечеръ нынче окончательно разстроился. Нѣкоторыхъ это очень огорчаетъ, но Дарья Николаевна обѣщаетъ опять на-дняхъ собрать всѣхъ.

Когда дѣти уходятъ, она, разстроенная, вздыхаетъ, качаетъ головой и нервно говоритъ Никодиму Павловичу:

— Ну, вотъ, видите. Я такъ и знала.

Но Никодимъ Павловичъ не успѣваетъ еще ей отвѣтить что-нибудь, какъ Хрисанѳъ Андреевичъ разражается смѣхомъ:

— Нѣтъ, это превосходно. Настоящая сцена ревности. Браво, Олечка, браво!—обращается онъ къ дочери.

Дарья Николаевна умоляюще его останавливаетъ:

— Хрисанѳъ, это ни на что не похоже.

Онъ шутливо поднимаетъ руки въ знакъ покорности, но не унимается и съ веселымъ лицомъ, украдкой, подмигиваетъ мнѣ.

Послѣ всего происшедшаго это подмигиваніе до того неожиданно, что я чувствую себя совершенно сбитымъ съ толку. Искоса взглядываю на Олечку, но та все стоитъ у дверей, не поднимая глазъ, и ждетъ чего-то.

Дарья Николаевна гнѣвно обращается къ мужу:

— Я не понимаю, какъ ты можешь шутить при такихъ обстоятельствахъ.

Тотъ добродушно разводитъ руками:

— Дорогая моя, но что же тутъ дѣлать.

Она раздраженно поводитъ плечами:

— Странный отвѣтъ. Какъ что!

Но сама она, очевидно, также еще не рѣшила, что̀ именно слѣдуетъ при такихъ обстоятельствахъ предпринять. Все же, не поворачивая головы, она бросаетъ на меня недовольный взглядъ и опять обращается къ мужу:

— Ты отецъ, ты не долженъ къ этому относиться такъ легко.

Ея раздраженный тонъ, очевидно, слегка его задѣваетъ. Ему неловко, что эта сцена происходитъ при Никодимѣ Павловичѣ, и онъ все пытается свести на шутку.

— Успокойся. Право, это не болѣе, какъ забавная дѣтская выходка.

— Ахъ, тебѣ все кажется забавнымъ. А я здѣсь не вижу ничего забавнаго.

Онъ дѣлаетъ сдержанно недовольный жестъ:

— Но право же... этотъ тонъ... о такихъ пустякахъ и при дѣтяхъ...

Она прерываетъ его:

— Именно при дѣтяхъ. Именно они...—она еще болѣе недовольно смотритъ на меня,—именно они и должны узнать...

должны почувствовать, что это ни на что не похоже. Что это недопустимо, наконецъ, неприлично. Я думаю, что и Никодимъ Павловичъ вполнѣ раздѣлитъ мое мнѣніе.

— Я собственно не понимаю, кого и въ чемъ вы здѣсь вините?—спокойно говоритъ Никодимъ Павловичъ.

— Вотъ именно. Вотъ именно!—подхватываетъ ея мужъ,—кого и въ чемъ? Вѣдь ты же сама всегда поощряла эти дѣтскія чувства и смотрѣла на нихъ, какъ на милую игру.

Но она какъ будто не слышитъ отповѣди мужа. Ее больше всего задѣваютъ слова Никодима Павловича.

— То-есть какъ—кого и въ чемъ!—съ недоумѣніемъ и обидой отвѣчаетъ она.—Кажется, объ этомъ не такъ трудно догадаться.

И она продолжаетъ возражать ему же, будто и дальнѣйшее высказалъ онъ, а не ея мужъ.

— Да, покуда все это была дѣтская игра, я и не могла къ этому относиться иначе. И покуда была дѣтская игра, все это не выходило изъ предѣловъ приличія, и подобныя сцены были немыслимы.

Я начинаю чувствовать все ея недоброжелательство по отношенію ко мнѣ. Ясно, что вся отвѣтственность за это обрушивается на меня.

Но что же молчитъ Олечка? Она видитъ, что ея мать на меня сердится и что мнѣ навѣрное больше не быть въ этомъ домѣ. Отчего же она не заступится, не скажетъ, что я тутъ не виноватъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакихъ основаній винить меня въ чемъ-нибудь. Вѣдь я даже еще ни слова не сказалъ ей о своей любви. Если она сама призналась въ этомъ Эди, за что же осуждать меня?

Но несмотря на всѣ эти мысли, чувства мои къ ней не только не измѣнились, а, наоборотъ, выросли еще болѣе. Она призналась тому, что любитъ меня. Что бы теперь ни случилось, я все вынесу ради нея.

Тутъ мать прямо обращается къ Олечкѣ:

— Я не узнаю тебя, дитя мое. Очевидно, ты находилась подъ дурнымъ вліяніемъ, если могла позволить себѣ довести Эди до такой выходки.

Олечка поднимаетъ голову и голосомъ, дрожащимъ отъ смущенія, отвѣчаетъ, подражая въ тонѣ взрослымъ:

— Но, мама, я не знаю, о какомъ дурномъ вліяніи ты говоришь?

— Нѣтъ, ты знаешь,—съ удареніемъ настаиваетъ мать.

— Нѣтъ, не знаю,—упрямо отвѣчаетъ дѣвочка. Я не ожидала, что Эди такъ глупъ.

— Вотъ опять такое выраженіе.

Но Олечка продолжаетъ капризно звенящимъ голосомъ:

— Да, да, онъ не смѣлъ такъ поступать. Это гадко. Я ему честно сказала, что больше не интересуюсь имъ, и почему, а онъ позволилъ себѣ...—Она мелькомъ взглянула на меня и, страшно покраснѣвъ, закончила:—Я это никогда ему не прощу.

Хрисанѳъ Андреевичъ не выдержалъ и опять разсмѣялся:

— Браво, браво, молодецъ Олегъ.—Онъ постоянно такимъ образомъ измѣнялъ на разные лады ея имя.—Молодецъ!

Олечку ободрило отношеніе отца, и она продолжала уже смѣлѣе:

— И потомъ онъ не долженъ былъ позволить себѣ... Это ужъ совсѣмъ и неприлично, такъ вотъ указывать пальцемъ.—И она нѣсколько преувеличено, но очень похоже повторила его движеніе, относившееся ко мнѣ.—Потому только, что онъ знаетъ, что это бѣдный мальчикъ и что у него нѣтъ ни мамы, ни папы, онъ себѣ позволилъ такъ. Это еще болѣе стыдно потому, что онъ англичанинъ, и что его всегда ставятъ въ примѣръ.

Она по-прежнему не смотрѣла на меня. Но теперь мнѣ это было и не надо. Съ сладостно замирающимъ сердцемъ слушалъ я, какъ звенитъ ея голосокъ.

— И все это изъ зависти, а вовсе не потому, что онъ.. что я... перестала имъ интересоваться. Онъ самъ... это всѣ знаютъ... Онъ и Любочкѣ Разсудовой говорилъ, что любитъ ее, и Катѣ Солнцевой, и даже этой дурнушкѣ Вѣрѣ Мартыновой. А ему стало завидно, что не онъ сочинилъ эту пьесу, вотъ онъ и устроилъ все.

— Я нахожу, что ты слишкомъ много говоришь,—останавливаетъ ее мать. Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до Эди. Я вовсе не желаю заниматься исправленіемъ испорченныхъ дѣтей, особенно когда они взяты съ улицы,—несдержанно вырывается у нея ѣдкое слово, которое камнемъ ударяетъ меня.

Извивающіяся брови Никодима Павловича нервно шевелятся, какъ маленькія змѣйки, когда онъ поднимаетъ глаза на раздраженную даму. Ея мужъ встаетъ, чтобы остановить ее, и даже прикладываетъ руки къ груди. Но она своей несдержанностью сейчасъ не только хочетъ уничтожить меня, но и мстить ему за всѣ тѣ сердечныя огорченія, которыя онъ ей причиняетъ.

— Я не могу допустить,—почти съ шипѣніемъ вырывается у нея, чтобы моя дочь... чтобы мои дѣти... чтобы такая атмосфера... чтобы рядомъ съ ними была зараза.

Она въ своемъ оскорбленномъ достоинствѣ гордо поднимаетъ голову и больше, чѣмъ когда-либо становится похожей на лебедя. И мнѣ особенно мучительно, что эта дама, такая красивая и добрая на видъ, и при томъ мать Олечки, что она такъ жестока и несправедлива ко мнѣ.

Я сознаю, что все пропало, что я больше не увижу Олечки въ этихъ пріютившихъ меня на нѣсколько дней стѣнахъ. Но за что же такъ?

Дрожь обиды поднимается во мнѣ и заставляетъ стиснуть кулаки. Мнѣ тоже хочется закричать и громко заплакать, какъ это сдѣлалъ Эди. Крикнуть его словами, что это стыдно, гадко, такъ обижать меня.

Но онъ осмѣлился это сдѣлать, потому что онъ равный имъ, хотя не имѣлъ для этого почти никакого основанія, а меня, дѣйствительно, обижаютъ и я не смѣю защищаться, потому что я сынъ ихъ бывшаго раба, я—съ улицы.

Но вотъ встаетъ Никодимъ Павловичъ; брови его вытягиваются въ одну линію, онъ снимаетъ очки и тщательно начинаетъ протирать ихъ платкомъ, опустивъ прищуренные глаза на поблескивающія подъ его бѣлыми, длинными пальцами стекла.

— Дарья Николаевна,—тихимъ, глуховатымъ голосомъ говоритъ онъ, особенно напирая на о.—Конечно, не мое дѣло вмѣшиваться въ вашу волю, но, насколько я понялъ васъ,—онъ поднимаетъ на нее глаза, и брови его вытягиваются, какъ будто готовыя ее ужалить,—вы считаете... какъ бы это сказать... нежелательнымъ присутствіе этого мальчика въ вашемъ домѣ. Такъ вотъ-съ.—Онъ надѣваетъ медленно очки, закладывая крючки ихъ за уши, окаймленныя прямыми косицами волосъ, и устремляетъ сквозь ихъ стекла свои спокойные глаза прямо на нее.—Я могу избавить васъ отъ дальнѣйшихъ заботъ о немъ.

Этого никто не ожидалъ. Это уже почти дерзость съ его стороны, и Дарья Николаевна на этотъ разъ не сдерживаетъ себя и окидываетъ его высокомѣрнымъ презрительнымъ взглядомъ.

Хрисанеу Андреевичу, повидимому, также не понравилось такое безтактное выступленіе. Добродушное барское лицо его становится почти строгимъ, онъ поджимаетъ губы и, разглаживая свою выхоленную, всегда душистую бороду, сквозь зубы цѣдитъ, стараясь не глядѣть на моего нечаяннаго заступника:

— Ну, ужъ это зачѣмъ же, Никодимъ Павловичъ. Разъ мы взяли на себя заботу о мальчикѣ, мы и сумѣемъ ее оправдать въ томъ или другомъ видѣ.

Но ему не свойственно такъ долго выдерживать подобный

тонъ. Онъ вдругъ, точно конфузится своей рѣзкой отповѣди, и на его лицо просится обычная легкомысленная, добродушная улыбка. Онъ продолжаетъ, но уже своимъ мягкимъ, симпатичнымъ голосомъ:

— Вообще же говоря, все это не болѣе, какъ пустое недоразумѣніе. Нельзя разсматривать такъ серьезно какую-то дѣтскую выходку, и ужъ разъ мы начали при дѣтяхъ, я долженъ сказать, что, если тутъ есть виноватые, то это...—Онъ обращаетъ улыбающійся взглядъ на дочь и грозитъ ей пальцемъ съ красиво отточеннымъ ногтемъ.—Это моя плутовка Оль и этотъ англичанинъ Эди Райтъ.

Лицо Хрисанѳа Андреевича озаряется веселой улыбкой и, обрадованный неожиданно навернувшимся каламбуромъ, онъ окидываетъ всѣхъ сіяющимъ взглядомъ, разводитъ руками и говоритъ, какъ фокусникъ, продѣлавши ловкую штуку:

— И мы отлично сдѣлаемъ, если предадимъ все это недоразумѣніе забвенію и покроемъ его двумя этими именами Оль-Райтъ.

Вѣроятно, слово Оль-Райтъ очень смѣшное, потому что не только Олечка и Никодимъ Павловичъ, но и Дарья Николаевна не могутъ сдержать улыбки.

Олечка бросается къ отцу и цѣлуетъ его:

— Папочка, мой милый, какой ты добрый и славный.

Непріятныя тучи какъ будто разрядились, но что-то мнѣ говоритъ, что произошло непоправимое для меня.

Въ эту минуту въ дверь просовывается тонкое личико Миши.

Странно, что я забылъ объ этомъ моемъ покровителѣ въ то самое время, когда мнѣ особенно дорого было бы его заступничество.

Онъ ясно чувствуетъ, что безъ него тутъ что-то должно было произойти и произошло. Но такъ какъ, на его первый же взглядъ, повидимому, все обошлось благополучно, онъ уже смѣлѣе отворяетъ дверь и просительно глядитъ на мать и отца.

— Ну, ну, иди, иди и ты,—разрѣшаетъ ему отецъ, шутливо потрепывая за ухо Олечку и что-то выговаривая ей шепотомъ.

Миша входитъ въ комнату съ возбужденнымъ лицомъ и тотчасъ же начинаетъ докладывать о томъ, что произошло при проводахъ Эди.

Въ передней, гдѣ сошлась вся ихъ компанія, объяснилось все недоразумѣніе. Эди растолковали, что надъ нимъ никто и

нъ думалъ смѣяться, и онъ почувствовалъ себя ужасно сконфуженнымъ и виноватымъ

— Мы его вовсе не заставляли,—горячо говоритъ Миша.— Онъ самъ сознался, что очень виноватъ передъ Олечкой и передъ Пашей и передъ всѣми. Онъ тамъ же у всѣхъ насъ просилъ извиненія и даже хотѣлъ вернуться и попросить также извиненія у Олечки и у тебя,—обернулся ко мнѣ Миша,—но вы были здѣсь. И потомъ,—продолжалъ Миша съ важнымъ лицомъ.—Элла и Мея, которыя были особенно недовольны Эди, онѣ сказали, что онъ непремѣнно долженъ написать извинительныя письма.

Миша выпаливаетъ все это сообщеніе необыкновенно взволнованно и быстро. Это еще болѣе должно очистить меня въ глазахъ всѣхъ отъ какого бы то ни было неудовольствія.

— Ну, вотъ видишь,—съ легкимъ укоромъ обращается къ женѣ Хрисанѳъ Андреичъ, но, замѣтивъ гримасу неудовольствія въ ея лицѣ, обнимаетъ другой рукой Мишу и легкимъ, безпечнымъ голосомъ старается погасить могущія остаться искорки.

— Вотъ и отлично, что все такъ разрѣшилось, значитъ, вашъ спектакль устроится, и вообще все будетъ по-прежнему; а теперь маршъ играть.

И, подтолкнувъ Мишу и Олечку, онъ дружески киваетъ мнѣ.

Мы уходимъ, но я уже у самыхъ дверей слышу, какъ онъ, явно желая покончить со всѣми дальнѣйшими объясненіями по этому поводу, говоритъ женѣ:

— И мы съ Никодимъ Павловичемъ должны сейчасъ пойти въ кабинетъ разобрать важныя земскія бумаги. Прикажи, пожалуйста—намъ подать туда чай.

13.

— Ну, вотъ и отлично,—повторяетъ отцовскія слова, подражая ему въ тонѣ, Миша.—А все-таки жалко, что этотъ противный Эди, хоть онъ и извинился передъ нами и напишетъ тебѣ и Олечкѣ письмо, испортилъ сегодняшній вечеръ.

Я молчу съ стѣсненнымъ сердцемъ. Я-то хорошо знаю, что онъ испортилъ не только сегодняшній вечеръ, но и всю мою дальнѣйшую жизнь. Да, да, все кончено для меня въ этомъ домѣ. Я прочелъ приговоръ себѣ въ холодномъ, недоброжелательномъ взглядѣ, которымъ меня проводила его мать. И это знаю не только я, но и Олечка.

Она еще не рѣшается глядѣть мнѣ прямо въ глаза, но въ ея быстрыхъ взглядахъ, которые я всегда чувствую и ловлю съ распахнувшимся сердцемъ—тревога и печаль за меня.

Я такъ благодаренъ ей за это. Нѣтъ,—благодаренъ—это не то слово: оно слишкомъ мало и жалко въ сравненіи съ тѣмъ, что переполняетъ мое сердце и голову.

— Милая, милая,—повторяю я про себя это слово. Оно тоже не выражаетъ всѣхъ моихъ чувствъ, но съ каждымъ новымъ повтореніемъ въ немъ прибавляется что-то, какіе-то новые лепестки и краски и ароматъ, и оно становится похожимъ то на цвѣтокъ, то на радугу, преображается совсѣмъ въ новое слово, какого нѣтъ ни на одномъ языкѣ, ни у одного человѣка въ мірѣ.

Мы проходимъ черезъ корридоръ. Миша идетъ впереди, я за нимъ, а за мной Олечка. И вдругъ я чувствую, какъ моей руки касается что-то, тоже нѣжное и ласковое, какъ цвѣтокъ.

Это пальцы Олечки. Я не смѣю обернуться, чтобы не спугнуть мою свѣтлую радость. Несмѣло сжимая эти хрупкіе, тонкіе пальцы, я такъ глубоко ощущаю ихъ свѣжее, чистое тепло и нѣжность и, когда они выскальзываютъ у меня изъ руки, я крѣпко сжимаю свои пальцы, въ которыхъ остались это тепло и нѣжность: можетъ быть, это что-то въ родѣ еле видимой золотистой пыльцы послѣ бабочки, которую подержишь въ рукѣ.

Я крѣпко сжимаю свои пальцы, какъ будто такъ можно навсегда, на всю жизнь сохранить ихъ безконечно дорогіе для меня слѣды.

Не успѣваемъ мы дойти до двери, какъ нагоняетъ насъ мадемуазель Тестъ. Съ преувеличенной ласковостью она касается плеча Олечки и что-то говоритъ ей.

Олечка останавливается, какъ-то вся поникаетъ, голова ея нерѣшительно склоняется на бокъ. Она отвѣчаетъ что-то француженкѣ, но Миша вступается въ разговоръ:

— Если мама зоветъ, ты должна итти. Все равно, ты придешь послѣ. Мы тебя подождемъ, безъ тебя ничего не станемъ говорить.

Но она все еще стоитъ въ нерѣшительности. Француженка съ той же преувеличенной ласковостью, тихо ее поворачиваетъ и уводитъ отъ насъ.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Олечка останавливается и, оглянувшись, говоритъ:

— Смотрите же, ни о чемъ не говорите безъ меня.

Но какъ это сдѣлать: ни о чемъ не говорить?

Я готовъ исполнить малѣйшее ея желаніе, но именно это невозможно.

— Я знаю, зачѣмъ позвала ее мама,—торжественно и важно говоритъ Миша.

Въ нашей комнатѣ лампа горитъ подъ зеленымъ абажуромъ, бѣлѣютъ двѣ кровати. Такъ хорошо, свѣтло и спокойно. Но я предчувствую, что мнѣ уже недолго оставаться здѣсь, и смотрю на свою временную постель съ такимъ сознаніемъ, что ее скоро, какъ и меня, выбросятъ изъ этой комнаты.

Правда, у меня прибавился новый другъ Никодимъ Павловичъ. Темное, болѣзненное лицо его ясно возникаетъ передо мною: я какъ будто слышу голосъ, какъ онъ заступается за меня. Онъ ли по своей охотѣ, они ли по своему обѣщанію, не дадутъ мнѣ пропасть. Но въ этой комнатѣ я уже не буду. Не буду рядомъ съ Олечкой.

Миша продолжаетъ говорить:

— Мама навѣрное позвала Олечку, чтобы сказать ей, чтобы она не смѣла тебя любить. Но это ничего,—успокоительно замѣчаетъ онъ,—вѣдь Олечка все равно уѣдетъ послѣ праздника въ институтъ.

Въ самомъ дѣлѣ я совсѣмъ объ этомъ не думалъ.

— А потомъ,—продолжаетъ Миша,—все равно Олечка не можетъ на тебѣ жениться.

Онъ какъ будто такимъ образомъ хочетъ меня успокоить. Говоритъ, а самъ зачиниваетъ карандашикъ перламутровымъ ножичкомъ. У него какая-то страсть зачинивать карандаши. Онъ даже въ школѣ дѣлаетъ это товарищамъ. Остренько, остренько затачиваетъ.

Сейчасъ мнѣ кажется, что онъ своими словами также поступаетъ съ моимъ сердцемъ: отточенной и острой становится въ немъ моя тоска.

— Вѣдь ты все-таки, хотя и можешь быть сочинителемъ, но будешь не бариномъ. У насъ одинъ сосѣдъ-баринъ женился на крѣпостной: такъ можно, и то всѣмъ это не понравилось, ее не хотѣли принимать, и онъ увезъ ее за границу. А крѣпостной ни за что не можетъ жениться на барышнѣ.

У меня вскипаетъ въ сердцѣ стыдъ и раздраженіе:

— Теперь нѣтъ крѣпостныхъ,—рѣзко отвѣчаю я.—И я не крѣпостной.

Онъ, удивленный или моими словами или тономъ, поднимаетъ голову:

— Но это все равно. И не крѣпостной не можетъ быть бариномъ.

Его заявленіе ошеломляетъ меня. Я уже растерянно спрашиваю:

— Никогда?

— Никогда,—увѣренно отвѣчаетъ онъ.

— А если я буду учиться и всему научусь?

— Все равно, отъ ученія бариномъ сдѣлаться нельзя. Кто баринъ, тотъ можетъ и не учиться, а все-таки будетъ баринъ.

— А если я разбогатѣю и куплю себѣ домъ и лошадей?

— Будешь купецъ, а бариномъ не будешь.

— Купецъ, который торгуетъ, а я не стану торговать.

— Все равно, купецъ, который и не торгуетъ, онъ все-таки не баринъ.

Я недовѣрчиво качаю головой, но мое недовѣріе едва-ли не обижаетъ его.

— Какъ ты не понимаешь,—уже нѣсколько свысока говоритъ онъ.—Баринъ—это у котораго есть бумаги. Вотъ у моего папа̀ есть бумаги и у моей мамы есть бумаги, и у моего дѣдушки есть бумаги, и у дѣдушкинаго папы есть бумаги.

Я съ торжествомъ прерываю его:

— И у меня есть бумаги. Когда меня хотѣли взять изъ гимназіи, въ прошеніи такъ было и написано, чтобы директоръ вернулъ мои бумаги.

Миша смѣется уже съ снисходительнымъ пренебреженіемъ.

— Ахъ, но это совсѣмъ не такія бумаги!—восклицаетъ онъ.

Я гляжу на него, сравниваю его съ собой и ничего не понимаю.

— Наши бумаги отъ самого государя,—продолжаетъ онъ гордо,—и, если я захочу, я могу поступить въ Пажескій корпусъ и въ Морской корпусъ и во всякій корпусъ, а ты не можешь.

Я замолкаю передъ этимъ вѣскимъ доводомъ и опять смотрю на него, и опять ничего не понимаю. До этого разговора мы были съ нимъ товарищи: два мальчика, изъ которыхъ одинъ желаетъ помочь другому, потому что у того есть возможность помочь, а вотъ сейчасъ оказывается, что мы совсѣмъ два разные мальчики, и разница наша не только въ томъ, что у одного есть деньги, а у другого ихъ нѣтъ.

Недаромъ у меня было это непонятное мнѣ самому недовѣріе къ нему. Все это мнѣ очень горько. Но я не хочу сдаваться такъ. Я хватаюсь за послѣднее.

— А если я буду знаменитымъ писателемъ? Такимъ, что

меня будутъ знать всѣ, и самъ Царь, и тогда я буду меньше барина?

Миша на минуту задумывается и почему-то смотритъ на меня, должно быть, стараясь представить меня въ видѣ знаменитаго писателя.

И вдругъ я чувствую, какъ стыдъ поднимается отъ самыхъ ногъ моихъ вплоть до волосъ. На мнѣ надѣто все его, все этого мальчика, который не допускаетъ даже мысли, что я такой же, какъ онъ, и имѣю право пользоваться тѣмъ же, чѣмъ и онъ пользуется.

Становится не по себѣ въ этомъ чужомъ платьѣ. Такъ бы вотъ взялъ, сорвалъ его съ себя и бросилъ ему. На-вотъ тебѣ, если такъ. Я надѣну свое плохо сшитое и старенькое.

Онъ говоритъ нерѣшительно:

— Пожалуй, если ты будешь знаменитымъ писателемъ, тебѣ могутъ тоже дать такія бумаги.

Но это скорѣе уступка съ его стороны, чѣмъ признаніе. Я вижу, что ему просто надоѣлъ этотъ разговоръ, что онъ усталъ отъ него.

— Чего же это не идетъ Олечка?—срывается у него безпокойный вопросъ.

Съ лица его и со всей фигуры внезапно спадаетъ то, что̀ за минуту передъ тѣмъ создавало между нами такую обидную для меня рознь.

Я вижу, что онъ безпокоится больше всего изъ сочувствія ко мнѣ и, наконецъ, не выдерживаетъ:

— Я пойду узнаю и приведу Олечку сюда. Ты тогда разскажешь намъ что-нибудь.

— А что?

— Что хочешь. Ты такъ хорошо умѣешь разсказывать. Олечка любитъ, чтобы разсказывали что-нибудь грустное, а я—что-нибудь веселое.

Миша исчезаетъ.

Я остаюсь одинъ, и меня охватываетъ такая печаль, что нѣтъ силъ справиться съ ней. Хочется видѣть брата, сестру, бабушку Васёну. Но они сейчасъ кажутся почему-то ужасно далеко.

Я сажусь за столъ, опускаю руки и начинаю плакать.

Плачу, самъ не знаю, о чемъ, и не хочу унимать своихъ слезъ.

Я вижу, какъ онѣ падаютъ съ моихъ щекъ на промокательную бумагу, расплываясь по ней большими каплями, и эти

капли иногда принимаютъ какія-то странныя формы, все больше уродливыя и непріятныя.

Кто-то вошелъ, но я слышу, что это не Олечка и не Миша. Стараюсь поскорѣе вытереть слезы и узнаю голосъ Петра.

Петръ наклоняется ко мнѣ и тихо говоритъ:

— Чего плачешь?

Его круглое лицо, все также состоящее изъ кругляковъ: глаза, ротъ и носъ—кругленькіе, все его лицо озабочено.

— Не умѣлъ подражать, пеняй на себя. Только ты все-таки, парень, не унывай, попроси прощенія у барыни, можетъ, оно и выйдетъ.

Петръ оглядывается на дверь. Никого нѣтъ, и онъ садится противъ меня на стулъ.

— Такъ и такъ молъ, барыня, простите, больше никогда не буду. Вѣдь какъ-никакъ, ты не долженъ забывать, кто будутъ они и кто ты, такую другую благодѣтельницу, парень, ужъ не сыщешь.

— Да я ни въ чемъ не виноватъ,—отвѣчаю я и ловлю себя на томъ, что его сочувствіе меня стѣсняетъ, и мнѣ будетъ очень непріятно, если кто-нибудь войдетъ и застанетъ насъ въ этой бесѣдѣ.—И Эди самъ сказалъ, что виноватъ онъ, а не я,—скороговоркой заканчиваю я свое объясненіе.

— Мало ли что онъ говоритъ,—строго возражаетъ Петръ.—А ты все-таки повинись передъ барыней,—они это любятъ. Ихняя вина въ полъ-вины, а наша вина вдоль спины,—вразумляетъ онъ меня. Имъ что, намутили, а мы отстаивай.

Это послѣднее заявленіе, вмѣсто того, чтобы примирить меня съ тѣми, передъ которыми онъ уговариваетъ меня повиниться, вызываетъ во мнѣ упрямую гордость. Но я не хочу обнаружить ее передъ нимъ, чтобы не оттолкнуть отъ себя этого покровителя, и говорю съ притворнымъ смиреніемъ:

— Хорошо, я повинюсь, но вы научите меня, въ чемъ я долженъ повиниться.

Глаза его округляются еще больше, и ротъ совсѣмъ превращается въ колечко.

— Въ чемъ? Про то ужъ они знаютъ, а твое дѣло сказать: виноватъ, молъ, простите, больше никогда не буду.

Но тутъ строгій, вразумительный тонъ его мѣняется. Онъ смотритъ на меня, качаетъ головой и печально и мягко говоритъ:

— Эхъ, парень, парень, трудно тебѣ будетъ на свѣтѣ жить. Попалъ ты на чужую дорогу, что своему въ прокъ, тебѣ въ по-

перекъ. Намъ съ ними не равняться. Гдѣ надо, ивовымъ прутикомъ согнись, придетъ время, разогнешься.

Я стараюсь понять его совѣты, вслушиваюсь въ его тонъ, всматриваюсь въ это, какъ будто пожеванное, смѣшное бритое лицо. Въ своемъ жалко сидящемъ на немъ фракѣ и бѣлой манишкѣ, онъ мнѣ напоминаетъ собачку, которая иногда заходила на нашъ дворъ съ шарманщикомъ; но въ его отношеніи ко мнѣ, во взглядѣ и словахъ что-то еще болѣе знакомое и близкое. Такъ и есть. Въ этомъ сочувствіи ко мнѣ и даже въ манерѣ говорить, онъ походитъ на бабушку Васёну: они родные другъ другу люди. И мнѣ они также чѣмъ-то родные, только не этой робкой покорностью. Мнѣ стыдно и противно при мысли о необходимости гнуться, какъ ивовый прутъ. Что бы тамъ ни было, я не пойду просить прощенія въ томъ, въ чемъ не виноватъ. И я знаю, что Олечка не одобрила бы съ моей стороны такого униженія.

Какъ долго тамъ ее держитъ мать! Можетъ быть, ей запретили не только любить меня, но и говорить со мной, можетъ быть, даже я никогда не увижу ее?

Но тутъ входитъ Миша. Петръ вскакиваетъ со стула и выпрямляется.

Я по лицу Миши вижу, что онъ принесъ мало для меня пріятнаго. Объ этомъ догадался и Петръ. Уныло взглянулъ на меня, вздохнулъ и вышелъ.

Миша помялся, помялся и, почти виновато глядя на меня, сказалъ:

— Мама ни-за-что не хочетъ, чтобы ты у насъ жилъ. Олечка очень плакала и просила маму, чтобы она тебя оставила, и я очень просилъ, но мама даже разсердилась на насъ и сказала, что такъ лучше будетъ и для тебя.

Съ упавшимъ сердцемъ я спрашиваю:

— Какъ лучше?

— Лучше, чтобы ты жилъ у тети и у бабушки. Это не та бабушка, которая живетъ въ деревнѣ, та—папина, а эта мамина. И онѣ совсѣмъ небогатыя, но очень хорошей старинной фамиліи. Онѣ тоже были богатыя,—спѣшитъ добавить Миша въ защиту этой родни,—но бабушкинъ мужъ, маминъ папа, все проигралъ въ карты и застрѣлился. Мама хочетъ, чтобы ты жилъ у нихъ, а мы за тебя будемъ имъ платить. Онѣ тоже очень, очень добрыя и очень насъ всѣхъ любятъ.

Это мало утѣшаетъ меня. Является мысль, не лучше ли было бы, если ужъ такъ, перейти мнѣ къ Никодиму Павло-

вичу; но кромѣ того, что врядъ ли мнѣ предоставлено будетъ разбирать—куда, у Никодима Павловича я буду дальше отъ Олечки.

— И зачѣмъ только Олечка влюбилась въ тебя!—съ огорченіемъ и досадой восклицаетъ Миша.—Эти дѣвчонки вѣчно все только портятъ. Вѣдь правда, что ты бы лучше согласился, чтобы она не влюбилась въ тебя, зато ты жилъ бы у насъ?—обращается онъ прямо ко мнѣ.

Этотъ вопросъ меня ошеломляетъ, но не надолго. Отвѣтъ у меня готовъ, я знаю, что̀ отвѣтить ему. Ни на что на свѣтѣ я не промѣняю любовь Олечки, и ей я могъ бы сказать объ этомъ, прямо глядя въ глаза, но что̀ отвѣтить Мишѣ послѣ нашего послѣдняго разговора съ нимъ? Если я лицемѣрно солгу для его успокоенія, онъ, по своей болтливости и въ укоръ Олечкѣ, передастъ это ей, а если скажу правду, онъ разсердится и сочтетъ это за неблагодарность и за измѣну себѣ.

— Все равно,—говорю я съ стѣсненнымъ сердцемъ.—Все равно.

Къ моему удивленію, этотъ отвѣтъ вполнѣ удовлетворяетъ Мишу.

— Это правда, что все равно,—подхватываетъ онъ.—Вѣдь бабушка и тетя—родныя намъ, значитъ, ты будешь жить, какъ будто у насъ. И мама сказала, что она намъ позволитъ видѣться, если только ты бросишь свои фантазіи.

— Какія фантазіи?

— А вотъ, что ты сочинилъ въ пьесѣ.

У меня опять мелькаетъ подозрѣніе, что я открылъ тайну Олечки, и меня главнымъ образомъ за это изгоняютъ. О, если это такъ, мнѣ легче будетъ принять ихъ жестокость.

Но Миша объясняетъ иначе:

— Мама сказала, что ты своей пьесой внушилъ Олечкѣ эту блажь. Я не понимаю, почему мама такъ думаетъ, но если она такъ думаетъ, значитъ, это правда. А все-таки Олечка дура,—неожиданно заключаетъ онъ.—Если бы она была умная, она бы понимала, что этого нельзя, а оттого, что она дѣвчонка, она глупая.

Онъ становится ненавистенъ мнѣ за эти слова, хотя они и вызваны главнымъ образомъ сочувствіемъ ко мнѣ и досадой, что все такъ случилось.

— Она глупая дѣвчонка еще и потому,—продолжаетъ онъ съ неудовольствіемъ,—что вмѣсто того, чтобы раскаяться передъ мамой и попросить у нея прощенія, она все плачетъ и, какъ

сорока, твердитъ, что любитъ тебя и будетъ любить всегда. Мама очень разсердилась на нее за это и пригрозила, что въ наказаніе отвезетъ ее въ институтъ, но она сказала, что и въ институтѣ будетъ любить тебя.

Мое враждебное чувство къ Мишѣ сразу разсѣялось. За эти слова я все простилъ ему. На рукѣ такъ ясно ощутилось опять прикосновеніе ея пальцевъ, что всего меня охватило счастье.

«И я никогда не перестану любить тебя. Никогда, никогда, гдѣ бы я ни былъ и что бы ни случилось со мною», отозвалось мое сердце.

Въ этотъ вечеръ я больше не видѣлъ Олечку, и Миша напрасно суетился и пытался проникнуть къ ней. Отъ горя или стыда она заперлась вмѣстѣ съ француженкой, и Миша, подсматривавшій въ замочную скважину, увѣрялъ, что и француженка также плакала вмѣстѣ съ Олечкой.

— Онѣ сидѣли обнявшись вотъ такъ,—разсказывалъ онъ, приставивъ корешкомъ къ моей груди книгу и опуская на нее голову.—Или француженкѣ тоже досталось отъ мамы за то, что это она внушила сестрѣ разныя театральныя мысли, или она тоже о своей любви плачетъ. Она всѣмъ разсказываетъ, что у нея былъ женихъ, но родители не позволили ей на немъ жениться, потому что онъ былъ не такого знатнаго рода, какъ она, и оттого она ушла въ монастырь.

Миша пытался нѣсколько разъ проникнуть и къ матери, но у той была мигрень.

— Это оттого, что Олечка очень ее огорчила, а потомъ и съ папой у мамы была непріятность.

Объ этой непріятности и Петръ сообщилъ мнѣ, когда я на минуту остался одинъ.

— Ну и надѣлалъ ты дѣловъ! У барина съ барыней цѣлая сраженія изъ-за тебя вышла. Только, какъ барыня пригрозила, что она свою мамашу съ сестрой въ нашъ домъ переведетъ, баринъ рукой махнулъ. Плохо твое дѣло, парень. Къ этой мамашѣ тебя на житье и хотятъ опредѣлить. Она съ виду-то добрая старушка, а на самомъ дѣлѣ вѣдьма. Людей въ карты проигрывала, да и теперь все, что наши дадутъ, тѣмъ же манеромъ спуститъ.

Сообщеніе это сильно расходилось съ тѣмъ, что я слышалъ отъ Миши о его бабушкѣ, но Петру я вѣрилъ больше.

— Да и дочка ея вѣдьма сущая,—добавилъ Петръ.—Въ старыхъ дѣвахъ осталась, оттого и злится. Уже зубы повыпа-

дали, а все жениховъ ждетъ. Плохо, плохо дѣло твое. Мы ужъ и то съ Полей нынче о тебѣ поплакали.

Съ тяжелымъ чувствомъ ложился я въ эту ночь въ мою постель. Пугало то, что говорилъ Петръ объ этихъ новыхъ людяхъ, у которыхъ прійдется мнѣ жить и куда меня опять отдавали, какъ лишнюю вещь.

Но больше всего я думалъ объ Олечкѣ. Вотъ она здѣсь, за стѣной и, можетъ быть, не спитъ такъ же, какъ я, и думаетъ обо мнѣ.

— Милая, милая,—горячо шепталъ я въ подушку, и у меня изъ глазъ текли слезы. — Прощай. Неужели я никогда, никогда тебя не увижу?

Въ голову мнѣ полѣзли самыя безумныя мысли: то мысль о томъ, чтобы бѣжать куда-то, не то въ Америку, не то въ монастырь, то—умереть вмѣстѣ. Больше я склонялся къ смерти: такимъ образомъ, несомнѣнно, наказывались наши разлучники и гонители.

Но и мысль о смерти тянула какъ-то очень издали. Лучше всего остаться жить, сдѣлать что-нибудь необыкновенное и этимъ доказать, какъ они были несправедливы ко мнѣ.

И тутъ же приходило на мысль собрать цѣлую труппу, но не изъ этихъ чванливыхъ барскихъ дѣтей, а главнымъ образомъ изъ моихъ прежнихъ товарищей. Королевой въ этой труппѣ, конечно, должна быть Олечка. Я буду сочинять пьесы, а они будутъ играть. Такъ слава о насъ дойдетъ до царя.. .

Но я тутъ же понялъ, что все это недостижимо или очень далеко. Неизвѣстно, что будетъ впереди, а покуда я маленькій и беззащитный и со мной могутъ сдѣлать все, что хотятъ.

И я опять плачу и обливаю слезами подушку до тѣхъ поръ, пока не засыпаю въ полномъ изнеможеніи.

А. Ѳедоровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Родинѣ.

Никто, никто не разгадаетъ
Твоей священной простоты...
Въ поляхъ лишь воронъ пролетаетъ,
Да блещутъ золотомъ кресты...
Въ твоемъ покоѣ и страданьи
Намъ не понять твоей души...
Въ лѣсу лишь слышно кукованье,
Да вѣтеръ клонитъ камыши...
Въ твоихъ лѣсахъ, въ твоихъ просторахъ
Хранятся тайны вѣщихъ сновъ...
Дорога вьется въ косогорахъ,
Надъ нею груда облаковъ...
Ты необъятная, пустая,
Гдѣ нѣтъ на сотни верстъ жилья...
Но ты родимая, святая,—
И я люблю, люблю тебя.

II.

Лѣтомъ.

Брожу безъ мыслей и желаній
Въ родныхъ березовыхъ лѣсахъ.
Забылъ шумъ улицъ, выси зданій
Въ безкрайнихъ и пустыхъ поляхъ.
Гляжу, какъ тучи надо мною,
Бѣлѣя, тая, въ даль бѣгутъ,

Иль темно-синею грядою
Надъ лѣсомъ медленно плывутъ.
Подъ лаской вѣтра рожь густая
Волнуясь ласково шуршитъ.
Какихъ-то птицъ большая стая,
Едва замѣтная, летитъ.
Слѣжу, какъ пряный, вольный вѣтеръ
Вдругъ зашумитъ въ густой листвѣ,
Какъ лучъ закатный, въ тихій вечеръ,
Скользитъ въ темнѣющей травѣ.

III.

Только слышенъ стонъ прибоя
Виденъ лучъ на маякѣ.
Море сонное и злое
Бьется трепетно въ пескѣ.
Дюны бѣлыя пропали
Тьма холодная окрестъ,
Въ окнахъ стекла застонали:
Дуетъ дерзостный нордвестъ.
Правитъ онъ свободный тризну
О погибшихъ морякахъ,
Смѣло бросившихъ отчизну
И исчезнувшихъ въ волнахъ.
Или въ радостномъ просторѣ
Холоднѣющей волны
Онъ несется, съ вѣтромъ споря,
Нарушая ночи сны...
Стонетъ, плачетъ шумъ прибоя,
Лучъ мелькаетъ маяка.
Все вокругъ меня чужое,
Русь родная далека.

В. Варяжскій.

МОРОКА.

Разсказъ.

Въ день Ѳедора Студита забрелъ въ Назимкино странникъ, назвался Печурой съ Ладоги, снялъ за три рубля избу у состарившейся безродной дѣвки Дарьи Полигоновой, спасавшейся весь свой вѣкъ по кельямъ, да такъ и остался жить въ деревнѣ. Никто не спросилъ его, какая нужда загнала его на чужую сторону, и самъ онъ никому ничего не сказалъ. А черезъ нѣкоторое время вывѣсилъ онъ надъ окномъ дощечку изъ ведерной жести, на которой жирной печной сажей, разведенной на клею съ лакомъ, были нарисованы два мужицкихъ широконосыхъ сапога съ прямыми короткими голенищами, и объявилъ, что онъ сапожникъ.

Назимкинцы — коренные хлѣборобы. Пришлыхъ людей у нихъ только и было двое: мельникъ да лавочникъ. Мельникъ — онъ же и знахарь — поселился въ Назимкинѣ давно, еще тогда, когда возвращавшіеся изъ города мужики разсказывали, какъ они бѣгали съ базара къ казармамъ смотрѣть плѣнную турку въ зеленыхъ и красныхъ шапочкахъ. Тридцать съ лишнимъ лѣтъ смерть обходила мельника, и окрестность, свозившая къ нему рожь, знала его все неизмѣннымъ старикомъ. Только волосы его отъ древности проселенѣли, лицо обомшало, глаза обвелись синью и провалились вглубь двумя большими кругами — настоящій лѣсной филинъ — и на спинѣ росъ двойной, увеличивающійся уже не кверху, а въ ширину — горбъ.

И лавочникъ Шестоперовъ тоже былъ всѣмъ хорошо извѣстенъ. Мѣстный помѣщикъ вывезъ его откуда-то для лакейскихъ побѣгушекъ въ усадьбѣ. Когда же господская усадьба превратилась въ контору земскаго начальника, Шестоперовъ сдѣлался сперва его письмоводителемъ, а потомъ волостнымъ писаремъ. Мужики дали ему унизительную кличку Фимка Чер-

топеръ. За жадность и лихоимство онъ былъ скоро отрѣшенъ отъ службы. Но за короткое время Фимка все же успѣлъ накопить денегъ, и когда его прежній баринъ разорился, онъ первый купилъ у него за безцѣнокъ значительный кусокъ земли. Вскорѣ онъ женился, открылъ въ деревнѣ лавочку съ разнымъ товаромъ, и съѣстнымъ и краснымъ, и быстро пошелъ въ гору: сталъ скупать рожь, просо, шерсть, чечевику, бѣленые холсты и даже мужицкіе надѣлы, желая «округлить», какъ онъ выражался, свои владѣнья.

Загадочное появленіе Печуры не могло, поэтому, не вызвать толковъ. Жили назимкинцы бѣдно, половина ихъ побросала надѣлы и разбрелась куда попало, и въ Заволжье, и въ Баку, и въ Сибирь, и даже въ Туркестанъ къ киргизамъ.

— Куды ужъ тутъ ишшо страннимъ округъ насъ кормиться?... говорили мужики...—Свои отъ голоду какъ мухи дохнутъ!..

Прохаживая зимой мимо Печуриной избы, они иногда останавливались, разглядывали незатѣйную вывѣску, почесывались подъ рваными закоростѣвшими полушубками, а если Печура находился на улицѣ, вступали съ нимъ съ бесѣду.

Печура, черный и сухой въ кости, съ пушистой—какъ у раскурнившагося проса—бородкой, походилъ на монаха... Замѣчателенъ былъ въ немъ его ростъ. Когда онъ расправлялъ плечи и поднималъ голову, то въ ватной, отороченной по-татарски—заячьимъ мѣхомъ—шапкѣ, былъ немногимъ ниже трехъаршиннаго сруба избы, на которомъ лежалъ плотно спрѣвшій глино-соломенный навѣсъ. Но цвѣтъ его лица, запавшія внутрь щеки и глубокіе лихорадочно-расширенные глаза указывали на какой-то внутренній недугъ, съѣдавшій его силу. Какъ будто тяжелый ударъ смялъ его, искалѣчилъ и оставилъ слѣдъ на всю жизнь. Таковы въ лѣсахъ сухія, опаленныя молніей деревья, которыя—хотя и держатся на корню—но уже лишены живыхъ могучихъ соковъ.

Мужики любовались его ростомъ и ахали:

— Выгналъ же тебя Господь такого!.. И силушкой надо быть не обидѣлъ!..

Печура смѣялся:

— Што жъ подѣлаешь?.. Матка не спрашивала, когда такого рождала!.. У меня матка батыремъ была... Одна въ полѣ за пятерыхъ убиралась...

— Тебѣ бы пни въ лѣсу корчевать, а не шиломъ ковырять...—Эко кулачищи-то!.. А?.. Силушки-то въ тебѣ, поди,—ай, ай?..

— Было всего таки да сплыло!.. раздумчиво говорилъ Печура, уходя въ какія-то близкія и волнующія воспоминанія...

— Сапожникомъ-то я, милые мои, по нуждѣ да по большому горю сталъ... Въ Валаамъ-монастырѣ научился... А допрежь того жилъ я по разнымъ городамъ, — всякую трудную работу исполнялъ... И на чугункѣ грузилъ, и на заводахъ по котельному цеху... Всякаго бывало!..

Больше Печура ничего не сообщалъ о своемъ прошломъ... Мужики все же пытались съ любопытствомъ допроситься у него, что онъ за человѣкъ.

— Ты што же,—али не нашелъ иного худого мѣста опричь насъ?.. шутливо говорили они... Шиломъ, братъ, тутъ немного наковыряешь!.. Мы путемъ и обувку-те носить не умѣемъ!.. Пожалуй-ишшо мозоли набьешь!..

— Да вотъ, вишь ты оказія какая!.. со смѣшкомъ же отзывался на ихъ рѣчи Печура...—Распрощался я съ Валаамомъ, купилъ какого никакого струменту, да и пошелъ по Расеѣ сщастья пытать... Я, вишь ты, за сщастьемъ, а сщастье сталобыть отъ меня!.. Ну, такъ вотъ и кружили безъ малаго лѣта полтора... Первое дѣло попалъ я къ черемисинамъ на Оку... Посмотрѣлъ,—грязь кругомъ да бѣдность, да болѣзти, да утѣсненія,—ну, какъ тутъ, думаю, жить?.. Вотъ и побрелъ дальше!.. Изъ губерніи въ губернію... Зайду въ одну губернію—плохо... Въ другую ещщо того хуже!.. Въ третью—не приведи Богъ... Такъ вотъ плуталъ-плуталъ да прямо какъ есть въ вашу деревнюю къ гумнамъ и воткнулся... Нѣтъ, думаю, — шабашъ!.. Далѣ не пойду... Далѣ-то пожалуй ешще хуше найдешь!

— Ой!.. Вѣрно, што найдешь... съ удовольствіемъ слушая его, выкрикивали мужики...—Не мы одни то!.. Вся Расея такова!..

— Чать и похуже насъ есть, — коль по всей Расеѣ поискать!..

— Ой, — а вѣдь пожалуй, братцы, и есть!.. Л-ловко,— ядрена ягодка!..

Назимкинцы восхищенно пожимались, утѣшая себя, что «по крайности не они одни живутъ такъ-то, а и другіе!»...

Печура, прямой и высокій,—какъ выстроганная доска,— слушалъ ихъ, поблескивалъ большими загадочными глазами и молча думалъ о своемъ неразсказанномъ. Безпокойно двигался его бѣлесый зажившій шрамъ на лицѣ, пересѣкшій щеку отъ мочки праваго уха къ носу. И въ плотно сжатыхъ губахъ бродила скрытая усмѣшка:

«Нашли же чему порадоваться, дурачки!»..

— Гдѣ это тебя порѣзали?.. спрашивали съ любопытствомъ мужики, придвигаясь къ нему и почти дотрагиваясь шевелящимися пальцами до его шрама.

— А это меня матка, чтобъ, значитъ, не потеряться, въ измалѣтствѣ помѣтила!.. Въ Расеи народу много... Чего добраго, еще потеряешься?..

Мужики только покачивали головами и смѣялись.

— Иддѣ жъ такому потеряться?.. Эко басельникъ!.. Погляди-кось на себя!.. Мы передъ тобой—ровно шибздики!..

— Вѣрно, што шибздики!..

— Може казаки тебя въ недобрый часъ угадали?.. А?.. У насъ вотъ такъ-то черкесы мужикамъ спины мѣтили... Какъ въ барскомъ лѣсу пыймаютъ, такъ и мѣтить...

Печура надвигалъ на лобъ шапку, пряталъ подъ клочья заячьяго мѣха затѣненные глаза и помалкивалъ...

Болѣе онъ ничего не разсказывалъ о своей прошлой жизни... И по избамъ пошли глухіе осторожные толки, что Печура пострадалъ за правду и теперь скрывается. Доброжелательство назимкинцевъ къ нему отъ этого увеличилось.

— Ну, што жъ!.. рѣшили они...—Пусть живетъ себѣ на доброе здоровье!.. Не наше дѣло!..

Такъ Печура прожилъ зиму... Тихимъ отшельникомъ короталъ онъ время, кое-что работалъ, а больше отсыпался какъ сурикъ, или шатался въ окрестностяхъ съ дрянной купленной на базарѣ одностволкой. Съ охоты заходилъ къ мельнику отдохнуть и взять лекарственныхъ травъ.

Работы было мало. Въ Назимкинѣ жили еще два сапожника самоучки, братья Кузины, землепашцы, занимавшіеся своимъ ремесломъ только по зимамъ. Къ нимъ по привычкѣ и обращался съ заказами и съ починкой народъ.

Пришли весна и лѣто, начались полевыя работы, и о Печурѣ почти забыли. Онъ самъ изрѣдка напоминалъ о себѣ, проходя по деревнѣ со связкой гибкихъ и длинныхъ, старательно выпрямленныхъ имъ въ развилкахъ, рябиновыхъ удилищъ.

— Хороша охотка-то?.. спрашивали мужики.

Печура притыкалъ куда-нибудь удилища и останавливался. Въ черной узкой рубахѣ, не то городской, не то монастырской, онъ казался еще выше, чѣмъ зимой, и такъ рѣзко была замѣтна его болѣзненная худоба.

— Да вѣдь я не изъ жадныхъ!.. отвѣчалъ онъ.—Поймаю рыбину съ вершокъ, вотъ и ухи горшокъ!.. Больше для здоровья

хожу, чтобъ кровь очищалась... Грудь у меня сухая,—слабая... А здѣсь чистымъ воздухомъ подышешь, словно парного молочка попьешь!..

* * *

Осенью опять мужики заговорили о Печурѣ.

На выѣздѣ изъ поселка, тамъ, гдѣ на дощечкѣ покрившагося верстового столба вмѣсто стершейся надписи мужскихъ и женскихъ душъ какой-то озорникъ углемъ написалъ «Деревня Драные Портки», людей 212, бѣшеныхъ собаковъ одна—лавочникъ Чертоперъ», — жилъ неудачникъ мужикъ Нефедовъ, Ѳедоръ Бѣлена, какъ прозвали его, потому что весь родъ ихъ отличался крутонравіемъ, сварливостью и упрямствомъ. Черезъ семейныя дрязги онъ выдѣлился противъ воли отца изъ хозяйства, и съ той поры одно несчастье за другимъ стали рушиться на него: пала единственная лошадь, прогнилъ отъ дождя въ копнахъ невывезенный во-время хлѣбъ, померъ горлышкомъ сынъ-подростокъ.

Ѳедоръ метнулся въ городъ, но и въ городѣ тѣ же неудачи. И озлобленнымъ на всѣхъ волкомъ онъ вернулся домой...

Отецъ его Василій Бѣлена, памятуя обиду, дѣлалъ видъ, что радуется каждому новому несчастью сына, и при встрѣчахъ съ нимъ посмѣивался злорадным торжествующимъ смѣшкомъ:

— Мало ишшо тебѣ стервецу!.. Поживи ко-сь теперь безъ отца-то?.. Подожди лихого дню,—не того ишшо дождешься?..

Ѳедоръ косилъ на отца холодные съ выкатомъ глаза, выставлялъ впередъ острую—клинышкомъ—бороденку, сжималъ кулаки и визгливо, по-бабьи, кричалъ:

— То-оже, отецъ прозывается!.. Не отецъ ты, а кобель брехатый.

Выбившись изъ силъ, Ѳедоръ съ отчаянія рѣшился перейти на хуторъ, продалъ выдѣлъ, получилъ ссуду, выклянчилъ, у кого могъ, нѣсколько рублишекъ и съ удвоеннымъ ожесточеніемъ взялся за хозяйство. Но какъ онъ ни старался, какъ ни напрягалъ каждую копѣйку, отказывая себѣ даже въ кускѣ хлѣба, чтобъ къ сроку возвратить ссуду въ банкъ, толку не вышло. За неплатежъ банкъ выселялъ его съ земли, и даже хлѣбъ Ѳедора въ пышныхъ, старательно сложенныхъ, скирдахъ остался въ полѣ, потому что не разрѣшили свезти. Жена Ѳедора, Василиска, выла и вытирала ладонями слезы на бѣлокровномъ испитомъ лицѣ, а самъ онъ, темный и насупленный, ходилъ босикомъ по вязкой пашнѣ и колкой жнивѣ, стараясь

сорвать зло на чемъ попало. Зачѣмъ-то отвернулъ нечищенную палицу съ приставшими комьями земли и въ полѣ же около разметаннаго шалаша, гдѣ они лѣтомъ укрывались отъ непогоды, бросилъ разный скарбъ,—старую кривозубую борону и деревянный провонявшій лагунъ для воды. Дочь Машка, слабосильная и тщедушная дѣвченка, съ опаской убѣгала отъ отца, чтобъ не попадаться ему подъ руку, но какъ-то не вытерпѣла и спросила:

— Мамкъ говоритъ,—мы теперь нищіе стали?..

— Досаждай, язва!..—крикнулъ онъ на дочь, схватилъ за плечи, затрясъ и швырнулъ отъ себя такъ, что Машка—кувыркаясь—перелетѣла по жнивью и воткнулась болячечной головой въ борозду. Да такъ ничкомъ, заголивъ худыя синія ноженки, и лежала безъ движенія и крика. Ѳедоръ испугался, что убилъ дочь, подбѣжалъ къ ней, поднялъ съ земли и сталъ трясти. Машка, съ перекошеннымъ ртомъ и побѣлѣвшимъ оцарапаннымъ лицомъ, долго ничего не понимала, потомъ опамятовалась и захлипала, дергаясь плечами, а Ѳедоръ грубо, но успокоительно, сказалъ:

— Пойди,—пойди къ матери!.. Зудишь зуда,—сама не знай чего!.. Безъ тебя тошно!.. О-о-о!..

Онъ сѣлъ на борозду, обхватилъ крѣпко колѣни, весь согнулся въ луку и, раскачиваясь, точно низко кланяясь землѣ, самъ долго выл ъ и лязгалъ зубами, какъ въ лихорадкѣ.

Возвратясь въ деревню, онъ пересилилъ себя и пошелъ къ отцу съ просьбой.

— Батюшка, выручи!.. Дай-сколь нисколь-деньженокъ!.. Потомъ—полегче станетъ—расквитаемся!

Старикъ принялъ его круто. Злорадно, съ торжествомъ, онъ поднялся со скамьи, сдѣлалъ нѣсколько крупныхъ шаговъ къ порогу, выкинулъ граблями трясущіяся, но еще сильныя, руки и захрипѣлъ:

— А га,— помѣщикъ,—дери тебя горой!.. Приволокся небойсь, когда надобенъ сталъ?.. Ба-а-тюшка, ба-а-тюшка!.. А раньше морду во-ротилъ, почесь за кобеля почиталъ?..

Ѳедора душилъ гнѣвъ,—онъ смотрѣлъ на багровую лысину отца и думалъ: «А хорошо бы развернуться, да всѣмъ кулакомъ его по плѣши!.. Ударить нѣшто, чтобъ памятку хорошую дать?..» Но онъ сдержалъ себя, опустилъ низко голову, ушелъ помутившимися, плохо видящими глазами въ одну неподвижную точку на грязномъ полу и покорно сказалъ:

— Помоги—сколь нисколь!..

Василій затрясъ кулаками передъ самымъ его лицомъ.

— Сми-и-рись, с-сукинъ сынъ!.. Кланься отцу ниже!.. Небойсь,—поклониться—голова не отвалится!..

Ѳедоръ вскинулъ голову, задрожалъ отъ негодованія и прерывающимся, полнымъ ненависти, голосомъ крикнулъ:

— Будь ты трижды проклятъ,—старый чортъ!.. Какъ тебя земля этакого окаяннаго носитъ?.. Прровались ты въ тартарары!

А на другой день въ воскресенье, когда праздничный и разряженный народъ возвращался на телѣгахъ и пѣшкомъ изъ церкви, что была въ сосѣднемъ селѣ Камаевѣ, Ѳедоръ Бѣлена отъ горя, а вѣрнѣе на зло отцу, повѣсился въ сараѣ на веревочныхъ возжахъ.

День былъ сентябрьскій, золотой, ласковый и задумчивый... Голубыя дали были по-осеннему прозрачны той нѣжной чистотой, въ которой такъ четко видать на десятки верстъ оранжевую кайму начинающихъ увядать лѣсовъ. Серебряныя паутинки плавали въ воздухѣ. Придорожныя рябины уже налили горькіе гроздья, краснѣя узорными сквозными листьями. Лѣто прощалось съ землей, и такъ трогательно красивы были его послѣдніе поцѣлуи.

Ѳедоръ лежалъ посреди сарая на связкѣ свѣжей, откуда-то принесенной соломы. Захолодѣвшія его руки были разведены, голова была прикрыта. Кто-то догадался набросить ему на лицо сѣрый пыльный мѣшокъ изъ-подъ муки, и изъ-подъ него только виднѣлась вздернутая кверху рыжая непокорная борода. Пустой обмолотый колосъ застрялъ въ бородѣ, и переломаннымъ-же приставшимъ колосомъ были пересыпаны босыя, мокрыя отъ навозной жижи ноги.

Вся деревня собралась къ двору Ѳедора. Нѣкоторые стояли—какъ пришли изъ церкви—съ узелками и поминаньями въ рукахъ. Пришелъ и Печура, загорѣвшій за лѣто и еще болѣе обросшій волосами, и отецъ удавленника, старикъ Василій, съ дочерью и двумя внуками. Василій Бѣлена подтыкался толстой кленовой палкой, мрачно сопѣлъ, прижималъ крѣпко подъ мышкой армяка смятый бурый картузъ и молча смотрѣлъ въ землю, показывая толстую вздувшуюся жилу на голомъ бугроватомъ черепѣ.

Василиска, завидѣвъ свекра, перестала вопить. Больные желтые бѣлки ея глазъ вдругъ заострились, лицо исказилось отъ непримиримой ненависти, и съ болью она рванулась впередъ.

— У-у,—душегубецъ!.. За што сына-то съѣлъ, змѣй?.. Уходи отсель,—не кажись на глаза!.. Уходи, варнакъ окаянный!..

Бабы схватили Василиску сзади за локти и силой усадили на приваленную къ стѣнкѣ кучу хвороста и осиновыхъ вершинокъ, рядомъ съ пугливо-дрожащей и озирающейся дочерью.

— Будя, голубушка!.. А ты сядь-ко-сь, не растравляй себя!.. Сядь!.. Чать вѣдь тоже и онъ отецъ?.. Чать вѣдь—не чужая кровушка, а своя?..

Онѣ отдѣлили Василья отъ снохи плотной стѣной и ждали, что онъ скажетъ. Онь чувствовалъ на себѣ ихъ вызывающіе непріязненные взгляды, крѣпче подпирался палкой, и на открытой лысинѣ его полнѣй наливалась багровая узловатая жила. Въ душѣ копошилось угрызеніе за смерть сына. Но присутствіе постороннихъ людей, явившихся теперь незваными судьями, только разжигало обычную упрямую досаду. И онъ коротко, почти враждебно, бросилъ:

— Никто не толкалъ его вязаться съ разными тамъ банками!.. Самъ въ петлю влѣзъ!..

Василиска послѣ этихъ словъ опять метнулась къ свекру, отпихнула цѣпляющуюся за нее дочь и угрожающе закричала:

— Ты, змѣй, всю кровь изъ него высосалъ!.. Ты въ петлю сунулъ... ты... ты!..

Бабы поймали ее сзади и отвели на прежнее мѣсто.

Василій Бѣлена вздохнулъ, отошелъ—ни на кого не глядя—крупными ровными шагами къ воротамъ, сѣлъ на опрокинутую негодную, запачканную свиньями колоду и надѣлъ картузъ.

Мужики молчали. Бабы грудились другъ къ дружкѣ, одергивали пестрыя кофты и праздничные цвѣтные сарафаны и перешептывались, не стѣсняясь присутствіемъ ни Василиски, ни Бѣлены:

— Звѣ-ѣрь, а не человѣкъ!..

— Куды теперь она дѣнется?.. Братья и дяди—Богъ знатъ игдѣ?..

— Да кабъ и дома были,—нишь два лишнихъ рта кому сласть?..

* * *

Смерть Ѳедора потрясла Печуру. Онъ стоялъ посреди сарая, раздумчивый и высокій, почти касаясь головой зыбкаго перехлеста изъ тонкихъ кривыхъ жердей, на которыхъ висѣло тряпье. Глаза его были широко разставлены и горѣли въ зрачкахъ, какъ у безумнаго. Онъ только качалъ головой, и отъ вздо-

ховъ воздухъ глубоко хлипалъ въ его груди. По уходѣ же Бѣлены изъ сарая онъ съ вырвавшейся тоской повторялъ:

— А-ахъ, ты Боже жъ мой!.. Да што жъ это такое?..

— А-ахъ, ты, Господи жъ милосливый!..

Со стороны можно было подумать, что онъ убивается по близкомъ человѣкѣ.

Мужики оставили Ѳедора въ сараѣ, разметанныя его руки осторожно сложили на груди, накрыли его веретьемъ, и на концы веретья навалили по угламъ тяжелые камни, чтобъ не сдуло вѣтромъ, и собаки не обкусали лица покойнику. И веревку, на которой онъ висѣлъ, отвязали—хотя этого не полагалось—отъ перекладины, запетлили въ восьмерку и положили рядомъ съ мертвецомъ, чтобъ не потерялась до пріѣзда властей. Василиску съ Машей шабры увели въ свою хату, а на улицѣ, около холодной Ѳедоровой мазанки скучилась большая толпа.

Солнечные лучи разбѣгались среди ветлъ золотыми стрѣлками. Воробьи перепрыгивали по тонкимъ сучьямъ, отгибали клювами продолговатые матовые листочки и что-то выискивали въ нихъ. Печура съ мужиками стоялъ все безъ картуза, крѣпко прижавъ ладонь къ открытому лбу, молитвенно и скорбно смотрѣлъ въ голубое небо и говорилъ:

— Солнышко-то!.. Птички-то Божьи!.. Облачка бѣлыя плывутъ!.. Все-то живетъ и радуется!.. Господи жъ ты благой!.. Какъ же такъ-то люди жизни себя лишаютъ?..

Не столько слова Печуры, сколько весь его необычный видъ, непонятно волновали мужиковъ. Они тѣсно обступили его, шелестили сермягами и зипунами,—сильнѣй и чаще, чѣмъ нужно, поднимали и опускали груди.

Стоявшій около Печуры коротконогій мужикъ, съ оттопыренными сильными руками и широкимъ чернымъ, какъ у сома, ртомъ, повернулся къ Печурѣ заплатами стараго коричневаго азяма, воротъ котораго скатался въ жесткую трубку и блестѣлъ отъ грязи, подобно кожурѣ спѣлаго проса. Съ горечью, которая проснулась въ немъ отъ словъ Печуры, напомнившихъ о незадачливой мужицкой жизни, онъ сказалъ глухимъ сдавленнымъ голосомъ:

— Нѣшто же по своей такъ-то волѣ?.. Мочи нашей не хватаетъ!.. И разоренье-то, и утѣсненья-то,—и въ семьѣ неладица!.. Жить-то какъ?.. Скажи ты мнѣ!.. Нѣжь это жизть?..

Печура, позолоченный солнцемъ, взглянулъ на него просто и любовно, какъ смотрятъ ласковыя, чѣмъ-нибудь удивленныя, дѣти. Въ глазахъ его дрожалъ тихій, мягкій свѣтъ.

— Ми-илый человѣкъ!.. Жизнь-то вѣдь одинъ разъ дана!.. Вонъ воробушки летаютъ, гли-ко-ся?.. Дожжемъ,—снѣгомъ подъ застрѣху бьетъ, а они живутъ себѣ!.. Дикой звѣрь и холодъ и голодъ сноситъ,—а посмотри-ко,—до издыханія за каждую крошку бьется?.. Травушка къ солнцу тянется!.. Почему жъ разумный-то человѣкъ неразумнѣе звѣря выходитъ?..

Печура поднялъ кверху и простеръ передъ небомъ руки... Покоряющая жизнь ликовала кругомъ, хотѣлось обнять и приблизить ее. Торжественный и умиленный, такъ походилъ онъ на одного изъ святыхъ, которыхъ немудрящій живописецъ нарисовалъ въ притворѣ церкви. И на мгновенье казалось, что кругомъ—сплошной свѣтлый нерукотворный храмъ.

Коротконогій упорно встряхнулся и оборонительно выперъ крѣпкую грудь, положивъ на нее ржаной горбушкой русую бороду.

— Може, мы хуже скотовъ живемъ?.. Вѣрно, што хуже скотовъ!.. Со звѣрю, по крайности, спросу нѣтъ, ни отъ Богу, ни отъ людей!.. А тутъ маешься-маешься,—конца краю не видать!.. Весь въ бѣдахъ, словно шелудивый въ чирьяхъ!.. А-ахъ, ты—головушка незадашная!..

Печура кротко и со страданіемъ сжался.

— Што жъ дѣлать, братъ милый?.. Перемогись!.. Може, и легче будетъ!..

Коротконогій скривилъ ротъ, досадливо хлопнулъ себя кулакомъ въ грудь и дребезнулъ въ сухомъ воздухѣ раздраженнымъ голосомъ:

— Да докелева же мочь-то?.. А?.. Могла кобыла у мужика да и ту волки въ оврагѣ зайли!.. Вотъ осень подходитъ,—сосчитай-ка-сь?.. Арендныя плати, мірскія плати, штраховку въ земство плати, недоимку плати,—да откуда жъ тутъ всего наберешься?.. Да отъ такой жизти въ какую хошь петлю полѣзешь?..

Страданіе все шире разливалось въ лицѣ Печуры, и въ углахъ опущенныхъ губъ появилась печальная безпомощность.

— Што жъ дѣлать, голубь мой!—покорно повторилъ онъ...—Жизнь-то вѣдь не наша—Божья!.. Какъ же подвижники страдали?..

Коротконогій сердито оборвалъ его:

— Што дѣлать,—што дѣлать!.. Э-эхъ,—слыхали мы много такихъ-то... проходящихъ!.. Ишь ты ровно кочетъ монастырскій!.. Вотъ и городишь разное!..

Легкимъ, нечаянно набѣжавшимъ облачкомъ завѣсилось солнце. Пепельныя тѣни согнали позолоту съ рдѣвшихъ рябинъ и желтыхъ соломенныхъ крышъ. Глаза Печуры погасли, стали глу-

бокими и смотрѣли далекимъ внутрь себя замкнувшимся взглядомъ.

Ничего не отвѣтивъ, онъ—съ открытой головой—пошелъ рѣдкими, раздумчивыми шагами прочь отъ толпы. Сгорбившійся и подавленный подъ тяжестью безрадостныхъ мыслей, онъ шелъ вдоль порядка.

Вслѣдъ ему коротконогій гудѣлъ:

— Ему што?.. Ему хорошо балясить,—кочетъ монастырскій!.. Нѣ-ѣтъ, попробовалъ-ба съ мое?.. У меня вонъ ихъ съ бабкой адинацать ртовъ!.. Кажному по куску—адинацать кусковъ... Тьфу ты прорва,—жрутъ, жрутъ, да игдѣ жъ на нихъ напасешься?..

* * *

Осень приносила Печурѣ болѣзни.

Въ печной, еще неостывшей, горнушкѣ парилась въ муравленомъ желтомъ горшкѣ крапива съ сушенымъ березовымъ листомъ,—настой этотъ Печура пилъ отъ кашля для очищенія груди.

Самъ Печура сидѣлъ на кругломъ дубовомъ обрубкѣ и тачалъ заплату сапога. Подъ работу думалось спорѣй, и время отъ времени онъ встряхивался, прислушивался въ пустой тишинѣ и дѣлалъ короткія восклицанія. Такова ужъ была у него привычка, сложившаяся въ одиночествѣ.

Въ окно осторожно, но увѣренно постучали, какъ стучатъ свои люди. Печура поднялся съ обрубка, загородилъ руками лицо отъ свѣта лампы и, хотя изъ избы на улицу ничего не было видно, все же уткнулся сперва въ тусклый вырѣзъ окна, чтобъ посмотрѣть, а потомъ уже вышелъ въ сѣнцы.

Вмѣстѣ съ нимъ въ избу вошли два немолодыхъ мужика, одинъ въ байковомъ чапанѣ, другой въ желтой сермягѣ, оба похожіе другъ на друга, съ волосами, подстриженными по-старинному—широкой скобой вокругъ головы—съ постными одухотворенными лицами и крупными бородами, начинающими уже кое-гдѣ серебриться. Это были два брата: въ чапанѣ—Аѳоній и въ сермягѣ Тихонъ, начетчики священнаго писанія, рьяные общинники, жившіе по дѣдовскому уставу нераздѣленными семьями въ одной избѣ.

Аѳоній — старшій — послѣ крестныхъ поклоновъ—пригладилъ ладонью сбившіеся волосы, вытеръ мокрую отъ дождя бороду, стряхнулъ капель съ чапана и сказалъ:

— Миръ дому твоему!..

Печура привѣтливо отвѣтилъ:

— Спасетъ васъ Христосъ!..

Онъ съ радушіемъ засуетился, перенесъ съ верстака къ столу лампу и повѣсилъ ее подъ жестянымъ щиткомъ на проволочномъ качающемся кругѣ.

— Садитесь, гости желанные!.. Вотъ спасибо, что навѣстили!.. Насъ вѣдь тутъ въ избѣ только двое: я да сверчокъ, сверчокъ да я... Сверчокъ пѣсни поетъ, а я слушаю... Вотъ сюды-ы, къ сто-олу!.. Только чѣмъ же васъ, гостеньки дорогіе, угощать?..

Аѳѳій сѣлъ на скамью ближе къ божницѣ. Послѣ него сѣлъ Тихонъ, строго соблюдая очередь старшинства.

Тихонъ былъ сильнѣй брата въ священномъ писаніи и умнѣе, но ужъ было заведено такъ, что онъ уступалъ ему первенство: Аѳѳій спроситъ, а Тихонъ поясниті, Аѳѳій скажетъ, а Тихонъ поддакнетъ, какъ печать приложитъ...

— Какое угощенье?.. Ничего не надоть!..—заговорилъ Аѳѳій, подвигаясь къ столу и распахивая чапанъ, подъ которымъ была длинная бѣлая рубаха, подпоясанная низко на бедрахъ шерстянымъ пояскомъ.—Побесѣдовать съ тобой пришли,—не для угощенья... Може, насъ—слѣпыхъ—отъ духовнаго твоего источника свѣтомъ утолишь?..

— Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ!..—поддакнулъ великорусскимъ пѣвучимъ выговоромъ Тихонъ, внимательно слѣдя за движеніями Печуры и пытливо оглядывая обстановку избы.

Печурѣ было пріятно, что вотъ лучшіе уважаемые въ деревнѣ люди пришли къ нему искать поученій, въ жаждѣ которыхъ онъ самъ столько лѣтъ странничалъ по разнымъ мѣстамъ. Но къ радости невольно примѣшивался тотъ связывающій страхъ, какой испытываютъ многіе передъ каждымъ новымъ и отвѣтственнымъ дѣломъ.

Онъ въ смущеніи слегка опустилъ густыя монашескія рѣсницы.

— Што жъ я вамъ, золотые, скажу?.. Я человѣкъ простой, неученый!.. Вы сами больше знаете!..

Тихонъ продолжалъ слѣдить за нимъ. Осторожный самъ, онъ не довѣрялъ и ему,—думалъ, что Печура не такъ-то легко откроетъ себя незнакомымъ людямъ. Хотѣлъ проникнуть въ его мысли, разгадать его таинственность, и былъ даже недоволенъ братомъ—хотя и виду ему не подалъ—когда тотъ напрямикъ, съ безхитростной простотой, спросилъ:

— Ты прости ужъ насъ, грѣшныхъ, за докуку!.. Слышали мы,—будто на сторонѣ новая вѣра объявилась... Христова

вѣра!.. Ну, вотъ и думаемъ мы... Сходить нѣшто къ тебѣ,—потолковать?.. Може, ты не изъ такихъ ли?.. А?.. Али часомъ не слыхалъ ли чего?.. Не откажи ужъ, братъ Христовъ!..

Смущеніе Печуры возрасло. Онъ даже жарко загорѣлся въ лицѣ, и мелкая, частая зыбь обошла его стянутый шрамъ.

— «Божьи люди» называются...—поправилъ Тихонъ брата. И, объясняя себѣ замѣченную имъ въ Печурѣ перемѣну нежеланіемъ его открыться, добавилъ просительно, чтобъ показать, какъ важенъ для нихъ отвѣтъ, и вызвать его на откровенность...—Живемъ мы словно въ лѣсу дремучемъ!.. Если что знаешь,—ужъ не утай... Какъ говорится въ святомъ словѣ: возжегшій свѣтильникъ не ставитъ его подъ столъ, а на столѣ, чтобъ видѣли...

Печурѣ было неловко передъ братьями. И къ виноватому чувству примѣшивалось еще сожалѣніе, что онъ среди своихъ странствованій не встрѣтилъ нигдѣ этихъ Божьихъ людей.

Онъ вздохнулъ.

— Не знаю, дорогіе мои!.. Не слышалъ!..

Каждый задумался о своемъ. За окномъ въ верхушкахъ вербъ шумѣлъ вѣтеръ.

— А есть такіе... есть!..—съ огорченіемъ человѣка, обманувшагося въ надеждахъ, замѣтилъ Ареѳій и безъ надобности поправилъ около ворота рубаху...—Есть вѣдь, Тихонъ?.. А?..

Тихонъ повернулся къ брату.

— Слухомъ земля красна!.. Повѣдывалъ намъ калика прохожій, што есть!..

— А какъ живутъ-те они, Тихонъ?.. А?.. Живутъ-те какъ?..—продолжалъ Ареѳій, ухватившись за первую попавшуюся мысль. Отвѣтъ Печуры, какого онъ не ожидалъ, сбилъ его съ толку, сильно удручилъ, и теперь въ его головѣ все безпорядочно путалось...—Разскажи-ка, Тихонъ, какъ живутъ-те они?..

Тихонъ, послушный брату, удобно усѣлся у стола, положилъ на локти тощее тѣло и началъ:

— Повѣдывалъ намъ калика... Живутъ, вишь-ты, они артельно, въ братскомъ согласѣ... Свои ли, чужіе ль всѣ—одно стадо!.. И порядокъ строгихъ правилъ для всѣхъ росписанъ... Ни табашничать тебѣ, ни сквернословить, ни омманывать дружку, ни распутствовать, ничего этакого и въ поминѣ нѣтъ!.. А если къ примѣру у тебя горе случилось, али несщастье,—лошадь, скажемъ, пала,—або хлѣбъ не родился, то всѣ артельно тебѣ помогутъ... Таковъ ужъ ихній законъ!..

Ареѳій умиленно слушалъ, забывая огорченіе, которое при-

чинилъ Печура. Въ тактъ словамъ брата онъ дѣлалъ плавныя, одобрительныя качанья головой, лицо его стало мягкимъ, острые углы сгладились, и добрая, мечтательная улыбка широко расплылась и поползла къ серебрящейся бородѣ.

Такъ непохожа была настоящая тяжелая ихъ жизнь на ту, которая рисовалась теперь радостнымъ и недосягаемымъ свѣтлымъ чудомъ.

Онъ повернулся къ Печурѣ.

— Слышь, Божій человѣкъ, законъ-те какой?.. А?.. Каковъ законъ-те?..

Печура, поддаваясь умиленной радости Ареѳія, мечтательно же замѣтилъ:

— Хорошо, коли такъ-то!.. Коли правда!..

— Правда, братъ!.. Пра-авда!.. Хо-оро-шо!.. Разскажи-ка-сь еще, Тихонъ, на сщетъ богачества ихъ?.. А?.. На сщетъ богачества-те скажи?..

— Нужды они не знаютъ,—продолжалъ Тихонъ.—У рѣдкаго-рѣдкаго, слышь ты, хозяина менѣ трехъ головъ скота... Жеребятки табунками пасутся!.. Утокъ,—гусей водютъ!.. Міроѣдства этого да жадности, чтобъ бѣдняка въ кабалу вогнать, какъ у насъ, тамъ не встрѣшь... Кто богатый, тотъ съ бѣднымъ подѣлится... Равненіе всѣмъ по-хрестіански,—по совѣсти блюдутъ...

— А?.. Каково, Тихонъ?.. А?..—восклицалъ Ареѳій...— Слышь, странникъ?.. Што ты намъ, Божій человѣкъ, на это скажешь?..

— Хорошо, коли истинно есть!..

— Истинно, есть!.. Истинно, братъ!.. Вѣрно вѣдь, Тихонъ... А?..

Тихонъ прервалъ разсказъ. Онъ уже рѣшилъ, что Печура не скрываетъ себя, примирился съ этимъ и хотѣлъ самъ послушать и узнать что-нибудь новое отъ него...

— Што жъ все *мы* да *мы*, Ареша, бесѣду держимъ?.. сказалъ онъ съ легкимъ укоромъ брату...—Пущай намъ странникъ чего-нибудь молвитъ!..

Ареѳій засуетился.

— Да, да, братъ!.. Разскажи намъ ты... Ты человѣкъ бывалый, много по всякимъ мѣстамъ ходилъ...

Повинуясь просьбѣ, Печура всталъ со скамьи.

«Что же я имъ скажу?.. подумалъ онъ... Нѣшто о Валаамѣ?..»

Въ памяти стали пробѣгать разныя событія, встрѣчи и бесѣды... Никольскій скитъ съ одноглавой церковкой среди сосенъ и

березъ надъ свѣтлыми водами... По водамъ этимъ, то тихимъ, то бурнымъ и взборожденнымъ, сколько разъ Печура съ послушниками разъѣзжалъ на большой смоленой лодкѣ забрасывать рыбныя сѣти... Старецъ Паисій, спасавшійся въ лѣсной чащѣ, въ одинокой бревенчатой избушкѣ, на двери которой былъ нарѣзанъ старинный восьмиконечный крестъ... И многое другое...

Оживали мирныя рѣчи Паисія. Припоминалось все—казалось—позабытое.

Печура сталъ разсказывать сперва нерѣшительно, потомъ увѣреннѣй, удивляясь самъ, откуда притекаютъ легко и звучно слова. Онъ говорилъ о мрачныхъ и благолѣпныхъ монастырскихъ скитахъ, о святыхъ могилахъ съ памятниками за оградой, о пещерахъ, затерявшихся въ камняхъ, о пустыняхъ схимонаховъ, о ракѣ преподобныхъ Сергія и Германа, валаамскихъ чудотворцевъ, надъ которыми воздвигнуты золоченые кіоты и ковчегъ съ дорогими образами и серебряными троесвѣщниками,—о торжественныхъ монастырскихъ службахъ, о мантейныхъ старцахъ, питающихся просфорами, о тяжелыхъ подвигахъ, объ испытаніяхъ послушниковъ, о большомъ и маломъ постриженіяхъ...

Воскресала красота монастырскихъ церквей, озеръ, лѣсовъ, скалъ и подвижниковъ-людей.

Ареѳій съ жадностью впитывалъ въ себя его слова. Тихонъ слушалъ серьезно и подъ конецъ угрюмо сказалъ:

— То жъ иноки!.. Иноческій законъ одно, а мірская жизнь другое... Не всякій, какъ говорится, вмѣститъ монашества... А вотъ такой бы порядокъ установленій сдѣлать, штобъ на міру спастись?..

— Вотъ-вотъ!..—подхватилъ Ареѳій...—Да нѣшь у насъ на міру спасешься?.. Каки-видь наши мужики-те?.. Глотки другъ дружкѣ перегрызть готовы!..

— Артельно за такое дѣло надо взяться!..—сказалъ Ареѳій...—Тогда и грѣха меньше будетъ!...

* * *

Въ скоромъ времени опять братья пришли къ Печурѣ. До поздней ночи сидѣли они и бесѣдовали о мірской нуждѣ и грѣхахъ,—о страданіяхъ, какія должны нести люди... Печуру волновала бесѣда... И среди потревоженныхъ воспоминаній онъ

нашелъ и разсказалъ братьямъ одно, которое надолго запало имъ въ душу.

Говорилъ онъ мягкимъ и задушевнымъ, исторгающимся изъ глубины самого сердца голосомъ:

— Зналъ я странника одного, такого—какъ я... Жилъ онъ съ сыномъ честно, кусокъ хлѣба зарабатывалъ, никому зла не дѣлалъ... И вотъ какъ Іова, слышите,—страдальнаго Іова, судьба постигла...

Мучительныя тѣни дрогнули на его лицѣ.

— Четыре годочка сынку было... Смотрѣть на него сердце радовалось!.. Бывало, бѣгаетъ онъ вокругъ отца, лопочетъ: «Тятька!.. А я Отчу Ижеси всю знаю!..»—«Ннну... Нѣшь знаешь?»..—«Знаю, тятька»...—И начнетъ онъ Отчу Ижеси вычитывать... А какъ дойдетъ до словъ «Хлѣбъ нашъ несушный», такъ сейчасъ и спроситъ: «Тятька!.. А какъ же молочко-то?»..—«Что молочко?»..—«Дастъ Богъ молочко?»..—«Разъ хлѣбецъ дастъ, то и молочко дастъ»...—«Я, говоритъ, тятька, буду и молочко просить!.. И еще просить, чтобъ мы на могилку къ баушкѣ въ деревню поѣхали!»..

— И не перескажешь всего, что было!..

Печура странно преобразился и, дѣлая надъ собой усилія,—началъ отрывисто и тяжело:

— Вотъ такъ было!.. Сыночекъ по улицѣ шелъ... Радовался касатикъ, что кушачекъ новый купили... голубенькій... Смѣялся, рученками вотъ этакъ въ воздухѣ плескалъ... День-то былъ благодатный... Церковки блестѣли... На улицѣ нарядно, весело, дѣти въ колясочкахъ, люди въ мундирахъ, собачки съ лентами... Все-то ему надо!.. Все-то тѣшитъ его!.. На площадь мы перешли... А тамъ на площади смятенье... Какъ увидѣлъ онъ,—забился, прижался къ отцу, за полу держитъ...—«Тятька, боюсь!.. Тятенька милый, бѣжимъ!»..—«Что ты, сынокъ?.. Христосъ насъ спасетъ!.. Кто насъ тронетъ?..»—«Ой, тятенька родимый!..»—«Не бойсь, золотой, пойдемъ на ручки!.. На ручкахъ никто не достанетъ!..» А толпа вихоремъ налетѣла... Такъ вотъ горка камней сложена,—а у камней онъ... какъ голубочекъ неповинный... раздавленный. И отецъ къ нему... неубереженному... на колѣночкахъ... ползкомъ... ползкомъ... Руками-то снѣгъ разгребаетъ...

Печура блѣдный и неподвижный застылъ... Молчали братья, колыхая груди глубокими вздохами.

Печура первый, точно послѣ глубокаго забытья, очнулся.

Онъ провелъ руками по лицу, какъ бы снимая съ себя тяжелыя воспоминанія и преодолѣвая боль.

— Семь недѣль и странникъ послѣ того въ больницѣ лежалъ... Вынули ему три ребра, иглой заштопали, думалъ, и не отдышется онъ... Однако, ничего!.. выжилъ!.. Только высохъ весь и силъ лишился... Ступитъ разъ-два и пошатнется... А вѣдь какой батырь-то былъ?.. Чугунный релецъ подымалъ!..

— И все тотъ странникъ перемогъ...—съ примирительной покорностью заключилъ Печура разсказъ. — Взялъ онъ сумочку дорожную съ посошкомъ, поцѣловалъ сыру-землю на могилкѣ братской, куда сыночка закопали, помолился на часовенки, да и пошелъ... Такъ вотъ одинокій и ходитъ онъ—ходитъ по землѣ русской...

Подумали братья, что Печура и есть тотъ странникъ, но ничего не сказали ему.

* * *

Убрались мужики въ поляхъ, помолотились, выкопали въ огородахъ картошку, продали хлѣбъ, а у кого былъ ленъ, — и начались голодныя и драчливыя свадьбы... Осенній деревенскій отдыхъ!..

Неожиданно грянула вѣсть: верстъ за двадцать отъ Назимкина въ селѣ Кондоли покончилъ съ собой всѣмъ извѣстный и уважаемый старикъ Феклистъ Зотовъ, служившій міру нѣсколько разъ по выборамъ. Вѣсть эта такъ неурочно ворвалась въ осеннее обманчиво-радостное настроеніе, а послѣ смерти Бѣлены, вызывала даже ужасъ, особенно въ тѣхъ, кто зналъ Зотова за богобоязненнаго и степеннаго мужика.

— Што жъ это такое?.. Што за времена пришли?.. Напасть какая-то!..

Было такое чувство, что откуда-то издали надвигается никогда не виданная страшная туча. И она все тѣснѣй смыкается вокругъ деревни неотвратимыми бѣдами...

— Ну, кабы молодой былъ?.. — разсуждали старики... — Молодые-те нонѣ и въ Бога не вѣруютъ!.. Охаверники да грамотѣи! Ка-акъ-же?.. Умнѣй отцовъ хотятъ быть?..

Молодежь, обиженная такими нелестными отзывами о ней, вступала со стариками въ перебранку:

— Стараго да вшиваго нечего жалѣть!.. Померъ и крышка!.. Не долго бы землю топталъ!.. Старый съ возу—коню легче!..

Старики сердились.

— Што онъ вамъ?.. Дорогу къ кабакамъ штоли загородилъ?.. Бровы красноглазые! Взять бы вотъ хорошую орясину, да безперечь орясиной всѣхъ...

— Попробуй!.. Руки, пожалуй, обломаешь!.. Прошло, чтобъ орясинами бить!..

— То-то, што прошло!.. Рвань мякинная!.. То-ò-же,—въ пунсовыя рубахи вырядились!..

— Побрехайте, побрехайте, старички!.. Да мотни-то свои подберите!.. Ишь съ полъулицы подъ себя назему намели...

Отъ ругани переходили опять къ разговорамъ, чтò за новая напасть нашла на деревню.

— Затменіе какое-то напущено!.. Никогда допрежь не бывало! Жизтью-то нашей—знать—окаянный ужъ теперь заволодѣлъ?..

— Какъ не бывало?.. А Ехфимъ мокренькій?..

Вспоминали Ефима, утопившагося въ вешнякахъ подъ мельницей.

— Эко хватили, — Ехфи-имъ!.. Ехфимъ пьяный былъ!.. Чего съ пьянаго искать?.. А вѣдь это тверезые!.. Шутка—мовить,—за одну осень два упокойника!..

Молва о надвигающемся несчастьи росла и, какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ, разукрашивалась небывальщиной.

Разъ молодуха, Домна Ожамокъ, больная и зеленая отъ частыхъ родовъ и выкидышей женщина, сказала на улицѣ:

— Правда ли, нѣтъ ли, вонъ Урлейскіе баяли, што у нихъ на огородахъ Лукеша Ѳомичева ножомъ себя полыхнула!..

— Какая Лукерья?..

— А Ѳедора Кривоноса сноха!..

Мужики были такъ полны суевѣрныхъ ожиданій, что чуть не избили тутъ же на улицѣ разсказчицу за ложные слухи.

— Окстись, бабонька!.. Во снѣ тебѣ причаялось!.. Лукерью мы онамедни на базарѣ видѣли... Типунъ тебѣ на языкъ!..

— А мнѣ што?..—смущенно оправдывалась Домна Ожамокъ, отходя боязливо въ сторонку...—Люди ложь и я то-жъ!..

Печуру эти событія непомѣрно сокрушали... Онъ весь содрогался мучительнымъ, безсильнымъ трепетомъ, и видно было, какъ страстно любитъ онъ жизнь, и какой ужасъ вселяютъ въ него разсказы о ненужной смерти другихъ...

Онъ присоединялся къ толпѣ,—высказывалъ то, что болью накипало у него въ мысляхъ:

— Зла въ человѣческой душѣ много!.. Вотъ откуда бесщастье жизни происходитъ... Вспомните-ка Бѣлену?.. Пропалъ черезъ свою злобу мужикъ... Злоба-то она какъ дрожжи!.. Попадетъ въ тебя ее вотъ-съэстэль, такъ она всю душу закваситъ!..

Мужики слушали его со вниманіемъ, но какъ-то странно,— не то соглашались съ нимъ, не то не соглашались. Даже поддакивали ему на словахъ, но съ такимъ выраженіемъ, какъ будто въ тайнѣ они думаютъ по-своему: о безпросвѣтной и безысходной тяжести мужицкой жизни:

— Эт-то вѣрно!.. Што и толковать?.. Конешно, по-Божьему не такъ!.. Да только жизть-то наша какая?.. Нонѣ недоѣшь, да завтра недоѣшь!.. А-ахъ ты, мать милосливая!..

Коротконогій съ нѣкотораго времени сталъ показывать Печурѣ явную вражду. Онъ искалъ случая вступить съ нимъ въ споръ, втыкалъ въ землю упругія, сильныя ноги, раскрывалъ до ушей ротъ, сердито сопѣлъ и говорилъ:

— Э-э!.. Слушать тебя, не переслушать!.. Сыплешь ты, какъ горохомъ изъ худого мѣшка... Зло-обы!.. Да, можетъ, злостью-то только и сердцемъ другорядь передохнешь?..

Печура пронизывалъ его жалостливымъ взглядомъ.

— Господи благой... Какъ же такъ можно?..

— А по-твоему какъ?.. Ну?.. Скажи, какъ по-твоему?..— кричалъ коротконогій.

— По-моему-то?.. Дыкъ вѣдь не будешь ты по-моему-то, братъ дорогой, жить?.. По-моему согласно всѣмъ надо, — совѣсть блюсти... Чтобы чистота душевная!..

Коротконогій темнѣлъ, становился мѣднымъ въ лицѣ, совалъ къ Печурѣ жильныя, покрытыя коростой, руки, точно хотѣлъ показать ихъ грязь:

— Всю жизть въ наземѣ ковыряемся!.. Неоткуда намъ чистоты взять?.. Буришь ты, — буришь своими словами, — ажъ досада беретъ... Э-эхъ!.. Кабы силушку взять, — раздѣлалъ бы я,—кого слѣдоваетъ, материныхъ дѣтей, на чистоту!..

Какъ-то коротконогій пьяный завидѣлъ Печуру на улицѣ. Онъ побѣжалъ за нимъ вдоль порядка, стучалъ по-кабаньи ногами въ жесткую землю, сшибалъ подмерзающія навозныя кочки при дорогѣ и замахалъ шапченкой:

— Ге-эй!.. Постой-ка-сь?.. Попъ Мартынъ, попадья Маланья!.. Во вѣки вѣковъ для насъ, дураковъ!.. Ге-гей!.. Дьячокъ да дьяконъ, становись на конъ!..

Печура выжидательно прислонился къ слегѣ, приткнутой около сарая.

— Господи помилуй насъ,—посади въ малину насъ!..—бормоталъ коротконогій... — Слухаешь?.. Ну, слухай!.. Я, вѣдь, брратъ, ничего!.. Не трро-ну!.. Ишь ты,—ровно попъ?.. Вѣррно, што попъ!..

Печура молча съ болью разглядывалъ его,—ждалъ, когда онъ перебѣсится.

— Што ты насъ словно глашенныхъ морочишь?..—вдругъ повысилъ голосъ коротконогій... — Любве да любве!.. Нѣтъ, ты вотъ лучше скажи, откуда восемь цѣлковыхъ шашнадцать копѣкъ старшинѣ подать?.. Нну-ко-сь?.. Яко на небеси на немазаномъ колеси!..

— Ступай-ка ты, Димитрій, лучше домой!..—сказалъ Печура, отстраняя коротконогаго... — Ишь зелье-то въ тебѣ играетъ!..

И Печура отошелъ отъ него поспѣшными угрюмыми шагами...

— Пьянъ,—вишь!.. Нне нр-рравится?..—вдогонку кричалъ ему коротконогій.—Ну-къ што жъ?.. Пьянъ да уменъ,—два угодья въ немъ... Пьяный-то я, можетъ, больше чего-такого понимаю?.. Свѣтится, свѣтится, пирогъ испекися!.. Восямь цѣлковыхъ шашнацать копѣкъ!.. Нѣтъ ихъ, а вотъ надо достать!.. А вотъ и достану!.. Прра, ей-Богу, достану!.. Э-эй,—попъ, толоконный лобъ!..

Чья-то молодка, слышавшая, какъ коротконогій обозвалъ Печуру глашеннымъ, сказала:

— И откуда онъ такой?..

— Да Богъ его разберетъ, откуда!..

— Вѣрно, што глашѐнный,—замѣтила молодка...—Словно наколдовалъ онъ на всю округу!.. Сколь годовъ мы жили, грѣха не видали, а вотъ пришелъ онъ и зачалось... Одинъ вонъ удавился да другой... Ровно мороку къ намъ нанесъ!.. Чуръ насъ на свять мѣстѣ...

Черезъ нѣсколько дней коротконогій, уже протрезвившійся, столкнулся съ Печурой. Онъ ничего не сказалъ и прошелъ быстро мимо, отведя глаза въ сторону, чтобъ не встрѣчаться взглядомъ. А послѣ того онъ только пересталъ задирать Печуру и спорить...

* * *

Печура понесъ лавочнику Шестоперову сшитые на заказъ опойковые сапоги.

Ефимъ Назарычъ Шестоперовъ, съ мужественными, сильными скулами и широкимъ лбомъ, съ волосами, зачесанными на бокъ по-писарки, еще молодой мужикъ, сидѣлъ на прилавкѣ, свѣсивъ внизъ босыя ноги въ старыхъ глубокихъ галошахъ.

— Заказецъ принесъ?.. Добро!..—сказалъ онъ, принимая и встряхивая сапоги. — Та-а-къ!.. Сечасъ смѣряемъ да посмотримъ!..

Онъ долго примѣрялъ сапоги, щупалъ пальцами кожу, нюхалъ, скоблилъ ногтемъ въ рубцѣ около подошвъ,—только что не пробовалъ на зубъ,—и, поставивъ сапоги на прилавокъ рядомъ со связкой высохшихъ кренделей, сказалъ:

— Люблю, чтобы во всемъ правильность была!.. Каждый товаръ требуетъ глазокъ да глазокъ... Нонѣ пожалуй, и такъ вѣдь!.. Гдѣ ненарокомъ прорѣжутъ да варкомъ и залѣчатъ... Всякіе сапожники есть!..

— Зачѣмъ же омманывать?.. — отвѣтилъ Печура. — Чать, своя душа подороже твоихъ сапоговъ!..

— Знаю, знаю... — недовольно пробормоталъ Шестоперовъ. — Сколь же положишь за работу?..

— Да какъ уговоръ былъ, добрый человѣкъ... Твоя кожа и два съ пятью орлами...

Шестоперовъ опять взялъ сапоги, помялъ въ рукахъ, щелкнулъ голенищей о голенищу.

— Ой,—а не жирно ли будетъ?.. Ась?.. Вишь, и фасономъ они не по-настоящему вышли... Орловъ-то надо за фасонъ скинуть!..

Печура съ неуступчивымъ видомъ смотрѣлъ въ уголъ, гдѣ стояли жестяныя коробки изъ-подъ карамели, — наполненныя разными крупами.

Онъ считалъ, что и безъ того недорого взялъ за работу.

— Ты чей будешь,—интересно мнѣ знать?..—вдругъ, перемѣняя разговоръ, — спросилъ Шестоперовъ, прицѣливаясь острыми пожирающими глазками въ Печуру.

Печура не хотѣлъ поддерживать разговора и съ чуть замѣтной тревогой отвѣтилъ.

— Свой буду!.. Ну, давай-ка-сь деньги да я пойду... Некогда мнѣ, милый человѣкъ, съ тобой балясить... Дѣло есть!..

— Знаю, что свой!.. — недовольно замѣтилъ Шестоперовъ.—А вотъ я примѣчаю,—можетъ, ты изъ сектантовъ?.. А?.. Читалъ я, какіе-то Божьи люди на сторонѣ шатаются, народъ смущаютъ... Куды жъ тебѣ безсребреннику деньги?..

Онъ перешелъ въ угрожающій тонъ и рѣзко добавилъ:

— Бери два безъ орловь, да и съ Богомъ!..

— Сговоръ же вѣдь былъ!..—сказалъ настойчиво Печура.

— Што сговоръ?..—возразилъ Шестоперовъ...—Вишь, ты здѣсь словно приблудный!.. Бери-бери два, пока даютъ, и то хорошо...

Онъ зашелъ за прилавокъ, гдѣ въ тяжелой дубовой шкатулкѣ у него хранились мелкія размѣнныя деньги, мѣдь и серебро, и загремѣлъ связкой ключей на стальномъ колечкѣ съ цѣпочкой.

— Бери добромъ, коли ссориться не хошь!.. Аль можетъ ссориться думаешь?.. Ну, что жъ!.. Потягайся, коли есть охота... По-о-пробуй...

Онъ досталъ изъ шкатулки рубль, взвѣсилъ его на широкой красной ладони и—стихая—предложилъ:

— А то вотъ такъ давай, чтобъ обоимъ не обидно было... Я, чай, тоже зря тѣснить не люблю... На-ка тебѣ цѣлковый... Да еще вотъ выростку у меня хорошаго болѣ фунта есть... Выростку получай... Такъ на такъ,—два съ орлами и выйдетъ... Тебѣ сходно,—а мнѣ за товаромъ въ городъ ѣхать, — деньги нужны!..

Печура прикинулъ въ умѣ и разсчиталъ, что изъ выростку можно сшить Василискиной Машѣ хорошіе сапожки. Онъ принялъ изъ рукъ Шестоперова свернутую въ трубочку запыленную кожу и—только уходя—сказалъ:

— Не по совѣсти ты, Ефимъ Назарычъ, поступаешь,—ну,—да Богъ съ тобой!.. Не обѣдняю отъ твоей жадности!.. Экіе вы богатые-то всѣ?.. А?.. Зачѣмъ вы людей-то обижаете, душу свою позабыли?..

— Поговори, поговори у меня!.. заворчалъ ему вслѣдъ Шестоперовъ.—Съ тобой по-хорошему норовятъ, а ты замѣсто благодарности на-а-кося?.. Ишь благовѣститель въ рогожкѣ выискался!..

На другой день Печура пошелъ къ Василискѣ.

Дочь ея Маша — въ грязномъ тряпьѣ и босая — стояла около избы. Недалеко играли ребятишки. Машутка съ завистью посматривала на нихъ, не рѣшаясь подойти, потому что ребятишки заобижали ее и дразнили сочиненной пѣсенкой:

Машка бяшка коза,
Лупленая егоза,
Чирявая-дырявая,
Бока драные,
На поповомъ городу
Потоптала лебеду...

Печура смотрѣлъ на ея синія оцарапанныя ноги съ кривыми маленькими пальцами, сжавшимися отъ холода, взялъ ее легонько за плечо и ласково спросилъ:

— Што, Машунька!.. Мамка дома?..

— Мамкъ съ печкой убирается... отвѣтила она, застыдилась, скособочилась и кистью грязной руки закрыла ротъ.

Печура, осторожно придерживая ее около ворота и нагибаясь, пошелъ въ избу. Машунька тянула шею и по-птичьи сѣменила ножками.

Войдя въ избу, Печура снялъ картузъ, помолился, оглядѣлся и выждалъ, пока Василиска, залѣзшая до половины въ печь, не повернула къ нему повязанной желтымъ замызганнымъ платкомъ головы.

— Будь здорова, Василиска!..

Василиска стояла опираясь обѣими руками на рогачъ и соображая, какая нужда могла загнать къ ней въ избу гостя.

— Здравствуй!.. Садись на лавку, коли хошь...

Печура сѣлъ на скамью. На полицѣ, недалеко отъ темнаго съ облупленной краской поставца для соли, лежала початая коврига хлѣба. У окна около косяка висѣла старая уздечка. Печура зналъ, что лошади въ семьѣ Бѣлены давно нѣтъ, и это напоминаніе о бѣдности наполнило его тоской.

— По дѣлу, аль такъ?..—спросила Василиска.

— Да вотъ выходитъ, што по дѣлу!.. Мѣрку съ твоей дѣвченки снять...

Онъ торопливо завозился и полѣзъ въ карманъ.

Когда онъ шелъ сюда съ намѣреніемъ снять мѣрку для сапожекъ, ему было радостно и легко отъ этой мысли. Теперь же, когда онъ очутился въ избѣ, и убогая тѣснота ея прокоптѣвшихъ и голыхъ стѣнъ окружила его, радость его пропала и стало даже неловко оттого, что вотъ добро, которое онъ хочетъ сдѣлать, такъ ничтожно...

— Полуторнику у меня лишній кусокъ остался...—заговорилъ онъ, чтобъ не оставаться въ молчаніи со своими мыслями.— Ну я и думаю... Сошью, молъ, Машунькѣ сапожки...

— Ты што жъ!.. Поди къ дядѣ ногу сымать!..—сказала Василиска, подталкивая къ Печурѣ Машу...—Вишь, какъ она за хворостомъ ходивши въ лѣсу острекалась... Поди, не бойсь, глупая!.. Да поклонись пониже и скажи: «Спасибо, молъ, благодѣтель!..»—Теперь безъ отца-то некому позаботиться...

— О-о-охъ, оста-алися мы, сироты го-о-рькія!..—вдругъ заголосила она.

Печура торопко складывалъ въ узкую полоску листокъ мятой газетной бумаги. Василиска плакала. Машунька поставила ногу на край скамьи. Когда Печура прикоснулся къ ней влажными и болѣзненно-холодными щекочущими пальцами, она съежилась и отдернула ногу.

— Стой смирнѣй, баловная!..—прикрикнула на нее мать, переставая плакать и вытирая слезы концомъ головного платка.

Печура отмѣтилъ на бумажкѣ длину и подъемъ, ровно сложилъ мѣрку и спряталъ въ карманъ.

— Скажи спасибо дяденькѣ, истуканъ!..—учила Машуньку мать... — Отецъ-то давно все хвасталъ!.. Вотъ разбогатѣемъ, куплю, молъ, да куплю теѣ, дочка, сапожки... Да вотъ и дождалась!.. Купи-и-илъ... Самого-то разушкой въ землю закопали!..

Василиска одернула платокъ и швырнула въ уголъ рогачъ.

— Ему—што?.. Мертвому и земля пухъ!.. Ему, небойсь, никакой заботушки нѣтъ?.. Собаки набѣгай ему на могилку-то!.. А тутъ вотъ одна—какъ хошь—такъ и майся!.. Родить то, небойсь, умѣлъ!..

— И што я ра-а-знедо-ольная буду теперь дѣ-ѣла-ать!..— опять заголосила она.

Печура мучительно не зналъ, какъ быть...

— Богъ милостивецъ съ тобой!..—утѣшительно заговорилъ онъ... Не надо, Василисушка, такъ-то!.. Не отчайвайся!.. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей... Може, какъ-нибудь перебьешься?.. Богъ милостивецъ!..

Василиска толкнулась впередъ.

— Бо-о-гъ!.. Ид-дѣ Онъ Богъ-отъ?.. Кабы Богъ-отъ насъ помнилъ, не лили бы мы състолъ слезъ?.. Нонѣ Богъ-отъ для богатыхъ!.. У кого мошна толста, тому и рай..! А про насъ бѣдняковъ Онъ видно и думать забылъ!..

Смятеніе и ужасъ охватили Печуру.

— Василисушка!.. Опомнись, что ты говоришь!.. Не Богъ насъ забылъ, а мы забыли Его... Мы забыли, Василисушка!..

Василиска замолчала и стала возиться около печи. Печура пошелъ къ двери. Взявшись за желѣзную скобу, онъ вспомнилъ, что не сдѣлалъ чего-то нужнаго, подумалъ и сказалъ:

— Може што понадобится, Василиска?.. Хворосту, али завалину на зиму?.. Пособить чего надо?..

— Спасибо на ласковомъ словѣ!..—откликнулась Василиска...—Ничево не надоть... Я избу-то рѣшать буду...

— А сама куда жъ?..

— А сама въ городъ... Може, мѣсто кое-никое найду... Да вонъ она присуха-то, — по рукамъ, по ногамъ связала!.. Нѣшь съ ней куды придѣлишься?... А ну-ка, оддамъ ее дѣдушкѣ... Пущай кормитъ, коли отецъ не сумѣлъ!..

Послѣ Кузьмы и Демьяна вечера ранніе, темные и долгіе. Печура сидѣлъ на своемъ обрубкѣ, постукивалъ молоткомъ въ колодку, разбивалъ кожу, наваривалъ дратву и слагалъ въ умѣ разныя нескончаемыя думы. Было тяжело, что кругомъ такъ много нужды, бѣдъ и озлобленія...

Вотъ и Василиска уѣхала въ городъ, оставивъ дочь Василью Бѣленѣ. Крѣпко сердился старикъ и ругался, однако же внучку въ домъ принялъ... Да что жъ изъ того?.. Зачиврѣетъ и погибнетъ дѣвченка въ сварливой семьѣ безъ матери...

Ареѳій и Тихонъ больше къ Печурѣ не показывались... Слышно, подрядились они возить рожь на элеваторъ... Да и вообще жили они нелюдимо, работали безъ устали, а шумныхъ и грѣшныхъ сходбищъ избѣгали.

«И зачѣмъ на землѣ столько зла?..—думалъ Печура...— Кажется, все такъ просто... Жить бы въ любви да согласьи!.. А вотъ поди жъ ты!.. Люди другъ для друга словно звѣри?..»

И почему-то приходили въ голову обидныя слова коротконогаго...

«Одинъ ты—словно монастырскій кочетъ!..»

«Вѣрно!» — думалъ Печура... — «Можетъ быть, потому такъ-то, што я одинъ?..»

И щемила внутри тоска, что жизнь его въ Назимкинѣ никому не нужна... А бабы стали плести про него разныя небылицы... Придется видно уйти—куда дальше...

Вотъ какъ пошли о немъ толки, урядникъ, сказываютъ, справлялся о немъ въ волости... Допытывался,—што за странникъ Божій появился въ округѣ...

«Ну што жъ?.. Уйду, какъ пришелъ!.. думалъ Печура... Все равно отъ меня никакой прибыли!..»

«Монастырскій кочетъ!..» звенѣли въ ушахъ слова коротконогаго...

За окномъ чья-то пѣсня спорила съ осеннимъ вѣтромъ. Вѣтеръ скрипѣлъ ветлянникомъ и рябинками, — молодой и сильный голосъ то протяжно, то отрывисто выводилъ нескладныя слова... Это кончился рекрутскій наборъ. Парни, которыхъ писарь со старшиной возили за пятнадцать верстъ въ присутствіе, теперь возвратились, пропивали послѣдніе свободные денечки и ватагами разгуливали по деревнѣ, разряженные въ гарусные кушаки и шарфы.

На Печуру пѣсни наводили унынье.

Болѣла съ каждымъ днемъ сильнѣй грудь, съ той стороны, гдѣ были вынуты три ребра. Внутри, книзу отъ ключицъ, не переставая саднило, точно легонько обжигало... Печура тушилъ лампу, ложился на деревянный помостъ около печи и полугрезилъ, полудремалъ...

Странные сны стали приходить къ нему.

Разъ онъ увидѣлъ, что лежитъ онъ въ больницѣ. Фершалка въ бѣломъ халатѣ стоитъ, бѣлую катушку въ рукахъ держитъ и на него смотритъ... А окно въ садъ открыто... И вотъ влетѣла въ окно маленькая сѣрая птичка и сѣла къ нему на подушку... Повернулся Печура на бокъ, чтобъ на птичку заглянуть, а фершалка вдругъ какъ закричитъ: «Возьмите его въ мертвецкую!.. Ему сейчасъ птица глаза выклюетъ...»

И страхъ напалъ на Печуру... «Господи!».. думаетъ онъ... «За что же... Что я такого совершилъ?..»

А за окномъ солнышко горитъ, сирень горстями лиловые цвѣты бросаетъ... Хочетъ Печура сказать: «Живъ я!.. Не трогайте меня!» а языкъ у него отнимается, и вмѣсто словъ только одинъ хрипъ въ груди...

Соображаетъ Печура, что все это онъ во снѣ видитъ и хочетъ проснуться, но не можетъ... И опять во снѣ же про себя думаетъ: «Птичка—это смерть моя прилетѣла... Видно, мнѣ скоро умереть суждено»...—«Господи,—продли мои дни!..»

И еще увидѣлъ Печура... Спитъ онъ и во снѣ стонетъ, а изъ сѣней кто-то босикомъ по полу крадется, подошелъ къ нему, сбросилъ съ него чапанъ, да и давай душить... Сталъ онъ чужую руку ловить, а передъ нимъ Ѳедоръ Бѣлена... Въ глазахъ тонкія кровяныя жилки, щеки опухшія, вздутыя, на губахъ кровяная пѣна съ землей смѣшалась... Душитъ его Ѳедоръ, а самъ говоритъ:

— Это тебѣ за то, что ты меня осудилъ!.. Христосъ никого не судилъ, а ты выше Христа быть захотѣлъ!.. И еще за то, что напустилъ ты мороку на нашу деревню!.. Вонъ и Зотычъ пропалъ черезъ тебя!..

Проснулся Печура, дышать трудно, рубаха вся въ поту и мокрая къ тѣлу прилипла... Отъ озноба и страху въ вискахъ жилки дергаются.

Всталъ онъ, зажегъ лампу и думаетъ:

«Когда же это я Ѳедора осудилъ?.. И не судилъ я его, а пожалѣлъ только?.. И какую же это я мороку напустилъ?..»

И такая обида и горечь вошли ему въ сердце, что онъ—

какъ будто и въ самомъ дѣлѣ видѣлъ Ѳедора—присѣлъ къ столу, уткнулъ голову въ руки и горько заплакалъ.

Свѣжіе утреннички стали пощипывать по-зимнему. Снѣга еще не было, но заиндевѣвшая трава поскрипывала подъ ногами и, тронутая морознымъ налетомъ, сѣдѣла на солнцѣ, оттаивая лишь къ полудню.

Печура въ погожій день пошелъ къ рѣкѣ.

Встрѣчные спросили его:

— Ты што жъ безъ дробовика?..

Печура сумрачно отвѣтилъ:

— Такъ!.. Неохота!..

— Зайцевъ въ Терешкиномъ Низу появилось стра-а-сть!.. И все такіе матерые, ровно ягнята... сообщали мужики.

Въ провалившихся глазахъ Печуры была разлита усталостная томность и голосъ сталъ глуше и печальнѣй.

— Не могу вотъ!..

— Какъ же ты раньше-то могъ?..

— Раньше Богъ знаетъ—какъ, а теперь вотъ не могу!.. Крови живой видѣть не могу!.. Онамедни на зарѣ русачка встрѣтилъ, присѣлъ онъ горбатый на лобку, глазами этакъ жалостно, словно человѣкъ, смотритъ, и спину выкруглилъ... Ну, какъ, думаю, буду я Божью тварь губить, радости лишать?..

За лѣто и осень Печура обросъ длинными волосами, которые спускались прямыми утычками ему на плечи, и сталъ еще болѣе похожъ на странника... Только широкую шляпу да котомку за плечи,—а то совсѣмъ странникъ!..

— Чу-удной какой-то!..—говорили мужики, когда Печура отошелъ отъ нихъ, и его высокая сгорбившаяся фигура виднѣлась черезъ всю деревню на другомъ концѣ.

— Ровно монашекъ, али блаженный!..

А Печура прошелъ въ поля. Онъ долго бродилъ подъ холоднымъ не грѣющимъ солнцемъ, слушалъ, какъ кричатъ вверху запоздавшіе гуси, и сокрушенно думалъ о томъ, что въ мѣстахъ, куда они летятъ, теперь тепло. Правда ли, нѣтъ ли, говорятъ, есть такая земля,—гдѣ совсѣмъ зимы нѣтъ...

«Вотъ пожить бы тамъ!..»

Утомившись, Печура присаживался на бугоркѣ и вполголоса пѣлъ унылыя пѣсни безъ словъ, похожія на духовные стихи.

Въ Терешкиномъ буеракѣ изъ камней билъ родникъ съ щелочной вяжущей во рту водой. Печура на склонѣ буерака сталъ полдничать. Досталъ изъ-за пазухи кусокъ ржаного сыроиспеченнаго хлѣба, круто посолилъ и ѣлъ медленными жевками,

макая въ невкусную воду. Поѣвши—стряхнулъ въ руку крошки, бросилъ ихъ въ ротъ, зачерпнулъ въ ладонь воды, запилъ хлѣбъ, помолился, еще немного посидѣлъ, оглядывая съ чувствомъ свободы нѣмыя осеннія дали, и потомъ пошелъ къ рѣкѣ Катмису, куда втекалъ родникъ.

Катмисъ прятался въ низкихъ песчаныхъ берегахъ, заросшихъ мелкимъ и голымъ ветлянникомъ. Раздвигая густую гнущуюся поросль, Печура спустился къ водѣ. У береговъ по заводямъ, тамъ,—гдѣ тѣнь ложилась густо съ двухъ сторонъ, плавало тонкое льдяное сало.

Въ темной водѣ почти не плескалась рыба. Лѣтомъ ея здѣсь было много. На солнцѣ грѣли спину выплывшіе на поверхность жереха,—по отмелямъ около карягъ и травокъ щуки съ плескомъ рубили острыми мордами воду, гоняясь за мелкими подлещиками и плотвой. Ерши станичками шарили по глиняному дну въ ямкахъ. Окуни дружно—парами и тройками—выныривали надъ обрывомъ и, покачиваясь полосатыми спинками, подплывали къ самому берегу, гдѣ корни деревьевъ въ водѣ сплетались уродливыми жилами и узлами. А теперь рыба попряталась въ глубокіе омута.

Печура шелъ по берегу. На поворотѣ рѣки ему послышался странный шумъ. Онъ остановился,—и шумъ внезапно стихъ.

Онъ снова сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, и на этотъ разъ ясно различилъ шорохъ раздвигаемыхъ кустовъ.

Печура сталъ вглядываться въ сторону, гдѣ былъ шумъ. Въ сквозномъ переплетѣ обнаженныхъ кустовъ вдали смутно мелькнешилось бурое пятно.

— Кто бы это могъ быть?..—спросилъ себя Печура.—Нѣшь кто изъ деревни за прутками для корзинъ...

Въ суетливомъ порывистомъ шумѣ пятно стало удаляться. Неожиданное предчувствіе опасности охватило Печуру. Расталкивая поспѣшно кусты, онъ побѣжалъ впередъ. Подсохшая трава и ползучіе корни вешняковъ тенетами опутывали его ноги. Когда заросль порѣдѣла, онъ увидѣлъ впереди себя парня въ кумачной рубахѣ и распояской. Онъ на бѣгу не могъ узнать его, и тревога его стала расти. Это прибавило силъ. Спотыкаясь въ корняхъ и опарапывая руки, Печура громко звалъ:

— Бра-атъ!.. По-ого-ди!.. Бра-а-а-атъ!..

Минуя ветлянникъ, пробѣжали узкій, подходившій въ рѣкѣ, клинъ пашни, засѣваемый яровыми. Парень все удалялся, и предчувствіе, что тутъ кроется что-то неладное, перешло въ

Печурѣ въ рѣшительную увѣренность. Отъ бѣга и волненія онъ задыхался, приступы кашля тѣснили горло, и въ глазахъ начинала звенѣть и дрожать мутная желтая рябь. Печура остановился, долго кашлялъ и вытиралъ рукавомъ на лицѣ горячій потъ. И потомъ черезъ все поле сталъ снова звать, махая руками:

— Бра-а-атъ!.. Верни-и-ись,—бра-а-аатъ!..

Парень успѣлъ перебѣжать поле и скрыться въ новыхъ порослях.

Печура въ нерѣшительности, не зная, что дѣлать, постоялъ еще и прямикомъ черезъ клинъ пошелъ обратно въ деревню.

— Што жъ это такое?..—думалъ онъ о загадочной встрѣчѣ...

Вдали по полю ѣхалъ кто-то верхомъ. Печура пошелъ къ нему навстрѣчу и узналъ коротконогаго.

Коротконогій сидѣлъ на вислобрюхой заморенной кобыленкѣ, онъ одной рукой придерживался за поводъ, а въ другой имѣлъ арканъ, какими въ ночномъ ловятъ лошадей, или употребляютъ вмѣсто вожжей. Видъ у коротконогаго былъ необычный. Онъ тяжело сопѣлъ и походилъ бы на пьянаго, если бы не твердая и отчаянно смѣлая его посадка на лошади. Онъ, казалось, не сидѣлъ, а какъ-то приклеился однимъ бочкомъ своего неуклюжаго коренастаго тѣла къ спинѣ лошади, слегка перегнувшись на ея передъ. И такъ умудрялся держаться. Ноги его были перекинуты по-бабьи, на одну сторону, и торчали двумя вздернутыми обломленными сучками.

— Не видалъ мого парня?..—крикнулъ онъ Печурѣ.

— Развѣ же это твой парень былъ?..—вопросомъ же отозвался Печура...—Вонъ тамъ въ вешнякахъ я чьего-то парня застигъ!..

Коротконогій крѣпко выругался:

— Въ веш-някахъ,—говоришь?..—Гдѣ?..

— А вонъ тамъ!.. Ай случилось што?..

— Да вотъ вишь ты какіе фасоны придумали!.. Поучилъ я давѣ своего Петра, а онъ и стрѣльнулъ изъ дому... пояснилъ коротконогій, натягивая узду и поворачивая лошадь...—Я, баитъ, порѣшу съ собой!.. Я тебѣ, материнъ щенокъ, порѣшу!..—Я теѣ покажу, какъ раковъ ловютъ!.. Я вѣдь не Василь Бѣлена!..

И коротконогій смачно и зло выругался на все поле...

* * *

Въ Назимкино входили всѣ вмѣстѣ: коротконогій, Петръ и Печура. Коротконогій держалъ одной рукой на поводу лошадь, а другой подталкивалъ Петра,—Петръ шелъ, втянувъ въ плечи

опущенную голову, Печура размашисто слѣдовалъ позади, раскачиваясь отъ быстрой ходьбы и усталости...

Пройдя нѣсколько избъ и встрѣтивъ кучку мужиковъ, коротконогій замедлилъ шаги, пхнулъ въ спину Петра и закричалъ громко, чтобъ обратить вниманіе:

— Ишь чего удумалъ!.. Я баитъ съ кручи сигану!.. Я т-тебѣ сигану!.. Я те не Василь Бѣлена...

— Далече парня-то поймалъ?.. спрашивали мужики...

— А въ вешнякахъ!.. Ишь, щенки, новые манеры удумали!.. Я тте-бѣ покажу, какъ сигаютъ!..

Всѣмъ сразу вспомнился Ѳедора Бѣлена и Зотычъ... Вспомнилась та надвигающаяся тучей бѣда, о которой въ послѣднее время со страхомъ столько толковали и которая нарушила обычную жизнь деревни... И у мужиковъ закипѣла злость противъ Петра:

— Поучи, поучи его, Димитрій!.. Чтобъ въ другой разъ неповадно было!.. Не гляди, што женихъ!.. Портки-то съ него спусти да и всыпь!..

— На лавку его положи, да руки-то веревкой скрути!.. Нечего на нихъ смотрѣть!.. Ишь, волю какую взяли!..

— Всыпь ему!.. Всыпь!..

— Можетъ, пособить тебѣ?..—выкрикнулъ фистулой отдѣлившійся отъ толпы ледащій мужикъ съ тонкими дрыгающими ногами... Не надо и вязать, дядя Митрій!.. Пособимъ!.. За руки подержимъ!..

— Пособи, пособи, дядя Егоръ...

Ледащій мужикъ побѣжалъ вприпрыжку за Петромъ, просѣкая колѣнками воздухъ и махая угрожающе кулаками въ сторону Петра:

— У-у!—лоботрясъ черноротый!.. Коли отецъ мало школилъ, такъ чужіе люди вышколятъ!.. Подожди-и!..

Къ шествію присоединились охочіе до зрѣлищъ ребятишки. Они забѣгали спереди и съ боковъ, улюлюкали, свистали, прыгали, кувыркались отъ удовольствія и кричали:

— Гли-те-ка!.. Митрева Петра пыймали!..

— Лопни глаза,—счасъ убивать станутъ!..

— О-ой,—счасъ лупцовка начнется!..

Глядя на ребятишекъ, распалялись и взрослые. Они шли вдоль порядка по одиночкѣ и группами. Толпа росла. И гнѣвъ ея также неудержимо и заразительно росъ, переходилъ отъ однихъ къ другимъ. Деревня всполошилась... Старики, женщины, подростки высыпали на улицу.

Около одной изъ избъ стояли Ареѳій и Тихонъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, Ареѳій покачалъ головой и сказалъ:

— Эко парня-то истязуютъ?.. Ай-ай-ай, грѣ-хи...

— Басурмане народъ!.. сурово замѣтилъ Тихонъ.

Но ихъ не слушали... Неукротимымъ потокомъ гнѣвъ катился дальше. Возгласы становились чаще и раздраженнѣй:

— Што-жъ это такое?.. А?.. Понѣ одинъ, а завтра другой... Накося какія моды взяли!.. Повѣсить ихъ мало, ссукиныхъ сыновъ!..

Коротконогій, поддаваясь общей горячкѣ, не соображая, что дѣлаетъ, гналъ Петра уже сильными ударами кулаковъ и хрипѣлъ:

— Иди, не кобенься!.. Я т-те не Василь Бѣлена!..

Со стороны его подзадаривали и науськивали на сына:

— Не оставляй этого дѣла, Митрій... Для примѣру другихъ не оставляй!..

Какая-то старуха завопила:

— О-ой, ты Господи!.. Этакіе пащенята, а то-о-же!.. Мать пречистая, спаси, вразуми...

— Зааркань его, лоботряса!.. Дядя Митрь, зааркань... визжалъ фистулой ледащій Егоръ.

Повинуясь приказу, коротконогій перекинулъ черезъ шею Петра веревку. Толпа ухнула съ ревомъ и потомъ вдругъ сразу стихла. Только ребятишки запрыгали и засвистѣли:

— Петру-уху-то!.. Словно бычка на веревочкѣ!

— Э-эй,—Петька бычокъ!..

Петръ съ отчаяніемъ рванулся, чтобъ освободиться.

— Батюшка, не срами!.. Вотъ-те хрестъ, руки на себя наложу!.. Куды я теперь послѣ такого сорому пойду?..

Печура безсильно метался около. Онъ обѣгалъ коротконогаго, кланялся ему въ поясъ и молилъ:

— Пусти его — ради Христа!.. Дядя Митрій!.. Пусти ты малаго,—Христа для ради Спасителя!..

Потомъ поворачивался къ толпѣ и тоже низко кланялся:

— Братцы!.. Нѣшто жъ такъ можно?.. Да пустите жъ вы его!..

И опять просилъ Дмитрія:

— Да пусти жъ ты его—ради Христа!..

Петръ подсунулъ подъ веревку руку и съ усиліями сбросилъ петлю.

Коротконогій больше не преслѣдовалъ его. Гнѣвъ его ослабѣлъ. Вспышка толпы также прошла, и всѣ угрюмо смолкли.

До избы коротконогаго оставалось еще далеко, когда Петра встрѣтила мать. И радость, что сынъ нашелся, и еще не исчезнувшіе слѣды страха за него, и любовная жалость къ нему, и стыдъ передъ толпой смѣшивались въ ея душѣ.

Напряженіе, копившееся въ ней цѣлый день, вдругъ вырвалось наружу.

Завидѣвъ Печуру, она взмахнула судорожно руками и закричала бабьимъ пронзительнымъ воплемъ, какъ на церковныхъ папертяхъ кричатъ въ падучей:

— А ты зачѣмъ здѣсь?.. Уходи прочь, оглашенный!.. Колдунъ окаянный!.. На-апустилъ мороки на наши головы!.. Сгинешь ты ай нѣтъ?..

Печура остолбенѣлъ.

— Да сгинь ты съ глазъ, со свѣту!.. Тьфу, тьфу, тьфу! О-о-ой, о-ой!..

Коротконогій властно крикнулъ на жену:

— Цы-ыцъ!.. Не замай!..

Печура сотворилъ крестное знаменіе:

— Силушка Господня съ нами!.. За што жъ это такъ-то?..

Губы его побѣлѣли, и въ глазахъ остановился ужасъ.

Дрожащій онъ пошелъ прочь по улицѣ...

— Ты не слушь, Ѳедоръ, бабы!.. крикнулъ ему вслѣдъ коротконогій...—Вишь, она съ ума рехнулась!.. А за Петруху спасибо... Вызволилъ малаго изъ бѣды!..

— Слышь,—цыцъ!.. крикнулъ онъ опять на жену...

И съ отеческой внезапной мягкостью сказалъ Петру:

— Иди, иди, Петруха!.. Чего на показъ стоять?..

* * *

Свѣжимъ и влажно-рыхлымъ снѣгомъ устлало землю. Насыпало его за ночь чуть ли не цѣлыя горы, и лежалъ онъ на поляхъ мягкимъ сине-серебристымъ настиломъ. Рѣка еще не замерзла и, поблескивая на солнцѣ, чернѣла широкимъ озеромъ около мельничной запруды, а на плотинѣ и по обочинамъ журчащаго кауза покачивались обтаявшіе ветлы, черемуха, орѣшникъ и рябина.

Три дня скрывался Печура на мельницѣ. Онъ—то лежалъ на высокихъ палатяхъ, то сидѣлъ на скамьѣ, подобравъ длинныя ноги въ сапогахъ и поджидая помольцевъ. Изба была просторная, свѣтлая, тепло проконопаченная мохомъ и пріятно пахнущая сухими травами. Отъ нечего дѣлать Печура разсматривалъ на стѣнахъ связки корней и травъ: и желто-бурый шалфей, и

круглолистую, свернувшуюся въ трубочки мать-мачеху, и Петровъ крестъ, и Богородскую траву, и скрюченный землистый бородавчатый калганъ и нѣжные Богородицыны слезки...

Мельникъ славился по всей окрестности, и за десятки верстъ пріѣзжали къ нему за травами.

На четвертый день Печура уже сталъ безпокоиться, что никого нѣтъ изъ деревни. Съ утра онъ подсѣлъ къ окну, все посматривалъ на плотину и ждалъ помольцевъ. Велъ бесѣду съ мельникомъ:

— Мельникъ бездѣльникъ, не даромъ видно говорится!.. Хоша бы кого-нибудь принесло!..

Сказалъ и закашлялся... Кашель былъ долгій и удушливый... Все тѣло встряхивалось отъ толчковъ, а на лицѣ разсыпались отъ натуги круглыя красныя пятна.

Онъ вытеръ ладонью ротъ и сказалъ:

— Духъ чижелый, чую, изъ нутра идетъ!..

Мельникъ съ сочувствіемъ принялъ его слова: зналъ старый, что значитъ, когда тяжелый духъ идетъ. Но онъ не сразу отвѣтилъ, а посмотрѣлъ сперва въ окно, въ квадратномъ вырѣзѣ котораго было видно кусочекъ неба, блестящій изгибъ рѣки, бѣлую пелену полей и плотину съ изгрызеннымъ столбомъ для привязи лошадей, и только потомъ сказалъ:

— Ты вотъ попей ишшо!.. Я тебѣ настой изъ двѣнадцати травъ сварю... Можетъ, полегчаетъ!..

Печура повернулся къ нему и пристально смотрѣлъ,—хотѣлось увѣриться, правду или нѣтъ сказалъ старикъ...

— Нѣтъ, видно, ужъ недолго мнѣ жить!..

А въ самомъ забурлила ненасытная, какъ никогда, и палящая всего жажда жизни...

Мельникъ покачалъ головой:

— Трудное твое дѣло!.. Дивлюсь я на тебя... Человѣкъ ты тихій,—можно сказать, мухи не обидишь,—какую же ты причину за собой имѣешь, что хорониться долженъ?..

Печура горько улыбнулся.

— Какую причину?.. Нѣшто причину, дѣдушка, нужно?.. Просто у насъ такія-то дѣла вершатся... Вотъ и я теперь скитаюсь по землѣ, ровно отщепокъ расколотый... Вѣрно, што отщепокъ!.. Силушки своей прежней ба-тырской жаль!.. Ой, какъ жаль, дѣдушка!

Оба раздумчиво замолкли...

— Да... заговорилъ мельникъ черезъ нѣкоторое время...— Расея-то, матушка, велика, и лѣсовъ, и воды, птицы со звѣремъ, и рыбы, всего въ ней великое обилье, а вотъ человѣку въ ней тѣсно!..

Мельникъ тряхнулъ зеленой волосатой головой.

— Изъ-за худого заведенья жизни тѣсно!.. Слышалъ, чуй, которые люди за море ушли?.. Сколь народу въ чужія земли подалось?.. И съ женами и съ дѣтьми!..

Печура встрепенулся.

— Э-хъ, дѣдушка, милый!.. Землюшку-то родимую, да нѣшто же ее покинешь? Да вѣдь я истоскуюсь тамъ, на чужой-то сторонѣ!.. Здѣсь выйду я лѣтомъ въ поле, али въ лѣсъ, каждую травушку-муравушку перецѣлую... Пчелки жужжатъ, ратай съ сохой на лошаденку покрикиваетъ... И все-то свое, родное!.. А на чужой сторонѣ поди ни ратаевъ, ни пчелокъ Божьихъ нѣтъ... Гдѣ ужъ тамъ?.. Конешно, нѣтъ...

За окномъ кто-то зашумѣлъ.

Мельникъ въ шапкѣ, которую досталъ съ бруса, и Печура безъ шапки вышли изъ избы...

На вислобрюхой кобыленкѣ пріѣхалъ коротконогій. Отъ саней по мягкому снѣгу тянулся глубокій и четкій слѣдъ.

— Ну, и путя!..—сказалъ коротконогій, суетясь около саней и вытаскивая ноги изъ вязкаго снѣга...—Кажись бы, ни за што не поѣхалъ!.. Да вотъ до тебя нужда... Здоровъ будь!..

Печура встревожился:

— Здоровъ и ты!.. Што такое, дядя Митрій?..

— А вотъ счасъ разскажу!..

Коротконогій привязалъ къ столбу лошадь, подвѣсилъ ей къ мордѣ кормушку, всталъ около саней и началъ:

— Суматоха у насъ на деревнѣ!.. А все Фимка Чертоперъ, прахъ его побери... Утресь пріѣхалъ урядникъ,—ну, онъ сичасъ и наязычилъ: странникъ-де вашъ здѣся молъ укрывается!.. Тотъ къ намъ...—«Игдѣ онъ такой-сякой?..» А мы ему: «А мы молъ почемъ знаямъ – игдѣ?.. Што мы жалованье штоль за караулъ получаемъ?..» Выругался онъ матерно, да и уѣхалъ...

— Ироды толстомордые!.. гнѣвно замѣтилъ мельникъ...— Въ шестомъ году, чуй, они тутъ у меня шесть утокъ слопали!.. Вышелъ я на спускъ, а тамъ однѣ только перышки да красныя лапки валяются...

— Какъ уѣхалъ урядникъ-отъ, я и думаю,—возвратился къ разсказу коротконогій,—надо, молъ, на мельницу ѣхать,

мѣшка два ржи прихватить. Да кстати ужъ и дядѣ Ѳедору вѣсть подамъ! Онъ моего сына изъ бѣды вызволилъ, а я ему!..

Печура благодарно склонился къ коротконогому:

— Спасибо, дядя Митрій!..

Коротконогій сталъ шарить въ соломѣ саней. Печура умиленно смотрѣлъ на него, и радость наполнила его всего. Онъ думалъ о томъ, какая перемѣна произошла въ коротконогомъ, и эта мысль согнала унынье, въ которомъ онъ находился послѣ бѣгства изъ деревни.

— Што-жъ теперь дѣлать?... озабоченно спросилъ мельникъ.

Печура могъ пробыть на мельницѣ еще нѣсколько дней, но не хотѣлъ, чтобы старикъ нажилъ черезъ него непріятности...

— Што дѣлать, дѣдушка?.. А вотъ подожду—какъ завечеряетъ да съ Божьей помощью и въ путь!..

Мельникъ всполошился.

— Куды жъ такъ спѣшить, касатикъ?.. Куды ты болящій да по этакой пути пойдешь?.. Нѣшь это можно?.. Ай ужъ не ухоронимъ мы тебя здѣсь?..

Коротконогій, держа въ рукахъ холщевый мѣшокъ, который онъ досталъ изъ саней, тоже участливо повернулся къ Печурѣ.

— Пообожди, Ѳедоръ!.. Вотъ установится путя, поѣду въ городъ, заодно ужъ и тебя подвезу!.. А то помрешь гдѣ ишшо...

— Это ужъ безпремѣнно, што помрешь... подтвердилъ мельникъ...—Слышь, чуй, останься!.. Ужъ я тебѣ ха-а-рошій настой изъ двѣнадцати травъ сварю!..

А Печура—какъ нарочно—оттого ли, что растрогали его ласковыя слова, или оттого, что напоминаніе о смерти встревожило,—а можетъ быть просто набѣжавшій рѣзвый вѣтерокъ охватилъ его холодомъ,—вдругъ закашлялся и оставилъ на бѣломъ покровѣ снѣга яркое пятно крови.

Коротконогій покосился угрюмо на кровь.

— Вишь, кровью кашляешь!.. Смерть и впрямь, видно, тебя караулитъ!..

Онъ развязалъ веревочку мѣшка и вынулъ мягкій ржаной каравай съ пшеничной лепешкой.

— Баба моя тебѣ спекла!.. Прими ужъ Христа-ради!.. Шибко жалѣютъ тебя всѣ, какъ вздумалъ ты помирать... Баютъ,—може онъ послѣдніе дни у Бога доживаетъ...

— Спасибо!.. Только зачѣмъ же?.. Не надо!.. въ волненіи сказалъ Печура.

— А ты прими!.. Обидѣла она тебя, такъ ты ужъ не безсудь!.. Ради часу смертнаго не безсудь!.. Мало ли чего иной разъ въ сердцахъ сбрендишь?..

— Да вѣдь я жъ не сержусь!.. съ дрожью въ голосѣ умоляюще сказалъ Печура.

— Такъ и скажи ей, што не сержусь!..

И онъ низко опустилъ голову, точно ее давили къ землѣ мысли о близкой смерти.

— И меня прости!..—продолжалъ коротконогій... Помнишь, я пьяный противъ тебя согрѣшилъ?.. Прошу ужъ тебя, братъ...

Сладкій и вмѣстѣ мучительный туманъ звенѣлъ въ головѣ Печуры. Въ глазахъ застыла свѣтлая влага, и живчикомъ забился шрамъ около уха.

— Ну, што жъ ты!.. Я жъ давно все забылъ!.. Спасибо, родной...

Вѣтеръ тихо шевелилъ его волосами... Мягкая дымка обволакивала кроткое лицо...

На плотинѣ вздрагивали поникшими вѣтвями голыя деревья.

Печура посмотрѣлъ сперва на нихъ, а потомъ на небо, отодвинутое въ далекую голубую глубину, и заговорилъ:

— Деревца вы мои милыя!.. Простите, не вернусь ужъ я больше къ вамъ!.. Растите вы безъ меня,—кудрявьтесь!.. Придетъ весна, цвѣточками зашумите и про Печуру вспомните... А мнѣ ужъ... видно надо иного гнѣзда искать...

Мельникъ и коротконогій придвинулись къ нему.

— Куда жъ ты?.. Неужто жъ пойдешь?..

— Пойду, братья дорогіе!.. Надоть идти!.. На Кавказъ подамся... Може—Богъ пособитъ—и не помру... Чать не помру?.. Тамъ теперь тепло, а мнѣ вѣдь немного надо... Чтобъ только солнышко свѣтило, да лихіе люди не трогали... Господи ты, Боже мой!.. И зачѣмъ это на землѣ вражды столько?.. Кабы не она,—жить-то какъ бы хорошо было?.. А?..

Ал. Богдановъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Пчела.

Я пчела изъ богатаго улія
Третій день, какъ не вижу летка;
Охъ, не знаю, не чаю возьму-ли я
Медъ съ Николина ластень-цвѣтка.

Привязалась бѣда косорукая—
Заболѣла царица у насъ.
Вылѣзъ лѣшій и бродитъ аукая...
Свѣтодаръ за рѣкою погасъ.

Дастъ Николинъ цвѣтокъ исцѣленіе,—
Да вотъ гдѣ его только найти,
Не исполню сестеръ повелѣніе,
Такъ заказаны въ улей пути.

Заболѣла царица отъ мѣсяца,
Заглянулъ къ намъ колючій на зло.
Къ ночи грозная туча замѣсится,
Надо выбрать поглубже дупло.

Всѣ овражки, лужки облетала я,
Всѣ пригорки и крутъ бережокъ,
И всю ночь мнѣ, какъ сяду усталая,
Будетъ сниться Николинъ цвѣтокъ.

* *
*

Мѣсяцъ спорилъ съ облаками,
Осіявши синеву:
«Проколю я Васъ рогами,
Въ лоскуты Васъ изорву».

«Мѣсяцъ, мѣсяцъ,—отвѣчали
Наплывая облака,—
Полонимъ ужо всѣ дали,
Будешь нашъ... Свѣти пока».

Полонили. Мѣсяцъ, гдѣ ты?
Эка затемень въ саду!
Потерялъ я всѣ примѣты,
Чуткой ощупью иду.

Это нѣжный садъ вишневый,
Иль, быть можетъ, я въ раю.
Дождь осыпалъ лепестковый
Освященную скамью.

Буду ждать, страшась утраты...
Просидимъ до звона пчелъ,
И не скажешь, какъ вчера ты:
Мѣсяцъ сердце укололъ.

Александръ Рославлевъ.

СТАРАЯ ИСТОРІЯ.

Разсказъ.

I.

Студентъ Валеріанъ Павловичъ Веригинъ—худощавый, высокаго роста шатенъ. Онъ очень подвижной, бодрый и довѣрчивый человѣкъ и, какъ большинство довѣрчивыхъ людей, склоненъ къ подозрительности.

Только въ этомъ году, послѣ болѣе чѣмъ десятилѣтняго пребыванія въ университетѣ, откуда его нѣсколько разъ исключали за обычныя въ то время студенческія исторіи, Веригинъ, наконецъ, получилъ возможность сдать послѣдній зачетъ.

Валеріанъ Павловичъ ужъ засѣлъ было за подготовку къ государственнымъ экзаменамъ, но тутъ съ нимъ произошло событіе, по своимъ послѣдствіямъ, одно изъ значительнѣйшихъ въ его жизни.

Событіе это—знакомство съ молоденькой курсисткой Саксаганской, Натальей Васильевной, замкнутой и склонной къ меланхоліи красавицей. Познакомился Веригинъ съ Саксаганской случайно, на одной изъ студенческихъ вечеринокъ.

Какъ водится у радикально настроенной молодежи, въ этой вѣчно безпокойной средѣ, гдѣ непрестанныя тревоги, безпрерывныя лишенія и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, развивая особаго рода безпечность, способствуютъ быстрымъ сближеніямъ, студентъ и курсистка, понравившись другъ другу, стали часто встрѣчаться.

Сблизились они при такихъ вотъ обстоятельствахъ. Недѣли черезъ двѣ послѣ ихъ знакомства, у Веригина заболѣла его давнишняя пріятельница Нина Холоденко. Холоденко жила въ тѣхъ же меблированныхъ комнатахъ «Новый Свѣтъ», въ которыхъ снималъ комнату и Веригинъ.

Такъ какъ при больной, въ виду ея нелегальнаго положенія, могъ быть только свой человѣкъ, а Валеріанъ Павловичъ былъ занятъ подготовкой къ предстоящимъ экзаменамъ, то онъ упросилъ Саксаганскую быть сидѣлкой при Холоденко.

Впрочемъ и самъ Веригинъ, несмотря на свои усиленныя занятія, дѣятельно помогалъ Саксаганской.

Иногда, когда больной становилось хуже, и, если это случалось ночью, студенту приходилось отрываться отъ своихъ учебниковъ и бѣгать за врачемъ и въ аптеку.

II.

Однажды ночью, студентъ, усталый и отъ своихъ занятій, и отъ бѣганья за врачемъ и въ аптеку, не ушелъ къ себѣ, какъ онъ это обыкновенно дѣлалъ, а остался посидѣть въ комнатѣ больной. Больная спала, и, чтобы свѣтъ ей не мѣшалъ, фитиль въ лампѣ прикрутили.

Было уже довольно поздно. Со двора не доносилось ни звука; стояло обычное безмолвіе полуночи, и эта глубокая тишина, слабое дыханіе спящей Холоденко, мѣрное тиканіе дамскихъ часиковъ на ея ночномъ столикѣ, полутьма комнаты и странныя тѣни по стѣнамъ отъ приспущеннаго огня лампы,—все это вмѣсто создало обстановку, располагающую къ тихому задушевному разговору.

Изъ опасенія разбудить больную, говорить приходилось шопотомъ, и отъ этого разговоръ скоро сталъ принимать характеръ интимности.

Говорилъ, главнымъ образомъ, Веригинъ. Говорилъ онъ о самомъ обыкновенномъ, но почему-то эти обыденныя слова онъ по-особому подчеркивалъ, придавая имъ какой-то сокровенный смыслъ. При этомъ студентъ кстати и не кстати бралъ руку курсистки, дѣлалъ глубокія, полныя загадочнаго значенія паузы и невзначай, но часто, своимъ плечомъ задѣвалъ дѣвушку за плечо, за локоть, и эти полуневольныя прикосновенія, а главное рѣдкая красота Саксаганской, теперь въ полутьмѣ комнаты особенно притягательная—сдѣлали то, что онъ робко и почти полусознательно поцѣловалъ ее. Она повидимому смутилась: сначала поблѣднѣла, затѣмъ покраснѣла и опустила глаза.

Такъ какъ Саксаганская прямо не выказала своего отрицательнаго отношенія къ поступку Веригина, то онъ осмѣлѣлъ и, слегка запинаясь и съ сильно бьющимся сердцемъ, сталъ объ-

ясняться въ любви. Шопотомъ. Произнесъ Веригинъ только двѣ фразы:

— Наталія Васильевна!.. родная...—тутъ онъ крѣпко прижалъ руку къ сердцу—и еле внятно докончилъ:

— Нна-та-ша! Ллюб-блю!..

Отъ волненія онъ умолкъ. Когда онъ пересталъ говорить, дѣвушка подняла глаза, застѣнчиво посмотрѣла на него и улыбнулась, и въ этой улыбкѣ было столько радости и ликованія, что у него отъ счастья закружилась голова. Опамятовшись отъ этой блаженной оторопи, онъ, точно прозрѣвъ, порывисто обнялъ дѣвушку, а она отвѣтно поцѣловала его жгучимъ, затяжнымъ поцѣлуемъ.

Цѣловались они долго и крѣпко, а затѣмъ студентъ продѣлалъ все то, что вообще дѣлается въ моментахъ любовнаго экстаза: припадалъ къ ея ногамъ и стоялъ предъ нею на колѣняхъ. И хотя эти пріемы ему раньше казались унизительными и буржуазными, но теперь онъ ихъ считалъ вполнѣ умѣстными и нужными, единственно способными выразить чистый восторгъ любящаго человѣка.

Послѣ объясненія, студентъ и курсистка, оба сразу, почувствовали, что въ этой полутемной, пропитанной лѣкарствами комнатѣ и тѣсно, и неловко. Имъ захотѣлось вонъ отсюда, потянуло на просторъ, подъ звѣздное небо, но больную нельзя было оставить, и, ближе придвинувшись другъ къ другу, они шопотомъ продолжали тотъ чудный разговоръ любви, въ которомъ почти нѣтъ стройныхъ фразъ, ясныхъ выраженій, мало видимаго смысла, но много намековъ, глубокихъ и значительныхъ, блаженныхъ взглядовъ, и туманящихъ голову прикосновеній.

Такъ они просидѣли до поздняго утра, пока больная не проснулась.

III.

Какъ въ предыдущіе дни, въ десятомъ часу Наталію Васильевну смѣнили. Освободившись отъ дежурства, Саксаганская перешла въ комнату Веригина—завтракать.

Когда подали самоваръ, курсистка принялась хозяйничать. Снявъ со стола помятый и въ жирныхъ пятнахъ газетный листъ, служившій Веригину скатертью, замѣнивъ его сложеннымъ вдвое полотенцемъ и по-своему разставивъ на немъ чайную посуду и тарелки съ закусками, дѣвушка этимъ придала запущенному номеру безалабернаго студента опрятный и уютный видъ.

Хлопотала Наталія Васильевна проворно и дѣловито, и всѣ ея движенія были безшумны, красивы и граціозны.

Растроганный ея милой заботливостью, Веригинъ нагнулся, чтобы поцѣловать ея руку, но дѣвушка вдругъ представилась холодно-замкнутой, чуждой и недоступной и преувеличенно надменно и вмѣстѣ съ тѣмъ недоумѣло передернувъ плечами, повелительно указала ему на стулъ.

Не понявъ шутки дѣвушки, Веригинъ растерянно уставился въ нее, а она также внезапно расцвѣла, залилась смѣхомъ и повисла ему на шею.

Чай пили изъ одного стакана, поочередно, глотокъ за глоткомъ. Дурачились долго: разсказывали другъ другу коротенькія смѣшныя исторіи, пѣли въ отдѣльности и вмѣстѣ и, хотя очень часто сбивались съ такта и фальшивили, но имъ казалось, что они поютъ удивительно гармонично. Затѣмъ, достаточно нашалившись, пошли бродить по городу. Были до того поглощены другъ другомъ, что совершенно не обращали вниманія на окружающее, такъ что нѣсколько разъ чуть ли не попали подъ трамвай.

Обѣдать Веригинъ и Саксаганская попали въ какой-то третьеразрядный ресторанчикъ, и, хотя ѣда была невозможная, но они и этого не замѣтили, какъ, вообще, ничего не замѣчали, кромѣ того, что они вмѣстѣ и что имъ дивно хорошо. Несмотря на то, что они гуляли очень долго и не спали ночь, все же они чувствовали себя бодрыми.

Къ вечеру однако усталость сказалась.

Такъ какъ при такомъ состояніи предстоящая возня съ больной для Наталіи Васильевны могла оказаться очень утомительной, то Веригинъ, настаивая, чтобы она отдохнула и выспалась, предложилъ себя на сегодняшнее дежурство. Дѣвушка на это, однако, не согласилась, находя, что ему, человѣку, которому въ скоромъ времени предстоятъ серьезные экзамены, отдыхъ болѣе необходимъ, чѣмъ ей. Послѣ долгихъ разговоровъ и споровъ, въ перемежку съ обычными у влюбленныхъ поцѣлуями, они пришли къ соглашенію дежурить поочередно. Понятно, что условіе дежурить поочередно и поочередно спать, никѣмъ изъ нихъ не было соблюдено, и они опять просидѣли вплоть до утра, одновременно ухаживая за больной, которая на этотъ разъ ночь провела не такъ спокойно, какъ вчера.

Утромъ, когда явилась смѣна, Веригинъ и Саксаганская ушли, каждый къ себѣ, но, выспавшись, вновь сошлись и опять

весь день были неразлучны. То же самое повторилось у нихъ и въ слѣдующій, и въ четвертый день.

Пока что у Валеріана Павловича пропала масса времени. Такъ какъ въ ближайшемъ будущемъ также не предвидѣлось возможности возобновить прерванныя занятія, то выходило, что съ такимъ трудомъ налаженному дѣлу грозитъ совершенное разстройство.

IV.

Тогда былъ мартъ. До открытія университетской испытательной комиссіи оставалось мѣсяца два съ небольшимъ. Считая, что жениху (Веригинъ на другой же день послѣ объясненія сдѣлалъ Наташѣ форменное предложеніе) въ этомъ году, пока въ университетѣ спокойно, необходимо получить дипломъ, Саксаганская предложила Веригину, чтобы, до окончанія его экзаменовъ, встрѣчаться не больше одного раза въ недѣлю, по воскресеньямъ.

Валеріанъ Павловичъ подчинился этому совѣту; онъ старательно принялся за прерванную работу, но такъ какъ все его сознаніе было занято только Наташей, то изъ этихъ его стараній ничего не вышло. Разсудивъ поэтому, что въ виду того, что изъ его теперешнихъ занятій ничего путнаго не выйдетъ, что онъ только даромъ время тратитъ и что поэтому нѣтъ никакого смысла откладывать свиданіе съ Наташей до воскресенья,— Веригинъ часа черезъ два послѣ того, какъ онъ разстался съ невѣстой, снова отправился къ ней.

Попытка встрѣчаться только разъ въ недѣлю еще дважды была повторена, и оба раза такъ же безуспѣшно, какъ и первая.

Увидѣвъ, что эти мѣры не достигаютъ намѣченной цѣли, Наталія Васильевна рѣшилась на самое крайнее средство: уѣхать домой, на Украйну, и пробыть тамъ до тѣхъ поръ, покуда у Валеріана Павловича не окончатся экзамены.

Такъ она и сдѣлала.

Однако, и это средство оказалось безполезнымъ. Оставшись безъ Наталіи Васильевны и сильно заскучавъ по ней, Веригинъ совершенно забросилъ свои конспекты и учебники. Нѣкоторое время онъ все же крѣпился: самолюбіе мужчины заставляло его удержаться отъ того, чтобы, на другой же день послѣ отъѣзда невѣсты, послѣдовать за ней. Но спустя нѣкоторое время онъ махнулъ рукой и на свое самолюбіе, и на экзамены и, мигомъ собравшись, пустился въ путь.

Несмотря на то, что старый студентъ считалъ себя правовѣрнымъ соціалистомъ и презрительно относился ко всякимъ повѣрьямъ и примѣтамъ, онъ теперь, сѣвъ на поѣздъ, сталъ тревожиться отъ смутныхъ предчувствій. Выѣзжая, Веригинъ телеграфировалъ объ этомъ Саксаганской, и вотъ все безпокойно гадалъ, встрѣтитъ ли она его.

Она его не встрѣтила, и то, что ея не было на вокзалѣ, взволновало и напугало его.

V.

Выйдя изъ вагона, Веригинъ въ замѣшательствѣ остановился: то, что его не встрѣтили, совершенно сбило его съ толку.

Какъ бываетъ иногда съ людьми въ минуту растерянности, Веригинъ, машинально вынувъ изъ жилетнаго кармана часы, долго и разсѣянно на нихъ смотрѣлъ, точно въ часахъ онъ могъ найти объясненіе непонятнаго для него случая.

Часовыя стрѣлки показывали начало девятаго, и оттого ли, что Валеріанъ Павловичъ долго на нихъ смотрѣлъ, а быть можетъ потому, что за это время его волненіе немного улеглось и къ нему вернулась способность разсуждать,—но онъ вдругъ, сообразивъ, что сейчасъ совсѣмъ еще рано, вмѣстѣ съ тѣмъ вспомнилъ про привычку Наташи поздно вставать.

На-ряду съ этимъ у Веригина почему-то явилась увѣренность, что Наташа сюда непремѣнно явится и, рѣшивъ поэтому дожидаться ее, онъ, для сокращенія времени, сталъ медленно расхаживать по платформѣ, то и дѣло оборачиваясь: ему все мерещилось, что вотъ-вотъ она покажется.

Какъ всегда бываетъ въ состояніи ожиданія, нѣсколько минутъ, показавшіяся томительно безконечными, порядкомъ разстроили Валеріана Павловича, такъ что, не будучи больше въ силахъ совладать со своимъ терпѣніемъ, онъ вышелъ изъ вокзала и, кликнувъ извощика, поѣхалъ въ гостиницу.

Утро, какъ по большей части на югѣ въ маѣ, было полно блеска и сіянія. День стоялъ безвѣтренный и солнечный, съ благодатнымъ тепломъ, съ прянымъ запахомъ расцвѣтшей акаціи и тонкимъ ароматомъ вишневыхъ садовъ, съ ребячьимъ щебетаніемъ птицъ и бодрящимъ уличнымъ трескомъ.

Какъ-то по-иному мчались продолговатые вагоны трамвая, и ихъ предостерегающіе сигналы — въ воздухѣ, наполненномъ весеннимъ сіяніемъ, были гармонично пѣвучи и нѣжно звонки.

И въ шипящихъ шелестахъ автомобиля, въ желѣзномъ дре-

безгѣ пролетокъ, въ неуклюжемъ грохотѣ телѣгъ ломового, въ металлическомъ лязгѣ деревенскаго шарабана, въ тонкомъ звяканьи конскаго копыта, даже въ каменномъ стукѣ гранитной мостовой и назойливыхъ выкрикахъ бродячихъ торговцевъ, — во всѣхъ движеніяхъ и шумахъ многотысячнаго города, чувствовалось свѣтлое благословеніе украинской весны, всеобъемлющей и трогательно заботливой, какъ нѣжность матери.

Послѣ распаренной духоты вагона, Валеріанъ Павловичъ, проѣзжая по густо усаженнымъ платанами и тополями бульварамъ города, особенно чувствовалъ сіяющую радость весенняго утра, и теперь всѣ его страхи и тревоги показались ему дѣтскими и смѣшными.

Потомъ, при встрѣчѣ съ Саксаганской, недоразумѣніе разъяснилось. Оказалось, что Веригинъ, впопыхахъ, въ телеграммѣ ошибочно обозначилъ номеръ своего поѣзда, и поэтому Наталія Васильевна не встрѣтила его.

VI.

Въ невѣстѣ Веригинъ нашелъ большую перемѣну.

Стала ли Наташа дѣйствительно еще красивѣе, чѣмъ была, потому ли, что онъ не видѣлъ ее больше мѣсяца; было ли тутъ вліяніе весны, а, быть можетъ, все это вмѣстѣ, но Валеріану Павловичу его невѣста теперь показалась сказочной красавицей изъ тѣхъ, кого можно видѣть только въ произведеніяхъ великихъ мастеровъ кисти.

Наталія Васильевна, какъ показалось Веригину, измѣнилась не только во внѣшности. Было что-то иное и въ ея манерѣ держаться, въ манерѣ говорить, — во всемъ ея поведеніи Валеріану Павловичу чудилась настороженная сдержанность и даже, какъ будто, отчужденность.

Страннымъ и даже немного обиднымъ казалось Веригину то, что когда ему случалось быть вмѣстѣ съ Наташей въ гостяхъ или гулять съ компаніей, вообще, при постороннихъ, она старалась держать себя съ нимъ, не какъ съ женихомъ или другомъ, даже не какъ съ близкимъ товарищемъ, а какъ съ добрымъ знакомымъ, и только.

Правда, когда они оставались одни, эта кажущаяся отчужденность Наташи исчезала, дѣвушка была тогда съ нимъ нѣжно-ласкова и трогательно мила, но все же и въ эти минуты ее не оставляла какая-то непонятная замкнутость.

Валеріану Павловичу состояніе его невѣсты казалось загадочнымъ и чѣмъ-то ему угрожающимъ. Какъ человѣкъ любящій впервые и мало знающій женщинъ, онъ не понялъ, что то, что происходитъ съ Наташей, было совершенно естественное явленіе, — взволнованная раздумчивость, боязнь предстоящаго брака, обычная у большинства дѣвушекъ передъ замужествомъ.

То, что Наташа такъ странно вела себя съ нимъ, совершенно не согласовалось съ тѣми представленіями о любви, какія были у Валеріана Павловича. И поэтому у него явились сомнѣнія и закралось подозрѣніе, не разлюбили ли его.

Были моменты, когда эти сомнѣнія, не то чтобъ переходили, а были близки къ увѣренности. Веригину тогда, конечно, становилось очень тяжело. Чтобы избавиться отъ угнетающей его неопредѣленности, Валеріанъ Павловичъ нѣсколько разъ собирался спросить Наталію Васильевну, какъ она къ нему относится, вызвать ее на объясненіе. Но каждый разъ, когда онъ хотѣлъ приступить къ откровенному разговору, его отъ этого шага удерживала обычная у подозрительныхъ людей нерѣшительность,—опасеніе, что подозрѣнія подтвердятся. Въ конецъ истомленный этими переживаніями, Валеріанъ Павловичъ въ пятую ночь своего пріѣзда при разставаніи съ Наталіей Васильевной, смотря на нее въ упоръ, будто вскользь замѣтилъ, что онъ завтра непремѣнно долженъ уѣхать.

— Непремѣнно?—шаловливо качнувъ головкой—скептически протянула дѣвушка, и въ голосѣ у нея была нѣжность и кокетливая усмѣшка.

— Да!—коротко и холодно подтвердилъ студентъ и насупился.

— Да-аа?!—растягивая слова, переспросила она его, не то съ издѣвкой, не то съ лаской.

— А если я еще не готова, господинъ мой возлюбленный?..—продолжала она, загадочно улыбаясь.

— Ты, значитъ, ѣдешь со мной—не то спрашивая, не то утверждая, сказалъ онъ. Онъ старался придать своему голосу интонацію спокойной солидности, но у него это не вышло и совершенно невольно у него прорвалась такая бурная радость, что дѣвушка недоумѣло вскинула на него глазами. Нѣсколько секундъ она такъ постояла, а затѣмъ, густо покраснѣвъ, зажмурила глаза, будто укоряюще закачала головкой и блаженно протянула:

— Глупый!.. Ахъ, какой ты глупый!..

Раскрыла глаза и съ сознаніемъ скрытаго превосходства,

въ которомъ былъ свойственный всякой хорошей женщинѣ оттѣнокъ материнской сердечности, она добавила:

— Совсѣмъ ты глупенькій!..

Часъ спустя Веригинъ былъ въ своемъ номерѣ и вмѣстѣ съ Наташей, напѣвая и рѣзвясь, какъ школьникъ, укладывалъ чемоданъ. Утромъ ему предстоялъ отъѣздъ, а вмѣстѣ съ нимъ уѣзжала Наталья Васильевна.

VII.

Пароходъ «Лебедь», на которомъ уѣзжали Валеріанъ Павловичъ и Наташа, колесный, выкрашенный въ бѣлый цвѣтъ, на носу съ огромной статуей Лебедя съ распущенными крыльями, отшвартовался отъ пристани. Какъ и за все это время, погода сегодня на диво была хороша, пассажирамъ предстояло спокойное плаваніе, такъ что Веригинъ и его невѣста, оставивъ вещи въ отведенной для нихъ каютѣ, остались сидѣть на рубкѣ.

Днѣпръ, какъ обычно въ маѣ, полноводный и широкій, залилъ почти всѣ «плавни», продолговатые, узкіе островки, поросшіе вербой и камышами.

Отъ разлива рѣки, ея фарватеръ, въ этихъ мѣстахъ и безъ того непостоянный, теперь еще болѣе измѣнился, и—«Лебедю» поэтому приходилось лавировать и дѣлать частые повороты.

Судно, при каждомъ своемъ поворотѣ, то отдалялось отъ береговъ, то приближалось, и передъ Валеріаномъ Павловичемъ и Наташей, прихотливо мѣняясь, развертывались виды родного ландшафта.

То и дѣло попадались прирѣчныя села. Ихъ бѣлыя хаты съ цвѣточками изъ синей охры на стѣнахъ, съ голубыми или темнокоричневыми разводами вокругъ оконъ, съ неизмѣнной «призьбой» и палисадниками съ краткоствольными абрикосами и ушастой грушей, эти хаты, точно разбредшееся овечье стадо, разсыпчато лѣпились по склонамъ кургановъ, сбѣгая чуть ли не къ самой водѣ.

Кругомъ была всегда сумная степь, вся въ живыхъ четырехугольникахъ желтѣющей пшеницы и сиреневыхъ квадратахъ еще неспѣлой ржи.

Межъ хлѣбами свѣтложелтыми кронами мелькали ряды подсолнечниковъ, темнѣла конопля, мохнатая и хмурая, и продолговатыми грядами густо зеленѣли «баштаны».

Иногда изъ-за балки показывался хуторокъ или помѣщичья

экономія, съ каменными, крытыми желѣзомъ амбарами и почернѣвшими скирдами прошлогодняго сѣна. За экономіей виднѣлась мельница, теперь еще бездѣйствующая, съ верхомъ, похожимъ на скуфью, и ажурными, какъ у стрекозы, крыльями.

VIII.

До вечера «Лебедь» шелъ безъ остановки. На закатѣ пароходъ, завернувъ въ широкій протокъ, полнымъ ходомъ направился къ лѣвому берегу, на которомъ въ чернобуромъ, дымномъ туманѣ смутнымъ силуэтомъ вырисовывался извѣстный на югѣ посадъ знаменитыхъ чугуннолитейныхъ заводовъ.

Сквозь чернобурый хаосъ тамъ и сямъ, мертвыми, бѣлыми глазами, смотрѣли шары электрическихъ фонарей да торчали кирпичныя колонны фабричныхъ трубъ. Онѣ, точно пальцы гигантской руки невидимаго великана, будто угрожая, упорно тыкали въ хмурое отъ копоти и тьмы небо посада.

Кой-гдѣ изъ коричневыхъ жерлъ трубъ узкими прыгающими сучьями вырывалось пламя. Оно судорожно металось и брызгало искрами: это на заводахъ шла отливка.

Когда пароходъ сталъ приставать къ пристани, его ритмическія и строго соразмѣренныя движенія покрыла нестройная гамма безпорядочныхъ стуковъ и голосистыхъ выкриковъ, такая обычная въ южныхъ портахъ, гдѣ темпераментъ населенія всему придаетъ суетливую порывистость и взбудораженную живость.

Спустивъ часть пассажировъ, «Лебедь» сталъ принимать грузъ. Къ сходнямъ съ грохотомъ и металлическимъ звяканіемъ то и дѣло подлетали вагонетки съ громоздкими двадцатипудовыми ящиками, наполненными всевозможными заводскими издѣліями.

На бортъ судна грузъ подымался паровой лебедкой. Ея желѣзный крюкъ, напоминающій клювъ гигантской птицы, съ влажнымъ шипѣніемъ пара и ржавымъ лязгомъ ея желѣзныхъ частей, цѣпко подхватывалъ громоздкіе ящики и неторопливо опускалъ ихъ въ квадратную пасть раскрытаго трюма.

Желѣзный шумъ нагрузки, каменный гамъ гранитной набережной, скрипучій визгъ вагонетокъ, да грубый ревъ заводскихъ гудковъ, извѣщающихъ объ окончаніи работъ, рѣзкими отголосками аукался на спокойномъ лонѣ рѣки, и нервная сутолока порта разсѣяла тихія чары Днѣпра.

Но вотъ нагрузка кончилась, пароходъ отчалилъ отъ при-

стани, и опять полилась дивная сказка величавой украинской рѣки.

«Лебедь» теперь плылъ медленнѣе, чѣмъ днемъ, изрѣдка подавая предостерегающіе свистки.

Межъ тѣмъ сумерки смѣнились ночью, судовые огни, кромѣ сигнальныхъ, давно уже были потушены, а Веригинъ и Наташа тѣсно прижавшись другъ къ дружкѣ, все еще сидѣли на рубкѣ. Было темно и въ душистой мглѣ, синей отъ звѣздъ южнаго неба и влажной отъ дыханія Днѣпра; Веригинъ, почти не различая лица Наташи, явственно слышалъ біеніе ея сердца, такое же учащенное и прерывистое, какъ и у него самого. Со степи несло теперь медовыми ароматами хлѣбовъ и терпкимъ запахомъ кизичьяго дыма отъ пастушьихъ костровъ. «Лебедь», размѣренно стуча своими колесами, осторожно пробирался межъ плавень. Иногда темпъ пароходныхъ стуковъ терялъ правильность такта: онъ почему-то внезапно то замедлялся, то учащался, и тогда явственно слышался странный плескъ, похожій не то на стонъ, не то на вздохъ, и тонкое, жуткое шипѣніе.

Ночная жизнь рѣки, оттого, быть можетъ, что рядомъ съ ней была такая же малопонятная жизнь ночной степи: эта напряженная тишина и вмѣстѣ съ тѣмъ непрестанные шелесты и шорохи, казавшіеся теперь полными глубокаго, непостигаемаго для человѣческаго сознанія, смысла, возбуждали воображеніе. Веригину и Наташѣ на умъ приходили водяные и русалки, вообще сказочныя существа подводныхъ областей. Отъ этого влюбленнымъ было жутко и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно хорошо.

IX.

Черезъ сутки, пересѣвъ на поѣздъ и проѣхавъ по желѣзной дорогѣ часовъ семнадцать, они достигли цѣли своего путешествія,—Черноморскаго побережья, гдѣ у нихъ заранѣе было рѣшено провести лѣто.

Обвѣнчавшись, молодая чета вмѣстѣ съ Левицкими, близкими пріятелями Валеріана Павловича, сняли на окраинѣ одного изъ общедоступныхъ курортовъ небольшую дачку и устроились въ ней на полукоммунистическихъ началахъ.

Левицкіе, какъ и Веригины, также принадлежали къ средѣ учащейся молодежи, при чемъ мужъ, Семенъ Алексѣевичъ, блондинъ, невысокаго роста, былъ добрымъ и мягкимъ человѣкомъ и, какъ нерѣдко бываетъ у добрыхъ людей, немного

безвольный. Жена же, Анна Ѳедоровна, энергичная брюнетка, была безпокойная и своенравная женщина.

Левицкіе, женатые уже четвертый годъ, не имѣли дѣтей. Женившись по любви, они въ общемъ жили не то чтобы ужъ очень плохо, но Анна Ѳедоровна ревновала мужа, и это обстоятельство да разность характеровъ были причиной тому, что между супругами стали возникать нелады, и иногда Анна Ѳедоровна по своей несдержанности и нервности устраивала Семену Алексѣевичу, обычныя у ревнивыхъ женщинъ, сцены съ злобными упреками, шумными укорами и истерическимъ плачемъ.

Понятно, что, при совмѣстной жизни и пріятельскихъ отношеніяхъ съ Левицкими, Веригинымъ много разъ приходилось быть свидѣтелями тяжелыхъ сценъ. Къ сварамъ этимъ молодожены относились разно. У Наталіи Васильевны онѣ вызывали безотчетный страхъ вмѣстѣ съ состраданьемъ. Въ необузданныхъ проявленіяхъ ревности Анны Ѳедоровны Веригина смутно уловила не поддѣльное и глубокое страданіе.

Валеріанъ же Павловичъ видѣлъ въ этомъ разнузданность взбалмошной женщины и возмущался.

Веригину казалось чудовищнымъ, что культурная женщина можетъ унизиться до того, чтобы навязать свою любовь даже страстно любимому ею человѣку.

X.

Лѣто проводили такъ, какъ вообще на дачѣ проводитъ лѣто молодежь. Принимали гостей, играли въ теннисъ и купались, при чемъ цѣлыми часами валялись на раскаленномъ отъ южнаго солнца песку. Иногда предпринимали прогулку въ близлежащія деревни или въ степные хутора, гдѣ пили парное молоко, прямо «отъ коровы» и лакомились свѣжими фруктами.

Самымъ любимымъ развлеченіемъ были ночныя катанія на лодкахъ. Для этого преимущественно выбирались безлунныя ночи, должно быть, потому, что въ темнотѣ море бываетъ болѣе таинственнымъ и жуткимъ, чѣмъ при свѣтѣ, а отъ этого острота ощущеній увеличивалась.

При такихъ прогулкахъ обыкновенно уплывали на какія-нибудь тони. Тамъ покупали у рыбаковъ только-что пойманную скумбрію, разводили на берегу костеръ и на рыбачьемъ таганѣ варили уху.

Тѣ изъ компаніи, которые отличались быстрой воспріимчивостью ко внѣшнимъ перемѣнамъ въ окружающей обстановкѣ, тотчасъ же вскакивали со своихъ мѣстъ и, суетливо разсѣвшись вокругъ тагана, приготовлялись къ ѣдѣ. Къ нимъ черезъ нѣсколько минутъ присоединялись и остальные.

Уху ѣли весело: съ шутками, прибаутками и громкимъ отрывистымъ смѣхомъ.

Поѣвши, снова зажигали костеръ и подъ аккомпаниментъ его огненнаго треска пѣли. Валеріанъ Павловичъ съ необыкновенно серьезнымъ видомъ дирижировалъ, внушительно отбивая тактъ обѣими руками, а запѣвалой выступалъ Левицкій. По берегу мелодично и вмѣстѣ съ тѣмъ скорбно лилась любимая пѣсня украинской молодежи:

«Реээве-э таі сто-ог-не-э Дніпро шши-ро-оокій!

Ссер-ди-тый ві-і-ітеэръ ззааа-вы-ваа!

До дооолу вве-эээрбы гнеэээ высо-о-о-окі!

Гора-аами хвы-ыы-лю-уу подыймаааа!»..

Послѣ ночныхъ плаваній сонъ былъ сладкимъ и крѣпкимъ, а утромъ просыпались свѣжими и бодрыми.

Такъ что на дачѣ жизнь могла бы быть вполнѣ идиллической, если бы не выходки жены Левицкаго.

Поселившись на дачѣ, Веригины предполагали, что они на ней останутся до самой осени, но этотъ планъ пришлось оставить изъ-за стычекъ съ Анной Ѳедоровной, и въ серединѣ августа Веригины переѣхали въ городъ.

Вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда и Левицкіе оставили дачу.

XI.

Переѣхавъ въ городъ и поселившись въ собственной квартирѣ, Валеріанъ Павловичъ и Наталія Васильевна, по студенческой традиціи, устроили вечеринку. Какъ водится, гостей собралось масса, главнымъ образомъ студентовъ и курсистокъ, пріятелей Веригиныхъ и ихъ товарищей по партійнымъ кружкамъ.

Пирушка, какъ всякая попойка молодежи, была, хотя и безпорядочно шумная, но живая и веселая, съ обильной выпивкой, неизбѣжной декламаціей, чтеніемъ стиховъ любимыхъ поэтовъ, хоровымъ пѣніемъ и лихимъ, буйнымъ гопакомъ.

Часовъ около одиннадцати, какъ разъ тогда, когда вечеринка была въ разгарѣ, Валеріана Павловича позвали къ телефону (телефонъ у Веригиныхъ былъ не въ самой квартирѣ, а на лѣстницѣ у швейцара).

Приложивъ трубку къ уху, Веригинъ тотчасъ же узналъ голосъ Левицкаго, который просилъ Валеріана Павловича во что бы то ни стало сейчасъ же къ нему пріѣхать.

По тому, какъ дрожалъ голосъ Левицкаго, и отъ того, что онъ все повторялъ одну и ту же фразу, Веригинъ понялъ, что его пріятеля постигла какая-то бѣда, съ которой ему одному не по силамъ справиться, и что поэтому ему необходимо немедленно туда отправиться.

Передавъ женѣ, о чемъ съ нимъ говорилъ Семенъ Алексѣевичъ, и извинившись передъ гостями, Веригинъ поѣхалъ къ Левицкимъ.

Въ квартирѣ Левицкихъ Валеріанъ Павловичъ засталъ большой переполохъ. Оказалось, что Анна Ѳедоровна въ припадкѣ ревности сдѣлала попытку отравиться. Ея попытка, однако, была замѣчена, ей во-время успѣли дать противоядіе, а такъ какъ и ядъ былъ не изъ сильнодѣйствующихъ, то все окончилось благополучно.

Послѣ противоядія, съ Левицкой случился длительный истерическій припадокъ, а такъ какъ самъ Левицкій, измученный пережитыми волненіями, растерялся до послѣдней степени, то Веригину одному пришлось возиться съ больной.

Возня эта длилась часа два съ лишкомъ. Анна Ѳедоровна, успокоившись, уснула, и Валеріанъ Павловичъ могъ возвратиться домой.

Передъ тѣмъ, какъ уходить, Веригинъ подумалъ - было справиться по телефону, что у него дома дѣлается, но, взглянувъ на часы и увидѣвъ, что уже далеко за полночь, онъ, полагая, что его гости разошлись и что Наташа, усталая отъ своихъ хозяйственныхъ хлопотъ, быть можетъ, уже легла, не захотѣлъ ее безпокоить.

Былъ, впрочемъ, еще и другой мотивъ, побудившій Валеріана Павловича воздержаться въ данное время отъ разговора съ женой. Какъ человѣку съ очень развитымъ чувствомъ деликатности, ему, счастливому супругу, показалось неловкимъ говорить съ любимой женщиной при такомъ неудачникѣ въ семейной жизни, какъ Левицкій.

XII.

Отъ всей этой кутерьмы: отъ истеричныхъ выкриковъ Анны Ѳедоровны, отъ ея изступленнаго хохота и сумасшедшаго плача, отъ противнаго запаха лѣкарствъ и дикаго, вслѣдствіе перепо-

лоха, безпорядка въ квартирѣ Левицкаго,—у Валеріана Павловича разболѣлась голова. Поэтому Веригинъ, спускаясь съ лѣстницы квартиры Левицкаго, рѣшилъ, что для него гораздо цѣлесообразнѣе отправиться домой пѣшкомъ; Веригинъ полагалъ, что прогулка на свѣжемъ воздухѣ избавитъ его отъ головной боли.

Очутившись на дворѣ, Веригинъ сразу почувствовалъ себя лучше. Тотчасъ же въ его сознаніи ярко встало все то, что произошло у Левицкихъ, и онъ брезгливо поморщился. Валеріанъ Павловичъ считалъ ревность чувствомъ низшаго порядка, свойственнымъ однѣмъ лишь грубымъ натурамъ, людямъ, неспособнымъ къ правильному мышленію.

Покушеніе Анны Ѳедоровны покончить съ собой у Валеріана Павловича вызвало возмущеніе и жалостливость.

— Несчастная женщина! Несчастная женщина!..—недоумѣло пожимая плечами и размашисто шагая, сокрушеннымъ шепотомъ повторялъ Веригинъ.

Продолжая свой путь, онъ вскорѣ встрѣтился съ однимъ изъ бывшихъ у него сегодня на вечеринкѣ гостей, студентомъ Вишневскимъ, голубоглазымъ весельчакомъ, лихимъ танцоромъ и отличнымъ пѣвцомъ.

— Вы давно отъ насъ?—спросилъ Вишневскаго Веригинъ, пріостановившись и отвѣтно пожимая его руку.

— Да вотъ сейчасъ, только что, прямо отъ васъ и иду,—весело скаля зубами, отвѣтилъ Вишневскій.

— Публика-то давно разошлась, а я остался—продолжалъ онъ съ фамильярно-дружеской улыбкой. Понизивъ голосъ и стараясь придать ему тонъ сердечности, интимной довѣрчивости и соболѣзнованія, Вишневскій добавилъ:

— Все дожидался вашего возвращенія, хотѣлъ узнать, что тамъ такое произошло... у Левицкихъ, то-есть.

Не желая посвящать посторонняго человѣка въ семейныя дѣла своего друга, Веригинъ отдѣлался общими фразами, и, выждавъ затѣмъ, для приличія, нѣсколько минутъ, простился съ Вишневскимъ.

Вопреки своему прежнему рѣшенію дойти до своей квартиры пѣшкомъ, Валеріанъ Павловичъ, самъ не зная отчего, вдругъ заторопился и взялъ извозчика.

Въ ночной тишинѣ дребезгъ пролетки былъ необыкновенно отчетливымъ, и подъ его шумъ Веригинъ, котораго внезапно охватила безотчетная грусть, сталъ думать о себѣ, о Наташѣ и почему-то о Вишневскомъ. Веригину вспомнилось, что какъ-то разъ Наташа сказала, что ей очень нравятся голубые глаза.

На-ряду съ этимъ, неизвѣстно отчего появившимся, воспоминаніемъ, Веригинъ вспомнилъ, что Наташа очень любитъ пѣніе, и пожалѣлъ, что у него неважный голосъ.

XIII.

Заставъ Наталью Васильевну въ постели и не желая разстроить ее передъ сномъ, Валеріанъ Павловичъ сказалъ, что у Левицкихъ произошла обычная у нихъ исторія, что на этотъ разъ истерическій припадокъ у Анны Ѳедоровны продолжался очень долго и что поэтому вотъ растерявшійся и перепуганный Семенъ Алексѣевичъ вызвалъ его.

Окончивъ свой разсказъ, Веригинъ спросилъ жену:

— Ты, Наташа, давно легла?

— Давненько... Съ часъ...—съ нѣвучими любовными нотками въ голосѣ отвѣтила Веригина. Сказавъ это, Наталья Васильевна съ особой, свойственной однѣмъ лишь женщинамъ, послѣдовательностью, закрываясь плотно одѣяломъ, измѣнила тонъ и капризно укоряюще добавила:

— Ждала тебя, ждала, и гости ждали!..

— Постой! — изумленно вскинувъ глазами и сильно поблѣднѣвъ, прервалъ онъ ее. Вспомнивъ, что Вишневскій ему сказалъ, что по уходѣ гостей онъ одинъ остался съ Натальей Васильевной, Веригинъ почувствовалъ, какъ къ его сердцу подкатило что-то тяжелое и угловатое. Нудное безпокойство заметалось у него въ груди, а судорога свела ему челюсти.

Взволнованный окрикъ мужа и его поблѣднѣвшее лицо необычайно удивили Наталью Васильевну. Быстрымъ жестомъ скинувъ съ себя одѣяло, она порывистымъ движеніемъ приподнялась съ подушекъ.

Полуобнаженная, въ ночной кофточкѣ, съ распущенными волосами и горячимъ румянцемъ на щекахъ, она показалась Веригину въ совершенно другомъ видѣ: необыкновенно обольстительной, и, глядя на ея пышную красоту, онъ снова вспомнилъ, что ему сказалъ Вишневскій, и ужъ ему стало казаться, что она недаромъ встревожена, что она отъ него что-то скрываетъ, что въ его отсутствіе съ нею что-то произошло и что все это имѣетъ тѣсное и непосредственное отношеніе къ Вишневскому.

Валеріанъ Павловичъ еще боролся съ охватившими его сомнѣніями, ему и передъ самимъ собою не хотѣлось признаться,

что въ немъ заговорила ревность, это грубое, по его мнѣнію, животное чувство. Но, не будучи въ силахъ совладать съ тѣмъ новымъ, что теперь крѣпко путало его душу, онъ, стараясь придать голосу какъ можно больше спокойствія, продолжалъ:

— Ты что же... легла при гостяхъ?

Чтобы замаскировать то, что онъ сейчасъ испытывалъ, онъ сдѣлалъ попытку добродушно улыбнуться, но попытка ему не удалась.

— Что это значитъ?—изумленно и вмѣстѣ съ тѣмъ обидчиво откликнулась Наталья Васильевна.

Инстинктивно, обостреннымъ чутьемъ женщины, она уловила, что встревожило мужа, но, не зная за собой вины, не видя малѣйшаго повода, терялась въ догадкахъ.

Видъ Валеріана Павловича, раздраженный и угнетенный, говорилъ ей, что ему что-то причиняетъ сильныя страданія, и въ ней пробудилась любовная и материнская нѣжность, которая всегда заговариваетъ въ каждой хорошей женщинѣ при страданіи близкаго существа.

У Натальи Васильевны вспыхнуло желаніе спрыгнуть съ постели, кинуться мужу на шею, обнять его, осыпать поцѣлуями, успокоить, сказать ему, что она его любитъ, его и больше никого, и что онъ глупый и глупенькій, но гордость незаслуженно-оскорбленной женщины преодолѣла вспышку любовнаго состраданія, и ей захотѣлось задѣть его, позлить и причинить ему боль.

— Таакъ въ чче-омъ дѣ-ѣло? — нарочито растягивая слова, стараясь впасть въ пренебрежительный тонъ и заносчиво вздернувъ подбородокъ, спросила она его.

— Такъ въ чемъ дѣло? Какая муха укусила васъ?—повторила она съ холоднымъ пренебреженіемъ, но, не выдержавъ, съ пылающими отъ гнѣвнаго оскорбленія глазами, воскликнула:

— Валеріанъ! Какъ тебѣ не стыдно?!

И, вспомнивъ, что лежитъ передъ нимъ обнаженная, она быстро натянула на себя одѣяло, и потомъ, закутавшись въ немъ и вся содрогаясь отъ негодованія и обиды, отвернулась лицомъ къ стѣнѣ.

Негодующія слова жены, ея неподдѣльное возмущеніе и то, что она вдругъ стала его стѣсняться, сильно смутили Валеріана Павловича. Какъ-то сразу исчезли его сомнѣнія, и онъ почувствовалъ нестерпимо жгучій стыдъ. Все же ему казалось, что въ этой исторіи есть что-то неясное, которое нужно выяснить, и, конфузливо присѣвъ на край кровати Натальи Васильевны,

онъ съ оттѣнкомъ робости деликатно положилъ на ея плечо свою руку и примирительно началъ:

— Но, Наташа, послушай вотъ...

Краснѣя и сбиваясь отъ сознанія своей ошибки, онъ разсказалъ ей про встрѣчу и разговоръ съ Вишневскимъ.

Наташа его слушала, не перебивая, и все время, покуда онъ говорилъ, печально гладила его по головѣ, нѣжно перебирая его волосы, и отъ этого Веригинъ испытывалъ сладкую боль и глубокое раскаяніе.

XIV.

Какъ обыкновенно происходитъ у любящихъ молодоженовъ, и у Веригиныхъ эта ихъ первая стычка закончилась объятіями и поцѣлуями, при чемъ мужъ виновато и съ искреннимъ сокрушеніемъ просилъ жену не придавать совершенно случайно возникшему инциденту никакого значенія, а считать, что его какъ будто и не было.

Погасивъ свѣтъ и уже въ темнотѣ быстро раздѣвшись, Валеріанъ Павловичъ, усталый отъ возни съ Левицкой и отъ всѣхъ треволненій этой ночи, надѣялся сейчасъ же уснуть, но, должно быть, волненія, вызванныя ревностью, дотого разстроили ему нервы, что его возбужденіе не проходило, и поэтому онъ не могъ уснуть.

Не было сна и у Натальи Васильевны, и отъ безсонницы и отъ неуспѣвшей еще улечься душевной тревоги супруги стали разговаривать.

Понятно, что разговоръ у нихъ былъ все о томъ же, о странной, ни на чемъ неосновательной выходкѣ Валеріана Павловича. Веригинъ продолжалъ убѣждать Наталью Васильевну, что то недоразумѣніе, которое у нихъ произошло,—незаслуживающіе: вниманія пустяки, что, въ сущности, это и не ревность, а обыкновенная и, пожалуй, естественная обида друга, которому показалось, что близкій ему человѣкъ что-то отъ него скрываетъ.

Опечаленную Наташу Веригинъ старался увѣрить, что на ихъ жизнь это столкновеніе не окажетъ никакого вліянія, потому что, доказывалъ онъ ей, истинная любовь—какъ чистое золото, и недоступна порчѣ.

Сравненіе истинной любви съ чистымъ золотомъ, показавшееся Веригину красивымъ, правильнымъ и неопровержимо-убѣдительнымъ, Наталья Васильевна нашла мало доказательнымъ, но женщина, безсознательно опасаясь, что ея возраженіе можетъ

внести разстройство въ налаживающійся миръ, не только не настаивала на вѣрности своего мнѣнія, а напротивъ, сама же стала подыскивать доказательства, подтверждающія это сравненіе.

XV.

Дѣйствительно, тотчасъ же послѣ объясненія, супруги, глубоко взволнованные происшедшимъ и безмѣрно счастливые, что такъ скоро и хорошо примирились, были увѣрены, что отъ этого нелѣпаго эпизода не останется никакого слѣда. Но нѣсколько дней спустя, когда имъ случалось вспоминать объ этой вспышкѣ, они не могли не сознать, что она прошла не совсѣмъ безслѣдно. Конечно, у каждаго изъ нихъ, въ соотвѣтствіи со свойствами его натуры, слѣдъ этотъ былъ инымъ.

Такъ, у Натальи Васильевны, и до этого происшествія человѣка очень замкнутаго, ея природная сдержанность еще болѣе усилилась. У Веригиной какъ-то вдругъ выросло убѣжденіе, что она очень мало знаетъ мужа, а на-ряду съ этимъ признаніемъ у нея зародилось опасливое предположеніе, что послѣ того, что у нихъ произошло, ея жизнь можетъ сложиться совершенно по-иному, что эта жизнь можетъ пойти своей дорогой, особо отъ Валеріана Павловича, и не будетъ, какъ она мечтала въ дѣвичествѣ, всецѣло слита съ жизнью любимаго человѣка.

Придя къ этому заключенію, Наталья Васильевна пожалѣла, что такъ поспѣшно вышла замужъ, и дѣвичество ей стало казаться дорогой и ничѣмъ невозвратимой утратой.

Все больше и больше углубляясь въ себя и останавливаясь на тревожныхъ предположеніяхъ о своей будущей жизни, она ловила себя иногда на мысли, что она съ мужемъ натуры разныя и что, при непрестанномъ и тѣсномъ общеніи, какъ въ семьѣ, такое различіе характеровъ большая помѣха.

Тутъ же у Веригиной заговорило безпокойство, что она навсегда можетъ остаться непонятой мужемъ, а поэтому одинокой. Эти мысли назойливо заполняли мозгъ встревоженной женщины, порождая въ ней, вслѣдствіе ихъ частой повторяемости, увѣренность, что ревность, разъ проявившись, уже никогда не исчезнетъ, что мужчины, даже лучшіе изъ нихъ, къ какимъ она относила Валеріана Павловича, — ревнивцы и деспоты и что на женщинъ, даже на тѣхъ, кого они искренно любятъ, они смотрятъ, какъ на личную и неотъемлемую собственность.

Понятно, что при такомъ направленіи мысли, Наталья

Васильевна пришла къ естественному вытекающему изъ него заключенію, что ей, какъ женщинѣ, то-есть, существу угнетенному, не слѣдуетъ быть откровенной со своимъ угнетателемъ.

Послѣдствіемъ такого заключенія явилось то, что Веригина гораздо рѣже, чѣмъ до сихъ поръ, дѣлилась съ мужемъ тѣмъ, что ее занимало и о чемъ она думала; и у нея, даже незамѣтно для нея самой, завелись свои знакомые.

У Натальи Васильевны, собственно, не было опредѣленнаго намѣренія что-либо скрыть отъ мужа, но какъ-то само собою вышло такъ, что ея знакомство съ приватъ-доцентомъ Лонгиновымъ, читавшимъ на курсахъ исторію общественныхъ теченій въ XIX вѣкѣ, осталось совершенно неизвѣстнымъ Валеріану Павловичу.

XVI.

Съ своей стороны и Валеріанъ Павловичъ, вспоминая время отъ времени о томъ, какъ онъ приревновалъ жену къ Вишневскому, считая свою выходку вздорной и неосновательной и относясь къ ней съ брезгливымъ осужденіемъ, все же не могъ признать, что въ этой исторіи только онъ одинъ является виноватымъ.

Вполнѣ сознавая, что онъ впалъ въ ошибку, допуская, что рѣшительно нѣтъ ни малѣйшихъ данныхъ подозрѣвать, что у Наташи не только съ Вишневскимъ, но и съ кѣмъ бы то ни было, могъ завязаться даже легкій флиртъ, Веригинъ вмѣстѣ съ тѣмъ старательно пытался найти ту причину, отыскать тотъ, хотя бы внѣшній, поводъ, который въ немъ, человѣкѣ, какимъ онъ себя считалъ, совершенно чуждомъ ревности, такъ легко и быстро возбудилъ и вызвалъ наружу проявленіе этого дикаго, низменнаго чувства.

Размышляя объ этомъ въ высшей степени странномъ и непонятномъ для него случаѣ, Валеріанъ Павловичъ, за отсутствіемъ обыкновенныхъ мотивовъ, объясняющихъ его ревность, пришелъ къ выводу, что есть только одна и единственная причина, правда, косвенная. Причину эту Валеріанъ Павловичъ видѣлъ въ кокетствѣ Наташи.

Продолжая надъ этимъ думать, Веригинъ долженъ былъ признать, что этой, обычной у громаднаго большинства женщинъ, черточки за Наташей раньше не замѣчалось.

Данное обстоятельство, однако, не подѣйствовало на Валеріана Павловича и не поколебало его вывода. Это видимое

противорѣчіе Веригинъ объяснилъ тѣмъ, что, какъ у всякой дѣвушки, и въ душевной жизни Наташи замужество вызвало полный переворотъ, такъ что много желаній и стремленій, которыя до брака находились у нея въ зачаточномъ или дремлющемъ состояніи, теперь, послѣ того, какъ она стала женщиной, проснулись, развились и созрѣли.

Подтвержденіе для своего вывода Веригинъ находилъ въ томъ, что Наталья Васильевна, будучи дѣвушкой довольно равнодушной къ нарядамъ, тотчасъ же послѣ свадьбы стала проявлять усиленный интересъ къ модамъ и тщательно слѣдить за своимъ туалетомъ, обнаруживая при этомъ явное пристрастіе къ крикливымъ яркимъ цвѣтамъ и богатымъ костюмамъ. По мнѣнію Веригина, выходило, что, вмѣстѣ съ замужествомъ, у его жены проявилась необыкновенная жажда ко всякимъ удовольствіямъ и зрѣлищамъ, что особенно бросалось въ глаза при ея почти непрестанныхъ посѣщеніяхъ театровъ и концертовъ, баловъ и маскарадовъ.

Сдѣлавши это открытіе, Валеріанъ Павловичъ окончательно успокоился, увѣренный, что послѣ того, какъ выяснился истинный источникъ его, казавшейся безпричинной, ревности, ему за ея повтореніе и дальнѣйшее развитіе опасаться нечего.

XVII.

Исходя изъ этихъ соображеній, быть можетъ, даже не вполнѣ осознанныхъ, Веригинъ теперь, пользуясь малѣйшимъ поводомъ, а очень часто безъ всякаго повода, на каждомъ шагу демонстрировалъ передъ женой свои любовныя къ ней чувства, проявляя при этомъ и ласковую нѣжность, и весьма утонченную деликатность. Исходя изъ тѣхъ же побужденій,—угодить во всемъ Наташѣ, Веригинъ теперь вновь засѣлъ за свои учебники, и на этотъ разъ онъ за прерванную работу принялся съ большой охотой и непреклоннымъ рѣшеніемъ во что бы то ни стало окончить въ этомъ году курсъ и сдать государственные экзамены. Несмотря однако на то, что занятія эти наполняли все время Валеріана Павловича и что кромѣ этихъ занятій у него были еще и уроки, онъ все же удосуживался сбѣгать въ театральную кассу за билетомъ для Наташи.

Понятно, что во всѣхъ этихъ пріемахъ, какъ и во всякихъ преувеличеніяхъ, иногда проглядывала и наивность, а порой и смѣшная неловкость, но Веригину эти старанія мужа трогали и,

хотя она объ этомъ откровенно ему не говорила, но по всему было видно, что даже малѣйшія проявленія его любовной заботливости доставляли ей истинное наслажденіе.

Ухаживаніе и покорная старательность Валеріана Павловича, всѣми силами стремившагося къ тому, чтобы загладить свою вспышку, поколебали всѣ тревоги Наташи.

Тѣмъ не менѣе, въ силу болѣзненной впечатлительности Натальи Васильевны и ея склонности къ меланхоліи, эти тревоги окончательно не разсѣялись, но онѣ, потерявъ свою опредѣленность и рѣзкую мрачность, превратились въ безотчетную грусть, которая нѣтъ-нѣтъ, а иногда безъ видимой причины томила душу смутнымъ, неуловимымъ предчувствіемъ.

XVIII.

Съ той памятной ночи, когда у Веригина впервые обнаружилось чувство ревности, прошло около трехъ мѣсяцевъ. И вотъ однажды, когда Валеріанъ Павловичъ, готовясь къ предстоящимъ послѣ Новаго Года экзаменамъ, весь ушелъ въ свои занятія, Наталья Васильевна сказала ему, что она сегодня собирается на музыкальный вечеръ.

Оторвавшись отъ конспектовъ и лекцій, Веригинъ, посмотрѣвъ на жену слегка затуманеннымъ отъ усиленнаго чтенія взглядомъ, устало спросилъ ее:

— А мнѣ, Наташа, когда за тобой заѣхать?

— Когда заѣхать?—переспросила она его и, задумавшись, замедлила отвѣтомъ. Веригину почему-то показалось, что у нея въ тонѣ прорвалось затаенное смущеніе. И отъ того, что ему это показалось, у него закопошилось неопредѣленное, безотчетное безпокойство, и, должно быть, подъ его вліяніемъ онъ внимательно осмотрѣлъ жену.

Слѣдствіемъ этого внимательнаго осмотра явилось то, что Валеріанъ Павловичъ замѣтилъ, что Наталья Васильевна очень нарядно одѣта и какъ-то по-особому причесана, при чемъ ни ея нарядное платье съ громаднымъ вырѣзомъ у груди, ни прическа съ загибомъ на лобъ ему не нравились.

— Точно дама полусвѣта,—сдѣлалъ онъ мысленное сравненіе. А вслухъ онъ сказалъ:—Какая ты сегодня франтиха!

Онъ старался сказать это какъ можно спокойнѣе, но помимо его воли у него въ голосѣ зазвучалъ оттѣнокъ сдержаннаго недовольства.

Своимъ обостреннымъ чутьемъ Наталья Васильевна уловила безотчетное безпокойство мужа и, вѣроятно, поэтому, а быть можетъ, по иной причинѣ, она взволновалась и отвѣтила ему уже съ явнымъ смущеніемъ:

— Я такая, какъ всегда, когда иду на вечеръ.

Сдѣлавъ неловкую паузу, она тономъ извиненія,—а извинилась она потому, что онъ вотъ работаетъ, а она ходитъ по вечерамъ, — добавила: Вѣдь сегодня, Валя, вечеръ съ танцами.

— Такъ скажи же,—вновь вернулся онъ къ своему вопросу—заѣхать ли мнѣ за тобой?

У Натальи Васильевны раньше было намѣреніе сказать Валеріану Павловичу, что ему незачѣмъ отрываться отъ своей работы, такъ какъ на вечерѣ будетъ много знакомыхъ и кто-нибудь изъ нихъ проводитъ ее домой. Но теперь, моментально измѣнивъ свое первоначальное рѣшеніе, она сказала, чтобы онъ непремѣнно за ней заѣхалъ.

— А куда заѣхать? то-есть, я хочу сказать, гдѣ вечеръ этотъ самый?—снова спросилъ онъ ее.

Въ послѣднихъ словахъ Валеріана Павловича слышалась ужъ явная непріязнь, и Наталія Васильевна, густо покраснѣвъ и насильно улыбаясь, отвѣтила:

— Тебѣ можетъ показаться страннымъ, а я вотъ иду на вечеръ и еще не знаю, гдѣ онъ происходитъ.

— То-есть, какъ же такъ? стараясь быть какъ можно болѣе спокойнымъ, удивился Веригинъ. — Идешь на вечеръ и не знаешь куда, стран-нноо?!

Послѣднее слово онъ растянулъ и пожалъ плечами.

— Видишь ли, немного смѣшавшись, начала Наталья Васильевна.—На этотъ вечеръ... я приглашена знакомыми курсистками. Онѣ конечно знаютъ, гдѣ онъ происходитъ. И мы условились, что я зайду къ нимъ, а отъ нихъ мы туда и отправимся.

— Впрочемъ, поправилась Наталья Васильевна, я не совсѣмъ точно выразилась: отчасти я знаю, гдѣ вечеръ. Мнѣ извѣстно, что онъ въ одномъ изъ общественныхъ клубовъ, не то въ адвокатскомъ, не то у инженеровъ, но въ какомъ именно и гдѣ каждый изъ нихъ находится, я не знаю. Вотъ видишь какъ...

— Гм... неопредѣленно хмыкнувъ, оборвалъ онъ ее. Затѣмъ, сдѣлавъ видъ, что ея объясненіе и по существу вполнѣ понятно и что оно его совершенно удовлетворило, онъ, чтобы прекратить разговоръ, начавшій уже принимать непріязненный характеръ допроса, предложилъ, чтобы она, когда придетъ на вечеръ, оттуда ему по телефону сообщила адресъ.

XIX.

Уходя, Наталія Васильевна, по обыкновенію, простилась съ мужемъ поцѣлуемъ, но Валеріану Павловичу въ этотъ разъ поцѣлуй жены показался неестественно горячимъ.

По уходѣ жены, Веригинъ принялся было за свои прерванныя занятія. Придвинувъ къ себѣ книжку, онъ минутъ двадцать просидѣлъ надъ ней. Но, прочитавши съ десятокъ страницъ и убѣдившись, что изъ всего прочитаннаго его вниманіе не усвоило ни слова, онъ бросилъ книгу и, закуривъ папироску, медленно въ тяжеломъ раздумьи сталъ ходить по комнатѣ.

Пытаясь разобраться и во внезапно охватившемъ его безотчетномъ безпокойствѣ, и въ странномъ объясненіи жены, Веригинъ вдругъ вспомнилъ, что за послѣднія недѣли Наташа все возилась съ портнихами, бѣгала съ ними по магазинамъ, а ея комната была завалена матеріями, всевозможными выкройками и рисунками новѣйшихъ модъ. Вспомнивъ это, Валеріанъ Павловичъ сдѣлалъ выводъ, что къ этому вечеру жена давно и очень усердно готовилась.

— Какъ же это такъ?—съ тревожнымъ недоумѣніемъ спросилъ онъ себя,—человѣкъ въ теченіе недѣли готовится на вечеръ и не удосужится узнать, гдѣ онъ будетъ происходить?..

— А, быть можетъ, она знаетъ, но не хотѣла ему сказать, продолжалъ онъ разсуждать съ самимъ собою, при этомъ его тревога все больше и больше разросталась.

Отъ сильнаго волненія у Валеріана Павловича началось сильное сердцебіеніе, такъ что онъ былъ вынужденъ прекратить свою ходьбу и на нѣсколько минутъ прилечь.

Межъ тѣмъ со времени ухода Натальи Васильевны прошло уже часа два, а отъ нея еще не было никакихъ извѣстій. Сильно обезпокоенный молчаніемъ жены, Валеріанъ Павловичъ сталъ звонить къ знакомымъ, надѣясь у нихъ добиться, гдѣ происходитъ вечеръ. Но такъ какъ отъ знакомыхъ онъ ничего не узналъ, то онъ на удачу позвонилъ въ одну изъ редакцій. Тамъ ему дали нужную справку и, получивъ ее и уже опасаясь, что во всей этой исторіи кроется что-то неладное, Валеріанъ Павловичъ поспѣшилъ въ адвокатскій клубъ.

XX.

Пріѣхавъ въ адвокатскій клубъ, Валеріанъ Павловичъ раздѣлся и пройдя къ кассѣ, попросилъ для себя билетъ въ партеръ (по дорогѣ у него уже успѣла сложиться увѣренность, что жена съ своими кавалерами сидитъ въ партерѣ).

Поднимаясь по мраморной лѣстницѣ, устланной плюшевыми коврами, въ зрительный залъ, Веригинъ въ зеркалѣ увидѣлъ, что онъ очень блѣденъ и что его рабочая тужурка, которую онъ впопыхахъ забылъ смѣнить мундиромъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтно засалена.

Хотя Валеріанъ Павловичъ, вообще, мало обращалъ вниманія на свою внѣшность и на свой костюмъ, но теперь, видя себя плохо одѣтымъ и не бритымъ, онъ почувствовалъ недовольство и досаду.

Привычнымъ движеніемъ поправивъ волосы и стараясь придать себѣ непринужденный видъ, онъ, медленно и съ дѣланной важностью переступая по ступенямъ, достигъ, наконецъ, до зрительнаго зала.

Тутъ, стараясь унять усиленное біеніе сердца, онъ на минуту пріостановился, а затѣмъ вошелъ въ залъ.

Тамъ въ это время шло музыкальное отдѣленіе вечера, и на эстрадѣ высокій, поджарый скрипачъ игралъ Легенду Венявскаго, но Веригинъ, необычайно взволнованный тѣмъ, что онъ тутъ ожидалъ увидѣть, почти не узналъ любимой имъ пьесы.

Чтобы не мѣшать публикѣ слушать, онъ не пошелъ разыскивать своего кресла, а остался у входа, рѣшивъ подождать здѣсь до антракта. Кромѣ этого мотива, Веригинъ, оставшись тутъ, руководился и тѣмъ соображеніемъ, что, стоя у входа, гораздо удобнѣе обозрѣть публику и, стало быть, легче разыскать Наташу.

Вскорѣ музыкантъ кончилъ свой номеръ, и на сцену опустили занавѣсъ. Тотчасъ же вспыхнуло электричество, темный залъ ярко освѣтился, и Валеріанъ Павловичъ забѣгалъ глазами по рядамъ стульевъ.

Между тѣмъ, публика, поаплодировавши и добившись того, что скрипачъ дважды сыгралъ на бисъ, стала направляться въ фойэ.

Вотъ въ одномъ изъ первыхъ рядовъ встала какая-то пара. Веригинъ тотчасъ же узналъ жену. Она шла, высоко приподнявъ шлейфъ своего платья и кокетливо улыбаясь, а рядомъ съ нею былъ какой-то рыженькій господинъ во фракѣ и съ большой, ярко-красной розой въ петлицѣ.

XXI.

Страннымъ Валеріану Павловичу показалось то обстоятельство, что Наталья Васильевна сразу же увидѣла его, чуть ли не въ тотъ самый моментъ, когда и онъ ее увидѣлъ, а также и то, что его внезапное появленіе, повидимому, совершенно не удивило ее.

Одновременно съ тѣмъ, какъ ихъ глаза встрѣтились, Наталья Васильевна, полуобернувшись къ своему кавалеру, что-то ему шепнула, и тотъ, пропустивъ ее впередъ, отсталъ отъ нея и она одна подошла къ мужу.

— Кто это съ тобою?—стараясь быть какъ можно болѣе учтивымъ, спросилъ жену Веригинъ.

— Эт-то? растягивая слово, переспросила она его и тотчасъ же, но какъ будто просто, отвѣтила:

— Это преподаватель исторіи на нашихъ курсахъ,—она назвала фамилію приватъ-доцента Лонгинова.

— Однако, твой кавалеръ, этотъ Негг профессоръ, съ тобой не особенно деликатенъ,—пытаясь притворной шуткой скрыть свое волненіе, началъ Валеріанъ Павловичъ.

— Или ты ему шепнула: «мужъ явился, при мужѣ надо сократиться»,—все также насмѣшливо улыбаясь, продолжалъ Веригинъ, пытливо и вмѣстѣ съ тѣмъ лихорадочно глядя на жену. Ему трудно было преодолѣть свое волненіе, и улыбка у него вышла неестественной и болѣзненной, а нижняя челюсть судорожно кривилась. На секунду онъ впалъ въ тяжелое забытье, а очнувшись, угрюмо помолчалъ. И затѣмъ, не глядя на Наталью Васильевну, будто равнодушно сказалъ:

— Ну мнѣ, однако, пора.

Шумно отдышавшись, точно только-что опустилъ большую тяжесть, онъ глухо добавилъ: «До свиданія» и направился къ выходу.

— Валя, подожди меня... Я тоже съ тобою,—поспѣшно бросила вдогонку мужу Веригина.

Этотъ ея окрикъ остановилъ его. Слегка озадаченный ея готовностью покинуть вечеръ и уйти вмѣстѣ съ нимъ, онъ спросилъ ее:

— Зачѣмъ же? Ты оставайся,—продолжалъ онъ опасливо, чуя въ ея желаніи какую-то непонятную для него женскую уловку.

— Чего же ты пойдешь, вечеръ же не кончился, нерѣшительно возразилъ онъ ей, а я, я уйду...

— Нѣтъ, нѣтъ,—торопливо перебила она его,—я пойду съ тобой, непремѣнно пойду.

Веригинъ съ недоумѣлой покорностью пожалъ плечами, какъ бы говоря:—«что же, если тебѣ ужъ такъ хочется», а Наталья Васильевна, уловивъ его уступчивость, куда-то исчезла, и, вернувшись черезъ нѣсколько минутъ съ своимъ кавалеромъ, познакомила ихъ.

Представившись, приватъ-доцентъ съ вертлявой любезностью предложилъ Веригину свой портсигаръ, въ свою очередь, Веригинъ весьма галантно предложилъ приватъ-доценту свои папиросы и, закуривъ, они обмѣнялись нѣсколькими совершенно незначительными фразами.

Все время, пока мужчины разговаривали, Наталья Васильевна проявляла непонятное безпокойство, а когда они смолкли, она, немного замявшись, попросила у приватъ-доцента номерокъ отъ своей вѣшалки.

XXII.

Такъ какъ при разговорѣ съ приватъ-доцентомъ, Валеріанъ Павловичъ, чтобы не выдать своего настроенія и сохранить самообладаніе, долженъ былъ дѣлать неимовѣрныя усилія, сосредоточивъ на этомъ все свое вниманіе, то поэтому послѣдніе моменты передъ уходомъ, которые потомъ показались ему такими значительными, тогда у него проскользнули почти незамѣтно.

Дѣло въ томъ, что и отъ волненія, и оттого, что пришлось притворяться, Валеріанъ Павловичъ настолько былъ потрясенъ, что почти отупѣлъ. Но, выйдя изъ клуба и очутившись на воздухѣ, на морозѣ, онъ тотчасъ же пришелъ въ себя.

Ужъ на улицѣ, должно быть, отъ внезапной перемѣны обстановки, къ Валеріану Павловичу вернулось сознаніе дѣйствительности, и онъ вспомнилъ, какъ Наташа спросила у своего спутника номерокъ отъ платья. Въ мозгу Веригина эта сцена теперь встала очень ярко до мельчайшихъ подробностей: и замѣшательство Наташи, когда они стали подходить къ вѣшалкѣ, и неловкая вертлявость ея кавалера, пытавшагося какъ-нибудь скрыть отъ Веригина, что на этомъ номерѣ виситъ и его, доцента, платье, и его виновато-заискивающая улыбка при прощаніи.

— «Общій номеръ... пришли вмѣстѣ... значитъ, она изъ дому прямо отправилась къ нему. Она бываетъ у него»... лихорадочно носилось въ мозгу Валеріана Павловича.

Было вѣтренно, попархивалъ снѣгъ, и его хлопья, какъ стайки бѣлыхъ мотыльковъ, непрестанно кружась, льнули къ матовымъ шарамъ электрическихъ фонарей.

Время подходило къ одиннадцатому часу, и ночная жизнь большого города была въ самомъ разгарѣ. Повсюду на тротуарахъ фланировали толпы разодѣтой публики, уличныя женщины въ огромныхъ шляпахъ, украшенныхъ пестрыми перьями, навязчиво приставали къ фланирующимъ мужчинамъ. Звонки трамвая,

рожки автобусовъ и автомобилей, рѣзкое «эй» извозчиковъ, тягучій гулъ и стукъ экипажныхъ колесъ,—вся эта гамма городской сутолки очень раздражала разстроеннаго Валеріана Павловича, мѣшая ему сосредоточиться и обдумать то ужасное, что его постигло.

Онъ шелъ рядомъ съ женой, но не объ руку, какъ у нихъ было обыкновеніе.

XXIII.

Минутъ десять они шли въ тяжеломъ безмолвіи. Наконецъ, Наталья Васильевна, не выдержавъ гнетущаго молчанія, спросила мужа:

— Валеріанъ, что съ тобою?

— Да ничего особеннаго,—съ враждебной учтивостью отвѣтилъ онъ ей. Сказавши это, онъ почувствовалъ, что ему не хватаетъ воздуха и что ноги у него еле волочатся. И неожиданно для самого себя, глубоко потрясенный всѣмъ происшедшимъ, негодующе и страдальчески воскликнулъ:

— За что?! Я тебя спрашиваю: за что это мнѣ?! Развѣ я не достоинъ болѣе...—Веригинъ, не находя нужнаго слова, на секунду пріостановился, а потомъ съ рѣзкой гнѣвностью бросилъ:—да! болѣе честнаго отношенія!

И ужъ совершенно потерявъ всякое самообладаніе, онъ заспѣшилъ съ болѣзненной страстностью:

— Я допускаю, вѣдь, я еще съ ума не спятилъ, и я не мѣщанинъ...—Я допускаю: всяко бываетъ и... со всякимъ можетъ случиться... чувства человѣка должны быть свободны, мы, я прекрасно это понимаю, мы часто, очень часто не властны въ своихъ чувствахъ, дд-аа... и любить, *какъ* и *кого* (на послѣднихъ двухъ словахъ онъ сдѣлалъ особое удареніе), никому не предпишешь. Но... но нужно быть честнымъ и... и правдивымъ... Если твое увлеченіе серьезно, такъ зачѣмъ ты меня,—Валеріанъ Павловичъ сдѣлалъ паузу, перевелъ духъ и продолжалъ съ наростающей страстностью:— Но не нужно фальши, обмана! Понимаешь? Я хочу знать правду! всю правду! Хочу...

— Да посто-оой!.. да что ты-ы? Богъ съ тобою! съ глубокой тревогой въ голосѣ прервала Наталья Васильевна мужа. Ничего этого нѣтъ! съ чего ты взялъ? ужъ плача продолжала она,—тебѣ все мерещится... Клянусь тебѣ всѣмъ, что для меня свято! Валеріанъ, милый, опомнись!

Когда она заплакала, ему стало ее жаль, а ея тонъ, возраженія и клятва немного поколебали его увѣренность.

Опамятовавшись и вспомнивъ, что они на улицѣ, онъ рѣшилъ пока прекратить дальнѣйшія объясненія, а затѣмъ обдумать хладнокровно все то, что произошло, и принять соотвѣтствующія мѣры.

Остановивъ проѣзжающія сани, онъ помогъ Натальѣ Васильевнѣ сѣсть, усѣлся самъ, и они поѣхали домой.

XXIV.

Всю дорогу Веригины ѣхали въ тяжеломъ молчаніи, причемъ Валеріанъ Павловичъ проявлялъ враждебную отчужденность, все держась подальше отъ жены, а та, сжавшись отъ внутренней дрожи, сидѣла, низко опустивъ голову. Она чувствовала и обиду, и гнѣвъ, но больше всего у нея была горестная жалость. Вспоминая, какъ онъ въ клубѣ былъ мертвенно блѣденъ и какъ судорога сводила ему челюсти, Наталья Васильевна, смутно опасаясь, что для него эта вспышка можетъ имѣть гибельныя послѣдствія, испытывала жуткій страхъ. Находя, что она передъ нимъ ни въ чемъ не виновата, она все же упрекала себя, что пошла на этотъ вечеръ, мысленно зарекалась и давала обѣты безъ него никуда и никогда не ходить.

Дорога имъ казалась обоимъ мучительно-безконечной, и въ то же время имъ хотѣлось, чтобы она тянулась какъ можно дольше. Когда пріѣхали, наконецъ, домой, застали у себя гостей. Пришлось изображать изъ себя радушныхъ хозяевъ, заказать самоваръ, угощать гостей, занимать ихъ.

Валеріанъ Павловичъ и Наталья Васильевна продѣлывали все это довольно искусно, но моментами они забывали окружающее, а когда приходили въ себя, испытывали ужасъ и незамѣтно для гостей оглядывали друга друга.

Гости уѣхали только послѣ полуночи, и, оставшись наединѣ съ женой, Веригинъ хотѣлъ-было возобновить начатое имъ на улицѣ объясненіе, но, должно быть, отъ усталости имъ овладѣла такая апатія, что, не попрощавшись съ женой, онъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ и, не зажигая огня и не раздѣваясь, свалился на диванъ и тотчасъ же забылся тяжелымъ сномъ.

Проспалъ, однако, Валеріанъ Павловичъ всего лишь нѣсколько минутъ и, точно отъ сильнаго удара по головѣ, проснулся. Проснулся онъ необыкновенно возбужденнымъ и сейчасъ же вспомнилъ, что сегодня произошло. Почувствовавъ при этомъ гнѣвъ и злобу, онъ, вскочивъ на ноги, кинулся къ дверямъ. Услышавши какъ разъ въ этотъ моментъ шаги и догадав-

шись, что это жена направляется къ нему, чтобы объясниться, онъ, растерявшись отъ неожиданности и вдругъ испугавшись того, что можетъ произойти, на цыпочкахъ вернулся къ дивану, поспѣшно снова улегся на немъ и, закрывъ глаза, притворился спящимъ.

XXV.

Войдя въ комнату Валеріана Павловича и ощупью добравшись до дивана, Наталья Васильевна, кое-какъ примостившись на немъ и обнявъ мужа, крѣпко къ нему прижалась.

Въ этомъ пріемѣ Веригинъ видѣлъ прямое подтвержденіе наихудшимъ изъ своихъ подозрѣній, и поэтому ея объятія теперь были ему противны и мерзки, но, не желая показать, что его сонъ притворный, онъ продолжалъ недвижно лежать.

— Кошка! кокотка!—мысленно ругалъ онъ ее и, будто во снѣ повернувшись на другой бокъ, освободился отъ ея объятій. Пролежавъ такимъ образомъ нѣкоторое время, Веригинъ вновь ощутилъ острый приступъ гнѣва и злобы. У него появилась сильная потребность обругать жену вслухъ, осыпать ее грубой бранью, причинить ей боль. Но она уже спала и то, что ея сонъ былъ спокоенъ, а дыханіе такое безтревожное и ровное, смутили его.

Въ мозгу у Валеріана Павловича всталъ вопросъ: можетъ ли женщина, только-что уличенная въ измѣнѣ, такъ скоро уснуть и такъ безмятежно спать.

Еще увѣренный, что его подозрѣнія безусловно основательны, ненавидя Наташу и одновременно съ этимъ безсознательно чуя, что безъ ея любви его жизнь потеряетъ и смыслъ и цѣль, Веригинъ сталъ цѣпляться за малѣйшій поводъ, который хотя бы какъ-нибудь могъ поколебать его подозрѣнія.

Отъ волненія онъ уже не могъ лежать и, тихонько поднявшись съ дивана, онъ съ усиленной осторожностью открылъ дверь и, снявши ботинки, въ однѣхъ носкахъ заходилъ по столовой.

Ходилъ Валеріанъ Павловичъ такимъ образомъ очень долго.

На дворѣ вѣтеръ, дувшій съ вечера, теперь значительно усилился и превратился въ заправскую метель. Яростно носясь вокругъ дома, она остервенѣло шатала желѣзные листы крыши, грозно звенѣла ими, стучала у крыльца, шумно дышала у входной двери и, припадая къ окнамъ, швыряла въ нихъ цѣлыми охапками снѣга, который, прилипая къ стекламъ, точно всматри-

вался въ комнаты, точно интересовался, почему это тамъ во тьмѣ расхаживаетъ человѣкъ.

Порой, когда порывы бури усиливались, ея вой и визгъ раздавались гдѣ-то очень близко. Иногда въ дикіе голоса стихіи врывался ревъ проѣзжающаго автомобиля, густой и трехсложный. Похоронный напѣвъ бури и предостерегающій ревъ автомобиля еще болѣе разстроили Веригина, придавая его настроенію оттѣнокъ безнадежности, и отъ этого его мысли стали принимать самый мрачный характеръ, и какъ-то само собою вышло такъ, что Веригинъ сталъ думать, что лучшимъ исходомъ изъ этого затруднительнаго положенія будетъ его смерть: этимъ онъ освободитъ и себя, и жену.

XXVI.

Увлеченный мыслью о самоубійствѣ, Веригинъ сталъ обдумывать свое послѣднее письмо. Оно, думалъ Валеріанъ Павловичъ, должно быть оставлено одному изъ ближайшихъ товарищей, кому именно, онъ еще не рѣшилъ. Не переставая ходить, Валеріанъ Павловичъ въ умѣ сочинялъ письмо. Оно вышло отрывочнымъ и спутаннымъ.

— «Ложь, насъ окружающая,—мысленно писалъ Веригинъ,—всеобъемлюща и непреодолима. Понимаешь, самое страшное—это то, что ни въ чемъ нельзя быть увѣреннымъ. Вѣдь, кажется, что можетъ быть ближе и роднѣе, чѣмъ любимая женщина. И вотъ она тебя обманываетъ. Хуже всего то, что ты это только предполагаешь, то есть я хочу сказать, что осязательныхъ фактовъ у тебя нѣтъ, ты, грубо выражаясь, не накрылъ ее съ поличнымъ, у тебя имѣются, хотя и вѣскія, но все же косвенныя улики, одни только подозрѣнія. Но не подозрѣвать ты не можешь... И не важно, есть ли у тебя объективныя причины, обладаешь ли ты вѣскими, неопровержимыми данными, или это только субъективныя впечатлѣнія... Или характеръ у тебя такой... Но отъ этого тебѣ не легче, и твоя жизнь превращается въ сплошное мучительство... Не ревновать тебѣ нельзя, потому что между тобою и любимой женщиной нѣтъ настоящаго пониманія... Мужчины и женщины, понимаешь, разныя, противоположныя существа, и то, что онъ считаетъ дурнымъ и недопустимымъ, она считаетъ хорошимъ... Вотъ отчего вѣчная война половъ, противоположность интересовъ»...

Закончивъ такъ свое письмо и считая вопросъ о своей смерти дѣломъ рѣшеннымъ, Валеріанъ Павловичъ захотѣлъ посмотрѣть на жену.

— Вѣдь въ послѣдній разъ,—проникаясь къ самому себѣ жалостью, оправдывался онъ.

Неслышно вернувшись въ кабинетъ и зажегши тамъ электричество, онъ направилъ свѣтъ на Наташу, при чемъ загадалъ: если она ему вѣрна, пусть улыбнется.

Лучъ свѣта, попавшій спящей въ лицо, вызвалъ на немъ нѣкоторыя движенія, похожія и на улыбку, и на гримасу, и, сбитый этимъ съ толку, Веригинъ, потушивъ лампочку, опять ушелъ въ столовую и вновь сталъ ходить.

Внезапно, должно быть, оттого, что онъ былъ очень здоровъ физически и что въ немъ были очень развиты инстинкты жизни, желаніе покончить съ собою у него прошло и смѣнилось порывомъ сейчасъ же разбудить Наташу и попросить ее, во что бы то ни стало, уговорить, чтобы она разсказала ему *все* и, во имя ихъ прошлаго, помогла разобраться въ этомъ кошмарѣ.

Порывъ этотъ, какъ вспыхнулъ, такъ и погасъ. Валеріану Павловичу вдругъ до жуткости ясно стало, его точно осѣнило, что ничего изъ этого не выйдетъ. Потому что, если она сдѣлала то, чего дѣлать не слѣдовало, то она правды, всей правды не скажетъ. Для нея, какъ для женщины, это не по силамъ.

— А, если и скажетъ,—пришло ему на умъ новое соображеніе,—повѣритъ ли онъ ей? Учуетъ ли онъ правду? Можетъ ли онъ, теперешній Валеріанъ Веригинъ съ расшатанной отъ тревогъ душой, усомнившійся въ самомъ священномъ, что есть на землѣ, въ безпредѣльно любимой, способенъ ли онъ, озлобленный и съ затуманеннымъ отъ дикой ревности сознаніемъ,—въ силахъ ли онъ понять эту правду, для воспріятія которой надо раньше самому стать праведнымъ, то-есть незлобивымъ и безгранично, даже вопреки разуму, вѣрующимъ...

Окончательно растерявшійся отъ сознанія безысходности, измученный долгой ходьбой и тревожной работой мозга, Веригинъ присѣлъ къ столу и, подперевъ голову руками, уснулъ крѣпко и безъ сновидѣній.

XXVII.

Съ недѣлю въ квартирѣ Веригиныхъ была тяжелая атмосфера. Супруги отдѣльно обѣдали, отдѣльно пили чай и другъ съ другомъ почти не разговаривали.

Валеріанъ Павловичъ все время терзался муками ревности. Замѣтно осунувшійся, онъ не былъ въ состояніи заниматься и,

по цѣлымъ часамъ расхаживая у себя въ кабинетѣ, былъ сосредоточенъ, молчаливъ и неимовѣрно хмуръ. Онъ все продолжалъ думать, какъ выйти изъ этого затруднительнаго положенія, и ничего не могъ придумать.

Мысль о самоубійствѣ онъ теперь считалъ нелѣпой, трусливой и недостойной. Ему казалось, что, при создавшихся обстоятельствахъ, ему, во что бы то ни стало, слѣдуетъ узнать истинный характеръ отношеній между его женой и приватъ-доцентомъ Лонгиновымъ и, если окажется, что увлеченіе Натальи Васильевны серьезно, дать ей свободу. На этомъ Веригинъ было остановился, но что-то однако мѣшало ему привести въ исполненіе свое намѣреніе и, когда онъ разъ, случайно столкнувшись съ женой въ столовой, остановилъ ее и заговорилъ съ ней объ этомъ, разговоръ съ первыхъ же словъ принялъ такой оборотъ, какой онъ совсѣмъ не предвидѣлъ.

На вопросъ Валеріана Павловича, не желаетъ ли Наталья Васильевна, чтобы онъ далъ ей свободу и началъ хлопотать о разводѣ, она расплакалась по-бабьи, тягуче и горько, и, рыдая, стала сыпать укорами и упреками, что онъ ее разлюбилъ, что она ему надоѣла, что онъ хочетъ отъ нея отдѣлаться...

Ея горе было такимъ подлиннымъ и глубокимъ, печаль такъ искренна и слезы такъ обильны, что Валеріану Павловичу его подозрѣнія стали казаться шаткими и необоснованными.

— А что, если я ошибаюсь,—уже чувствуя угрызенія совѣсти, спросилъ онъ себя.

— Наташа, чего же ты плачешь?—началъ онъ ее успокаивать. Онъ старался быть только корректнымъ, но не удержался и черезъ нѣсколько секундъ, съ бережной лаской перебирая ея пышные волосы, уже говорилъ ей о своихъ терзаніяхъ и сомнѣніяхъ, говорилъ безсвязно и спутанно, а она, согрѣтая его лаской, моментально ожила и, вся просвѣтленная и обрадованная, что нашла его, тихо волнуясь, разсказала ему о своемъ знакомствѣ съ Лонгиновымъ и о томъ, какъ они вмѣстѣ пошли на вечеръ.

Въ ея разсказѣ ничего не было такого, за что ее можно было бы осудить. Оказалось, что единственной причиной, почему она не говорила мужу о своемъ знакомствѣ съ Лонгиновымъ, было опасеніе, какъ бы онъ ее не приревновалъ. Все это оказалось настолько простымъ, естественнымъ и правдоподобнымъ, а тонъ Наташи былъ такой искренній, что въ концѣ концовъ Валеріанъ Павловичъ долженъ былъ согласиться съ ней, что и на этотъ разъ его подозрѣнія совершенно не оправдались.

XXVIII.

Понятно, что, повѣривъ объясненію Натальи Васильевны, Валеріанъ Павловичъ не надолго успокоился. То, что его такъ глубоко потрясло, скоро не могло пройти. Оно, конечно, не исчезло, а только улеглось, такъ что при малѣйшемъ толчкѣ должно было проявиться.

И вотъ дня черезъ два послѣ примиренія, столкнувшись какъ-то мимолетно въ университетѣ съ приватъ-доцентомъ Лонгиновымъ, Веригинъ на обратномъ пути домой, сидя въ трамваѣ и вслушиваясь въ однообразный ритмъ его бѣга, какъ-то незамѣтно для самого себя, сталъ перебирать въ мысляхъ подробности событія въ адвокатскомъ клубѣ. Разумѣется, что, при этомъ воспоминаніи, Валеріана Павловича снова охватила тревога ревности, имъ вновь овладѣли колебанія и сомнѣнія и, подъ ихъ вліяніемъ, онъ сталъ упрекать себя и сожалѣть о своей излишней поспѣшности и горячности, изъ-за которыхъ этотъ важнѣйшій въ его жизни вопросъ такъ и остался неразъясненнымъ.

— Надо было сдѣлать вотъ какъ,—угнетенно волнуясь, думалъ Веригинъ:—занять въ зрительномъ залѣ такую позицію, устроиться такъ, чтобы я ихъ могъ видѣть, а они меня нѣтъ. Затѣмъ терпѣливо дождаться, когда они станутъ уходить, и тогда, опять же незамѣтно для нихъ, пойти за ними. И вотъ тогда можно было бы узнать истинный характеръ ихъ отношеній.

— Конечно,—уже возбужденно успокаивалъ себя Веригинъ,—упущенное не возстановишь, но этотъ промахъ можно исправить тѣмъ, чтобы впредь быть болѣе осмотрительнымъ.

Давая волю разыгравшемуся воображенію, онъ, распаленный фантазіей, рисовалъ себѣ картины измѣны Наташи и вмѣстѣ съ тѣмъ, точно заправскій сыщикъ, набрасывалъ планъ, какъ за ней слѣдить...

— Вотъ, — фантазировалъ Валеріанъ Павловичъ, — она отправилась будто бы на курсы, но онъ знаетъ, что это неправда, и, выждавъ нѣсколько минутъ, онъ отправляется за ней. Онъ идетъ не рядомъ съ нею, а другимъ тротуаромъ, и для того, чтобы она не могла его узнать, онъ въ очкахъ, съ накладной бородой...

— Но вѣдь Наташа можетъ узнать его по платью!..—озабоченно забезпокоился Валеріанъ Павловичъ. И вотъ, мысленно одѣтый въ новый, спеціально для этого купленный, костюмъ, онъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за нею.

Она взяла извозчика, онъ тоже... И все же вышло такъ, что она, сойдя съ извозчика, съ необыкновенной проворностью юркнула въ переулокъ, и онъ потерялъ ее изъ виду...

Какъ разъ въ этотъ моментъ, когда Веригинъ, мысленно досадовавшій на свое упущеніе, соображалъ, что же ему теперь дѣлать,—трамвай, достигнувъ конечнаго пункта своего маршрута, остановился.

Отъ внезапно наступившей тишины, Валеріанъ Павловичъ очнулся и, придя въ себя, увидѣлъ, что онъ заѣхалъ совершенно не туда, куда ему нужно было. Свои планы Веригинъ ни разу не пытался осуществить: къ шпіонству онъ питалъ глубокое и непреодолимое отвращеніе.

XXIX.

Прошло около шести лѣтъ. Веригинъ уже давнымъ давно кандидатъ правъ и теперь числится въ помощникахъ у одного изъ политическихъ адвокатовъ. Хотя до окончанія стажа Валеріану Павловичу осталось всего годъ съ небольшимъ, но по всему видно, что и въ присяжныхъ повѣренныхъ онъ далеко не уйдетъ. Тѣмъ не менѣе, у него имѣется кое-какая практика, и живется ему довольно сносно. Вообще у Веригиныхъ приличная квартира, съ электричествомъ, телефономъ и кабинетомъ съ кожаной мебелью и большимъ, типически—адвокатскимъ письменнымъ столомъ.

Веригины живутъ хорошо. Крупныхъ стычекъ, почти обычныхъ теперь въ каждой интеллигентной семьѣ, у нихъ не бываетъ.

Иногда, правда въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, Наташа кокетничаетъ и, если тотъ, съ кѣмъ она кокетничаетъ, Веригину не нравится, онъ, считая, что она себя держитъ не съ надлежащимъ для серьезной женщины достоинствомъ, выждавъ ухода посторонникъ, устраиваетъ ей маленькую сцену. Сцена эта выражается въ томъ, что Валеріанъ Павловичъ становится очэнь сдержаннымъ и утонченно-вѣжливымъ. Разговаривая съ Наташей, онъ ее величаетъ по имени и отчеству и говоритъ ей «вы».

Бываютъ у него и приступы былой ревности. Тогда онъ вспоминаетъ про свои старыя подозрѣнія, а также всю ту массу сквернаго и пакостнаго, что мужчины обыкновенно разсказываютъ про женщинъ, и ему начинаетъ казаться, что всѣ женщины распутны и что даже лучшія изъ нихъ способны отдаваться каждому встрѣчному и поперечному.

Эти вспышки, однако, у Веригина бываютъ очень непродолжительны. Когда онѣ проходятъ и къ нему возвращается его обычное благодушіе, онъ съ пріобрѣтенной имъ за послѣдніе годы любовью къ сентенціямъ, подсмѣиваясь надъ самимъ собой, съ незлобивой ироніей успокаиваетъ себя какимъ-нибудь изреченіемъ, въ родѣ того, что любовь, какъ солнце: чѣмъ оно ярче, тѣмъ ея тѣнь, ревность, гуще...

Другъ друга Веригины любятъ крѣпко и нѣжно. Въ общемъ Валеріанъ Павловичъ склоненъ думать, что Наташа вѣрнѣйшая изъ женъ, и все же случай въ адвокатскомъ клубѣ для него и до сихъ поръ, какъ былъ, такъ и остался непонятнымъ, страннымъ и даже, пожалуй, загадочнымъ.

Н. Осиповичъ.

ИЗЪ ВЕРЛЭНА.

I.

(«Un grand sommeil noir...»).

Сомкнулъ мнѣ вѣжды
Сонъ пустоты,
Прошли надежды,
Прошли мечты.
Душа нѣмая
Все изжила,
И я не знаю
Добра и зла.
Чужая воля
Играетъ мной,
Какъ будто море
Своей волной.

II.

(«Chanson d'automne»).

Вѣтра стоны и гнѣвъ,
Дальнихъ скрипокъ напѣвъ
Утоленый,
Отгоняя покой,
Ранятъ душу тоской
Монотонной.

Въ часъ задумчивыхъ грезъ
Сердце сжалось отъ слезъ
Безнадежныхъ.
И не въ силахъ опять
Я желаній прогнать
Невозможныхъ.
Вереницы тѣней,
Все тѣснѣй и тѣснѣй
Обступаютъ.
И меня въ свой потокъ,
Какъ засохшій листокъ
Увлекаютъ.

О. Пріселкова.

НАДЪ ЛУАРОЙ.

(Разсказъ).

Вотъ уже недѣля, какъ я иду по дорогѣ—куда?—неизвѣстно. Я сталъ похожъ на нищаго, платье мое разорвано, ботинки внушаютъ состраданіе; строго смотрятъ на меня встрѣчные крестьяне: ихъ опытный глазъ видитъ рядомъ со мной неотступнаго спутника—голодъ его имя.

Сегодня я сытъ тремя сырыми грушами, поднятыми на дорогѣ; ихъ кто-то бросилъ проѣздомъ съ воза, а я жадно поднялъ, потому что до сихъ поръ я все еще не могу позволить себѣ сорвать хотя бы одинъ абрикосъ или сливу съ плодовыхъ деревьевъ, которыя наклоняютъ свои вѣтви изъ-за каменной стѣны упитанныхъ садовъ. Немножко тяжело, немножко больно гдѣ-то въ моемъ тѣлѣ, потому что это не первый день, когда я такъ недостаточно питаюсь... Но—впередъ! Впередъ, до NN, гдѣ ждутъ меня письма, можетъ быть—немного денегъ, и—много моихъ надеждъ.

Я спускаюсь внизъ по дорогѣ съ холма и вхожу въ городокъ съ сѣрыми столѣтними домами изъ вывѣтреннаго камня.

— Э-э! Господинъ...—громко кричитъ мнѣ кто-то, и я останавливаюсь.

Это деревенскій парикмахеръ, онъ показываетъ рукой на мою давно небритую бороду и на языкѣ, который ему самому кажется иностраннымъ, а для меня предполагается роднымъ, онъ почтительно приглашаетъ меня бриться.

Но я вѣжливо благодарю его и иду дальше, и долго слышу его ироническій смѣхъ за спиной, его мало понятныя для меня остроты, его слова, презирающія мою бѣдность. Боже мой, чего я не слышалъ только въ моей жизни.

И я торопливо иду въ поля.

Это неново для меня—смѣхъ надъ несчастьемъ. Я много пережилъ: я пережилъ свою любовь, которая умирала на моихъ

рукахъ, какъ блѣдный больной ребенокъ, отвергнутая, ненужная никому любовь; я пережилъ неизъяснимо тягостный день гибели надеждъ, горѣвшихъ, какъ звѣзды надъ ночью моей жизни; я пережилъ гибель людей, живая душа которыхъ мнѣ казалась единственнымъ залогомъ красоты въ мірѣ; теперь мнѣ суждено переносить безсрочное изгнаніе, тоску одиночества, голодъ и лишеніе, нести черезъ жизнь свою разбитую душу безъ конца...

Но—впередъ! Все-таки...

Я не такъ ослабѣлъ и не такъ оскудѣлъ душевнымъ счастьемъ, чтобы остановиться на мѣстѣ безъ надежды. Я знаю тайные сны, ихъ я несу съ собой какъ послѣдній мой стаканъ съ золотымъ виномъ, изъ котораго ни капли не должно упасть на пыль дороги. Я иду и сплю, и безъ конца вижу сны. Я видѣлъ здѣсь комнаты, гдѣ въ неволѣ томились короли, гдѣ отрубали имъ гордыя головы; я видѣлъ витые подъемы на башни, куда въѣзжали на коняхъ со своей свитой владыки, чтобы отдать свой царственный визитъ вассалу; могилы несказанныхъ геніевъ, вѣка почивающихъ подъ надгробными своими плитами, видѣлъ я, и пышные залы, гдѣ рѣшались судьбы націй, и величайшіе мавзолеи. Spes illorum immortalitate plena est...—Они забыты. И что же? Отчего же бьется мое сердце, и непонятный восторгъ кружитъ мою голову?—Все великое относительно,—говорятъ торгаши. Ахъ, такъ? Но нужно еще и глаза, чтобы видѣть... Впрочемъ,—мимо... Я не хочу размышлять, чтобы не было мнѣ больно.

Боже мой, поля... Я всѣмъ сердцемъ люблю ихъ. Волосы мои безъ времени сѣдѣютъ, душа устала отъ шума чужой и далекой жизни, отъ непонятныхъ, далекихъ людей. А поля я люблю все такъ же, и вотъ я блуждаю среди нихъ безъ конца. Теперь лѣто, солнце свѣтитъ мнѣ въ глаза яркимъ блескомъ, и цѣлый день я никакъ не могу спрятаться отъ него, я перехожу съ одной стороны дороги на другую—нѣтъ, оно тамъ; я наклоняю свою голову ниже—нѣтъ, оно плещетъ въ лицо мнѣ волнами, отраженными отъ бѣлой дороги, заливаетъ меня всего, и я морщусь, чихаю, какъ молодой щенокъ, нюхающій его своимъ влажнымъ носомъ, и иду все дальше и дальше.

Пулькаютъ перепела въ поляхъ—Россія, милая сердцу, покинутая, далекая, бѣдная страна. Нѣжно бормочетъ перепелъ направо—и я останавливаюсь и слушаю его; нѣжно отвѣчаетъ ему другой налѣво—и я оборачиваюсь налѣво и опять слушаю. И такъ они разговариваютъ другъ съ другомъ совсѣмъ какъ у насъ въ деревнѣ, одинъ въ хлѣбахъ, и другой въ хлѣбахъ, въ

душистыхъ золотыхъ хлѣбахъ, которые пышно колосятся, дышатъ нагрѣтымъ прянымъ ароматомъ въ голубое небо и клонятъ къ землѣ свой колосъ съ истомой, точно налившійся колосъ не въ силахъ сдержать свое золотое счастье. И вижу я моими грѣшными глазами, какъ чудесна земля вокругъ меня, мнѣ хочется стать на колѣни и молиться, и изливаться въ долгихъ призывахъ и жалобахъ, и умолять кого-то—о чемъ? Развѣ есть на свѣтѣ что-нибудь, что можетъ выпрямить душу мнѣ? Неясныя надежды, несмѣлыя обѣщанія витаютъ надо мной. Да будетъ позволено, пусть...

Я долго стою, растроганный.

Нужно идти дальше. Это важно—поскорѣе придти въ NN. Тамъ будетъ все ясно, я знаю, что мнѣ дѣлать. Остается еще одинъ день пути, а денегъ почти нѣтъ, я хочу ѣсть, но я не рѣшаюсь издержать эти послѣдніе гроши. Впередъ.

Ночевать я прихожу въ auberge, въ харчевню послѣдняго разбора.

Какъ мнѣ сталъ тягостенъ шумъ и крикъ людскихъ голосовъ, табачный дымъ и тусклый свѣтъ, который маячитъ пятномъ тумана въ закоптѣлыхъ стѣнахъ. Множество мухъ носится у чернаго потолка, перекрещеннаго десяткомъ балокъ; черный отъ дыма каминъ подъ кожухомъ, ликерныя отцвѣтшія рекламы и пьяныя лица полевыхъ рабочихъ, пришедшихъ сюда провести свой вечеръ или идущихъ по большой дорогѣ въ поискахъ работы. Какъ они мучительно кричатъ и безъ конца о чемъ-то ругаются, и разливаютъ грязныя лужи вина на столахъ...

Спать, спать... Я усталъ безмѣрно.

* * *

Утро блистаетъ, какъ глаза ребенка, улыбается мнѣ со двора.

— Вы будете завтракать?

— Нѣтъ, я не буду завтракать. Я спѣшу... До свиданія.

Я быстро плачу свои мѣдяки и ухожу.

Я иду по росистой травѣ у края дороги, и прозрачныя капли брызжутъ на мою обувь, горятъ на ней, какъ искры. Точно расчесанныя кудри нѣжатся травы на лугахъ, обласканныя, холеныя травы; какъ будто султаны изумрудныхъ перьевъ, снятыхъ съ невиданныхъ птицъ, стоятъ деревья, не шелохнувъ своими вѣтвями. И утренняя свѣжесть облегчаетъ меня лаской, подымаетъ мою грудь глубокимъ и радостнымъ вздохомъ простора, вздохомъ облегченія; и золотитъ встающее солнце мои поблѣднѣвшія щеки ликующимъ румянцемъ.

— Кажется, я сегодня счастливъ немножко,—говорю я себѣ съ нерѣшительной радостью.

— Я ничего не хочу больше,—говорю я еще черезъ минуту, и губы мои дрожатъ.

И я иду все быстрѣе и быстрѣе, и все взволнованнѣе дышитъ моя грудь.

Тамъ впереди точно бѣлый снѣгъ стелется широкой полосой, какъ бѣгучая ртуть играетъ тамъ потокъ, трепещетъ и переливается сверкающими изломами, колышется волнами, какъ шелкъ... Что тамъ? Ахъ, это Луара въ зеленыхъ берегахъ, это она внизъ катитъ свои волны, это она долгія тысячи лѣтъ улыбается тамъ ласковой улыбкой, первую тысячу лѣтъ она улыбается, и еще тысячу лѣтъ она улыбается, она тамъ журчитъ немолчнымъ журчаніемъ.

Быстро иду я по берегу, низко опустивъ голову, боясь поднять ее передъ этой трогающей мое сердце красотой. Но я не могу не смотрѣть на нее, и я подымаю мою голову.—Я бы могъ вести съ тобой, Луара, безконечный тайный разговоръ, и много бы сказалъ тебѣ. Ты красавица, Луара, и ты этого не знаешь, какъ всѣ красавицы—ты не знаешь мѣры своей красоты... Ты течешь все въ даль спокойно и стройно, убѣгаешь отъ меня въ даль зеленыхъ холмовъ подъ пѣсни лѣсовъ твоихъ, а я люблю тебя. Какъ всѣхъ красавицъ, я люблю тебя—безнадежно, Луара.

И я стою надъ Луарой въ зеленыхъ берегахъ, и слезы катятся изъ глазъ моихъ, тихо онѣ сбѣгаютъ по щекамъ и снова повисаютъ на моихъ рѣсницахъ, и снова сбѣгаютъ онѣ; грудь моя дрожитъ, какъ у ребенка, и я подавляю изъ всѣхъ силъ усталый трепетъ въ моей груди. Вѣдь, я хорошо такъ зналъ, уѣзжая изъ города, что здѣсь я буду горько плакать, что я стану вотъ такъ подъ солнцемъ надъ красотой міра и буду задыхаться, и буду низко кланяться ей, и буду тосковать безмѣрно о погибшемъ, на вѣки утраченномъ... Но какъ я сталъ слабъ безконечно, и какъ я измученъ.

Внизу на рѣкѣ—какъ у насъ—мужчины и женщины рыбу на мели бреднемъ ловятъ, весело они перекликаются, я слышу звонкій смѣхъ. Веселитесь, люди, пейте жадно мгновеніе радости...

Дальше! Впередъ...

Солнце восходитъ все выше, роняя до самой земли свое пурпурное покрывало, жарко дышитъ въ лицо мнѣ земля ароматомъ травъ своихъ, а я иду, напѣвая пѣсни, родныя и грустныя. Эй, зеленые, счастливые лѣса, эй, травы пушисто-мягкія, обла-

сканныя травы, вы никогда не слышали такихъ грустныхъ пѣсенъ, никогда молодица съ ближней деревни не приходила къ краю дороги и не причитала, качая головой, и никогда старая старуха не распускала здѣсь сѣдыхъ и жидкихъ косицъ своихъ и не плескала здѣсь руками въ тоскѣ безысходной... Вы увяли бы, травы, отъ жалости горестныхъ словъ ихъ...

Но дальше, дальше же, чтобы не горѣла подо мной земля, какъ огонь; какъ Каинъ, я не знаю покоя. Довольно всего этого, совсѣмъ ужъ достаточно для меня.

Вотъ опять городокъ, онъ побѣлѣлъ отъ солнца и дорожной пыли, онъ весь какъ мертвый, закрыты ставни, опущены жалюзи. Одиноко иду я по пустыннымъ улицамъ. Я буду завтракать въ поляхъ, и я захожу, чтобы купить себѣ немножко сыра и хлѣба, нѣсколько капель вина. Господи, это мои послѣднія деньги, которыя трачу.

— Сегодня жарко,—лѣниво говоритъ хозяйка.

— Да, жарко,—отвѣчаю я.

— Тяжело идти по дорогѣ.

— О, нѣтъ,—блѣдно улыбаюсь я въ отвѣтъ ей.

И снова я выхожу въ поля. Тутъ я сажусь у края дороги и жадно съѣдаю мой послѣдній хлѣбъ, выпиваю послѣднія капли вина. Кузнечики скачутъ мнѣ въ руки, и бережно я отпускаю ихъ на волю: пускай поютъ и стрекочутъ въ поляхъ, однажды я приду послушать ихъ... когда буду счастливъ...

Тихо. На дальней дорогѣ квакаетъ труба автомобиля. Голубой виноградникъ передо мной, за нимъ темно-зеленый лугъ, за нимъ колышется Луара, а тамъ ужъ встаетъ стѣна густого лѣса, проведенная чернымъ мазкомъ, какъ соболиная бровь, по краю неба... Смотрю впередъ на дорогу—тамъ тоже лѣсъ.

И спустя полчаса я иду по нему. Сѣрые кролики прыгаютъ черезъ дорогу, у самаго края лѣса они смѣшно присѣдаютъ и смотрятъ на меня глупыми, круглыми глазами, потомъ высоко вскидываютъ вверхъ ногами и скрываются въ чащѣ. Съ однимъ изъ нихъ я бѣгу на перегонки.

— Эй, подожди...—кричу я ему, запыхавшись.

Но онъ не слышитъ и быстро убѣгаетъ отъ меня.

Такъ долго иду я, километръ за километромъ, проходя деревни и виллы — всѣ въ кружевахъ нѣжно-зеленой зелени. Вечеретъ подъ небомъ, теплится закатъ, какъ лампада; неясные вздохи вѣтра катятся по лѣсу; спалъ зной, и чудесная, насыщенная запахомъ листвы, свѣжесть вѣетъ мнѣ въ лицо.

Нѣтъ, я не могу проходить мимо, когда міръ такъ ласковъ ко мнѣ, и въ сотый разъ я сажусь на берегу Луары.

Какъ тихо и какъ радостно мнѣ теперь. Далеко внизъ къ водѣ по откосу скатилась выроненная изъ рукъ пачка моихъ писемъ, но не хочется встать и идти за ними, они лежатъ, бѣлѣя... Странно, все это совершалось въ эти тяжкіе годы: вода журчала въ меляхъ, рыбы скользили по дну, птицы пѣли, вѣтеръ катился, какъ вздохъ... Отчего я ихъ не слышалъ?

И горестно я думаю о жизни, о несчастьяхъ, объ одинокихъ людяхъ...

Чу! Благовѣстъ надъ Луарой. Онъ падаетъ откуда-то съ холмовъ и виситъ надъ посинѣвшей водой. Благовѣстъ, вечеръ.

Пора идти.

— Какъ называется эта деревня?

— Это нашъ городокъ, monsieur. Онъ зовется NN.

Я пришелъ,—вздрагивая, думаю я...—Гдѣ почта, почта?

— Она закрыта теперь, monsieur.

О, нѣтъ, мнѣ ее откроютъ, не такъ поздно еще, всего десятокъ минутъ опозданія... Я попрошу, и мнѣ откроютъ.

Въ маленькомъ домикѣ свѣтъ сквозь окна. Тамъ спорятъ со мной добрую минуту, потомъ отворяютъ двери.

— Вамъ письма и деньги. Дайте ваши бумаги.

О, я отдамъ всѣ мои бумаги съ удовольствіемъ.

— Возьмите ихъ, пожалуйста—возьмите.

Немножко денегъ, и милыя грустныя вѣсти издалека. Вздыхая, я читаю ихъ, стоя на улицѣ, строку за строкой, медленно складываю листы и бережно прячу ихъ въ карманъ.

Немножко денегъ... Я могу теперь идти дальше, я свободенъ, я могу думать свои мысли, я могу выбрать гдѣ-нибудь мѣсто и остаться тамъ на недѣлю или на двѣ, чтобы работать... Я могу теперь итти.

И въ тотъ моментъ, когда я поворачиваюсь, чтобы сдѣлать это, я вдругъ слышу долгій раскатъ веселаго смѣха, который разносится по опустѣвшей улицѣ, изрѣзанной полосами длинныхъ тѣней. Тогда я оборачиваюсь.

На краю узкой площади у старой церкви смѣется женщина—нѣтъ, это дѣвушка, и должно быть—она молода очень, потому что смѣхъ у ней полный и звучный, нетронутый рукою времени.

Она смѣется, закинувъ назадъ свою голову, и кричитъ кому-то черезъ площадь на мѣстномъ красивомъ говорѣ:

— Я ужъ больше не пойду съ вами, такъ и знайте... Ни за что не пойду.

— Почему?—отвѣчаетъ ей мужской голосъ, вѣроятно—изъ окна; на улицѣ я никого не вижу.

— Потому что мнѣ съ вами скучно,—старательно и раздѣльно выговариваетъ женскій голосъ.

— Давно?

— Пять лѣтъ уже мнѣ скучно съ вами, такъ же старательно говоритъ этотъ голосъ, и опять раскатывается смѣхъ.

— Вы пойдете со мной.

— Нѣтъ.

— Вы пойдете.

— Нѣтъ.

И они спорятъ тамъ въ сумракѣ безъ конца.

Прослушавъ это, я поворачиваюсь, чтобы уходить, чтобы искать себѣ пріютъ на нѣсколько недѣль покоя. И вдругъ я опять останавливаюсь:—Почему не здѣсь этотъ покой? — спрашиваю я себя.—Почему не здѣсь? А-ну?

И я не знаю, что отвѣтить себѣ. Значитъ, остаться здѣсь? Я колеблюсь нѣсколько мгновеній, а потомъ снимаю свою шляпу и кланяюсь проходящей сгорбленной старухѣ.

— Не можете ли вы указать мнѣ, гдѣ я найду себѣ комнату?

Она показываетъ молча рукой на ближайшій домъ и идетъ дальше.

Но черезъ мгновеніе, осмотрѣвъ себя съ головы до ногъ, я догоняю ее.

— Не можете ли вы еще указать мнѣ, гдѣ я могу купить себѣ кое-что для костюма?—снова спрашиваю я.

Тогда она внимательно смотритъ на меня въ упоръ и кратко говоритъ:

— Первая улица налѣво.

Покупки... Сто лѣтъ я не дѣлалъ ихъ, сто лѣтъ не имѣлъ я въ рукахъ такихъ большихъ денегъ сразу.

* * *

Какое наслажденіе: у меня есть комната, чистая комната съ простынями и подушкой, со столомъ для работы; я вымылся, парикмахеръ выбрилъ меня гладко, я надѣлъ новое платье. Какое удовольствіе — стоять передъ зеркаломъ и видѣть бѣлое бѣлье, и свѣжій галстукъ, и весь этотъ блескъ, отъ котораго относишься къ себѣ снисходительно и мягко.

Сейчасъ я сижу въ гостиницѣ за столикомъ, который поставленъ прямо на землѣ у дверей. Напротивъ за домомъ съ зеленымъ садомъ потухаетъ вечеръ, заря совсѣмъ затерялась въ пышныхъ деревьяхъ... Я сижу и пишу нѣсколько маленькихъ пріятныхъ писемъ, ожидая ужина: сейчасъ время ужина.

Но я разсѣянъ, я оглядываюсь кругомъ и думаю;—Здѣсь, въ этомъ домѣ? или немножко дальше? вонъ въ томъ?

— Нѣтъ, не здѣсь, — сомнѣваюсь я черезъ мгновеніе.— Гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ...

И это меня слегка печалитъ.

Даютъ мнѣ мой ужинъ, совсѣмъ деревенскій, обильный и простой. Странное здѣсь вино: густо-золотое, цвѣта красной соломы, обожженной солнцемъ; я смотрю, какъ оно играетъ, и я пью его.

Маленькая дѣвочка приноситъ мнѣ зеленый первый виноградъ на тарелкѣ, и долго разглядываетъ меня, недовѣрчиво и удивленно.

— Не угодно ли вамъ немножко винограда?— предлагаю я ей, чтобы нѣсколько расположить ее къ себѣ.

Но она качаетъ головой отрицательно:—Нѣтъ, она не хочетъ взять виноградъ отъ такого чужого господина.

— Такъ вы не хотите взять винограда?—спрашиваю я ее...

И разомъ внимательно слушаю: напротивъ въ саду кто-то зоветъ громко:

— Андрэ!

Но никто не отвѣчаетъ на зовъ.

— Андрэ! Ты опять ушла куда-нибудь въ часъ ужина... Опять тебя нѣтъ здѣсь?

Должно быть, это тамъ,—думаю я,—потому что тамъ ищутъ и зовутъ кого-то; кого бы тамъ могли звать такъ настойчиво?

— Я здѣсь, — смѣется голосъ, который я уже знаю. — Я въ двухъ шагахъ отъ васъ. Я все слышу...

Тогда моя веселость достигаетъ высшаго предѣла.

— Милая дѣвочка, не принесете ли вы мнѣ еще сигару, которую вамъ дастъ ваша maman для меня? Мнѣ было бы такъ пріятно курить теперь сигару.

Да, дѣвочка принесетъ мнѣ сигару въ честь моего веселья и радости, которыя посѣтили меня здѣсь у дверей гостиницы, когда я пью густо-золотое вино. Дѣвочка можетъ сдѣлать это очень быстро...

Я кончилъ съ виноградомъ, болтаю ногами, смѣюсь самъ себѣ и пускаю клубы дыма. Плохая сигара щиплетъ мнѣ языкъ,

но это ничего не значитъ въ такой вечеръ, это — все равно... Ахъ, міръ! Но что такое — міръ? Это — наслажденіе, ничего больше. Это—безмѣрное наслажденіе, нужно только умѣть найти его, умѣть его подмѣтить зоркими глазами, умѣть пережить во всю широту души, и въ этомъ самъ человѣкъ виноватъ, когда онъ несчастенъ... А я—я пою веселыя пѣсни сегодня.

И я пою ихъ сквозь зубы, негромко.

Рядомъ со мной за столикъ садится взъерошенный господинъ маленькаго роста. Онъ подзываетъ дѣвочку и что-то говоритъ ей.

— Да, онъ только-что пріѣхалъ,—отвѣчаетъ она.

Тогда господинъ поворачивается ко мнѣ: его раздражаетъ мое пѣніе, моя веселость, дымъ моей скверной сигары, который стелется къ нему длинными нитями.

— Добрый вечеръ,—говорю я ему любезно.

Но онъ молчитъ.

— У васъ здѣсь чудесный городокъ, я думаю здѣсь остаться нѣсколько недѣль, это доставитъ мнѣ удовольствіе,—снова весело говорю я ему черезъ минуту.

На это онъ мнѣ отвѣчаетъ угрюмо:

— У васъ очень скверная сигара, monsieur.

— А?—роняю я удивленно.

— Очень скверная сигара.

— Ахъ, такъ? Я не думалъ.

— Ваша сигара мѣшаетъ мнѣ, она дымитъ... — говоритъ онъ сквозь зубы, разглядывая мои ноги, которыми я болтаю.

— Можетъ быть, вы займете мѣсто вотъ тамъ?—киваю я ему подальше отъ себя, и смѣюсь, вздрагивая грудью.

Тогда онъ снова подзываетъ дѣвочку къ себѣ, онъ не хочетъ мнѣ отвѣчать, онъ не хочетъ имѣть дѣло съ человѣкомъ, который болтаетъ ногами и заговариваетъ съ незнакомыми.

— Я въ послѣдній разъ пришелъ сюда, — говоритъ онъ строго. — Это выше моихъ силъ, — повторяетъ онъ, подымаясь изъ-за своего стола.

И его стаканъ уносятъ куда-то.

Ахъ, такъ? Я такъ шокирую васъ своимъ видомъ? Но моя веселость сложила крылья сегодня—она не можетъ улетѣть отъ меня, она остается, несмотря ни на что—она остается со мной.

И я напѣваю мои пѣсни съ сигарой въ зубахъ, и пью мое вино, странное вино цвѣта красной соломы.

— Это нашъ докторъ, тотъ господинъ, который ушелъ,— говоритъ огорченная хозяйка.

— Такъ это вашъ докторъ? Я очень радъ,—простодушно отвѣчаю я ей.

И безпечно положивъ въ карманы руки, я подымаюсь къ себѣ наверхъ, въ комнату, которую мнѣ дали.

Нѣтъ, моя веселость не покинетъ меня. Счастью моему нѣтъ предѣла.

* * *

Все сегодня меня ласкаетъ здѣсь, бываютъ такіе дни... Это такъ рѣдко—чтобы настоящее казалось прекраснымъ.

Маленькая дѣвочка утромъ встрѣтила меня и сказала:

— Какъ вы красивы сегодня, monsieur.

Я низко поклонился ей какъ взрослой дамѣ.

Странно, это мнѣ было пріятно—то, что она сказала, это тронуло меня. Давно никто не говорилъ мнѣ ничего подобнаго.

Но работать я положительно не могу въ такіе дни. Я тщетно собираю свои разсѣянныя мысли, онѣ такія непривычно нарядныя—какъ весеннія птицы; Богъ ихъ знаетъ, откуда онѣ летятъ и куда улетаютъ отъ меня. Но я искренно радъ прилету ихъ, я ихъ сердечно привѣтствую въ себѣ.

— Быть можетъ, monsieur любитъ рыбную ловлю?—спрашиваетъ меня за обѣдомъ хозяйка.—У насъ хорошая ловля на Луарѣ.

О, ловить рыбу—это я могу сдѣлать съ величайшимъ удовольствіемъ, я давно собирался это сдѣлать...

— Если monsieur желаетъ, она ему дастъ все, что нужно для этого. На закатѣ Луара такъ красива.

— Я буду безконечно благодаренъ вамъ, madame.

И вечеромъ я иду къ Луарѣ съ удочкой на плечѣ, эта удочка уноситъ меня въ дѣтство; какъ коверъ-самолетъ—въ одно мгновеніе ока уноситъ она меня въ волшебное радостное царство, и я тихо иду по давно нетоптаннымъ изумруднымъ лугамъ его...

Огромное кроваво-красное солнце опускается за Луарой, алѣетъ вода золотистой алостью. Рыба, сплавившись на рѣкѣ, звонко чмокаетъ.

Я сѣлъ у кустовъ камыша и сижу неподвижно.

Такъ вотъ какъ это дѣлается—ловля рыбы... Рѣчныя струи шепчутъ, вѣтеръ звенитъ, щекочутъ мнѣ лицо и руки камыши, далеко протянулась моя удочка надъ приплескомъ, и поплавокъ выплясываетъ на волнахъ. Такъ вотъ какъ это хо-

рошо дѣлается? И я щурюсь на бѣлые камни, которые лежатъ на рѣчномъ днѣ, ихъ отраженія вьются въ приплескѣ, какъ длинныя серебряныя рыбы... Боже мой, какой прекрасный вечеръ Богъ послалъ сегодня на землю. Онъ сегодня не знаетъ предѣла своей щедрости.

Проходитъ часъ, но мой поплавокъ спокоенъ, безъ малѣйшей дрожи разсѣкаетъ онъ волны, качаясь. Нѣтъ, эти рыбы Франціи не хотятъ ничего принять отъ иностранца... Какая ласковая меланхолія въ покоѣ, въ неподвижности, въ отсутствіи желаній.

— Нѣтъ, ничего не выйдетъ изъ рыбной ловли сегодня,— говорю я себѣ.

И я кладу свою удочку въ траву, я сажусь поудобнѣе, чтобы видѣть и слышать все, что живетъ вокругъ меня, движется, говоритъ, наполняя міръ немолчнымъ ропотомъ.

И скоро я слышу шелестъ шаговъ за моей спиной, легкихъ шаговъ, когда травы такъ тихо звенятъ — какъ отъ соннаго вѣтра. Тогда я оборачиваюсь.

Ну, конечно, это ты должна была идти въ эту минуту, это ты должна была топтать изумрудныя травы, это тебя я ждалъ здѣсь, почему?—не знаю. Такъ это тебя зовутъ Андрэ, милымъ именемъ, которое трогаетъ меня? Такъ это у тебя такая чудесная голова съ гордымъ затылкомъ, и это ты проходишь мимо?

Я подымаюсь съ камня, на которомъ я сидѣлъ, и стою передъ ней.

А она проходитъ и высоко держитъ край своей юбки, хотя травы еще сухія, и роса еще не упала съ глубокаго неба. Но все-таки она проходитъ какъ важная дама съ длиннымъ шлейфомъ.

— Ахъ, вы пришли наконецъ,—слышу я чей-то голосъ вдалекѣ.—Вы все-таки пришли ко мнѣ? Вы не могли остаться дома до конца этого долгаго вечера?

— Я пришла,—говоритъ она равнодушнымъ голосомъ.

И отъ ея равнодушія мнѣ радостно—такъ въ немъ много привычки, безразличія, дремлющихъ силъ. — Ага, такъ вы искренно скучаете, прекрасная царевна, — говорю я себѣ, и смѣюсь тихонько.—Такъ больше васъ уже не забавляютъ эти прогулки сюда и эти встрѣчи у сонной воды на закатѣ? Такъ больше васъ уже не забавляютъ...

— Еще разъ... Еще разъ...—повторяю я себѣ, закидывая свою удочку далеко отъ берега.—Этотъ послѣдній разъ прине-

сетъ мнѣ счастье, навѣрное принесетъ, потому что счастье такъ близко прошло отъ меня, ступая ногами по травамъ...

Но ихъ голоса не даютъ мнѣ покоя, они звенятъ, какъ вечерняя музыка, и развлекаютъ меня. Развѣ тамъ были еще рыболовы, и я ихъ не замѣтилъ?.. Посмотримъ же, кто они, разглядимъ ихъ хорошенько, чтобы знать ихъ... для будущаго.

Я подымаюсь въ своихъ камышахъ во весь ростъ, чтобы выглянуть нѣсколько выше.

Темнѣетъ, плохо видно. Я вижу только ее, какъ она смѣшно и неумѣло бросаетъ свою удочку черезъ голову и громко шлепаетъ по водѣ грузиломъ. А рядомъ съ ней темное пятно вижу я еще—ничего больше, я тщетно стараюсь разглядѣть это пятно.

— Подождемъ,—упорно думаю я.—Теперь ужъ часъ ужина въ моемъ пансіонѣ. Но это ничего. Мы подождемъ, потому что вы пройдете мимо меня.

И я терпѣливо ожидаю ихъ.

Совсѣмъ темнѣетъ подъ небомъ, струится тихо рѣка, и вдругъ заворчатъ взбулькиванія воды, забормочутъ, замолчатъ. Покойно лежатъ навзничь въ водѣ черныя деревья, да въ высотѣ небесной свистъ крыльевъ, птичьи голоса... Быть можетъ, то завороженная царевна летитъ къ синему морю съ семью сестрицами. Я не знаю.

Медленно подходитъ ко мнѣ Андрэ, и рядомъ съ ней ея спутникъ, они идутъ у самаго камыша.

— Вы никогда ничего не знаете изъ того, что интересно мнѣ,—говоритъ она.

— Я никогда не знаю, что интересуетъ васъ,—отвѣчаетъ онъ угрюмо, и я узнаю его въ то же мгновеніе: это мой вчерашній врагъ маленькаго роста и съ взъерошенной головой, это онъ говоритъ такимъ сердитымъ тономъ.

— Почему это интересно вамъ, не понимаю. Казните меня, я этого не понимаю.

— Потому что все, что я здѣсь вижу, наскучило мнѣ. Понимаете ли вы это: когда все, что видишь, наскучило?

— Я пойду въ отель и узнаю, если это вамъ угодно. Но я поссорился тамъ,—говоритъ онъ устало и скучно.

Въ это мгновеніе они доходятъ до меня.

Андрэ останавливается на одну минуту, чтобы отбросить вѣтку, которая запуталась въ ея ногахъ. Наклоняясь, она смотритъ на меня, она окидываетъ меня съ головы до ногъ внимательнымъ взглядомъ.

— Колючая вѣтка,—говоритъ она.

Я дѣлаю движеніе къ ней, чтобы помочь.

— О, нѣтъ... Я сама.

И она долго освобождаетъ вѣтку изъ оборокъ платья.

Тогда я снимаю шляпу и стою съ непокрытой головой, волосы мои падаютъ мнѣ на глаза отъ вѣтра; и я не знаю, что мнѣ дѣлать.

— Теперь темно,—говорю я,—теперь трудно распутать все это.

— Да, мы всѣ трое видимъ, что темно теперь,— отвѣчаетъ мнѣ маленькій господинъ.—Потому что теперь уже вечеръ, не правда ли?

И въ то же мгновеніе Андрэ распрямляется послѣ его словъ.

— Я не могу этого сдѣлать сама... Помогите мнѣ, monsieur.

Это я—monsieur, это я долженъ помочь ей, и это я, моими руками, перебиралъ складки ея платья, это я стоялъ передъ ней на колѣняхъ и заглядывалъ въ ея глаза, и видѣлъ ея длинныя рѣсницы, это я... И я тоже нѣсколько минутъ не могъ помочь ей.

— Благодарю васъ,—сказала она мнѣ, и кивнула мнѣ головой, прощаясь.

Послѣ этого она ушла, приподнявъ рукой край своего платья. Она скрылась въ сумракѣ вечера, гдѣ-то тамъ растаяла въ темнотѣ, далеко отъ меня.

А я шелъ къ себѣ—и улыбался. Я ужиналъ—и улыбался, я улыбался маленькой дѣвочкѣ и хозяйкѣ, которая принесла мнѣ снѣжно бѣлую салфетку. А когда я поднялся къ себѣ наверхъ, я долго смѣялся въ полутьмѣ, въ сумракѣ разсѣяннаго свѣта. На столѣ бѣлѣло полученное безъ меня письмо, но я не зажегъ огня и не сталъ читать его. Я ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, мурлыкая пѣсни... Взошла луна, бросила полосы свѣта на темные кирпичи поля, какъ голубой коверъ, ночная мгла, точно синіе глаза ребенка, смотрѣла мнѣ въ окно, а я расхаживалъ безъ перерыва, мурлыкая свои напѣвы.

* *
*

Наконецъ-то.

Съ самаго утра работа, работа. Все, что лежало въ душѣ до сихъ поръ, какъ глыба искристаго камня, теперь начинаетъ складываться въ что-то стройное. Я упиваюсь этой работой со-

зиданія; какъ рѣка, разорвавшая пелену льда, я изливаюсь сегодня свободно и широко, захваченный вѣрой, убѣжденный во власти своихъ словъ. Это будетъ чудесная вещь,—то, что я напишу теперь. Это будетъ исторія одной возрожденной души, которая коснулась до истоковъ природы, до родниковъ предвѣчной жизни, и отъ этого прикосновенія распрямилась, исполненная силы. Это будетъ исторія освобожденія, исторія побѣжденнаго рабства привычекъ, условныхъ взглядовъ, тупой слѣпоты передъ величіемъ міра, горячее изліяніе трепетнаго влеченія къ нему.

И я хватаюсь за голову, я подымаю свои волосы торчащими вихрами вверхъ, я роняю капли чернилъ на свою бумагу въ поспѣшной работѣ, и листъ за листомъ покрываю торопливыми строками.

Отчего я несчастенъ? въ корнѣ? въ основѣ? первая причина? Боже мой, я хорошо знаю ее. Я—эгоистъ, и все этимъ сказано. Я хочу красотой *обладать*, я хочу держать ее моими руками... Какая смѣшная мысль! Или небесное нѣжно-бѣлое облако я хотѣлъ бы спрятать въ своей комнатѣ? Но тогда оно будетъ мокрымъ паромъ... Красотой обладать невозможно, ее можно только созерцать съ восторгомъ. Почему? Да это очевидно—ясно: она нематеріальна, красота; она не вещь, ее нельзя держать руками. Красота—это образъ, видѣніе, союзъ неуловимыхъ частицъ тончайшаго эѳира, красота—это міръ, опрокинутый въ нашихъ глазахъ какъ звѣзды въ озерѣ: спустись до самаго дна его съ протянутыми руками, лови тамъ звѣзды жадными пальцами—ты поймаешь тину, водяныя травы... А звѣзды—онѣ на небѣ. И красота—на небѣ, мы видимъ только ея отблескъ, ея сіяніе...

И я мечтаю объ иныхъ мірахъ, объ иныхъ реальностяхъ, объ иной жизни. Я плаваю въ этихъ мечтахъ какъ въ ласковой лазури, согрѣтой солнцемъ. И такъ идутъ часы до вечера, одинъ за другимъ, какъ одна прекрасная минута.

Вечеромъ я отхожу отъ своего стола, утомленный и радостный. Я пожимаюсь отъ усталости, распрямляя свое тѣло, сжимаю свои руки въ сладостной истомѣ. Вотъ хорошо прожитый день, страница счастья, о которомъ я тщетно и горестно мечталъ, просвѣтъ, раскрывшій небо моей жизни, покрытое тяжкими тучами. И точно снопы лучей падаютъ на меня изъ этого просвѣта, перекрещиваются на мнѣ какъ золотыя ленты невѣдомаго ордена нездѣшнихъ небесныхъ рыцарей; какъ пальмы побѣды несу я ихъ на себѣ...

Что тамъ звучитъ въ дали?

Это музыка, она прилетаетъ ко мнѣ, какъ запахъ душистыхъ цвѣтовъ въ ночной прохладѣ, она сегодня привѣтствуетъ меня.

— Скажите пожалуйста, гдѣ играетъ эта музыка?

— На томъ берегу рѣки, monsieur,—отвѣчаетъ мнѣ хозяйка.

— По какому же случаю играютъ они?

— Завтра праздникъ въ сосѣднемъ городкѣ, monsieur. Они хотятъ разучить morceau для завтрашняго дня. Тамъ будетъ много народа.

— А у насъ?

— А у насъ будетъ скромно. Двѣ трубы будутъ играть на берегу Луары, нѣсколько паръ молодежи, танцы. Это все, что будетъ. Мы хотимъ немножко помочь сосѣдямъ веселиться.

И хозяйка шутливо улыбается.

Ахъ, такъ? И я имъ хочу немножко помочь веселиться, и я... Я завтра пойду смотрѣть одну милую головку.

— Сегодня луна какъ сплющенная пуля летитъ по небу, спѣша къ утру...—смѣюсь я у моего раскрытаго въ ночь окна, и жадно вдыхаю прохладу полной грудью.

* *
*

Вотъ онъ—день праздника, на которомъ я буду веселиться.

Съ самаго утра я впалъ въ безпокойство и предаюсь безпрестанной дѣятельности, цѣль которой, въ сущности, неизвѣстна. Вставъ съ постели, я долго занимался своимъ туалетомъ и даже находилъ въ этомъ много прелести: мнѣ нравилась студеная вода, которую мнѣ подали для умыванія, нравился запахъ душистаго мыла, кожа на моихъ рукахъ и на лицѣ, загорѣвшая отъ солнца—весь мой видъ нѣсколько погрубѣвшій, видъ охотника или обитателя горныхъ лѣсовъ. Я показался себѣ очень мужественнымъ съ этой новой моей внѣшностью, именно такимъ, какимъ долженъ быть иностранецъ изъ дикой суровой страны. Быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ я не такъ ужъ плохо выгляжу для чужихъ глазъ, кто знаетъ? Я просто забылъ въ хлопотахъ жизни о своей наружности... Боже мой, но все-таки она есть же у меня.

Съ великой медленностью тянется день до вечера, но въ концѣ концовъ этотъ вечеръ приходитъ ко мнѣ.

Тогда я иду на берегъ Луары.

Тамъ, среди зелени, подъ закатомъ собралась молодежь, и рядомъ рѣка покойно разливается.

Загорѣлыя лица, крѣпкія руки, каскадъ голосовъ и смѣха,—все движется, мѣняетъ мѣста, перекликается, какъ въ лѣсу, дѣти

толкаются среди взрослыхъ, ныряютъ среди нихъ какъ маленькія рыбки...

Меня встрѣчаютъ съ любопытствомъ—здѣсь всѣ они другъ друга знаютъ. И я хожу среди удивленнаго шопота какъ черный мавръ или женщина съ длинной бородой, но мнѣ это нравится и смѣшитъ меня. Я останавливаюсь и любезно позволяю разглядѣть себя — вплоть до коричневыхъ лентъ на моихъ башмакахъ, которыя я подвязалъ пышнымъ бантомъ. Господи, отчего же не доставить людямъ удовольствія?

— Неприлично смотрѣть такъ, раскрывъ свой ротъ,—говоритъ дама мальчику.

И я стою около нихъ.

Черезъ минуту дѣти продолжаютъ свою игру: тутъ есть еще одна дѣвочка и еще мальчикъ, они дружно веселятся втроемъ, они осторожно шутятъ другъ съ другомъ, чтобы не сдѣлать больно.

— Какіе у васъ милые мальчики, сударыня,—говорю я дамѣ.—Посмотрите, какъ они осторожно играютъ съ дѣвочкой.

— О, да,—отвѣчаетъ мнѣ дама.

Но черезъ мгновеніе я вижу, какъ мальчики ставятъ дѣвочку вверхъ ногами, какъ она уходитъ отъ нихъ въ слезахъ, и какъ они превесело послѣ того идутъ колесомъ по душистой травѣ среди взрослыхъ.

— Такова логика жизни, сударыня, — говорю я дамѣ, смѣясь.

— О, да...—отвѣчаетъ она грустно.

На томъ берегу музыка уже началась, обрывки вальсовъ прилетаютъ къ намъ—тамъ еще больше шума и веселья, чѣмъ у насъ, еще больше мелькающихъ пятенъ, свѣжихъ голосовъ.

— Вы позволите сѣсть рядомъ съ вами?

И я сажусь за столикъ черныхъ отъ солнца рабочихъ. Я хочу выпить немножко кофе.

— Вы иностранецъ?

— Да.

— Кто вы?

— Я русскій.

И начинается длинный разговоръ о политикѣ, о Россіи, о разныхъ нашихъ отечественныхъ рѣдкостяхъ, о саняхъ, о дугѣ, о самоварѣ, о стоградусныхъ морозахъ...

А вотъ тамъ—она. Косы какъ змѣи у ней на спинѣ, ноги въ бѣлыхъ башмачкахъ. Она проходитъ мимо, и я кланяюсь ей, но она этого не замѣчаетъ: такъ много народа вокругъ, и свой поклонъ я сдѣлалъ недостаточно смѣло.

— У васъ тамъ много сѣверныхъ оленей, не правда-ли?

— Да,—отвѣчаю я разсѣянно.

Я вижу, какъ она встрѣчается съ маленькимъ господиномъ и радушно пожимаетъ ему руку. Она не смотритъ на меня, она смотритъ въ сторону, но она меня видитъ, я увѣренъ въ этомъ. Зонтикъ ея у кончика ботинка, онъ шевелитъ что-то на землѣ; маленькая провинціалка, которая хочетъ быть граціозной здѣсь. Она тамъ болтаетъ о чемъ-то очень весело.

Но вотъ началась наша музыка. Двѣ какихъ-то трубы, можетъ быть — это два кларнета, насвистываютъ на помостѣ вальсъ, кружатся пары, переваливаясь и отбивая такты. Какой-то господинъ съ шутками для общаго веселья,—такъ всегда бываетъ при танцахъ въ маленькихъ городахъ у насъ и здѣсь, за границей,—одинъ господинъ съ разными фигурами для общаго веселья... И танцы разгораются все больше и больше.

Вотъ пошла танцовать она съ моимъ врагомъ. Она танцуетъ лѣниво и равнодушно, небрежно переставляетъ ноги въ бѣлыхъ башмачкахъ, смотритъ куда-то въ даль, я слѣжу за ея взглядомъ: можетъ быть, она смотритъ вотъ на тѣ облака, или на тотъ замокъ, что стоитъ на дальней горѣ, или на рѣчныя волны, которыя вьются, какъ бѣлыя ожерелья... А можетъ быть, она никуда не смотритъ.

Музыка кончаетъ вдругъ, не замедливъ такта, и всѣ смѣются отъ неожиданности конца.

— У васъ такъ же дѣлаетъ музыка?—спрашиваетъ мой сосѣдъ.

— Да...

Андрэ проходитъ мимо меня, закинувъ назадъ свою голову, подъ руку съ моимъ врагомъ. Грудь ея тяжело дышитъ послѣ танца.

Тогда во второй разъ я низко кланяюсь, прижимая свою шляпу къ груди, теперь я сдѣлалъ это достаточно смѣло.

Но Андрэ останавливается, съ изумленіемъ осматривая меня, она была удивлена, эта дѣвочка, когда я поклонился ей... И, не отвѣтивъ мнѣ, она прошла дальше.

— Это потому, что онъ разсказалъ ей о нашей съ нимъ встрѣчѣ,—думаю я,—о томъ, какъ я болтаю ногами, и еще можетъ быть, о томъ, что я курю такія скверныя сигары.

И, огорченный, я возвращаюсь къ моимъ рабочимъ, моя досада возрастаетъ съ каждымъ мгновеніемъ.

Хорошо. Я сейчасъ закажу себѣ еще одинъ стулъ, да, отдѣльный стулъ, на который я положу свои ноги, и я закажу

себѣ еще что-нибудь совершенно неприличное. Да, это будетъ литръ коньяку, цѣлый литръ плохого коньяку... Я поставлю его на мой столъ, чтобы всѣ видѣли.

— Дайте мнѣ еще одинъ стулъ,—говорю я строго женщинѣ, которая служитъ.

И стулъ приносятъ.

Ахъ, это опять Андрэ танцуетъ тамъ, теперь она со своей подругой, теперь глаза ея повеселѣли, и обѣ онѣ кружатся съ радостнымъ увлеченіемъ... А гдѣ же мой врагъ? О, вотъ онъ, маленькій врагъ, который теперь ничего не видитъ изъ-за чужихъ высокихъ спинъ, я бы могъ нѣсколько приподнять васъ, мой милый врагъ...

Но онѣ танцуютъ, танцуютъ безъ перерыва, кружась около меня; глаза Андрэ, полузакрытые и туманные, каждый разъ проплываютъ около меня совсѣмъ близко... Онѣ танцуютъ, танцуютъ, и я увѣренъ, что теперь это для меня, и сердце мое стучитъ.

И, когда однажды Андрэ сбилась съ такта и покраснѣла при этомъ.. да, она слегка покраснѣла при этомъ... я тогда сказалъ, кивая на оркестръ:

— Что дѣлаютъ эти люди на эстрадѣ, они не держатъ такта?

И Андрэ мелькомъ взглянула на меня съ вопросомъ.

Боже мой, послѣ танца она складываетъ руки на колѣняхъ, и это неизъяснимо наивно и привлекательно. Я смотрю на эти сложенныя руки и не могу отъ нихъ оторваться. Этотъ ужасный французскій языкъ, этотъ мой смѣшной акцентъ иностранца, благодаря которому я не смѣю сказать ни слова. Я могъ бы подойти къ ней...—Ваши руки—онѣ лежатъ спокойно...—сказалъ бы я...—И вы не знаете, что онѣ могутъ держать человѣческую душу, когда онѣ такъ лежатъ спокойно? Вы не испытали этого?

И, можетъ быть, изъ словъ моихъ она поняла бы что-нибудь.

Но музыка играетъ такъ весело; какъ птицы на вѣтвяхъ, насвистываютъ эти трубы, какіе-то милые разсказы выпѣваютъ онѣ простодушно и ласково, и я слышу ихъ съ каждой минутой все больше.

Наконецъ, я не могу выдержать этого...

Я подымаюсь и подхожу къ Андрэ.

Я стою передъ ней съ величайшимъ почтеніемъ.

— Быть можетъ, mademoiselle позволитъ пригласить ее на вальсъ, только на одинъ вальсъ. Я иностранецъ, я никого здѣсь

не знаю, кто бы могъ представить меня... Можетъ быть, моя смѣлость покажется извинительной?

И въ это мгновеніе, когда Андрэ, соглашаясь, киваетъ мнѣ головой, мое сердце холодѣетъ отъ страха и смущенія, потому что я не умѣю танцовать вальсъ.

И я подставляю ей руку и становлюсь въ позу, какую нужно.

— Кажется, у насъ не совсѣмъ такъ танцуютъ этотъ танецъ,—говорю я несмѣло.—Но я, вѣроятно, быстро примѣнюсь къ вамъ...

— О, это не такъ важно,—отвѣчаетъ она, слегка качая головой.

И вотъ мы начинаемъ съ ней...

Я не знаю, что случилось въ слѣдующія короткія мгновенія, они пронеслись какъ одинъ быстрый взглядъ, сверкнувшій и померкшій. Что я дѣлалъ—не знаю, что играла музыка—не знаю, что дѣлала Андрэ—не знаю. Кажется, я закрылъ свои глаза, потому что я не помню, чтобы при этомъ былъ свѣтъ. Но я слышалъ вблизи себя нѣжную радостную теплоту, чистую душу, сладостное дыханіе молодости.

— Но вы совсѣмъ не умѣете танцовать,—говоритъ мнѣ Андрэ, смѣясь.

— Да, я дѣлаю это очень рѣдко.

Я довѣрчиво улыбаюсь ей, и теперь меня уже ничто не смущаетъ, я не кажусь себѣ смѣшнымъ, и я позабылъ, что волосы мои сѣдѣютъ.

Еще одно мгновеніе я не хочу ее отпустить отъ себя...

Тогда она быстро взглядываетъ на меня, тихонько отымаетъ мою руку и смѣется.

— Благодарю васъ,—говоритъ она.

— Какъ я благодарю васъ...

Но она уже скользитъ среди толпы.

. . . . . .

Что я дѣлаю? Господи, что я дѣлаю? Зачѣмъ я мучу свое сердце?.. Счастье такъ страшно и радостно, но никогда я не посмѣю взять его.

. . . . . .

А-а...

Она опять танцуетъ со своей подругой, отъ этихъ танцевъ кружится моя голова. Но онѣ здѣсь танцуютъ, танцуютъ, и это—для меня, имъ давно пора уходить домой, за ними присылали, а онѣ остаются. Онѣ близко кружатся около меня, я слышу дуно-

веніе ихъ платьевъ; кажется, я пьянѣю, я больше не думаю ни о чемъ, я теряю послѣднюю власть надъ собой... Боже мой, какъ весело смотритъ она, когда приближается ко мнѣ, какъ она улыбается мнѣ ласково, какъ искрятся ея глаза при этомъ.

Спустя мгновеніе я снова подхожу къ ней.

Она сидитъ теперь рядомъ съ какой-то старой дамой—можетъ быть, это тетка, или мать, или еще кто-нибудь... а можетъ быть, это совсѣмъ чужая, но я низко кланяюсь ей.

— Какъ вамъ нравится нашъ балъ на травѣ и подъ синимъ небомъ?

— Я никогда не видѣлъ ничего прекраснѣе,—говорю я съ жаромъ.—Ваша страна... Господи, какая счастливая страна! Когда я смотрю на ваши старые замки въ дали, глубокое волненіе охватываетъ меня.

— Изъ нихъ я многихъ не видѣла,—говоритъ Андрэ тихо.

Тогда я разражаюсь цѣлой рѣчью, я тороплюсь и путаю слова, я дѣлаю ужаснѣйшія ошибки, но я уже не могу удержать своихъ чувствъ—я говорю о замкахъ, объ исторіи, о короляхъ, о моей родинѣ, обо всемъ, что я видѣлъ, и я ласкаю одну тайную мечту при этомъ, которую я не посмѣлъ бы высказать... Да, нужно упиваться счастьемъ, живя въ такой странѣ, нужно любить ее и знать, какъ каждую черту милаго сердцу лица, нужно носить эту страну въ себѣ, какъ чудесный напѣвъ, какъ услышанную пѣсню, красота которой несравненна.

— Вы полюбили нашу страну, — говоритъ мнѣ ласково старая дама.

— Жаль, что нашъ языкъ такъ труденъ для васъ,—почти шепчетъ Андрэ.

И сейчасъ же она киваетъ мнѣ головой, собираясь уходить, она внимательно смотритъ на меня и больше не смѣется.

— Вы долго останетесь здѣсь?

— Я? Да, — говорю я сразу, и не знаю, почему говорю эту неправду.

Тогда старая дама любезно улыбается.

— Мы будемъ рады встрѣтиться съ вами еще разъ; вѣдь, это не такъ ужъ трудно. Мы еще съ вами встрѣтимся, не правда ли?

И она идетъ отъ меня.

Но Андрэ еще мгновеніе колеблется, она растерянно оглядывается вокругъ, не зная, что ей дѣлать, потомъ взглядываетъ на меня и краснѣетъ.

— До свиданія,—говоритъ она.

И торопливо уходитъ, почти бѣжитъ по лугу, потемнѣвшему

отъ вечерняго сумрака, скрывается тамъ, гдѣ ждетъ ее старая дама съ моимъ врагомъ. Да, они уходятъ всѣ трое, вмѣстѣ.

Безуміе—такая юность... Что я дѣлаю, что дѣлаю? Зачѣмъ я мучу свое сердце? . . . . . .

. . . . . .

* * *

Я долженъ признаться, что моя удочка стала изъ цѣли средствомъ.

Вотъ уже три дня, какъ я ухожу съ нею на берегъ Луары и долго сижу тамъ до поздней ночи. Хозяйка моя пожимаетъ плечами и оставляетъ мнѣ холодный ужинъ.

— Не безпокой слишкомъ часто этого одинокаго русскаго господина,—говоритъ она своей дѣвочкѣ.

— Почему?—спрашиваетъ та.

— Потому что у этого господина есть какое-нибудь горе, которое онъ скрываетъ отъ людей, не трогай его.

Но у меня была только тоска о счастьѣ, о маленькомъ человѣческомъ счастьѣ съ веселымъ смѣхомъ и завитками волосъ надъ бѣлымъ лбомъ, о тепломъ счастьѣ, которое живетъ и грѣетъ.

И каждый вечеръ въ темнотѣ я шелъ домой, опустивъ низко свою голову, не дождавшись его.

И сегодня долгіе часы сижу я на берегу рѣки на большомъ камнѣ, и сегодня, какъ и вчера, и, можетъ быть, еще долгіе вечера, какъ сегодня, я буду сидѣть здѣсь.

Луна играетъ въ водѣ — точно позолотой мазнулъ кто-то темно-синюю рѣку, въ дали неотвязно куликъ свиститъ:—Шіу... Піу... Я знаю его, маленькаго, суетливаго куличка на тонкихъ ножкахъ; и другой куликъ, солидный и большой, отвѣчаетъ ему длинно:—И-иу... И его я знаю.

Какая музыка въ журчаніи текущихъ мирно водъ, какой немолчный разговоръ рѣки въ тиши ночной, какая чистая исповѣдь, разсказанная непорочными устами. Я долго слушаю, о чемъ говоритъ рѣка.—«Я говорила, говорила, говорила... Не услышали, не услышали»... И черезъ мгновеніе — еще одно журчаніе:—Я плакала, плакала, плакала...—о чемъ?

Безмѣрный и сонный покой.

И сегодня я снова иду печальный въ этомъ покоѣ, снова медленно шагаю, опустивъ голову.

Но, когда я дохожу до тропинки, которая взбирается на холмъ, я слышу шелестъ мелкихъ камней, которые катятся внизъ; они катятся мнѣ навстрѣчу и ударяются о мои ботинки.

Тогда я останавливаюсь.

Это Андрэ спускается къ рѣкѣ между двухъ высокихъ стѣнъ колючей дикой малины. Она идетъ по той же тропинкѣ, какъ и я, и такъ узка эта тропинка, что трудно намъ разойтись, когда мы встрѣчаемся.

— Ахъ, вы опять ловили рыбу? Что же, поймали что-нибудь?—говоритъ она.

Я качаю головой, не отрывая глазъ своихъ отъ нея.

— Какъ вы говорили о замкахъ... — снова начинаетъ она черезъ мгновеніе.

— Я дурно разсказывалъ о нихъ, потому что всегда мнѣ не хватаетъ словъ, я знаю только грубыя, простыя слова, въ которыхъ такъ трудно выразить что-нибудь.

— О, нѣтъ, вы говорили хорошо, вы очень хорошо говорили,—перебиваетъ она меня съ жаромъ,—я такъ рѣдко слышу, чтобы кто-нибудь говорилъ такъ.

— Но почему же это было хорошо, mademoiselle Андрэ?

— Потому что вы были очень рады, когда говорили, вы, можетъ быть, были очень счастливы тогда, я не знаю.

— Можетъ быть, я былъ счастливъ тогда, это вы угадали.

И съ неизъяснимой радостью смотрю я на нее, когда она стоитъ такъ близко. Полной горстью сжимаю я вѣтви колючей дикой малины, и шипы впиваются мнѣ въ руку, но я смѣюсь, комкая душистую листву.

— Замки, замки...—снова начинаетъ она.—Они такъ близко, что забываешь о нихъ, къ нимъ привыкаешь. А теперь я вспомнила о нихъ. Это—вы. Я каждую ночь что-нибудь вижу во снѣ, мнѣ снятся такія красивыя исторіи.

И она останавливается, не рѣшаясь разсказать ихъ. Отчего же ты не разскажешь ихъ, Андрэ?

Тяжелое волненіе подымается во мнѣ, нѣсколько разъ я хочу говорить, и я не смѣю, съ моихъ губъ не слетаетъ ни слова.

О, маленькая Андрэ, неужели ты будешь строга и безпощадна, и однимъ своимъ словомъ убьешь мечту, которая меня ласкаетъ, которая такъ возможна, и такъ несбыточно радостна, и такъ мучитъ меня эти дни.

— Я теперь хотѣла бы поѣхать куда-нибудь. Я хотѣла бы увидѣть что-нибудь чудесное, чтобы долго помнить его.

И въ это мгновеніе во мнѣ загорается рѣшимость.

— О, Боже мой, какое счастье вы можете доставить мнѣ,—говорю я, волнуясь.—Ради Бога... Выслушайте меня до конца... Послушайте...

Но Андрэ сторонится отъ меня, испуганная моимъ порывомъ, она видитъ мои руки, которыя я сжимаю такъ сильно, и видитъ кровь на нихъ отъ шиповъ колючей малины.

Тогда я начинаю говорить самымъ тихимъ голосомъ и умолять ее глазами.

— Mademoiselle Андрэ, развѣ это совсѣмъ невозможно? Однажды мы могли бы поѣхать недалеко, чтобы увидѣть что-нибудь интересное, вы съ вашими друзьями—и я. Развѣ это было бы такъ трудно—позволить и мнѣ сопровождать васъ? Развѣ вы этого не можете разрѣшить мнѣ? Я былъ бы такъ несказанно радъ этому позволенію, былъ бы такъ надолго счастливъ.

— Но я не могу поѣхать,—отвѣчаетъ она просто.

— Боже мой, почему?

— Потому что мнѣ не позволятъ.

И она грустно и довѣрчиво улыбается мнѣ.

А я не могу остановиться.

— Почему? Почему?—повторяю я, хватаясь за голову.

— Почему—это трудно сказать вамъ...

Тогда я смолкаю, растерянный.

Господи, какая ночь опять. Въ голубой глубинѣ лежитъ ночное небо, у края его нѣжно блеститъ и мигаетъ огонь въ далекой виллѣ... Или тамъ виноградникъ и одинокій сторожъ? или то позабытая въ поляхъ ферма? и отчего луна въ рѣкѣ золотыми ногами ступаетъ по волнамъ? отчего лягушки кричатъ съ такой изступленной радостью? Старыя сказки, милыя сказки, не пора ли ихъ оставить... Не могу! Все подымается во мнѣ, все возстаетъ, все кричитъ во мнѣ, и я какъ мальчикъ мечусь, охваченный желаніемъ.

— Боже мой,—говорю я,—еще одно слово, позвольте сказать мнѣ еще одно слово... Вотъ я здѣсь сейчасъ передъ вами, пройдетъ немного дней—и я исчезну навсегда отъ васъ въ тьму времени, и я унесу съ собой печальную мысль о радости, которую вы не захотѣли дать мнѣ, я буду блуждать въ моемъ одиночествѣ, и печальная мысль будетъ горемъ для меня. Отчего вы такъ жестоки? Отчего вы такъ безконечно равнодушны ко мнѣ?

Но она смотритъ на меня глазами, которые стали вдругъ большими и серьезными.

— Это *почти* невозможно,—говоритъ она.

— Ахъ, почти невозможно... Если бы вы хотѣли, если бы вы сказали слово тамъ, у васъ, кто бы тамъ могъ отказать

вамъ, кто бы захотѣлъ тамъ огорчить васъ, если бы вы попросили. Я увѣренъ, что они не захотятъ огорчить васъ. О, Боже мой, если бы вы сдѣлали...

И она нѣсколько мгновеній стоитъ передо мной, уронивъ свои руки внизъ и сдвинувъ брови въ безпомощномъ колебаніи.

— Я поѣду,—говоритъ она несмѣло.

И я не нахожу словъ, чтобы благодарить ее, я только ласкаю ее взглядомъ, въ него я вливаю всю мою благодарность, всю мою радость, все мое счастливое влеченіе къ ней.

— Я не одна поѣду,—говоритъ она.—Съ нами поѣдетъ monsieur Гастонъ.

Ахъ, но, Боже мой, я радъ безконечно, цѣлый день я буду съ тобой, Андрэ, цѣлый долгій день я буду видѣть тебя, и никогда въ моей жизни я не позабуду этотъ день.

— Я не могу поѣхать безъ monsieur Гастона,—говоритъ она настойчиво.

— Но я радъ ему, mademoiselle Андрэ, я чрезвычайно радъ ему, это будетъ такъ прекрасно.

И снова сдвигаются ея брови въ недоумѣніи.

— Хорошо, — говоритъ она, — мы выберемъ день для поѣздки.

И она поворачивается, чтобы уходить. И, когда я хочу проводить ее, она останавливаетъ меня.

— Нѣтъ, я прошу васъ. Я пойду одна.

И она уходитъ.

Такъ вотъ что со мной случилось въ этотъ день, такъ жарко меня приласкала судьба, и моя грудь дышала радостно.

* * *

Однажды Андрэ остановилась у дверей моего отеля. Съ ней былъ monsieur Гастонъ.

Она важно наклонила голову въ отвѣтъ на мой низкій поклонъ и сказала:

— Сегодня мы можемъ поѣхать въ ZZ, если вы хотите... Monsieur Гастонъ предложилъ мнѣ пригласить васъ съ нами, чтобъ вы немножко больше знали нашу страну.

— О, я безконечно обязанъ за это вниманіе.

И я знакомлюсь съ monsieur Гастономъ, съ радостной торопливостью я говорю ему одну любезную фразу за другой, и оба мы не вспоминаемъ дня нашей первой встрѣчи.

— Я всегда буду помнить, какъ я былъ обласканъ здѣсь,—говорю я, тронутый до глубины души.

И мы тихо идемъ по улицамъ городка подъ перекрестными любопытными взглядами—вплоть до маленькаго вокзала, который стоитъ при отъѣздѣ. Тамъ мы садимся въ полупустой вагонъ и уѣзжаемъ.

Мы сидимъ всѣ трое въ одномъ купэ, и больше нѣтъ никого съ нами. Андрэ заняла мѣсто противъ меня у окошка, и лицо ея безпрерывно мѣняется: оно золотится отъ отблесковъ спѣлой пшеницы, когда мы пересѣкаемъ засѣянныя поля; оно вдругъ мягко потухаетъ, когда мы въѣзжаемъ въ лѣсъ, и когда влажно-зеленые рефлексы скользятъ по нему; или вдругъ это лицо четко рисуется мнѣ своимъ нѣжнымъ профилемъ на темно-синей обивкѣ вагонныхъ стѣнъ... И всякій разъ, при каждомъ нежданномъ превращеніи глаза мои раскрываются какъ передъ чудомъ, и кровь тяжело струится во мнѣ.

Но monsieur Гастонъ утомительно долго разглядываетъ меня.

— Вы еврей?—говоритъ онъ наконецъ.

— Нѣтъ, я русскій,—отвѣчаю я, улыбаясь.

— Можетъ быть, вы русскій еврей?

— Нѣтъ, я чистокровный русскій.

— Во Франціи такъ много евреевъ, которые выдаютъ себя за русскихъ.

Тихо смѣется Андрэ и не смотритъ ни на кого изъ насъ. Она смѣется въ окно и въ даль—зеленому лѣсу, который развиваетъ ленту опушки по краю рельсовъ у нашего окошка.

Потомъ она звонко вскрикиваетъ.

— Смотрите, смотрите... Какая чудесная тропинка въ гору.

И въ то время, какъ я наклоняюсь къ окну, чтобы посмотрѣть тропинку, Андрэ близко приближаетъ свое лицо ко мнѣ.

— Не правда ли, чудесная тропинка...—говоритъ она, и глаза ея сверкаютъ по-новому при этомъ, лучи солнца ломаются въ нихъ, какъ въ водной глубинѣ.

— Чудесная тропинка,—шепчу я вздрагивающими губами.

И мы давно проѣхали эту тропинку, но мы все также сидимъ, наклонившись къ окну, и я слышу, какъ волосы ея касаются моей щеки.

— Благодарю васъ, mademoiselle Андрэ.

Она быстро взглядываетъ на меня.

— Благодарю васъ за все, что вы сдѣлали для меня.

— Я ничего не дѣлала для васъ.

— Вы не дѣлали—и сдѣлали, вы проходили мимо—и

уронили богатство для меня, и я остановился надъ нимъ со счастьемъ и съ радостнымъ смѣхомъ, и вотъ я буду долго стоять надъ нимъ—длинные мѣсяцы, и грудь моя не перестанетъ наполняться счастьемъ... Вотъ за что я благодарю васъ.

Она взглядываетъ мелькомъ туда, гдѣ сидитъ monsieur Гастонъ.

— Зачѣмъ вы говорите мнѣ это?—шепчетъ она съ усиліемъ.—Я—невѣста.

Тогда я вздрагиваю немного отъ ея словъ, я слышу, какъ мое сердце медленно и тихо сжимается отъ нихъ.

Но я говорю ей, полный нѣжности, говорю ей самое дорогое изъ того, что я могу найти въ себѣ.

— Mademoiselle Андрэ, я безмѣрно счастливъ, встрѣтивъ васъ. Я не прошу у судьбы ничего большаго. Я долженъ теперь скитаться въ вашей странѣ, такъ сложилась жизнь. И я уйду отсюда однажды, и буду снова идти по вашимъ дорогамъ, и буду вспоминать васъ, буду останавливаться на холмахъ—и вспоминать васъ, и буду спускаться въ зеленыя долины—и вспоминать васъ, и когда вечеръ упадетъ на землю—я буду вспоминать васъ. Вотъ какъ много вы дали мнѣ, и я не въ силахъ забыть—никогда.

Послѣ этого мы уже не говоримъ ни слова. Monsieur Гастонъ давно отвернулся къ другому окну, онъ положилъ свои ноги покойно и, казалось, позабылъ о насъ.

Поѣздъ свиститъ—ZZ, старый Туреньскій замокъ.

— Надѣюсь, что мы не слишкомъ долго пробудемъ здѣсь,—говоритъ monsieur Гастонъ, выходя на платформу. — Было бы жаль опоздать на обратный поѣздъ. Не правда ли, Андрэ?

— О да...—отвѣчаетъ она тихо.

Онъ въ первый разъ такъ при мнѣ назвалъ ее.

И вотъ мы идемъ по старымъ обвѣтреннымъ заламъ, среди столѣтнихъ ковровъ, которые смотрятъ на насъ со стѣнъ усталыми отъ времени глазами; мы тревожимъ драгоцѣнную пыль вѣковъ, упавшую нѣкогда сюда съ кружевъ и шелка, съ нѣжныхъ бѣлыхъ туфель, тревожимъ пыль, принесенную вѣтромъ былого; гдѣ онъ летаетъ теперь, тотъ вѣтеръ былого?... Вотъ здѣсь въ тѣ вѣка жила любовь одного короля съ голубыми глазами; это она касалась бѣлой рукой до тонкихъ завѣсъ изъ шелка, это она весеннимъ утромъ раскрывала глаза здѣсь, чтобы видѣть розовый восходъ, умирала здѣсь, раненная любовью, блѣднѣла здѣсь, тихо шептала здѣсь, грустно вздыхала здѣсь, здѣсь умерла въ плѣну...

— Она здѣсь умерла.

— Кто?

— Та, что любила.

— Она была больна?

— Любовь убила ее.

И Андрэ больше не спрашиваетъ меня.

— Отчего такъ грустно здѣсь?—говоритъ она черезъ минуту съ удивленіемъ.

— Отчего же такъ грустно?—повторяетъ она съ безпокойствомъ, переходя изъ залы въ залу, и все больше оглядывается вокругъ.—Боже мой, такъ печально смотрятъ здѣсь окна, такъ постели лежатъ какъ мертвые въ бѣлыхъ саванахъ, такъ говорятъ шаги какъ стукъ тревоги.

И глаза ея раскрываются все шире, я жадно смотрю на нее, и кажется мнѣ, что я вижу ея сердце, чистое, какъ сердце небесной птицы; мнѣ кажется, что я наклонился надъ ней, надъ ея душой, какъ надъ раскрытымъ стыдливымъ цвѣткомъ ночи; и вотъ я пью тайный ароматъ его, закрывъ свои глаза, въ нежданномъ счастьи наслажденія.

— Скоро нашъ поѣздъ,—говоритъ monsieur Гастонъ.

Но вдругъ Андрэ отходитъ отъ насъ.

Она садится въ какое-то старое кресло и горько плачетъ.

— О чемъ, Андрэ?

— Она такъ любила...

— Ну, и что?

— Она умерла...

— Ну, что же, она слишкомъ любила.

— Это—нездорово, monsieur Гастонъ?—спрашиваю я его.

И вотъ наши взгляди скрещиваются, они тяжело и твердо встрѣчаютъ другъ друга, и больше уже нельзя сомнѣваться въ томъ, что зажигаетъ ихъ. И въ слѣдующее мгновеніе мы отводимъ эти взгляды.

Monsieur Гастонъ ничего не отвѣчаетъ мнѣ.

Тихо плачетъ Андрэ, потомъ вдругъ улыбается и отираетъ слезы.

— Пойдемте.

Мы выходимъ изъ замка.

Боже мой, какъ я радъ, выйдя изъ стараго замка, какое удовольствіе ждало меня!—Поѣздъ нашъ ушелъ безъ насъ... Да, онъ уже скрылся, промелькнулъ бѣлымъ паромъ на горѣ, онъ теперь далеко несется, оставивъ насъ.

— Что же дѣлать? Ждать другого поѣзда?

— До утра! Остались только экспрессы, они не остановятся здѣсь.

— Дилижансъ...

Да, мы поѣдемъ въ дилижансѣ. Вотъ онъ стоитъ, готовый къ отходу; нелѣпо-высокая карета на большихъ колесахъ съ имперіаломъ.

И у дилижанса происходитъ длинный разговоръ.

— Я хочу ѣхать наверху,—заявляетъ Андрэ рѣшительно.

— Почему же?—спрашиваетъ monsieur Гастонъ.

— Потому что внизу скучно, тамъ душно, тамъ ничего не видно.

— Но наверху ѣхать неприлично.

— Мнѣ все равно.

— Но посмотрите, Андрэ: собирается гроза, небо все въ тучахъ. Смотрите, тамъ сверкаетъ молнія.

— Это не молнія, это отблескъ.

— Нѣтъ, я не могу вамъ этого позволить,—говоритъ monsieur Гастонъ угрюмо.

Тогда Андрэ отступаетъ отъ него на шагъ.

— Такъ вы не можете мнѣ позволить?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ, и лицо его начинаетъ блѣднѣть.

— А если... я не послушаюсь?

— Этого не можетъ быть,—твердо произноситъ онъ.

И вдругъ она круто поворачивается и киваетъ мнѣ.

— Пойдемте,—говоритъ она коротко.

Легко и быстро взбѣгаетъ она по ступенькамъ имперіала наверхъ и садится тамъ, гнѣвно вздрагивая ноздрями; она не смотритъ на меня и быстро постукиваетъ ботинкомъ по полу.

Monsieur Гастонъ остается внизу.

— Какъ угодно...—шепчетъ она.

И такъ мы поѣхали—какъ угодно... Я каждое мгновеніе боялся, что она спустится внизъ, я тщетно придумывалъ слова для разговора—и никакъ не могъ найти ихъ. Такъ прошла длинная пауза.

Потомъ Андрэ разсмѣялась нервнымъ и быстрымъ смѣхомъ.

— Развѣ это такъ печально для васъ—все, что случилось?

— О, нѣтъ...

— Почему же вы сидите такъ мрачно?

И она не дала мнѣ отвѣтить. Торопливо и быстро она заговорила о нашей поѣздкѣ, о замкахъ, о жизни, о людяхъ, о себѣ, обо мнѣ. Да, именно мной она кончила свои отрывочныя рѣчи.

— Такой человѣкъ, какъ вы... Я отдала бы все, чтобы быть на вашемъ мѣстѣ.

— Я несчастливъ.

— Я отдала бы все, чтобы быть несчастной... какъ вы. Я ненавижу некрасивое счастье.

— Но, вѣдь, счастье не можетъ быть некрасивымъ. Тогда оно—не счастье.

— Ахъ, такъ...

Она остановилось на одно мгновеніе.

— Не будемъ говорить объ этомъ,—сказала она устало, потерявъ вдругъ весь интересъ свой къ разговору, все свое оживленіе, всю свою подвижность.

И мы замолчали.

Съ запада всходила туча, она подымалась все и выше, наливалась и темнѣла, пока блескъ солнца не померкъ, и лѣсъ не запѣлъ всѣми своими вѣтвями сразу. Скоро крупныя капли дождя защелкали по густой листвѣ деревьевъ.

— Гроза,—сказалъ я нерѣшительно.

Андрэ внимательно посмотрѣла на меня.

— Вы боитесь дождя? Или вы тоже хотите, чтобы я спустилась внизъ?

— А вы... Вы хотите измучить меня?—спросилъ я, заглядывая ей въ глаза.—Зачѣмъ вы меня спросили, хочу ли я, чтобы вы ушли отъ меня?

— Я не спущусь туда... къ этому господину. Теперь ужъ нѣтъ.

Я закуталъ своимъ плащемъ Андрэ, я укуталъ ее, какъ могъ, чтобы ни одна холодная капля не упала на нее, я дѣлалъ это съ несказаннымъ наслажденіемъ. Вотъ здѣсь я положу складку, и будетъ тебѣ тепло, дорогая мнѣ, нежданно встрѣченная мной, найденная... И вотъ здѣсь я положу еще складку, чтобы порывъ вѣтра грубо не обвѣялъ тебя, и вотъ здѣсь, и вотъ здѣсь; пусть воетъ гроза вокругъ, а тебѣ будетъ тепло, а тебѣ будетъ радостно со мной, посмотри въ мои глаза—ты увидишь, какъ мнѣ радостно съ тобой.

И такъ мы ѣхали среди плеска ливня; лѣсъ гнѣвно роптался, шатался на корняхъ, хлесталъ вѣтвями; ручьи мутной воды низвергались внизъ по дорогѣ, закручиваясь въ низинахъ и вновь раскручиваясь; оборванные вѣтромъ листья, израненные дождемъ, носились въ воздухѣ и падали внизъ, устилая землю; и была еще Андрэ, дрожавшая тихо около меня, когда удары грома казались слишкомъ близкими.

Потомъ мы выѣхали къ берегу Луары...

Господи Боже мой, во всю мою жизнь я не забуду того, что я тамъ увидѣлъ.

Радуга сіяла передъ нами; какъ кисти небесно-роскошнаго покрывала, была она развѣшена на небѣ; а небо—оно было все сиреневое, да, оно было цвѣта ранней весенней сирени, чуть тронутой солнцемъ; и Луара отражала это небо, она катила сиреневыя волны; блѣдно-сѣрыя мели лежали на рѣкѣ, и розовая рябь играла съ нѣжнымъ плескомъ.

Я не узналъ посвѣтлѣвшей зелени; въ счастливой радости смотрѣлъ я вокругъ себа.

— Это каштанъ?

— Нѣтъ, тамъ лавры.

— А это?

— Я не знаю.

И Андрэ смотритъ на меня ласкающими глазами, и на бровяхъ ея и на рѣсницахъ точно слезы горятъ дождевыя прозрачныя капли.

— Какъ теперь пахнетъ лѣсомъ и зеленью.

— Тамъ стрижи летятъ надъ Луарой. Смотрите, какъ низко...

— А сзади у насъ небо стальное.

— А впереди у насъ... Смотрите туда, смотрите. Тамъ облака, какъ паруса изъ розоваго шелка.

Да, мы, кажется, плыли на кораблѣ въ невѣдомыхъ моряхъ, и паруса изъ шелка плескались надъ нами, и вольныя птицы летали вокругъ насъ, срывая рѣзвымъ крыломъ бѣлоснѣжные гребни прибоя.

И такъ стемнѣло. Мы снова въѣхали въ лѣсъ.

И я не знаю, какъ это случилось..

Вѣтви къ намъ опустились слишкомъ низко, онѣ скользили совсѣмъ вблизи нашихъ лицъ, ароматныя и пахучія; иногда онѣ нѣжно ласкали наши щеки мягкой листвой.

И тогда мы низко наклонялись въ ароматной полутьмѣ, обрызганные росой.

И вотъ я коснулся ея щеки подъ вѣтвями своей щекой, я услышалъ ея ласковую теплоту, я услышалъ стукъ ея сердца...

А потомъ я вдругъ обнялъ Андрэ, не въ силахъ съ собой бороться; я обнялъ ее съ любовью и отчаяніемъ, съ мукой и блаженствомъ; я тихо прижалъ ее къ себѣ, наклонился и цѣловалъ ее, цѣловалъ ея лобъ, ея полураскрытыя губы, ея горячія нѣжныя щеки, и что-то говорилъ—не знаю... Кажется, я гово-

рилъ по-русски. Но Андрэ лежала на моихъ рукахъ съ закрытыми глазами, она не противилась мнѣ... Такъ промелькнуло одно мгновеніе.

— Андрэ...

Боже мой, какъ бьется мое сердце, какъ оно трепещетъ...

— Завтра...

Она закрыла мнѣ губы своей рукой, закрыла ихъ, чтобы я не сказалъ ни слова . . . . . .

. . . . . .

Смотрятся замки въ водѣ Луары, дрожатъ въ ихъ синей глубинѣ, сами себѣ улыбаются. Луна на небѣ.

— Андрэ?

Не отвѣтила.

Я взялъ ея руку и долго цѣловалъ ее.

Когда мы вернулись въ NN, дѣти играли среди сумрака, они смѣялись веселыми взрывами, и далеко разносились ихъ радостные голоса.

Я низкимъ поклономъ простился съ женихомъ Андрэ.

* * *

Ночь безъ минуты сна. Она прошла въ томленіи, въ безпокойныхъ шагахъ, которыми я будилъ своихъ сосѣдей. Я курилъ, закуривалъ одну папиросу отъ другой безъ перерыва, садился и вновь вставалъ.

— Да,—думалъ я,—вотъ совершилось съ моей жизнью. Вотъ оно подходитъ ко мнѣ. Нѣтъ, не умерла моя душа, я хоронилъ ее слишкомъ рано, теперь она ожила во мнѣ, молодая и юная, и нѣтъ той жертвы, нѣтъ того усилія, передъ которымъ я остановился бы. Нѣтъ, я возьмусь крѣпкими руками, теперь я не отступлю, о, нѣтъ. Потому что это уже въ послѣдній разъ, когда жизнь посылаетъ мнѣ счастье.

И такъ я ждалъ до утра.

А когда пришло утро, я не нашелъ Андрэ. Я былъ на рѣкѣ и ждалъ тамъ, но ея не было. Я вернулся въ городъ, безъ конца бродилъ по улицамъ, останавливался и снова шелъ, но ея не было. Я сталъ у воротъ моего отеля и нѣсколько часовъ простоялъ тамъ, до глубокой ночи, но ея не было. Хозяйка выходила посмотрѣть на меня, но ея не было.

И потянулись дни—тѣ дни, когда Андрэ не было со мной.

Я бродилъ эти дни съ мѣста на мѣсто въ безнадежныхъ поискахъ, я боялся одинъ часъ пропустить изъ этихъ дней, сидя у себя въ комнатѣ, чтобы въ этотъ часъ Андрэ не прошла

мимо. А ночи я работалъ. Безпамятный, разсѣянный, усталый, я ночи просиживалъ, трудясь надъ изученіемъ языка—того языка, который былъ для нея роднымъ; и я сталъ говорить по-французски лучше и чище... Каждую ночь я подходилъ къ зеркалу и твердилъ себѣ:—Не забудь, ты долженъ быть красивымъ. Это выше твоихъ силъ, ты этого не можешь, но ты *долженъ* быть красивымъ... Но, Боже мой, какъ я худѣлъ, какимъ я сталъ некрасивымъ, какъ видно теперь мою сѣдину и мою раннюю старость. Только глаза мои горятъ; они горятъ какъ въ лихорадкѣ—тѣмъ лучше.

Отчего нѣтъ ея?

Это больно. Это больно, потому что непонятно; я не въ силахъ постичь этого...

И какой страшный врагъ близко подходитъ ко мнѣ:—деньги мои на исходѣ, онѣ кончаются.

Страшно подумать. Послѣдствія этого будутъ неисчислимы.

Нѣтъ, ужъ лучше не думать этого.

* *
*

Сегодня начались событія и какъ вихрь пронеслись они... Что сталось? Не знаю.

Сегодня—воскресеніе, утромъ звонили въ старой церкви. Я пошелъ туда, потому что до сихъ поръ ея не видѣлъ.

И, когда пестрая толпа вышла на паперть, я встрѣтилъ Андрэ.

О, она была очень грустна, очень блѣдна, очень тихо шла. Она подняла глаза въ двухъ шагахъ отъ меня—и сразу отшатнулась.

— Вы...

— Да, это я. Я пришелъ сюда, потому что я люблю васъ, потому что я не могу иначе. Можетъ быть, я огорчаю васъ, это безумно, ненужно, смѣшно, но я не могу иначе. Я люблю васъ, Андрэ. Я не сплю ночи, я всѣ часы помню васъ, это тяжко, я не могу ни на минуту забыться... Я люблю васъ.

И я схватилъ ея руку—тутъ, среди этого множества людей, и безъ конца цѣловалъ ея руку.

— О, не говорите. Не говорите, я васъ прошу,—испуганно умоляла она меня.—Я васъ прошу, чтобы вы не дѣлали этого.

Но я не слышалъ; она просила, и на глазахъ ея были слезинки, но я не слышалъ...

— Я тосковалъ и мучился безъ васъ, я какъ тѣнь бро-

дилъ всюду. Отчего не было васъ? Отчего вы покинули меня одного, оставили меня тосковать одного?

— Я не могла...

— Вы безконечно дороги мнѣ, почему—не знаю... Вы навсегда завладѣли моей душой, вы можете ее измучить, если вы хотите... Вы этого хотите?

— Я люблю васъ..,—сказала она.

— Андрэ!..

— Я васъ люблю,—повторила она, и глаза ея съ тоской остановились на мнѣ.

— Андрэ, но что же тогда? Зачѣмъ вы скрыли свою любовь отъ меня?..—хотѣлъ я спросить ее...—Зачѣмъ вы такъ жестоко скрылись отъ меня?

Но въ это мгновеніе она вздрогнула. Взглядъ ея устремился къ кому-то въ срединѣ толпы, тонкій платокъ съ кружевами скользнулъ изъ ея рукъ, и она быстро пошла отъ меня.

— Андрэ...

Я кинулся слѣдомъ за ней, не понимая ничего. Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и обернулся.

Monsieur Гастонъ быстро приближался къ тому мѣсту, гдѣ мы стояли.

На землѣ бѣлѣлъ платокъ.

Тогда ужасная одна мысль родилась во мнѣ, и я бросился обратно. Всѣми силами я спѣшилъ къ платку, который бѣлѣлъ на землѣ, но monsieur Гастонъ былъ ближе...

Тогда я побѣжалъ, задыхаясь отъ волненія... Я бѣжалъ насколько возможно быстро.

И вотъ мы встрѣтились у лежащаго на землѣ платка.

Monsieur Гастонъ добѣжалъ первый и наступилъ на него ногой.

— Отдайте мнѣ этотъ платокъ,—глухо сказалъ я.

Но онъ быстро наклонился и спряталъ его въ карманъ.

Тогда я подошелъ къ нему въ упоръ.

— Вы должны отдать этотъ платокъ,—повторилъ я.

— Я не отдамъ.

Руки мои сжимались, ненависть застилала мои глаза.

— Вы... Вы...—началъ я, срываясь.—Я васъ возьму и убью объ землю. Лучше отдайте, сейчасъ же, въ это мгновеніе. Я не оставлю его у васъ, я сдѣлаю что-нибудь... тяжкое.

Но кругомъ была толпа, и онъ смѣло засмѣялся мнѣ въ глаза.

И тогда случилось невозможное...

Я на мгновеніе увидѣлъ его лицо вблизи себя. Потомъ я схватилъ его руку своей рукой, твердой отъ ярости, и со всей силы рванулъ его руку:—одежда его была разорвана, рука безъ силы повисла въ моей рукѣ, и пальцы его едва держали платокъ.

Я хотѣлъ схватить его...

Но monsieur Гастонъ испустилъ болѣзненный громкій крикъ.

И въ ту же секунду я почувствовалъ, какъ множество рукъ взялось за меня, я попытался стряхнуть ихъ—и не могъ.

— Что случилось? Что происходитъ? Въ чемъ дѣло? — въ перебой звучали испуганные голоса.

— О, ничего... Вздоръ. Пустяки. Забава...—бормоталъ monsieur Гастонъ, быстро удаляясь.

И онъ скрылся.

А я остался среди взволнованной толпы.

Медленно падали руки, отпуская меня, я былъ свободенъ...

Тогда, не отвѣтивъ имъ ни слова, я ушелъ къ себѣ, и они разступились передо мной въ удивленіи.

Я заперъ дверь на ключъ, и до самаго вечера я метался изъ угла въ уголъ.

* * *

Это было днемъ. А вечеромъ... Боже мой, какъ тяжело все это.

Меня мучила мысль о необходимости увидѣть Андрэ, узнать что-нибудь о ней; можетъ быть, случай позволилъ бы мнѣ подойти и спросить ее, или спросить кого-нибудь другого...

И я спустился внизъ въ café, я сѣлъ у входныхъ дверей, прикрытый зеленью, чтобы слышать все и видѣть.

Я заказалъ себѣ чашку кофе. Но дѣвочка колебалась нѣсколько мгновеній, прежде чѣмъ подать ее мнѣ—вотъ уже нѣсколько дней, какъ я не плачу денегъ.

Но кофе все-таки подали.

И я сидѣлъ надъ остывшей чашкой, полный тоски и отчаянія; такъ проходило время.

И вдругъ я услышалъ голосъ садовника, да, садовника изъ дома, который былъ напротивъ.

Садовникъ разсказывалъ у буфетной стойки.

— Теперь ужъ все кончилось,—говорилъ онъ,—ужъ теперь окончательно.

— А давно началось это?

— Да съ самаго его пріѣзда. Они все ссорились, каждый день.

— Помирятся!

Но садовникъ наклоняется впередъ и говоритъ таинственно:

— Любовное письмо было въ платкѣ... Да, любовная записочка.

— А monsieur Гастонъ?

— Онъ отказался отъ такой невѣсты, натурально.

— А madame?

— Благодарила дочку.

— А дальше?

— А дальше нѣтъ ничего... Кто этотъ вашъ? Откуда? Вѣдь, никто не знаетъ. А вдругъ—бродяга?

И всѣ согласились съ этимъ.

— Большая непріятность, большой скандалъ... Почти публичная драка.

И черезъ минуту хозяйка подошла ко мнѣ. Она положила на столъ мой счетъ. Но у меня не хватало денегъ, чтобы заплатить его; ради Андрэ я остался здѣсь слишкомъ долго.

Тогда я поднялся со своего мѣста и сказалъ, отдавая всѣ свои деньги.

— Вотъ все, что есть у меня, madame, здѣсь не хватаетъ нѣсколькихъ франковъ. Возьмите всѣ мои вещи, madame. Я захвачу съ собой однѣ мои бумаги.

— О, мнѣ не нужно вашихъ вещей, но мнѣ нужна ваша комната.

— Я сейчасъ ухожу отсюда.

И при шопотѣ всего café я поднялся вверхъ, тамъ я все-таки оставилъ ей вещи въ своей комнатѣ, и взялъ только пачку писемъ.

Вѣтеръ дулъ, надвигалось ненастье, но я долженъ былъ уйти...

И я ушелъ.

* * *

Цѣлую ночь я провелъ въ поляхъ; какая это была грустная ночь... Травы покрылись холодной росой, и небо было закутано тучами, тьма обложила меня темнымъ покрываломъ.

Поля, поля... Опять я вернулся къ нимъ, опять я лежалъ на груди земли, лежалъ, откинувшись на спину, и смотрѣлъ въ небо, но я ничего не видѣлъ въ неласковой тьмѣ... Собака гдѣ-то печально плакала, да за Луарой далеко отвѣчала ей другая, да еще повозки подчасъ стучали въ поляхъ...

Безконечныя мысли о жизни. Какъ и когда я сталъ со-

всѣмъ одинокимъ, ненужнымъ никому? Я не знаю, когда это случилось, я не замѣтилъ. Быть никому ненужнымъ — это длинная исторія, длиненъ путь, ведущій сознаніе къ этой мысли. Многимъ, вѣроятно, это покажется простымъ: ненуженъ—это просто? Нѣтъ, это—страшно, для людей непривычныхъ... Увы, я имѣлъ время, чтобы привыкнуть къ этому. А когда я привыкъ, я рѣшилъ, что жить больше не стоитъ. О, я живу, конечно,—и буду жить, но я участвую въ дѣлѣ, которое не заслуживаетъ вниманія... Такъ я теперь назвалъ бы свою жизнь.

За эту ночь я не старался разобраться въ томъ, что случилось. Когда человѣка жизнь бьетъ такъ жестоко, онъ не вѣритъ въ счастливый исходъ...—Случилась катастрофа, да, непоправимое несчастье... Но чего же я ждалъ, и на что я надѣялся?

Въ эту холодную темную ночь въ поляхъ я рѣшилъ:—несчастье *должно* было совершиться. Такъ это просто, и я не догадался раньше:—оно было неизбѣжно.

И проходятъ длинные часы, разсвѣтъ серебрится, а я не могу оторвать своихъ мыслей отъ того, что должно было совершиться, совершилось и такъ больно ударило меня.

Наконецъ, на разсвѣтѣ подходитъ ко мнѣ полевой сторожъ и разглядываетъ меня. Черезъ минуту онъ говоритъ:

— Что вы дѣлаете здѣсь?

Но я не отвѣчаю, занятый мыслями.

— Что вы здѣсь дѣлаете?—повторяетъ онъ строго.

— Я?.. Я сижу.

— Вы имѣете квартиру?

— Нѣтъ.

— Вы имѣете деньги при себѣ?

— Какія деньги?

— Тѣ деньги, которыя вы должны имѣть съ собой, чтобы не быть арестованнымъ на дорогѣ, какъ нищій?

— Нѣтъ, я не имѣю такихъ денегъ. Я никакихъ не имѣю денегъ.

— Уходите.

Я подымаюсь покорно.

— Прощайте,—говорю я ему.

И я иду обратно. Да, я еще разъ пройду этотъ странный городъ, я пройду мимо ея дома, я еще разъ увижу ея окно, увижу землю, по которой она ходила, а потомъ скроюсь навсегда, утону во времени, какъ камень, который оторвался съ летящей планеты и заблудился навсегда...

Вотъ она, улица, гдѣ я жилъ... Вотъ она, старая церковь съ

дверями, пережившими тысячу лѣтъ, вотъ поворотъ... А вотъ мой домъ, маленькій отель, увитый плющемъ; какой онъ чистый и уютный... Онъ уже раскрытъ теперь.

А вотъ домъ Андрэ; затворены окна, опущены жалюзи; деревья сада ропщутъ и качаются...

Прощай, Андрэ. Прощай, послѣдняя радость моей жизни. Вотъ здѣсь, подъ твоимъ окномъ, я въ послѣдній разъ говорю тебѣ:—Прощай...

Алексѣй Окуловъ.

СОНЕТЪ.

И на моей суровой сторонѣ
Лѣса шумятъ пѣвучимъ нѣжнымъ шумомъ,
И въ полуснѣ, печальномъ и угрюмомъ,
Поютъ, поютъ о солнцѣ и веснѣ.

Я въ нихъ бродилъ; отдавшись смутнымъ думамъ,
Въ таинственной и чуткой тишинѣ
Не разъ внималъ я ихъ незримымъ струнамъ,
И нѣжность ихъ—теперь поетъ во мнѣ.

О, сѣверъ мой, люблю тебя—до боли,
Но даль зоветъ, но сердце жаждетъ воли
И новыхъ странъ, гдѣ ярче жизнь и свѣтъ.

Пусть впереди не мало испытаній,
Но счастливъ я,—я знаю боль скитаній,
Святую боль, которой слаще нѣтъ.

Г. Вяткинъ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ВЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ.

Изящная словесность 1855—1861 годовъ и молодой читатель

I.

При вялой общественной и политической жизни, при очень маломъ научномъ освѣщеніи вопросовъ, какими можетъ интересоваться развитой человѣкъ, при крайне узкой программѣ газетъ и журналовъ, при бѣдности книжнаго рынка вообще, одна изящная словесность и беллетристика—какъ называли словесность менѣе изящную — должны были нести на себѣ всю тяжесть общественнаго воспитанія. Еще въ XVIII вѣкѣ писатели, претендующіе на званіе художниковъ, бывали очень озабочены тѣмъ, чтобы плоды ихъ воображенія оказывали «доброе» вліяніе на нравы читателя. Такая моральная и въ широкомъ смыслѣ общественная тенденція продолжала жить въ душѣ пишущихъ, и нерѣдко она вступала въ споръ съ тѣмъ чувствомъ свободы, которое было тѣмъ сильнѣе въ писателѣ, чѣмъ большій онъ былъ художникъ. Споръ о такъ называемомъ «чистомъ» искусствѣ и «прикладномъ», споръ негласный и затаенный — былъ предметомъ глубокаго раздумья задолго до того времени, когда критическіе отдѣлы всѣхъ журналовъ сочли нужнымъ заняться имъ вплотную и когда художниковъ стали дѣлить на «полезныхъ» и «безполезныхъ». И въ Пушкинскую эпоху, и при Гоголѣ, и въ концѣ сороковыхъ годовъ, при появленіи такъ называемой «натуральной» школы, мысль о долгѣ писателя передъ обществомъ скрещивалась и переплеталась съ мыслью объ его долгѣ передъ высшимъ судьей его твореній,—пе-

редъ красотой, какъ таковой. Со средины пятидесятыхъ годовъ, при сильномъ и неожиданномъ подъемѣ гражданскихъ чувствъ во всѣхъ интеллигентныхъ слояхъ общества, споръ объ общественномъ призваніи искусства во всѣхъ его видахъ естественно долженъ былъ разгорѣться: онъ, какъ извѣстно, и принялъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ крайне рѣзкую форму.

Одно обстоятельство съ самыхъ первыхъ годовъ новой эры поставило изящную словесность въ положеніе крайне трудное и лишило ее возможности отстаивать свои права на свободу. Съ невѣроятной быстротой критическая и публицистическая мысль сорганизовалась въ настоящую общественную силу. Герценъ, Добролюбовъ и Чернышевскій, не говоря уже объ ихъ сотрудникахъ, создали въ нѣсколько лѣтъ эту силу и сразу повысили въ читателѣ требованія ко всякой печатной страницѣ, которая попадалась ему въ руки: она должна была такъ или иначе служить нуждамъ минуты. При такой расцѣнкѣ печатнаго слова все, что имѣло либо слишкомъ индивидуальный смыслъ, либо смыслъ слишкомъ общій, должно было выйти изъ поля зрѣнія читающаго. Личныя переживанія, которыя въ словесномъ искусствѣ играютъ такую огромную роль, равно какъ и обобщенія, стирающія слѣды времени и мѣста—могли казаться чѣмъ-то неидущимъ «къ дѣлу», чѣмъ-то недостаточно интереснымъ для данной минуты.

Противъ такихъ требованій, поддержанныхъ людьми большого таланта, людьми убѣжденными, своего рода ригористами,—что могла выставить изящная словесность тѣхъ годовъ? Имѣлись ли на-лицо художники, которые, не вступая въ теоретическіе споры, одной наличностью своего большого таланта могли защитить «свободу» искусства? Были ли на-лицо такіе романисты, лирики и драматурги, произведенія которыхъ, являясь литературной новинкой, настолько приковали бы къ себѣ вниманіе читателя, что могли отвести его глаза отъ дѣйствительности и заставить его жить хоть на короткій срокъ въ сферѣ чисто-художественныхъ впечатлѣній?

Въ 1855—1861 годахъ такихъ художниковъ не было, но въ прошломъ, и притомъ очень близкомъ, они имѣлись.

Отношеніе подраставшаго молодого поколѣнія шестидесятыхъ годовъ къ художникамъ недавняго прошлаго неоднократно въ нашей литературѣ и критикѣ подвергалось строгому осужденію. Но тѣ, кто обвинялъ молодыхъ людей въ пренебреженіи къ старому искусству, въ непониманіи его, въ самонадѣянномъ, огульномъ его отрицаніи—не учли одного чувства,

которое именно въ молодыхъ людяхъ того времени было очень сильно, а въ тѣхъ, кто за ними слѣдовалъ, постепенно угасало. Это было совсѣмъ особое чувство, которое очень рѣдко приходится людямъ испытывать,—и счастливы тѣ, которые могли испытать его въ той мѣрѣ, въ какой испытала его молодежь конца пятидесятыхъ годовъ. Для нея единый и нераздѣльный процессъ жизни какъ-то сразу подѣлился на двѣ части: на прошлое, которое вдругъ оборвалось и окончилось, и на будущее, которое наступитъ завтра и представитъ собой полную противоположность тому, что было вчера. Многія, если не всѣ крайности и странности въ сужденіяхъ молодыхъ людей того времени объясняются этимъ живымъ, своеобразнымъ чувствомъ человѣка, поставленнаго на рубежѣ двухъ эпохъ, изъ которыхъ послѣдующая должна служить не продолженіемъ предыдущей, а быть ея полнымъ отрицаніемъ.

Признаніе возможности такой исторической аномаліи имѣло рѣшающее вліяніе и на оцѣнку произведеній изящной словесности. И литература, какъ одно изъ проявленій жизни, обязана была, по мнѣнію молодого читателя, взять сразу новый курсъ и сразу перемѣнить свое направленіе. Она должна была стать хорошимъ комментаріемъ, красочной иллюстраціей къ тому, что было у всѣхъ передъ глазами.

Вожди, какъ Добролюбовъ и Чернышевскій, при силѣ большого ума и при широтѣ кругозора, были, конечно, гораздо терпимѣе своихъ учениковъ и не позволяли себѣ такъ рѣшительно разсѣкать историческій процессъ на части. Но рядовой читатель, относясь враждебно къ прошлымъ порядкамъ вообще, не имѣлъ основанія щадить и той изящной словесности, которая родилась при этомъ порядкѣ и даже, при всемъ своемъ протестѣ противъ него, все-таки была до извѣстной степени его продуктомъ.

Но пусть молодое поколѣніе было несправедливо въ своемъ судѣ надъ литературной стариной,—въ данномъ случаѣ характеренъ не этотъ судъ, который въ концѣ концовъ не нанесъ и не могъ нанести литературѣ никакого вреда—характерно то, что молодые люди, дѣйствительно, даже при желаніи, не могли найти въ памятникахъ старой литературы той пищи для ума и сердца, которая въ данную минуту была имъ на потребу. Конечно, во всѣ времена и независимо ни отъ какихъ историческихъ условій, наслажденіе любымъ художественнымъ произведеніемъ должно быть признано насущной духовной пищей,—и въ этомъ смыслѣ молодое поколѣніе конца пятидесятыхъ годовъ само себя обсчитывало. Но оно *не могло* не обсчитать себя, такъ какъ человѣкъ не-

рѣдко, чтобы не сказать въ большинствѣ случаевъ, бываетъ не въ силахъ строго придерживаться духовной гигіены, правила которой ему становятся ясны лишь послѣ того, какъ онъ ихъ нарушилъ. И молодое поколѣніе, какъ продуктъ извѣстной эпохи, не имѣло ни времени, ни желанія заниматься своимъ эстетическимъ образованіемъ, а изящная словесность недавнихъ годовъ ничего, кромѣ такого эстетическаго наслажденія, дать не могла.

II.

Съ наступленіемъ новой эры интересъ къ литературному прошлому на первыхъ порахъ все-таки повысился. Стали выходить новыя изданія русскихъ писателей XVIII и XIX вѣка, и прежде всего вышло первое болѣе или менѣе полное и научное изданіе сочиненій Пушкина, подъ редакціей Анненкова. Было напечатано много «запрещенныхъ» страницъ, преимущественно стихотвореній. Накоплялся въ большомъ количествѣ матеріалъ біографическій и библіографическій. Наука исторіи литературы древней и новой становилась впервые твердо на ноги, и эта новая наука несомнѣнно находила въ обществѣ откликъ. Но иное дѣло—интересоваться литературой при случаѣ, иное дѣло—кормиться ею.

Литература XVIII вѣка, за исключеніемъ нѣкоторыхъ запретныхъ памятниковъ, въ родѣ Радищева, статьи Щербатова, «Вадима» и друг., могла представить лишь очень слабый интересъ. Что могли дать эти осторожныя, недорисованныя, съ большой ретушью, картины столь неприглядной по своему общественному смыслу старины, давно осужденной каждымъ развитымъ человѣкомъ? Если въ этой старинѣ можно было уловить при случаѣ добродушную или гуманную патріархальность или натолкнуться на нѣкоторые отрадные въ общественномъ смыслѣ факты, или встрѣтиться съ людьми исключительными по силѣ ума и гражданскаго чувства—то всѣ такія рѣдкія явленія имѣли значеніе лишь какъ цѣнная историческая справка, за исключеніемъ «патріархальности», о которой можно было и забыть, вспоминая, во что она такъ часто вырождалась. Литература XVIII вѣка могла дать молодому человѣку новаго времени лишь нѣсколько цитатъ и ссылокъ, которыми онъ могъ щегольнуть при случаѣ, когда хотѣлъ уколоть какого-нибудь «ретрограда» или похвастаться давностью того или другого восторжествовавшаго гуманнаго взгляда.

Сентиментализмъ во всѣхъ его видахъ былъ молодому поколѣнію совершенно чуждъ. Врядъ ли молодые люди передового образа мыслей, люди, большинство которыхъ прошло въ дѣтствѣ и въ юности школу жизни, совсѣмъ не располагающую къ сентиментальнымъ настроеніямъ, врядъ ли они могли даже понять этотъ порядокъ настроеній, въ которыхъ, при всей ихъ пассивности, было иногда столько гуманнаго чувства. Цѣлая полоса старой литературы укрылась отъ взоровъ молодыхъ людей, которымъ мечтательность, то мленіе, религіозное затишье души, всякая пассивность и колебаніе въ рѣшеніи вопросовъ жизни и духа—казались смѣшными пережитками или просто грѣхомъ передъ собой и ближними. Все то литературное движеніе, которое связано съ именемъ Жуковскаго, для молодыхъ людей новой формаціи не существовало; они съ нимъ своихъ счетовъ и не сводили; иногда подсмѣивались и острили, а чаще всего не замѣчали.

Съ Пушкинымъ, Грибоѣдовымъ, Лермонтовымъ и Гоголемъ молодымъ людямъ, конечно, пришлось считаться, тѣмъ болѣе, что съ творчествомъ этихъ писателей ихъ съ дѣтскихъ лѣтъ знакомила семья и школа. Враждебнаго отношенія къ «эстетикѣ» молодежь на первыхъ порахъ не проявляла, и къ Пушкину относилась съ почтеніемъ, вспоминая, конечно, прежде всего тѣ эпизоды изъ жизни поэта, когда онъ являлся въ рядахъ протестующихъ, и запоминая тѣ изъ его вольныхъ стихотвореній, которыя въ рукописяхъ ходили по рукамъ. Въ цѣломъ и общемъ поэзія Пушкина пришлась молодымъ людямъ, однако, мало по сердцу. Она почти во всѣхъ своихъ обнаруженіяхъ носила слишкомъ личный, индивидуальный характеръ и отражала душевную жизнь человѣка совсѣмъ иного склада ума, иныхъ убѣжденій, иныхъ житейскихъ принциповъ, чѣмъ психика молодыхъ читателей. Какъ объективная картина русской жизни недавняго прошлаго, эта поэзія давала очень мало, почти ничего, а какъ образецъ художественнаго совершенства, она съ современностью не имѣла ничего общаго, кромѣ того, что была продуктомъ русскаго генія. Она уносила читателя въ міръ сказки, преданія, свободнаго вымысла, историческаго разсказа, иностранной были—а много ли было такихъ молодыхъ людей, которые желали быть унесенными въ эти міры видѣній? Ко всякимъ видѣніямъ относились тогда подозрительно, такъ какъ думали, что дѣйствительность потому такъ неприглядна и оскорбительна, что люди, которые могли бы надъ ней поработать, предпочитали тонуть въ эмпиреяхъ,

вмѣсто того, чтобы дѣлать дѣло. Прошло нѣсколько лѣтъ— и Пушкину стали громко выговаривать за то, что онъ никакого дѣла не дѣлалъ. Но пока его оставляли въ покоѣ, не досаждая ему претензіями, но зато и не засыпая его похвалами.

Грибоѣдова любили, т. е. любили не Грибоѣдова, котораго не знали, а любили Чацкаго. Чацкій вѣдь всегда былъ любимцемъ молодежи. Мечтатель, которому казалось, что онъ стоитъ на порогѣ большого дѣла, который потерялъ способность различать между словомъ и дѣломъ и потому съ легкимъ сердцемъ разносилъ все, что было достойно разноса; увлеченный своимъ собственнымъ краснорѣчіемъ смѣлый обличитель—долженъ былъ нравиться молодымъ людямъ, которые попадали въ такое же положеніе, какъ и онъ, т. е. сталкиваясь съ людьми старшаго возраста, винили ихъ во всѣхъ общественныхъ безобразіяхъ. За колкую и смѣлую рѣчь Чацкому можно было простить и его любовную интригу, и лирическій безпорядокъ въ наскокахъ. Изъ всѣхъ типовъ стараго времени онъ одинъ имѣлъ безспорныя права на симпатіи передовой молодежи.

Казалось бы, что такія же права могъ имѣть и излюбленный герой Лермонтова. Въ немъ также было много огня и боевого пыла, онъ также краснорѣчиво и красиво выступалъ противъ всякихъ утѣснителей и деспотовъ. Молодежь конца пятидесятыхъ годовъ любила нѣкоторыя стихотворенія Лермонтова, и ими иногда украшалась та или иная публицистическая и критическая статья. И въ судьбѣ Лермонтова, и въ задорѣ его чувствъ было нѣчто, что могло нравиться. Но ни міросозерцаніе поэта, крайне недоговоренное, противорѣчивое и шаткое во всѣхъ основныхъ вопросахъ, ни умственный и душевный складъ любимаго героя—меланхолика, пессимиста, разочарованнаго скептика безъ всякихъ общественныхъ симпатій—не могли произвести на подрастающее поколѣніе благопріятнаго впечатлѣнія. Молодые люди бывали сердиты, но не разочарованы, они любили жизнь и ждали отъ нея многаго, они «шутить» съ ней не собирались; они хотѣли быть альтруистами, и демоническій эгоизмъ не говорилъ ихъ сердцу. Наконецъ, они были демократами, если не всегда по рожденію, то по симпатіямъ, и аристократизмъ духа, не находившій себѣ общественнаго примѣненія, ихъ отталкивалъ. Все то прогрессивное и бодрящее, что было въ поэзіи Лермонтова, когда она въ тридцатыхъ годахъ была выраженіемъ извѣстнаго общественнаго настроенія, теперь, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, устарѣло и вывѣтрилось. Тотъ, кто въ Лермонтовѣ не хотѣлъ или не умѣлъ цѣнить художника и искателя

нравственной истины въ самой общей формѣ, могъ воспользоваться при случаѣ нѣкоторыми изъ его задорныхъ стихотвореній, но найти въ немъ любимаго собесѣдника не могъ.

Сочиненія Гоголя были, конечно, настольной книгой, и молодое поколѣніе, вопреки желанію самого автора, истолковывало эти бытовыя картинки, какъ вполнѣ сознательный протестъ сатирика противъ общественныхъ порядковъ его времени. Въ такомъ истолкованіи стремилась укрѣпить читателя и критика передовыхъ журналовъ, которая самого Гоголя убѣждала въ томъ, что онъ ошибся въ оцѣнкѣ своего творчества и что въ послѣдніе годы своей жизни, когда онъ обратился въ кающагося насмѣшника, въ православнаго пророка и наставника заблудшихся душъ,— онъ только разрушалъ то великое и правое дѣло, надъ которымъ работалъ. Убѣдить молодое поколѣніе въ томъ, что Гоголь ошибся въ оцѣнкѣ себя самого, какъ художника—было не трудно, такъ какъ молодые люди заранѣе были враждебно настроены противъ всякой попытки самовоспитанія въ религіозно-нравственномъ или консервативно-патріотическомъ духѣ. Они легко повѣрили, что жизнь и исторію творчества Гоголя должно раздѣлить на двѣ неравныя части: жизнь художника въ обладаніи всѣхъ своихъ духовныхъ силъ и жизнь психически больного человѣка, утратившаго самый цѣнный даръ духа. Твореніями Гоголя-художника молодое поколѣніе зачитывалось, а о Гоголѣ-проповѣдникѣ не вспоминало. Но и Гоголь-художникъ старѣлъ очень быстро. Не старѣла, конечно, художественная форма его сатиры. Но общественное содержаніе сатиры Гоголя къ началу шестидесятыхъ годовъ должно было обратиться въ азбучный катехизисъ гражданскаго воспитанія. На всѣ самые животрепещущіе вопросы современности искать у Гоголя отвѣта или даже намека было безполезно. Общественно-политическаго воспитанія личности въ болѣе сложномъ смыслѣ Гоголь не касался, предпочитая держаться въ сферѣ самыхъ элементарныхъ нравственныхъ вопросовъ. Положительныхъ типовъ, т. е. характеристики людей, молодыхъ или старыхъ, но такихъ, которые способны въ какомъ-либо направленіи двинуть застоявшуюся жизнь, творчество Гоголя не давало: оно рисовало безсмертные по своей пластикѣ образы представителей застоявшейся жизни, жизни самой косной. Наконецъ, жизнь простонародья, жизнь, согласная съ дѣйствительностью, а не разукрашенная мечтой была на полотнахъ Гоголя набросана лишь легкими штрихами, какъ-то нехотя, и ничего не могла сказать людямъ, въ глазахъ которыхъ служеніе народу становилось самымъ святымъ дѣломъ жизни.

Итакъ, весь «золотой» вѣкъ русской литературы, вѣкъ Жу-

ковскаго, Пушкина, Грибоѣдова, Лермонтова и Гоголя, имѣлъ для молодого поколѣнія шестидесятыхъ годовъ лишь историческую цѣнность, выяснять которую молодые люди не торопились, а стоимость художественная ихъ мало интересовала. Старики-писатели были для молодого человѣка людьми чужими, съ которыми нельзя было сразу начать бесѣдовать по душѣ, и нужно было тщательно выбирать предметъ для разговора. Кромѣ того, старые художники всегда предпочитали говорить о себѣ, о своемъ личномъ внутреннемъ мірѣ и не задавались цѣлью правдиво и безпристрастно рисовать окружающую ихъ жизнь. Они, не исключая и Гоголя, представляли читателю всегда готовый выводъ изъ своихъ наблюденій надъ жизнью—выводъ, сильно окрашенный субъективными взглядами и субъективнымъ настроеніемъ.

Помочь читателю ознакомиться съ нѣкоторыми наличными явленіями русской дѣйствительности художникъ стараго времени до извѣстной степени могъ, но молодой читатель требовалъ большаго. Онъ требовалъ, чтобы писатель привлекъ къ художественной обработкѣ совсѣмъ новый матеріалъ, изъ жизни тѣхъ слоевъ и классовъ русскаго общества, мимо которыхъ писатель старый проходилъ съ явнымъ равнодушіемъ. Наконецъ, читатель ждалъ, когда же художникъ рѣшится хоть нѣсколько забыть о себѣ и сосредоточитъ свое вниманіе не на личныхъ переживаніяхъ, а на самыхъ явленіяхъ, которыя къ такимъ переживаніямъ подали поводъ...

III.

Та группа писателей, которые во второй половинѣ сороковыхъ годовъ выступили со своими первыми произведеніями и въ извѣстномъ смыслѣ продолжали дѣло Гоголя, была молодому поколѣнію болѣе близка по духу и могла его требованіямъ отвѣтить въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ писатели-классики. Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Дружининъ, Достоевскій имѣли за собой къ концу пятидесятыхъ годовъ уже достаточно богатое литературное прошлое. Оно могло бы быть еще болѣе богато, если бы не несчастная эпоха 1848—1855 годовъ, когда литература во всѣхъ ея видахъ подверглась такому жестокому гоненію со стороны правительственной власти, напуганной событіями 1848-го года на Западѣ. Несмотря, однако, на этотъ гнетъ, писатель, которому пришлось работать наканунѣ эпохи реформъ, успѣлъ значительно

сблизить искусство съ требованіями жизни и до извѣстной степени пойти навстрѣчу прогрессивно мыслящему читателю. Художникъ сталъ, прежде всего, значительно болѣе демократиченъ по своимъ тенденціямъ. Въ этомъ демократизмѣ была своя доза эстетическаго, художническаго исканія; писатель стремился расширить поле своего наблюденія—но это не мѣшало ему дѣйствительно заинтересовать читателя въ пользу многихъ слоевъ русскаго общества, вплоть до самыхъ низшихъ. Изнанка русской жизни мало-по-малу стала проявляться. Купечество, именитое и мелкое, чиновничество всѣхъ ранговъ, мѣщанство, крестьянство и нищая братія во всѣхъ ея видахъ выступали стройнымъ рядомъ въ романахъ, повѣстяхъ, драмахъ и даже въ риѳмованныхъ поэмахъ. Совершенно новые люди—простые и невзрачные—заступали мѣсто старыхъ героевъ, болѣе или менѣе свѣтскихъ, обезпеченныхъ и интеллигентныхъ. Выводя такихъ людей на сцену, писатель долженъ былъ волей-неволей отступать самъ на задній планъ и не портить общаго, цѣльнаго художественнаго впечатлѣнія вторженіемъ своей личности въ ходъ дѣйствія. Рисунокъ получался все болѣе и болѣе правдивый и объективный. Конечно, уберечься вполнѣ отъ искаженія житейской правды художнику было невозможно, такъ какъ въ обрисовкѣ быта тѣхъ или другихъ слоевъ общества онъ располагалъ малыми знаніями. Знанія пришлось иногда замѣнять пожеланіями, и вотъ почему въ картины, напр., изъ крестьянской жизни—которая съ конца сороковыхъ годовъ становилась модной литературной темой—примѣшивалось такъ много идеализаціи, иногда слащавости.

Расширяя свой кругозоръ наблюдателя, писатель не отказывался отъ мысли подѣлиться и своими общественными взглядами, которые, несмотря на непогоду, въ немъ крѣпли и выяснялись. Эти взгляды онъ сталъ довѣрять въ своихъ произведеніяхъ тому или иному лицу, которое являлось, такимъ образомъ, какъ бы его замѣстителемъ. Въ литературѣ стали появляться все чаще и чаще такъ называемые «положительные» типы, мужскіе и женскіе, иногда срисованные съ живыхъ людей, иногда какъ бы предвѣщавшіе ихъ появленіе. Въ литературѣ Пушкинскаго и Гоголевскаго періода такіе типы не появлялись, если не считать тѣхъ благомыслящихъ и шаблонно-нравственныхъ автоматовъ и манекеновъ, которыми писатели второго и третьяго ранга наводняли романы и повѣсти въ назиданіе самаго сѣраго читателя. Насколько трудно было писателю дореформеннаго времени создать положительные типы, которые

могли бы освѣщать дорогу жизни, показываетъ отсутствіе такихъ типовъ у Пушкина и Лермонтова, а также невѣроятныя усилія, съ какими Грибоѣдову удалось набросать — и то неясный — типъ Чацкаго, и тѣ душевныя, безплодныя мученія, чрезъ которыя прошла душа Гоголя, когда, наконецъ, художнику стало ясно, что его картина русской жизни не полна и не правдива, пока въ ней не представленъ «честный» человѣкъ съ широкими и стойкими общественными идеалами. Съ конца сороковыхъ годовъ такіе «честные» люди, люди «съ идеалами», стали въ литературѣ возвышать свой голосъ.

Писатель постарался прежде всего въ разныхъ слояхъ общества, и преимущественно въ слояхъ наиболѣе забитыхъ и темныхъ, разыскать такихъ лицъ, которыми «идеалистъ» и вѣрующій въ свой народъ гражданинъ могъ бы остаться доволенъ. Розыски дали результаты достаточно благопріятные, если вѣрить «Запискамъ охотника» Тургенева, стихотвореніямъ Некрасова, повѣстямъ и романамъ Григоровича, драмамъ Островскаго изъ народнаго быта, разсказамъ Достоевскаго и цѣлой массѣ разныхъ бытовыхъ очерковъ, въ которыхъ писатель стремился расположить читателя въ пользу обездоленныхъ и угнетенныхъ.

Не довольствуясь указаніемъ на эту безымянную массу лицъ, на которыхъ будущій вождь можетъ опереться въ своей общественной реформаторской работѣ, писатель сталъ выискивать въ окружающей его жизни и такихъ интеллигентныхъ лицъ, и въ извѣстномъ смыслѣ сильныхъ, которыя бы со временемъ могли взять на себя отвѣтственную роль руководителей сначала общественнаго мнѣнія, а затѣмъ и общественнаго движенія. Такіе положительные типы передовыхъ людей на первыхъ порахъ должны были быть, конечно, типами очень не яркими, противорѣчивыми въ своей психикѣ и съ планами весьма скромными. Они могли быть выведены какъ люди вполнѣ современные, люди текущаго дня, или какъ люди самаго близкаго прошлаго, которымъ не удалось осуществить своего идеала въ жизни, но которые умерли, завѣщая его ближайшимъ наслѣдникамъ. Такими положительными типами и были герои романа «Кто виноватъ», «Обыкновенной исторіи», многіе изъ любимцевъ Тургенева вплоть до Рудина, герой «Полиньки Саксъ» и другіе, теперь уже совсѣмъ забытые первые голуби, выпущенные изъ ковчега русской литературы въ дни, когда нельзя было еще и гадать о близкомъ успокоеніи бушевавшей стихіи.

Молодежь конца пятидесятыхъ годовъ была хорошо знакома со всѣми литературными новинками послѣднихъ лѣтъ,

такъ какъ при общемъ общественномъ застоѣ тѣхъ годовъ изящная словесность одна могла дать еще кое-какую пищу голодному уму и сердцу, которое чувствовало себя оскорбленнымъ.

Съ наступленіемъ новой эры требованія, которыя читатель предъявлялъ литературѣ, повысились и, конечно, памятники словесности, родившіеся въ 1848 — 1855 гг., не могли сохранить за собой того значенія, какое они имѣли раньше. Они должны были состариться очень быстро. Тотъ бытовой матеріалъ, который они давали, былъ очень скоро замѣненъ новымъ, болѣе обильнымъ и, кромѣ того, собраннымъ при боляе свободномъ выборѣ. Являлась возможность привлечь такой матеріалъ, который въ дореформенную эпоху попасть въ печать не могъ; число писателей, посвятившихъ себя разработкѣ этого бытового матеріала, быстро увеличивалось. Если среди совсѣмъ новыхъ писателей не нашлось лицъ, равныхъ по таланту писателямъ, уже составившимъ себѣ имя—то вѣдь читатель въ данномъ случаѣ гнался не столько за художественностью исполненія, сколько за новизной и значительностью темъ. Онъ начиналъ цѣнить голую правду больше благожелательнаго вымысла; сентиментальное благодушіе и идеализація, въ особенности въ картинахъ изъ крестьянской жизни, становились ему все болѣе и болѣе подозрительны. Не предугадывая всего того мрака, съ которымъ онъ столкнется, когда поближе ознакомится съ жизнью народной массы, онъ все-таки сталъ недовѣрчиво относиться къ писателямъ, которые по разнымъ соображеніямъ добровольно или безсознательно, безъ всякаго умысла, старались скрыть или смягчить тѣневую сторону народной жизни.

Увлечься «положительными» типами недавняго образца молодые люди—свидѣтели новаго историческаго момента—также не могли. Они переросли этихъ героевъ, которыми увлекались въ ранней юности, и изъ поклонниковъ превратились въ судей. Много непріятныхъ для себя чертъ нашли они въ этихъ геояхъ; одни раздражали ихъ остатками старой душевной раздвоенности, хандры, разочарованности; другіе—слабой волей и пристрастіемъ къ словамъ; иные — узостью своихъ общественныхъ идеаловъ, слишкомъ большой практичностью и сухостью; иные—скромностью своихъ требованій. Не желая воздавать этимъ героямъ должнаго—что имъ обязанъ воздать любой историкъ—молодые люди стали скучать въ ихъ обществѣ и ждать, врядъ ли терпѣливо, когда же на смѣну имъ придутъ

иные герои, выразители самоновѣйшихъ мыслей, настроеній и чувствъ.

Наступали новыя времена; можно было надѣяться, что народятся новые художники и что писатели, уже заявившіе о себѣ, приноровятся болѣе или менѣе къ требованіямъ обновляющейся жизни.

IV.

Критика передовыхъ журналовъ въ эпоху реформъ жаловалась неоднократно на литературу. Въ особенности Добролюбовъ былъ суровъ въ оцѣнкѣ ея общественнаго значенія и ея «заслугъ» передъ обществомъ. Врядъ ли однако суровый критикъ былъ правъ. Если онъ имѣлъ въ виду старыя времена, когда писателю жилось такъ трудно, то одна такая историческая справка должна была смягчить строгость его отзыва. Если же онъ имѣлъ въ виду свое время, то такая суровость можетъ быть объяснена лишь его темпераментомъ—нетерпѣливымъ и нервнымъ.

Въ основномъ своемъ положеніи Добролюбовъ былъ несомнѣнно близокъ къ истинѣ: тотъ переломъ, который произошелъ въ умахъ и сердцахъ многихъ русскихъ обывателей, не нашелъ себѣ *соотвѣтствующаго* по силѣ и рѣзкости отзвука въ изящной словесности. Читатель въ своихъ мысляхъ и желаніяхъ, всегда опережалъ писателя и ему приходилось думать надъ цѣлой массой самыхъ существенныхъ вопросовъ, въ рѣшеніи которыхъ словесность не могла ему оказать никакой помощи. Нетерпѣливый, онъ могъ сердиться на беллетриста, но онъ забывалъ, что не всѣ вопросы укладываются въ форму беллетристическихъ произведеній.

Если взять въ цѣломъ тотъ приростъ памятниковъ словесности, который получился какъ итогъ работы старыхъ и молодыхъ писателей за періодъ времени съ 1855 по 1861 годъ, то урожай надо признать очень хорошимъ. Разнообразіе темъ было большое; таланты, уже сложившіеся, значительно развились и окрѣпли; появились новыя дарованія и очень большой силы, и среди нихъ такая сила, какъ Левъ Толстой.

Новыя времена несомнѣнно сказались на общемъ бодромъ настроеніи литературы, на разнообразіи сюжетовъ, на уменьшеніи количества всякихъ трафаретныхъ типовъ и положеній, выработанныхъ старой литературой. Молодой читатель не могъ остаться равнодушенъ къ такому оживленію словесности, но естественно, что онъ въ ней искалъ прежде всего отвѣта на запросы минуты и отыскивалъ въ рядахъ писателей такихъ лицъ,

которыя и по образу мыслей, и по возрасту стояли къ нему ближе. Такихъ лицъ найти было, однако, очень трудно. Наиболѣе сильные по таланту и опытные писатели принадлежали поколѣнію прошлому, были люди уже не молодые и не могли читать въ сердцахъ молодыхъ людей такъ свободно и охотно, какъ это могли бы сдѣлать писатели съ молодымъ поколѣніемъ одного возраста. А такихъ совсѣмъ молодыхъ писателей, созданныхъ текущимъ историческимъ моментомъ, было очень мало и, какъ таланты, они во многомъ уступали писателямъ поколѣнія старшаго.

Такимъ образомъ, въ первые же годы новой жизни молодые люди, считавшіе себя солью земли, должны были помириться съ тѣмъ, что выразителями ихъ думъ и чувствъ являлись старшіе, не всегда и не во всемъ съ ними согласные. За передовыми критиками и публицистами молодежь шла съ полнымъ довѣріемъ; къ писателю-беллетристу она все-таки присматривалась не то чтобы съ опаской, а съ нѣкоторымъ выжиданіемъ—насколько онъ, старикъ или уже зрѣлый человѣкъ, сумѣетъ подойти къ молодежи и понять ее.

Что молодой читатель требовалъ—гласно или тайно—чтобы на немъ было сосредоточено вниманіе писателя, чтобы писатель интересовался именно тѣмъ, что онъ, молодой человѣкъ, принималъ ближе всего къ сердцу—это вполнѣ понятно, если учесть всѣ необычныя особенности переживаемаго времени. Но и сложившійся писатель былъ вполнѣ правъ, если онъ съ такимъ желаніемъ молодежи мало считался. Онъ могъ на первыхъ порахъ и не догадываться о томъ, что въ молодыхъ умахъ и сердцахъ происходило; онъ могъ совершенно по-своему учесть возраставшее общественное броженіе и, наконецъ, онъ самъ по себѣ былъ личность, которая имѣла полное право на самоопредѣленіе, на совершенно свободное развитіе своего таланта. Писатель старшаго поколѣнія,—напр. Григоровичъ, Гончаровъ, Тургеневъ, Достоевскій, Островскій, Писемскій, Щедринъ,—могъ взять у новаго времени все, что ему было нужно, но этотъ новый матеріалъ онъ могъ и освѣтить, и разработать по-своему, не всегда оттѣняя въ немъ тѣ стороны, которыми молодой передовой человѣкъ и радикалъ дорожили всего больше.

Смѣна направленій въ литературѣ—процессъ довольно длинный; пяти-шести лѣтъ было, конечно, недостаточно для того, чтобы перемѣна въ литературныхъ пріемахъ и вкусахъ стала замѣтна. Эта перемѣна ясно обнаружилась лишь въ теченіе шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, когда «народничество», во

всѣхъ его видахъ, стало господствующимъ литературнымъ теченіемъ и когда типы прогрессистовъ и радикаловъ всевозможныхъ оттѣнковъ стали наиболѣе популярными героями какъ на страницахъ литературы прогрессивной, такъ и на страницахъ тѣхъ произведеній словесности, которыя были написаны людьми консервативнаго образа мыслей.

Въ 1855—1861 годахъ общій характеръ словесныхъ памятниковъ былъ довольно пестрый. Уловить въ нихъ какую-нибудь опредѣленно господствующую тенденцію нельзя; старые пріемы и сюжеты смѣшивались съ новыми, темы общечеловѣческія чередовались съ темами дня, и не всегда эти темы дня имѣли за собой преимущество талантливой обработки.

Перечислимъ тѣ романы, повѣсти и драмы (лирическія стихотворенія мы исключимъ), съ которыми любознательный и прилежный читатель могъ ознакомиться въ 1855—1861 годахъ. Мы увидимъ, какое содержательное и отборное чтеніе было ему предложено въ короткій срокъ.

Авдѣевъ—«Порядочный человѣкъ» 55, «Подводный камень» 60.

Аксаковъ, С.—«Семейная хроника» 56, «Дѣтскіе годы Багрова внука» 57.

Ахшарумовъ—«Игрокъ» 58, «Чужое имя» 61.

Боборыкинъ—«Однодворецъ» 60, «Ребенокъ» 61.

Вовчекъ, Марко—«Украинскіе разсказы» 59, «Разсказы изъ русскаго народнаго быта» 60.

Гоголь—«Мертвыя души» 2-й томъ, 55.

Гончаровъ—«Паллада» 55, «Обломовъ» 59, отрывки изъ «Обрыва»: «Изъ жизни Райскаго» 60, «Бабушка» 61.

Горбуновъ—«Разсказы», съ 1855 года.

Григоровичъ—«Зимній вечеръ» 55, «Свистулькинъ» 55, «Школа гостепріимства» 55, «Переселенцы» 55, «Пахарь» 56; «Очерки современныхъ нравовъ» 57, «Скучные люди» 57, «Кошка и мышка» 57, «Столичные родственники» 57, «Въ ожиданіи парома» 57, «Бархатникъ» 60.

Даль—«Картины изъ русскаго быта» съ 1856 г.

Достоевскій—«Маленькій герой» 57, «Дядюшкинъ сонъ» 59, «Село Степанчиково» 59, «Униженные и оскорбленные» 61, «Записки изъ Мертваго дома» 61.

Дружининъ—«Деревенскіе разсказы» 55, «Легенда о кислыхъ водахъ» 55, «Русскій черкесъ» 55, «Пашенька» 55, «Обрученные» 57.

Жадовская—«Повѣсти» 58, «Въ сторонѣ отъ большого свѣта» 58, «Отсталые» 61, «Женская исторія» 61.

Искандеръ-Герценъ—«Былое и Думы».

Кохановская—«Гайка» 56, «Любила» 58, «Послѣ обѣда въ гостяхъ» 58, «Маленькая исторія» 58, «Изъ провинціальной галлереи портретовъ» 59, «Старина» 61.

Крестовскій-псевдонимъ (Хвощинская) — «Послѣднее дѣйствіе комедіи» 56, «Изъ связки писемъ, брошенныхъ въ огонь» 57, «Братецъ» и «Старое горе» 58, «Встрѣча» и «Въ ожиданіи лучшаго» 60, «Пансіонерка» 61.

Левитовъ—«Сладкое житье» 61, «Ярмарочныя сцены» 61.

Львовъ—«Свѣтъ не безъ добрыхъ людей» 57.

Максимовъ—«Нижегородская ярмарка» 55.

Михайловъ, И.—«Стрижовы норы» 55.

Некрасовъ—«Саша» 56.

Островскій—«Не такъ живи, какъ хочется» 55, «Въ чужомъ пиру похмѣлье» 56, «Семейная картина» 56, «Праздничный сонъ до обѣда» 57, «Доходное мѣсто» 57, «Не сошлись характерами» 58, «Воспитанница» 59, «Старый другъ лучше новыхъ двухъ» 60, «Гроза» 60, «Свои собаки грызутся» 61, «Зачѣмъ пойдешь, то и найдешь» 61.

Панаевъ—«Хлыщи» 56.

Печерскій—«Разсказы» съ 1857 г.

Писемскій—«Очерки крестьянскаго быта» 55, «Виновата ли она?» 55, «Старая барыня» 57, «Боярщина» 58, «Тысяча душъ» 58, «Горькая судьбина» 59, «Старческій грѣхъ» 61.

Помяловскій—«Мѣщанское счастье» 61, «Молотовъ» 61.

Потѣхинъ, А.—«Чужое добро впрокъ нейдетъ» 55, «Крушинскій» 56, «Мишура» 58, «Новѣйшій оракулъ» 59, «Барыня» 59, «Бурмистръ» 59, «Бѣдные дворяне» 61.

Соллогубъ—«Чиновникъ» 56.

Стаховичъ—«Ночное» 55.

Сухово-Кобылинъ—«Свадьба Кречинскаго» 56.

Толстой—«Севастополь въ декабрѣ» 55, «Рубка лѣса» 55, «Севастополь въ маѣ» 55, «Записки маркера» 55, «Два гусара» 56, «Метель» 56, «Севастополь въ августѣ» 56, «Утро помѣщика» 56, «Встрѣча въ отрядѣ» 56, «Изъ записокъ Нехлюдова» 57, «Юность» 57, «Альбертъ» 58, «Три сестры» 59, «Семейное счастье» 59.

Тургеневъ—«Постоялый дворъ» 55, «Яковъ Пасынковъ» 55, «Мѣсяцъ въ деревнѣ» 55, «Рудинъ» 56, «Переписка» 65,

«Фаустъ» 56, «Завтракъ у предводителя» 56, «Чужой хлѣбъ» 57, «Поѣздка въ полѣсье» 57, «Ася» 58, «Дворянское гнѣздо» 59, «Первая любовь» 60, «Наканунѣ» 60, «Отцы и дѣти» 62.

Успенскій, Н.—«Очерки изъ народнаго быта» 58.

Щедринъ—«Губернскіе очерки» съ 1856 г. «Развеселое житье» 59, «Скрежетъ зубовный» 60, «Наши глуповскія дѣла» 61.

Изъ этого перечня литературныхъ памятниковъ видно, насколько читатель 1855 — 1861 годовъ могъ во всѣхъ смыслахъ остаться доволенъ своимъ чтеніемъ. Его любознательность могла быть удовлетворена въ той же мѣрѣ, что и его эстетическое чувство.

Но къ этому литературному богатству молодой читатель, прогрессистъ и радикалъ по убѣжденіямъ, могъ все-таки отнестись по-своему. Онъ, конечно, не остался равнодушенъ къ этимъ литературнымъ новинкамъ, въ которыхъ было столько таланта и наблюдательности; нѣкоторыми онъ зачитывался и увлекался, но онъ не могъ не чувствовать, что чего-то особенно ему дорогого и нужнаго недостаетъ во всѣхъ этихъ блестящихъ страницахъ.

Прежде всего ему недоставало товарищей среди самихъ писателей. Нѣкоторые, правда, были совсѣмъ молоды, въ полномъ смыслѣ сверстниками и единомышленниками молодого читателя, но ихъ писанія, при всѣхъ ихъ достоинствахъ, не имѣли широкаго размаха, какъ, напр., сочиненія Горбунова, Левитова, Максимова, Михайлова и Н. Успенскаго; или, какъ сочиненія Л. Толстого, не касались самыхъ существенныхъ, молодому сердцу тогда наиболѣе близкихъ общественныхъ вопросовъ. Одинъ Помяловскій составлялъ исключеніе, какъ единственный молодой писатель, который принялъ близко къ сердцу психику молодого читателя и попытался набросать типъ такого дѣятеля, который былъ бы не только освѣдомленъ въ томъ, что вокругъ него творится, но имѣлъ бы предложить читателю извѣстную программу дѣйствія. А именно такая программа въ связи съ подробнымъ анализомъ психическихъ движеній молодой души и должна была интересовать молодежь всего болѣе—какъ это и оправдалось нѣсколько лѣтъ спустя, когда появился первый такой вполнѣ современный романъ, психологическій и програмный: «Что дѣлать?»

Ни программы, ни психологическаго анализа молодой души

текущая литература 1855—1861 годовъ не давала. Но она несомнѣнно давала очень обильныя свѣдѣнія о томъ, какой жизнью жила и живетъ страна, общественному благу которой молодежь рѣшила посвятить свои силы.

Старая помѣщичья жизнь воскресала въ образахъ. Сочиненія Сергѣя Аксакова переносили читателя въ XVIII вѣкъ и, какъ историческій документъ, развертывали передъ нимъ картину прошлаго. Много было мрачныхъ деталей, но были и свѣтлые уголки и какое-то благодушное настроеніе царило въ этомъ разсказѣ, какое-то сожалѣніе о томъ, что прежняя патріархальность дореформеннаго строя исчезла. Авторъ взывалъ къ широкой терпимости въ судѣ надъ прошлымъ и отнюдь не хотѣлъ быть обличителемъ. Тяжелую роль обличителя не желалъ взять на себя и Гончаровъ, когда разсказывалъ намъ жизнь Обломова и въ первыхъ отрывкахъ изъ романа «Обрывъ» рисовалъ портретъ знаменитой «бабушки». Тенденція не то чтобы защитить старину, но спасти ее отъ огульнаго осужденія была ясна, несмотря на откровенное признаніе негодности и ненужности людей обломовскаго типа. Такое же мягкое чувство, смѣшанное съ грустью, вызывалъ въ душѣ читателя и надѣлавшій столько шуму романъ Тургенева «Дворянское гнѣздо». Романъ звучалъ панахидой по цѣломъ укладѣ дворянской жизни, уходившей въ прошлое. Грѣхи этого умирающаго строя были очерчены лишь намеками и подразумѣвавшимися картинами. На первомъ планѣ стояли два лица—мужчина и женщина—ни на какую борьбу съ жизнью не способные, двѣ натуры со всѣми дарами благородства душевнаго, натуры, осужденныя на безплодную для ближнихъ жизнь, осужденныя на медленную смерть, но уносящія съ собой въ могилу всѣ симпатіи читателя, хоть нѣсколько пожившаго и способнаго къ спокойному суду надъ ближнимъ. Старина была осуждена—это несомнѣнно, но по приговору судей ей были даны всѣ возможныя снисхожденія и на судѣ было указано также, что, при всѣхъ своихъ грѣхахъ, эта старина создавала людей, къ которымъ могли быть предъявлены строгія нравственныя требованія. Доказывать, что при старыхъ порядкахъ возможенъ былъ расцвѣтъ высокогуманной нравственности, общественной и даже чиновничьей—какъ это попытался-было доказать Гоголь во второй части «Мертвыхъ душъ»,—какъ разъ въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ вышедшей изъ печати—было, конечно, безполезно и никто на такое доказательство не могъ откликнуться. Но отыскивать въ старой жизни людей, которые сумѣли сохранить живую душу и, будучи продуктомъ старыхъ условій общежитія,

предвѣщали наступленіе условій новыхъ—можно было, не подвергая себя обвиненію въ искаженіи правды. Вотъ почему писатели, которые въ тѣ годы (1855—1861) избирали дѣйствующихъ лицъ своихъ повѣстей и романовъ изъ круга дворянъ-помѣщиковъ—какъ, напр.—Толстой, Тургеневъ, Григоровичъ, Потѣхинъ, Дружининъ, Гончаровъ, Кохановская—сдѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы не обострять назрѣвшаго вопроса о рабахъ и рабовладѣльцахъ. Обойти совершенно этого вопроса они не могли, но ихъ свидѣтельскія показанія были очень осторожны.

Такимъ образомъ въ эпоху подготовленія реформы литература по самому существенному вопросу дня высказывалась очень сдержанно. Мрачная сторона помѣщичьей жизни крѣпостного времени была представлена очень слабо; во всякомъ случаѣ она далеко не покрывала всей страшной дѣйствительности. Мягкія стороны были оттѣнены съ любовью, но безъ преувеличенія и безъ тенденціозной идеализаціи. Хотѣлъ ли писатель—самъ дворянинъ по рожденію—смягчить насколько возможно приговоръ жизни надъ средой, въ которой онъ выросъ, добровольно ли остерегался онъ сказать «лишнее», изъ боязни разжечь страсти или былъ вынужденъ къ тому цензурными условіями—но только онъ скорѣе успокаивалъ читателя, чѣмъ горячилъ его. Нѣкоторые, и весьма многіе, читатели противъ такого успокоительнаго чтенія ничего не имѣли, но могли найтись другіе—среди молодежи,—которые, не злобствуя противъ писателя, оставались все-таки имъ недовольны, хотя и читали его произведенія съ «захватывающимъ интересомъ».

Неудовлетвореннымъ могъ остаться молодой читатель и тогда, когда ему попадались въ руки тѣ произведенія словесности, въ которыхъ даны были бытовыя картины изъ жизни крѣпостного простонародья. При недостаточности свѣдѣній, которыя имѣлись въ литературѣ дореформеннаго времени, многое въ крестьянскомъ вопросѣ было не ясно. Если бы, начиная съ 1855-го года, широкое, гласное обсужденіе этого вопроса было допущено, если бы разнымъ комитетамъ и комиссіямъ, губернскимъ и столичнымъ, была предоставлена бо́льшая свобода въ рѣчахъ и эти рѣчи стали гласными, если бы историки, этнографы, экономисты, вообще люди науки были лучше подготовлены къ обсужденію создавшагося или создающагося положенія, художникъ не попалъ бы въ такое трудное положеніе, въ какомъ онъ очутился. Дореформенная серьезная книга вопросъ о крестьянской жизни обходила, разныя «записки» о положеніи крестьянъ, написанныя въ 1855 — 1861 г.г., въ печать по-

пасть не могли, правительственная работа надъ вопросомъ держалась въ секретѣ, а между тѣмъ общество—и въ особенности его передовая часть—ежедневно убѣждалось въ томъ, что именно отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ все дѣло общественнаго обновленія, и критика не уставала твердить, что жизнь народной массы, въ ея прошломъ и настоящемъ, должна сосредоточить на себѣ вниманіе всѣхъ, въ комъ есть какая-нибудь надежда на лучшее будущее. И отъ художника и беллетриста ждали въ данномъ случаѣ первой помощи. Отъ него ждали и правдивыхъ очерковъ внѣшняго быта крестьянской среды, и характеристики народной психологіи и народнаго міросозерцанія, ждали отъ него и расцѣнки всѣхъ качествъ и способностей народнаго ума и души,—качествъ и отрицательныхъ, и положительныхъ. Писатель приступилъ къ выполненію этого своего долга передъ народомъ съ полнымъ сознаніемъ трудности задачи и съ полной готовностью отдать ей свои силы. Нѣсколько десятилѣтій посвятилъ онъ этому труду, и та «народническая» литература, которая расцвѣла въ 60-хъ, 70-хъ годахъ и въ 80-хъ и даже 90-хъ не увядала, имѣла свое научное, историческое и литературное значеніе. Она стала однимъ изъ большихъ культурныхъ факторовъ нашей общественной жизни. Въ 1855—1861 годахъ эта работа надъ новымъ матеріаломъ только-что начиналась и, конечно, не могла удовлетворить тѣхъ, кто въ мечтахъ уже предвосхищалъ всѣ ея результаты. Желательно было, хотя бы для подъема боевого настроенія, имѣть болѣе подробныя показанія о народномъ горѣ и о виновникахъ этого горя. Но не надъ этой стороной народной жизни, стороной, которая была осуждена на исчезновеніе, задумывался тогда больше всего передовой читатель. Онъ нетерпѣливо ждалъ отвѣта на самый для него существенный вопросъ: какими положительными духовными силами народъ располагаетъ и насколько опасны отрицательныя стороны его ума и характера. На этотъ вопросъ литература тѣхъ годовъ отвѣчала неопредѣленно и уклончиво. Старая школа конца сороковыхъ годовъ отъ лица народа давала много обѣщаній и продолжала и въ пятидесятыхъ годахъ увѣрять читателя, что въ народномъ умѣ и характерѣ таятся и даже проявляются всѣ тѣ склонности и дарованія, которыя мы привыкли цѣнить въ образованномъ человѣкѣ. Доля правды въ этихъ увѣреніяхъ, конечно, была, но читатель не могъ успокоиться на такой благодушно сентиментальной оцѣнкѣ народной души: онъ чувствовалъ, что эта душа не могла не поддаться вліянію той обстановки, кото-

рая ее окружала, и онъ могъ думать, что теперь, когда за народомъ свобода обезпечена, можно и болѣе откровенно говорить объ его недостаткахъ. Писатель держался, можетъ быть, того же мнѣнія, но ему было трудно сразу совладать съ новымъ матеріаломъ, и онъ очень осторожно сталъ подходить къ необычной темѣ, предпочитая въ картинахъ изъ народнаго быта сохранять старый, относительно мягкій колоритъ. Въ этомъ духѣ были выдержаны почти всѣ народные разсказы, появившіеся въ 1855—1861 годахъ и написанные людьми самыхъ разныхъ убѣжденій и темпераментовъ. Тургеневъ, Григоровичъ, Писемскій, Даль, Горбуновъ, Максимовъ, Марко-Вовчекъ, Левъ Толстой, Кохановская въ разныхъ варіаціяхъ говорили одно и то же: пора судьбу народа принять близко къ сердцу; пора итти ему на помощь, пора помочь ему развить тѣ добрыя качества души и ума, которыя онъ сберегъ, и надо простить ему тѣ пороки, которые были ему навязаны самой жизнью. Читатель, опережавшій свое время, врядъ ли находилъ для себя что-нибудь новое въ такихъ истинахъ. Даже тогда, когда Николай Успенскій, нарушая традицію, сгустилъ мрачныя краски въ своихъ очеркахъ, передовой читатель, похваливъ его за такую смѣлость, врядъ ли могъ чему-нибудь у него научиться. Прогрессистъ и радикалъ хотѣлъ въ народѣ найти себѣ вѣрнаго союзника; хотѣлъ ознакомиться съ міросозерцаніемъ народа, чтобы использовать народный образъ мыслей въ своихъ цѣляхъ; онъ хотѣлъ увидать крѣпкаго силой и волей человѣка, на котораго онъ могъ бы опереться. Въ литературѣ 1855—1861 г.г. такой человѣкъ изъ народа ему не попадался, да и позднѣе, въ разгаръ народническаго движенія, этого героя пришлось не разыскивать, а создавать.

Но если молодой читатель, какъ человѣкъ извѣстнаго образа мыслей, не былъ удовлетворенъ своимъ чтеніемъ, то кругъ его знаній все-таки значительно расширялся, уже въ виду того, что количество повѣстей изъ народнаго быта возрастало очень быстро. Расширялась освѣдомленность читателя и въ другихъ областяхъ жизни. Мало извѣстный раскольничій бытъ началъ выдавать свои тайны въ повѣстяхъ Щедрина, и въ печати впервые появилось имя Мельникова-Печерскаго. Огромное впечатлѣніе произвели солдатскіе разсказы Толстого. Совсѣмъ невѣдомый міръ открылся. Простой народъ являлся передъ читателемъ въ роли смиреннаго защитника того отечества, гдѣ ему жилось такъ трудно. Крестьянинъ на бастіонахъ Севастополя представлялъ собой достойную и естественную параллель къ крестьянину въ барской усадьбѣ.

Съ появленіемъ «Записокъ изъ Мертваго Дома» читатель въ первый разъ получалъ возможность заглянуть въ преступную душу простонародья. Онъ помнилъ Достоевскаго по его первымъ очеркамъ, въ которыхъ съ такой любовью говорилось объ обездоленныхъ жизнью; онъ зналъ, что авторъ самъ попалъ на каторгу за свое увлеченіе гуманными мечтами соціализма.

И теперь, когда этотъ политическій «преступникъ», возвращенный на родину, сталъ разсказывать не столько о своихъ страданіяхъ, сколько о страданіяхъ народа, подпавшаго искушенію грѣха, читатель, безъ различія направленій, встрѣтилъ восторженно его мрачную книгу. Отсутствіе въ ней рѣзкаго протеста и религіозно-смиренный тонъ могли нѣкоторымъ и не нравиться, но всѣхъ должна была подкупить психологія народной души, въ которой, при всей ея грубости и преступности, оказывалось иногда столько хорошихъ инстинктовъ и полуясныхъ побужденій. Книга не осуждала человѣка, хотя и говорила только объ осужденныхъ.

Такимъ образомъ, читатель 1855—1861 годовъ имѣлъ много случаевъ дать полную волю своему чувству любви, состраданія и печали, думая надъ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ онъ засталъ свою родину. Иногда, впрочемъ, онъ могъ и посмѣяться; но этотъ смѣхъ всегда грозилъ навести на раздумье. Картинами изъ купеческаго быта Островскій часто смѣшилъ зрителя. Если либерализмъ основной тенденціи его пьесъ и былъ весьма скроменъ, если въ своихъ общественныхъ взглядахъ драматургъ расходился съ тѣмъ толкованіемъ, какое радикальная критика давала его произведеніямъ, то, какъ обличитель «темнаго царства», онъ былъ очень популяренъ въ широкой публикѣ, а когда, какъ напр. въ «Грозѣ», онъ возвышался до изображенія трагическаго конфликта живой страсти и мертваго, коснаго уклада жизни, онъ производилъ огромное впечатлѣніе на зрителя, который могъ провѣрить остроту такого конфликта на иныхъ случаяхъ житейской практики, болѣе сложныхъ, чѣмъ семейная трагедія.

Много смѣялись въ тѣ годы и надъ «Губернскими очерками» Щедрина, которые продвинули автора сразу въ первые ряды литературныхъ знаменитостей. Книга была первымъ, необычайно счастливымъ опытомъ сочетанія художественныхъ этюдовъ съ публицистикой. Мишенью всѣхъ самыхъ острыхъ уколовъ была среда чиновничья, и Щедринъ являлся прямымъ продолжателемъ дѣла Гоголя. То многое, что Гоголь не смѣлъ или не хотѣлъ сказать, было теперь сказано съ той же правдивостью, въ тѣхъ же мѣткихъ выраженіяхъ, но съ значительно большей полнотой.

«Очерки» имѣли оглушительный успѣхъ, и преимущественно въ средѣ молодежи, которая не могла не оцѣнить ихъ смѣлости—качества, которымъ сатира Гоголя не отличалась или которое, по дальности разстоянія, въ сатирѣ Гоголя уже становилось почти незамѣтнымъ. Не только мелкій чиновникъ, но и достаточно высокопоставленный былъ притянутъ къ суду въ качествѣ главнаго обвиняемаго. Онъ былъ и жалокъ, и смѣшонъ, но порой онъ бывалъ страшенъ; и тогда читатель могъ и не замѣтить, какъ быстро его вольный смѣхъ смѣнялся озабоченной саркастической или злорадной улыбкой.

Литературный урожай 1855—1861 годовъ былъ, какъ видимъ, очень хорошій. Наблюденій было сдѣлано много. Читатель могъ составить себѣ довольно полное понятіе о русской жизни въ ея дореформенномъ прошломъ, могъ собрать много свидѣтельствъ о настоящемъ положеніи дѣлъ въ усадьбахъ, въ деревнѣ, въ бѣдныхъ или богатыхъ городскихъ кварталахъ, въ купеческихъ семьяхъ и въ разныхъ департаментахъ; но, спрашивается, развѣ эти свѣдѣнія—какъ бы они ни были значительны—составляли предметъ главнаго интереса для молодого читателя? Со старой жизнью молодой человѣкъ былъ знакомъ по личному опыту; если многія детали ея ускользнули отъ его вниманія, то общая картина крѣпостного строя и общая картина соціальной неурядицы во всѣхъ областяхъ и слояхъ русской жизни была ему ясна и безъ книгъ. Никто изъ писателей не могъ ему «открыть глаза» на нее.

V.

Молодой читатель хотѣлъ не столько знать то, что было и что есть, сколько догадаться о томъ, что будетъ. Для правильности такихъ догадокъ необходимо было отдать себѣ ясный отчетъ прежде всего въ наличности тѣхъ передовыхъ силъ, которыя могли бы оказать вліяніе на ходъ жизни. Исторія образованія этихъ силъ, т. е., другими словами, этюды изъ жизни интеллигентнаго класса въ Россіи, обзоръ развитія прогрессивныхъ идей и настроеній—вотъ что должно было привлекать къ себѣ прежде всего вниманіе читателя, который жилъ больше надеждами на будущее, чѣмъ воспоминаніями прошлаго.

Литература 1855—1861 г.г. отвѣтила и на этотъ запросъ молодого читателя. Писатели старшаго поколѣнія, которые сами были свидѣтелями роста прогрессивныхъ идей и настроеній въ дореформенной Россіи, взяли на себя трудъ литературной об-

работки самой сложной и запутанной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самой живой современной темы: они заставили пройти передъ читателемъ цѣлый рядъ образовъ, мужскихъ и женскихъ, въ которыхъ съ большей или меньшей полнотой были выражены общественныя симпатіи и антипатіи лицъ интеллигентнаго круга, идущихъ не за жизнью, а впереди ея.

Женскіе типы были представлены слабѣе, чѣмъ мужскіе. Если мы припомнимъ, что женскій вопросъ въ тѣ годы только-что становился предметомъ серьезнаго обсужденія и сама женщина въ жизни еще не выступала какъ замѣтная активная сила, то насъ не должна удивлять та скромная роль, которую она играла въ повѣстяхъ и романахъ того времени.

Она являлась въ большинствѣ случаевъ лицомъ страдающимъ, мягкимъ, уступчивымъ, героиней, которая въ борьбѣ съ людьми и съ жизнью опиралась на нѣжныя чувства больше, и чаще, чѣмъ на какія-нибудь иныя чувства, вызванныя въ сердцѣ человѣка силою убѣжденія. Женщинъ очень милыхъ и симпатичныхъ, совсѣмъ не сильныхъ, но облагораживающихъ среду своей гуманностью, читатель могъ встрѣтить часто.

Героическаго въ этихъ сантиментальныхъ натурахъ было мало, но въ нихъ было очень много затаенной, нравственной силы, которая могла свершать своего рода героическіе подвиги, хотя бы и не показные. Романъ Достоевскаго «Униженные и оскорбленные» указалъ на одинъ изъ такихъ высокихъ женскихъ подвиговъ, свершенныхъ одной любовью, одной святой чистотой женскаго сердца... Въ этомъ романѣ—въ которомъ авторъ впервые подходилъ къ столь имъ излюбленной впослѣдствіи темѣ о «сильномъ» человѣкѣ и его единоборствѣ со «слабымъ»—была въ символическихъ образахъ прославлена сила женской любви и сила невинности женскаго сердца, торжествующая свою полную побѣду надъ мужскимъ эгоизмомъ и установляющая миръ въ царствѣ самой безпощадной нравственной дикости и разнузданности.

Передъ святостью смиренной любви можно было, конечно, преклониться, но въ тѣ годы не на ней одной строили свои надежды люди, желавшіе имѣть надежныхъ подругъ и товарищей въ трудной работѣ. Типъ женщины молодой, сильной, убѣжденной, съ болѣе или менѣе закаленной волей и твердымъ характеромъ, только-что сталъ складываться въ жизни, и въ литературѣ пока не появлялся. Но намеки на него были уже сдѣланы. Авторъ не всегда ограничивался однимъ лишь семейнымъ вопросомъ, требуя для женщины права располагать собой и требуя отъ мужчины признанія такого права, какъ этого требовалъ Авдѣевъ,

въ романѣ «Подводный камень». Авторъ начиналъ подготовлять женщину къ предстоящему ей общественному подвигу. Но онъ, какъ напр., Тургеневъ, подходилъ къ этой темѣ очень осторожно, какъ бы боясь сказать лишнее. Тургеневу, какъ человѣку сороковыхъ годовъ и большому сентименталисту, была по душѣ женщина, глубоко увлеченная любовью и готовая итти на работу по чувству любви къ тому герою, который ее звалъ за собою. О самихъ герояхъ Тургеневъ былъ не особенно высокаго мнѣнія и почти всегда за женщиной оставлялъ онъ первенство нравственной силы и искренности. Но пусть эти женскіе образы были очень привлекательны, нѣжны и въ особенности тверды и постоянны въ своихъ привязанностяхъ,—онѣ, конечно, никакого плана общественной работы не имѣли и обнаруживали одно только желаніе какъ-нибудь измѣнить условія жизни, которыя начинали тяготить ихъ самихъ. Одна Елена знала, что она хотѣла дѣлать, но дѣло, которому она служила, съ русской жизнью ни въ какой связи не стояло. Героиней сердца Тургенева оставалась все-таки Лиза Калитина, которая при всемъ сознаніи несправедливостей соціальнаго строя, ее воспитавшаго, признавала единственнымъ способомъ борьбы съ этой неправдой личное нравственное самовоспитаніе и самообузданіе. Для стойкой защиты своихъ правъ на жизнь такая женщина не была создана. Она способна была вызвать въ каждомъ читателѣ чувство удивленія и уваженія, но увлечь его или усилить она не могла.

Во всѣхъ женскихъ типахъ, въ которыхъ писатель 1855—1861 годовъ хотѣлъ воплотить свои мысли и мечты о женскомъ призваніи, было очень мало того протестующаго, задорнаго, волевого элемента, который въ сильной степени былъ уже воспитанъ въ молодежи условіями новаго историческаго момента. Кое-что новое, запавшее въ женскую душу и расцвѣтавшее въ ней, эти женскіе образы уловили и освѣтили, но среди нихъ не было ни одного образа, который надолго могъ бы приковать къ себѣ вниманіе и любовь молодого читателя, ушедшаго въ своихъ требованіяхъ и мечтахъ гораздо дальше, чѣмъ любой изъ художниковъ, которые въ 1855—1861 годахъ брались писать женскіе портреты.

VI.

Въ характеристикѣ мужской половины интеллигентнаго круга, и преимущественно тѣхъ людей, которые опережали свою среду, писатель имѣлъ въ своемъ распоряженіи гораздо больше ма-

теріала и знаній, чѣмъ при работѣ надъ портретомъ женскимъ, и на обрисовку общественнаго движенія, поскольку отдѣльныя лица являлись его предвѣстниками и выразителями, художникъ 1855—1861 г.г. потратилъ много труда. Въ цѣломъ рядѣ повѣстей и романовъ, написанныхъ иногда съ большимъ мастерствомъ—предстала передъ читателемъ эта картина медленнаго наростанія гражданскихъ чувствъ въ душѣ человѣка, воспитавшагося въ условіяхъ, совсѣмъ не благопріятныхъ для какихъ-либо общественныхъ стремленій.

Въ памяти читателя были еще свѣжи образы тѣхъ печальныхъ и разочарованныхъ героевъ, въ которыхъ въ сороковыхъ годахъ воплощалось глухое и неясное недовольство окружающей жизнью. Начиная съ Печорина, кончая Бельтовымъ, эти типы людей богатыхъ умомъ, съ порывами несомнѣнно стойкой воли, но безъ желанія и способности найти себѣ какое-нибудь дѣло въ жизни—говорили о тѣхъ духовныхъ силахъ, которыя имѣлись на-лицо въ русскомъ обществѣ, но которыя не нашли себѣ никакого примѣненія.

О носителяхъ этихъ силъ можно было, конечно, только пожалѣть; учиться у нихъ было нечему. Но рядомъ съ людьми такого нецѣльнаго, надломленнаго склада ума и характера, людьми, игравшими отнюдь не первенствующую роль въ обществѣ, жили и дѣйствовали въ сороковыхъ годахъ и другіе люди, хоть и теоретики, но все-таки люди со стойкими и опредѣленными взглядами и идеями и съ несомнѣнной способностью критически относиться къ русской дѣйствительности. Это были тѣ прославленные западники, съ которыми люди шестидесятыхъ годовъ могли не соглашаться и ссориться, но которыхъ они должны были признать своими прямыми предшественниками. Въ 1855—1861 годахъ ряды этихъ западниковъ сильно порѣдѣли: Бѣлинскаго и Грановскаго въ живыхъ не было; Герценъ и Огаревъ были заграницей. Подростающее поколѣніе много слышало объ этихъ людяхъ, могло даже подробно ознакомиться съ сочиненіями Бѣлинскаго, первое изданіе которыхъ тогда было предпринято, но все-таки образы этихъ людей уже достаточно подернулись туманомъ, и освѣжить ихъ въ памяти молодыхъ читателей было весьма желательно. Глубокой по смыслу и художественной по выполненію была та картина жизни интеллигентныхъ круговъ въ сороковыхъ годахъ, которую развернулъ Герценъ въ своихъ воспоминаніяхъ. «Былое и Думы» были книгой запрещенной, но во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ она стали настольной книгой для всѣхъ, кто для родины желалъ лучшихъ дней.

По своей художественной цѣнности книга не уступала любому роману, написанному первоклассным художникомъ, и съ этой стороны ея колоссальный успѣхъ былъ обезпеченъ. Книга была полна того воинственнаго пыла, той бодрости, присущей душѣ пожившаго воина, который послѣ долгихъ выжиданій и многихъ пораженій могъ, наконецъ, привѣтствовать зарю побѣды. Тѣни старыхъ бойцовъ за свободу—за свободу духовную и свободу политическую,—воскресали подъ перомъ одного изъ ихъ товарищей, уцѣлѣвшаго, чтобы продолжать ихъ дѣло и высказать во всеуслышаніе то, что эти люди должны были утаивать. «Былое» являлось живымъ и «Думы» получали въ жизни какъ будто свое подтвержденіе. Читатель могъ установить живую связь между собой и предшествующимъ поколѣніемъ и могъ почувствовать рядомъ съ собой товарища, одушевленнаго, казалось, тѣми же мыслями и чувствами, которыми жили и бились самые передовые молодые умы и сердца. Воспоминанія Герцена могли замѣнить подраставшему поколѣнію цѣлый курсъ отечественной исторіи. И молодежь несомнѣнно была увлечена этими типами идеалистовъ и теоретиковъ, которые такъ много потрудились надъ выработкой гуманной программы жизни и умерли на порогѣ дѣла или, живя поневолѣ за предѣлами родины, были лишены возможности принять въ этомъ дѣлѣ участіе.

Историческимъ документомъ той же отходящей въ прошлое эпохи теоретическаго идеализма была и надѣлавшая столько шума повѣсть Тургенева «Рудинъ». Любопытство читателя было въ одинаковой степени подогрѣто какъ именемъ автора, такъ и самимъ героемъ повѣсти, про котораго ходили слухи, что онъ не кто иной, какъ одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ передовыхъ людей сороковыхъ годовъ, опередившій свое поколѣніе и прославившій на всю Европу имя русскаго радикала и революціонера. Если Тургеневъ, создавая типъ Рудина, дѣйствительно, имѣлъ въ виду М. А. Бакунина, то портретъ вышелъ непохожимъ. Типичное для Бакунина—радикализмъ мысли, стремительность характера и сила воли—въ Рудинѣ отсутствовали. Во всемъ блескѣ являлась лишь способность разсужденія и поэтическаго словеснаго облеченія мыслей. Отрицать за этими талантами ихъ культурное значеніе въ прошломъ было невозможно, и въ этомъ смыслѣ повѣсть «Рудинъ» была справедливой и краснорѣчивой апологіей тѣхъ старыхъ годовъ, когда прогрессивнымъ и гуманнымъ людямъ всѣ пути живого дѣла были закрыты и открытымъ являлось лишь поприще словеснаго проповѣдничества въ узкомъ или широкомъ кругу слушателей. Рудинъ заслуживалъ

и любви, и уваженія, но молодое поколѣніе 1855—1861 годовъ отнеслось къ нему съ достаточной суровостью, принявъ его исключительно за человѣка слова и забывая, что въ годы, когда онъ жилъ, слово съ дѣломъ совпадало.

Спокойно взвѣшивать историческую заслугу уходящихъ людей у молодежи не было времени; стараться понять ихъ и взять у нихъ то, что могло бы пригодиться для новой жизни — не было охоты; молодежь жила больше надеждами на свои силы, чѣмъ учетомъ уже свершенной работы. Конечно, когда о прошломъ говорилъ такой человѣкъ, какъ Герценъ, то образъ мыслей автора воспоминаній заслонялъ собою тѣхъ лицъ, о которыхъ онъ разсказывалъ, и воспоминанія превращались въ современную публицистику. Но появленіе «Былого и Думъ» было событіемъ исключительнымъ. Однако и эта книга говорила все-таки о прошломъ, и за исключеніемъ самого автора въ ней не было ни одного героя дня.

А появленіе такого героя, хотя бы на страницахъ романа, ожидалось съ нетерпѣніемъ. Въ самой жизни онъ еще не появлялся, но нѣкоторыя его черты обрисовывались уже въ тѣхъ или иныхъ мнѣніяхъ и настроеніяхъ, которыя начинали въ молодыхъ кругахъ пользоваться признаніемъ и симпатіей. Создать цѣльный типъ героя въ новомъ духѣ изъ этихъ разсѣянныхъ въ обществѣ чертъ и намековъ было очень трудно, и неудивительно, что сдѣланныя писателями попытки обобщенія такихъ новыхъ идей и тенденцій также не удовлетворили молодого читателя.

Могъ ли онъ, напр., остаться доволенъ той программой жизни, которую, въ назиданіе русскому помѣстному дворянству обломовскаго типа, проводилъ аккуратный и разсчетливый нѣмецъ Штольцъ? Программа была такая узкая, сухая, непоэтичная, столь далекая отъ идеализма общественнаго, что принять ее и на ней остановиться значило — нарушить сразу первый параграфъ новаго гражданскаго кодекса, который требовалъ отъ личности готовности жертвовать собой ради идеи общей пользы и общаго блага.

Врядъ ли могъ имѣть успѣхъ среди молодежи и тотъ разсчетливый молодой человѣкъ, который прежде чѣмъ начать дѣйствовать на благо ближняго, желалъ накопить побольше матеріальныхъ силъ, желалъ запастись «тысячами душъ», чтобы начать въ скромныхъ предѣлахъ общественную работу. Такой осторожный работникъ былъ, конечно, правъ, не желая съ голыми руками итти навстрѣчу врагу, но житейская тактика, которой онъ придерживался, грозила ему самому большой опасностью:

она могла вытравить изъ его души всякій идеализмъ раньше, чѣмъ онъ получилъ бы возможность приложить его къ дѣлу. Той душевной ясности и чистоты, какая нужна человѣку, чтобы увлечь за собой людей, и той убѣжденности, которая готова итти на страданіе—въ этомъ хитромъ героѣ-дипломатѣ не было; онъ успѣлъ выработать въ себѣ большого эгоиста, и когда онъ получилъ власть дѣлать добро, онъ сдѣлать его не успѣлъ, такъ какъ былъ вытѣсненъ изъ жизни такими же эгоистами, хотя и иного склада. Не такимъ путемъ надо было итти къ цѣли.

Если молодой человѣкъ съ хитро разсчитаннымъ планомъ жизни потерпѣлъ крушеніе, то такой же неуспѣхъ выпалъ на долю и тому идеалисту, который выходилъ на состязаніе съ врагомъ, вооруженный одной лишь безкорыстной честностью. Когда на столичныхъ и всѣхъ провинціальныхъ сценахъ Жадовъ громилъ взяточниковъ и хамовъ, онъ вызывалъ восторженныя рукоплесканія зрителей. Его любили за то, что онъ безъ всякаго прикрытія выступилъ на защиту правды. Но много ли онъ сдѣлалъ для ея торжества? Была минута, когда, уступая чистоличнымъ побужденіямъ, онъ готовъ былъ отступиться отъ этой правды и идти искать «Доходнаго мѣста», обрекая себя и на униженіе, и на отступничество. Эту слабость ему врядъ ли могъ простить зритель, тѣмъ болѣе, что только случай спасъ безусловно честнаго Жадова отъ паденія. Такое искушеніе и такая опасность истинному герою не должны были угрожать.

Но гдѣ и какъ было найти такого «истиннаго» героя въ тѣ годы?

Во внѣшнемъ строѣ жизни за 1855 — 1861 годы ничего не измѣнилось. Для человѣка новаго, который желалъ бы въ чемъ-нибудь проявить свою дѣятельность, согласно съ тѣми новыми убѣжденіями, которыя онъ успѣлъ выработать, подходящаго дѣла найтись пока не могло и героическіе подвиги, хотя бы даже скромные, могли быть совершены лишь въ области мечтаній. Когда Тургеневъ возымѣлъ желаніе вопреки дѣйствительности создать образъ такого героя, который выражалъ бы собой всю сущность и силу вновь народившейся души, жаждущей свободы и дѣла, ему пришлось взять героя изъ среды болгарскаго народа. Отказать Инсарову въ симпатіи молодой читатель, конечно, не могъ; онъ долженъ былъ преклоняться передъ такой любовью къ родинѣ и передъ такой готовностью жертвовать собой ради ея освобожденія отъ внѣшняго гнета и насилія, но для русскаго читателя Инсаровъ оставался все-таки лишь символомъ «освобожденія», «любви къ родинѣ», «борьбы

съ насиліемъ» — символомъ красивымъ, эффектнымъ, но холоднымъ, и отвѣчающимъ на запросы русской жизни лишь въ самомъ общемъ смыслѣ.

Новый дѣятель на нивѣ старой жизни еще не выступалъ, а только готовился къ выступленію. Онъ былъ занятъ оцѣнкой прошлаго, выработкой новаго міросозерцанія въ теоріи, планами будущей своей дѣятельности, программой самообразованія и самовоспитанія.

Въ этой внутренней работѣ надъ самимъ собой онъ могъ оказаться истиннымъ героемъ и во многихъ случаяхъ и былъ таковымъ.

Въ 1855—1861 годы падаетъ, напр., та внутренняя работа надъ самимъ собой, которая преобразила молодого свѣтскаго офицера Льва Толстого въ апостола новой морали. Работа совершалась въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ, и только въ восьмидесятыхъ годахъ ея результаты стали для всѣхъ очевидны, но началась эта работа вмѣстѣ съ первыми годами общественнаго обновленія. Левъ Толстой былъ единственнымъ писателемъ изъ молодыхъ, талантъ котораго сложился и вполнѣ созрѣлъ въ эту раннюю пору новой эры. Съ людьми сороковыхъ годовъ у него никакихъ духовныхъ связей не было. Онъ былъ вполнѣ представителемъ молодого поколѣнія, но съ той молодежью, которая стояла на передовыхъ позиціяхъ, съ прогрессистами и радикалами у него также ничего общаго не было. Уже въ «Севастопольскихъ разсказахъ» (какъ раньше въ повѣсти «Казаки» [1852]), въ повѣсти «Утро помѣщика» и въ разсказахъ о своемъ дѣтствѣ, отрочествѣ и въ особенности «юности», художникъ высказалъ тотъ взглядъ на нравственный долгъ человѣка передъ собой и ближними и набросалъ ту программу жизни, которымъ онъ остался вѣренъ до смерти. Нравственное самоусовершенствованіе было признано первымъ и самымъ главнымъ дѣломъ жизни, которое надлежало совершить въ тиши, не расширяя, а по возможности суживая кругъ своей дѣятельности внѣшней; долгая подготовительная работа надъ собой была признана необходимой для самаго мелкаго дѣла; сила личнаго начала и значеніе личной иниціативы были умалены, почти что сведены на нѣтъ во всѣхъ областяхъ дѣятельности, кромѣ чисто-духовной и внутренней.

Читатель 1855—1861 годовъ сразу почувствовалъ силу таланта писателя, и успѣхъ разсказовъ Толстого былъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Предугадать, какое огромное общественное вліяніе выпадетъ впослѣдствіи на долю этого молодого писателя—

никто не могъ; полюбить его какъ художника могли, конечно, всѣ; увлечься же имъ, какъ выразителемъ самыхъ современныхъ взглядовъ, мало кто могъ, и прежде всего не могли увлечься имъ тѣ молодыя и горячія головы, которыя требовали отъ самихъ себя и отъ ближнихъ скорѣйшаго и рѣшительнаго вмѣшательства въ жизнь и проявленія и торжества во всемъ личной воли... Толстой въ тѣ годы, какъ и позднѣе, остался стоять неразгаданнымъ и одинокимъ на высотѣ, которая рѣдко кого манила и рѣдко кому была доступна.

VII.

Молодежь, знакомясь со всѣми героями, портреты или силуэты которыхъ мелькали на страницахъ самыхъ современныхъ разсказовъ, выносила изъ разговора съ ними впечатлѣніе двойственное. Передъ читателемъ были несомнѣнно люди новые, уже отошедшіе отъ міросозерцанія и настроеній сороковыхъ годовъ, люди—которые задумывались надъ программами какой-то новой жизни, еще совсѣмъ не опредѣлившейся въ своихъ очертаніяхъ.

Признать этихъ людей вполнѣ своими молодой человѣкъ одноко могъ: нѣкоторые изъ нихъ были слишкомъ несложные практики безъ всякой идейной подкладки, другіе,—беззащитные идеалисты безъ всякаго практическаго соображенія; иные были — эгоисты, которые, утѣшая себя надеждою когда-нибудь впослѣдствіи поработать на ближняго, заботились прежде всего объ огражденіи своихъ собственныхъ интересовъ и о накопленіи силъ для борьбы за личное благосостояніе; иные мечтали о какомъ-нибудь героическомъ подвигѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, подвигѣ, которому въ предѣлахъ Россіи не было мѣста; наконецъ, иные такъ углубились въ интимную работу надъ самимъ собой, такъ занялись нравственнымъ самоперевоспитаніемъ, что человѣкъ, наблюдавшій за ними со стороны, не могъ разгадать, каковъ будетъ итогъ этой въ тиши творящейся работы.

Молодому читателю хотѣлось встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь, кто бы его вполнѣ понялъ, кто бы ясно подтвердилъ ему то, что составляло сущность его вѣрованій, его надеждъ, его желаній. Онъ хотѣлъ, чтобы на его глазахъ какой-нибудь представитель молодого поколѣнія сталъ бы открыто на сторону тѣхъ новыхъ философскихъ, моральныхъ, эстетическихъ теорій, тѣхъ общественныхъ взглядовъ и программъ, которые бродили въ его умѣ и такъ его волновали. Надежды встрѣтить такого, вполнѣ современнаго человѣка героемъ какой-нибудь повѣсти—были, повидимому,

тщетны. Но читатель не хотѣлъ ждать; онъ во всемъ привыкъ торопиться.

Писатель, съ своей стороны, также выжидать не хотѣлъ: слишкомъ заманчива была задача — нарисовать портретъ наиболѣе популярнаго человѣка, который порвалъ всякую связь съ прошлымъ, враждовалъ съ настоящимъ и былъ вполнѣ увѣренъ, что ему принадлежитъ будущее.

Два писателя, одинъ совсѣмъ неопытный, а другой уже во всей силѣ творчества, не устояли передъ соблазномъ — отчасти на основаніи достаточно скудныхъ наблюденій, отчасти по догадкѣ и при помощи логическихъ построеній—возсоздать образъ самаго современнаго молодого человѣка, съ возможно широкимъ умственнымъ кругозоромъ и требовательной совѣстью.

Молотовъ и Базаровъ стали на нѣкоторое время героями дня.

Несторъ Котляревскій.

АВАНПОСТЪ.

(Сонетъ).

На берегу морскомъ, гдѣ вѣтеръ вредоносный
Сливаетъ съ гуломъ водъ свой грозный свистъ и вой,
Сомкнувшись тѣсно въ рядъ, дружиной боевой,
Какъ авангардъ лѣсовъ, стоятъ гиганты-сосны.

Искривлены сволы ихъ службой вѣковой,
Но корни глубоко вросли въ песокъ наносный;
Едва касаясь ихъ, проходятъ мимо вёсны,
И птицы гнѣздъ не вьютъ въ густой щетинѣ хвой.

За соснами въ лѣсу тепло, щебещутъ птицы,
Шиповника цвѣты и мётлы медуницы
Съ душистою смолой мѣшаютъ ароматъ.

А здѣсь, на берегу, идетъ борьба крутая,—
Здѣсь вѣтеръ-сѣверякъ, на сосны налетая,
Ломаетъ вѣтви ихъ... Но сосны все стоятъ.

Леонидъ Долининъ.

А. И. ГЕРЦЕНЪ, КАКЪ НАТУРАЛИСТЪ [1]).

Естествознаніе вообще и біологія въ частности сдѣлали за послѣднія три четверти вѣка такіе колоссальные успѣхи, что если рѣчь заходитъ объ авторѣ, писавшемъ по тому или другому вопросу этой науки семьдесятъ лѣтъ назадъ, то читатели ожидаютъ свѣдѣній интересныхъ, если не исключительно, то, главнымъ образомъ, въ отношеніи историческомъ; если же авторъ, о которомъ будетъ итти рѣчь, не сдѣлалъ ни одного такъ называемаго вклада къ науку и писалъ по вопросамъ естествознанія на зарѣ своей общественной дѣятельности, которой посвятилъ всю свою дальнѣйшую жизнь, то интересъ слушателя съ уровня историческаго понижается уже до уровня не характерныхъ для писателя біографическаго подробностей.

Но... таково уже свойство очень большого ума, именно ума, а не таланта,—который, рядомъ съ удивительными актами художественнаго творчества, можетъ являть міру столь же удивительную смѣлость мысли, что, за какую бы задачу умъ этотъ ни взялся, онъ всегда оставитъ въ ней печать своего къ ней прикосновенія и тѣмъ дальше проникаетъ въ глубь временъ, чѣмъ крупнѣе была задача.

Герценъ занимался естествознаніемъ только теоретически; онъ много читалъ, умѣлъ выбирать книги, скоро оріентировался въ прочитанномъ и обладалъ удивительною способностью понимать «корень вещей», становиться хозяиномъ положенія и давать читателю лично пережитое, хорошо продуманное и потому оригинальное. Огромный умъ, строгая логика, воспитанные на точномъ методѣ естествознанія, которымъ онъ занимался въ тотъ періодъ жизни, когда закладываются ассоціаціонные пути головного мозга и слагаются основы міровоззрѣнія, трудно, а иногда и вовсе не поддающіяся измѣненію впослѣдствіи—все это привело

[1]) Рѣчь, сказанная въ засѣданіи литературнообщественнаго кружка имени А. И. Герцена 25 марта 1914 г.

къ тому, что написанныя имъ страницы имѣютъ очень большое значеніе. Не только надлежащей, но и вовсе никакой оцѣнки онѣ не получили только потому, что идеи автора были слишкомъ передовыми даже для западно-европейскихъ ученыхъ и совершенно не доступными тамъ, гдѣ онѣ были изложены: въ Россіи 40-хъ годовъ [1]).

Чтобы обосновать справедливость этой общей оцѣнки Герценовскихъ писемъ объ изученіи природы, мнѣ необходимо набросить передъ вами хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ картину того, что представляли собою тѣ пути, которыми ученые спеціалисты и мыслители старались проникнуть въ тайны природы.

Этихъ путей собственно было два: путь философской идеологіи, какъ называлъ его Герценъ, и путь односторонней эмпиріи. Отношеніе ихъ другъ къ другу было не только отрицательное, но глубоко враждебное:

Философы-метафизики, съ Шеллингомъ во главѣ, чувствовали себя на вершинѣ положенія; къ нимъ были устремлены всѣ взоры, на нихъ направлено вниманіе всей мыслящей части общества. И это совершенно понятно: подавленная, запуганная, я сказалъ бы истерзанная гнетомъ средневѣковья мысль, выбившись на свѣтъ изъ мрачныхъ подземелій, гдѣ была заключена цѣлыми вѣками, вдругъ почувствовала себя свободной на безграничномъ просторѣ. Все казалось доступнымъ ея ничѣмъ не сдерживаемому полету. Прочь отъ земли, отъ ея путъ, отъ всего, что хоть чѣмъ-нибудь можетъ напоминать тяжелое прошлое и стѣснять интуитивное творчество.

А факты? Развѣ можетъ быть сколько-нибудь прочнымъ знаніе, не обоснованное ими? Развѣ можно искать истину внѣ реальныхъ явленій?

Не только можно, отвѣчаетъ Шеллингъ, но должно: изученіе фактовъ *не нужно*; если мысль философа и спускается иногда со своихъ высотъ до уровня фактовъ, то развѣ для того лишь, чтобы иллюстрировать тѣ заключенія и выводы, къ которымъ привело чистое мышленіе, независимо отъ фактовъ.

Устанавливалось это заключеніе такими соображеніями.

---

[1]) Я буду имѣть въ виду лишь тѣ изъ нихъ, которыя входятъ въ область наукъ біологическихъ, вовсе не касаясь того, что было высказано Герценомъ въ другихъ областяхъ естественноисторическаго знанія, какъ ни интересно это само по себѣ. На біологическихъ наукахъ я остановился потому, что здѣсь, въ боевыхъ вопросахъ того времени, мысли Герцена выступаютъ особенно ярко, а его пониманіе задачъ изученія природы представляетъ и теперь интересъ злободневности.

Весь міръ дѣлится на двѣ части: «я» и «не я» — т.-е. все остальное. И такъ какъ это остальное для каждаго «я», для каждаго изъ насъ существуетъ лишь постольку, поскольку мы о немъ мыслимъ, то ясно, что «мыслить о природѣ значитъ творить природу». Нашъ мозгъ самъ по себѣ есть отраженный и застывшій космосъ; изучая его, мы тѣмъ самымъ изучаемъ и природу. Вотъ почему умъ путемъ одной интуиціи, безъ всякой помощи фактовъ, можетъ постигать истину и открывать сокровеннѣйшіе законы природы.

Увлеченіе этими идеями и, главное, заманчивой красотой сознанія всемогущества мысли, было такъ велико, что даже научныя открытія, добытыя путемъ изученія фактовъ, облекались въ форму интуитивныхъ открытій. Ученые какъ будто стыдились — не фактовъ, разумѣется, а того, что ихъ мысль оказалась недостаточно сильною и нашла себя вынужденной «держаться земли».

Такъ знаменитый Оуэнъ, впервые, одновременно съ Гёте, высказавшій геніальную мысль, что черепъ представляетъ собою не болѣе какъ совокупность нѣкотораго числа видоизмѣненныхъ позвонковъ, разсказывалъ объ этомъ открытіи приблизительно такимъ образомъ: «я шелъ дорожкою въ горахъ Гарца; подъ ноги мнѣ попался черепъ козла; я взялъ его въ руки и въ мозгу моемъ внезапно, какъ молнія, явилась мысль — черепъ есть видоизмѣненная часть позвоночника». Оуэнъ вѣроятно искренно забылъ въ эту минуту, что тысячамъ людей попадались на дорогахъ и дорожкахъ черепа млекопитающихъ животныхъ, а мысль о томъ, что черепъ есть видоизмѣненный позвоночникъ, «какъ молнія» явилась только ему да Гёте — людямъ, усердно занимавшимся сравнительной анатоміей. Впрочемъ, студентамъ на лекціяхъ знаменитый ученый, сообщая о своемъ открытіи, неизмѣнно совѣтовалъ заниматься изученіемъ анатоміи.

Таковъ былъ путь изученія природы философами метафизической школы, поскольку природа ихъ интересовала. Въ философіи этой все было юно, плѣнительно и полно вѣры въ несокрушимую мощь духа. Системы создавались безъ конца, одна другой красивѣе, возвышеннѣе; и въ этомъ разнообразіи видѣли особое достоинство, ибо каждый, какъ говорилъ Фихте, могъ найти философію по своему вкусу, каждый могъ создавать свою систему и міра, и человѣческихъ судебъ; каждый, сидя за своимъ письменнымъ столомъ, могъ воспарить мыслью на недосягаемыя высоты и глядѣть оттуда на копошащихся внизу жалкихъ труженниковъ, собирающихъ факты, описывающихъ ихъ и дѣлаю-

щихъ изъ нихъ какіе-то крохотные, никого, кромѣ нихъ, самихъ, не интересующія заключенія и выводы. Они, живущіе въ области свободной мысли—творцы, а тѣ, которые тамъ гдѣ-то внизу возятся съ разыскиваніемъ и собираніемъ фактовъ—бѣдные чернорабочіе.

Чернорабочими этими были натуралисты-эмпирики, которые въ свою очередь относились къ идеологамъ-философамъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ, въ виду безплодности ихъ дѣла.

Красивы сказочные замки, да эфемерны—отвѣчали чернорабочіе шеллингіанцамъ! Что проку изъ того, что путемъ свободной интуиціи и смѣлымъ полетомъ мысли будетъ построена грандіознѣйшая система, глубокая по замыслу, блестящая по краскамъ и архитектурѣ, когда одинъ маленькій, крохотный фактъ можетъ ее разрушить и превратить въ праздную мечту! Сколько ихъ было, этихъ системъ, съ тѣхъ поръ, какъ ихъ началъ создавать человѣкъ! Гдѣ онѣ теперь? Отъ нихъ не осталось и слѣда! А факты, точно установленные, вѣчны; они переживаютъ системы, какъ гранитныя скалы выдерживаютъ прибой морскихъ волнъ. Не занимайтесь же построеніемъ гипотезъ: это безплодное занятіе, тормозящее, а не содѣйствующее успѣхамъ знанія; онѣ заводятъ человѣка въ трясину. Собирайте факты, называйте и классифицируйте ихъ; все остальное придетъ само собою. Такъ говорилъ великій Кювье, когда увидалъ, какой опасностью угрожаетъ наукѣ тенденція вершать ея задачи путемъ интуиціи. Онъ былъ напуганъ шеллингіанствомъ до такой степени, что не хотѣлъ слышать о немъ, не хотѣлъ признавать никакого значенія ни за какими теоріями. Такъ, вслѣдъ за нимъ, думали серьезнѣйшіе ученые того (да и нашего) времени и сообразно съ этимъ вели трудное дѣло научныхъ изслѣдованій.

Съ внѣшней стороны, со стороны рядовыхъ работниковъ, изслѣдованія того времени по существу были тѣми, что и теперь. Тогда, какъ и теперь, описывались новыя формы растеній и животныхъ, изучались ихъ анатомія и физіологія, исторія развитія организмовъ, писались монографіи, собирались и описывались минеральныя богатства, производились палеонтологическія и геологическія изысканія и дѣлались цѣнные вклады въ науку. Конечно, лабораторныя работы въ наши дни стали несравненно болѣе сложными и совершенными, изслѣдованія производятся теперь новыми, болѣе точными пріемами, матеріалъ науки сталъ подавляюще огромнымъ, несмотря на улучшенную его систематизацію, научные выводы получили воз-

можность болѣе точной обоснованности, познанія ученыхъ о существѣ жизненныхъ процессовъ подвинулись далеко впередъ и сдѣлали огромный шагъ въ приближеніи къ истинѣ; но тогда, какъ и теперь, за шеренгами этихъ рядовыхъ работниковъ стоялъ небольшой кругъ ученыхъ, который интересовался не однимъ изученіемъ и накопленіемъ фактовъ, а также общими законами, дающими смыслъ фактамъ и вносящими единство въ ихъ разнообразіе; тогда, какъ и теперь, отношеніе къ исключительно одареннымъ людямъ, которымъ принадлежитъ иниціатива въ области общихъ руководящихъ идей науки, было неизмѣнно отрицательнымъ, судя по тому, что Іоллесъ наканунѣ XX-го вѣка былъ признанъ сумасшедшимъ за идеи о высшемъ разумѣ, которыя теперь во Франціи начинаютъ признаваться геніальными, какъ наканунѣ XIX-го былъ признанъ сумасшедшимъ Ламаркъ за идею о безграничномъ трансмормизмѣ, а еще раньше Бюффонъ—за идею о единствѣ плана творенія и о нѣкоторой измѣняемости видовъ. Словомъ, по существу все было тѣмъ же, но тѣмъ же было и то, что дѣлаетъ науку лучшимъ удѣломъ въ земной юдоли, ибо въ ней одной истина неизмѣнно вступаетъ въ борьбу за существованіе и неизмѣнно остается побѣдительницей.

Случилось такъ и съ идеями Бюффона, горсточка послѣдователей котораго заняла, хотя и очень поздно для автора, господствующее положеніе; случилось такъ и съ идеями Ламарка, которыя въ первой половинѣ XIX-го вѣка считались праздными бреднями, какъ со стороны философовъ-метафизиковъ, ибо свою философію Ламаркъ строилъ на фактахъ, а не путемъ интуиціи, такъ и со стороны натуралистовъ-эмпириковъ, которые не допускали въ наукѣ широкихъ философскихъ обобщеній.

Столкновеніе между горсточкой отщепенцевъ, осмѣливавшихся стать въ оппозицію къ обоимъ господствующимъ лагерямъ—идеологовъ и эмпириковъ—было неизбѣжнымъ. Оно и произошло въ памятный для исторіи наукъ 1830-ый годъ.

Прежде, однако, чѣмъ говорить о немъ и о томъ, какое положеніе въ этомъ столкновеніи занялъ Герценъ, скажу нѣсколько словъ о естествознаніи въ Россіи въ тотъ періодъ времени, когда появились «Письма объ изученіи природы». Оно въ переживало первой половинѣ XIX-го вѣка эпоху нѣмецкаго плѣненія, и въ этомъ смыслѣ представляло собою зрѣлище нигдѣ въ другихъ странахъ не виданное. Знаменитые «*русскіе*» натуралисты—академики и профессора Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ, Бэръ, Эверсманъ, Ф. Брандтъ, Кесслеръ, Миддендорфъ, Ауэрбахъ—ни одной

строчки изъ своихъ серьезныхъ изслѣдованій по-русски не написали; все печаталось на нѣмецкомъ языкѣ, главнымъ образомъ въ мемуарахъ нашей Академіи наукъ, которыхъ въ Россіи никто, кромѣ очень тѣснаго круга спеціалистовъ, не читалъ. Бо́льшая часть работъ названныхъ ученыхъ представляетъ собою превосходныя изслѣдованія, но, къ сожалѣнію, русскаго въ нихъ только то, что онѣ печатались на русскія деньги и касались предметовъ, находящихся въ Россіи.

Само собою разумѣется, что изученіе этихъ предметовъ совершалось по образцамъ и планамъ нѣмецкой науки, въ которой царило Линнеевское направленіе, считавшее своею задачей описываніе, наименованіе и классифицированіе. Описывались, поэтому, животныя, растенія и минералы Россіи; описывалмсь ископаемыя формы Россіи; устанавливались новые виды, новые роды, описывалась фауна и флора по губерніямъ, по уѣздамъ; усердно разрабатывались вопросы по анатоміи и физіологіи; писались монографіи объ отдѣльныхъ животныхъ, и пр. и пр. Но русскаго въ этой наукѣ не было ничего, ибо нельзя же считать изслѣдованія названныхъ ученыхъ русскими потому, что они производились въ Россіи надъ русскою фауной и флорой. Наука, какъ золото, интернаціональна, и если въ ней можно говорить о національности, то разумѣется, только въ смыслѣ особенностей національнаго генія и значенія научныхъ изслѣдованій для населенія данной стороны, а никакъ не въ смыслѣ политическихъ границъ, отдѣляющихъ одно государство отъ другого.

Вотъ этого-то національнаго генія въ русской наукѣ первой половины XIX столѣтія почти не чувствовалось; русскому обществу отъ нея было ни тепло, ни холодно: оно не знало этихъ изслѣдованій и не интересовалось ими [1]).

Если къ этому нѣмецкому плѣненію науки присоединить тяжелыя послѣдствія отечественной войны и той политики министерства народнаго просвѣщенія, которая, возникнувъ въ 1817 г., привела къ полному разгрому университетовъ, то не трудно себѣ представить, что представляло собою русское естествознаніе того времени. Достаточно сказать, что въ 1827 г. императоръ Николай I, за отсутствіемъ русскихъ ученыхъ, утвердилъ особыя мѣры для снабженія университетовъ «русскими преподавате-

[1]) Были среди нѣмецкихъ профессоровъ и русскіе ученые; имена Ломоносова, Палласа, Гмелина, Лепехина и немногихъ другихъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что наука закладывалась у насъ не однѣми нѣмецкими руками; но эти русскія имена, какъ они ни велики, были связаны съ нѣмецкой наукой и не мѣняютъ общаго характера дѣла.

лями». Рѣшено было избрать человѣкъ 20 способнѣйшихъ студентовъ и послать ихъ учиться сначала въ Дерптъ, потомъ въ Берлинъ и Парижъ, *съ непремѣннымъ условіемъ*, чтобы отправляемые были русскими. Въ составъ перваго транспорта молодыхъ людей изъ СПБ. университета попали одинъ студентъ III-го курса и пять изъ I-го курса; всѣ они на предварительномъ испытаніи были найдены «весьма надежными». По возвращеніи изъ-за границы эти молодые ученые, разумѣется, явились насадителями господствующей школы—школы Кювье [1]). Въ провинціальныхъ университетахъ дѣло обстояло еще скромнѣе: тамъ профессора ботаники занимались медицинской практикой, профессора зоологіи главнымъ образомъ собирали коллекціи насѣкомыхъ.

Что касается до читающей публики, то на ея долю приходились либо переводныя (съ нѣмецкаго) сочиненія, либо ничтожное число оригинальныхъ русскихъ, въ которыхъ значеніе и задачи естествознанія выяснялись съ наивностью, поразительной и для того времени. Такъ напр., въ книгѣ Двигубскаго: «Изображенія и описанія животныхъ Россійской имперіи» [2]) взглядъ на естественную исторію опредѣляется такимъ образомъ: «Наука сія, какъ одна изъ пріятнѣйшихъ и полезнѣйшихъ, заслуживаетъ все вниманіе людей здравомыслящихъ. Многочисленность предметовъ, къ Естественной Исторіи принадлежащихъ, сдѣлала бы ее темною и запутанною. Почему надобна была нить для показанія пути по сему неизмѣримому лабиринду; для чего изобрѣтены системы и методы. Сіи раздѣленія, соединяя въ одно мѣсто тѣла, имѣющія постоянныя между собою отношенія, способствуютъ для удобнѣйшаго ихъ распознаванія». А въ качествѣ аргумента, устраняющаго всякія на этотъ счетъ сомнѣнія, Двигубскій къ сказанному прибавилъ: «Правительство благоустроеннаго государства, для вѣрнѣйшаго свѣдѣнія о подвластныхъ ему народахъ, раздѣляетъ свои владѣнія на губерніи, округи, уѣзды, селенія; города на части, кварталы, улицы и проч. То же самое дѣлается и въ Естественной Исторіи. Всѣ естественныя тѣла раздѣляются сперва на большія отдѣ-

[1]) Одинъ изъ студентовъ СПБ. университета, командированный за границу—С. С. Куторга,—вернувшись въ Петербургъ, читалъ въ университетѣ общую зоологію и систематику животнаго царства *по Кювье* (съ 1833 г.), затѣмъ орнитологію по Кювье же, *по Карусу*—сравнительную анатомію и палеонтологію животнаго царства, а въ 1836—1848 г. — зоотомію, по разнымъ другимъ, точно для каждаго года обозначаемымъ иностраннымъ руководствамъ.

[2]) Авторъ составилъ ее частью по сочиненіямъ Импер. Спб. Академіи Наукъ и другимъ столь же компетентнымъ источникамъ, частью же по личнымъ наблюденіямъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, въ которыхъ побывалъ „по порученію университетскаго начальства“.

ленія, которыя потомъ подраздѣляются на другія меньшія, заключающія въ себѣ еще дальнѣйшія подраздѣленія. Въ Естественной Исторіи разныя сіи отдѣленія называются классами, порядками, родами, семействами, породами или видами и выродками. Переходя отъ одного отдѣленія къ другому, находятъ искомое тѣло». Другими словами, задача естествознанія для Двигубскаго, какъ и для подавляющаго большинства натуралистовъ того времени, заключалась въ томъ, чтобы описывать, называть и классифицировать предметы, а интересъ къ наученію—въ томъ, чтобы разбираться среди предметовъ, изъ которыхъ многіе могутъ быть весьма полезными, вслѣдствіе чего занятіе ими должно быть весьма пріятнымъ.

Понятно, что интеллигентные общественные круги естествознаніемъ не интересовались; они читали главнымъ образомъ бедлетристику и философію. Въ кружкѣ, къ которому принадлежалъ Герценъ, спорили о знаменитомъ афоризмѣ Гегеля: «что дѣйствительно, то и разумно», говорили о философіи Фихте и Шеллинга и вовсе не интересовались точными науками. Такова общая картина естественно-историческихъ знаній 30—40-хъ годовъ въ Россіи и Западной Европѣ.

Я сказалъ уже, что за этимъ общимъ фономъ картины стоялъ небольшой кругъ избранниковъ, занимавшійся разработкой давно уже намѣчавшихся единичными выступленіями наиболѣе даровитыхъ—я сказалъ бы, геніальныхъ натуралистовъ-мыслителей—новыхъ путей изслѣдованія.

Въ то время, какъ идеологическая философія однихъ влекла къ себѣ ученіемъ о свободѣ мысли отъ всякихъ узъ, откуда бы онѣ ни исходили и какъ бы ни назывались; въ то время, какъ эмпиризмъ другихъ привлекалъ къ себѣ справедливымъ указаніемъ на роковыя заблужденія, къ которымъ человѣчество приводилось идеологіей, — небольшой кругъ избранниковъ, о которомъ я уже упомянулъ, относился одинаково критически къ обоимъ господствующимъ путямъ познанія. Они сходились съ эмпириками въ томъ, что собирать и изучать факты необходимо, но расходились съ ними, находя, что задача науки не должна ограничиваться однимъ этимъ. Собравъ факты и достаточно изучивъ ихъ, необходимо размышлять о нихъ, стараясь извлечь изъ нихъ такія заключенія, которыя выяснили бы ихъ смыслъ и приводили бы къ познанію законовъ природы.

Съ другой стороны, они сходились съ философами въ необходимости обобщеній, въ признаніи права мыслить о явленіяхъ природы, чтобы понимать ихъ, но рѣшительно не согла-

шались съ тѣмъ, что природу можно познавать, не изучая фактовъ.

Эти немногіе очутились, такимъ образомъ, въ оппозиціи съ обоими господствующими теченіями, вслѣдствіе чего представители послѣднихъ, не находя примиренія другъ съ другомъ, отнеслись къ новому теченію, какъ къ общему врагу. Открытое столкновеніе этого теченія съ эмпириками случилось, какъ я сказалъ уже, въ 1830 г., въ стѣнахъ Французской Академіи. Въ этотъ приснопамятный для исторіи біологическихъ наукъ годъ произошелъ диспутъ между великими Кювье и Этьеномъ Жофруа Сентъ-Илеромъ. Сентъ-Илеръ выступилъ защитникомъ нѣкоторыхъ идей Ламарка, а въ сущности—борцомъ за право мысли въ точныхъ наукахъ; Кювье явился открытымъ противникомъ идей Ламарка, а въ сущности—противникомъ всякихъ теоретическихъ построеній; научными изслѣдованіями онъ признавалъ лишь описаніе, наименованіе и классифицированіе добытыхъ изслѣдователемъ фактовъ. Сентъ-Илеръ въ этомъ единоборствѣ былъ разбитъ на голову и... все пошло такъ, какъ подавляющее большинство этого ожидало.

Нашлись, однако, люди, которые не только поняли, что борьба не кончена, а вступила въ новый фазисъ: они нашли, что побѣда заключаетъ въ себѣ признаки пораженія. Правда, такихъ людей число было очень и очень невелико, можно сказать ничтожно, но за ними была истина. Въ числѣ этихъ немногихъ былъ великій Гёте, былъ и нашъ молодой Герценъ.

Гёте, уже задолго до столкновенія предвидѣвшій его необходимость, далъ совершенно правильную оцѣнку борющимся сторонамъ и значенію самой борьбы. Онъ понималъ, что рѣчь идетъ не о той или иной гипотезѣ только, а о правѣ человѣка *мыслить* надъ явленіями природы и о тенденціи отрицать это право; онъ понималъ, что борьба, открытая Кювье противъ научныхъ теорій, есть только послѣдній, вынужденный ударъ по своимъ для того только, чтобы отмежевать науку отъ метафизики, знаніе отъ умозрѣнія, и что во имя побѣды Кювье отказался не только отъ философскихъ построеній, но даже отъ простыхъ выводовъ изъ фактовъ.

Гёте цѣнилъ факты не меньше цеховыхъ ученыхъ и самъ сдѣлалъ цѣлый рядъ важнѣйшихъ открытій въ этомъ направленіи; но онъ цѣнилъ и философскую мысль въ естествознаніи и создалъ нѣсколько теорій, научная цѣнность которыхъ была понята цеховыми учеными лишь десятки лѣтъ послѣ того, какъ онѣ были печатно изложены великимъ поэтомъ-натуралистомъ.

То, что видѣлъ и понималъ Гёте, видѣли и понимали очень и очень немногіе изъ европейскихъ ученыхъ. Тѣмъ удивительнѣе, тѣмъ невѣроятнѣе, что въ числѣ этихъ немногихъ оказался жившйй въ это время въ какой-то Соколовкѣ молодой Герценъ! Онъ не только понялъ катастрофическій смыслъ совершившихся въ области научной мысли событій, онъ не только правильно оцѣнилъ пораженіе Ж. С.-Илера, но и объяснилъ причину этого пораженія, указалъ на истинное значеніе новыхъ путей изученія біологическихъ наукъ,—путей, на почвѣ которыхъ возникла борьба крупнѣйшихъ представителей науки.

Но пусть Герценъ самъ отвѣтитъ на вопросы, выдвинутые событіями и временемъ.

По адресу эмпириковъ-естествоиспытателей онъ писалъ, между прочимъ, слѣдующія строки:

«Они подъ мышленіемъ разумѣютъ способность разлагать данное явленіе и потомъ сличать, наводить, располагать въ порядкѣ найденное и данное для нихъ; критеріумъ истины—вовсе не разумъ, а одна чувственная достовѣрность, въ которую они вѣрятъ; имъ мышленіе представляется дѣйствіемъ чисто личнымъ, совершенно внѣшнимъ предмету. Имъ бы хотѣлось относиться къ своему предмету совершенно эмпирически, страдательно, наблюдая его; само собою разумѣется, что для мыслящаго существа это такъ же невозможно, какъ организму принимать пищу, не претворяя ея».

А по адресу философской идеологіи шеллинговскихъ школъ Герценъ писалъ:

«Идеалисты безпрерывно ругали эмпириковъ, топтали ихъ ученіе своими безтѣлесными ногами — и не подвинули вопроса ни на одинъ шагъ впередъ. Идеализмъ — собственно для естествовѣдѣнія ничего не сдѣлалъ. Идеализмъ всегда имѣлъ въ себѣ нѣчто невыносимо-дерзкое: человѣкъ, увѣрившійся въ томъ, что природа вздоръ, что все временное не заслуживаетъ его вниманія, дѣлается гордъ, безпощаденъ въ своей односторонности и совершенно недоступенъ истинѣ. Идеализмъ высокомѣрно думалъ, что ему стоитъ сказать какую-нибудь презрительную фразу объ эмпиріи—и она разсѣется, какъ прахъ; вышнія натуры метафизиковъ ошиблись: они не поняли, что въ основѣ эмпиріи положено широкое начало, которое трудно пошатнуть идеализму».

Рядомъ съ отрицательными сторонами эмпиризма естествоиспытателей и идеализма философовъ, Герценъ отмѣчаетъ и положительныя стороны этихъ направленій. Эмпирики,

говоритъ онъ, «поняли, что существованіе предмета не шутка; что взаимодѣйствіе чувствъ и предмета не есть обманъ; что предметы, насъ окружающіе, не могутъ не быть истинными, потому уже, что они существуютъ; они обернулись съ довѣріемъ къ тому, что есть, вмѣсто отыскиванія того, что должно быть, но чего, странная вещь, нигдѣ нѣтъ! Они приняли міръ чувства съ дѣтской простотою и звали людей сойти съ туманныхъ облаковъ, гдѣ метафизики возились съ схоластическими бреднями; они звали ихъ въ настоящее и дѣйствительное; они вспомнили, что у человѣка есть пять чувствъ, на которыхъ основано начальное отношеніе его къ природѣ, и выразили своимъ воззрѣніемъ первые моменты чувственнаго созерцанія—необходимаго, единственно-истиннаго предшественника мысли. Безъ эмпиріи нѣтъ науки». За философскою мыслью Герценъ признавалъ не меньшую важность, чѣмъ за эмпиризмомъ.

Указавъ, такимъ образомъ, на отрицательныя и положительныя стороны господствующихъ теченій мысли, онъ во имя послѣднихъ требуетъ примиренія враждующихъ сторонъ. Опытъ и умозрѣніе, говоритъ онъ, — «двѣ необходимыя, истинныя, дѣйствительныя степени одного и того же знанія; спекуляція—больше ничего, какъ высшая, развитая эмпирія; взятыя въ противоположности, исключительно и отвлеченно, онѣ такъ же не приведутъ къ дѣлу, какъ анализъ безъ синтеза, или синтезъ безъ анализа. Правильно развиваясь, эмпирія непремѣнно должна перейти въ спекуляцію, и только то умозрѣніе не будетъ пустымъ идеализмомъ, которое основано на опытѣ. Опытъ есть хронологически-первое въ дѣлѣ знанія, но онъ имѣетъ свои предѣлы, далѣе которыхъ онъ или сбивается съ дороги, или переходитъ въ умозрѣніе. Это два магдебургскія полушарія, которыя ищутъ другъ друга и которыхъ, послѣ встрѣчи, лошадьми не разорвешь».

Герценъ, такимъ образомъ, не только понялъ значеніе столкновенія между Кювье и Сентъ-Илеромъ, не только правильно оцѣнилъ его смыслъ, но указалъ и выходъ изъ положенія путемъ соглашенія борющихся сторонъ—соглашенія, необходимаго въ интересахъ науки, одинаково нуждающейся какъ въ философскомъ мышленіи, такъ и въ добытыхъ путемъ эмпиріи фактахъ.

Онъ писалъ: «Философія есть единство частныхъ наукъ; онѣ втекаютъ въ нее, онѣ ея питаніе; новому времени принадлежитъ воззрѣніе, считающее философію отдѣльною отъ наукъ; это послѣднее убійственное произведеніе дуализма; это одинъ

изъ самыхъ глубокихъ разрѣзовъ его скальпеля. Въ древнемъ мірѣ беззаконной борьбы между философіей и частными науками вовсе не было; она вышла рука объ руку изъ зоніи и достигла своей апоѳеозы въ Аристотелѣ».

Оставляя въ сторонѣ соображенія Герцена о дуализмѣ, который въ наши дни понимается и оцѣнивается иначе, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ, я не могу не признать идеи о томъ, что философія должна представлять собою единство частныхъ наукъ, вполнѣ справедливою, а для того времени, когда она была высказана Герценомъ, удивительною. Ог. Контъ и особенно Спенсеръ осуществили эту идею, составляющую достояніе людей, занимающихъ вершины современнаго научнаго знанія.

Герценъ не только высказалъ эту идею, но, руководясь ею, указалъ и на причину пораженія Сентъ-Иллера. «Жоффруа Сентъ-Илеръ», — говоритъ Герценъ, «геніальный человѣкъ, безъ всякаго сомнѣнія, чувствовалъ яснѣе другихъ потребность опереть естествовѣдѣніе на болѣе твердыхъ основаніяхъ; онъ добирался до построяющей идеи, до всеобщаго типа, до единства въ многоразличіи естественныхъ произведеній, и проч. Но, замѣтьте, онъ все это хотѣлъ сдѣлать помимо *родового мышленія человѣчества*; онъ воображалъ, что онъ самъ лично выдумаетъ все это, требовалъ привилегіи на открытіе. Подобно ему, каждый мыслящій естествоиспытатель придумываетъ отъ себя начало, беретъ въ основу нѣсколько мыслей, ему особенно нравящихся, проводитъ ихъ черезъ всю книгу—и теорія готова. Совершенная отрѣзанность естествовѣдѣнія и философіи часто заставляетъ цѣлые годы трудиться для того, чтобъ приблизительно открыть законъ, давно извѣстный въ другой сферѣ, разрѣшить сомнѣніе, давно разрѣшенное: трудъ и усиліе тратятся для того, чтобъ во второй разъ открыть Америку, для того, чтобъ проложить тропинку—тамъ, гдѣ есть желѣзная дорога. Вотъ плодъ раздробленія наукъ, этого феодализма, окапывающаго каждую полоску земли валомъ и чеканящаго свою монету за нимъ».

Какая простая и съ тѣмъ вмѣстѣ геніальная мысль! Но гдѣ же было взять Сентъ-Илеру эти идеи родового порядка, когда связь и зависимость наукъ другъ отъ друга, возможность наведенія отъ одной къ другой, для самыхъ выдающихся ученыхъ остаются еще идеями, лежащими за тридевять земель въ тридесятомъ государствѣ? Господствующій порядокъ вещей создалъ удивительное положеніе цеховыхъ міропониманій: въ на-

ешмъ департаментѣ этого не знаютъ—нечего, стало быть, объ этомъ и толковать; или въ нашемъ департаментѣ вопросъ этотъ уже получилъ свое рѣшеніе, нечего, стало быть, интересоваться тѣмъ, какъ онъ рѣшается въ другомъ департаментѣ. Что онъ, порядокъ этотъ, былъ такимъ, когда его отмѣтилъ и по достоинству оцѣнилъ Герценъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: тогда понимать идеи этой категоріи были призваны немногія счастливо-одаренныя геніальныя натуры. А что порядокъ сохранился до сихъ поръ—вотъ это пожалуй удивительно, принимая во вниманіе, что его односторонность, его огромный вредъ, я сказалъ бы—обусловливаемое имъ стихійное бѣдствіе давно уже получили надлежащее разъясненіе. А между тѣмъ, то, что Герценъ писалъ по этому предмету многіе десятки лѣтъ тому назадъ, звучитъ въ наши дни всею силою современной злободневности. «Вы вѣроятно помните—говоритъ онъ,—съ какою поспѣшностью естествоиспытатели предупреждаютъ о предѣлахъ своего воззрѣнія, какъ бы страшась услышать вопросы, на которые они отвѣчать не могутъ; но такого рода границы несостоятельны; поставленныя личной волей, онѣ столько же внѣшни предмету, сколько заборъ, поставленный правомъ собственности, чуждъ полю, на которомъ стоитъ. Цеховые натуралисты громко и смѣло говорятъ, что имъ дѣла нѣтъ до самыхъ естественныхъ и законныхъ требованій разума, что человѣкъ не долженъ заниматься тѣмъ, чего нельзя разрѣшить. Большей частью смѣлость эта подозрительна: она проистекаетъ или отъ ограниченности, или отъ лѣни; у иныхъ, однако, она имѣетъ высшее начало; для нихъ—это ложныя утѣшенія, которыми человѣкъ хочетъ отвести свои собственные глаза отъ зла, считаемаго неисправимымъ. По несчастію, вопросамъ такого рода нельзя навязать каменьевъ на шею—бросить ихъ въ воду и потомъ забыть о нихъ; они, какъ упрекъ совѣсти, какъ тѣнь Банко, мѣшаютъ наслаждаться пиромъ опытовъ, открытій, сознаніемъ истинныхъ и прекрасныхъ заслугъ, напоминая, что нѣтъ полнаго успѣха, что предметъ не побѣжденъ»...

Увы! какъ сто лѣтъ назадъ, какъ въ періодъ «Писемъ объ изученіи природы» Герцена, такъ и въ наши дни есть многое множество патентованныхъ ученыхъ, которые, навязавъ научнымъ вопросамъ камни на шею, бросаютъ ихъ въ воду, не испытывая отъ этого эксперимента рѣшительно никакого смущенія. Они, какъ глухіе отъ природы, не слышатъ «голоса вопіющаго разума, не умѣющаго останавливаться на полъ-дорогѣ,—голоса самой naturae rerum, стремящейся вполнѣ просвѣтлѣть въ мышленіи

человѣческомъ». Они до нашихъ дней не додумались до того, какую грубую фактическую ошибку дѣлалъ величайшій апостолъ факта Кювье, увѣряя, что теоріи гибнутъ, а факты остаются. Факты измѣняются въ зависимости отъ теоріи и въ связи съ ними: Линней описывалъ факты, описывали тѣ же факты и Бюффонъ, и Ламаркъ, но въ ихъ описаніи факты эти оказались иными. Для пониманія ихъ, въ предѣлахъ, доступныхъ современному уровню знанія и предъявляемыхъ къ нему запросовъ, нужно не порывать связи съ другими дисциплинами науки и умѣть пользоваться философскимъ методомъ наведенія. Нужно помнить, что рядомъ съ расчлененіемъ науки, необходимымъ въ интересахъ не познанія истины, а пріемовъ и методовъ изслѣдованія, существуетъ высшій научный монизмъ, о которомъ писалъ Герценъ. Онъ всею силою своего ума протестовалъ противъ сепаратизма ученыхъ, доказывая аргументами, казалось бы, не допускающими возраженія, что такое дробленіе ведетъ къ феодализму въ наукѣ, къ пониженію умственныхъ силъ человѣка, къ дегенераціи, къ такому департаментскому рѣшенію вопросовъ, при которомъ постановленія и мнѣнія другихъ департаментовъ становится не интересными, не нужными, безполезными. Касаясь этой стороны предмета, Герценъ пишетъ: «Цеховые ученые и философы пріобрѣтаютъ извѣстный кругъ понятій, извѣстную рутину, изъ которой не могутъ выйти». Не думайте, что одни ограниченные умы платятъ дань презумпціямъ. Когда Гёте открылъ, описалъ и нарисовалъ человѣческую между-челюстную кость, знаменитый Камперъ сказалъ: «все это прекрасно, но вѣдь os intermaxillare не существуетъ въ человѣческой челюсти». Разсказывая это, Гёте не вытерпѣлъ, чтобъ не сказать: «Можетъ-быть, назовутъ юношеской заносливостію, когда непосвященный ученикъ осмѣливается противорѣчить записному мастеру своего дѣла и старается доказать, что онъ вопреки ему правъ; но многолѣтніе опыты научили меня иначе понимать. Вѣчно повторяемыя фразы костенѣютъ въ умѣ, наконецъ дѣлаются неподвижными убѣжденіями, и органы воззрѣнія становятся тупы».

Трудно придумать лучшій примѣръ для иллюстраціи мысли Герцена о пагубномъ значеніи раздробленія наукъ, о страшномъ вредѣ ихъ обособляемости другъ отъ друга, о притупляющей роли спеціализаціи не только въ области научной дѣятельности, но и вездѣ за ея предѣлами. Именно это приводитъ къ закостенѣнію ума, къ неподвижности и косности убѣжденій, къ совершенной неспособности понимать другъ друга и къ той непрерывной борьбѣ на всѣхъ путяхъ человѣческой дѣятельности,

которая требуетъ затраты колоссальной энергіи для достиженія ничтожныхъ результатовъ, а иногда вовсе безрезультатна.

Съ тѣхъ поръ, какъ Герценъ высказывалъ эти идеи, прошло 70 лѣтъ. За этотъ періодъ времени сдѣланъ цѣлый рядъ величайшихъ научныхъ завоеваній: открытъ принципъ относительности, открытъ радій, завоеванъ воздухъ, изобрѣтена прививка иммунитета и т. д. Но что касается идей Герцена, имѣющихъ въ виду подготовку научнаго міропониманія, воспитаніе въ человѣкѣ человѣка, а не цехового мастера той или иной спеціальности, то осуществленіе ихъ для широкихъ массъ научныхъ работниковъ остается до сихъ поръ въ области мечтаній, остается задачей грядущихъ поколѣній, какъ и осуществленіе его общественныхъ и политическихъ идеаловъ.

Владиміръ Вагнеръ.

ВОПРОСЫ ВРЕМЕНИ.

IV.

Патологія словесности.

1.

Въ предыдущей статьѣ («Вѣстн. Европы», май) я лишь мелькомъ упомянулъ о *патологіи* словесности, усугубляющей тяжесть ея «ига». Здѣсь я постараюсь опредѣлить, въ чемъ собственно состоитъ эта патологія, и чѣмъ отличается она отъ обыкновеннаго, «нормальнаго» ига въ словесномъ творчествѣ. Напомню читателю, что въ этихъ статьяхъ я беру понятіе «словеснаго творчества» въ самомъ широкомъ смыслѣ, имѣя въ виду не только художественныя произведенія, но и «прозаическія», напр. философскія, идеологическія, публицистическія и т. д.

«Нормальное» иго словесности переходитъ въ *анормальное*, т. е. *патологическое*, въ тѣхъ случаяхъ, когда мыслящій умъ, преодолѣвъ гнетъ литературныхъ формъ и общепризнанныхъ идей, подпадаетъ подъ болѣе тяжкій гнетъ самочинной литературной формы и воплощенныхъ въ этой формѣ идей, въ большей или меньшей степени уклоняющихся отъ логически и психологически правильнаго (для даннаго времени) пути мышленія.

Крайнее выраженіе этой патологіи слова и мысли мы находимъ въ произведеніяхъ умалишенныхъ. Какъ извѣстно, эти произведенія нерѣдко отличаются несомнѣнными достоинствами, напр. яркостью образовъ, силою выраженія, проблесками оригинальной мысли, блестящими парадоксами, иногда глубокими идеями. Но въ этомъ «творчествѣ» нѣтъ самаго главнаго: нѣтъ *смысла*. Оно безсвязно, безтолково, лишено послѣдовательности и внутренней логики; блестящія или глубокія мысли чередуются

съ нелѣпыми, и послѣднихъ всегда больше, чѣмъ первыхъ. И все вмѣстѣ являетъ картину полнаго порабощенія человѣка образами, идеями, словами, возникающими въ его сознаніи. Онъ не въ силахъ управлять ими. Они приходятъ и уходятъ, они сплетаются и громоздятся независимо отъ его воли,—самочинно, безцѣльно и безсмысленно.

Передъ нами—крайній предѣлъ болѣзни. Это—уже не просто патологія мысли и слова, а ихъ сумасшествіе. Но есть и другія формы... Есть творчество не умалишенныхъ, а только душевнобольныхъ, а равно и тѣхъ, которые, не принадлежа и къ этой послѣдней категоріи, не могутъ, однако, быть названы людьми нормальными: они находятся на грани между душевнымъ здоровьемъ и душевной болѣзнью. Творчество тѣхъ и другихъ весьма часто является нездравымъ, ненормальнымъ,—оно нерѣдко обнаруживаетъ болѣе или менѣе значительные уклоны въ патологическую сторону.

Между ними встрѣчаются люди съ настоящимъ призваніемъ къ словесному творчеству, какъ художественному, такъ и иному,—признанные поэты, мыслители, публицисты, ученые... Есть между ними и несомнѣнные геніи (Руссо, Ницше, Достоевскій).

2.

Во избѣжаніе недоразумѣній, нужно оговорить, что къ этой категоріи не слѣдуетъ относить тѣхъ, у которыхъ, несмотря на ихъ очевидную психическую ненормальность, процессы умственнаго творчества остаются здравыми и невредимыми. Ихъ болѣзнь отражается на послѣднемъ лишь косвенно, направляя его въ ту или другую сторону, иногда препятствуя его развитію, иногда же, наоборотъ, содѣйствуя ему, наконецъ, подсказывая писателю извѣстныя идеи или вызывая въ немъ извѣстныя настроенія. Яркіе примѣры очевиднаго (или, скажемъ, видимаго) здоровья ума и творчества при болѣзненномъ укладѣ психики—Гоголь, Лермонтовъ, Гончаровъ. По ихъ произведеніямъ нельзя догадаться, что первый былъ почти (а можетъ быть, и совсѣмъ) психопатъ, второй страдалъ врожденной меланхоліей и отличался моральною неустойчивостью, третій былъ одержимъ маніей преслѣдованія съ явно-бредовыми идеями.

Это психологическое противорѣчіе не представляетъ ничего исключительнаго. Даже a priori оно вполнѣ оправдывается. Достаточно извѣстно, что психика современнаго человѣка чрезвы-

чайно сложна и исполнена внутреннихъ противорѣчій. Нѣтъ цѣльности духа, нѣтъ психической сплоченности сферъ, или «вѣдомствъ», души—ума, чувства и воли. Оттуда и возможность относительнаго, а нерѣдко и на видъ полнаго здоровья одной сферы при несомнѣнной ненормальности другой или другихъ. Рѣзкій, хотя и не часто встрѣчающійся, случай этого рода—видимое здравіе и сила ума при такъ-называемомъ моральномъ идіотизмѣ. Конечно, нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ глубокихъ и тонкихъ извилинахъ души болѣзнь одной изъ ея сферъ отражается такъ или иначе на другой. Но эти связи и отраженія въ большинствѣ случаевъ не выступаютъ наружу и не проявляются съ тою очевидностью, которая давала бы намъ возможность опредѣленно указать, напр., на дефекты или уклоны мысли, обусловленные патологичностью чувства или воли, или, наоборотъ, на изъяны въ двухъ послѣднихъ областяхъ, вызванные слабостью или какими-либо недугами ума.

Достиженіе большей цѣльности и уравновѣшенности души при условіи оздоровленія всѣхъ ея силъ и функцій образуетъ одну изъ великихъ проблемъ будущаго. И можно указать на симптомы, свидѣтельствующіе о томъ, что современная цивилизація постепенно воспитываетъ поколѣнія въ этомъ направленіи. Есть признаки оздоровленія ума, чувства и воли, и намѣчается линія ихъ объединенія въ гармоническомъ цѣломъ.

И невольно навязывается мысль, что въ будущемъ патологія мысли и слова выступитъ въ своемъ истинномъ свѣтѣ,—наши потомки освободятся отъ тѣхъ иллюзій, въ силу которыхъ въ наше время явно-болѣзненныя произведенія больного ума принимаются за великія откровенія генія... Но уже и теперь можно указать на нѣкоторые отличительные признаки, которыми опредѣляется патологичность творчества. Если вдумаемся въ нихъ и уяснимъ себѣ ихъ подлинное значеніе, то, пожалуй, объ иныхъ завѣдомо-геніальныхъ и великихъ произведеніяхъ мысли прійдется сказать стихомъ Лермонтова: «больной души тяжелый бредъ»....

3.

Больное творчество, прежде всего, характеризуется неправильнымъ отношеніемъ мыслящаго ума къ дѣйствительности, являющейся объектомъ его размышленія, изученія, изображенія. Между міромъ дѣйствительности и мыслящимъ умомъ опустилась завѣса, сотканная изъ предвзятыхъ навязчивыхъ идей этого ума.

Лучи жизни доходятъ до него преломленными въ атмосферѣ его фантазій. Онъ воспринимаетъ явленія въ искаженномъ видѣ. Онъ—*плохой наблюдатель*.

Всякое мышленіе, всякое умственное творчество, въ послѣднемъ счетѣ, сводится къ наблюденію. Нельзя мыслить, не имѣя объекта мышленія. При наличности объекта, мыслящій субъектъ по необходимости становится—въ обширномъ психологическомъ смыслѣ—«наблюдателемъ»: онъ воспринимаетъ впечатлѣнія, видитъ, слышитъ, чувствуетъ,—онъ (говоря психологическимъ терминомъ) *апперципируетъ*.

Предметомъ апперцепціи («наблюденія») можетъ быть все, что̀ угодно, въ томъ числѣ и то, чего нѣтъ въ дѣйствительности; можно апперципировать иллюзію и галлюцинацію. Лютеръ видѣлъ чорта и даже запустилъ въ него чернильницей. Дикарь воспринимаетъ образы своего миѳологическаго мышленія—какъ предметы, существующіе въ дѣйствительности. Онъ тоже—«наблюдатель», но только совсѣмъ ужъ плохой. Между нимъ и дѣйствительностью повисла густая ткань миѳологическихъ представленій, и его умъ безсиленъ пробиться сквозь нее и добраться до подлинной дѣйствительности. Съ нашей точки зрѣнія, его мышленіе, нормальное для него, представляется анормальнымъ, патологичнымъ, и порою мы поддаемся искушенію думать, что между примитивною мыслью и мыслью сумасшедшаго есть что-то общее.

Переходъ отъ миѳологическаго мышленія къ раціональному, критическому,—многовѣковое прогрессивное развитіе ума человѣческаго являетъ картину своего рода излѣченія отъ тяжелой болѣзни. Человѣческій разумъ не только «развивался», укрѣплялся, обогащался, но и *выздоравливалъ*. Густая атмосфера первобытныхъ представленій, въ которыхъ проявлялись болѣзни его роста, постепенно разсѣивалась,—и человѣкъ наконецъ сталъ лицомъ къ лицу съ міромъ подлинной дѣйствительности. Вѣками образовались новыя категоріи мысли и такія формы воспріятія, которыя уже не заслоняютъ и не искажаютъ міръ дѣйствительности. Орудуя ими, культурный человѣкъ, въ самомъ дѣлѣ уже homo sapiens, сталъ хорошимъ наблюдателемъ дѣйствительности,—природы и своей культуры, способнымъ разумно познавать ихъ и, познавая, преобразовывать ихъ въ интересахъ своего матеріальнаго и духовнаго благополучія.

Такъ вотъ когда мы видимъ, что между мыслящимъ умомъ и міромъ дѣйствительности опять сгустилась какая-то атмосфера предвзятыхъ идей, и мысль человѣка блуждаетъ и бьется въ

ней, безсильная пробиться сквозь ея толщу, тогда передъ нами очерчивается картина интеллектуальной болѣзни,—мы имѣемъ дѣло съ какимъ-то рецидивомъ, хотя бы эта атмосфера идей уже была весьма далека отъ иллюзій и галлюцинацій былой миѳологической мысли. Иныя изъ этихъ предвзятыхъ, навязчивыхъ идей могутъ представлять значительный интересъ, онѣ могутъ быть отмѣчены печатью генія, но самый фактъ ихъ появленія въ качествѣ сгущенной интеллектуальной атмосферы, закрывающей или искажающей дѣйствительность, по праву, долженъ быть разсматриваемъ—какъ процессъ патологическій, какъ интеллектуальная болѣзнь.

Конкретныя формы, въ какихъ выражаются подобныя болѣзни, разнообразятся до безконечности, и каждый такой «интеллектуально-больной» страдаетъ *своимъ* индивидуальнымъ недугомъ, но, кажется, большинство случаевъ этого рода объединяется общностью основныхъ чертъ, каковы: напряженность и воспаленность мысли, бредовой характеръ идей, аберрація сужденій и оцѣнокъ, склонность къ парадоксамъ и паралогизмамъ, наконецъ—порабощеніе ума фантомами, имъ же созданными.

Вспомнимъ Ницше... Бѣшеная пляска яркихъ, часто глубокихъ и геніальныхъ мыслей,—едва сдерживаемыхъ той особой «логичностью» ихъ развитія, которая напоминаетъ утрированную «логику» сумасшедшихъ, бредовыя идеи о «сверхъ-человѣкѣ», который станетъ «по ту сторону добра и зла», чудовищная аберрація сужденій и оцѣнокъ, напр.—христіанской морали, какъ «морали рабовъ», подозрительная игра словами и созвучіями, великолѣпный стиль, подавляющій самого мыслителя «красотою словесъ»,—стиль припадочный, истерическій,—вотъ картина неизлѣчимой болѣзни геніальнаго ума, порабощеннаго бредовыми идеями и судорожно бьющагося въ припадкѣ—я бы сказалъ—«интеллектуальной эпилепсіи».

Вспомнимъ Достоевскаго.. Если рѣзкое слово Бѣлинскаго: «истерическая чепуха» и не примѣнимо къ лучшимъ созданіямъ Достоевскаго, то все-таки картина дѣйствительности, данная въ нихъ, производитъ неотразимое впечатлѣніе геніальнаго бреда,—галлюцинацій мысли, отравленной ядами больной души писателя, которая не въ силахъ освободиться отъ угнетающихъ ее тяжелыхъ переживаній и мучительныхъ чувствъ. Геніальный психологическій анализъ Достоевскаго не выходитъ изъ границъ психопатологіи: Достоевскій знаетъ и понимаетъ только больную душу,—омраченную, озлобленную, извращенную. Много высоко-цѣнныхъ «человѣческихъ документовъ» извлекъ оттуда и повѣдалъ

міру этотъ «жестокій» геній,—но какое это нездоровое, какое угнетенное творчество, и какъ мало въ немъ внутренней свободы, спокойствія и свѣта!

Творенія Ницше и Достоевскаго вошли въ міровую литературу и представляютъ огромную, хотя и своеобразную, цѣнность, но о внутренней свободѣ творчества здѣсь не можетъ быть и рѣчи, а потому и всѣ тѣ преимущества, которыя связаны съ свободой духа, не были удѣломъ этихъ великихъ больныхъ писателей.

4.

Но зато умы этого рода обладаютъ иными «преимуществами»—навязывать свои идеи другимъ, очаровывать, околдовывать и увлекать за собою цѣлыя поколѣнія. Ихъ власть надъ умами и сердцами всегда болѣе или менѣе значительна, а иногда—огромна. Такова была въ XVIII-мъ вѣкѣ гегемонія Руссо; въ другомъ масштабѣ, но въ своемъ родѣ велико было въ 30-хъ—40-хъ годахъ XIX-го вѣка обаяніе Гофманна. Въ наше время гипнозъ больного творчества Ницше и Достоевскаго—фактъ безспорный и знаменательный.

Интеллигенція культурныхъ народовъ, въ своемъ цѣломъ, далеко еще не достигла той духовной самостоятельности, которая даетъ возможность сопротивляться гипнозу идей, очарованію красивыхъ или «страшныхъ» словъ, обаянію великихъ именъ и легендъ, ихъ окутавшихъ. Здѣсь въ сравнительно-маломъ видѣ повторяется тотъ психопатологическій процессъ, который въ прошлые вѣка приводилъ иногда къ міровымъ событіямъ: являлись пророки и герои, большею частью душевно-больные (эпилептики, истеричные), и силою гипноза идей и «страшныхъ» словъ увлекали массу,—въ результатѣ возникали новыя религіи и секты, а вслѣдъ за ними войны, внутреннія и внѣшнія, приводившія къ основанію новыхъ государствъ или, по крайней мѣрѣ, династій. Явленіе безспорно психопатологическое. Современное цивилизованное человѣчество уже избавилось отъ него: не только явленія въ родѣ крестовыхъ походовъ, но и такія, какъ наполеоновскія войны, безвозвратно отошли въ прошлое. И нельзя не видѣть въ этомъ доказательства оздоровленія человѣчества, какъ и въ томъ, что истерія, эпилепсія и гипнозъ перестали быть массовыми и проявляются въ сравнительно-скромныхъ размѣрахъ и смягченныхъ формахъ—заболѣваній спорадическихъ и индивидуальныхъ, уже не могущихъ претен-

довать на роль «историческихъ факторовъ». Самое крупное, но зато изолированное и единичное, явленіе этого рода въ новое время, это—мармонство. Если бы, предположимъ, появился въ Европѣ новый Магометъ,—его водворили бы въ лѣчебницу для душевно-больныхъ. Фатальное въ прошломъ, въ эпоху варварской культуры, иго гипнотизирующихъ фантастическихъ идей и лозунговъ превратилось нынѣ въ далеко не столь могущественное иго религіозно-моральныхъ сектантскихъ исканій (въ Америкѣ), въ родственное ему иго литературныхъ и философскихъ фантазій и въ еще болѣе слабое «нормальное» иго словесности въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Въ обширномъ же—психологическомъ—смыслѣ, все это, вмѣстѣ взятое, подводится подъ то же самое понятіе «ига словесности», представляя собою только различныя его формы или градаціи. Всякая идея, въ существѣ своемъ, есть *слово*; ея гипнотизирующая сила зависитъ отъ силы ея *словеснаго* выраженія; ея распространеніе совершается не иначе, какъ путемъ *словесной* передачи; наконецъ, та легендарность, таинственность, часто недоговоренность и тѣ наслоенія вымысловъ, которыми сопровождается и усиливается обаяніе идей, представляютъ собою продуктъ специфически *словеснаго* творчества.

И мы въ правѣ сказать, что психологія гипноза, проявленнаго напр. Магометомъ, была словесною не меньше, чѣмъ та, которая связана съ именами Руссо, Ницше, Достоевскаго.

Различіе сводится къ уменьшенію глубины и широты захвата и къ ограниченію этой власти слова болѣе узкими предѣлами идеологическихъ, философскихъ, литературныхъ интересовъ, чуждыхъ народнымъ массамъ. Иначе говоря, явленія, о которыхъ идетъ рѣчь, перешли изъ общенародной жизни въ сферу интеллигенціи. Говоря такъ, *я имѣю въ виду только передовыя культурныя страны Запада*. Тамъ наблюдатель, интересующійся психологіей власти слова,—тѣхъ «глаголовъ», которые «жгутъ сердца людей», только даромъ потратитъ время, если вздумаетъ искать объектовъ наблюденія среди земледѣльцевъ, фермеровъ, ремесленниковъ, лавочниковъ, фабричныхъ рабочихъ. За нѣкоторыми исключеніями, онъ не найдетъ тамъ сколько-нибудь значительныхъ группъ, способныхъ, какъ это было въ средніе вѣка и позже, слушать, разиня ротъ, съ бьющимся сердцемъ и затаеннымъ дыханіемъ, пламенныя рѣчи «пророковъ» и, выслушавъ, двинуться въ невѣдомый путь, очертя голову... Если наблюдатель и встрѣтитъ нѣчто подобное (напр. пресловутую «Армію спасенія», или какую-либо американскую

секту), то очень скоро онъ замѣтитъ, что данная группа на $^3/_4$ или болѣе состоитъ изъ представителей интеллигенціи. Тотъ же результатъ получится и въ томъ случаѣ, если наблюдатель обратится къ изученію группъ теософовъ, спиритовъ и т. п. Даже печальной памяти вѣра въ дьявола перешла изъ народныхъ массъ въ интеллигенцію... И въ концѣ концовъ нашъ предполагаемый наблюдатель, поневолѣ, обратится къ интеллигенціи: тамъ онъ найдетъ то, что̀ ему нужно,—лицъ, зачитывающихся книгами Ницше и видящихъ въ нихъ что-то въ родѣ откровенія, ищущихъ (по выраженію Чехова) Бога въ Достоевскомъ и толпящихся напр. въ аудиторіи Бергсона, измышляющихъ какую-то новую религію, христіанскую или антихристіанскую...

Народная масса (повторяю: въ передовыхъ культурныхъ странахъ Запада, и только тамъ) поумнѣла, отрезвѣла и утратила былую способность поддаваться гипнозу словъ. Она воспринимаетъ (да и то не зря, а съ толкомъ) только тѣ, богатыя положительнымъ содержаніемъ, слова, которыя идутъ навстрѣчу ея реальнымъ интересамъ, экономическимъ и политическимъ.

Это психическое, въ частности интеллектуальное оздоровленіе массъ представляетъ собою явленіе крайне любопытное и знаменательное. Не претендуя исчерпать тему, я позволю себѣ предложить въ одной изъ послѣдующихъ статей нѣсколько посильныхъ замѣчаній о главнѣйшихъ причинахъ даннаго явленія... Что же касается вышеуказаннаго рецидива интеллигенціи въ сторону податливости гипнозу словъ, то замѣчу, что, во-первыхъ, это—«болѣзнь» не повальная,—она распространяется только въ нѣкоторыхъ группахъ интеллигенціи, а во-вторыхъ, представляется явленіемъ преходящимъ. За ея объясненіемъ ходить не далеко,—и въ слѣдующей бесѣдѣ я постараюсь, какъ умѣю, освѣтить вопросъ.

Д. Овсянико-Куликовскій.

ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫЙ.

Повѣсть Арнольда Беннетта.

ГЛАВА I.

Особый уголъ, образуемый земной осью и поверхностью нашего земного шара, тотъ уголъ, который преимущественно отвѣтственъ за нашу географію, а слѣдовательно и за нашу исторію—породилъ явленіе, извѣстное въ Лондонѣ подъ именемъ лѣта. Вертящійся шаръ самой почтительной своей стороной отвернулся отъ солнца, и оттого ночь воцарилась въ Кенсингтонѣ.

Въ № 91 по Сельвудъ-Террассъ два огня—въ подвальномъ и первомъ этажѣ—молчаливо свидѣтельствовали о томъ, что человѣческая изобрѣтательность выше природной. 91-й номеръ былъ одинъ изъ десятка тысячъ совершенно одинаковыхъ домовъ между Кенсингтонскимъ вокзаломъ и Сѣверной стороной. Мрачный фасадъ, кухня въ подвалѣ, сотни лѣстницъ и ступеней, поразительное неудобство всего устройства, воздымающіяся къ небу узкія дымовыя трубы—все это, казалось, ожидало дня суда надъ лондонскими домами. Чувствовалось, что № 91-й несчастливъ и что счастливымъ его можетъ сдѣлать только вывѣшенный на подъѣздѣ билетъ «Отдается въ наемъ» и объявленіе съ надписью «Нѣтъ бутылокъ» въ окнахъ подвала. 91-й номеръ не обладалъ ни тѣмъ, ни другимъ. Онъ всегда былъ занятъ, хотя по большей части стоялъ пустымъ. Во все время своего почетнаго существованія онъ ни разу не отдавался въ наемъ.

Стоило только войти внутрь, какъ сразу ощущалась атмосфера скучнаго, нежилого дома. Изъ двѣнадцати комнатъ десять темныхъ и заброшенныхъ; темная, запущенная кухня и только двѣ комнаты, точно коробки, стоявшія одна надъ другой, тщетно

пытались побороть уныніе и мракъ остальныхъ десяти. Если бъ вы вошли въ темную переднюю, то вдохнули бы эту атмосферу.

Въ освѣщенной комнатѣ нижняго этажа самымъ замѣтнымъ, сразу бросающимся въ глаза, предметомъ былъ халатъ. Онъ былъ того оттѣнка между лиловымъ и краснымъ, который прежнее поколѣніе называло цвѣтомъ *puce*. Халатъ былъ стеганный, на лебяжьемъ пуху, легкій, какъ водородъ—или почти!—и теплый, какъ улыбка сердечной доброты; правда, онъ былъ уже немолодъ и немного поношенъ, и пучки бѣлаго пуха мѣстами пробивались сквозь дырочки въ шелку, но все же о такомъ халатѣ можно было мечтать. Онъ выдѣлялся среди голой, неубранной комнаты, и его пышныя складки сверкали и переливались въ лучахъ масляной лампочки, стоявшей на сигарной коробкѣ на столѣ и исполнявшей роль солнца. Лампа эта имѣла стеклянный резервуаръ и картонный абажуръ и стоила гроши; такого же дешеваго сорта былъ и столъ, а всю остальную обстановку, включая кресло, на которомъ лежалъ халатъ, стулъ, мольбертъ, три пакета папиросъ и брюкодержатель, можно было бы купить за какой-нибудь десятокъ рублей. Наверху, подъ потолкомъ, во всѣхъ углахъ, затѣненныхъ абажуромъ, висѣли густыя сѣтки паутины, а пыль на полу лежала толстымъ слоемъ.

Халатъ облекалъ собою человѣка. Человѣкъ этотъ былъ самаго интереснаго возраста. Я говорю о тѣхъ годахъ, когда люди воображаютъ, что они распрощались со всѣми дѣтскими иллюзіями, когда они думаютъ, что узнаютъ жизнь и часто задумываются о заманчивыхъ сюрпризахъ, которые еще могутъ ждать ихъ впереди; этотъ возрастъ больше всѣхъ другихъ склоненъ къ романтизму и сантиментамъ—у мужчинъ. Это—пятидесятилѣтній возрастъ. Какъ невѣрно судятъ о немъ тѣ, которые еще далеки отъ него! Опасный возрастъ! Наружность трагически обманчива.

Человѣкъ въ халатѣ цвѣта *puce* имѣлъ короткую, сѣдѣющую бородку и усы; его обильная шевелюра казалась посыпанной солью и перцемъ; много было мелкихъ морщинъ между глазами и свѣжимъ румянцемъ щекъ, а глаза у него были грустные, очень грустные. Если бы онъ всталъ прямо и глядѣлъ перпендикулярно внизъ, то увидѣлъ бы не свои туфли, а выступающую пуговицу на своемъ халатѣ. Поймите меня: я ничего не скрываю и держусь цифръ, записанныхъ въ книжкѣ у его портного. Ему было пятьдесятъ лѣтъ. Но, подобно большинству пятидесятилѣтнихъ мужчинъ, онъ былъ еще молодъ и, подобно большинству пятидесятилѣтнихъ холостяковъ, очень безпомощенъ. Онъ былъ убѣжденъ, что ему не везетъ въ жизни. Если бы онъ глубоко заглянулъ

въ свою душу, то нашелъ бы въ потаенномъ уголкѣ мучительно-страстное желаніе, чтобы кто-нибудь заботился о немъ и оберегалъ его отъ жизненныхъ неудобствъ и столкновеній. Но въ этомъ открытіи онъ бы, разумѣется, не признался. Не можетъ, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ пятидесятилѣтній холостякъ сознаться, что онъ напоминаетъ девятнадцатилѣтнюю дѣвушку. Тѣмъ не менѣе, сходство между душой познавшаго многое опытнаго холостяка и простымъ сердцемъ девятнадцатилѣтней дѣвушки существуетъ, и оно гораздо сильнѣе, чѣмъ девятнадцатилѣтнія дѣвушки воображаютъ; особенно это такъ, когда этотъ пятидесятилѣтній холостякъ одиноко сидитъ въ два часа ночи въ мрачномъ, пустомъ домѣ, пережившемъ его надежды. Пятидесятилѣтніе холостяки поймутъ меня.

О чемъ думаютъ молодыя дѣвушки, когда онѣ думаютъ? это совершенно не установлено. Онѣ даже сами не могутъ опредѣлить въ точности. Одинокія размышленія пожилыхъ холостяковъ тоже обыкновенно не поддаются опредѣленію. Но въ данномъ случаѣ господинъ въ халатѣ цвѣта *puce* составлялъ исключеніе. Онъ зналъ и могъ бы съ точностью передать, о чемъ онъ думалъ. Въ этотъ мрачный часъ, въ этомъ мрачномъ мѣстѣ, мысли его были заняты блестящими успѣхами прославленнаго, талантливаго человѣка, извѣстнаго міру подъ именемъ Прайама Форлла.

* * *

Въ тѣ дни, когда «Новая Галлерея» была еще, дѣйствительно, новая, въ ней появилась картина кисти неизвѣстнаго тогда никому Прайама Форлла. Картина эта возбудила такой сильный интересъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ всякій разговоръ между культурными людьми считался неполнымъ, если не касался ея. Всѣ безъ спора сходились на томъ, что авторъ картины — крупный художникъ; единственный вопросъ, который культурные люди считали своимъ долгомъ разрѣшить, былъ: является ли онъ величайшимъ художникомъ вообще или только со временъ Веласкеца. Этотъ интересный вопросъ могъ бы служить предметомъ обсужденія культурныхъ людей и до сегодняшняго дня, если бы не оказалось вдругъ, что картина отвергнута Королевской Академіей. Тогда цвѣтъ лондонской культуры, перемѣнивъ тему обсужденія и обрушился на Королевскую Академію, доказывая, что это учрежденіе не имѣетъ права на существованіе. Дѣло дошло даже до Парламента и отняло у законодательнаго собранія цѣлыхъ три минуты. Академія не могла отговориться тѣмъ, что она, молъ, проглядѣла картину, потому что размѣръ

ея былъ три метра на четыре. Изображала она городового, простого городового въ натуральную величину, и она была интересна не только какъ превосходный портретъ, но и тѣмъ, что это было первое появленіе городового въ искусствѣ; говорятъ даже, что преступники невольно бѣжали при взглядѣ на нее.

Нѣтъ! Королевская Академія не могла оправдывать себя тѣмъ, что не замѣтила картины. И, дѣйствительно, она и не пыталась оправдываться, не пыталась доказывать своего права на существованіе. Она просто продолжала существовать и ежедневно забирала себѣ сто пятьдесятъ фунтовъ входной платы у полированной верхушки. Относительно художника Прайама Форлла, изъ-за котораго возгорѣлся весь споръ, нельзя было добиться никакихъ подробностей, такъ какъ адресъ его былъ Poste restante, St. Martin le-Grand. Нѣкоторые коллекціонеры, воодушевляемые глубокой вѣрой въ собственное чутье и искреннимъ желаніемъ поощрить родное искусство, весьма стремились пріобрѣсти картину за нѣсколько фунтовъ; но энтузіасты эти были чрезвычайно изумлены и огорчены, когда узнали, что Прайамъ Форллъ назначилъ за своего городового тысячу фунтовъ—а за эту цѣну можно было пріобрѣсти рѣдкую почтовую марку.

Въ результатѣ картина оказалась непроданной. Какая-то предпріимчивая газета предложила премію за нахожденіе оригинала городового, изображеннаго на портретѣ, но никому это не удалось, и послѣ этого вопросъ сталъ потихоньку забываться, а публика посвятила свой ежегодный лѣтній досугъ, какъ обыкновенно, брачнымъ сплетнямъ и слухамъ.

Всѣ, разумѣется, ожидали, что къ будущему году таинственный Прайамъ Форрлъ согласно общей традиціи англійскаго искусства выставитъ въ Новой Галлереѣ другой портретъ другого городового и будетъ продолжать въ этомъ духѣ лѣтъ двадцать, къ концу какового періода Англія признаетъ его своимъ любимымъ художникомъ, спеціалистомъ «полицейскаго жанра». Но Прайамъ Форрлъ не выставилъ ничего въ Новой Галлереѣ. Онъ какъ будто даже забылъ объ ея существованіи, и это сочтено было всѣми невѣжливымъ, даже неблагодарнымъ поступкомъ. Вмѣсто этого онъ украсилъ парижскій салонъ большимъ морскимъ пейзажемъ съ фигурами пингвиновъ на переднемъ планѣ. Эти пингвины стали на континентѣ злобой дня; пингвины сдѣлались модной птицей въ Парижѣ, а годъ спустя въ Лондонѣ. Французское правительство пожелало купить картину за свою обычную цѣну въ 500 франковъ, но Прайамъ Форллъ продалъ ее американскому меценату за пять тысячъ

долларовъ. Вскорѣ послѣ этого онъ продалъ тому же меценату и полицейскаго, котораго онъ хранилъ у себя. Предпріимчивая газета, о которой уже упоминалось выше, высчитала, что каждый квадратный дюймъ полотна, на которомъ изображенъ былъ полицейскій, обошелся смѣлому коллекціонеру въ двѣ гинеи. При этомъ сообщеніи многочисленные читатели газеты проснулись и спросили въ одинъ голосъ:

— Кто же этотъ Прайамъ Форллъ?

Отвѣта на этотъ вопросъ не послѣдовало. Тѣмъ не менѣе репутація Прайама Форлла была отнынѣ вполнѣ обезпечена, несмотря на то, что онъ не желалъ считаться съ требованіями англійскаго общества къ выдающимся художникамъ. Прежде всего ему слѣдовало изъ элементарной предосторожности родиться въ Соединенныхъ Штатахъ. Затѣмъ, онъ долженъ былъ въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ отказываться отъ интервью, а въ концѣ концовъ разрѣшить одно спеціальное самой распространенной газетѣ. Послѣ этого ему надо было пріѣхать въ Англію, отрастить себѣ пышную гриву и произнести на банкетѣ рѣчь о возвышающемъ и облагораживающемъ вліяніи искусства. Безъ сомнѣнія, ему пришлось бы также написать портретъ своего отца или дѣдушки въ костюмѣ простого рабочаго, чтобы показать, что онъ держится демократическихъ убѣжденій.

Но нѣтъ! Не довольствуясь тѣмъ, что каждая новая его картина не имѣла ничего общаго съ предыдущей, онъ пренебрегалъ и всѣми указанными формальностями—и все же успѣхъ не покидалъ его. Бываютъ люди, о которыхъ можно сказать, что они, какъ игроки въ счастливый день, не могутъ сдѣлать плохого хода. Прайамъ Форллъ былъ изъ тѣхъ людей. Въ нѣсколько лѣтъ имя его стало легендарнымъ, потому что никто не зналъ его, никто не видѣлъ его, никто не вышелъ за него замужъ. Онъ вѣчно путешествовалъ за границей и вѣчно былъ предметомъ противорѣчивыхъ слуховъ. Даже его агентъ, владѣлецъ художественнаго магазина Парфиттсъ въ Лондонѣ, не зналъ о немъ ничего, кромѣ его почерка—и то только цифры на задней сторонѣ чековъ. Фирма Парфиттсъ продавала въ годъ въ среднемъ пять его большихъ и пять маленькихъ картинъ. Картины эти присылались откуда-нибудь изъ прекраснаго далека и чеки посылались тоже въ пространство.

Молодые художники нѣмѣли отъ восторга передъ шедеврами кисти Форлла, которые украшали національные музеи всей Европы (за исключеніемъ, разумѣется, галлереи въ Трафальгаръ-Скверѣ) [1]).

[1]) „National Gallery“ въ Лондонѣ. *Прим. перев.*

Они грезили имъ и поклонялись ему, какъ настоящему олицетворенію славы и не знающему борьбы и неудачъ совершенству. При этомъ онъ никогда не представлялся имъ человѣкомъ, похожимъ на нихъ самихъ, который шнуруетъ себѣ сапоги, моетъ свою кисть, имѣетъ бьющееся въ груди сердце и инстинктивный страхъ одиночества.

Въ концѣ концовъ на долю Форлла выпала величайшая честь, высшій признакъ популярности. Печать стала употреблять его имя безъ объяснительныхъ добавленій. Подобно тому, какъ не пишутъ «м-ръ Бальфуръ, выдающійся государственный дѣятель» или «Сара Бернаръ, знаменитая французская артистка», а просто: м-ръ Бальфуръ или Сара Бернаръ—такъ и о немъ стали писать просто «Прайамъ Форллъ». И ни одинъ человѣкъ, спѣшащій въ утреннемъ поѣздѣ къ своимъ дѣламъ, не вынималъ изо рта трубку, чтобы спросить: «Что это за фруктъ?» Большей чести никому въ Англіи не дано. Прайамъ Форллъ былъ первый англійскій художникъ, заслужившій такое высокое общественное признаніе.

А теперь онъ сидѣлъ ночью въ креслѣ, въ халатѣ цвѣта *рисе*.

* * *

Неожиданный звонокъ вспугнулъ тишину опустѣлаго дома; старомодное бренчащее звяканіе его прошло снизу и коснулось уха Прайама Форлла; онъ поднялся съ мѣста, но тотчасъ сѣлъ опять. Онъ зналъ, что посѣщеніе это экстренное и что никто кромѣ него не можетъ пойти отворить—и все же колебался.

Оставивъ Прайама Форлла, великаго чародѣя-художника, мы вернулись теперь къ несравненно болѣе интересной личности—къ Прайаму Форллу-человѣку. И тутъ мы принуждены сразу раскрыть страшную тайну его натуры, тѣ черты его характера, которыми объясняются исключительныя условія его жизни.

Прайамъ Форллъ былъ необычайно робокъ. Онъ совершенно непохожъ былъ на насъ съ вами. Мы никогда не испытываемъ тайныхъ мученій оттого, что намъ предстоитъ встрѣтиться съ незнакомыми людьми, или занять помѣщеніе въ большомъ отелѣ, или пройти черезъ комнату, въ которой сидитъ нѣсколько человѣкъ, или отправить прислугу, или побесѣдовать съ надменной аристократкой въ почтовой конторѣ. Такія простыя, будничныя явленія не заставляютъ насъ ни смущаться, ни краснѣть. Намъ въ голову не пришло бы вести себя такъ по-дѣтски.

Во всѣхъ случаяхъ жизни мы ведемъ себя естественно — какъ же иначе можетъ себя вести здоровый человѣкъ? Но Прайамъ Форллъ былъ не таковъ. Для него невыносимымъ терзаніемъ было—вниманіе свѣта къ факту его существованія. Въ письмѣ же онъ былъ полонъ отваги. Дайте ему перо, и онъ не зналъ, что̀ такое страхъ.

Въ данную минуту ему предстояло пойти на парадный ходъ и отворить. И личный интересъ и гуманность заставляли его немедля пойти, ибо звонилъ, по всей вѣроятности, докторъ, явившійся наконецъ осмотрѣть лежавшаго наверху больного. Больной былъ Генри Линкъ, а Генри Линкъ—это была дурная привычка Прайама Форлла. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ былъ несомнѣнно жуликоватъ, и его хозяинъ подозрѣвалъ это, но все же Линкъ былъ превосходный лакей. Подобно намъ съ вами, онъ никогда не робѣлъ. Онъ всегда просто дѣлалъ простыя вещи. Мало-по-малу онъ сталъ правой рукой Прайама Форлла, единственно живой связью между нимъ и человѣчествомъ. Благодаря своей робости, Прайамъ Форллъ со своимъ лакеемъ проводилъ почти все время въ путешествіяхъ, и тутъ Линкъ неизмѣнно стоялъ между внѣшнимъ міромъ и впечатлительной душой своего барина. Линкъ велъ всѣ переговоры, которые надо было вести, и дѣлалъ все, что̀ требовало личныхъ отношеній. Будучи дурной привычкой своего хозяина, онъ естественно пріобрѣлъ надъ нимъ власть и такъ, годъ отъ году, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ вмѣстѣ съ богатствомъ и славой Прайама Форлла, росла и его застѣнчивость. Къ счастью, Линкъ никогда не болѣлъ, никогда, до того дня, когда они внезапно пріѣхали инкогнито въ Лондонъ на короткое время. Трудно было выбрать болѣе неподходящій моментъ для заболѣванія, такъ какъ въ своемъ собственномъ домѣ въ Сельвудъ-Террассъ, гдѣ онъ такъ рѣдко бывалъ, Прайамъ Форллъ абсолютно не умѣлъ устроить жизнь безъ помощи Линка. Болѣзнь эта была, дѣйствительно, крупной непріятностью. Очевидно, онъ схватилъ простуду ночью, на пароходѣ. Нѣсколько часовъ онъ перемогался, ходилъ за покупками и разбиралъ вещи и только между прочимъ зашелъ къ доктору посовѣтоваться; а затѣмъ вдругъ, во время уборки въ спальнѣ Форлла, бросилъ всякую борьбу и принужденъ былъ слечь, а такъ какъ его постель не была приготовлена, то онъ легъ въ кровать своего барина. Онъ всегда просто дѣлалъ простыя вещи. И Прайамъ Форллъ вынужденъ былъ помочь ему раздѣться!

Съ этого момента прославленный и могущественный

Прайамъ Форллъ впалъ въ состояніе трагической безпомощности. Онъ ничего не умѣлъ сдѣлать самъ и ничѣмъ не умѣлъ помочь Линку, такъ какъ Линкъ отказывался и отъ коньяку, и отъ сандвичей, а въ запасѣ находились только эти два продукта. Больной лежалъ на верху, тихо, покорно, безъ жалобъ, и дожидалъ доктора, обѣщавшаго придти вечеромъ. И лѣтній день незамѣтно перешелъ въ лѣтнюю ночь.

Мысль о томъ, чтобы самому выйти на свѣтъ Божій и раздобыть для себя пищи и помощи Линку, представлялась Прайаму Форллу совершенно невѣроятной: онъ никогда въ жизни не занимался подобными вещами. Магазинъ представлялся ему неприступной крѣпостью, охраняемой людоѣдами. Кромѣ того тамъ надо «спросить» или «узнать», а это—худшее изъ мученій. И вотъ Прайамъ Форллъ безпомощно бродилъ то вверхъ, то внизъ, пока наконецъ Линкъ, переставшій быть лакеемъ и переродившійся теперь просто въ человѣка, слабо, но рѣшительно попросилъ, чтобы онъ оставилъ его въ покоѣ. Послѣ чего вызывающій всеобщую зависть художникъ, символъ артистической славы и блеска, надѣлъ знакомый уже намъ халатъ цвѣта *puce* и приготовился провести ночь на неудобномъ твердомъ креслѣ.

Звонокъ зазвенѣлъ еще разъ, а затѣмъ раздался въ дверь внушительный стукъ, который властно и гулко прозвучалъ по опустѣлому дому. Точно сама смерть постучала въ дверь. Въ сердце закралось зловѣщее подозрѣніе: «А вдругъ онъ *опасно* боленъ»?

Прайамъ Форллъ нервно вскочилъ, готовый ринуться навстрѣчу пришельцу.

* * *

На площадкѣ, передъ дверью, стоялъ высокій, худой, усталый господинъ, въ пальто и цилиндрѣ. Онъ уже ровно двадцать часовъ былъ на ногахъ, обходя своихъ паціентовъ и лѣча вымышленныя болѣзни при помощи медицины и внушенія и оставляя настоящія на излѣченіе природѣ, съ прибавленіемъ подкрашенной сиропомъ воды. Отношеніе его къ своей профессіи было слегка скептическое отчасти оттого, что онъ убѣжденъ былъ, что только обжорство кенсингтонскихъ жителей даетъ ему практику, отчасти оттого, что его жена и двѣ взрослыхъ дочери слишкомъ много тратили на туалеты. Долгіе годы подрядъ онѣ обращались съ нимъ, какъ съ автоматомъ: положатъ въ отверстіе машины завтракъ, нажмутъ кнопку на его жилетѣ и вытащатъ кредитку. Благодаря такому отношенію докторъ не имѣлъ ни ассистента,

ни лѣтняго отдыха, ни экипажа: жена и дочь не могли разрѣшить ему такой роскоши. Онъ былъ способный и добросовѣстный, но хронически усталый человѣкъ пятидесяти лѣтъ съ лысой головой. Какъ это ни странно, онъ тоже былъ робокъ; хотя, разумѣется, онъ освоился съ этимъ, какъ можно освоиться съ дупломъ въ зубѣ. Сердце д-ра Кэшмора отнюдь не напоминало сердце молодой дѣвушки. Онъ зналъ жизнь и людей, и максимумъ его мечтаній было въ хорошемъ купэ укатить на воскресенье въ Брайтонъ.

Прайамъ Форллъ отворилъ дверь, и они увидѣли другъ друга.

— Здѣсь живетъ м-ръ Форллъ?—спросилъ д-ръ Кэшморъ.

Значитъ, Линкъ назвалъ его имя. Это открытіе вогнало Прайама Форлла въ потъ. Неужели онъ не могъ сказать просто номеръ дома?

— Да,—отвѣтилъ онъ съ смущеніемъ и досадой.—Вы—докторъ?

— Да.

Д-ръ Кэшморъ вошелъ въ темную переднюю.

— Какъ больному?

— Затрудняюсь сказать вамъ,—отвѣтилъ Прайамъ.—Онъ чежитъ въ постели. Очень спокоенъ.

— Это хорошо,—сказалъ докторъ.—Когда онъ былъ у меня сегодня утромъ, я посовѣтовалъ ему сейчасъ же лечь.

Послѣдовала короткая, неловкая пауза. Прайамъ Форллъ откашливался, а докторъ потиралъ руки и пытался напѣвать какую-то мелодію.

— Вотъ тебѣ и разъ!—промелькнуло въ головѣ Форлла.—Этотъ субъектъ, кажется, конфузится.

А докторъ подумалъ:

— Вотъ еще одинъ неврастеникъ!

И оба сразу, желая облегчить другъ другу положеніе, почувствовали себя легко. Точно пружина какая-то отскочила. Прайамъ заперъ дверь. Свѣтъ съ улицы исчезъ.

— Осторожнѣе. Здѣсь темно,—сказалъ онъ.

— Я зажгу спичку,—предложилъ докторъ.

— Большое спасибо,—сказалъ Прайамъ.

Онъ чиркнулъ, и свѣтъ озарилъ все великолѣпіе шелковаго халата цвѣта puce. Но д-ръ Кэшморъ не выразилъ никакого изумленія: по части халатовъ его ничѣмъ нельзя было удивить.

— Да, кстати: что такое собственно у него?—спросилъ Прайамъ Форллъ самымъ легкомысленнымъ тономъ.

— Не знаю, право. Простуда! Сильные хрипы. Можетъ быть всякое. Оттого я и сказалъ, что загляну вечеромъ. Никакъ не могъ попасть раньше. Топчусь цѣлый день съ шести часовъ утра.

И онъ улыбнулся, несмотря на всю свою усталость.

— Вы очень добры, что пришли,—произнесъ Прайамъ Форллъ съ теплой симпатіей. У него былъ удивительный талантъ воображать себя на мѣстѣ другого.

— Что вы! помилуйте,—пробормоталъ докторъ. Онъ былъ положительно растроганъ. Для того, чтобы скрыть это, онъ зажегъ еще одну спичку.—Прикажете наверхъ?

Въ спальнѣ на пыльномъ, пустомъ туалетномъ столѣ горѣла свѣча. Д-ръ Кэшморъ перенесъ ее поближе къ кровати, которая представляла собою маленькій оазисъ порядка и уюта среди пустыни большой комнаты; затѣмъ онъ подошелъ, чтобы осмотрѣть больного лакея.

— У него ознобъ!—произнесъ докторъ.

И дѣйствительно, кожа Линка посинѣла, хотя на кровати было навалено множество одѣялъ, а ночь была теплая.

Глаза больного глядѣли испуганно, но онъ лежалъ неподвижно и не проронилъ ни звука при видѣ доктора, а продолжалъ тоскливо глядѣть куда-то въ пространство. Казалось, его интересовало теперь только его собственное затрудненное дыханіе.

— Кто-нибудь изъ женщинъ еще есть на ногахъ?—рѣзко спросилъ вдругъ докторъ, обращаясь къ оторопѣвшему Прайаму Форллу.

— Нѣтъ. Кромѣ насъ двоихъ, никого въ домѣ нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ.

Человѣкъ, менѣе искушенный въ лондонской жизни, чѣмъ д-ръ Кэшморъ, могъ бы удивиться этому сообщенію. Но д-ръ Кэшморъ такъ же спокойно принялъ его, какъ онъ раньше принялъ халатъ цвѣта *puce*.

— Ну, тогда поскорѣе вскипятить воды,—сказалъ докторъ категорическимъ, повелительнымъ тономъ.—Живѣе, поворачивайтесь! Достаньте водки или коньяку! И еще одѣялъ! Что же вы стоите? Покажите, гдѣ кухня: я пойду съ вами.

Онъ схватилъ свѣчу, и выраженіе лица у него было такое, точно онъ думалъ:—Ну, братецъ, въ такой моментъ ты никуда не годенъ.

— Умираю, докторъ, — донесся съ кровати слабый шопотъ.

— Легко можетъ статься, — проворчалъ докторъ сквозь зубы, пробираясь по ступенькамъ внизъ вслѣдъ за Прайамомъ Форлломъ.

* * *

— Будетъ ли производиться слѣдствіе?—спросилъ Прайамъ Форллъ въ шесть часовъ утра.

Онъ упалъ въ изнеможеніи на кресло въ нижнемъ этажѣ. Его правая рука—Генри Линкъ—былъ потерянъ для него навѣки. Онъ не могъ вообразить, что̀ будетъ съ нимъ дальше. Онъ не могъ представить себя безъ Линка. И что̀ еще хуже: его терроризировала перспектива всѣхъ ужасовъ допроса и личныхъ переговоровъ по поводу смерти Генри Линка.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ докторъ.—О, нѣтъ! Я, вѣдь, присутствовалъ. Острое, двухстороннее воспаленіе легкихъ! Я могу выдать свидѣтельство. Но, конечно, вамъ придется сходить и зарегистрировать смерть.

Значитъ, и безъ всякаго слѣдствія пойдетъ невыносимая процедура! Прайамъ чувствовалъ, что она доконаетъ его, и закрылъ лицо руками.

— Были ли у м-ра Форлла родственники, и гдѣ ихъ найти?— спросилъ докторъ.

— М-ра Форлла? родственники?—повторилъ Прайамъ Форллъ, не понимая.

И вдругъ онъ понялъ, въ чемъ дѣло. Д-ръ Кэшморъ думалъ, что имя Генри Линка было Форллъ! Значитъ, можно ухватиться за эту безумную лазейку, чтобы избѣжать всякихъ публичныхъ выступленій въ качествѣ Прайама Форлла. Отчего не допустить, что онъ самъ, а не Генри Линкъ скончался въ Сельвудъ Террассъ въ 5 часовъ утра? Тогда онъ былъ бы свободенъ, совершенно свободенъ!

— Да, сказалъ докторъ.—Имъ, разумѣется, надо телеграфировать.

Прайамъ быстро пробѣжалъ въ умѣ списокъ своихъ родственниковъ. Онъ никого не могъ припомнить, кромѣ Дункана Форрла, своего троюроднаго брата.

— Мнѣ кажется, что у него никого не было,—произнесъ онъ. Голосъ его дрожалъ отъ волненія за дерзость и быстроту своего рѣшенія.—Кажется, былъ какой-то дальній родственникъ. Но м-ръ Форллъ никогда не говорилъ о немъ.

И это была правда.

Какъ трудно было выговорить «м-ръ Форллъ»! Но, когда

слова были сказаны, Прайамъ почувствовалъ, что назадъ вернуться уже нельзя.

Докторъ взглянулъ на загрубѣвшія отъ вѣчной возни съ красками руки Прайама и сказалъ:

— Простите мой вопросъ, но вы, если не ошибаюсь, камердинеръ покойнаго... или же...

— Да,—отвѣтилъ Прайамъ Форллъ.

Эти слова припечатали вопросъ.

— Какъ полное имя вашего покойнаго хозяина?—спросилъ докторъ.

Дрожь прошла по спинѣ Прайама.

— Прайамъ Форллъ,—сказалъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Какъ, неужели *тотъ самый*?—громко воскликнулъ докторъ, котораго эта случайность лондонской жизни наконецъ вывела изъ равновѣсія.

Прайамъ утвердительно кивнулъ головой.

— Скажите на милость! Вотъ не ожидалъ!

И докторъ далъ просторъ своимъ чувствамъ. По правдѣ сказать, этотъ неожиданный случай льстилъ ему, дѣлалъ его въ данную минуту значительнымъ и интереснымъ и помогъ забыть и свою усталость, и свои обиды.

Онъ видѣлъ, что человѣкъ въ халатѣ цвѣта *puce* изнемогаетъ отъ усталости и волненія, и со свойственнымъ ему неизмѣннымъ добродушіемъ предложилъ выполнить всѣ первоначальныя формальности. Затѣмъ онъ ушелъ.

* * *

Прайамъ не намѣренъ былъ сейчасъ спать. Ему надо было обдумать невѣроятное положеніе, которое онъ такъ скоропалительно создалъ. Но онъ все-таки заснулъ—и въ твердомъ, неудобномъ креслѣ!

Спалъ онъ долго и проснулся отъ неистоваго стука и шума. Казалось, снаружи бомбардировали домъ, и кирпичи падали ему прямо на голову. Когда онъ пришелъ въ себя, то оказалось, что это не бомбардировка, а просто громкій, настойчивый стукъ въ парадную дверь. Онъ поднялся, увидѣлъ въ зеркалѣ надъ каминомъ свое заспанное, помятое лицо и фигуру въ пюсовомъ халатѣ и, еле ворочая одеревенѣвшими ногами, пошелъ отворять.

Это былъ д-ръ Кэшморъ и съ нимъ господинъ тѣхъ же приблизительно лѣтъ, толстенькій, съ синеватымъ бритымъ под-

бородкомъ, въ глубокомъ траурѣ, до черныхъ перчатокъ включительно.

Господинъ этотъ холодно взглянулъ на Прайама Форлла и вошелъ въ переднюю вслѣдъ за докторомъ. Ступивъ на линолеумовую дорожку въ передней, господинъ въ траурѣ замѣтилъ на полу бѣлый конвертъ. Онъ поднялъ его, тщательно разсмотрѣлъ и затѣмъ передалъ Прайаму Форллу.

— Вѣроятно, это вамъ?—сказалъ онъ.

Взявъ письмо, Прайамъ увидѣлъ, что оно адресовано Генри Линку, 91 Сельвудъ-Террассъ и что адресъ написанъ женской рукой.

— Письмо, вѣдь, вамъ?—продолжалъ господинъ въ траурѣ тѣмъ же голосомъ.

— Да,—сказалъ Прайамъ.

— Я—Дунканъ Форллъ, адвокатъ, кузенъ вашего покойнаго барина,—продолжалъ господинъ.—Что вы успѣли предпринять въ теченіе дня?

Прайамъ смутился:

— Ничего. Я... я спалъ.

— Вы непочтительны,—сказалъ Дунканъ Форллъ.

Такъ, значитъ, это его троюродный братъ, котораго онъ видѣлъ только разъ, еще мальчикомъ! Никогда бы онъ не узналъ его. За сорокъ лѣтъ кто не измѣнится!

Дунканъ Форллъ сталъ обходить весь нижній этажъ и на порогѣ каждой комнаты издавалъ возгласъ: «Ага!» или «А-а-а!» Затѣмъ они съ докторомъ поднялись наверхъ. Прайамъ, одинокій и крайне растерянный, остался въ передней.

Наконецъ, Дунканъ Форллъ спустился внизъ.

— Идите сюда, Линкъ,—сказалъ онъ.

Прайамъ покорно вошелъ за нимъ въ ту комнату, гдѣ стояло твердое кресло. Дунканъ усѣлся въ него.

— Какое вы получали жалованіе?

Прайамъ постарался вспомнить, сколько онъ платилъ Генри Линку.

— Сто фунтовъ въ годъ,—сказалъ онъ наконецъ.

— А-а! хорошее жалованіе. По какой срокъ вамъ уплачено?

Прайамъ вспомнилъ, что онъ платилъ Линку два дня назадъ.

— До позавчерашняго дня,—сказалъ онъ.

— Я долженъ еще разъ сказать, что вы не особенно почтительны,—проговорилъ Дунканъ, вынимая изъ кармана свою записную книжку.—Какъ бы то ни было, вотъ вамъ 8 фунт.

7 шиллинговъ за мѣсяцъ впередъ. Соберите свои вещи и идите. Ваши услуги мнѣ не понадобятся. Я воздержусь отъ всякихъ замѣчаній, но я васъ попрошу одѣться—теперь три часа—и можете уѣзжать, куда хотите. Покажите мнѣ свой сундукъ или сундуки прежде, чѣмъ вы уѣдете.

Часъ спустя, когда Прайамъ Форллъ стоялъ за дверью своего собственнаго дома съ чемоданомъ Генри Линка въ одной рукѣ и его же парусиновымъ мѣшкомъ въ другой, онъ ощущалъ, что новая его карьера движется съ неимовѣрной быстротой. Онъ хотѣлъ свободы, и вотъ онъ свободенъ. Совершенно свободенъ! Ему казалось необыкновеннымъ, что такъ много можетъ случиться въ столь короткое время.

ГЛАВА II.

Изъ кармана легкаго пальто Линка торчалъ сложенный номеръ «Daily Telegraph». Прайамъ Форллъ былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ педантъ и, какъ всѣ правильно разсуждающіе педанты и портные, не любилъ нарушать мягкую стройность линій оттопыривающимися карманами. И пальто и пиджачная пара подъ нимъ были очень еще приличныя, и хотя они принадлежали покойному Генри Линку, но они были вполнѣ впору Прайаму, такъ какъ когда-то были его собственностью, а затѣмъ только перешли къ его лакею. Прайамъ Форллъ разсѣянно вынулъ изъ кармана «Telegraph», и взглядъ его упалъ на слѣдующее объявленіе: «Великолѣпный первоклассный меблированный домъ. Роскошная обстановка. Лучшее мѣстоположеніе въ Лондонѣ. Тишина. Образцовая кухня. Излюбленное мѣстопребываніе лицъ высшаго общества. Отдѣльные столики. Комнаты отъ $2^1/_2$ гиней въ недѣлю. Квинсгэтъ, 250». А нѣсколько ниже онъ прочелъ: «Роскошный отель-особнякъ. Уютныя общія гостиныя. Парижскій шефъ. Отдѣльные столики. Четыре ванныхъ комнаты. Карточная, билліардная. Молодое, интересное музыкальное общество. Бриджъ (по маленькой). Гигіеническая постановка дѣла. Лучшее въ Лондонѣ мѣстоположеніе. Комнаты отъ $2^1/_2$ гиней въ недѣлю. Трифуз.—Мэнтонъ, W.».

Въ этотъ моментъ извозчичій кэбъ катилъ мимо его дома, гдѣ Прайамъ стоялъ въ раздумьѣ на панели. Онъ подозвалъ его.

— Вотъ что, баринъ,—сказалъ извозчикъ, видя своимъ опытнымъ глазомъ, что Прайамъ Форллъ не справится съ ба-

гажемъ.—Дайте вонъ этому малому заработать. Онъ вамъ втащитъ вещи.

Мигомъ стоявшій вблизи проворный мальчишка съ обезьяньей ловкостью вскочилъ на подножку кэба и, не спрашивая ничего, выхватилъ у Прайама изъ рукъ чемоданъ. За свои упражненія онъ получилъ одну изъ монетъ, бывшую въ карманѣ пальто Линка, затѣмъ возница благороднымъ жестомъ поднялъ возжи, и Прайаму ничего не оставалось, какъ быть рѣшительнымъ, сѣсть въ кэбъ и сказать адресъ.

— Квинсгэтъ, 250,—приказалъ онъ.

Прайамъ выбралъ этотъ отель потому, что онъ представлялся ему идеаломъ спокойствія. Онъ чувствовалъ, что въ уютную тишину 250-го номера по Квинсгэтъ можно погрузиться, какъ въ мягкую перину. Другой отель смущалъ его. Онъ напоминалъ ему ужасы континентальныхъ гостиницъ. Въ своихъ странствіяхъ онъ много натерпѣлся отъ молодого, веселаго музыкальнаго общества большихъ отелей, а бриджъ (по маленькой) вовсе не соблазнялъ его.

Кэбъ неспѣша плелся дальше, а Прайамъ продолжалъ просматривать *Telegraph*. Къ своему удивленію, онъ увидалъ огромный столбецъ роскошныхъ отелей, изъ которыхъ каждый находился въ лучшей части Лондона. Выходило, что весь Лондонъ представляетъ собою сплошную восхитительную панораму. И съ какой предупредительностью, съ какимъ вниманіемъ они всѣ готовы были позаботиться о вашихъ удобствахъ, вашей ваннѣ, вашемъ питаніи! Прайамъ вспомнилъ старыя «меблировки» восьмидесятыхъ годовъ. Теперь все измѣнилось къ лучшему. «Telegraph» былъ биткомъ набитъ этимъ лучшимъ. Вотъ, напримѣръ, на первой страницѣ, налѣво, онъ замѣтилъ объявленіе о новомъ изысканномъ кафэ «Подъ липами», принадлежащемъ дамамъ изъ общества, гдѣ можно было получить настоящій чай, настоящій хлѣбъ съ масломъ и настоящее печеніе въ настоящей гостиной. Изумительно!

Кэбъ остановился.

— Развѣ здѣсь?—спросилъ Прайамъ у извозчика.

— Это 250-ый номеръ, сэръ.

Такъ оно и было, дѣйствительно. Но сходства съ частнымъ особнякомъ не было никакого. Это былъ просто обыкновенный домъ, закопченный, высокій и узкій, стиснутый между своими собратьями. Прайамъ Форллъ былъ озадаченъ, но внезапный поворотъ въ мысляхъ успокоилъ его.—Ну, конечно,—сказалъ онъ себѣ,—тутъ тихо, спокойно. Мнѣ будетъ здѣсь хорошо.

Онъ соскочилъ съ подножки. Въ подъѣздѣ было два звонка. Прайамъ потянулъ одинъ и сталъ ждать, чтобъ открылись врата и обнаружили великолѣпную перспективу роскошно убранныхъ аппартаментовъ. Никакого отвѣта. Тогда онъ потянулъ другой звонокъ. Полное молчаніе. Прайамъ вынулъ «Telegraph», чтобы справиться, не ошибся ли онъ въ номерѣ, какъ дверь вдругъ тихо распахнулась, и въ ней появилась женщина среднихъ лѣтъ въ черномъ шелковомъ платьѣ, уставившаяся на него съ выраженіемъ крайняго изумленія на лицѣ.

— Скажите, вѣдь это у васъ?...—началъ онъ нервно, смущенный ея упорнымъ взглядомъ.

— Вамъ нужны комнаты?—спросила она.

— Да,—сказалъ Прайамъ.—Я хотѣлъ бы. Я попросилъ бы показать мнѣ...

— Войдите,—сказала женщина. На ея сумрачномъ лицѣ, по командѣ, исходящей отъ мозга, стало появляться подобіе улыбки. Какъ подражаніе, улыбка эта была изумительна. При взглядѣ на нее невольно приходило въ голову, какъ это она ухитрилась научить свое лицо продѣлывать ее.

Прайамъ Форллъ, краснѣя, ступилъ на турецкій коверъ. Кругомъ было торжественно-уныло, точно въ церкви. Все окружающее смущало Прайама, но турецкій коверъ нѣсколько успокаивалъ его. Когда глаза его привыкли къ освѣщенію, онъ увидѣлъ, что «церковь» была очень узка и что вмѣсто хоровъ была лѣстница, тоже покрытая турецкимъ ковромъ. На нижней ступенькѣ находился предметъ, назначеніе котораго онъ не въ состояніи былъ сразу опредѣлить.

— Вамъ надолго нужно?—пробормотала женщина.

Его отвѣтомъ—отвѣтомъ робкой, впечатлительной натуры—было бѣгство изъ роскошнаго особняка. Онъ разсмотрѣлъ предметъ на нижней ступенькѣ. Это было помойное ведро съ тряпкой, обернутой вокругъ ручки.

Прайамъ чувствовалъ себя глубоко разочарованнымъ и обезкураженнымъ. Вся энергія покинула его. Лондонъ казался ему суровымъ, враждебнымъ. Онъ съ тоской думалъ о невозвратимомъ Линкѣ.

* * *

Черезъ часъ, сдавъ, по предложенію извозчика, свой багажъ на храненіе на Кенсингтонскомъ вокзалѣ, Прайамъ отправился пѣшкомъ изъ стараго Лондона въ ту центральную часть новаго Лондона, гдѣ люди ничего не дѣлаютъ кромѣ того, что дышатъ

воздухомъ въ паркахъ, катаются взадъ и впередъ въ особыхъ экипажахъ безъ лошадей, покупаютъ цвѣты и египетскія папиросы, разсматриваютъ картины, пьютъ и ѣдятъ. Почти всѣ зданія были теперь выше, чѣмъ они были раньше, а улица—шире. На каждомъ углу продавались фіалки, и вся атмосфера была проникнута возбуждающимъ ароматомъ утонченнаго savoir vivre'а. Прайамъ подошелъ къ огромному фасаду подъ аркой, на которой была надпись «Чай»; внутри онъ увидалъ сотню людей, занятыхъ чаепитіемъ; рядомъ было еще громадное помѣщеніе съ той же вывѣской «Чай» и въ немъ еще сотня людей сидѣла, пила и ѣла; и еще одно, и еще одно, и наконецъ онъ пришелъ на открытое мѣсто, которое показалось ему смутно-знакомымъ.

— Чортъ возьми! — подумалъ онъ,— вѣдь, это Пиккадилли!

И въ тотъ же моментъ Прайамъ увидѣлъ надъ узкой дверью изображеніе зеленаго дерева и слова «Подъ липами». Это былъ входъ въ кафэ «Подъ липами», такъ восхваляемое въ объявленіи «Telegraph'a». Прайамъ Форллъ былъ человѣкъ гуманный и прогрессивный, и представленіе о воспитанныхъ и деликатныхъ женщинахъ, храбро борющихся за существованіе вмѣсто того, чтобы пропадать съ голоду, какъ онѣ пропадали раньше, это представленіе сильно говорило его рыцарскому чувству. Онъ рѣшилъ помочь имъ тѣмъ, что будетъ пить чай въ ихъ рекомендованномъ учрежденіи. Прайамъ собрался съ духомъ и вошелъ въ корридоръ, освѣщенный розовыми электрическими тюльпанами, и затѣмъ поднялся вверхъ по розовымъ ступенькамъ. Наконецъ, розовая дверь указала, что цѣль достигнута. На ней была лаконическая надпись «Толкнуть», и онъ толкнулъ...

Комната, въ которой очутился Прайамъ Форллъ, была родъ будуара, густо заставленнаго столиками и стульями. Рѣзкій переходъ отъ открытой улицы къ гостиной сильно подѣйствовалъ на него: онъ заставилъ его такъ быстро снять шляпу, какъ будто она была раскалена. Въ противоположномъ концѣ будуара стояли двѣ высокія, элегантныя женскія фигуры, а все остальное пространство было занято пустыми столами и стульями. Прайамъ готовъ былъ уже пробормотать извиненіе и бѣжать, какъ вдругъ одна изъ дамъ замѣтила его. Не оставалось ничего другого, какъ сѣсть. «Дамы изъ общества» продолжали свой разговоръ. Прайамъ осторожно оглядѣлся вокругъ. По стѣнамъ въ экзотическомъ изобиліи росли липы, и ихъ верхнія вѣтви сплетались въ центрѣ потолка. На стволѣ дерева картонный плакатъ извѣщалъ коротко, что «Запрещается вводить собакъ».

Онъ какъ-будто придалъ бодрости Прайаму. Послѣ паузы одна изъ дамъ общества гордо подплыла къ нему и посмотрѣла ему прямо въ глаза. Она не говорила ни слова, но ея рѣшительный, упорный взглядъ говорилъ:

— Ну что же, выговори наконецъ и смотри у меня: веди себя какъ слѣдуетъ!

Прайамъ былъ готовъ улыбнуться по-рыцарски. Но улыбка застыла у него на губахъ.

— Чаю, пожалуйста,—пролепеталъ онъ, и робкій тонъ его говорилъ:—Если вамъ это не доставитъ слишкомъ много безпокойства.

— А къ чаю что?—отрывисто и быстро спросила дама изъ общества. Но такъ какъ гость былъ въ полной растерянности, то она добавила:—Сдобнаго или сухого печенія?

— Сухого печенія,—сказалъ Прайамъ, хотя онъ терпѣть не могъ сухого печенія. Но такъ ужъ вышло.

— Ну, пока ты вывернулся,—говорилъ шелестъ ея платья, когда она проплывала мимо.—Но, пожалуйста, не дурить тутъ безъ меня!

Когда она въ угрюмомъ молчаніи принесла и поставила на столикъ весь чайный приборъ, то оказалось, что на всемъ, за исключеніемъ ложки и печенья, росли липы.

Послѣ одной чашки и одного ломтика кекса, когда чай сталъ пахнуть вѣникомъ, а кексъ напомнилъ ему подошву, Прайамъ вернулъ свое прежнее присутствіе духа и сталъ доказывать себѣ, что онъ не совершилъ ничего преступнаго или злонамѣреннаго въ томъ, что вошелъ въ липовый будуаръ и потребовалъ за свои деньги чаю. Вдобавокъ, дамы изъ общества теперь какъ-будто совершенно забыли объ его существованіи, а въ дѣвственный липовый лѣсъ не пробирался никто изъ посторонникъ. Такимъ образомъ Прайаму не мѣшали размышлять. Его размышленія приняли непривычный для него оборотъ и заставили его тщательно изслѣдовать карманную книжку Генри Линка, которая была прежде знакома ему только по виду. Денежный вопросъ никогда не интересовалъ его, но сознаніе, что въ карманѣ брюкъ Линка, послѣ того, какъ онъ заплатилъ за храненіе багажа, остался одинъ только золотой,—это сознаніе заставило его призадуматься о финансовой сторонѣ своего дальнѣйшаго существованія.

Въ карманной книжкѣ Линка находились двѣ бумажки по десяти фунтовъ каждая. Кромѣ того пять кредитокъ по тысячѣ французскихъ франковъ и большое количество мелкихъ итальян-

скихъ ассигнацій: всего въ общей сложности это составляло сумму въ двѣсти тридцать фунтовъ. Кромѣ того онъ нашелъ нѣсколько почтовыхъ марокъ, маленькую линеечку и фотографію довольно миловидной женщины лѣтъ около сорока. Найденная сумма денегъ не показалась Форллу ни очень большой, ни незначительной. Она представлялась ему тѣмъ спасительнымъ средствомъ, которое дастъ ему возможность жить неопредѣленное время, не думая о деньгахъ. Онъ не задавалъ себѣ даже вопроса: какимъ образомъ попала въ бумажникъ Линка такая сумма, равняющаяся его двухгодовому заработку? Онъ зналъ или по крайней мѣрѣ догадывался, что Линкъ былъ прохвостъ. Тѣмъ не менѣе онъ питалъ къ Линку упрямую, циническую привязанность. Никогда ужъ больше Линкъ не будетъ брить его, никогда не заявитъ безапелляціоннымъ тономъ, что ему необходимо подстричь волосы, никогда не будетъ славать его багажъ и брать ему спальное мѣсто въ экспрессѣ! Эта мысль вызывала въ немъ настоящую печаль. Онъ не жалѣлъ Линка, не говорилъ про себя «бѣдный Линкъ»! Этого не могъ сказать человѣкъ, хорошо знавшій Линка, потому что главной особенностью умершаго было именно его умѣніе при всѣхъ обстоятельствахъ не забывать о своихъ интересахъ. Оттого-то сожалѣніе Прайама Форлла было направлено на самого себя.

Достоинство Форлла было сильно подорвано въ послѣднія минуты его пребыванія въ Сельвудъ-Террассъ, но все же у него были основанія радоваться. Докторъ, напримѣръ, пожалъ ему руку при прощаніи и сдѣлалъ это открыто въ присутствіи Дункана Форлла. Несомнѣнно, это была лестная дань симпатіи къ его особѣ. Но главной причиной удовлетворенности Прайама Форлла было то, что онъ не существовалъ больше для свѣта, что онъ уничтожилъ себя. Я долженъ откровенно сознаться, что это удовлетвореніе почти перевѣшивало его горе. Онъ вздохнулъ—и это былъ вздохъ облегченнаго сердца. Ибо теперь, какимъ-то чудомъ онъ былъ свободенъ отъ лэди Софьи Энтуистль. Вспомина недавній эпизодъ своей встрѣчи съ ней въ Парижѣ—что и было истинной причиной его внезапнаго бѣгства въ Лондонъ—Прайамъ поражался своей склонности къ дѣйствіямъ очертя голову. Какъ у всѣхъ робкихъ людей, у него бывали моменты сногсшибательной смѣлости, и эта смѣлость выражалась обыкновенно въ формѣ ухаживанія за дамами, встрѣчавшимися ему въ путешествіи. Надо замѣтить, что вообще онъ былъ гораздо менѣе робокъ съ женщинами, чѣмъ съ мужчинами. Но предложить руку и сердце такой обстрѣлянной птицѣ, какъ лэди Софья

Энтузистль, открыть ей свое инкогнито и получить ея согласіе—нѣтъ, это неслыханно!

А теперь онъ свободенъ, потому что умеръ.

Дрожь пробѣжала по спинѣ Прайама Форлла, когда онъ вообразилъ себѣ страшную судьбу, которой онъ теперь, къ счастью, избѣжалъ. Въ пятьдесятъ лѣтъ, человѣку съ прочными привычками и съ привычкой къ полной свободѣ склонить свою гордую шею подъ башмакомъ лэди Софьи!

Когда Форллъ клалъ бумажникъ обратно въ карманъ, онъ нащупалъ то письмо, которое получилось утромъ на имя Линка. Разсуждая самъ съ собой, слѣдуетъ ли вскрыть его или нѣтъ, онъ наконецъ вскрылъ его. Содержаніе письма было слѣдующее: «Дорогой м-ръ Линкъ! Я очень рада вашему письму, а на карточкѣ вы—истинный джентльменъ. Но отчего вы написали на машинкѣ? Если бъ вы знали, какое это тяжелое впечатлѣніе производитъ, вы бы не дѣлали этого. Но все же я буду рада встрѣтиться съ вами, какъ вы предлагаете. Мы могли бы завтра послѣ обѣда пойти вмѣстѣ къ Мэсклину и Куку. Вы знаете, онъ теперь уже не въ Египетскомъ пассажѣ, а, кажется, въ С.-Джорджъ. Но объ этомъ вы прочтете въ «Telegraph'ѣ». Время тоже будетъ указано. Я буду тамъ при открытіи. Вы узнаете меня по карточкѣ, но кромѣ того у меня шляпа съ красными розами. Значитъ, пока до свиданія! Съ привѣтомъ Алиса Челлайсъ. P. S. У Мэсклина и Кука есть масса темныхъ уголковъ. Я вынуждена просить васъ держать себя, какъ истинный джентльменъ. Простите, но я упоминаю объ этомъ на всякій случай. А. Ч.».

Ахъ! Линкъ, Линкъ! Теперь раскрылась тайна маленькой пишущей машины, которую лакей всюду таскалъ съ собою, а Прайамъ такъ и оставилъ въ своемъ домѣ.

Прайамъ взглянулъ на карточку изъ карманной книжки, а также, какъ это ни странно, бросилъ взглядъ на «Telegraph».

Въ это время въ гостиную ворвалась дама съ тремя дѣтьми и мгновенно заняла всю комнату. Дѣти пронзительно-радостно, на разные лады кричали: «Мама! мамочка! мамуля!» Когда одна изъ дамъ общества проходила мимо него, Прайамъ скромно спросилъ:

— Сколько прикажете?

Она, не останавливаясь, уронила на его столикъ листокъ бумаги и строго сказала:

— Заплатите у кассы.

Возлѣ кассы, спрятанной за ширмой изъ липъ, онъ увидѣлъ истую аристократку. Если тѣ двѣ напоминали дочерей графа или князя, то это была сама сіятельная супруга.

Прайамъ положилъ золотой.

— У васъ не найдется помельче?—прошипѣла графиня.

— Нѣтъ, къ сожалѣнію,—отвѣтилъ онъ.

Она презрительно взяла золотой и оглянула его со всѣхъ сторонъ.

— Странно!—пробормотала она.

Затѣмъ она отперла два ящика, недовольно отсчитала восемнадцать шиллинговъ и шесть пенсовъ серебромъ и мѣдью и подвинула ему кучку, не говоря ни слова и не глядя на него.

— Благодарю васъ,—сказалъ Прайамъ, нервнымъ движеніемъ пряча деньги.

И онъ поспѣшно бросился къ дверямъ, провожаемый громкими возгласами: «Мамуля!» «мамочка!» «мама!», отвергнутый и непризнанный этими деликатными утонченными созданіями, которыя вели борьбу за существованіе въ огромномъ холодномъ городѣ.

* * *

— Простите, вы, вѣроятно, м-ръ Линкъ? не правда ли?—произнесъ женскій голосъ, когда Прайамъ недоумѣло стоялъ у С.-Джорджъ-Холла, наблюдая выходъ послѣобѣденной публики. Онъ такъ быстро отпрянулъ назадъ, какъ будто женщина приставила револьверъ къ его виску. Весьма благоразумно меня спросятъ, зачѣмъ онъ пришелъ сюда, но этотъ вопросъ затрагиваетъ самыя глубокія основы человѣческой психологіи. Въ Прайамѣ Форллѣ было два человѣка. Одинъ былъ тотъ робкій человѣкъ, который давнымъ-давно убѣдилъ себя, что ему не слѣдуетъ имѣть дѣла съ другими экземплярами человѣческой породы, и возвелъ свое малодушіе въ достоинство. Другой человѣкъ въ немъ былъ безпечный и легкомысленный малый, любившій смѣлыя приключенія и имѣвшій слабость къ импровизированнымъ столкновеніямъ со всякаго рода людьми. И вотъ человѣкъ № 2 часто неожиданно ставилъ человѣка № 1 въ трудное положеніе, изъ котораго № 1-му хотя съ досадой и злобой, но приходилось выворачиваться.

Такъ и теперь. Несомнѣнно, это № 2-ой какъ ни въ чемъ не бывало прогуливался по Риджентъ-стритъ и явился сюда, привлеченный желаніемъ встрѣтить женщину въ шляпѣ съ красными розами, а № 1-му предстояло расплачиваться за это предпріятіе.

Форллъ приподнялъ свою шляпу, и въ тотъ же моментъ

замѣтилъ красныя розы. Онъ имѣлъ возможность отвѣтить, что онъ—не Линкъ и бѣжать, но не сдѣлалъ этого. Его лѣвая нога имѣла сильное поползновеніе къ бѣгству, но правая точно приросла къ мѣсту.

Они поздоровались. Но какъ она узнала его?

— Я не ожидала, что вы придете,—сказала дама съ мѣщанскимъ оттѣнкомъ говора.—Но мнѣ жалко было пропустить интересную программу, и я пошла одна.

— Отчего вы не ожидали меня?—предупредительно спросилъ онъ.

— Ну какъ отчего?—отвѣтила она,—я поняла, что послѣ смерти м-ра Форлла вамъ не до того, да и хлопотъ всякихъ много.

— Да, да, конечно,—проговорилъ онъ поспѣшно, соображая, что надо впередъ быть осторожнѣе: онъ уже совершенно забылъ о томъ, что м-ръ Форллъ умеръ.—А откуда вы узнали?

— Откуда?—громко воскликнула она.—Это мнѣ нравится! Да оглянитесь вы вокругъ себя: эти чучела, вѣдь, по всему Лондону ходятъ!

И она указала на обтрепаннаго субъекта съ оранжевымъ плакатомъ въ формѣ передника, на которомъ было напечатано огромными черными буквами: «Внезапная смерть Прайама Форлла въ Лондонѣ». За нимъ шли другіе обтрепанные субъекты, въ фартукахъ, но другихъ цвѣтовъ, на которыхъ тоже возвѣщалась смерть Прайама Форлла. И публика, выходящая изъ С.-Джорджа, накидывалась на нихъ, покупая газеты.

Форллъ покраснѣлъ. Странно, что онъ цѣлыхъ полчаса бродилъ по центральнымъ улицамъ Лондона и не замѣтилъ, что его собственнымъ именемъ такъ и пестритъ воздухъ. Но такъ оно было. Онъ принадлежалъ къ такой породѣ людей.

— Неужели вы не *видали* этихъ сандвичменовъ?—спросила дама.

— Увѣряю васъ, нѣтъ,—просто отвѣтилъ онъ.

— Это значитъ, что вы сильно задумались,—сказала она.—Онъ былъ хорошій, вашъ хозяинъ?

— Да, очень,—произнесъ Прайамъ Форллъ съ убѣжденіемъ.

— Однако вы не надѣли траура.

— Нѣтъ. То-есть я...

— Я сама не стою за трауръ,—продолжала дама.—Люди говорятъ, что это для того, чтобы показать уваженіе и печаль. Но мнѣ кажется, что если можно показать печаль не иначе,

какъ въ черныхъ перчаткахъ, съ которыхъ всегда сходитъ краска, то... Не знаю какъ ваше мнѣніе, но я всегда была противъ траура. Да и воля ваша—это ропотъ на Провидѣніе! Не знаю, какъ вы на этотъ счетъ разсуждаете, но я...

— Я вполнѣ согласенъ съ вами,—сказалъ онъ съ доброй, мягкой улыбкой, которая иногда появлялась на его лицѣ и мгновенно измѣняла его.

Она тоже улыбнулась, сочувственно и довѣрчиво поглядывая на него. Она была маленькаго роста женщина, пухлая, даже полная, съ круглыми красными щеками. На ней была бѣлая блузка, пунсовая, несуразно сидѣвшая, юбка, сѣрыя нитяныя перчатки, въ рукѣ зеленый зонтикъ, и все это увѣнчивалось черной шляпой съ красными розами. Фотографія, лежавшая въ портфельчикѣ Линка, очевидно относилась къ прошлому. Дамѣ на видъ было лѣтъ сорокъ пять, тогда какъ карточка изображала только тридцать девять съ хвостикомъ. Прайамъ смотрѣлъ на нее покровительственно, съ добродушной снисходительностью и одобреніемъ.

— Вѣроятно, вамъ скоро придется идти назадъ приводить все въ порядокъ?—спросила она, стараясь поддержать разговоръ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ. — Тамъ у меня кончено. Они уволили меня.

— Кто—они?

— Родственники.

— За что́?

Форллъ покачалъ головой.

— Но вы хоть заставили ихъ заплатить за мѣсяцъ впередъ?—твердо спросила она.

Прайамъ былъ радъ, что могъ дать на это удовлетворительный отвѣтъ.

Помолчавъ немного, она храбро продолжала:

— Такъ, значитъ, м-ръ Форллъ былъ художникъ? Такъ пишутъ въ газетахъ.

Онъ кивнулъ головой.

— Чудно́е все-таки занятіе,—сказала она.—Но, кажется, нѣкоторые изъ нихъ отлично зарабатываютъ... Да кому же объ этомъ лучше знать, какъ не вамъ?

Никогда въ жизни Прайамъ Форллъ не разговаривалъ въ такомъ духѣ и съ такой особой, какъ м-съ Алиса Челлайсъ. Она была для него любопытнѣйшимъ образчикомъ во всѣхъ отношеніяхъ—въ костюмѣ, манерахъ, говорѣ, взглядахъ на жизнь

и на его искусство. Онъ только слышалъ и читалъ о такихъ людяхъ, какъ м-съ Алиса Челлайсъ, а теперь судьба привела его въ прямой контактъ съ одною изъ нихъ. Вся исторія представлялась ему удивительно странной, безумной авантюрой съ его стороны. Разумъ подсказывалъ ему, что смѣшно продолжать это qui pro quo, но робость и любопытство не позволяли отступать.

— Ну что же, — сказала она, — не вѣчно же мы будемъ здѣсь стоять!

Толпа разсѣялась уже въ разныя стороны, и служитель запиралъ двери С.-Джорджъ-Холла. Прайамъ закашлялся.

— Какая жалость, что суббота, и всѣ магазины закрыты. Но не пройтись ли намъ все-таки по Оксфордъ-стритъ? А? какъ вы?—сказала Алиса.

— Я ничего противъ этого не имѣю.

— Вотъ что я бы хотѣла вамъ сказать, —проговорила она, спокойно улыбаясь, когда они пошли. — Вы не должны робѣть передо мною. И отчего бы? У меня все просто: что на душѣ, то и на языкѣ.

— Робѣть? — воскликнулъ Прайамъ съ искреннимъ изумленіемъ. Онъ думалъ, что ведетъ себя поразительно нагло.

— Ну, да,—сказала она.—А если нѣтъ, то тѣмъ лучше. Гдѣ мы можемъ побесѣдовать по душѣ? Я свободна сегодня вечеромъ. А вы?

* * *

Черезъ часъ они рядомъ входили въ сверкающее помѣщеніе, стѣны котораго казались сплошь покрытыми зеркалами, такъ что любопытный зритель могъ все время любоваться своей фигурой во всѣхъ поворотахъ. Въ промежуткахъ между зеркалами на полированныхъ дощечкахъ красовалась надпись: «На чай не берутъ». Казалось, будто директора этого учрежденія желали по возможности уяснить посѣтителямъ, что они получатъ здѣсь все, кромѣ чаевыхъ.

— Мнѣ всегда хотѣлось попасть сюда,—оживленно сказала м-съ Алиса, взглядывая вверхъ, на почтеннаго, пожилого Прайама Форлла.

Они благополучно прошли двѣ зеркальныя двери; затѣмъ высокій человѣкъ въ формѣ, похожей на полицейскую, успѣшно подражая манерамъ полисмена, вытянулъ руку впередъ и остановилъ ихъ.

— Въ очередь, пожалуйста,—сказалъ онъ.

— Я думалъ, что это ресторанъ, а не театръ,—шепнулъ Прайамъ своей сосѣдкѣ.

— Ресторанъ онъ и есть, — подтвердила она. — Но имъ приходится устраивать очередь, потому что у нихъ всегда огромная толпа. Красиво здѣсь, правда?

Прайамъ согласился, что красиво. Онъ замѣчалъ вообще, что Лондонъ ушелъ далеко впередъ и что ему придется сильно поторапливаться, чтобы нагнать его.

Наконецъ, другой псевдо-полисменъ раскрылъ еще двери, и они вмѣстѣ съ другими грѣшниками изъ чистилища попали въ сіяющій рай, гдѣ, какъ оказалось, опять «на чай не берутъ». Ихъ препроводили въ углу большого зала къ маленькому столику, уставленному грязными тарелками и недопитыми стаканами. Лакей во фракѣ очутился около столика, въ одно мгновеніе ока убралъ все, что на немъ находилось, и исчезъ. Быстрота этихъ дѣйствій была сверхъестественна, и не успѣлъ Прайамъ придти въ себя отъ изумленія, какъ онъ тотчасъ снова впалъ въ него, потому что обнаружилось, что лакей во фракѣ успѣлъ даже сунуть ему въ руки меню съ золотыми буквами. Меню было необычайно длинно, и лакей, очевидно зная по опыту, что этотъ документъ нельзя изслѣдовать и изучить въ пять минутъ, въ теченіе добрыхъ четверти часа не нарушалъ покоя Форлла и его дамы, тщательно изучавшихъ карточку. Затѣмъ онъ снова подлетѣлъ къ нимъ, какъ вихрь, подвергъ ихъ подробному допросу относительно меню и умчался, а послѣ его исчезновенія они замѣтили, что на столѣ лежитъ чистая скатерть и приготовлены два прибора, рюмки и стаканы. Въ это время оркестръ заигралъ что-то очень веселое и игралъ все громче и громче, а публика говорила все громче. Звонъ мѣдныхъ тарелокъ въ оркестрѣ сливался со звономъ посуды и стукомъ ножей и вилокъ. Лакеи во фракахъ носились взадъ и впередъ съ непонятной быстротой, таинственные и проникновенные, какъ заговорщики. А съ мраморныхъ стѣнъ, зеркалъ и дорическихъ колоннъ упорно сверкала та же надпись: «На чай не берутъ».

Таковъ былъ первый обѣдъ Прайама Форлла въ современномъ Лондонѣ. Ему хорошо знакомы были рестораны и отели полдюжины странъ, но нигдѣ никогда онъ не былъ такъ ошеломленъ, какъ здѣсь. Ему вспоминались старыя лондонскія «закусочныя», и столько мыслей возникало у него въ мозгу, что онѣ мѣшали ему ѣсть.

— Развѣ не славно?—спросила м-съ Челлайсъ, потягивая пиво. — Я такъ рада, что вы привели меня сюда. Мнѣ всегда хотѣлось побывать здѣсь.

Черезъ нѣсколько минутъ она стараясь перекричать грохотъ, говорила:

— Знаете, я уже много лѣтъ все думала о томъ, чтобы опять выйти замужъ. А разъ *думаешь* это, то что̀ тутъ дѣлать? Сидѣть и ждать? Этакъ досидишь, пока яйца станутъ шесть пенсовъ дюжина и все-таки ничего не высидишь. Надо для этого что-нибудь предпринять. А что̀ же тутъ предпринять кромѣ брачной конторы? И вотъ скажу вамъ: я не понимаю, что̀ люди имѣютъ противъ брачной конторы? Разъ вы желаете жениться, то вы желаете и все тутъ, и незачѣмъ притворяться. Терпѣть не могу притворства и кривлянья. Развѣ стыдно желать жениться? Я считаю, что брачная контора—хорошее полезное дѣло. Говорятъ, что тамъ надуваютъ. А я скажу надуваютъ того, кого легко надуть. Провести можно и безъ конторы, я такъ полагаю. Меня не проведешь! Благоразумные и толковые люди никогда на удочку не попадутся. Если вы спросите мое мнѣніе, то я скажу, что брачная контора самая остроумная штука, какую только выдумали люди. И увѣряю васъ, что если что-нибудь изъ этого выйдетъ я съ радостью уплачу сколько слѣдуетъ. Вы согласны со мной?

Тайна разъяснилась.

— Вполнѣ,—сказалъ Прайамъ, чувствуя, какъ холодъ бѣжитъ у него по спинѣ.

ГЛАВА III.

Съ того момента, какъ м-съ Алиса Челлайсъ высказалась въ пользу брачныхъ конторъ, существованіе Прайама Форлла стало сплошнымъ мученіемъ. Она была то, что̀ онъ всегда называлъ «очень приличная женщина», но все-таки... Предложеніе это не окончено, потому что Прайамъ никакъ не могъ закончить его про себя. Разъ пятьдесятъ онъ доводилъ его до этого «но все-таки», а дальше оно разсѣивалось въ туманѣ хаотическихъ чувствъ.

— Теперь намъ, пожалуй, пора идти,—сказала она, когда ея мороженое было съѣдено, а его—все растаяло.

— Да,—отвѣтилъ онъ и прибавилъ про себя: «Но куда?»

Какъ бы то ни было, но ему казалось облегченіемъ выбраться изъ ресторана, и онъ потребовалъ счетъ.

Пока они ожидали счета, положеніе стало напряженнымъ. Прайамъ ощущалъ жгучее желаніе бросить деньги на столъ и опрометью броситься бѣжать. М-съ Челлайсъ, смутно сознававшая это, съ трудомъ поддерживала разговоръ.

— Вы очень похожи на свою карточку, — говорила она, глядя на его лицо, которое—надо замѣтить—замѣтно измѣнилось за послѣдніе полчаса. Выраженіе его лица мѣнялось сто разъ въ день. Сейчасъ у него было тревожно-безпокойное выраженіе—такое, какое можетъ быть у человѣка, запертаго въ окованной желѣзомъ каморкѣ и замѣчающаго вдругъ, что стѣны по угламъ раскалены до-красна.

— На мою карточку?—переспросилъ онъ, изумляясь, какъ онъ можетъ быть похожъ на карточку Линка.

— Да,—твердо подтвердила она. — Я сразу узнала васъ. Особенно по носу.

— Она у васъ съ собой?—спросилъ Прайамъ, интересуясь тѣмъ, на какой карточкѣ у Линка такой же носъ, какъ у него.

М-съ Челлайсъ вынула изъ своего ридикюля и протянула Прайаму карточку—не Линка, а его самого, Прайама Форлла! Это былъ снимокъ, сдѣланный какъ этюдъ для одной картины и, дѣйствительно, хорошій снимокъ... Но почему Линкъ разсылалъ карточки своего хозяина особамъ, съ которыми онъ свелъ знакомство при помощи брачнаго бюро? Прайамъ Форллъ не могъ никакъ себѣ объяснить этого.

М-съ Челлайсъ съ радостной улыбкой глядѣла на карточку.

— Нѣтъ, скажите откровенно: вѣдь, хорошая карточка, правда?

— Да, это вѣрно, — согласился онъ. Кажется, онъ съ радостью далъ бы двѣсти фунтовъ за смѣлость объяснить ей въ немногихъ словахъ, что тутъ произошла нелѣпая путаница. Но ни за какія деньги смѣлости этой не купишь!

— Она мнѣ страшно, страшно нравится,—горячо, съ увлеченіемъ сказала Алиса и вложила карточку обратно въ ридикюль.

— Вы не сказали мнѣ, были ли вы когда-нибудь женаты? А я все жду этого,—проговорила она, понизивъ голосъ.

Прайамъ покраснѣлъ. Какъ она переводитъ разговоръ все на интимное!

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.

— И вы всегда жили вотъ такъ, одиноко, безъ своего дома, вѣчно въ разъѣздахъ и никого не было, кто бы позаботился о васъ?

Тревога и состраданіе звучали въ ея голосѣ.

Онъ кивнулъ головой.

— Ко всему этому привыкаешь.

— О, да,—сказала она.—Я понимаю.

— Не имѣешь отвѣтственности...—добавилъ онъ.

— Ну, да, я понимаю васъ. Но...

Голосъ ея дрогнулъ.

— Мнѣ такъ жаль васъ. Столько лѣтъ...

Глаза ея были влажны, и тонъ—такой искренній, что Прайамъ былъ растроганъ. Конечно, она говорила о Генри Линкѣ, скромномъ лакеѣ, а не объ его знаменитомъ баринѣ. Но Прайамъ не видѣлъ существенной разницы между своей судьбой и судьбой Линка. Несмотря на многочисленныя достоинства Линка, какъ лакея, все же настоящимъ образомъ о немъ никто не заботился. Отъ звука ея голоса ему тоже стало жаль себя; онъ почувствовалъ, что у нея доброе сердце, а это, вѣдь, единственная вещь, имѣющая значеніе. О, если-бъ лэди Софія Энтуистль хоть разъ говорила съ нимъ такимъ тономъ!..

Наконецъ, появился счетъ. Онъ былъ такъ малъ, что Прайаму стыдно было платить. Повидимому, уничтоженіе чаевыхъ позволило властелину этого зеркальнаго дворца давать полный обѣдъ за ту же цѣну, за какую рядомъ давали щепотку чаю и нѣсколько штучекъ бисквитовъ. Къ счастью, властелинъ, предвидя конфузъ гостя, устроилъ особый способъ уплаты черезъ маленькое отверстіе, гдѣ кассиръ или кассирша не могли видѣть ничего, кромѣ краснѣющихъ рукъ Прайама. Что же касается заговорщиковъ во фракахъ, то они, повидимому, никогда не унижались до прикосновенія къ презрѣнному металлу.

Вышли на улицу. Прайамъ былъ въ полномъ невѣдѣніи относительно того, что дѣлать дальше. Войдите въ его положеніе, онъ былъ совершенно незнакомъ съ кодексомъ обычаевъ м-съ Челлайсъ.

— Можетъ быть, вы хотите пойти въ Альгамбру или куда-нибудь,—попытался онъ.

— Очень любезно съ вашей стороны,—сказала она.—Но, вѣдь, вы сказали это только по добротѣ душевной, и потому, что вы джентльменъ. Вамъ неудобно сегодня итти въ Мюзикъ-холлъ. Я помню, что сказала про вечеръ, но это у меня нечаянно вырвалось. Это не намекъ былъ—честное слово! Теперь надо домой, а можетъ быть, въ другой разъ...

— Я провожу васъ,—быстро произнесъ Прайамъ.

— Вы серьезно? Вы развѣ не спѣшите?

И въ яркомъ голубоватомъ свѣтѣ электричества видно было, что она покраснѣла. Да, покраснѣла, какъ дѣвочка.

Затѣмъ она повела его по боковой улицѣ къ маленькой станціи, незнакомой Прайаму по старымъ воспоминаніямъ, крытой черепицей и чистенькой, какъ голландскій домикъ. Подъ руководствомъ Алисы онъ взялъ билеты до станціи, имя которой онъ въ первый разъ слышалъ, и потомъ они прошли черезъ стальные барьеры въ небольшое защищенное пространство, откуда единственнымъ выходомъ былъ длинный туннель. Изображенные на стѣнахъ пальцы, указывая на слово «лифты», помогали выбраться изъ туннеля. «Поспѣшите, пожалуйста», донесся голосъ изъ мрака. М-съ Челлайсъ побѣжала.

Наверху туннеля, не взирая на всѣ усовершенствованія современной техники, дулъ страшно-сильный вѣтеръ. Какъ только Прайамъ пустился бѣжать, вѣтеръ сорвалъ его шляпу, и она понеслась назадъ, къ улицѣ. Прайамъ съ проворствомъ двадцатилѣтняго юноши бросился за нею и поймалъ ее. Но, когда онъ вернулся къ концу туннеля, его изумленнымъ глазамъ представилась большая клѣтка, гдѣ люди, какъ звѣри, жались за желѣзной рѣшеткой. Раздалось бряцанье, и клѣтка исчезла изъ его глазъ, уйдя подъ землю.

Прайамъ почувствовалъ, что въ этомъ городѣ чудесъ есть больше, чѣмъ онъ воображалъ. Черезъ нѣсколько минутъ снизу появилась другая клѣтка, выбросила своихъ плѣнниковъ и снова быстро спустилась, взявши Прайама и многихъ другихъ. Затѣмъ она выбросила ихъ среди безчисленныхъ бѣлыхъ галлерей. Прайамъ долго бѣгалъ по этимъ галлереямъ, и нѣсколько разъ видѣлъ волшебные поѣзда безъ паровозовъ. Но въ этомъ подземномъ мірѣ онъ не могъ найти и признака м-съ Челлайсъ.

* * *

На бумагѣ съ надписью «Отель Вавилонъ, Лондонъ» Прайамъ Форллъ измѣненнымъ почеркомъ писалъ слѣдующую записку: «Дункану Форллу, Эсквайру».

«Сэръ, если какія-нибудь письма или телеграммы получатся на мое имя въ Сельвудъ-Террассъ, то будьте такъ добры направить ихъ мнѣ по вышеуказанному адресу. Съ глубокимъ почтеніемъ Г. Линкъ».

Ему стоило большого усилія подписаться именемъ умер-

шаго лакея; но онъ инстинктивно чувствовалъ, что Дунканъ Форллъ—такой человѣкъ, что ему только ниточку дай, а онъ ужъ всю сѣть распутаетъ. И такъ какъ письмо или телеграмма м-съ Челлайсъ можетъ получиться, то онъ долженъ открыто заявить себя Генри Линкомъ. Онъ потерялъ м-съ Челлайсъ. На ея письмѣ не было адреса, и онъ зналъ только, что она живетъ гдѣ-то въ Путнеѣ. Единственная надежда снова найти ее заключалась въ томъ фактѣ, что ей извѣстенъ былъ адресъ въ Сельвудъ-Террассъ. Прайамъ желалъ найти ее: онъ горячо желалъ этого, хотя бы для того только, чтобы разсказать ей, что его внезапное исчезновеніе объяснялось капризомъ его шляпы, и что онъ упорно и неутомимо, но безуспѣшно искалъ ее по всѣмъ проходамъ и галлереямъ. Неужели она думаетъ, что онъ намѣренно ускользнулъ отъ нея? Нѣтъ, не можетъ быть! Но почему же тогда она не подождала его на платформѣ? Все же Прайамъ надѣялся на лучшее. Самое лучшее была бы телеграмма, менѣе—письмо. Получивъ его, онъ полетитъ къ ней объясняться... Но помимо этого ему просто хотѣлось видѣть ее. Ея отвѣтъ на его предложеніе пойти въ Альгамбру и ея тонъ произвели на него глубокое впечатлѣніе. А ея замѣчаніе: «Мнѣ жалко васъ!» какъ-то даже перемѣнило его точку зрѣнія на свою жизнь. Да, ему хотѣлось видѣть ее, чтобы не утратить ея уваженія. Это женщина, немыслимая въ обществѣ, со странными манерами и привычками (несомнѣнно, такихъ, какъ она, есть великое множество), но это женщина, уваженіе которой не хочется потерять безъ борьбы!

Прайамъ былъ вынужденъ дѣйствовать быстро и рѣшительно, когда потерялъ свою спутницу. Онъ сдѣлалъ то, что естественно было сдѣлать испытанному и привычному путешественнику: онъ поѣхалъ въ ту гостиницу, которая считалась лучшей въ Лондонѣ. Онъ понялъ, что идея «меблировки» была неостроумна, и вотъ онъ находился въ большой комнатѣ съ видомъ на Темзу, съ письменнымъ столомъ, диваномъ, пятью электрическими лампами, двумя креслами, телефономъ, электрическими звонками и массивной дубовой дверью съ замкомъ и ключомъ въ замкѣ—словомъ, въ своемъ владѣніи! Онъ записался подъ именемъ Линка. Фамилія была настолько обычная, что не могла вызвать никакого особеннаго вниманія, а лакей въ его этажѣ оказался превосходнымъ малымъ. Прайамъ чувствовалъ себя теперь въ сравнительной безопасности отъ непріятнаго контакта съ внѣшнимъ міромъ. Огромный «Вавилонъ» былъ удобнымъ гнѣздомъ для его робости. Здѣсь онъ былъ такой же

гость, какъ всѣ, полный хозяинъ 331-го номера и имѣлъ право для своихъ личныхъ цѣлей распоряжаться почти безграничными средствами «Вавилона».

Заклеивъ конвертъ, онъ позвонилъ.

Вошелъ лакей.

— У васъ есть вечернія газеты?—спросилъ Прайамъ Форллъ.

— Да сэръ.

И онъ почтительно положилъ на столъ стопку газетъ.

— Всѣ тутъ?

— Да, сэръ.

— Спасибо. Скажите, теперь можно еще имѣть посыльнаго? Не слишкомъ поздно?

— Конечно, сэръ.

Шокированный тонъ лакея говорилъ: — Развѣ есть что-нибудь, чего нельзя въ «Вавилонѣ»! «Слишкомъ поздно» въ Вавилонѣ!

— Тогда, пожалуйста, пошлите сейчасъ же посыльнаго съ этимъ письмомъ.

— На извозчикѣ, сэръ?

— Да, на извозчикѣ. Я не знаю, будетъ ли отвѣтъ. Тамъ скажутъ. Затѣмъ пусть онъ заѣдетъ на Кенсингтонскій вокзалъ и получитъ мой багажъ. Онъ на храненіи. Вотъ квитанція.

— Благодарю васъ, сэръ.

— Вы позаботитесь, чтобы онъ сейчасъ же поѣхалъ?

— Будьте покойны, сэръ,—отвѣтилъ лакей тономъ непоколебимаго убѣжденія.

— Благодарю васъ. Больше мнѣ ничего не нужно.

Лакей поклонился и вышелъ, затворивъ дверь такъ, какъ можетъ затворить только человѣкъ, искушенный въ этомъ дѣлѣ и посвятившій всю жизнь тонкостямъ своей профессіи.

* * *

Прайамъ лежалъ на диванѣ. Люстру и лампы онъ потушилъ, за исключеніемъ одной, подъ краснымъ абажуромъ. Возлѣ него валялись всѣ вечернія газеты—бѣлыя, зеленыя, розовыя и желтыя. Ему хотѣлось просмотрѣть некрологи; просто взглянуть на нихъ небрежно-снисходительно, чтобы видѣть, чего тамъ газетчики насочиняли о немъ. Онъ зналъ цѣну некрологамъ и частенько

подсмѣивался надъ ними. Зналъ онъ также невѣроятную тупость критики по вопросамъ искусства, которая даже не вызывала у него улыбки, дотого была скучна. Вспоминалось Прайаму также, что онъ—не первый человѣкъ, который будетъ читать некрологъ о самомъ себѣ—это уже случалось и съ другими. При этомъ, разсказывалось, люди эти съ философскимъ спокойствіемъ читали отчетъ о своихъ дѣяніяхъ. Прайамъ тщательно старался настроить себя на философскій ладъ. Вспомнились ему слова Марка Аврелія о тщетѣ славы, вспомнилось ему свое собственное всегдашнее усталое презрѣніе къ прессѣ. Съ мудрой скромностью онъ разсуждалъ, что въ искусствѣ ничто не имѣетъ значенія, кромѣ самого произведенія, и что никакіе толки не могутъ измѣнить его цѣнности въ дурную или хорошую сторону.

Размышляя такъ, Прайамъ сталъ раскрывать газеты.

Первый бѣглый взглядъ на заголовки уже заставилъ его подскочить. Сердце громко заколотилось. Температура повысилась. Пульсъ сталъ чаще. Неясно, но вполнѣ ощутительно онъ понялъ, что онъ очевидно геніальный художникъ. Конечно, цѣны за свои картины онъ получалъ крупныя. Онъ смутно догадывался также, что является объектомъ любопытства широкой публики. Но никогда ему не приходило въ голову сравнивать себя съ титанами славы на землѣ. Ему всегда казалось, что *его* популярность была меньше, чѣмъ у другихъ, какая-то не настоящая, а только *будто бы*. Никогда не представлялось ему, что онъ тоже представляетъ собою одну изъ титаническихъ фигуръ. Теперь онъ ясно сознавалъ это. Газеты съ потрясающей силой внушили ему сознаніе своего могущества.

Спеціальный крупный шрифтъ! Огромные заголовки черезъ два столбца! Траурная кайма! «Смерть величайшаго художника Англіи». «Одинокая смерть генія». «Угасла блестящая жизнь». «Нѣтъ больше Прайама Форлла». «Европа скорбитъ о великой потерѣ», «Непоправимая потеря мірового искусства», «Наши читатели будутъ потрясены горестной вѣстью», такъ писали газеты, стараясь перещеголять другъ друга глубиной чувствъ и энтузіазмомъ.

Прайамъ чувствовалъ, что его снисходительная небрежность къ газетчикамъ исчезаетъ. Морозъ пробѣжалъ по его спинѣ. Вотъ онъ лежитъ здѣсь одиноко, запершись въ своемъ номерѣ, какъ-будто такой же человѣкъ, какъ всѣ, а между тѣмъ его оплакиваетъ вся Европа. Всѣ люди, любящіе истинное искусство, ощущаютъ тяжелую личную утрату. Значитъ, все-таки масса цѣнитъ настоящее хорошее! Настроеніе публики, нарисованное вечерними

газетами, изумительно. Человѣчество, видимо, сражено извѣстіемъ о его смерти. Онъ забылъ, что м-съ Челлайсъ, напримѣръ, великолѣпно удалось подавить свою печаль о невознаградимой утратѣ, и что ея вопросы насчетъ Прайама Форлла были по меньшей мѣрѣ поверхностны. Онъ забылъ, что нигдѣ на улицахъ не было замѣтно и слѣда общей глубокой печали, и что нигдѣ не раздавалось рыданій. Онъ помнилъ только, что вся Европа въ траурѣ по немъ!

— Выходитъ, что я былъ великій художникъ, то-есть не былъ, а есть сейчасъ,—подумалъ онъ про себя, изумленный и счастливый. Да, счастливый.

— Вѣроятно, я просто такъ привыкъ къ своимъ работамъ, что сталъ слишкомъ мало думать о нихъ,—сказалъ онъ себѣ, такъ скромно, какъ только могъ.

Теперь не могло быть рѣчи о томъ, чтобы бѣгло посмотрѣть некрологи. Онъ не пропускалъ ни одной строчки, ни одного слова. Ему даже жаль было, что такъ мало было подробностей изъ его жизни, и онѣ такъ незначительны. Журналисты, думалось ему, должны были больше узнать, болѣе энергично раздобыть свѣдѣнія. Но тонъ былъ правильный, а отношеніе вполнѣ благожелательное. Ничего, кромѣ хвалы, не встрѣчалъ его ищущій взглядъ. Его скромность подсказывала ему, что тутъ было преувеличеніе, но безпристрастіе его спросило:—Ладно. Но что же они могли бы сказать противъ меня?

Послѣ продолжительнаго чтенія Прайамъ наткнулся въ одной статьѣ на фразу, гдѣ осторожно высказывалось предположеніе, что покойный художникъ избиралъ такіе неожиданные сюжеты для своей кисти, какъ пингвины или полицейскіе, изъ желанія съоригинальничать. Обвиненіе это оскорбило Прайама.

— Оригинальничать!—воскликнулъ онъ про себя.—Что за ерунда! Какой это оселъ!

Злобу вызвало въ немъ также слѣдующее окончаніе одной въ высшей степени хвалебной замѣтки, написанной знатокомъ дѣла и авторомъ многихъ хорошихъ книгъ:

«Какъ бы то ни было, современныя оцѣнки въ большинствѣ случаевъ оказываются совершенно неправильными, и это обязываетъ насъ къ сдержанности при выборѣ пьедестала для нашего кумира. Только время можетъ надлежащимъ образомъ указать мѣсто Прайама Форлла въ исторіи нашего искусства».

Скромность Прайама шептала ему, что это вѣрно, что современныя оцѣнки, дѣйствительно, неправильны. Но это было

ему непріятно. Это мѣшало ему. Вѣдь, каждое правило имѣетъ исключенія! Къ чорту время!

Когда Прайамъ дошелъ почти до послѣдней строчки послѣдняго некролога, онъ окончательно разволновался. Большинство газетъ, для объясненія скудости біографическихъ данныхъ, говорило, что Прайамъ Форллъ былъ абсолютно неизвѣстенъ лондонскому обществу, что онъ терпѣть не могъ появляться публично, что онъ былъ затворникомъ и проч. Слово «затворникъ» уже немножко покоробило его, но, когда онъ дальше прочиталъ, что Прайамъ Форллъ былъ большой чудакъ, внутри у него все закипѣло. Ни его скромность, ни философія не въ силахъ были привести его въ спокойное состояніе.

Онъ—чудакъ? Онъ? По какому праву, чортъ возьми, посмѣли они распространять о немъ всякія небылицы?

* * *

Между четвертью и половиной двѣнадцатаго Прайамъ сидѣлъ одинъ за маленькимъ столикомъ въ ресторанѣ «Вавилона». Отъ м-съ Челлайсъ онъ не имѣлъ никакихъ извѣстій; очевидно, она не телеграфировала тотчасъ же въ Сельвудъ-Террассъ, какъ онъ надѣялся. Въ сундукѣ Линка, доставленномъ посыльнымъ съ Кенсингтонскаго вокзала, онъ нашелъ свою черную пару, не очень старую, и надѣлъ ее. Имъ овладѣло желаніе неузнаннымъ потереться среди хорошо одѣтаго общества постоянныхъ посѣтителей дорогихъ отелей, среди общества, къ которому онъ привыкъ. Кромѣ того онъ былъ голоденъ. И поэтому онъ спустился въ знаменитый ресторанъ, съ огромными окнами на набережную Темзы. Блѣдно-палевый залъ былъ почти полонъ: здѣсь были дорого стоющія женщины, много тратящіе мужчины и лакеи съ серебряными цѣпочками, услуги которыхъ—безшумныя, искусныя, сверхчеловѣческія—оплачивались приблизительно по четыре пенса въ минуту. Музыка, полная любовныхъ чаръ, плыла, еле слышная сквозь сгущенную атмосферу. Здѣсь лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Лондонѣ, имитировалось римское сладострастіе, и послѣ унылаго запустѣнія въ Сельвудъ-Террассъ и шумнаго дворца, гдѣ «на чай не берутъ», Прайаму Форллу оно нравилось, какъ нравится все дома послѣ чужеземныхъ странствій.

Рядомъ съ его столикомъ былъ пустой столъ, накрытый на два прибора. Къ нему лакей съ почтительнымъ поклономъ под-

велъ молодого человѣка и великолѣпную даму, съ царственныхъ плечъ которой юность соскальзывала, точно тяжелый плащъ. Они сѣли за столъ, и Прайамъ Форллъ услышалъ слѣдующій разговоръ:

Мужчина. Ну, что же мы будемъ ѣсть?

Дама. Полноте, Чарли, развѣ вы въ состояніи заплатить такъ много?

Мужчина. Я и не думалъ говорить, что я въ состояніи. Заплатитъ редакція, а потому не смущайтесь.

Дама. Это все лордъ Нэзингъ?

Мужчина. Нѣтъ, это не онъ. Это нашъ новый, съ иголочки, издатель, выписанный спеціально изъ Чикаго.

Дама. А онъ продержится у васъ?

Мужчина. Пожалуй, продержится столько же, сколько ваша пьеса: сто представленій. Затѣмъ онъ получитъ неустойку за шесть мѣсяцевъ, и дѣлу конецъ.

Дама. А сколько эта неустойка?

Мужчина. Три тысячи.

Дама. Ну, что жъ, мнѣ такую сумму врядъ ли заработать въ полгода.

Мужчина. И мнѣ тоже. Но видите ли: мы, вѣдь, не родились въ Чикаго.

Дама. Меня приглашали туда на гастроли. Предлагали тысячу долларовъ въ недѣлю.

Мужчина. Отчего вы не разсказали мнѣ этого для интервью? Цѣлыхъ два антракта я бился, чтобы выцарапать у васъ что-нибудь интересное, а вы молчали и прятали про себя такую вещь. Нехорошо такъ поступать со старымъ и преданнымъ поклонникомъ! Но я пущу это какъ-нибудь въ оборотъ. Что вы скажете насчетъ poulet chasseur?

Дама. Ахъ, нѣтъ. Объ этомъ мнѣ и мечтать нельзя. Развѣ вы не знаете, что я на діэтѣ? Ничего остраго, никакихъ соусовъ, ни сахару, ни хлѣба, ни чаю. Благодаря этому я потеряла очень много въ вѣсѣ за шесть мѣсяцевъ. Вѣдь, я начинала ужасно полнѣть.

Мужчина. Разрѣшите мнѣ вставить это въ интервью!

Дама. Попробуйте только, и вы увидите, что станется съ вами.

Мужчина. Ладно, ладно. Ну, тогда возьмемъ салатъ-латукъ, Perrier и содовой воды. Я тоже на діэтѣ.

Лакей. Салатъ-латукъ, Perrier и содовую. Хорошо, сэръ.

Дама. Вы не слишкомъ занимательны, другъ мой.

Мужчина. Вы не знаете стремленій моей души. Не воображайте, что у меня нѣтъ души, оттого что я сотрудникъ «Рекорда».

Дама. Какъ вы философически настроены! Вѣроятно, вы прочитали книжку этого Омара Хаяма, о которомъ всѣ говорятъ. Кажется, такъ его зовутъ?

Мужчина. А-а, значитъ, слава Омара Хаяма уже дошла и до театральныхъ сферъ? Ну, чтожъ, земля вертится безъ сомнѣнія!

Дама. Пожалуйста, налейте немножко побольше содовой. И чуточку поменьше дерзости. Что же слѣдуетъ теперь читать по-вашему?

Мужчина. Самое современное сейчасъ—соціализмъ. Прочтите Уэльса о соціализмѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ дойдетъ и до вашихъ подмостковъ.

Дама. Ну, это все равно. Я не выношу Уэльса. Что это играютъ? Что вы сегодня дѣлали? Слушайте: развѣ это латукъ? Нѣтъ, нѣтъ! Хлѣба не надо. Вы уже забыли, что мнѣ хлѣба нельзя?

Мужчина. Я былъ занятъ дѣломъ Прайама Форлла.

Дама. Кого? Прайама Форлла?

Мужчина. Да. Этого художника, знаете.

Дама. Ахъ, да! *Этотъ.* Я видѣла его имя на плакатахъ. Онъ умеръ, кажется. Есть тутъ какая-то тайна?

Мужчина. Тайна не тайна, но чрезвычайно странно. Богатъ онъ былъ колоссально, а умеръ въ мрачной трущобѣ гдѣ-то на Фульгамъ-Родъ. Лакей его исчезъ. Мы первые получили извѣстіе объ его смерти, потому что находимся въ сношеніяхъ со всѣми участковыми клерками. Кстати, пусть это останется между нами—это нашъ секретъ. Нэзингъ сейчасъ же послалъ меня на мѣсто, чтобы написать всю исторію.

Дама. Исторію?

Мужчина. Ну да, подробности, обстановку. Мы всегда называемъ это исторіей.

Дама. Ну и чтожъ, удалось вамъ найти что-нибудь интересное?

Мужчина. Не особенно много. Я видѣлъ его двоюроднаго брата, Дункана Форлла, адвоката. Онъ узналъ о смерти только отъ насъ: мы ему телефонировали. Онъ почти ничего не разсказалъ мнѣ.

Дама. Вотъ какъ! Я надѣюсь, что тутъ было что-то страшное.

Мужчина. Зачѣмъ вамъ?

Дама. Чтобы можно было пойти на слѣдствіе или въ судъ или въ этомъ родѣ. Я для этого поддерживаю хорошія отношенія съ чиновниками. Такъ интересно!

Мужчина. Тутъ не будетъ никакого слѣдствія. Но странное что-то въ этой исторіи имѣется. Понимаете, Прайамъ Форллъ никогда не жилъ въ Англіи. Онъ постоянно путешествовалъ за границей и переѣзжалъ изъ одного отеля въ другой.

Дама (послѣ паузы). Я знаю.

Мужчина. Что вы знаете?

Дама. Даете обѣщаніе, что не разболтаете?

Мужчина. Даю.

Дама. Я встрѣтилась съ нимъ разъ въ отелѣ, въ Остенде. Онъ очень добивался писать мой портретъ. Но я не согласилась.

Мужчина. Отчего?

Дама. Если бъ вы знали, какой онъ былъ человѣкъ, вы бы не спрашивали меня.

Мужчина. Ахъ, послушайте, дорогая. Вы должны разрѣшить мнѣ привести это въ моемъ разсказѣ. Разскажите мнѣ все, какъ было.

Дама. Ни за что на свѣтѣ!

Мужчина. Онъ ухаживалъ за вами слишкомъ упорно?

Дама. Да-а... въ родѣ этого.

Прайамъ Форллъ (про себя). Какая безсовѣстная ложь! Никогда въ жизни даже не былъ въ Остенде.

Мужчина. Но вы разрѣшите мнѣ напечатать это, если я не упомяну вашего имени? Да? Я скажу: извѣстная наша артистка.

Дама. Да, *такъ* я разрѣшаю. Вы можете написать: артистка комической оперы.

Мужчина. Вотъ и отлично. Я ужъ что-нибудь состряпаю. Большое спасибо.

Въ этотъ моментъ прошелъ черезъ залу молодой, тощій священникъ.

Дама. Ахъ, отецъ Люкъ, вы ли это? Идите сюда, садитесь къ намъ и будьте какъ дома. Отецъ Люкъ Іиджри, а это м-ръ Доксей изъ «Рекорда».

Мужчина. Очень пріятно.

Священникъ. Очень пріятно.

Дама. Отецъ Люкъ, я *должна* быть завтра на вашей проповѣди. Какая будетъ тема?

Священникъ. Современная порочность.

Дама. Какая прелесть! Я читала вашу послѣднюю—она очаровательна.

Священникъ. Если вы не имѣете билета, то никакъ не проберетесь.

Дама. Я должна пробраться! Я войду черезъ дверь въ ризницу, если есть такая дверь въ вашей церкви.

Священникъ. Это немыслимо. Вы не можете себѣ представить, какая тамъ давка. Хотя я и не имѣю поклонниковъ.

Дама. Ахъ, что вы! Вы имѣете—меня, напримѣръ.

Священникъ. Въ моей церкви нарядно одѣтыя дамы пользуются тѣми же правами, какъ и всѣ остальныя.

Дама. Какой вы ужасный человѣкъ!

Священникъ. Можетъ быть. Но я долженъ сказать вамъ, миссъ Когенсонъ, что я видѣлъ двухъ герцогинь, стоявшихъ сзади придѣла, и онѣ еще были рады, что протиснулись хоть туда.

Дама. Я не сдѣлаю вамъ этого удовольствія и не буду стоять гдѣ-то въ толпѣ. И не думайте. Развѣ я не послала вамъ недавно ложу?

Священникъ. Я принялъ эту ложу только оттого, что въ мою обязанность входитъ бывать всюду.

Мужчина. Пойдемте со мной, миссъ Когенсонъ. Я получилъ два билета для «Рекорда».

Дама. Ага! значитъ, вы посылаете газетамъ билеты?

Священникъ. Пресса—это другое дѣло. Человѣкъ, дайте мнѣ полбутылки Гейдсикъ.

Лакей. Полбутылки Гейдсикъ? Сію минуту, сэръ.

Дама. Гейдсикъ. Да, это я люблю. Но мы на діэтѣ.

Священникъ. Я терпѣть не могу шампанскаго. Но я долженъ пить его по совѣту врача. Каждый вечеръ передъ сномъ. Онъ говоритъ, что мой организмъ требуетъ этого. Лэди Марія Роунделль настаиваетъ на томъ, чтобы вносить на это сто фунтовъ въ годъ. Такимъ оригинальнымъ и красивымъ путемъ она хочетъ послужить благому дѣлу. Человѣкъ! Льду, пожалуйста. Я сегодня вечеромъ видѣлъ ее. Она проводитъ здѣсь сезонъ. Она очень удручена смертью Прайама Форлла—у нея такая артистическая натура! Покойный лордъ Роунделль имѣлъ лучшую во всей Англіи коллекцію картинъ Форлла.

Мужчина. А вы когда-нибудь встрѣчали Прайама Форлла, отецъ Люкъ?

Священникъ. Никогда. Повидимому, онъ былъ очень эксцентричный человѣкъ. Я терпѣть не могу всякую эксцентричность.

Однажды я обратился къ нему съ письмомъ и просилъ, чтобы онъ написалъ для нашей церкви Святое семейство.

Мужчина. Что же онъ отвѣтилъ?

Священникъ. Онъ вовсе не отвѣтилъ. Принимая во вниманіе, что онъ даже не знатнаго рода, это было совсѣмъ некрасиво съ его стороны. Тѣмъ не менѣе лэди Роунделль увѣряетъ, что его надо хоронить въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Она спрашивала меня, что я могу сдѣлать въ этомъ направленіи.

Дама. Въ Вестминстерскомъ аббатствѣ! Господи! А я и не представляла себѣ, что онъ такой крупный человѣкъ.

Священникъ. Я чрезвычайно вѣрю во вкусъ лэди Роунделль и, конечно, готовъ содѣйствовать ея желанію. Быть можетъ, мнѣ и удастся устроить. Мой дядя, епископъ...

Мужчина. Простите меня. Я всегда думалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ вы отпали отъ церкви...

Священникъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я присоединился къ церкви, вы хотите сказать. Существуетъ только одна церковь.

Мужчина. Я думалъ—англійская церковь.

Священникъ. А-а!

Мужчина. Съ тѣхъ поръ, какъ вы отпали отъ англійской церкви, между вами и епископомъ оказалась пропасть.

Священникъ. Да, но только религіознаго характера. Имѣйте въ виду, что моя сестра—любимая племянница епископа. А я—ея любимый братъ. Кромѣ того, сестра моя очень интересуется искусствомъ. А такъ какъ отъ епископа зависитъ конечное разрѣшеніе вопроса о національныхъ похоронахъ, то я и...

Въ это время оркестръ сыгралъ въ заключеніе программы «God save the King».

Почти всѣ лампы погасли.

Дама. Ахъ, Боже! неужели уже конецъ?

Лакей. Пожалуйста, господа! Закрывается, господа!

Священникъ. Вы, конечно, понимаете, м-ръ Доксей, что я разсказываю вамъ всѣ эти семейныя подробности для того, чтобы подкрѣпить свое утвержденіе, что я, молъ, могу кое-что сдѣлать. Между прочимъ, если бы вамъ понадобилась для «Рекорда» копія моей завтрашней проповѣди, то вы можете получить ее у ризничаго.

Лакей. Пожалуйста, господа!

Мужчина. Очень благодаренъ. Что касается погребенія въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, то, я думаю, «Рекордъ» будетъ поддерживать этотъ проектъ. *Я думаю* такъ.

Священникъ. Лэди Марія Роунделль будетъ чрезвычайно признательна.

Оставшіяся лампы потухли, и публика двинулась къ выходу. Здѣсь невѣроятная тѣснота. Дамскія манто, цилиндры, сигары. Съ набережной дошла вѣсть, что на дворѣ начался дождь, и весь интеллектъ «Вавилона» сосредоточенъ на вопросѣ о лондонскомъ климатѣ, какъ будто свойства лондонскаго климата—послѣднее научное открытіе. Захлопали двери, и съ улицы стали доноситься гудки моторовъ, свистки и грохотъ колесъ, такъ странно контрастировавшіе съ сдержаннымъ шопотомъ посѣтителей отеля. Затѣмъ вдругъ какъ по мановенію волшебнаго жезла вестибюль опустѣлъ. Остались только постоянные жители отеля.

Глубоко взволнованный всѣмъ услышаннымъ въ этотъ вечеръ, Прайамъ Форллъ поднялся на лифтѣ къ себѣ наверхъ и легъ спать. Онъ ясно ощущалъ, что провелъ этотъ вечеръ вблизи представителей правящихъ классовъ.

Съ англ. перев. М. Славинская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НОВЫЯ ОСНОВЫ ОХРАНЫ ТРУДА ВЪ АНГЛІИ.

I.

Въ общей картинѣ коренной перестройки общественно-политическаго быта, которая обрисовывается въ Англіи со все возростающей ясностью, мѣры охранительной рабочей политики, занесенныя въ книги статутовъ за послѣдніе годы, кажутся относительно второстепенными деталями. Онѣ не располагаютъ преимуществами абсолютной новизны, какъ располагаютъ ими соціальныя реформы либеральнаго кабинета Асквита—отъ пенсій старости и организаціи рабочаго рынка до страхованія на случай болѣзни, инвалидности и безработицы. Онѣ не знаменуютъ собой и полнаго разрыва съ традиціями англійской политической жизни, какъ знаменуетъ его подготовляемая кабинетомъ земельная реформа. Охрана труда существуетъ въ Англіи болѣе ста лѣтъ, и нововведенія въ этой области, даже глубоко принципіальнаго характера, являются чаще всего логическимъ продуктомъ накопившагося за долгое время опыта. Проведеніе въ жизнь новыхъ фабричныхъ законовъ не создаетъ также, какъ правило, и такой обстановки остраго политическаго конфликта, какая рельефно выдѣляетъ на фонѣ англійской текущей жизни переходъ къ федеративнымъ принципамъ государственнаго строительства, сказывающійся конкретно въ дарованіи гомруля Ирландіи и въ зарожденіи автономистскаго движенія въ Шотландіи. Напротивъ, развитіе охранительной рабочей политики выражается массой сравнительно мелкихъ, не вызывающихъ сколько-нибудь замѣтной оппозиціи, законовъ, и даже прослѣдить то новое, что̀ даетъ въ конечномъ счетѣ это развитіе, можно, лишь изучивъ всю сложную и детализированную систему фабричнаго и горнаго законодательства.

Но, несмотря на такую ихъ скромность и непримѣтность, въ общей картинѣ перестройки быта имъ принадлежитъ далеко не второстепенное мѣсто. Область охраны труда подверглась за послѣдніе годы не менѣе сильному вліянію новыхъ теченій общественно-политической мысли, чѣмъ всѣ другія области англійской жизни. Самая

основа охранительнаго законодательства сильно измѣнилась подъ этимъ вліяніемъ, и еще болѣе измѣнилось отношеніе государственныхъ дѣятелей къ задачамъ этого законодательства. Просматривая, наряду съ текстами изданныхъ въ теченіе послѣдняго времени законовъ, доклады многочисленныхъ парламентскихъ комиссій и департаментскихъ комитетовъ и стенографическіе отчеты ихъ засѣданій, не трудно увидѣть, какъ огромна и какъ важна по своимъ послѣдствіямъ эта перемѣна.

Ее можно было бы опредѣлить, какъ еще не закончившуюся, но уже, несомнѣнно, начавшуюся, сдвижку центра тяжести охранительнаго законодательства съ плоскости узко толкуемыхъ государственныхъ интересовъ на плоскость интересовъ самихъ ограждаемыхъ группъ рабочаго населенія. Государство въ Англіи, какъ показываютъ послѣднія мѣры его охранительной политики, признало, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, право каждой личности на обезпеченіе за ней всѣхъ нормальныхъ условій достойнаго человѣка существованія.

Конечно, съ точки зрѣнія рабочаго класса фабричное законодательство въ Англіи всегда было, какъ выразился К. Марксъ, «великой хартіей», замѣнившей скромнымъ, но дѣйственнымъ, нормированіемъ часовъ труда безполезный въ капиталистическомъ обществѣ, хотя и «полезный списокъ неотчуждаемыхъ правъ человѣка». Но таковой оно стало лишь на практикѣ, въ результатѣ своего примѣненія, а отнюдь не благодаря сознательному желанію государства подойти къ проблемамъ охранительной политики съ критеріемъ интересовъ рабочаго класса. Если исключить Роберта Оуэна изъ списка раннихъ защитниковъ государственной регламентаціи условій труда, то можно смѣло сказать, что въ этомъ спискѣ не было никого, для кого интересы рабочихъ служили бы путеводной нитью. Даже чисто-филантропическіе мотивы, вдохновлявшіе лорда Эшли (впослѣдствіи графъ Шефтсбэри), Остлера и другихъ извѣстныхъ участниковъ историческаго движенія въ пользу десятичасового рабочаго дня, играли сравнительно незначительную роль въ зарожденіи и формированіи фабричнаго законодательства. Гораздо большій вѣсъ имѣло то обстоятельство, что ничѣмъ неограниченная эксплоатація женскаго и дѣтскаго труда шла въ разрѣзъ съ элементарными нуждами общежитія, угрожала непосредственно и благополучію правящихъ классовъ. Вспышка въ 1784 г. тифозной эпидеміи, имѣвшей своимъ центромъ Редклиффскія хлопчатобумажныя фабрики и объясненной манчестерскимъ «совѣтомъ здравія» (Board of Health) въ значительной степени условіями дѣтскаго труда [1]), показала сэру Роберту Пилю—одному изъ владѣльцевъ

1) См. B. L. Hutchins and A. Harrison, „A History of Factory legislation", Лондонъ 1903. стр. 8.

этихъ фабрикъ—и другимъ парламентскимъ дѣятелямъ того времени всю реальную опасность отъ существованія подобныхъ очаговъ заразы и побудила ихъ издать первый фабричный законъ «Health and Moral of Apprentices Act», 1802 г. Съ другой стороны, полнѣйшее вырожденіе подрастающаго поколѣнія, благодаря невозможной антигигіеничности фабричныхъ помѣщеній и безчеловѣчной, по своей продолжительности, работѣ, угрожало государству сокращеніемъ въ ближайшемъ же будущемъ числа дѣеспособныхъ фактическихъ производителей и соотвѣтствующимъ сокращеніемъ пригодныхъ рекрутовъ арміи [1]). Какъ справедливо замѣчаетъ главная фабричная инспектрисса Англіи, «въ тѣ дни возникло инстинктивное защитное движеніе, стремившееся остановить наплывъ зла, причиненнаго здоровью и нравственности дѣтей [2])». Съ точки зрѣнія государства и его руководителей, иными словами, фабричное законодательство было своего рода самострахованіемъ отъ общественно-вредныхъ послѣдствій неограниченной эксплоатаціи; но не болѣе.

И такимъ самострахованіемъ оно оставалось въ теченіе всего XIX в. Еще въ 1902 году С. и Б. Веббы писали: «Общественное мнѣніе среднихъ классовъ, все еще не усвоившихъ значенія предписанія всеобщаго уровня заработной платы и сильнѣйшимъ образомъ настроенныхъ противъ установленія нормальнаго рабочаго дня, сердечно одобряетъ всякое предложеніе, клонящееся къ предупрежденію несчастныхъ случаевъ или же улучшенію санитарныхъ порядковъ въ помѣщеніяхъ, гдѣ происходятъ работы. Быстрота, съ которой капиталистическій парламентъ идетъ навстрѣчу такого рода требованіямъ, поражаетъ дѣятелей трэдъ-юніонистскаго движенія. Эксплоатируемому по системѣ выжиманія пота портному Истъ-Энда Лондона кажется гораздо менѣе опаснымъ для его жизни фактъ работы въ тѣсномъ помѣщеніи, чѣмъ непомѣрная продолжительность его рабочаго дня. Дѣвушки, занятыя на лондонскихъ фабрикахъ вареній, все еще не понимаютъ, какъ это правительство можетъ настаивать на устройствѣ предпринимателемъ дорого стоющихъ роскошныхъ отхожихъ мѣстъ и вмѣстѣ съ тѣмъ позволяетъ ему выплачивать имъ заработокъ, совершенно

---

[1]) Характерно, что и во Франціи главную роль въ развитіи фабричнаго законодательства сыгралъ тожественный мотивъ. Лишь послѣ франко-прусской войны, когда имперія Наполеона III рухнула подъ ударами не только нѣмецкаго школьнаго учителя, но и отечественныхъ мануфактуристовъ, совершенно подорвавшихъ неограниченной эксплоатаціей жизненныя силы населенія, урокъ былъ вполнѣ усвоенъ и съ 1874 г. на фабричное законодательство было обращено надлежащее вниманіе.

[2]) A. M. Anderson, Women in industry from seven points of view, Лондонъ, 1908, стр. 149.

недостаточный для здороваго существованія [1])». Такое, нелогичное на первый взглядъ, отношеніе парламента станетъ вполнѣ, однако, понятнымъ, если допустить, что тотъ именно мотивъ его охранительной политики, который явился начальнымъ толчкомъ къ зарожденію фабричнаго законодательства, сохраняетъ свою силу и до сихъ поръ. Связь тѣсноты и антисанитарности помѣщеній съ физическимъ вырожденіемъ и заболѣваемостью непосредственна и давно установлена въ качествѣ безспорнаго факта. Заботы о физическомъ благополучіи населенія, поэтому, требуютъ борьбы и съ тѣснотой и антисанитарностью фабрикъ. Значеніе же для здоровья населенія «лишняго» часа работы или недостаточнаго заработка не бросается въ такой же мѣрѣ въ глаза—въ особенности, когда рѣчь идетъ о часахъ труда рабочихъ мужского пола—и требуетъ для своего уясненія безпристрастнаго анализа сложныхъ и детальныхъ фактовъ изъ жизни рабочихъ прежде, чѣмъ можетъ сослужить роль импульса къ вмѣшательству государства. И одна необходимость доказать наличность такой связи вполнѣ опредѣленно указываетъ, что до самого послѣдняго времени движущей силой охранительной политики были соображенія общественнаго здравія въ буквальномъ, узкомъ значеніи этого слова.

Только этимъ отношеніемъ государства къ задачамъ охранительной политики и можно объяснить особенности, наблюдающіяся въ англійскомъ фабричномъ законодательствѣ. Въ настоящее время, какъ извѣстно, юридическое положеніе ребенка, работающаго на фабрикѣ, и, въ нѣсколько меньшей степени, положеніе женщины-работницы въ Англіи значительно лучше положенія взрослыхъ рабочихъ мужского пола. Болѣе того. Здѣсь сохранено въ силѣ даже нигдѣ болѣе не наблюдающееся раздѣленіе производствъ на «мужскія», для которыхъ установлена закономъ значительно болѣе слабая охрана труда, и «женскія и дѣтскія», условія работы въ которыхъ нормированы строже и опредѣленнѣе. Въ текстильныхъ, напр., предпріятіяхъ—«женскихъ и дѣтскихъ» по преимуществу, гдѣ число взрослыхъ рабочихъ мужского пола составляетъ лишь 28,6% всего рабочаго персонала—продолжительность рабочаго дня для женщинъ и подростковъ обоего пола моложе 18 лѣтъ предписана въ 10 часовъ для пяти дней въ недѣлю и въ 5 часовъ для субботы, или, въ общей сложности, 55 часовъ въ недѣлю. Во всѣхъ же остальныхъ производствахъ, гдѣ взрослые мужчины составляютъ 73,5% рабочаго персонала, тѣ же категоріи рабочихъ могутъ работать уже по $10^1/_2$ часовъ въ сутки, помимо субботы, когда максимальная продолжительность работъ не должна превышать $7^1/_2$ часовъ. Рабочая недѣля въ этихъ производствахъ,

[1]) S. B. Webb, Industrial Democracy, Лондонъ, 1902, стр. 361.

такимъ образомъ, установлена въ 60 часовъ. Ст. 157 Factory and Workshop Act'a 1901 г.—основного фабричнаго закона Англіи—проводитъ это разграниченіе между «мужскими» и «женскими» производствами такъ далеко, что мастерскія, вовсе не пользующіяся трудомъ женщинъ и дѣтей, могутъ, по желанію предпринимателей, и не подлежать предписаніямъ фабричнаго законодательства относительно вентиляціи, дренажа, температуры, санитарныхъ удобствъ и даже огражденія машинъ предохранительными сѣтками. И во всемъ актѣ 1901 г. мы не найдемъ и слѣда регламентаціи условій мужскаго труда, какъ такового: взрослые рабочіе мужского пола—исключая желѣзнодорожныхъ и горныхъ рабочихъ, для которыхъ существуетъ спеціальное законодательство, а также и рабочихъ, занятыхъ въ прямо «опасныхъ» (dangerous) для жизни и здоровья производствахъ—лишь постольку пользуются преимуществами нормированнаго закономъ рабочаго дня, поскольку техника производства не позволяетъ отдѣлить ихъ функціи отъ функцій женщинъ и дѣтей, подлежащихъ охранѣ.

Это очевидное, рѣзко подчеркнутое предпочтеніе, оказываемое законодателемъ ребенку и женщинѣ по сравненію съ мужчиной, является, понятно, совершенно логичнымъ результатомъ того же самаго отношенія къ задачамъ охранительной политики, которое заставляетъ въ Англіи государство обращать исключительно много вниманія на санитарные распорядки на фабрикахъ и заводахъ. Работа по найму, связанная съ огромнымъ рискомъ для жизни и здоровья рабочихъ, представляетъ собой ту обстановку, при которой неизбѣжно вступаетъ въ дѣйствіе инстинктъ сохраненія рода, побуждающій озаботиться въ первую голову о дѣтяхъ и женщинахъ. Элементарнѣйшія заботы о благѣ самого государства заставляютъ и теперь, какъ они заставляли и въ моментъ зарожденія охранительнаго законодательства, нормировать условія труда, главнымъ образомъ и раньше всего, дѣтей и женщинъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что интересамъ рабочаго класса, какъ движущей силы фабричнаго законодательства, трудно было бы приписать сколько-нибудь крупное значеніе въ зарожденіи и развитіи этого законодательства въ теченіе всего XIX столѣтія. Конечно, многіе акты парламента были изданы подъ непосредственнымъ давленіемъ организованныхъ рабочихъ. Движеніе въ пользу десятичасового рабочаго дня въ сороковыхъ годахъ, о которомъ мы уже упоминали, всеобщая стачка углекоповъ въ 1912 году и рядъ другихъ аналогичныхъ выступленій рабочаго класса, имѣвшихъ мѣсто между этими двумя датами, всегда являлись сильнымъ толчкомъ къ развитію фабричнаго законодательства. Но поскольку это законодательство развивалось органически, т. е. поскольку въ немъ отражался взглядъ

руководящихъ политическихъ группъ, постольку интересы труда въ немъ совершенно затушевывались интересами общества въ цѣломъ, элементарными нуждами общежитія.

Лишь съ наступленіемъ XX в., съ началомъ общей коренной перестройки общественно-политическаго быта Англіи, такая движущая сила охранительнаго законодательства стала уступать мѣсто новой, зародившейся подъ вліяніемъ совершенно иныхъ въ принципіальномъ отношеніи соображеній. Все растущее здѣсь осознаніе тѣсной, неразрывной связи между индивидуальнымъ и коллективнымъ благомъ, между интересами общества въ цѣломъ и той массы народной, жизнь которой сравнительно еще недавно выносилась за скобки жизни общественной, это осознаніе, сказывающееся въ соціальномъ, земельномъ и политическомъ законодательствѣ послѣднихъ лѣтъ [1]), замѣтно и въ характерѣ, который приняли теперь законодательство и практика по охранѣ труда. Въ той и въ другой въ настоящее время наблюдается сильная тенденція подойти къ задачамъ охранительной политики съ точки зрѣнія интересовъ самой ограждаемой личности.

Разумѣется, нельзя утверждать, что фабричное и горное законодательство строится государственными дѣятелями современной Англіи и теперь вполнѣ сознательно и добровольно на принципахъ, требующихъ обезпеченія каждаго работающаго члена общества гарантированнымъ минимумомъ достойныхъ условій существованія—такъ называемымъ «національнымъ минимумомъ», котораго здѣсь добиваются «Независимая Рабочая Партія», общество Фабіанцевъ и отчасти радикальное крыло либеральной партіи во главѣ съ Ллойдъ-Джорджемъ. Въ каждомъ конкретномъ случаѣ, за каждой данной мѣрой кроется всегда разнообразіе непосредственныхъ причинъ и импульсовъ, порожденныхъ соотношеніемъ общественныхъ силъ. Однако, сознательно или безсознательно, подъ давленіемъ организованныхъ рабочихъ или же въ силу собственной убѣжденности, но государство уже вступило здѣсь на путь, ведущій къ такой именно постановкѣ вопроса объ охранѣ труда.

---

[1]) Функціей государства,—читаемъ мы, напр., въ книжкѣ, названной одной газетой «евангеліемъ новаго либерализма»,—является обезпеченіе условій, при которыхъ граждане были бы способны добыть собственными силами все необходимое для полной гражданской дѣеспособности. Государству не надлежитъ кормить ихъ, одѣвать или снабжать кровомъ. Ему слѣдуетъ озаботиться, чтобы экономическія условія были таковы, чтобы каждый нормальный человѣкъ... могъ полезнымъ трудомъ доставить себѣ и своей семьѣ пищу, одежду и кровъ". Liberalism by L. T. Hobhouse, Лондонъ, 1911, стр. 158—159.

II.

Въ области охраны дѣтскаго труда такая перемѣна во взглядахъ на задачи охранительной политики сказывается тѣмъ, что проблема дѣтскаго труда въ Англіи начинаетъ ставиться въ неразрывной связи съ вопросомъ о школьномъ обученіи подрастающаго поколѣнія.

Еще Робертъ Оуэнъ, правда, настаивая на запрещеніи работы по найму для дѣтей опредѣленнаго возраста, вмѣстѣ съ тѣмъ пытался направить вниманіе законодателя на необходимость провести, параллельно этому запрещенію, обязательность посѣщенія школы. Но если въ раннихъ фабричныхъ законахъ Англіи и можно найти нѣкоторый отвѣтъ на подобнаго рода запросы, то лишь въ формѣ pia desiderata. Парламентскіе акты только рекомендовали предпринимателю допускать своихъ малолѣтнихъ рабочихъ къ занятіямъ въ школѣ, и этого рода рекомендаціи имѣли тѣмъ меньшее практическое значеніе, что здѣсь обязательность обученія въ начальной школѣ не существовала вплоть до 1871 г. Лишь долгое время спустя послѣ агитаціи Р. Оуэна государство внесло въ фабричное законодательство реальное запрещеніе нанимать на фабрики дѣтей школьнаго возраста, и исключенія изъ этого правила, допущенныя имъ, обставило оговоркой относительно обязательности одновременнаго посѣщенія школы. Дѣти моложе 12 лѣтъ въ настоящее время, напр., совершенно лишены возможности наниматься на работы въ какой-либо отрасли народнаго хозяйства, подлежащей дѣйствію фабричнаго законодательства. Дѣти же старше этого возраста, но еще обязанныя по актамъ о народномъ просвѣщеніи посѣщать начальную школу, т. е. моложе 13—14 лѣтъ, могутъ работать не болѣе 5 часовъ въ день и 30 часовъ въ недѣлю, лишь частично освобождаясь отъ школьныхъ занятій.

Но, само собой, и это запоздалое удовлетвореніе потребности ребенка въ начальномъ образованіи не является еще постановкой вопроса о дѣтскомъ трудѣ *въ связи* съ вопросомъ о школьномъ обученіи подрастающаго поколѣнія. Вѣдь въ соотвѣтствующихъ актахъ рѣчь идетъ только о *границахъ*, за которыми *кончается школьное обученіе* и *начинается участіе въ производствѣ*. Такая граница установлена для фабрично-заводской и горной промышленности, независимо отъ размѣровъ предпріятія, въ 13—14 лѣтъ, а для всѣхъ остальныхъ отраслей народнаго хозяйства—даже въ 11 лѣтъ (когда еще, впрочемъ, формальное образованіе должно продолжаться). Достигнувъ этой границы, ребенокъ вступаетъ въ жизнь, становится самостоятельнымъ производителемъ, не подлежащимъ болѣе контролю

спеціалиста-воспитателя. Поэтому можно совершенно свободно сказать, что только въ настоящее время вопросъ о непосредственной охранѣ дѣтскаго труда начинаетъ ставиться, какъ одна сторона болѣе общаго вопроса, имѣющаго своей другой стороной вопросъ о школьномъ обученіи.

Да это и понятно. Какъ мы уже знаемъ, охранительное законодательство въ теченіе всего почти XIX столѣтія было своего рода самострахованіемъ государства. Съ такой точки зрѣнія задачи государственной охраны труда сводились къ обезпеченію малолѣтняго рабочаго, какъ дѣйствительнаго, актуальнаго производителя, необходимымъ для предупрежденія вырожденія подрастающаго поколѣнія минимумомъ защиты его жизни и здоровья. Отсюда—запрещеніе найма на фабрику или заводъ до достиженія имъ возраста, который не является абсолютно неподходящимъ для напряженной, связанной съ огромнымъ расходованіемъ энергіи работы въ предпріятіяхъ капиталистическихъ, т. е. основанныхъ на выжиманіи изъ каждаго рабочаго максимальной производительности. Отсюда—нормировка его рабочаго дня соотвѣтственно возрасту, въ зависимости отъ характерной для этого возраста степени выносливости—всего въ 5 часовъ отъ 12 до 13—14 лѣтъ и въ 10—10½ часовъ отъ 14 до 18 лѣтъ. Отсюда же, наконецъ, запрещеніе работы въ особо опасныхъ производствахъ, характеръ производственнаго процесса которыхъ безусловно губителенъ для неокрѣпшаго организма, и работъ ночныхъ, вызывающихъ также быстрое истощеніе силъ и физическое вырожденіе. Но и только. Собственно охранительная политика не ставитъ иныхъ задачъ государству, стремящемуся лишь къ предупрежденію абсолютнаго упадка физической годности населенія.

Но если подойти къ проблемѣ дѣтскаго труда съ точки зрѣнія интересовъ самого ребенка, то такого типа законодательство окажется совершенно недостаточнымъ. Съ этой точки зрѣнія работающій на фабрикѣ или вообще продающій свой трудъ ребенокъ вовсе не является готовымъ производителемъ, тѣмъ болѣе такимъ производителемъ, для котораго все необходимое ограничивается опредѣленнымъ минимумомъ защиты его здоровья и жизни. «Мы должны разсматривать мальчика или дѣвочку... какъ будущихъ гражданъ и родителей, для которыхъ, вплоть до 21-го года ихъ жизни, имѣютъ первостепенное значеніе надлежащія условія роста и воспитанія» [1]), справедливо говорятъ С. и Б. Веббы. Между тѣмъ, участіе въ капиталистическомъ производствѣ, само по себѣ взятое, для ребенка, вооруженнаго къ самостоятельной жизни лишь начальной школой, отнюдь не является

[1]) S. u. B. Webb, Industrial Democracy, стр. 770—771.

такими условіями. Съ полнымъ основаніемъ можно было бы сказать, что участіе въ немъ, по сво ему вліянію на ребенка, какъ разъ и служитъ наглядным отрицаніемъ этихъ условій. Мы не говоримъ уже о трудѣ дѣтей школьнаго возраста, т. е. еще не обладающихъ даже недостаточнымъ уровнемъ познаній элементарной школы, трудѣ, по поводу котораго «учителя жалуются», какъ констатировалъ особый междудепартаментскій комитетъ въ 1901 г. [1]). Даже ребенокъ, окончившій начальную школу, оказывается во власти условій, отнюдь не содѣйствующихъ правильному росту и воспитанію. Въ профессіональной карьерѣ подростка «въ ранніе годы наблюдается совершенно безцѣльная смѣна работы,—говоритъ извѣстный знатокъ вопроса о дѣтскомъ трудѣ,—не удовлетворительная ни съ точки зрѣнія работодателей, ни съ точки зрѣнія рабочихъ. При подобныхъ условіяхъ невозможна тренировка, ни даже обыкновенная дисциплина» [2]). Только къ 16 и даже къ 18 годамъ подростокъ, какъ показываютъ изслѣдованія К. Джаксона, произведенныя по порученію «королевской комиссіи по законамъ о бѣдныхъ», пріобрѣтаетъ нѣкоторую профессіональную осѣдлость [3]). До того же онъ поступаетъ то на одно, то на другое мѣсто, чаще всего въ служебныхъ отрасляхъ народнаго хозяйства, «не дающихъ никакихъ техническихъ познаній и ихъ не требующихъ» [4]), нигдѣ не оставаясь подолгу. Онъ оказывается предоставленнымъ всецѣло волѣ судебъ, не чувствуетъ надъ собой надлежащаго наблюденія и не располагаетъ возможностью подготовиться къ будущей, дѣйствительно самостоятельной жизни. Это справедливо и по отношенію къ тѣмъ изъ подростковъ, которымъ въ рѣдкихъ случаяхъ удается поступить учениками къ какому-нибудь фабриканту. Кризисъ ученичества лишилъ въ настоящее время всякаго воспитательнаго значенія и званіе ученика. «Даже въ тѣхъ производствахъ, гдѣ система ученичe-

[1]) „Учителя жалуются—читаемъ мы въ докладѣ Interdepartmental Committee on the employment of school children (Cd. 849, 1901, стр. 12),—что кратковременность посѣщенія школы „половинными“ (half-timers, т. е. работающими всего 5 часовъ въ день и продолжающими посѣщать школу) малолѣтними рабочими мѣшаетъ ихъ успѣшности и что фабричная жизнь дѣлаетъ ихъ менѣе послушными и внимательными; помимо этого, они въ извѣстной мѣрѣ страдаютъ и отъ монотонности и недостатка свѣжаго воздуха, неизбѣжныхъ при работахъ на фабрикѣ“.

[2]) R. A. Bray, The Apprenticeship Question, Economic journal, vol. XIX, стр. 407. Ср. также докладную записку, представленную по этому вопросу проф. Тауней „Совѣщательному комитету по дополнительнымъ школамъ“ Consultative Committee on Continuation Schools, vol. II, Memorandum by R. H. Tawney, особенно стр. 303—309.

[3]) Cyril Jackson, Report on boy labour, Royal Commission Poor Laws, Appendix, vol. XX, стр. 47.

[4]) Ibid., стр. 4.

ства номинально еще сохранилась, слишкомъ мало основаній разсматривать ее, какъ удовлетворительный методъ техническаго обученія» [1]); она является только средствомъ платить ребенку меньше, чѣмъ нанятому въ качествѣ маленькаго работника. Не приходится и доказывать, что подобное положеніе вещей полярно противоположно «условіямъ правильнаго роста и воспитанія», прямо-таки деморализуетъ подрастающее поколѣніе [2]) и дѣлаетъ совершенно недостаточнымъ и неудовлетворительнымъ всякое законодательство, не противопоставляющее ему надлежащаго сочетанія промышленнаго труда со школьной подготовкой дѣтей *и послѣ того, какъ они переступили границу, за которой начинается ихъ участіе въ производствѣ.*

Необходимость такого сочетанія теперь и признается въ Англіи государствомъ; но признана она сравнительно недавно. Еще въ 1901 г. особый междудепартаментскій комитетъ, назначенный консервативнымъ министерствомъ Сольсбэри по настоянію депутаціи «Женскаго Индустріальнаго Совѣта» (Women's Industrial Council) для разсмотрѣнія вопроса о трудѣ дѣтей школьнаго возраста, призналъ, что условія этого труда безусловно отрицательны, но счелъ возможнымъ не запрещать его. «Мы пришли... къ заключенію,—читаемъ мы въ его докладѣ,—что необходимо не полное запрещеніе труда дѣтей школьнаго возраста, а его регламентація» [3]). Этому комитету, очевидно, ребенокъ, занятый работой по найму, все еще рисовался актуальнымъ производителемъ, который нуждается лишь въ нѣсколько большей защитѣ отъ капиталистической эксплоатаціи, чѣмъ другія категоріи рабочаго персонала. Но въ настоящее время подобное отношеніе отдаетъ уже анахронизмомъ. Десять лѣтъ спустя подобный комитетъ, назначенный либеральнымъ кабинетомъ Асквита для разслѣдованія практики такой регламентаціи, какой требовалъ первый, пришелъ къ прямо противоположному заключенію. «Регламентація, какъ бы она прекрасно ни была организована, — писали члены этого комитета, — не

---

[1]) R. H. Tawney, The Economics of boy labour, Economic journal, vol. XIX, стр. 519.

[2]) Зависимость роста преступности среди дѣтей, занятыхъ въ народномъ хозяйствѣ, именно отъ условій ихъ труда, отмѣчалась и департаментскимъ комитетомъ о наемномъ трудѣ дѣтей (Departamental Committee on the Employment of Children Act 1903, Appendix, Cd. 5230, 1910, стр. 523—показаніе начальника тюрьмы Wormwood Scrubbs) и — въ особенно исчерпывающей формѣ — анкетой департамента коммерціи и труда Соединенныхъ Штатовъ (Report on Conditions of Women and Child Wage-Earners in the United States, vol. VIII, Juvenil Delinquency and its relation to employment, Вашингтонъ, 1911).

[3]) Report of the Interdepartmental Committee on the Employment of School Children, стр. 20.

превратитъ расточительное и неэкономное использованіе дѣтской энергіи въ систему, благодѣтельную для общества. Вслѣдствіе этого мы чувствуемъ, что передъ нами нѣтъ выбора и что мы должны рекомендовать полное законодательное запрещеніе street trading (т. е. продажу газетъ, молока и т. п. продуктовъ на улицахъ, на что было обращено особенно много вниманія), какъ мальчикамъ, такъ и дѣвочкамъ вплоть до опредѣленнаго возраста. Для мальчиковъ, мы полагаемъ, было бы благоразумно намѣтить возрастъ, который открылъ бы имъ полную возможность къ правильному труду прежде, чѣмъ они въ состояніи будутъ легально торговать на улицахъ. Мы думаемъ, что наиболѣе подходящимъ возрастомъ былъ бы семнадцатилѣтній» [1]).

Еще болѣе опредѣленно—и, главное, не для одной изъ только отраслей, утилизирующихъ дѣтскій трудъ, а для всего народнаго хозяйства,—намѣчаютъ аналогичную линію поведенія государства и другія парламентскія комиссіи и департаментскіе комитеты послѣднихъ лѣтъ. «Мы думаемъ,—читаемъ мы, напр., въ докладѣ меньшинства «королевской комиссіи по законамъ о бѣдныхъ»,—что было бы крайне полезно внести въ фабричные акты о народномъ просвѣщеніи поправку, которая сдѣлала бы незаконнымъ наемъ на какія-либо работы ребенка моложе 15 лѣтъ, а подростка моложе 18 лѣтъ—на работы, продолжительностью свыше 30 часовъ въ недѣлю. Вмѣстѣ съ тѣмъ, было бы желательно обязать предпринимателя... посылать подростка въ возрастѣ между 15 и 18 годами въ подходящее общественное учрежденіе, дающее физическую тренировку и техническія познанія» [2]). Нѣсколько болѣе умѣренно, но въ принципѣ тожественно, высказались и «комитетъ о дополнительныхъ школахъ» (Consultative Committee on Continuation Schools), предложившій полное запрещеніе дѣтскаго труда до 14-лѣтняго возраста и обязательное посѣщеніе дополнительныхъ школъ до 17 лѣтъ, «комитетъ о частичномъ отступленіи отъ правилъ о посѣщеніи школъ» (Interdepartamental Committee on Partial Exemption from School attendance) и рядъ другихъ, менѣе важныхъ по объему своихъ работъ, департаментскихъ комитетовъ. И въ этихъ

---

[1]) Report of the Departmental Committee on the Employment of Children Act 1903, Cd. 5229, 1910, стр. 13. Для дѣвочекъ комитетъ считаетъ желательной болѣе высокую возрастную норму—въ 18 лѣтъ, если даже не въ 21 годъ, ибо развращающее вліяніе улицы для нихъ еще опаснѣе и отрицательнѣе.

[2]) Royal Commission on Poor-Laws, Minority Report, 1909, стр. 652–653. Докладъ большинства комиссіи (которая была назначена еще консервативнымъ министерствомъ) тоже признаетъ необходимость повысить школьный возрастъ до 15 лѣтъ, но не проводитъ идеи объ обязательности посѣщенія дополнительныхъ школъ: имъ предложено сдѣлать ихъ факультативными для дѣтей старше 15 лѣтъ.

рекомендаціяхъ,—значеніе которыхъ намъ станетъ яснымъ, если мы вспомнимъ, что соціальныя реформы либеральнаго кабинета были рекомендованы меньшинствомъ «королевской комиссіи по законамъ о бѣдныхъ»,—вполнѣ уже опредѣленно, какъ видитъ читатель, приняты во вниманіе интересы самихъ дѣтей, нуждающихся прежде всего въ правильной подготовкѣ къ самостоятельной жизни. Въ нихъ государство приглашается подойти къ ребенку, какъ къ будущему гражданину, которому нужно обезпечить надлежащія условія роста и воспитанія до тѣхъ поръ, пока онъ не станетъ дѣйствительнымъ производителемъ.

Разумѣется, такого рода рекомендаціи не покрываютъ собой всѣхъ очередныхъ задачъ охранительной политики государства по отношенію къ дѣтямъ. Въ Англіи до сихъ поръ еще за предѣлами фабричнаго законодательства остается крупный контингентъ дѣтей, работающій по найму съ 11-лѣтняго возраста фактически внѣ всякаго дѣйствительнаго надзора. Children Employment Act, 1903, запретившій какого бы то ни было характера работу дѣтямъ моложе 11 лѣтъ и предоставившій мѣстнымъ самоуправленіямъ право повышать эту возрастную норму до 14 и даже—для street trading—до 16 лѣтъ и вообще регулировать условія дѣтскаго труда, не далъ почти никакихъ результатовъ. Муниципалитеты сравнительно слабо пользуются предоставленнымъ имъ правомъ, запрещая дѣйствительно,—и то мѣстами,—лишь наемъ на фабрики дѣтей моложе 14 лѣтъ и вводя регистрацію уличныхъ торговцевъ, въ силу простой объективной невозможности поставить дѣтей, работающихъ на улицѣ, а не на фабрикахъ и заводахъ, подъ строгій надзоръ. Отсутствіе же такого надзора обусловливаетъ то, что на практикѣ «все еще значительное число уличныхъ торговцевъ оказывается моложе 11 лѣтъ[1])» и что предупредить даже подобный обходъ закона положительно невозможно. Урегулированіе найма дѣтей на служебныя отрасли народнаго хозяйства, такимъ образомъ, по-прежнему является очередной задачей охранительной политики и не можетъ быть вполнѣ разрѣшено установленіемъ болѣе высокой возрастной нормы и обязательностью посѣщенія дополнительныхъ школъ. Зло преждевременной утилизаціи дѣтской энергіи съ промысловыми цѣлями можетъ быть уничтожено только путемъ сведенія на нѣтъ основной причины, побуждающей дѣтей и ихъ родителей обходить существующій законъ. Причина эта очевидна и не разъ констатировалась и фабричной инспекціей, которой нерѣдко приходится встрѣчаться съ попытками аналогичнаго обхода и нормъ Factory and Workshop Act'a 1901 г., предписывающихъ возрастъ поступленія дѣтей въ фабрично-

[1]) Departmental Committee on Employment of Children Act, Report, стр. 7.

заводскія предпріятія, и спеціальными изслѣдованіями проблемы дѣтскаго труда. Она заключается въ недостаточности общесемейнаго дохода, повелительно требующей отъ семьи утилизаціи зарабатывающей способности каждаго члена ея до полныхъ размѣровъ. Фабричная инспектрисса одного изъ округовъ Англіи, миссъ Слококъ, докладывала, напр., въ 1913 году, что изъ доведенныхъ до ея свѣдѣнія 14 случаевъ поддѣлки метрическихъ свидѣтельствъ съ цѣлью опредѣлить на работу дѣтей, недостигшихъ законнаго возраста, въ 6 случаяхъ квартира родителей представляла собой картину абсолютной нищеты, въ 5—у дѣтей не было отца [1]). Но вопросъ о недостаточности общесемейнаго бюджета не входитъ, само собой, въ кругъ вопросовъ, въ общей сложности составляющихъ проблему охраны *дѣтскаго* труда. Важно и то уже, что ставится эта проблема въ Англіи теперь правильно, какъ частный лишь вопросъ болѣе общей проблемы реальнаго—матерьяльнаго и духовнаго—благополучія подрастающаго поколѣнія.

И еще важнѣе то, что такая постановка считается здѣсь и оффиціальными руководителями политической и общественной жизни страны единственно возможной. «По нашему мнѣнію,—писали, напр., въ 1911 году Сидней Бакстонъ, тогда министръ торговли, и Вальтеръ Рэнсиманъ, занимавшій постъ министра народнаго просвѣщенія, въ «докладной запискѣ» о бюро труда для малолѣтнихъ—нахожденіе работы малолѣтнимъ должно быть организовано прежде всего съ точки зрѣнія ихъ воспитательныхъ интересовъ и прочной промышленной карьеры, а не съ точки зрѣнія перспективы немедленнаго полученія хорошаго заработка [2])». И въ настоящее время уже дѣлаются шаги къ воплощенію такого мнѣнія въ конкретной формѣ юридическихъ нормъ. Полное запрещеніе труда дѣтей школьнаго возраста является главной цѣлью билля—«Children (Employment and School Attendance) Bill—внесеннаго въ палату общинъ въ мартѣ 1914 года и принятаго во второмъ чтеніи большинствомъ всѣхъ противъ двухъ членовъ па-

[1]) См. Annual Report of the Chief Inspector of Factories and Workshops for the year 1912, Cd. 6852, 1913, стр. 149. Объ объемѣ дѣйствія этой причины даетъ представленіе тотъ фактъ, что по вычисленію проф. Bowley 32% взрослыхъ рабочихъ Англіи зарабатываетъ менѣе 25 ш. въ недѣлю, тогда какъ научный минимумъ заработной платы, установленный С. Раунтри по скалѣ потребностей человѣческаго организма Этуотера и исключающій возможность «непроизводительныхъ» расходованій (на взносы въ страховую кассу, въ трэдъ-юніонъ, политическую организацію или же на спиртные напитки, табакъ, газеты, писчія принадлежности, книги и т. д.) даже незначительныхъ суммъ, равенъ 23 ш. 8 п. въ недѣлю. См. The Industrial Unrest by Seebohm Rowntree, Contemporary Review, октябрь 1911. стр. 455.

[2]) Board of Trade Labour Gazette, январь, 1911, стр. 6.

латы. Вмѣстѣ же съ тѣмъ очередной задачей школьной реформы въ Англіи намѣчено созданіе сѣти дополнительныхъ школъ, посѣщеніе которыхъ проектируется сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ подростковъ, окончившихъ начальную школу и не продолжающихъ своего образованія въ среднемъ учебномъ заведеніи, въ плоть до достиженія ими 16-лѣтняго возраста. Во избѣжаніе чрезмѣрной тягостности комбинированной работы въ школѣ и въ промышленномъ предпріятіи, продолжительность рабочаго дня для нихъ предполагается ограничить 36 часами въ недѣлю. Либеральный кабинетъ намѣчаетъ именно такую программу для ближайшей легислатуры. Крупный знатокъ германской системы дополнительнаго образованія, верховный канцлеръ Англіи лордъ Холдекъ, теперешній министръ народнаго просвѣщенія Пизъ, бывшіе министры народнаго же просвѣщенія Оклэндъ и Рэнсиманъ (нынѣ министръ земледѣлія и рыболовства) и канцлеръ казначейства Ллойдъ-Джорджъ составляютъ въ настоящее время «кабинетъ въ кабинетѣ», которому поручена разработка этой программы.

Такимъ образомъ, англійскій парламентъ рѣшительно становится на ту точку зрѣнія, что во время посѣщенія начальной школы ребенокъ и подростокъ совершенно не должны работать, а вплоть до достиженія ими 16-лѣтняго возраста ихъ промышленный трудъ долженъ быть пріуроченъ къ требованіямъ «правильнаго роста и воспитанія».

III.

Задачи охранительной политики по отношенію къ занятымъ въ народномъ хозяйствѣ дѣтямъ сводятся къ обезпеченію имъ такихъ условій вступленія въ жизнь, какія необходимы для созданія изъ нихъ дѣеспособныхъ гражданъ. Въ области охраны труда взрослыхъ рабочихъ задачи этой политики, съ новой точки зрѣнія на эти задачи, заключаются въ предоставленіи рабочему капиталистическаго производства возможности быть не только производителемъ, но и полноправнымъ гражданиномъ.

Что нормы фабричнаго и горнаго законодательства, созданныя въ Англіи въ теченіе XIX в., далеко не отвѣчаютъ такому новому критерію, объ этомъ едва-ли приходится говорить. Основной движущей силой охранительной политики, какъ мы знаемъ, тогда являлись заботы о физическомъ здоровьѣ населенія. Въ силу этого государство оставляло совершенно въ сторонѣ потребности взрослыхъ рабочихъ мужского пола даже въ достаточномъ отдыхѣ, отказываясь регламентировать продолжительность ихъ рабочаго дня. Все, что парламентъ дѣлалъ для нихъ, сводилось къ обезпеченію за ними, какъ и за всѣми

другими категоріями рабочаго персонала фабрикъ, копей и заводовъ, минимума удовлетворительныхъ въ санитарномъ отношеніи порядковъ въ помѣщеніи промышленнаго предпріятія. Если же онъ и ограничивалъ продолжительность времени, отведеннаго на работу, для женщинъ и подростковъ обоего пола моложе 18 лѣтъ, то вовсе не съ цѣлью дать тѣмъ и другимъ досугъ для общественной или иной дѣятельности. Онъ и въ данномъ случаѣ руководился заботами о физическомъ здоровьѣ населенія, ибо слишкомъ ужъ очевидна прямая зависимость между переутомленіемъ неокрѣпшаго организма ребенка и нуждающагося въ большей экономіи силъ для функціи материнства организма женщины, съ одной стороны, и съ другой—физическимъ вырожденіемъ. Нормировка рабочаго дня для этихъ группъ въ глазахъ законодателя служила средствомъ предупредить вырожденіе, а вовсе не доставить работницамъ и малолѣтнимъ рабочимъ отдыхъ, какъ таковой, какъ досугъ, дающій возможность саморазвитія и пользованія гражданскими правами.

Правда, въ извѣстной степени регламентація труда женщинъ и подростковъ необходимо влекла за собой, если не de jure, то de facto, и обезпеченіе нормальнаго рабочаго дня за мужчинами. Еще въ сороковыхъ годахъ, когда движеніе въ пользу десятичасового рабочаго дня закончилось изданіемъ акта 1844 года, нормировавшаго часы труда работницъ текстильной промышленности, участники движенія, добивавшіеся регламентаціи рабочаго времени, главнымъ образомъ, для взрослыхъ рабочихъ мужского пола, признали свою цѣль достигнутой. Дѣло въ томъ, что техника производства, раздѣленіе труда, доведенное до крайнихъ предѣловъ капиталистической организаціей производства, дѣлаетъ выполненіе функцій, возложенныхъ на взрослаго рабочаго мужского пола, неразрывно связаннымъ съ трудомъ женщинъ и дѣтей. Поэтому ограниченіе продолжительности рабочаго дня послѣднихъ равносильно ограниченію его и для первыхъ. И это имѣетъ мѣсто не только тамъ, гдѣ, какъ въ текстильныхъ предпріятіяхъ, взрослые мужчины составляютъ лишь незначительный процентъ рабочаго персонала. Оно наблюдается всюду, гдѣ мужчины, женщины и дѣти работаютъ подъ одной и той же крышей, заняты совмѣстнымъ выполненіемъ цѣлостнаго ряда производственныхъ функцій, хотя бы функціи каждой группы и были рѣзко отграничены одна отъ другой. Французское законодательство, предписывающее двѣнадцатичасовой рабочій день для рабочихъ мужского пола, но понижающее для нихъ число часовъ труда до 10, когда они работаютъ совмѣстно съ женщинами и дѣтьми, впадаетъ, такимъ образомъ, въ своего рода юридическую тавтологію.

Но, повторяемъ, въ задачи законодателя не входило обезпеченіе за рабочими-мужчинами нормальнаго рабочаго дня. Такое обезпеченіе оказалось логическимъ продуктомъ его заботъ о физическомъ здо-

ровьѣ населенія, побуждавшихъ его нормировать рабочее время женщинъ и дѣтей. Тамъ же, поэтому, гдѣ техника производства не обезпечивала подобнаго естественнаго уравниванія часовъ труда всѣхъ категорій рабочаго персонала, установленіе нормы ихъ для рабочихъ мужского пола предоставлялось всецѣло либо недостаточнымъ силамъ индивидуальнаго работника, со всѣми печальными послѣдствіями «свободы контракта», либо же силамъ профессіональной организаціи. И только въ настоящее время мало-по-малу государство, по мѣрѣ усвоенія новаго взгляда на охранительную политику, начинаетъ итти по пути къ постановкѣ вопроса о нормировкѣ рабочаго дня съ точки зрѣнія интересовъ рабочихъ, какъ гражданъ, испытывающихъ потребность въ свободномъ досугѣ, а не производителей, которымъ нуженъ лишь отдыхъ физическій.

Актъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ занятыхъ подземными работами углекоповъ (Coal Mines Eight Hours Act 1908 г.) является въ этомъ отношеніи глубоко показательной мѣрой. Хотя работы въ копяхъ представляютъ собой исключительно неблагопріятныя условія—рабочіе положительно, «свѣту божьяго не видятъ» въ буквальномъ смыслѣ этого слова — и хотя во многихъ мѣстахъ сильный профессіональный союзъ горнорабочихъ, въ который входятъ почти три четверти рабочихъ горной промышленности, уже добился введенія восьмичасового рабочаго дня и безъ вмѣшательства парламента, все же сокращеніе максимальной продолжительности работъ для милліонной арміи взрослыхъ рабочихъ мужского пола до 8-ми часовъ въ сутки не можетъ не считаться крупнымъ шагомъ въ отмѣченномъ нами выше направленіи. То обстоятельство, что трэдъ-юніоны углекоповъ добивались,—и во многихъ горныхъ округахъ вполнѣ успѣшно,—установленія именно восьмичасового дня, служитъ только яркимъ свидѣтельствомъ *совпаденія* точки зрѣнія государства на задачи охраны труда съ точкой зрѣнія самихъ рабочихъ, т. е. указываетъ на то, что государство подходитъ теперь къ этимъ задачамъ съ точки зрѣнія послѣднихъ.

Актъ 1908 г., по своему объему и значенію, былъ и остается пока единичной мѣрой. Но знаменуемая имъ перемѣна въ настроеніи государственныхъ дѣятелей, нѣкогда видѣвшихъ въ каждой регламентаціи мужского труда нарушеніе всѣхъ законовъ своего политическаго и экономическаго credo, а въ наше время относящихся къ восьмичасовому рабочему дню, какъ къ вполнѣ желательному явленію, уже сказалась въ принципіальной постановкѣ вопроса о продолжительности рабочаго дня въ цѣломъ рядѣ докладовъ парламентскихъ комиссій. Говоря о постепенномъ приближеніи во всѣхъ промышленныхъ отрасляхъ къ такой именно нормѣ, какая установлена актомъ

1908 г. для горной промышленности, докладъ меньшинства «Королевской комиссіи по законамъ о бѣдныхъ», напр., ставитъ удареніе какъ разъ на томъ значеніи короткаго рабочаго дня, которое всего десять—пятнадцать лѣтъ тому назадъ вовсе не принималось во вниманіе законодателемъ. «Соціальная и экономическая выгода сокращенія рабочаго времени,—читаемъ мы въ этомъ докладѣ,—заключается въ большихъ возможностяхъ, которыя оно предоставляетъ для развлеченія и саморазвитія, для семейной жизни и гражданскихъ обязанностей» [1]).

Но одно только сокращеніе рабочаго дня не даетъ рабочему условій нормальнаго использованія своего свободнаго досуга. Какъ это признано теперь и теоретиками либерализма, за послѣдніе годы играющаго въ Англіи руководящую оффиціально роль, «условія общественной дѣятельности требуютъ минимума индустріальнаго вознагражденія, и, если таковой не обезпечивается безъ намѣреннаго вмѣшательства со стороны государства, то онъ долженъ быть созданъ этимъ послѣднимъ» [2]). Другими словами, никакая охрана труда, ставящая себѣ цѣлью созданіе для каждаго работающаго члена общества возможности быть полноправнымъ гражданиномъ, не будетъ полной безъ юридически закрѣпленнаго минимума заработной платы.

Собственно, можно было бы даже сказать, что никакія мѣры охранительной политики,—въ особенности же мѣры, регулирующія продолжительность рабочаго дня,—не дѣйствительны безъ такого минимума заработной платы. Практика фабричнаго законодательства не оставляетъ въ этомъ отношеніи никакихъ сомнѣній. Отчеты фабричныхъ инспекторовъ каждый годъ констатируютъ такія нарушенія предписаній Factory and workshop Act'a 1901 г., съ которыми инспекція оказывается безсильной цѣлесообразно бороться именно вслѣдствіе отсутствія минимума заработной платы. Возвращается ли роженица на работу, вопреки закону, до истеченія четырехнедѣльнаго обязательнаго отдыха, беретъ ли работница, кончившая трудовой день законной продолжительности, матерьялъ для добавочной, закономъ запрещенной, работы на дому,—во всѣхъ этихъ и аналогичныхъ случаяхъ никакая бдительность инспекторовъ и инспектрисъ не помогаетъ. Сами работницы помогаютъ предпринимателю обходить законы и ведутъ «игру въ прятки» (hide and seek), съ инспекціей, которая знаетъ о совершеніи проступка, но благодаря отсутствію сотрудничества со стороны работницъ, не въ состояніи собрать достаточныя данныя, либо же, установивъ конкретныя проявленія систематическаго нарушенія закона

---

[1]) Royal Commission on Poor Laws, Minority Report, стр. 654.
[2]) L. T. Hobhouse, Liberalism, стр. 205.

путемъ «засадъ» и поимки виновника съ поличнымъ, не въ силахъ отдѣльными «набѣгами» прекратить дальнѣйшія нарушенія.

Очень часто, конечно, эти нарушенія обусловливаются неудовлетворительностью самого законодательства, его недостаточной категоричностью, туманностью выраженій въ законѣ, допускающихъ толкованіе нормъ къ выгодѣ предпринимателя. Но что, въ сущности, заставляетъ работницъ подчиняться этимъ нарушеніямъ? Что побуждаетъ ихъ даже отказываться,—на что жалуется главный фабричный инспекторъ [1]),—помогать инспекціи въ выясненіи этихъ послѣднихъ въ такой мѣрѣ, что и при отсутствіи явныхъ дефектовъ въ законодательствѣ было бы трудно ожидать значительнаго сокращенія обходовъ закона? Врядъ ли можно дать два отвѣта на этотъ вопросъ. «Такъ какъ размѣръ оплаты труда низокъ, то отдѣльныя работницы часто стремятся брать работу на домъ, чтобы увеличить заработокъ»—сообщаетъ главная фабричная инспектрисса въ отчетѣ за 1912 годъ [2]). «Тѣсная связь практики нарушенія закона съ вопросомъ о заработкѣ выясняется почти въ каждомъ случаѣ»,—читаемъ мы въ отчетѣ инспекціи за 1911 годъ [3]). А что касается положенія находящихся фактически за чертой фабричнаго законодательства паріевъ индустріи, работницъ и рабочихъ домашней промышленности,—для которыхъ акты предусматриваютъ лишь самую элементарную регламентацію санитарныхъ порядковъ и простую регистрацію,—то и въ ихъ случаѣ, какъ извѣстно, заставляетъ не выпрямлять спины съ ранняго утра до поздней ночи та же самая причина, та же самая недостаточность заработка. «Антисанитарныя условія въ жилищахъ подавляющаго большинства работницъ на дому являются продуктомъ, главнымъ образомъ, нищеты; исключительная продолжительность рабочаго дня, отмѣченная девятнадцать лѣтъ тому назадъ особымъ комитетомъ палаты лордовъ въ качествѣ одной изъ чертъ sweating system (системы выжиманія пота), является естественнымъ результатомъ острой эксплоатаціи... Экономическое давленіе самаго суроваго свойства, абсолютная необходимость собрать къ извѣстному дню необходимую кучку шиллинговъ для расплаты со сборщикомъ квартирной ренты, мелочной лавкой и булочникомъ, заставляетъ работницу работать до предѣловъ человѣческой выносливости [4]).

---

[1]) Ср., напр., Reports of the Chief Inspector for Factories and Workschops for the year 1911, Cd. 6239, 1912. стр. 156.

[2]) Report of the Chief Inspector for the year 1912, Cd. 6852, 1913 стр. 147.

[3]) Report of the Chief Inspector for the year 1911, стр. 155.

[4]) Constance Smith, The Minimum Wage, Лондонъ, 1908, стр. 32. Ср. также докладъ Рауля Же на цюрихскомъ конгрессѣ Association Internatio-

Очевидно, минимумъ заработной платы, обезпечивающій рабочимъ заработокъ нормальный за нормальный день и тѣмъ уничтожающій побужденіе къ чрезмѣрному затягиванію рабочаго времени, служитъ не только дополненіемъ дѣйствительной охраны труда, дающей производителю возможность почувствовать себя не «рабочими руками», а гражданиномъ. Онъ является необходимѣйшей предпосылкой такой охраны труда.

Разумѣется, все это было извѣстно еще въ концѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Работы упомянутаго выше комитета палаты лордовъ, спеціальныя анкеты и изслѣдованія министерства торговли и частныхъ общественныхъ организацій, вродѣ Womens Industrial Council, установили четверть вѣка тому назадъ съ неопровержимой очевидностью такую зависимость между заработкомъ и исключительно тяжелыми условіями труда. Но тогда отношеніе государства къ задачамъ охранительной политики не допускало расширенія области охранъ труда до включенія въ эту область охраны заработной платы, до предписанія парламентскимъ актомъ минимальныхъ размѣровъ послѣдней. Идея о минимумѣ заработной платы объявлялась утопической и политико-экономическими, и парламентскими дѣятелями. Когда «комитетъ лорда Дэнрэвена», какъ въ общежитіи назывался комитетъ палаты лордовъ по вопросу о «системѣ выжиманія пота»,—подошелъ къ разрѣшенію поставленной ему задачи о мѣрахъ борьбы съ этой системой, онъ оказался въ силу этого несостоятельнымъ. «Его сводка показаній... рисующая существовавшее тогда положеніе вещей, была великолѣпна, но рекомендаціи его, основанныя на этой сводкѣ, были болѣе, чѣмъ слабы»,—говоритъ предсѣдатель парламентскаго комитета, въ 1908 году опять разсматривавшаго этотъ вопросъ [1]). Комитетъ Дэнрэвена ограничился совѣтомъ регистрировать работницъ на дому и организовать надзоръ за санитарнымъ состояніемъ ихъ жилищъ. Только новое отношеніе государства къ задачамъ охранительной политики открыло возможность поставить вопросъ надлежащимъ образомъ.

И въ этомъ отношеніи государство въ Англіи заняло болѣе послѣдовательныя позиціи, чѣмъ позиціи призванныхъ имъ на совѣтъ экспертовъ. Спеціальный парламентскій комитетъ во главѣ съ сэромъ Томасомъ Уиттэкеромъ рѣшилъ въ 1908 г. «рекомендовать примѣненіе операцій (минимума заработной платы) только къ работницамъ, рабо-

---

nale pour la Protéction légale des travaux. Annales du Musée Social, дек. 1912, стр. 446, и Fifth Report from the Select Commitee of the House of Lords on the Sweating System, 1890, стр. CXXXV и слѣдующія.

) A Minimum Wage for Home Workers, by Sir Thomas P. Whittaner, Nineteenth Century, сентябрь, 1908, стр. 514

тающимъ на дому [1])». Законодательная же мѣра, воплотившая въ жизнь принципъ минимума заработной платы, вышла далеко за эти предѣлы.

Мы говоримъ не объ актѣ о минимумѣ заработной платы въ каменноугольной промышленности (Coal Mines Minimum Wage Act, 1912 г.), которымъ этотъ минимумъ былъ обезпеченъ каждому работающему подъ землей углекопу, въ промышленности, являющейся самой важной отраслью народнаго хозяйства Англіи и отнюдь не принадлежащей къ числу обычно подводимыхъ подъ понятіе sweated industries, т. е. промысловъ, основанныхъ на системѣ выжиманія пота. Этотъ актъ, конечно, очень важенъ и знаменателенъ; но онъ сослужилъ роль «законодательной декларації въ пользу принципа минимума заработной платы» въ отвѣтъ на соотвѣтствующее требованіе организованныхъ горнорабочихъ, подкрѣпленное грандіозной всеобщей стачкой. Отношеніе государства къ такому принципу въ немъ, поэтому, не нашло себѣ отраженія въ достаточно отчетливомъ видѣ. Что симптоматичнѣе, такъ это то, что и актъ, изданный непосредственно послѣ опубликованія доклада вышеупомянутаго парламентскаго комитета — Trade Boards Act, 1909 г.—ставитъ вопросъ шире и глубже, чѣмъ самый докладъ.

Промысловыя камеры,—Trade Boards,—состоящія поровну изъ представителей отъ рабочихъ и хозяевъ и опредѣленнаго числа лицъ по назначенію министерства торговли, призваны этимъ актомъ устанавливать минимумъ заработной платы не въ той или иной отрасли домашней промышленности и не для однѣхъ только работницъ. Онѣ обязаны дѣлать это для указанныхъ въ актѣ отраслей народнаго хозяйства, независимо отъ того, выполняются ли производственныя функціи данной отрасли на дому или же въ организованной капиталистомъ фабрикѣ и мастерской — и въ одинаковой мѣрѣ какъ для работницъ, такъ и для рабочихъ, безъ различія пола и возраста [2]).

Первоначально такія промысловыя камеры были созданы актомъ

---

[1]) Ibid, стр. 522.

[2]) Въ настоящее время минимумъ заработной платы, установленный въ четырехъ производствахъ, равенъ (въ зависимости отъ производства) $2^1/_2$—$3^1/_4$ пенса за работу для женщинъ и 5—7 пенсамъ для мужчинъ. „Эта расцѣнка является, конечно, *минимальной*, и на практикѣ многіе рабочіе получаютъ плату и по болѣе высокой расцѣнкѣ, но всѣ рабочіе защищены отъ пониженія ихъ минимума". См. Memoranda in reference to the working of the Trade Boards Act, House of Commons papers № 134, 1913, стр. 6. Секретарь Anti-Sweating League Д-ръ Маллонъ констатируетъ, что заработокъ рабочихъ въ производствѣ цѣпей увеличился, благодаря акту 1909 г., на 10—16 шиллинговъ въ недѣлю, т. е. болѣе, чѣмъ вдвое. См. Times, мая 21-го, 1914.

1909 г. лишь въ четырехъ производствахъ—именно въ производствѣ легкихъ цѣпей (главнымъ образомъ ручной ковки), отдѣлкѣ кружевъ, изготовленіи картонажей и въ портняжьемъ дѣлѣ. Такимъ образомъ объемъ воздѣйствія новаго акта оказался сравнительно узкимъ, чисто экспериментальнымъ. Но уже въ августѣ 1913 года парламентъ одобрилъ представленное ему на утвержденіе постановленіе министра торговли о распространеніи предписаній акта на производство жестяной и эмалированной посуды, производство пищевыхъ продуктовъ и конфектъ и производство вышивокъ. Такого рода постановленія предусмотрѣны самимъ закономъ, 2-й подраздѣлъ ст. I котораго не ставитъ компетенціи министерству въ этомъ отношеніи никакихъ почти предѣловъ. Послѣднее должно лишь не создавать промысловыхъ камеръ въ отрасляхъ народнаго хозяйства, гдѣ не наблюдается «чрезмѣрно низкая заработная плата», и обязано свой приказъ о созданіи новыхъ камеръ представить на усмотрѣніе палаты общинъ. Иначе говоря, актомъ предусмотрѣна возможность очень значительнаго расширенія области нормировки заработной платы, такъ какъ лишь министръ торговли и парламентъ—въ лицѣ комитета, назначаемаго каждый разъ для разсмотрѣнія министерскаго ордера—являются судьей въ вопросѣ о томъ, что считать «чрезмѣрно низкой заработной платой».

Актъ 1909 года характеренъ, однако, еще болѣе тѣмъ, что его задачей было именно обезпеченіе минимума заработной платы, безъ всякой примѣси посторонникъ соображеній. Скопированный съ викторіанскаго законодательства (передъ изданіемъ его министерство послало въ Австралію спеціальнаго представителя для изученія практики этого законодательства), онъ, тѣмъ не менѣе, не былъ вызванъ къ жизни мотивами, обусловившими появленіе промысловыхъ камеръ въ Викторіи или же промысловыхъ третейскихъ судовъ въ Новой Зеландіи. Австралійскій законодатель прибѣгъ къ предписанію минимума заработной платы съ цѣлью вознаградить рабочихъ за проведенное въ законѣ запрещеніе стачечной борьбы. Союзы рабочихъ, «легализировавшихся» для участія въ третейскихъ судахъ, и каждый отдѣльный стачечникъ подлежатъ въ Новой Зеландіи уголовной отвѣтственности за стачки. Въ Викторіи постановленія промысловыхъ камеръ о размѣрахъ заработной платы, въ наказаніе за стачку, могутъ быть временно, по статьѣ 34 акта 1907 года, лишены силы [1]). Слѣдовало

[1]) Ср. Report on the Wages Boards and Industrial Consiliation and Arbitration Acts of Australia and New-Zealand, by Ernest Aves, Cd. 4167, 1908, стр. 126 — 127 и 92. Эрнестъ Эвсъ и былъ тѣмъ лицомъ, котораго министерство торговли командировало въ 1907 г. въ Австралію для изученія законодательства и практики по установленію минимума заработной платы.

бы даже сказать, что главной цѣлью викторіальнаго и особенно новозеландскаго законодательства было предупрежденіе обостренныхъ промышленныхъ конфликтовъ. Въ Англіи же Trade Boards Act явился продуктомъ осознанія государствомъ того, что безъ установленнаго закономъ минимума заработной платы немыслима правильная охрана труда. Поэтому въ немъ ни слова не сказано относительно способовъ разрѣшенія споровъ между рабочими и предпринимателями и относительно запрещенія первымъ добиваться дальнѣйшаго, по сравненію съ установленными промысловыми камерами, повышенія расцѣнокъ при помощи стачекъ. Напротивъ. Какъ свидѣтельствуетъ практика акта, стачка оказывается даже необходимымъ средствомъ для нормальнаго функціонированія промысловыхъ камеръ. Въ 1912 г., напр., работницы Cradley Heath, гдѣ сосредоточено производство цѣпей ручной ковки, подлежащее дѣйствію акта 1909 г., длительной забастовкой вынудили предпринимателей не затягивать оппозиціей введенія въ производствѣ выработаннаго камерой минимума заработной платы. Trade Boards Act созданъ только для обезпеченія этого минимума всюду, гдѣ living wage, т. е. «заработокъ, дающій возможность жить», не можетъ быть обезпеченъ силами профессіональной организаціи работъ.

Trade Boards Act, 1909 г. болѣе, чѣмъ что-либо иное, знаменуетъ собой новыя тенденціи охранительной политики государства въ Англіи, развивающейся въ сторону постановки вопроса объ охранѣ труда уже не съ точки зрѣнія исключительно интересовъ, диктующихъ борьбу съ физическимъ вырожденіемъ населенія (какъ это было раньше), а съ точки зрѣнія интересовъ самой ограждаемой личности, нуждающейся въ условіяхъ, допускающихъ ея всестороннее развитіе. Сдвижка центра тяжести англійскаго охранительнаго законодательства съ плоскости первыхъ интересовъ на плоскость послѣднихъ еще, конечно, далеко не завершилась. Существующія юридическія нормы, несмотря на изданный за послѣдніе годы рядъ законовъ, все еще не соотвѣтствуютъ новому критерію, съ которымъ государство теперь подходитъ къ задачамъ этого законодательства. Но въ перестраивающемся въ наше время общественно-политическомъ и экономическомъ бытѣ Англіи уже прочно закрѣплены новыя основы охраны труда.

А. Чекинъ.

КИНЕМАТОГРАФЪ, КНИГА И ДѢТИ.

Море дѣтскихъ головъ, шумное, волнующееся, звучащее ясными и звонкими голосами... Сейчасъ будутъ показывать картины... И это такъ интересно, что каждому хочется объ этомъ сказать хоть немного, ну хоть одно слово. Въ результатѣ, конечно, такой веселый и милый гулъ.

Въ распоряженіи московскихъ городскихъ школъ имѣется одинъ кинематографическій аппаратъ. Все время его перевозятъ съ мѣста на мѣсто. Въ прошломъ учебномъ году, такимъ образомъ, для дѣтей было устроено пять сеансовъ, въ текущемъ—семь. При мнѣ,—я былъ на первомъ сеансѣ,—показывали «Жизнь сѣвера». Впереди еще оставались: «Жизнь въ жаркихъ странахъ», «Дикіе народы», «Приморскіе жители», «Жизнь лѣса» и т. п.

Звонокъ. Волны шепота: «Тише, тише!» Появляется лекторъ, молодой человѣкъ, бѣлокурый, съ пенснэ. На экранѣ—карта сѣвера. «Дѣти», — начинаетъ лекторъ, и сразу же мертвая тишина... Какъ хороши эти милыя, наивныя и чистыя дѣтскія лица съ глазами, внимательно устремленными на картину!

Появляется море, освѣщенное мягкимъ сѣвернымъ солнцемъ... Водопадъ, съ яростью разбивающійся на миріады брызгъ... Красота изумительная, потрясающая!.. И дѣти сидятъ молчаливо, съ восторженными лицами, съ блестящими отъ восхищенія глазами.

Проходятъ лопари. Проходятъ и, кажется, смѣются.. И аудиторія какъ будто бы пробуждается, кое-гдѣ уже слышенъ смѣхъ. Появляются въ упряжи собаки... «Собаки», — задумчиво шепчетъ близъ меня маленькая дѣвочка съ темной косичкой и въ бѣломъ передничкѣ. Затѣмъ идутъ картины мѣновой торговли; появляется лопарь съ трубкою въ рукахъ. «Ухъ ты, ухъ ты»,—звучитъ уже сразу и въ нѣсколько голосовъ...

Въ перерывѣ я заговорилъ со своимъ маленькимъ сосѣдомъ. И немедленно же вокругъ насъ образовался «родъ вѣча». Стали мы обсуждать вопросъ, что лучше: прочитать ли интересную книжку о сѣверѣ, или посмотрѣть, напримѣръ, вотъ эти картины. И отвѣтъ, который удовлетворилъ, очевидно, очень и очень многихъ, мы получили отъ одного мальчика, лѣтъ 11-ти, съ блѣднымъ личикомъ и задумчивыми глазами.

— Смотрѣть интереснѣе,—сказалъ онъ, чуть-чуть смущаясь.— Здѣсь все представляется, какъ живое.

А другой, очень подвижный и бойкій,—онъ все время вертѣлся, никакъ не могъ устоять на мѣстѣ,—прибавилъ къ этому уже вполнѣ увѣренно:

— Мы знаемъ, мы читали про это, про лопарей... Но тамъ, въ книжкѣ, все это какъ-то смутно. А здѣсь ясно... Очень хорошо!

Не совсѣмъ случайно я попалъ на этотъ сеансъ и не случайно затѣялъ съ дѣтьми эту бесѣду. Повсюду дѣти проявляютъ къ кинематографическимъ зрѣлищамъ столь исключительный, повышенный интересъ, что вопросъ о вліяніи кинематографа на дѣтскую психику, естественно, становится и важнымъ, и очереднымъ. «Нашъ народъ въ опасности»,—такъ называется одна изъ многочисленныхъ нѣмецкихъ работъ, посвященныхъ борьбѣ съ лубочной литературой [1]). И не успѣли еще какъ слѣдуетъ поставить борьбу съ этимъ зломъ, какъ подоспѣлъ въ видѣ кинематографа съ «современнымъ» репертуаромъ, новый, быть можетъ, еще болѣе опасный врагъ. Онъ пришелъ, занялъ улицы и площади нашихъ городовъ и повсюду зажегъ свои яркіе, побѣдные огни.

На эти огни летитъ и въ этихъ огняхъ гибнетъ довѣрчивая, всѣмъ восторженно увлекающаяся юность. Летитъ съ такимъ увлеченіемъ и гибнетъ съ такой легкостью, что на западѣ, въ особенности въ Германіи, и въ спеціальной и въ общей прессѣ сталъ все чаще и чаще выдвигаться вопросъ: какъ бороться съ современнымъ кинематографомъ, какъ уберечь отъ него юныя, свѣжія души.

«Я посѣтилъ вчера, — пишетъ предсѣдатель дѣтскаго суда въ Ганноверѣ,—въ 6 час. вечера, одинъ изъ театровъ, чтобы составить себѣ представленіе о количествѣ юныхъ посѣтителей и о нравственномъ обликѣ картинъ. Присутствовало тамъ отъ 70 до 80 дѣтей въ возрастѣ до 16 лѣтъ, а показывали картины, которыя даже на взрослую молодежь должны дѣйствовать очень вредно» [2]).

О томъ же разсказываетъ въ своей статьѣ и Götze [3]). Въ іенской Westschule, изъ 1050 учащихся, за пять недѣль, въ іюнѣ и

---

[1]) *Brunner.* Unser Volk in Gefahr! Kampfung gegen die Schundliteratur. 2 Aufl. Pforzheim, 1909.

[2]) D-r *A. Hellwig.* Die Beziehungen zwischen Schundliteratur, Schundfilms und Verbrechen. Archiv für Kriminalanthropologie und Kriminalistik-Bd. 51. 1913.

[3]) *O. Götze.* Jugendpsyche und Kinematograph. Zeitschrift für Kinderforschung. Jahr. 12, 1911.

іюлѣ 1909 года, въ кинематографѣ перебывало 524, т. е. 49,9%, а за семь недѣль въ первой четверти 1910 года—668 дѣтей, т. е. 63,6% общаго количества. Цифра еженедѣльныхъ посѣщеній, постоянно возрастая, съ 105 и 95, въ февралѣ 1911 г. доходитъ до 287. «Надо принять во вниманіе, — пишетъ Götze, — что къ тому времени посѣщеніе кинематографа было уже запрещено педагогическимъ начальствомъ, и нѣкоторые изъ педагоговъ энергично проводили въ жизнь это запрещеніе. Всѣ данныя свидѣтельствуютъ не о какихъ-либо единичныхъ явленіяхъ: дѣло идетъ, дѣйствительно, о массовомъ движеніи, на подобіе истинной эпидеміи».

Кое въ чемъ отъ Запада мы, несомнѣнно, поотстали, и возможно, что нѣкоторыя перспективы, передъ нимъ раскрывающіяся, отъ насъ еще очень далеки. Но врядъ ли отъ насъ далека и намъ безразлична проблема борьбы съ современнымъ кинематографомъ, такъ остро и широко вставшая у нашихъ сосѣдей? Если въ одномъ изъ округовъ Германіи количество электро-театровъ за 10 лѣтъ, съ 1900 по 1910 г.г., выросло съ 2-хъ до 400, то вѣдь и у насъ въ Петербургѣ, напримѣръ, въ 1912 году было зарегистровано свыше 250 театровъ. Всего ихъ въ Россіи свыше тысячи, и принимая среднюю ежедневную посѣщаемость одного театра въ 300 человѣкъ,—а это врядъ ли противорѣчитъ дѣйствительности,—мы получаемъ сто милліоновъ посѣтителей въ теченіе года [1]). Если въ чемъ мы къ Западу и приблизились, такъ именно въ томъ, что и у насъ все чаще и чаще проходитъ, всѣхъ соединяя и сплетая, телеграфная и телефонная сѣть, и у насъ на улицахъ посвѣтлѣло отъ многотысячныхъ кинематографическихъ огней, и у насъ съ тріумфомъ проѣзжаетъ и властвуетъ, какъ герой и царь, вездѣсущій Максъ Линдеръ...

На Западѣ замѣтили, что увлеченіе кинематографомъ у дѣтей приняло характеръ эпидеміи, всѣхъ захватывающей и всѣхъ поражающей. Масса образовъ, яркихъ и соблазнительныхъ, съ полотна экрана проникаетъ въ дѣтскія души и сѣетъ въ нихъ зло и сумбуръ. Не такъ ли обстоитъ дѣло и у насъ?

Заинтересовавшись этимъ вопросомъ, мы рѣшили добыть соотвѣтствующій матеріалъ путемъ анкеты въ московскихъ городскихъ школахъ. Анкета была произведена по способу, который въ статистикѣ носитъ названіе выборочнаго. Были взяты школы мужскія и женскія, начальныя и повышеннаго типа, центральныя и окраинныя,

[1]) *Г. Цыперовичъ.* Кинематографъ. „Современный міръ", I, 1912 и *Вл. Витортъ.* Кинематографъ, какъ соціальное явленіе. „Новое Звено", № 15, 1914.

и, при любезномъ содѣйствіи г.г. преподавателей, дѣтямъ были предложены нѣсколько вопросовъ, на которые они дали письменные отвѣты.

Вопросы эти таковы: 1) Что вамъ больше нравится: интересная книжка или кинематографъ? 2) Почему вы предпочитаете то или другое? 3) Какая изъ книжекъ вамъ кажется всѣхъ интереснѣе? 4) Какая изъ картинъ вамъ кажется всѣхъ интереснѣе? Изъ этихъ вопросовъ видно, конечно, что анкета имѣла цѣлью выяснить, по возможности, степень дѣтскаго увлеченія кинематографомъ, характеръ этого увлеченія и отношеніе дѣтей къ книгѣ. Надлежало выяснить, главнымъ образомъ, является ли кинематографъ и у насъ факторомъ воспитанія подрастающихъ поколѣній. Если да, то каково его вліяніе и каковы взаимоотношенія книги и кинематографа,—какъ двухъ основныхъ современныхъ педагогическихъ факторовъ?

Если кинематографъ, въ современной его постановкѣ, является факторомъ, вредно вліяющимъ на юный интеллектъ, факторомъ дѣтской испорченности и преступности, надо найти пути борьбы съ этимъ факторомъ. Волны дѣтской преступности до послѣдняго времени и безъ того повсюду, кромѣ Англіи, растутъ угрожающе и почти безпрерывно. Въ Россіи же ростъ дѣтской преступности за послѣднее десятилѣтіе является исключительнымъ по своей высотѣ и не находитъ себѣ даже примѣра въ государствахъ Западной Европы [1]). А кинематографъ,—на это есть указанія,—въ ряду прочихъ факторовъ дѣтской преступности сразу же занялъ очень видное мѣсто [2]).

Отвѣты были получены мною изъ 16-ти школъ, въ количествѣ 1482-хъ. Просиживая за ихъ изученіемъ, я не разъ встрѣчалъ тетрадочки, съ косыхъ, ломанныхъ строчекъ которыхъ на меня ясно глядѣли чистыя и свѣтлыя дѣтскія души. Среди отвѣтовъ, написанныхъ бѣгло и кратко, могущихъ служить лишь для статистическаго подсчета, я нерѣдко встрѣчалъ отвѣты на четырехъ и даже шести страничкахъ,—отвѣты подробные, взволнованно написанные, ярко и красочно говорящіе о той молодой, здоровой, радостной и бодрой Россіи, которая идетъ намъ на смѣну. И чувствовалъ въ этихъ отвѣтахъ, какъ вѣчно и неустанно творитъ жизнь, и не разъ вспоминалъ толстовскія слова о томъ, какъ прекрасны эти «постоянно прибывающія, свѣжія отъ Бога дѣти»...

«Интересная книжка или кинематографъ?» — на этотъ вопросъ

---

[1]) См. нашу статью: „Характеристика дѣтской преступности“ въ сборникѣ „Дѣти-преступники“ подъ редакц. М. Н. Гернетъ; и статью Е. Н. Тарновскаго: „Преступность несовершеннолѣтнихъ въ Россіи“. Ж. М. Ю. декабрь, 1913 г.

[2]) См. нашу статью: „Кинематографъ и дѣтская преступность“; въ „Журналѣ Уголовнаго Права и Процесса“, № 4, 1913 г.

839 дѣтей, т. е. приблизительно 57 %, высказались за книгу. Изъ остальныхъ — 561, т. е. около 38%, — рѣшительно за кинематографъ, и 80, т. е. около 5%—за то и другое одинаково. Книгѣ, воспитательницѣ человѣчества, уже тысячи лѣтъ. А вотъ пришелъ побѣдоносный завоеватель и сразу же вытѣснилъ свою старую и почтенную противницу почти съ половины ея позицій.

Что же такъ привлекаетъ дѣтей къ кинематографу? А прежде всего то, что «тамъ все представляется въ живности», какъ писалъ одинъ мальчикъ изъ 1-го класса. «Здѣсь происходитъ все на глазахъ,— добавляетъ его товарищъ изъ 2-го кл. высш. гор. училища,—а въ книгѣ же это только въ мысляхъ». «Въ кинематографѣ, — пишетъ дѣвочка изъ 3-го класса [1]),—все такъ жизненно, переданы всѣ движенія и различныя выраженія лицъ, а въ книгѣ это только все описывается, и нѣтъ уже наглядной жизни». «Когда книжку читаешь,— разсказываетъ мальчикъ изъ 2-го кл., — то картины только воображаешь, а въ кинематографѣ ихъ показываютъ».

И поэтому, — по словамъ другого мальчика изъ 2-го кл.,—кинематографъ «больше воодушевляетъ». «Когда я смотрю картину,— сообщаетъ его товарищъ по классу, — я переживаю страхъ, испытываю сильную радость». «Здѣсь все живое, все переживаешь,—пишетъ еще одинъ мальчикъ изъ 2-го кл.,—ты волнуешься, ты чувствуешь и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ плачешь». А можетъ ли такое впечатлѣніе произвести и книга? Нѣтъ,—увѣренно отвѣчаетъ подростокъ изъ 5-го кл., «такъ какъ кинематографъ представляетъ самую жизнь, а книга только разсказъ про нее». «Въ книгѣ всѣ образы,—пишетъ дѣвочка изъ 2-го кл.,—представляются какъ-то слѣпо. На картинахъ же все можно видѣть: и обстановку и людей».

Дѣти стремятся къ жизни, и чѣмъ развлеченія ближе къ ней, тѣмъ они, повидимому, сильнѣе трогаютъ и волнуютъ ихъ. Одинъ мальчикъ изъ начальной школы въ восхищеніи отъ кинематографа, «потому что тамъ стрѣляютъ, какъ правда». «Въ его картинахъ, — пишетъ мальчикъ изъ 2-го кл.,—яснѣе видна жизнь, чѣмъ въ книгѣ». «Въ кинематографѣ,—сообщаетъ мальчикъ изъ 1-го кл., – я могу видѣть *живыя* [2]) картины, жизнь человѣка, звѣрей, приключенія человѣка». Въ кинематографѣ все представляется такъ живо, что одинъ изъ мальчиковъ 2-го класса замѣтилъ даже, какъ надъ головой Сусанина «заблестѣли (!) сабли» и какъ онъ упалъ «*весь въ крови*». А дѣвочка изъ 3-го кл. живо вспоминаетъ, «какъ слонъ идетъ по горамъ, *переваливаясь*, и красивыя тропинки въ горахъ, и легкія, го-

[1]) Почти всѣ отвѣты, цитируемые нами, получены отъ учащихся городскихъ школъ повышеннаго типа.

[2]) Курсивъ вездѣ мой.

лубыя и розовыя одежды проводниковъ». «Я какъ будто переношусь,—пишетъ мальчикъ изъ 3-го кл.,—то въ жаркую Африку, то въ Индію, то на сѣверъ». «Бываютъ моменты, — сообщаетъ его товарищъ изъ 2-го кл.,—когда даже и не воображаешь, что это картины, а думаешь, что это происходитъ на яву».

Дѣти стремятся къ жизни... Но интересно, что одно и то же общее почти всѣмъ дѣтямъ стремленіе къ жизненности, къ яркости впечатлѣній заставляетъ однихъ изъ нихъ стремиться, какъ мы видимъ, къ кинематографу, а другихъ—къ книгѣ.

«Въ книгахъ,—пишетъ мальчикъ изъ 2-го кл.,—все описывается такъ картинно и живописно, какъ будто все самъ видишь». «Впечатлѣній отъ книги,—пишетъ дѣвочка изъ 4-го кл., — остается больше, благодаря разговорамъ, чѣмъ отъ молчаливыхъ передвиженій на экранѣ кинематографа». «Книга гораздо живѣе представляетъ,—отвѣтъ мальчика изъ 2-го класса,—чѣмъ нѣмыя картины кинематографа».

«Когда я читаю книгу, — пишетъ дѣвочка изъ 1-го кл. высш. гор. уч.,—мои мысли уходятъ далеко-далеко. Я какъ будто нахожусь около тѣхъ героевъ, про которыхъ читаю. *Мнѣ кажется, что я слышу, что они говорятъ.* Мальчикъ изъ 1-го кл. «лучше понимаетъ по книжкѣ, чѣмъ по картинамъ». «Смотря на какую-либо картину, — пишетъ мальчикъ изъ 4-го кл., — видишь движенія и дѣйствія, но рѣчи не слышишь. При чтеніи книги слышишь рѣчь, но не видишь движеній и дѣйствій. *Но послѣднія легче себѣ представить, чѣмъ рѣчь*». Эту же мысль развиваетъ въ своемъ отвѣтѣ и дѣвочка изъ 2-го кл. Ей больше всего нравится книга, «потому что въ книгѣ описывается подробно внутренняя жизнь человѣка, его душа, характеръ. А на картинахъ,—пишетъ дѣвочка,—я вижу только внѣшность и уже внутреннюю жизнь такъ подробно, такъ красиво, какъ разсказывается въ книгѣ, самой себѣ не представить». Ея подругѣ по классу, также высказывающейся рѣшительно за книгу, тѣмъ не менѣе, очень понравилась въ кинематографѣ картина «Марѳа Посадница». «Это было для меня интересно,—пишетъ дѣвочка, — такъ какъ я раньше читала про нее. Я знала, что испытывала Марѳа Посадница, когда шла на казнь, и я знала еще многія ея чувства».

Въ цѣломъ рядѣ отвѣтовъ дѣти рѣшительно отворачиваются отъ кинематографа. «Въ кинематографѣ я не могу думать,—пишетъ дѣвочка изъ 2-го кл.,—а смотрѣть на бѣгающія фигурки неинтересно». «Я люблю читать интересныя книжки, чѣмъ итти въ кинематографъ,—пишетъ мальчикъ изъ 1-го кл.—тамъ я всегда скучаю». «Я хожу въ кинематографъ только тогда, — сообщаетъ мальчикъ изъ 4-го кл., — когда не знаю, къ чему приложить руки дома».

Такимъ образомъ, въ этихъ отвѣтахъ передъ нами ясно встаютъ тѣ два типа дѣтской душевной организаціи, которые уже давно извѣстны и педагогикѣ и педагогической психологіи. Одинъ типъ—яркій, подвижный, питающійся по преимуществу впечатлѣніями извнѣ, жадно ихъ требующій, быстро ихъ перерабатывающій, берущій все «съ наскоку» и неспособный къ продолжительному вниманію, къ медленной и углубленной душевной работѣ... «Мы переносимся, смотря на экранъ, въ Римъ,—пишетъ мальчикъ изъ 3-го кл.,—видимъ передъ собой колизей, наслаждаемся видомъ арены съ гладіаторами, видимъ ихъ лица, улавливаемъ каждое движеніе... Мы видимъ жаркую Африку, видимъ Парижъ, далекій Китай... Видимъ людей, города, предметы. Величайшія горы, ландшафты, великія рѣки. Диковинныхъ птицъ и звѣрей».

А другой типъ,—типъ дѣтей, обычно молчаливыхъ и скромныхъ, медленно вбирающихъ въ себя внѣшнія впечатлѣнія, долго ихъ вынашивающихъ и претворяющихъ ихъ въ себѣ въ плоть и кровь... «Какъ пріятно,—пишетъ дѣвочка изъ 3-го кл.,—сидѣть въ укромномъ мѣстечкѣ за книгой, вся вдаваясь въ нее, поглощая страницу за страницей». «Я предпочитаю книжку,—пишетъ мальчикъ изъ 1-го кл.,—потому что въ ней можно интересныя мѣста перечитать тысячу и больше разъ». «Для меня книга дороже и лучше другихъ развлеченій,—сообщаетъ дѣвочка изъ 5-го кл.—Когда я читаю интересную книгу, то вся вхожу въ ту новую для меня жизнь, которую изображаетъ авторъ». «Если когда-либо пойдешь въ кинематографъ,—пишетъ дѣвочка изъ 1-го кл.,—то все время думаешь о книгѣ, что и какъ будетъ дальше». И наконецъ, дѣвочка изъ 2-го кл. вноситъ во всю эту аргументацію еще одинъ, почти совершенно неожиданный штрихъ. «За чтеніемъ книги отдыхаешь,—пишетъ она,—а послѣ, когда ее прочтешь, *начинаешь сама что-нибудь выдумывать*, и мысли сами собой складываются».

И, какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, въ одной изъ нашихъ тетрадочекъ мы нашли небезъинтересный образчикъ дѣтскаго литературнаго творчества. «Я больше всего люблю описаніе природы или временъ года,—пишетъ дѣвочка изъ 1-го кл. высш. гор. уч.—Когда, напримѣръ, какой-нибудь писатель описываетъ весну, онъ старается придать своему сочиненію какую-нибудь красоту, или онъ рисуетъ весну въ своемъ воображеніи, а потомъ уже пишетъ свое сочиненіе въ книгѣ. Сначала писатель пишетъ такъ: «Наступила весна. Все понемногу начинаетъ оживляться. Снѣгъ таетъ и бѣгутъ шумные, мутные потоки. Деревья начинаютъ распускать почки и радуются наступленію весны. Изъ-подъ снѣга выбивается молоденькая травка. Птицы прилетаютъ изъ теплыхъ странъ и начинаютъ опять вить свои гнѣздышки въ тѣни густой листвы и обзаводиться дѣтьми. Люди ждутъ ихъ возвращенія и радуются, когда онѣ поютъ свои веселыя пѣсни, сидя на вѣткахъ. А для скворцовъ

старики даже дѣлаютъ скворешницы, чтобы они у нихъ жили и помогали имъ въ полевыхъ работахъ, потому что скворцы питаются разными насѣкомыми въ полѣ, когда мужикъ пашетъ». Вотъ какъ писатель начинаетъ сочиненіе. И когда читаешь это, то во мнѣ развивается страсть къ такому чтенію, и когда видишь, что это интересная книжка, то иногда просиживаешь цѣлые вечера надъ этой книгой».

Какъ прекрасенъ этотъ гимнъ книгѣ, нацарапанный на бѣлыхъ листочкахъ малыми дѣтскими руками! Читаешь, и встаетъ старый толстовскій вопросъ: кому у кого учиться писать? Не пишущимъ ли у этой дѣвочки, далекой и неизвѣстной, но, повидимому, такой нѣжной, глубокой и вдумчивой?..

«Я очень люблю Тургенева,—пишетъ дѣвочка изъ 4-го кл.,—по нѣсколько разъ я перечитывала его замѣчательныя описанія природы... И какъ-то далеко, далеко отъ жизни, а на душѣ такъ свѣтло». «Прочтешь, напримѣръ, Гаршина, хотя бы «Красный цвѣтокъ»,—пишетъ 15-тилѣтняя дѣвочка,—какое онъ на тебя впечатлѣніе произведетъ! Прочтешь и начнешь что-нибудь другое, а оно все не выходитъ изъ головы. Ночью думаешь о злѣ»... Въ кинематографѣ,—пишетъ дѣвочка изъ 2-го кл. высш. гор. уч.,—лучше изображены всякія внѣшнія явленія, а изъ книжки «такъ замѣчательно поймешь чувства и нравы людей, ихъ радость и горе, кротость и злость, ненависть и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыя милыя, самыя нѣжныя чувства людей». «Послѣ чтенія,—разсказываетъ дѣвочка изъ 3-го кл.,—у меня является разсужденіе про людей, о которыхъ я читала: хороши ли они, какъ они поступили. А послѣ кинематографа я остаюсь вполнѣ равнодушна». Книга тѣмъ хороша,—по мнѣнію мальчика изъ 1-го кл. высш. гор. уч.,—что «она даетъ тебѣ науку». «Въ ней,—какъ полагаетъ его товарищъ,—понятными словами изображена жизнь, съ которой намъ придется бороться».

Дѣвочкѣ изъ 1-го кл. высш. гор. уч. очень нравится, когда въ книгѣ бываетъ «интересный разсказъ о разныхъ подвигахъ или пожертвованіяхъ собой. Я думаю,—пишетъ дѣвочка,—какъ эти люди счастливы, что принесли много пользы и добра другимъ». Когда я учился во 2—3 классѣ начальнаго училища,—вспоминаетъ мальчикъ изъ 3-го кл. высш. гор. уч.,—мнѣ нравились книги, въ которыхъ описывались войны и подвиги полководцевъ. Моимъ любимымъ героемъ былъ Суворовъ. Я воображалъ себя знаменитымъ полководцемъ, воображалъ себя участвующимъ въ битвѣ. Я бросаюсь туда, гдѣ больше опасности, всѣ удивляются моей храбрости. Я вбѣгаю первымъ на непріятельское укрѣпленіе, но вдругъ вражеская пуля сразила меня. Въ забытьѣ я слышу побѣдоносное «ура». Я въ лазаретѣ. Меня ранили въ животъ. Мнѣ должна быть операція. Я выздоравливаю. Меня ждетъ наградаъ. Я наверху блаженства. Все это—дѣтскія мечты. Въ то время я хотѣлъ

быть военнымъ. Но съ теченіемъ времени у меня это желаніе пропало. У меня появилось другое желаніе: быть сельскимъ учителемъ. Я мечталъ, какъ я буду учить деревенскихъ мальчиковъ, воображая себя сидящимъ въ школѣ и окруженнымъ учениками. На дворѣ морозъ, окна запушены снѣгомъ. Въ классѣ полутемно. Ученики съ любопытствомъ и вниманіемъ слушаютъ мой разсказъ... Постепенно и это желаніе стало у меня охладѣвать. Меня стали занимать книги по сельскому хозяйству. Я завелъ въ деревнѣ свой огородъ, и сердце мое радовалось, когда я тамъ бывалъ. На одной грядѣ пышно распустилъ свои цвѣты макъ, возлѣ него распустили свои цвѣты тыква, дыня и бобы. На другихъ грядахъ желтѣютъ цвѣты огурцовъ, далѣе идутъ гряды съ рѣдькой, морковью, лукомъ, свеклой и редиской. Почти надъ каждой грядой возносятся подсолнечники... Въ настоящее время меня больше всего интересуютъ книги сельско хозяйственныя и книги, въ которыхъ изображается деревенская жизнь».

А 14-тилѣтней дѣвочкѣ, изъ 4-го кл., больше всего нравится «Путешествіе капитана Гаттераса». И потому что «онъ пережилъ много бѣдъ, голодъ и разныя несчастія и все-таки добрался до своей цѣли. Его волны моря не разбросали изъ стороны въ сторону, а онъ ихъ побѣдилъ. Почти всѣ матросы оставили его, и сами хотѣли вернуться на родину, и сожгли корабль для того, чтобы сдѣлать зло своему капитану, но Богъ не оставилъ его, и онъ нашелъ себѣ другой корабль, и добился все-таки своей цѣли, хотя и сошелъ съ ума».

«Кинематографъ надоѣдаетъ, а книга—нѣтъ»,—пишетъ мальчикъ изъ 3-го класса. «Въ книгѣ правда написана»,—убѣжденно заявляетъ его товарищъ. «Я предпочитаю книги потому, что смотрю на нихъ, какъ на могучую силу въ дѣлахъ общественной пользы»,—пишетъ подростокъ изъ 4-го класса. А дѣвочка изъ 4-го класса,—она больше всего любитъ «Войну и миръ» Толстого, такъ какъ «въ этихъ четырехъ томахъ сказана вся жизнь»,—говоритъ, что изъ книги «яснѣе станешь представлять себѣ, что ты за человѣкъ, какая твоя цѣль въ жизни, приносишь ли ты пользу человѣчеству. Я,—говоритъ она,—на всѣ эти вопросы не получила отвѣта, посѣщая кинематографъ». «Въ кинематографѣ однообразно, глупо и пошло,—энергично заключаетъ ея подруга изъ 5-го класса.—Посмотришь на публику въ кинематографѣ,—тамъ сидятъ иногда такія представительныя личности и съ такимъ интересомъ смотрятъ на какую-нибудь глупую картину, что дѣлается прямо не по себѣ»...

Читаешь эти листочки одинъ за другимъ, и время отъ времени въ искреннемъ и увлекательномъ отвѣтѣ встаетъ передъ глазами яркая и интересная фигура ребенка или подростка. И сразу же повѣетъ свѣжестью и бодростью, и съ новой силой оживаетъ вѣра въ

свѣтлую, чистую, вѣчно волнующуюся юность, ту, которая всегда спасаетъ и, въ концѣ-концовъ, спасетъ изстрадавшійся человѣческій міръ.

Современный кинематографъ, въ своемъ побѣдоносномъ развитіи, наталкивается на нѣкоторыя, такъ сказать, естественныя препятствія. Очень многихъ ему никогда не завоевать, и есть такіе, изъ вѣковъ въ вѣка идущіе вопросы, которые можно разрѣшать лишь наединѣ съ собой и съ книгой.

Въ нашей анкетѣ, изъ 1482-хъ отвѣтовъ, 767, т. е. около 52%, получены съ указаніемъ на любимыя книги и любимыхъ авторовъ. Изъ школъ повышеннаго типа мы получили 1031 отвѣтовъ, а остальные 451—приходятся на школы начальныя, воспитанники которыхъ почти не отвѣчали на вопросъ о любимой книгѣ. Полученные нами отвѣты, мы полагаемъ, представляютъ нѣкоторый интересъ въ смыслѣ характеристики той идеологіи, которую несутъ съ собой идущія вслѣдъ за нами демократическія поколѣнія.

И здѣсь мы раньше и прежде всего отмѣтимъ съ глубокимъ удовлетвореніемъ и радостью, что впереди всѣхъ писателей, какъ самый любимый и близкій, идетъ Левъ Толстой. Выше мы уже упоминали о дѣвочкѣ изъ 4-го класса, которая больше всего любитъ «Войну и миръ», такъ какъ въ этихъ четырехъ томахъ сказана вся жизнь. Ея подругѣ Толстой нравится «своими взглядами на религію, на жизнь, отношеніе къ простому народу». А мальчику изъ 5-го класса онъ нравится потому, что «пишетъ онъ очень просто и откровенно и какъ-то ясно представляешь передъ глазами его картины».

Слѣдующія за Толстымъ мѣста занимаютъ Бичеръ-Стоу и Жюль-Вернъ, а за ними, къ сожалѣнію, слѣдуетъ теперь очень модная писательница,—г-жа Л. Чарская. Дѣти посвящаютъ ей,—сантиментальной и примитивной разсказчицѣ эпизодовъ по преимуществу изъ институтской жизни,—массу самыхъ восторженныхъ и хорошихъ словъ [1]).

За Чарской идутъ Пушкинъ и знаменитая книга: Робинзонъ Крузо. А за ними пѣвецъ тонкихъ и плѣнительныхъ очарованій—Тургеневъ. Мы уже приводили слова дѣвочки изъ 4-го класса: «Я очень люблю Тургенева, его замѣчательныя описанія природы... И какъ-то далеко-далеко отъ жизни, а на душѣ такъ свѣтло». «Я могу перечитывать Тургенева до безконечности,—пишетъ ея подруга изъ 5-го класса,—и всегда съ новымъ удовольствіемъ, съ наслажденіемъ». За Тургеневымъ идутъ Гончаровъ и Гоголь. Мальчику изъ 4-го класса нравится у Гоголя «его яркая, реальная обрисовка образовъ, которые

---

[1]) Достойную и талантливую, но, быть можетъ, нѣсколько излишне рѣзкую характеристику «творчества» г-жи Чарской далъ недавно г. К. Чуровскій въ своей новой книгѣ «Лица и маски».

сейчасъ же, какъ живые, появляются въ воображеніи». По словамъ дѣвочки изъ 2-го класса, Гоголь—«великій народный писатель, который прямо съ душой описывалъ всѣ недостатки русскаго народа».

За Гоголемъ идутъ Сенкевичъ и Достоевскій. «Содержаніе книги «Униженные и оскорбленные», пишетъ дѣвочка изъ 5-го класса,—мнѣ кажется, я никогда не забуду. Такъ сильно повліяла на меня эта книга, гдѣ такъ реально описана дѣйствительная жизнь, безъ всякихъ прикрасъ, такъ ясно и живо представлены переживанія героевъ». За Достоевскимъ идутъ А. Толстой, Майнъ-Ридъ, Лермонтовъ, Короленко, Чеховъ и В. Гюго.

Вотъ и всѣ писательскія имена, которыя мелькаютъ въ этой массѣ дѣтскихъ отвѣтовъ. Имя Гаршина намъ встрѣтилось всего лишь два раза, имена Вересаева, Андреева, Куприна — по одному. Среди дѣтей и подростковъ ясно и категорически выражено тяготѣніе къ старой классической русской литературѣ. Иногда это тяготѣніе юнаго къ старому и отрицаніе того, чѣмъ живетъ и дышитъ сегодняшній, унылый и сумбурный день, вполнѣ опредѣленно высказывается въ полученныхъ нами отвѣтахъ. «Книга меня всегда заинтересуетъ,—пишетъ дѣвочка изъ 5-го класса,—но только не изъ современныхъ». «Нашихъ современныхъ реалистовъ я не особенно люблю,—признается ея подруга.—Они дѣйствительно, быть можетъ, открываютъ намъ и настоящую жизнь, но ужъ слишкомъ она плоха и грязна, и беретъ сомнѣніе, неужели это все такъ, неужели вся жизнь наша наполнена только зломъ». Что касается такихъ «современныхъ реалистовъ», какъ г.г. Арцыбашевъ, Каменскій и проч.,—о нихъ у дѣтей не возникаетъ даже и вопроса: эти имена они вовсе не упоминаютъ. Если многіе изъ представителей нашего поколѣнія и пріучили себя, быть можетъ, къ отвратительной пряности современныхъ писаній,—во всякомъ случаѣ, тѣ, кто идетъ вслѣдъ за нами и будетъ творить грядущую жизнь, воспитываютъ себя, къ счастью, на прекрасныхъ и возвышенныхъ образцахъ нашей классической литературы.

Всѣхъ и все, повторяемъ, кинематографу не завоевать... но все же, по справедливости, велика его чарующая власть. И лучшимъ этому доказательствомъ служатъ тѣ гимны ему, которые слагаются дѣтьми, которыя очень любятъ и рѣшительно предпочитаютъ книгу.

Та дѣвочка, которая такъ любитъ Тургенева, его описанія природы, пишетъ все же: «Двѣ картины изъ кинематографа я какъ сейчасъ помню. Эти картины я видѣла *два года назадъ* въ Кинешмѣ. Одна изъ нихъ изображала горы въ Швейцаріи. Прекрасныя горы, покры-

тыя виноградниками, и вершины ихъ бѣлыя, какъ головы сахара!.. А вторая—сосновый лѣсъ. Густой лѣсъ! Прекрасный, непроходимый! Старыя сосны, необычайно высокія, сплелись въ немъ и образовали дебри»... Другая дѣвочка, та, которая полагаетъ, что въ кинематографѣ «однообразно, глупо и пошло», пишетъ, однако, что одна изъ картинъ ей очень понравилась. «Она представляла изъ себя ярмарку въ какомъ-то захолустномъ городишкѣ, на окраинѣ Россіи, гдѣ пути сообщенія еще очень плохи, и ярмарку, которая бываетъ очень рѣдко, всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ... Естественно, на эти ярмарки съѣзжаются изъ очень отдаленныхъ и разныхъ мѣстъ, и кого-кого вы только не встрѣтите, не увидите тамъ... Прибавьте къ этому еще яркіе цвѣта одежды, бьющіе прямо въ глаза. Все это сливается, пестритъ и кажется, какъ будто самъ находишься тамъ, слышишь этотъ нестройный шумъ голосовъ, брань, крики торговцевъ... Въ особенности интересно при этомъ посмотрѣть на физіономіи, такъ онѣ разнообразны. Вотъ какой-нибудь инородецъ съ темнымъ лицомъ и широкими скулами. Плотно сжалъ губы и смотритъ исподлобья, изъ своихъ маленькихъ, похожихъ на щелки глазъ. А рядомъ съ нимъ великороссъ, съ открытымъ лицомъ и съ блуждающей, безхитростной улыбкой».

«Конечно, книга интереснѣе, я это сознаю,—пишетъ дѣвочка изъ 3-го кл., 15-ти лѣтъ,—но она становится еще интереснѣе, еще понятнѣе, еще больше нравится, когда ее увидишь, изображенную на картинахъ. Напримѣръ, мнѣ очень понравилось «Море» Надсона. Оно начинается такъ: «Такъ вотъ оно, море... Горитъ бирюзою, жемчужною пѣной сверкаетъ». Я думала, что это только фантазія поэта создала такое чудное описаніе моря, на самомъ дѣлѣ, оно не такъ красиво. Но нѣтъ, когда я увидѣла море въ кинематографѣ, оказалось, что оно такъ же величественно, такъ же безконечно красиво, какимъ изобразилъ его Надсонъ». Дѣвочка изъ 1-го класса, которая пишетъ, что «просиживаешь цѣлые вечера надъ книгой, если видишь, что это интересная книга», была очень довольна, когда въ кинематографѣ показывали жизнь негровъ. «Но мнѣ все-таки хотѣлось бы посмотрѣть картины о прошлой старинѣ: какъ жили раньше люди, чѣмъ они занимались и какая у нихъ была посуда и одежда. И въ особенности хочу посмотрѣть времена Іоанна Грознаго и князя Серебрянаго, такъ какъ я это читала».

Кинематографъ очень успѣшно споритъ съ книгой. Мы видѣли, какъ сразу онъ вытѣснилъ ее почти съ половины позицій, и очень интересны тѣ отвѣты, въ которыхъ книга сопоставляется съ соотвѣтствующей ея сюжету кинематографической инсценировкой. «Если мы будемъ сравнивать вещь, которую ставили въ кинематографѣ,—пишетъ 15-лѣтняя дѣвочка изъ 3-го кл.,—съ вещью, изображенной

въ книгѣ, я предпочту кинематографъ... Напримѣръ, мнѣ пришлось прочесть «Камо грядеши» Сенкевича. Эта вещь мнѣ очень понравилась. Но, прочтя о пожарѣ Рима, я, по правдѣ сказать, не остановилась на немъ и не особенно этимъ мѣстомъ заинтересовалась. Когда же я посмотрѣла эту вещь въ кинематографѣ, на меня особенно большое впечатлѣніе произвелъ именно пожаръ. Рушились громадныя величественныя постройки, гибла масса людей, и на ихъ лицахъ былъ такой ужасъ, такое отчаяніе»... Мальчикъ изъ 1-го кл. высш. гор. уч. говоритъ объ этой картинѣ: «Она осталась въ моей памяти, и ни одна книга, ни одна картина ничто въ сравненіи съ этой картиной». Дѣвочка изъ 5-го класса «читала «Демонъ», видѣла его въ Большомъ театрѣ и въ кинематографѣ», и ей больше всего нравится, какъ его показывали въ кинематографѣ. Такъ же рѣшаетъ вопросъ и мальчикъ изъ 2-го кл., который читалъ «Отверженныхъ» и видѣлъ этотъ романъ на экранѣ. Его товарищъ изъ 4-го класса пишетъ: «Если бы я читалъ, напримѣръ, «Камо грядеши», то употребилъ бы на это часовъ 20, а въ кинематографѣ это можно видѣть въ $2^1/_2$ часа». И онъ рѣшительно предпочитаетъ кинематографъ.

Дѣти тянутся къ кинематографу, потому что весь онъ, съ своимъ стремительнымъ движеніемъ лишь отображеніе нашей какъ-то сразу осложнившейся, сразу набѣжавшей жизни. Великія и прекрасныя возможности таятся въ этомъ геніальномъ пріобрѣтеніи современной культуры. «Чудесный Кинемо!—писалъ недавно Л. Андреевъ.—Если высшая и святая цѣль искусства—создать общеніе между людьми и ихъ одинокими душами, то какую огромную, невообразимую, соціально-психологическую задачу суждено осуществить этому художественному апашу современности! Что рядомъ съ нимъ—воздухоплаваніе, телеграфъ и телефонъ, сама печать. Портативный, укладывающійся въ коробочку—онъ по всему свѣту разсылается по почтѣ, какъ обыкновенная газета. Не имѣющій языка, одинаково понятный дикарямъ Петербурга и дикарямъ Калькутты,—онъ воистину становится геніемъ интернаціональнаго общенія, сближаетъ концы земли и края душъ, включаетъ въ единый токъ вдрагивающее человѣчество. Великій Кинемо!—все онъ одолѣетъ, все побѣдитъ, все дастъ» [1]).

Кинематографъ—«чудо изъ чудесъ, послѣднее, непревзойденное, непревосходимое созданіе геніальнаго человѣческаго ума»—писалъ въ свое время г. Чуковскій. Но при современномъ его репертуарѣ, несмотря на тѣ великія и прекрасныя возможности, которыя въ немъ таятся, для Л. Андреева кинематографъ—«эстетическій апашъ и хулиганъ», а для К. Чуковскаго нѣчто, быть можетъ, еще худшее...

---

[1]) Л. Андреевъ: Письма о театрѣ. Альманахи изд. „Шиповникъ", кн. 22.

Кинематографическому творчеству, по словамъ г. Чуковскаго, «могли бы позавидовать папуасы и ашантіи», въ современномъ кинематографическомъ репертуарѣ нѣтъ почти ничего, кромѣ «устричной фантазіи, лошадинаго смѣха и крокодиловыхъ слезъ» [1]).

Отъ истины эта характеристика, конечно, совсѣмъ не далека. И потому увлеченіе кинематографомъ, какъ мы увидимъ, губитъ и развращаетъ дѣтей. Не говоря уже обо всемъ прочемъ, кинематографъ—мотивъ moderne въ исторіи современнаго дѣтскаго преступленія.

Масса дѣтскихъ преступленій и проступковъ, вродѣ кражи и попрошайничества, совершается теперь очень часто для того, чтобы попасть въ электрическій театръ. Въ вышеупомянутой статьѣ д-ра Hellvig'a собраны мнѣнія 30-ти дѣтскихъ судей Германіи и Австріи по интересующему насъ вопросу. «Дѣти, которыя однажды посѣтили кинематографъ,—пишетъ д-ру дѣтскій судья изъ Бреславля,—томятся и жаждутъ опять какъ можно скорѣе туда попасть». По сообщенію дѣтскаго судьи изъ Магдебурга, изъ 150-ти въ среднемъ за годъ впервые осуждаемыхъ дѣтей около 20% осуждаются за то, что, съ цѣлью посѣщенія кинематографа, они польстились на нечестное добываніе денегъ. Приблизительно то же самое происходитъ и у насъ. Мы позволимъ себѣ привести нѣсколько примѣровъ изъ практики московскаго дѣтскаго суда.

Елизавета С., дѣвочка 11 лѣтъ. Росла безъ присмотра. Мать ея служитъ горничной, по цѣлымъ днямъ не бываетъ дома. Однажды Лиза вмѣстѣ съ подругой попала въ кинематографъ. Такъ понравилось, что опять туда потянуло. А денегъ нѣтъ... Дѣвочки стали просить милостыню, прибѣгая къ различнымъ ухищреніямъ. Деньги доставали и тратили ихъ на театръ. Мать узнала, побила. Дѣвочка послѣ этого стащила старую кофту, продала ее—и опять въ «электричку».

Татьяна Я., дѣвочка 13-ти лѣтъ. Пока жила въ деревнѣ, вела себя прекрасно. Привезли ее въ Москву, и попала она однажды въ кинематографъ. Сразу же такъ увлеклась, что убѣгала туда въ каждую удобную минуту, а деньги для покупки билета стала красть, гдѣ попало.

Однажды ее въ наказаніе оставили дома, не взяли съ собой на прогулку въ Зоологическій садъ. Дѣвочка сдѣлала попытку спуститься изъ второго этажа по водосточной трубѣ. На вопросъ, какъ она не

[1]) К. Чуковскій: „Натъ Пинкертонъ и современная литература"; въ „Книгѣ о современныхъ писателяхъ".

побоялась разбиться, дѣвочка отвѣтила, что въ электрическомъ театрѣ показываютъ и не такіе спуски. И тамъ герои все-таки живы остаются.

Марія П., дѣвочка 13-ти лѣтъ. Семья матеріально обезпечена. У матери колоніальная лавка. Дѣвочка крадетъ у матери деньги исключительно на кинематографъ.

Аналогичныхъ случаевъ можно привести очень много.—Куда же ты деньги дѣвалъ?—спрашиваетъ судья у юнаго правонарушителя. «На кинематографъ истратилъ».—Такой діалогъ сдѣлался очень обычнымъ при разборѣ дѣтскихъ преступленій.

Одинъ изъ попечителей при Московскомъ дѣтскомъ судѣ разсказалъ намъ недавно, какъ мальчикъ, уже состоящій у него подъ присмотромъ за кражу, вновь совершилъ преступленіе. Шелъ онъ въ праздникъ изъ мастерской домой на побывку. Встрѣтились товарищи и позвали въ кинематографъ. Денегъ не было. Онъ взялъ тайкомъ у жильца серебряные часы и продалъ ихъ за рубль. Всей компаніей пошли въ театръ и наслаждались тамъ *однѣми и тѣми же картинами съ 2-хъ часовъ дня до 11-ти часовъ вечера.* Въ антрактахъ ѣли шоколадъ. Праздникъ вышелъ на славу.

Стоитъ только разъ попасть въ кинематографъ, и чудеса его съ невѣроятной силой уже влекутъ къ себѣ молодую, жадную до яркихъ впечатлѣній душу. Очень часто бываетъ такъ, что увлеченіе начинается послѣ того, какъ старшіе возьмутъ съ собой въ театръ, а иногда тутъ большую роль играютъ товарищи. «Тамъ въ деревнѣ, въ лѣсу, небось, сейчасъ гуляютъ, купаются,—со слезами разсказывалъ попечителю славный 13-ти-лѣтній мальчикъ, привлеченный за соучастіе въ кражѣ.—Родныхъ нѣтъ, домой далеко, хозяева запили... куда пойти? Вышелъ на улицу,—тамъ ребята пошли въ кинематографъ. Въ слѣдующее воскресеніе опять потянуло. Денегъ не было,—съ товарищами стащили съ чердака бѣлье» [1]).

Массовое движеніе дѣтей въ кинематографъ и та легкость, съ какой въ этомъ движеніи совершаются преступленія, уже сами по себѣ могутъ вызвать самыя тревожныя опасенія и выдвинуть вопросъ о томъ, какъ бороться съ современнымъ кинематографомъ, какъ съ однимъ изъ факторовъ преступности. Но кинематографъ страшенъ не только тѣмъ, что устремленіе въ него сплошь да рядомъ покупается цѣною преступленія,—онъ страшенъ, помимо того, самъ по себѣ, какъ факторъ, крайне вредно вліяющій на неустойчивую дѣтскую психику.

Въ западной литературѣ уже неоднократно приводились иллюстрирующіе это положеніе примѣры. Рядъ примѣровъ, въ высокой сте-

---

[1]) Г. Г. Черкезовъ. Дѣтскій судъ въ Москвѣ и борьба съ дѣтской преступностью. „Право“, № 34, 1913 г.

пени интересныхъ и выразительныхъ, находимъ мы и въ статьѣ д-ра Hellwig'a.

Два мальчика, Максъ Симонъ, 8-ми лѣтъ, и Карлъ Гецлеръ, 12-ти лѣтъ,—пишетъ судья изъ Золингена,—совершили совмѣстно кражу со взломомъ. Обокрали они виллу, владѣлецъ которой вмѣстѣ съ семьей былъ въ отъѣздѣ. Взломъ былъ совершенъ такъ искусно, что по началу подумали, что преступленіе это—дѣло рукъ взрослыхъ, опытныхъ взломщиковъ. Затѣмъ подозрѣніе пало случайно на Гецлера, а дальнѣйшее разслѣдованіе показало, что въ дѣлѣ принималъ участіе и Симонъ. Дѣти на допросѣ разъяснили, что за нѣсколько дней до совершенія преступленія они видѣли въ кинематографѣ изображеніе такой же кражи со взломомъ.

Дѣтскій судья изъ Касселя разсказываетъ о случаѣ, быть можетъ, еще болѣе замѣчательномъ. 12-ти-лѣтній мальчикъ,—пишетъ судья,—посѣтилъ, въ одно изъ воскресеній, кинематографъ и, вернувшись, легъ спать. На утро его нашли спящимъ въ одной рубашкѣ позади дома, на травѣ. Какъ онъ туда попалъ и что съ нимъ было ночью,—узнать не удалось. Въ поведеніи мальчика съ этого времени наступаетъ рѣшительный переломъ. Онъ начинаетъ пропускать занятія въ школѣ и совершаетъ одну за другой рядъ незначительныхъ кражъ. Затѣмъ онъ учиняетъ уже кражу со взломомъ и доходитъ, въ концѣ-концовъ, до нападенія съ цѣлью грабежа. На судѣ мальчикъ былъ все же оправданъ, такъ какъ съ очевидностью выяснилось, что вліяніе кинематографа привело его въ состояніе полной невмѣняемости.

Въ отвѣтахъ, полученныхъ д-ромъ Hellwig'омъ, фигурируетъ, слѣдовательно, рядъ случаевъ, когда дѣти совершали преступленія подъ непосредственнымъ вліяніемъ тѣхъ криминальныхъ драмъ, которыя столь обычны для современнаго кинематографическаго репертуара. Зная, какіе подвиги, какія рискованныя предпріятія совершались и совершаются дѣтьми даже подъ вліяніемъ литературныхъ произведеній,—напримѣръ, сочиненій Майнъ-Рида и Купера—нетрудно представить себѣ всю опасность современныхъ кинематографическихъ зрѣлищъ для ребенка, обычно еще не установившагося, легко на все реагирующаго.

Кинематографъ располагаетъ столь могущественными средствами изображенія и внушенія, что иногда даже и взрослый не въ состояніи противостоять его чарамъ. Тотъ же самый судья изъ Золингена разсказываетъ о 25-ти лѣтнемъ солдатѣ, раньше ни въ чемъ предосудительномъ не замѣченномъ, который однажды, среди бѣлаго дня, совершилъ нападеніе съ цѣлью грабежа. На вопросъ, какъ онъ дошелъ до такого дѣянія, солдатъ отвѣтилъ, что за нѣсколько дней до преступленія онъ видѣлъ въ кинематографѣ картину, изображавшую

подобный грабежъ, и хотя ему было совершенно ясно, что за совершеніе преступнаго дѣянія онъ будетъ подвергнутъ наказанію,—онъ все же не могъ отдѣлаться отъ охватившей его идеи.

Такая неустойчивость психики для взрослаго, конечно, лишь исключеніе. Для ребенка же и подростка она—почти законъ. Тѣмъ не менѣе, случаи, когда подъ непосредственнымъ вліяніемъ кинематографа совершались бы преступленія, въ общемъ сравнительно рѣдки. Очень часты, однако, случаи, когда подъ вліяніемъ картинъ современнаго кинематографа и общей обстановки кинематографическаго театра молодежью совершаются легкомысленные поступки и, какъ слѣдствіе ихъ, нерѣдко вырастаетъ преступленіе. Мы можемъ привести, для иллюстраціи нашей мысли, нѣсколько примѣровъ изъ практики московскаго дѣтскаго суда.

Елена П., дѣвочка 15-ти лѣтъ. Круглая сирота, съ двухъ лѣтъ росла у тетки. Училась въ гимназіи, но изъ 2-го класса вышла: не было средствъ для продолженія образованія. Дѣвочка много читала, увлекалась кинематографомъ и мечтала быть артисткой. Однажды въ кинематографѣ она черезъ подругу познакомилась съ какимъ-то господиномъ. Разсказала ему про свою жизнь, про свои мечты. Господинъ этотъ тайкомъ отъ тетки увезъ дѣвочку въ Ростовъ-на-Дону, пообѣщавъ ее устроить тамъ на сцену. И скрылся отъ нея черезъ мѣсяцъ, растоптавъ ея юность и довѣріе... Дѣвочка одна, совсѣмъ одна въ чужомъ городѣ. Не зная, какъ бы спастись, она крадетъ у своей квартирной хозяйки 90 рублей денегъ, подушки и пледъ; хочетъ уѣхать на эти деньги въ Москву. Эта исторія такъ напоминаетъ содержаніе обычныхъ кинематографическихъ драмъ, такъ ясно чувствуется, что кинематографическій «пафосъ» здѣсь сошелъ съ экрана, прошелъ въ зрительный залъ и отравилъ юную, дѣвичью душу. И такихъ исторій очень и очень много.

Юлія П., дѣвочка 14-ти лѣтъ познакомилась съ юношей Ф., лѣтъ 18—19-ти. Между ними возникли близкія отношенія. Онъ требуетъ отъ нея денегъ, она для него воруетъ. Они вмѣстѣ проводятъ цѣлые вечера и въ кинематографѣ, и въ притонахъ.

Такъ, прямо или косвенно, картины современнаго кинематографа, привлекая къ себѣ массы дѣтей яркостью, блескомъ и движеніемъ, быстро и неудержимо отравляютъ юныя души, сѣя въ нихъ темноту и хаосъ, толкая ихъ подчасъ на преступленья. Отрава здѣсь преподносится въ такой привлекательной формѣ, что юные зрители въ восторгѣ. «Кинематографъ мнѣ нравится,—пишетъ намъ мальчикъ изъ 1-го кл. высш. гор. училища,—потому что тамъ представляются страшныя драмы... Изъ картинъ мнѣ больше всего нравятся такія, въ которыхъ бываютъ страшныя дѣйствія...» «Всѣхъ интереснѣе мнѣ

кажется драма,—пишетъ дѣвочка 15-ти лѣтъ. Но драма хорошая, полная ужаса... захватывающая». «Изъ кинематографическихъ картинъ,—сообщаетъ 12-ти лѣтній мальчикъ,—я люблю смотрѣть страшныя картины; напримѣръ, когда разбойники кого-нибудь украдутъ». «Изъ картинъ,—отвѣтъ дѣвочки изъ 2-го кл.,—мнѣ больше всего нравится драма; напримѣръ, убійства...» Естественъ поэтому выводъ, который нѣкоторыя, наиболѣе развитыя дѣти сами дѣлаютъ о современномъ кинематографѣ. «Въ кинематографическихъ картинахъ,—пишетъ мальчикъ изъ 1-го кл. высш. гор. уч.,—ничего полезнаго не узнаешь, кромѣ дурного». «Когда человѣкъ читаетъ книгу,—думаетъ дѣвочка изъ 2-го класса,—онъ становится на много серьезнѣе и умнѣе; а если онъ бываетъ въ кинематографѣ,—онъ становится хуже, чѣмъ былъ». Мнѣнію этой дѣвочки можно довѣриться: въ своемъ отвѣтѣ она сообщаетъ, что была въ кинематографѣ «разъ семьдесятъ, если не больше». Еще опредѣленнѣе высказывается ея подруга: «Кинематографъ,—пишетъ она,—развращаетъ человѣка».

Всего приведеннаго, намъ кажется, достаточно для того, чтобы съ полнымъ основаніемъ сказать, что мы такъ же, какъ и наши западные сосѣди, стоимъ передъ проблемой борьбы за дѣтей съ современнымъ кинематографомъ. И у насъ дѣти до чрезвычайности увлекаются кинематографическими зрѣлищами, и у насъ они, въ современной ихъ постановкѣ, вливаютъ ядъ въ неокрѣпшую юную психику. Значитъ, и намъ слѣдуетъ обратить на это должное вниманіе и выйти въ этой области на дорогу рѣшительныхъ и цѣлесообразныхъ мѣръ борьбы.

Борьба съ современнымъ кинематографомъ, намъ кажется, должна вестись одновременно на два фланга. Съ одной стороны, въ данной области, быть можетъ, вполнѣ умѣстны и полезны и нѣкоторыя запретительныя мѣры. Такъ, на одномъ изъ совѣщаній директоровъ петроградскихъ среднихъ учебныхъ заведеній,—какъ сообщала «Рѣчь»,—было рѣшено совершенно запретить учащимся посѣщеніе обычныхъ кинематографовъ [1]), а послѣдній съѣздъ дѣятелей по народному образованію въ московскомъ уѣздномъ земствѣ, послѣ доклада М. И. Модестовой о «Кинематографѣ и школѣ», призналъ своевременнымъ даже изданіе закона о кинематографѣ, ограждающемъ дѣтей отъ сомнительныхъ въ смыслѣ нравственности картинъ [2]). Съ другой стороны, если дѣти къ кинематографу все же тянутся, если самъ онъ—одно изъ величайшихъ пріобрѣтеній современной культуры, квинтъ-эссенція ея роста, ея живости, ея силы,—

---

[1]) „Рѣчь“, отъ 8 марта 1914 г.

[2]) „Московская Газета“, отъ 14 апрѣля 1914 г.

нѣтъ нужды отрывать отъ него молодыя поколѣнія. На томъ же совѣщаніи директоровъ рѣшено было открыть спеціальный дѣтскій кинематографъ съ научной и увеселительной программой и предложить его устройство частной фирмѣ въ особомъ помѣщеніи, а земскій съѣздъ, на-ряду съ требованіемъ спеціальнаго закона, вполнѣ справедливо высказался вмѣстѣ съ тѣмъ за необходимость имѣть земскій кинематографъ для школы и внѣшкольнаго образованія.

На нашихъ глазахъ проходитъ опытъ постановки разумныхъ кинематографическихъ развлеченій для дѣтей: они устраиваются для воспитанниковъ городскихъ школъ московскимъ городскимъ самоуправленіемъ [1]). Начинанія городского самоуправленія въ этой области очень скромны. На сеансахъ городского кинематографа бываютъ дѣти только изъ третьяго и выше классовъ. Сеансы очень рѣдки: въ прошломъ году ихъ было пять, въ текущемъ семь. Картины ставились и ставятся исключительно научнаго характера. Онѣ иллюстрируютъ то, что въ школѣ проходится по географіи и естествовѣдѣнію. И даже эти скромныя начинанія вызвали уже нѣкоторые положительные результаты. Съ цѣлью получить объ этомъ конкретныя данныя, мы, производя анкету, въ нѣкоторыхъ школахъ ко всѣмъ прочимъ вопросамъ присоединили еще вопросъ: «Какъ вамъ нравятся сеансы городского кинематографа?» И въ полученныхъ нами отвѣтахъ за городской кинематографъ высказались 223, а противъ него—139 дѣтей.

Изъ послѣднихъ—90 дѣтей опредѣленно высказались за частный кинематографъ: тамъ картины разнообразнѣе, тамъ веселѣе, туда можно чаще ходить, тамъ музыка играетъ. Изъ 223-хъ дѣтей, положительно оцѣнившихъ городской кинематографъ, 139 опредѣленно предпочитаютъ его даже частному.

Такъ московскій городской кинематографъ, робко и съ недостаточными средствами выступившій на борьбу съ громадными, богатыми и блестящими «обычными» кинематографами, сразу же привлекъ къ себѣ все-таки симпатіи большинства дѣтей, симпатіи большія и устойчивыя. Рядъ отвѣтовъ, которые мы получили, еще разъ убѣдилъ насъ въ томъ, какъ неизсякаемъ въ душахъ дѣтей запасъ инстинктивной чистоты, и съ какою радостью они устремляются къ всему интересному и прекрасному. Вотъ та психологическая основа, на которой вполнѣ возможна успѣшная борьба за дѣтей съ современнымъ кинематографомъ.

---

[1]) См. нашу статью: Кинематографъ и дѣти, въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, отъ 11 марта с. г.

Для дѣтей должны быть созданы спеціальные кинематографы со строго выдержанной, живой программой, съ изящной, серьезной и простой музыкой. И то, что сейчасъ ломаетъ и калѣчитъ юныя души, будетъ ихъ развивать и обогащать. То, что потакаетъ теперь самымъ дурнымъ страстямъ, будетъ развивать и утончать самыя лучшія, самыя благородныя стороны молодого слагающагося интеллекта.

А. І. Закъ.

Б. ЗАЙЦЕВЪ.

Критическій этюдъ.

Б. Зайцева, какъ и Шмелева, мы считаемъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей неореализма въ русской литературѣ. Мы знаемъ, что это должно вызвать недоумѣніе. Какой Зайцевъ реалистъ? Зайцевъ, лирикъ, мистикъ, Зайцевъ, который, по словамъ г. Чуковскаго, вмѣстѣ съ другими «вытолкалъ изъ русской литературы реальнаго человѣка», но «сдѣлалъ это такъ усердно, что слова: пошелъ вонъ!—прозвучали у него, какъ серенада». Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ его реалистомъ, потому что его творчество направлено на изображеніе дѣйствительности, которая для него является главнымъ, существеннымъ. Не изгнанъ изъ его произведеній реальный человѣкъ, но къ нему Б. Зайцевъ подходитъ по-своему. Для г. Чуковскаго человѣкъ у Зайцева «вобла», та самая, которая идетъ «сплошь», «одна въ одну», «цѣлыми тысячами» и которая въ свое время пугала Гл. Успенскаго. Критикъ кое-что подмѣтилъ, но не все; главное отъ него ускользнуло. Онъ подмѣтилъ, что личность у Зайцева не обособлена, не сама по себѣ, что она въ нераздѣльной связи съ цѣлымъ міромъ. Эта таинственная связь человѣка съ міромъ, отсутствіе которой, столь частое въ наше время, дѣлаетъ человѣка либо несчастнымъ, либо пошлымъ, показалась г. Чуковскому безличностью, «воблой». На-ряду съ этимъ г. Чуковскій поэта необычайно чуткаго къ гармоніи жизни называетъ «пѣвцомъ животности и хаоса».

Въ довольно большой уже литературѣ о Зайцевѣ наиболѣе удачнымъ намъ кажется опредѣленіе, данное ему г. Горнфельдомъ («Книги и люди»), который назвалъ его произведенія «лирикой космоса». Лиризмъ г. Зайцева, субъективность его творчества несомнѣнны. Но его гимны—жизни, міру; этотъ подлинный міръ, а не свою мечту, свое представленіе онъ любитъ и изображаетъ, и потому онъ реалистъ. Онъ реалистъ и по пріемамъ творчества: для его образовъ нужна «натура», и эта натура выглядываетъ довольно прозрачно изъ-за художественнаго образа, и чѣмъ законченнѣе образъ, тѣмъ яснѣе прогляды-

ваетъ изъ-за него живая «натура» съ ея индивидуальными чертами. Наиболѣе живымъ и художественно законченнымъ изъ созданныхъ г. Зайцевымъ образовъ надо считать Лизавету изъ романа «Дальній край». Это лучшій женскій образъ въ современной русской литературѣ. Не трудно видѣть, что этотъ образъ имѣетъ нѣчто общее съ «Лисичкой» изъ разсказа «Миѳъ» и «Рыжимъ» изъ сценъ «Любовь». Это общее обусловлено тѣмъ, что, создавая эти образы, Зайцевъ имѣлъ передъ собой одну и ту же «натуру».

Миша, герой «Миѳа», смотритъ на приближающуюся къ нему жену, которая въ разсказѣ носитъ имя «*Лисички*».

«На дорогѣ фигура женщины; сразу онъ узналъ ее—это жена, рыжевато-сіяющая Лисичка. Издали онъ улыбается ея плавному тѣлу на длинныхъ ногахъ; она мягко ступаетъ ими, потомъ весело подхватываетъ юбку и, какъ милый страусъ, полулетя, доносится къ нему; вотъ она здѣсь—вихрь тканей, ласковое, загорѣлое лицо и теплое прозрачно персиковое тѣло, Миша глядитъ на знакомую плывучую фигуру. «Какая большая и какая легкая!»

Нѣсколько дальше:

«Лисичка снимаетъ шляпу, и въ рыжеватыхъ ея волосахъ сразу зажигается сіяніе; оно охватываетъ голову волнистымъ кольцомъ и мягко обтекаетъ по контурамъ тѣла, точно лаская его».

Вотъ первая встрѣча героя «Дальняго края» Пети (который, кстати сказать, имѣетъ кое-что общее съ Мишей «Миѳа»), съ его будущей женой Лизаветой:

«Алеша, безъ формы, въ свѣтло-голубенькой рубашкѣ, старался подварить чай, а *высокая, рыжеватая* дѣвушка, *остролицая, напоминавшая лисичку*, вырывала у него чайникъ» (Альм. «Шиповникъ», 20, ст. 21).

«Лизавета же, прочтемъ мы дальше, откровенно ничего не дѣлала. *Большая, свѣтлотѣлая*, она часами могла валяться на диванѣ, задравъ *длинныя ноги*», и т. д.

«Ноги свои она любила, хорошо обувала» и т. д. (Альманахъ «Шиповникъ», 20, ст. 82).

«Иногда Петѣ казалось, что Лизавета вообще нѣсколько полоумное существо, опьяненное свѣтомъ и молодостью. Свѣтъ сіялъ въ ея золотистыхъ волосахъ, въ янтарно-молочной кожѣ, въ ея поцѣлуяхъ, глазахъ» (id. 135).

«Полоумной», въ смыслѣ способности легко поддаваться опьяненію экстаза, неоднократно называетъ авторъ Лизавету.

«Я заспалась,—кричитъ Лисичка,—я ничего не понимаю! Какъ пьяная! Миша, смотри, свѣтъ, свѣтъ, я пьяна свѣтомъ!

«И она дышитъ лицомъ къ солнцу, и Миша видитъ, что она,

правда, слегка обезумѣла, но онъ радъ, онъ самъ задыхается въ странномъ, дивномъ блескѣ».

Въ драматическомъ этюдѣ «Любовь» «Графъ» напоминаетъ Петю, а отчасти и Мишу, жена «Графа», именуемая «Рыжей», тоже Лизавета-Лисичка «Миѳа» и «Дальняго края».

«Графъ» говоритъ «Рыжему»:

«Въ свѣту ты, Рыжій, еще лучше. Въ обыкновенное время ты такъ себѣ, а когда обольютъ тебя золотомъ, ты много превосходнѣе. Батька, если бы я былъ поэтомъ, я бы сказалъ, что твои рыжеватые волосы «подобны лорелейскимъ струямъ». Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, ты весь сіяешь въ этомъ солнцѣ» (2, стр. 34).

У «Рыжаго» длинныя ноги, и онъ подобно Лизаветѣ ихъ любитъ, ими занимается. Племянница Тоничка говоритъ:

«Дядя, а правда: у тети-мамы ножки другъ съ другомъ разговариваютъ? Онѣ у нея *такія длинныя*, и она говоритъ, что онѣ у ней какъ дѣти: могутъ будто бы плакать, смѣются, когда устанутъ—жалуются».

Черты одной и той же натуры постоянно просвѣчиваютъ въ образахъ Лисички-Лизаветы и Рыжаго. Есть что-то общее съ этими образами и въ Наташѣ изъ «Спокойствія».

Повтореніе чертъ одной натуры можно встрѣтить довольно часто въ разсказахъ Зайцева. Въ обстановкѣ комнаты «Графа» трудно не узнать обстановку студенческой квартиры Пети и Лизаветы, а на пирушкѣ у «Графа» фигурируетъ та же бутыль вина, о которой дважды упоминается въ «Дальнемъ краѣ»: Фрумкинъ въ «Дальнемъ краѣ» называетъ Лизавету «магистеръ любви и докторъ наслажденій». Это знаетъ Ковеліусъ изъ этюда «Любовь», который говоритъ: она у насъ «магистеръ любви и докторъ наслажденій» (кавычки показываютъ, что Ковеліусъ передаетъ чьи-то чужія слова, которыя рѣзко выдѣляются въ его рѣчи совершенно инымъ тономъ). У поляка студента Пшервы въ «Спокойствіи» и у «Польскаго поэта» въ сценахъ «Любовь»—«индусскіе глаза», которые далеко не часты у поляковъ и, очевидно, принадлежатъ живой «натурѣ». Константину Андреевичу, покинутому женой, вспоминается маленькій еврей-революціонеръ, раненый изъ засады въ столицѣ, который долго скрывался у нихъ въ квартирѣ. Такой же еврей-революціонеръ, съ тѣмъ же героизмомъ и вѣрой, тоже раненный въ животъ изъ засады въ Москвѣ, во время революціи, скрывается въ квартирѣ Пети и Лизаветы. Константинъ Андреевичъ изъ «Спокойствія» вспоминаетъ, что у него было въ дѣтствѣ ружье, при чемъ ему припоминаются такія подробности, что это ружье было шомпольное и одноствольное, такое же дѣтское настоящее ружье и тоже шомпольное и одноствольное, подарили мальчику Женѣ изъ разсказа «Заря» (3, стр. 99).

Всѣ эти факты, число которыхъ можно бы еще увеличить, ясно показываютъ, насколько творчество Зайцева нуждается въ «натурѣ» и съ какими деталями онъ эту «натуру» воспроизводитъ. Передъ нами не «творимыя легенды», а воспроизведеніе подлинной дѣйствительности, а слѣдовательно реализмъ, хотя реализмъ своеобразный. Главная особенность этого неореализма въ томъ, что къ нему авторъ приходитъ отъ декадентства. Герой «Дальняго края», Петя, считаетъ себя сторонникомъ «новаго», декадентскаго искусства и отъ него приходитъ къ Пушкину. Повидимому, таковъ же путь, пройденный и самимъ авторомъ. Отсюда основныя черты его реализма: его изящество, воздушность, лиризмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторая блѣдность и анемичность. Въ народной поэзіи много разсказовъ о душѣ умершаго, которая пьетъ кровь, чтобы набраться силы и снова вернуться къ жизни. Поэзія Зайцева похожа на душу, въ которой еще мало крови, чтобы ей стать вполнѣ живымъ человѣкомъ, въ которой еще есть кое-что отъ призрака.

Зайцевъ началъ свою литературную дѣятельность рядомъ разсказовъ, въ которыхъ ясно сказывается чувство единства человѣка съ природой. Въ разсказѣ «Вояки» звѣри являются дѣйствующими лицами и говорятъ, по выраженію одного изъ критиковъ, «на великорусскомъ діалектѣ».

Въ разсказѣ «Тьма» авторъ въ гончей собакѣ Добычѣ видитъ «мудраго, многоопытнаго, всегда думающаго, и теперь, навѣрно, въ свинцовыхъ потемкахъ о чемъ-то размышляющаго». Это смутило нѣкоторыхъ критиковъ Зайцева. Но то, что̀ поразило критиковъ далеко не такъ ужъ ново. У Толстого въ «Холстомѣрѣ», въ «Казакахъ» въ «Аннѣ Карениной (лошадь Вронскаго и собака Левина) и въ другихъ произведеніяхъ можно найти сколько угодно случаевъ подобнаго пониманія жизни животныхъ, и вообще Толстой далеко не чуждъ того мистико-пантеистическаго настроенія, которое ставятъ въ упрекъ Зайцеву. Въ наше время хотя бы мода должна заставить относиться къ мистическимъ настроеніямъ болѣе терпимо. Но то и характерно для нашего момента, что мы въ сущности допускаемъ только игру въ мистицизмъ, какъ любопытный парадоксъ, какъ новый зигзагъ мысли, свидѣтельствующій о ея гибкости, «культурности», но мы безсознательно требуемъ, чтобы это была только игра, чтобы это была новая, интересная маска для безвѣрія культурнаго человѣка. Мы очень много говоримъ о вѣрѣ, но никогда не были такъ лишены ея, какъ теперь, и когда мы громимъ старую русскую интеллигенцію за ея нигилизмъ, то безсознательно мы сердимся на нее, за ея неуклюжій, не гибкій и крѣпко вѣрующій умъ. Когда мы встрѣчаемъ непосредственность и искренность вѣры, мы невольно раздражаемся. Мотивы

этого раздраженія довольно сложны. Въ общемъ они сводятся къ контрасту психологіи человѣка, дѣйствительно имѣющаго своего Бога, и человѣка, не настолько лишеннаго вѣры въ какихъ бы то ни было боговъ, что онъ способенъ для приданія жизни колоритности играть роль вѣрующаго и даже, пожалуй, войти въ эту роль.

Жизнеощущеніе Зайцева заключаетъ въ себѣ значительную долю искренняго мистическаго пантеизма, при всей своей утонченности оно въ общемъ непосредственно и даже наивно. Пишущему эти строки, въ качествѣ стараго и убѣжденнаго противника декадентства и модернизма, приходится признать, что, читая нѣкоторыхъ изъ современныхъ писателей и въ частности Зайцева, убѣждаешься въ томъ, что декадентство сдѣлало и хорошее дѣло, и не только въ области формы, гдѣ заслуги его слишкомъ очевидны, но и въ области содержанія поэзіи, даваемаго новымъ жизнеощущеніемъ. Наше старое интеллигентское мышленіе и міропониманіе носило на себѣ печать тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ оно черпало свое богатство: главнѣйшими изъ нихъ являются: съ одной стороны раціонализмъ, двумя мощными волнами нахлынувшій съ Запада въ концѣ 18-го и въ серединѣ 19-го вѣка, и воспринятый хотя нѣсколько поверхностно, но не за страхъ, а за совѣсть, съ другой стороны,—старыя традиціи православнаго аскетизма, чрезвычайно живучія въ идеалахъ русскаго человѣка, даже отрѣшившагося отъ религіозныхъ традицій прошлаго. Раціонализмъ и аскетизмъ въ соединеніи создаютъ чрезвычайно упрощенное и мертвое жизнеощущеніе. Только такіе гиганты, какъ Левъ Толстой, способны были вырываться изъ его тисковъ, но и на него бремя аскетизма наложило неизгладимую печать. Модернизмъ несомнѣнно разбилъ эти оковы, и въ этомъ его серьезная заслуга. Наиболѣе талантливыя и содержательныя натуры сумѣли извлечь изъ этой побѣды плоды уже давно. Безъ этого освобожденія немыслимъ былъ бы Чеховъ; немыслимъ былъ бы и Горькій того періода, когда его творчество имѣло крупное значеніе, потому что его жизнеощущеніе еще не было сдавлено марксистской догмой. Модернизмъ несомнѣнно имѣлъ освобождающее значеніе, но самъ онъ принесъ столько уродливаго, неискренняго, истеричнаго, внѣшняго, что періодъ его полнаго господства надо считать, несмотря на обиліе талантовъ, однимъ изъ безплоднѣйшихъ періодовъ въ нашей литературѣ, и только, когда шумиха модернизма стала надоѣдать и утихать, заговорило повсюду то живое, свѣтлое, что было освобождено побѣдой модернизма.

Міроощущеніе Зайцева есть пробужденіе непосредственнаго, любовнаго воспріятія жизни, освобожденнаго отъ двойного гнета аскетизма и тяжеловѣснаго узкаго раціонализма. Освобожденіе произошло подъ знаменемъ модернизма, и слѣдовъ послѣдняго много въ твор-

чествѣ и міроощущеніи Зайцева. Передъ нами въ сущности въ новой комбинаціи типичное для русской интеллигентской психики сочетаніе наивнаго, непосредственнаго, нѣсколько архаичнаго, но свѣжаго, съ новѣйшимъ, утонченнымъ и преждевременно старымъ. Это сочетаніе у Зайцева даетъ нѣчто изящное, трогательное, до наивности искреннее, но хрупкое.

Своимъ пониманіемъ природы Зайцевъ заставляетъ вспомнить... толстовскаго дядю Ерошку. Философія полудикаго казака и утонченнаго интеллигента имѣетъ кое-что общее. Это утвержденіе можетъ показаться звучащимъ въ унисонъ съ мнѣніями г.г. Чуковскаго и М. Морозова. Оно перестанетъ такъ звучать, если мы прибавимъ, что къ Зайцеву и дядѣ Ерошкѣ надо присоединить и самого Толстого.

Въ этой философіи, какъ во всемъ душевномъ укладѣ русскаго человѣка, до утонченнаго интеллигента включительно, есть нѣчто архаичное, первобытное, но, можетъ быть, именно эта доля архаичной непосредственности чувства и сообщала русской литературѣ ея обаятельность и свѣжесть.

Въ «Волкахъ» и «Тьмѣ» воскресаетъ первобытная душа охотника, ведшаго неустанную борьбу съ звѣрями и творившаго о нихъ миѳы.

И Зайцевъ, подобно отдаленному предку-охотнику, творитъ миѳы о звѣряхъ, о солнцѣ, которое для него «золотой пріятель», о березкахъ.

«Золотой пріятель солнце—смотритъ прямо на нихъ; онъ теперь ниже и лучи его любовнѣе».

«Когда я думаю о христіанахъ,—говоритъ Миша,—мнѣ всегда представляется вотъ такой успокоительно-бѣлѣющій хоръ, и смотри, не можетъ быть, чтобы эти нѣжныя деревца не были невѣстами и не исполняли сейчасъ своей пѣсни... Послушай, поютъ»...

Береза-дѣвушка, береза-невѣста, — обычное представленіе въ такъ называемомъ (Веселовскимъ) «психологическомъ параллелизмѣ» народной поэзіи. Эта ассоціація, повидимому, восходитъ къ первобытному анимизму. Было бы очень интересно установить, явилась ли эта ассоціація у г. Зайцева подъ вліяніемъ народной поэзіи, или независимо отъ нея. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣли бы передъ собой повтореніе одного и того же миѳотворящаго процесса мысли у почти первобытнаго предка и утонченнаго современнаго человѣка. Во всякомъ случаѣ, у Зайцева мы должны признать чуткость къ процессамъ *непосредственнаго* миѳотворчества. Въ послѣднее время интересъ къ процессамъ миѳотворчества очень оживился. Съ одной стороны психологическая наука устанавливаетъ тѣсную близость между миѳотворчествомъ и художественнымъ творчествомъ, съ другой стороны въ поискахъ новой красоты неизбѣжно должны были придти къ одному

изъ вѣковѣчныхъ ея источниковъ—миѳу. Миѳотворчество стало модой, но головнымъ путемъ придти къ миѳотворчеству нельзя, и въ большинствѣ случаевъ вмѣсто подлиннаго миѳотворчества получилась болѣе или менѣе грубая его поддѣлка, хотя фальсификація и не замѣчалась потерявшимъ настоящее чутье къ миѳотворчеству обществомъ. Для подлиннаго миѳотворчества нужна извѣстная доля непосредственности мышленія, можетъ, даже архаичности его. И эта архаичность присуща въ разныхъ, конечно, степеняхъ мышленію Льва Толстого, дяди Ерошки и Б. Зайцева. Они не притворяются: у всѣхъ у нихъ процессъ миѳотворчества является искреннимъ и потому поэтичнымъ. Разница въ степени произвольности этого процесса: у Зайцева онъ произвольнѣе. чѣмъ у Толстого, не говоря уже о дядѣ Ерошкѣ, и потому блѣднѣе,

На-ряду съ мистическимъ пантеизмомъ настроенія и тѣсно связанной съ нимъ склонностью къ миѳотворчеству, въ первыхъ разсказахъ Зайцева приходится отмѣтить *свое* воспріятіе реальной жизни, которое тоже породило въ критикѣ довольно странныя недоразумѣнія, при чемъ опять подали другъ другу руки г. Чуковскій и г. М. Морозовъ. Чуковскій говоритъ: «Зайцевъ стихійный и немного стихійностью рисующійся *поэтъ животности и хаоса*». Г. М. Морозовъ ему вторитъ:

«Обезличивъ, обезцѣнивъ цѣнность здѣшней жизни, унизивъ разумъ, поэтъ не находитъ ничего существеннаго, что отмежевывало бы уже теперь человѣка отъ животнаго и растенія».

Между тѣмъ уже въ первыхъ разсказахъ Зайцева и именно тѣхъ, которые возбудили неудовольствіе только-что цитированныхъ критиковъ, мы находимъ у Зайцева утвержденіе цѣнности жизни, жизни простой, жизни, какъ таковой.

«Священникъ Кронидъ», «Хлѣбъ, люди и земля», «Деревня»—вотъ рядъ разсказовъ, въ которыхъ самымъ существеннымъ является радостное воспріятіе самаго факта бытія, той обыденной, повседневной жизни, въ которой бытіе человѣка проявляется. Эта радость бытія болѣе или менѣе знакома всякому человѣку, но за шумомъ и суматохой дѣлъ и quasi-дѣлъ, изъ которыхъ состоитъ жизнь современнаго, особенно городского человѣка, мы ее почти перестаемъ чувствовать. Это глубокій изъянъ, уродство въ психикѣ современнаго человѣка. Наиболѣе поверхностные не страдаютъ отъ этого изъяна, болѣе глубокіе болѣе или менѣе страдаютъ отъ опустошенности души, а наиболѣе искренніе, чуткіе, молодые нерѣдко гибнутъ отъ отсутствія радости бытія, и въ этомъ одинъ изъ источниковъ массовыхъ самоубійствъ. Почувствовать эту радость жизни, какъ таковой, и сумѣть заставить почувствовать и другихъ—это великое дѣло, особенно въ наше время, такъ какъ въ этой радости бытія могучій источникъ счастья и жизнедѣятельности.

Жизнь «священника Кронида»—очень сѣрая, будничная жизнь, но въ ней есть радость и счастье уже потому, что она жизнь, здоровая жизнь. Г. Чуковскій совершенно правильно отмѣчаетъ, что «все время Зайцевъ говоритъ о богослуженіи такъ, какъ будто это косьба или молотьба», что Кронъ даже не служитъ, а «работаетъ», и вся поэзія церковной службы для Зайцева въ томъ, что это какое-то древнее, деревенское, всемужицкое «дѣло». Но г. Чуковскому это не нравится.

«Тутъ бы и Достоевскій, и Лѣсковъ, и Андреевъ,—всѣ писавшіе о духовенствѣ, — понапривели бы столько текстовъ изъ богослуженія, столько молитвъ, показали бы намъ священника, предстоящаго предъ алтаремъ, изобразили бы хоть какія-нибудь психологическія переживанія, но пѣвцу человѣческой воблы все это чуждо и неинтересно».

Критикъ забылъ, что если Достоевскій, несмотря на весь свой интересъ къ религіи, не изображалъ и, вѣроятно, не случайно не изображалъ православнаго богослуженія, то мы имѣемъ его изображеніе у другого великаго мастера—въ «Воскресеніи» Толстого, и тамъ нѣтъ ни текстовъ, ни молитвъ, ни психологическихъ переживаній, а есть тоже «работа», только иначе оцѣниваемая. Если же говорить объ изображеніи богослуженія у Лѣскова и Андреева съ одной стороны и Зайцева съ другой, то у Зайцева безконечно больше глубины пониманія, чѣмъ у обоихъ противопоставляемыхъ ему писателей, особенно у Андреева, Василій Ѳивейскій котораго это—одинъ изъ образчиковъ фальши, въ которую впадаетъ даже крупное и яркое, но лишенное художнической искренности дарованіе. Въ сущности г. Чуковскій ставитъ въ вину Зайцеву, что онъ не захотѣлъ подобно Андрееву поочаровательнѣе блеснуть глубокомыслiемъ, а проявилъ подлинную глубину пониманія.

Зайцевъ понялъ, что богослуженіе сельскаго священника есть дѣйствительно «работа» въ родѣ косьбы и молотьбы, которыя для «людей земли» есть не только «работа», а и святое «дѣло». Зайцевъ понялъ это и понялъ кромѣ того, что въ этомъ есть своя мудрость, что такъ и нужно для «людей земли», для того чтобы все это было имъ понятно и чтобы давало имъ свою долю радости, нужной, чтобы жить.

Зайцевъ умѣетъ чувствовать не только величавость жизни, въ ея самыхъ обыденныхъ простыхъ формахъ, жизни, какъ таковой, онъ умѣетъ чувствовать и величавость смерти.

Величіе жизни и смерти является основнымъ мотивомъ въ превосходномъ глубоко вдумчивомъ разсказѣ «Аграфена», который совершенно напрасно сопоставляли съ «Жизнью человѣка» Л. Андреева. Съ внѣшней стороны жизнь Аграфены несчастная, нелѣпая жизнь. Въ юности она, крестьянская дѣвушка, полюбила студента-барича. Эта

любовь мелькнула, какъ сонъ. Потомъ въ городѣ Аграфена горячо полюбила удалого кучера Петра, сошлась съ нимъ, родила дочь, но Петръ бросилъ ее. Потомъ она еще разъ любила: юношу, почти мальчика гимназиста, въ семьѣ котораго жила прислугой. Гимназиста она сама соблазнила и жила съ нимъ, пока онъ не отвергъ ея ради невѣсты, которую любилъ и раньше. Аграфена ушла въ деревню, работала, кормила старуху-мать и маленькую дочь. Анюта выросла, благодаря помѣщицѣ получила нѣкоторое образованіе и служила сидѣлицей въ винной лавкѣ, а мать жила при ней, хранила ее. Не удалось Аграфенѣ сберечь свою Анюту: она полюбила сельскаго учителя, была обманута, брошена и покончила съ собой. Аграфена пережила новое, быть можетъ, самое тяжелое горе. Какая несчастная, сѣрая жизнь! Но Зайцевъ умѣетъ видѣть и показать въ ней огромную, ничѣмъ несравнимую цѣнность. Эта цѣнность—человѣческая душа съ ея любовью и ея страданіями. Если человѣческая душа для Зайцева огромная цѣнность, то воспріятіе этой душой міра,—жизнь, есть великій торжественный актъ и великое счастье.

Съ внѣшней стороны жизнь Аграфены является дѣйствительно таковой, какъ она представляется суровому критику Зайцева, г. Морозову, который говоритъ: «Жизнь подъяремнаго человѣка, не согрѣтаго ни единымъ живымъ лучомъ общественности, жизнь безмѣрно узкая, тягота которой облегчалась лишь мистическими вѣрованіями во вмѣшательство въ судьбу человѣка силъ иныхъ, засвѣтныхъ міровъ; жизнь безъ уюта, холодная, до боли одинокая, сплошная сочащаяся рана, изрѣдка подживающая въ ослѣпленномъ изступленіемъ любви сознаніи, но не на дѣлѣ,—вотъ что развертываетъ поэтъ передъ нами съ спокойной, кроткой христіанской улыбкой въ торжественно тихой картинѣ».

И критикъ по-своему правъ, если не видѣть того, что такъ зорко умѣетъ видѣть Зайцевъ, не видѣть, что и эта жизнь—торжество и счастье, если не убита душа человѣка, если она можетъ со всей полнотой чувствовать, любить, вѣрить и съ спокойной сосредоточенностью ждать смерти. Аграфена умѣла и воспринимать жизнь, и встрѣтить смерть, въ этомъ ея красота и мудрость.

Тайна жизни и смерти раскрывается передъ Аграфеной въ порывѣ величайшаго страданія, когда нашли трупъ Анюты.

«Прибѣжалъ батюшка, охалъ, утѣшалъ, но Аграфена не слушала. Ей сразу открылась чистая даль ея существованія, лишенная всѣхъ земныхъ соединеній и привязанностей; и, глядя на это дорогое, единственное и любимое и свое тѣло, она видѣла сквозь него далекій и уже близкій міръ. И не могла плакать. То, что наполняло ее, не равнялось слезамъ, а стояло за горизонтомъ человѣческихъ словъ и чувствъ. Она молча склонилась къ умершей».

Прошло нѣкоторое количество времени. Аграфена жила, ходила на могилу матери, но она была уже готова къ смерти. Однажды въ минуту душевнаго подъема пронеслась передъ Аграфеной вся ея жизнь съ ея любовью и мукой, все это показалось ей лишь прообразомъ любви единой и вѣчной.

«Господи, Господи, молилась она, ты явился мнѣ, ты все у меня взялъ, вотъ я нищая передъ тобою, но я люблю тебя, люблю».

«Въ эти минуты, говоритъ авторъ, она познала свою жизнь до послѣдняго изгиба, приняла ее и сознала, что на той высотѣ, куда внесло ее сейчасъ божественное дуновеніе, жить она больше не можетъ».

Вечеромъ въ тотъ же день Аграфена умерла. Смерть пришла къ ней въ видѣ монахини въ черномъ и дала ей напиться изъ своей чаши.

«Аграфена медленно-медленно приподнялась, припала губами къ чашѣ и долго пила. «Слышишь ли мою сладость? Идешь ли?» «Слышу», отвѣтилъ наполовину не ея голосъ. «Иду».

Такъ спокойно, величаво умерла Аграфена. Зайцевъ изображаетъ тайну жизни и смерти, и его разсказъ течетъ спокойно, какъ священнодѣйствіе. Г. Айхенвальдъ глубоко правъ, говоря, что произведенія Зайцева вызываютъ въ душѣ читающаго «то очищеніе, то аристотелевское «катарсисъ», отъ котораго безконечно далеки многія произведенія современнаго слова». Сила и обаяніе творчества Зайцева именно въ этомъ «катарсисѣ». Чтобы «чувствовать» Зайцева,—а его гораздо важнѣе чувствовать, чѣмъ воспринимать умомъ,—нѣтъ надобности быть человѣкомъ одного съ нимъ міросозерцанія, но нужно имѣть потребность въ «катарсисѣ».

Мы говорили уже, что человѣческая душа, съ ея страданіями, радостями, любовью и вѣрой, для Зайцева величайшая цѣнность. Это надо имѣть въ виду при оцѣнкѣ недавно появившагося перваго романа Зайцева «Дальній Край». Нельзя сказать, чтобы романъ этотъ встрѣтилъ мало вниманія: о немъ писали и говорили много. Но въ томъ, что̀ писалось о немъ, чувствуется какое-то недоразумѣніе. Г. Ивановъ-Разумникъ даетъ въ годичномъ обзорѣ за 1913 годъ такую оцѣнку этого романа.

«Большое произведеніе—романъ—впервые далъ въ минувшемъ году милый художникъ - «импрессіонистъ» Борисъ Зайцевъ, представляющій собою во всѣхъ отношеніяхъ полную противоположность Сергѣеву-Ценскому. О романѣ этомъ «Дальній Край» много говорили, но въ общемъ даже самые горячіе поклонники творчества Бориса Зайцева отнеслись къ его роману довольно равнодушно, точно авторъ «обманулъ ожиданія». И совершенно напрасно: авторъ ничѣмъ не

обрадовалъ, но и ничѣмъ не огорчилъ. Это все тотъ же Борисъ Зайцевъ, авторъ милыхъ «импрессіонистическихъ» разсказовъ, и весь его романъ—только рядъ отдѣльныхъ разсказовъ, этюдовъ и картинъ, ничѣмъ не худшихъ, чѣмъ всѣ его прежніе разсказы и картины. Конечно, «романа» нѣтъ никакого, здѣсь автора постигла полная неудача, и особенно неудачно выбранъ былъ фонъ всего произведенія: русская революція. На фонѣ этомъ такими жалкими и никчемными оказались всѣ излюбленные герои Бориса Зайцева, вся эта милая полу-интеллигентная богема. Ни русской революціи, ни русской интеллигенціи нѣтъ въ романѣ «Дальній Край», нѣтъ и никакого романа; но въ произведеніи этомъ какъ бы соединены въ одно связное всѣ два-три тома разсказовъ Бориса Зайцева.

Это писатель слишкомъ опредѣлившійся, слишкомъ выявленный; новыхъ путей отъ него ждать нельзя, но на старыхъ своихъ путяхъ онъ можетъ еще не одинъ разъ порадовать тихими и милыми повѣствованіями о милыхъ и тихихъ людяхъ» (Завѣты», январь 1914 г.).

Г. Дерманъ въ статьѣ, спеціально посвященной роману Зайцева, говоритъ:

«Петя (герой романа) показанъ въ романѣ на чрезмѣрно грандіозномъ фонѣ революціонныхъ событій, пригодномъ болѣе для эпопеи, чѣмъ для тонкихъ психологическихъ арабесокъ души скромнаго молодого человѣка. Если бы Зайцевъ достаточно разработалъ самый фонъ—эта несоразмѣрность была бы скрыта въ самостоятельномъ значеніи и въ интересѣ, какой онъ представлялъ бы для читателя, но въ «Дальнемъ Краѣ» служебное значеніе слишкомъ очевидно и производитъ впечатлѣніе громаднаго лафета, на которомъ покоится небольшое орудіе» («Сѣверныя Записки», 1913 г., іюль).

Такимъ образомъ критика указываетъ на «ничтожность» героевъ Зайцева сравнительно съ фономъ революціи, на которомъ они изображены, и на неумѣстность этого фона въ такомъ романѣ. Что касается до умѣстности «выбора» фона, то тутъ передъ нами сплошное недоразумѣніе. Авторъ, конечно, не «выбиралъ» этого фона. Жизнь людей того поколѣнія, къ которому принадлежитъ авторъ и которое онъ изображаетъ въ своемъ романѣ, такъ тѣсно переплелась съ революціей, что изобразить ее безъ этого фона нельзя, въ особенности, если авторъ, какъ въ данномъ случаѣ, хочетъ дать картину постепеннаго самоопредѣленія героя. Какъ бы ни былъ человѣкъ этого поколѣнія самъ по себѣ мало склоненъ къ общественной дѣятельности, вліяніе революціонныхъ событій слишкомъ властно вторгалось въ жизнь, слишкомъ многое опредѣляло въ ней, чтобы ихъ можно было обойти. Точно также мы совершенно не можемъ согласиться, что герои Зайцева на фонѣ революціи такъ ничтожны. Для историка об-

щественныхъ движеній, для публициста въ особенности,—пожалуй, но для художника, для мыслителя жизнь отдѣльнаго человѣка представляетъ самостоятельный интересъ. Въ данномъ случаѣ мы, однако, не согласились бы и съ тѣмъ, что романъ Зайцева ничего не дастъ для историка революціи и публициста. Въ немъ разбросано много вдумчивыхъ наблюденій объективнаго современника и, думается, будущій историкъ движенія будетъ цитировать этотъ романъ, чтобы помочь разобраться въ своеобразныхъ событіяхъ русской революціи. Мы бы сказали, что тѣ нѣсколько сценокъ революціи, которыя мы находимъ въ романѣ Зайцева, больше заключаютъ въ себѣ *правды*, чѣмъ могло бы быть въ любой «эпопеѣ», если бы кто-нибудь вздумалъ ее написать.

Вотъ, напримѣръ, кой-какіе штрихи, рисующіе предреволюціонное настроеніе:

«Степанъ къ этому времени уже работалъ въ очень крайней партіи. Разумѣется, онъ сильно встрялъ въ это дѣло. Ему казалось, что, когда тысячныя толпы соберутся на Невскомъ, выкинутъ знамена съ революціонными требованіями, это будетъ грандіозно. Неясно представлялъ онъ себѣ, что произойдетъ далѣе; но одно то, что студенты, рабочіе «заявятъ свою волю»—что-нибудь да значитъ. Дальше... а можетъ, дальше-то и будетъ настоящее. Здѣсь его голова нагрѣвалась, онъ видѣлъ борьбу—баррикады, геройство. Со сладкимъ трепетомъ предвкушалъ онъ смерть. Сколько тысячъ молодежи переживало это и таило въ душѣ надежды, что «дальше будетъ настоящее».

А вотъ безподобная по своей сжатости, всѣмъ знакомая картина:

«Тротуары были полны. Сновали студенты, молодые люди въ синихъ рубашкахъ, какъ Степанъ, и барышни, барышни. Это войско отъ семнадцати до двадцати пяти лѣтъ, вооруженное тросточками, зонтами, собиралось дать сраженіе государству...

Участвуютъ въ демонстраціи, кромѣ серьезно захваченнаго движеніемъ Степана, и индивидуалистъ Петя, и Алеша, для котораго демонстрація лишь случай проявить свою удаль и получить соотвѣтствующія сильныя впечатлѣнія. Петю, совершенно случайно попавшаго въ волну движенія, высылаютъ изъ Петербурга, и желчный Александръ Касьянычъ, конечно, правъ, иронизируя по поводу того, что его приняли за политическаго дѣятеля.

Но какъ это все типично! Нужно только нѣкоторое мужество смотрѣть правдѣ въ глаза, чтобы найти много правды въ изображеніи революціи у Зайцева, какъ ни далеко оно отъ эпопеи.

Петя въ Москвѣ, женатъ, окруженъ декадентствующей богемой. Но наступаетъ революція, и вчерашніе «козлороги», члены общества «священнаго Козла», дѣлившіе время между декадентствомъ и мат-

чишемъ, стали революціонерами. Легко поддается всякимъ вѣяніямъ минуты Лизавета, жена Пети, домъ ихъ становится революціонной штабъ-квартирой. Алеша теперь въ Москвѣ и опять, ради удали, рыщетъ по баррикадамъ. Среди публики, проходящей черезъ квартиру Пети, есть и искренніе, серьезно относящіеся революціонеры, какъ раненый еврей, но такихъ мало. Большинство—случайные люди, впечатлительныя натуры, покорные очередной модѣ, является ли таковой декадентство или революція. Все это далеко отъ эпопеи, но близко къ истинѣ.

Прошло около года. Революціонная волна спала. Петя и Лизавета, вернувшись въ Москву изъ Италіи, не нашли многихъ изъ бывшихъ козлороговъ, впослѣдствіи революціонеровъ: они были въ ссылкѣ. Нѣкоторыя изъ лицъ, которымъ давали они у себя пріютъ, оказались провокаторами. Лизавета плакала, оскорбленная за свою вѣру и увлеченіе. Степанъ становится террористомъ, бросаетъ бомбу въ генерала, котораго только легко ранилъ, но при этомъ убилъ случайно стоявшую близко дѣвочку. И это все бывало.

Итакъ, русская революція въ романѣ есть. Это изображеніе можетъ не нравиться тѣмъ, кто хочетъ идеализаціи «эпопеи», но скорбный тонъ г. Зайцева обнаруживаетъ гораздо большее пониманіе смысла разыгравшейся въ началѣ вѣка исторической драмы, чѣмъ шаблонная идеализація, и не только пониманія, больше искренняго сочувствія къ тому народному порыву, который такъ трагически разбился вслѣдствіе несоотвѣтствія силъ съ заданіями.

Есть въ романѣ Зайцева и русская интеллигенція. Конечно, если мы будемъ искать въ немъ такой интеллигенціи, которая подходила бы подъ выработанную г. Ивановымъ-Разумникомъ формулу: «интеллигенція есть этически-антимѣщанская, соціологически внѣсословная, внѣклассовая, преемственная группа, характеризуемая творчествомъ новыхъ формъ и идеаловъ и активнымъ проведеніемъ ихъ въ жизнь въ направленіи къ физическому и умственному, общественному и личному освобожденію личности», то такой интеллигенціи мы не найдемъ, потому что ея въ природѣ не существуетъ. Герои романа, Петя, Лизавета, Степанъ, Алеша, Клавдія—все это образы, типичные для молодого поколѣнія русской интеллигенціи. Типичны и ихъ исканія, колебанія, порывы.

Центральной фигурой романа является Петя. Образъ этотъ нѣсколько блѣденъ. Намъ кажется, что это отчасти случайно. Петя долженъ быть художникомъ, безъ этой черты образъ его остается неполнымъ, непонятнымъ. Повидимому, самъ авторъ смотритъ на Петю, какъ на художника, но по какимъ-то неяснымъ мотивамъ стѣсняется сдѣлать его таковымъ и лишь случайно проговаривается устами Степана, который передъ покушеніемъ говоритъ Петѣ:

«Вотъ мои мысли: у кого есть Божій даръ, *творчество*, тотъ служитъ имъ, это его орудіе. У кого же этого нѣтъ, тотъ—онъ сказалъ это спокойно и холодновато—отдаетъ себя. Всего себя пусть отдаетъ».

По контексту очевидно, что въ Петѣ Степанъ предполагаетъ наличность творческаго дара, иначе онъ не могъ бы ему сказать этого. Безъ предположенія о его художественной одаренности и постоянномъ вынашиваніи художественныхъ образовъ непонятна ни его обаятельность, ни его пассивность. Онъ живетъ съ постоянной внутренней работой, пристально вглядываясь въ жизнь и перерабатывая ея впечатлѣнія. Онъ не безразличенъ, но довольно равнодушенъ и къ политикѣ, и къ теоріи. Попавъ случайно въ спеціальное высшее учебное заведеніе, онъ тяготится характеромъ своей работы. Характерно и для Пети, и для автора изображеніе диспута между марксистами и народниками, на который довольно случайно попалъ Петя. Диспутантъ былъ марксистъ. Изъ Москвы въ качествѣ оппонентовъ пріѣхали народники.

«Въ первыхъ рядахъ, среди дамъ, посѣщающихъ премьеры, громкіе процессы и диссертаціи, виднѣлось нѣсколько бородачей. Казалось, волосы росли у нихъ изъ глазъ. Большинство было въ провинціальныхъ сюртукахъ, у нѣкоторыхъ изъ-подъ брюкъ рыжѣли голенища сапогъ. Это и были народники».

Самый споръ народниковъ съ магистрантомъ изображенъ въ такихъ краскахъ:

«Скоро загремѣли въ отвѣтъ народники. Потрясая бородами клялись, что кустарь не вымираетъ, община не разрушается, а несетъ залогъ дальнѣйшей жизни. Что въ Италіи процвѣтаетъ мелкое хозяйство. «Бемъ-Баверкъ, австрійская школа, психологическая теорія цѣнности». Магистрантъ крысился и отстрѣливался: «Мелкобуржуазный характеръ, реакціонное хозяйство, ростъ пролетаріата». (Въ этомъ мѣстѣ студенты захлопали. «Факультетъ» смутился и просилъ не мѣшать).

«Черезъ два часа Петя почувствовалъ, что въ головѣ его мутно. Несомнѣнно, эти люди много работали, много знали, и сейчасъ волновались искренно, отстаивая свои мысли; но ему не было это близко. Прислушиваясь къ ихъ книжнымъ выраженіямъ, Петя лишь сильнѣе ощущалъ, что правда—та, безъ которой человѣкъ не можетъ жить,—не у нихъ и не у Бемъ-Баверковъ».

Когда впослѣдствіи покорная очередной модѣ Лизавета подарила Петѣ Маркса, онъ подобно большинству не дочиталъ его. Многимъ это не помѣшало сдѣлаться марксистами; Петя такимъ не сдѣлался, но извѣстное вліяніе общее увлеченіе марксизмомъ имѣло и на него. Трудно представить натуру, менѣе подходящую для воспріятія марксистской догмы, чѣмъ Петя. Если марксизмъ могъ имѣть на него какое-

нибудь вліяніе, то только въ силу общаго увлеченія съ одной стороны и антипатіи Пети къ тяжеловѣсному старому народничеству—съ другой Эта антипатія у него эстетическаго характера. Мы видѣли изображеніе диспута марксистовъ съ народниками. Интересно сопоставить съ нимъ изображеніе спора модернистовъ съ сторонниками стараго идейнаго искусства.

«Молодая партія пользовалась лекціями для сраженій, и публика раздѣлялась на лагери. Благородные зубные врачи и статистики призывали къ завѣтамъ, Некрасову, шестидесятымъ годамъ. Юноши въ красныхъ галстукахъ—къ Уайльду».

Симпатіи автора, хотя не очень яркія, на сторонѣ «юношей въ красныхъ галстукахъ». «Зубные врачи» для него тѣ же мохнатые народники, а призывъ къ шестидесятымъ годамъ нѣчто въ родѣ «Бемъ-Баверка», у котораго нашъ авторъ и его герой не нашли настоящей правды. Правда шестидесятниковъ и народниковъ никогда не была правдой ни Пети, ни г. Зайцева, но и марксистская правда лишь въ весьма малой степени имѣетъ власть надъ Петей, и авторъ, повидимому, въ этомъ случаѣ, какъ и въ рядѣ другихъ, согласенъ съ своимъ героемъ.

«Камнемъ преткновенія въ политикѣ была такая мысль: самые честные, добрые и нужные люди это демократы. Все, что отзываетъ буржуазіей,—ничтожно. Но тогда выходило, что ничтожны Пушкинъ, Толстой, Тургеневъ, не говоря уже о Тютчевѣ и Фетѣ. Далѣе: не нужна буржуазная живопись, музыка, философія. И если быть послѣдовательнымъ, то люди, не поклоняющіеся Марксу, въ душѣ тоже буржуи, и философія ихъ соотвѣтственная, и ихъ преданность буржуазной культурѣ, искусствамъ лишь показатель ихъ душевнаго убожества. Получилось, что онъ, Петя Лапинъ, одновременно демократъ и буржуа. Это его бѣсило, выводило изъ себя»...

Одинъ изъ критиковъ, писавшихъ о романѣ, г. Дерманъ, приводя это мѣсто, говоритъ:

«Кажется, не сыщешь теперь такого захолустья, гдѣ бы буржуазное и демократическое еще продолжали сопоставлять такъ плоско и вульгарно,—а вотъ Петя не только сопоставляетъ, но и бьется надъ этимъ».

Петя, конечно, наивенъ. Юноши въ красныхъ галстукахъ, призывавшіе къ Уайльду, безъ труда разбили бы его дѣтское построеніе, и доказали бы весьма логично на философскихъ основаніяхъ, что и Уайльдъ, Тютчевъ и Фетъ нисколько не противорѣчатъ пролетарскому міросознанію, и даже напротивъ своимъ «антимѣщанствомъ» особенно близки пролетаріату. Но въ наивности чаще больше правды, чѣмъ въ хорошо построенныхъ силлогизмахъ. Извѣстная двойственность въ поло-

женіи буржуазнаго интеллигента, усваивающаго марксистское міросозерцаніе, въ особенности непослѣдовательно усваивающаго, несомнѣнно, есть, и Петю оно, какъ человѣка искренняго и вдумчиваго, ищущаго настоящей правды, не могло не мучить, и это ощущеніе двойственности своего положенія отнюдь нельзя признать «плоскимъ и вульгарнымъ». Успокоиться на своей двойственности, съ которой отлично мирятся многіе, Петя не можетъ. Его исканія продолжались. Отъ Канта онъ переходилъ къ Соловьеву, опасался оказаться не только буржуемъ, но и человѣкомъ архаичнаго міросозерцанія, но въ концѣ концовъ нашелъ *свое* рѣшеніе проклятыхъ вопросовъ, которое было тѣмъ хорошо, что оно свое, что соотвѣтствовало его душевному укладу, и что въ немъ Петя ничѣмъ не притворялся, ни марксистомъ, ни кантіанцемъ.

«Древній вопросъ мучилъ въ то лѣто Петю: есть ли на самомъ дѣлѣ природа, Богъ,—или все—обманъ, фантасмагорія слуха и зрѣнія? Горьше всего было то, что въ позиціи ненавистнаго Канта была доля правды: но отвергнуть звѣзды, небо, солнце, отвергнуть закатъ во ржахъ казалось ему безуміемъ. «Конечно, если смотрѣть инымъ глазомъ,—все представится по-другому, но что-то все же есть, и оно хорошее, Божье, настоящее. Не можетъ оно растаять, не существовать». «А вдругъ я думаю такъ, потому что у меня наивное сознаніе? Простодушные люди все принимаютъ на вѣру». И Петю снова раздражало сомнѣніе. Теперь уже выходило, что не только онъ въ душѣ буржуй, но и общее представленіе о мірѣ у него архаическое. Его поддерживало въ этихъ наивныхъ самотерзаніяхъ лишь то, что на его сторонѣ былъ Владиміръ Соловьевъ. Ему казалось, что этотъ человѣкъ пророческаго вида обороняетъ дивный Божій міръ».

Какъ ни наивны эти исканія, эта ребяческая борьба съ Марксомъ и Кантомъ, въ ней есть нѣчто весьма цѣнное, рѣдкое въ наше время. Петя стремиться освободиться отъ рабства передъ книгой, передъ господствующими доктринами, онъ хочетъ быть самимъ собой, оберегаетъ, какъ сокровище, *свое* міроощущеніе, какъ его ни смущаетъ, что оно «архаично» и «буржуазно», онъ его не отдастъ. Въ концѣ романа Петя уже сложившійся человѣкъ. Онъ пережилъ много утратъ: погибли его друзья, погибли многія мечты, онъ много перечувствовалъ и передумалъ. Въ душѣ его установилось спокойствіе, нѣсколько скорбное, но свѣтлое. Онъ пришелъ къ христіанству и патріотизму. То и другое вытекаетъ изъ его чувства къ міру, къ жизни, изъ любовнаго воспріятія жизни, но въ то же время у него мы видимъ характерное «зайцевское» отношеніе къ смерти. Романъ заканчивается слѣдующимъ характернымъ аккордомъ:

«Зажглись звѣзды, появилась голубая Вега, давно любимая

звѣзда. Петѣ казалось, что въ этомъ лѣтнемъ сумракѣ онъ ведетъ свою подругу въ далекій, неизвѣстный путь, за горами и долами котораго скрылись ужъ друзья ихъ свѣтлой юности, скроются они сами, какъ скрывается все въ подлунномъ мірѣ. Въ горлѣ его стояли слезы. Онъ внимательно слѣдилъ, какъ бы Лизавета не оступилась».

Петя является несомнѣнно центральной фигурой романа. Его внутренній ростъ, его путь къ той душевной гармоніи, которую мы видимъ у него въ концѣ, представляетъ собой главное содержаніе романа. Не личность Пети, а этотъ путь интересуетъ автора. Рядомъ съ Петей иначе проходятъ свой жизненный путь два его пріятеля: Алеша и Степанъ. Петя, Алеша и Степанъ—три типа жизнеощущенія. Алеша воспринимаетъ жизнь непосредственно, инстинктомъ, беретъ ея радости не мудрствуя, почти не размышляя. Инстинктъ предостерегаетъ его отъ ошибокъ. Въ немъ много удали, своеобразной красоты, мало сознательности. Онъ не глупъ, но равнодушенъ и къ религіи, и къ политикѣ, и къ философіи, и кажется даже къ искусству, хотя и обладаетъ чувствомъ красоты. Одинъ изъ критиковъ называетъ его авантюристомъ революціи. Это невѣрно, онъ не авантюристъ. Онъ поэтъ безъ словъ. Революція его увлекаетъ, какъ всякій сильный порывъ, какъ нѣчто такое, въ чемъ можно полнѣе чувствовать біеніе жизни. Зайцевъ видитъ въ жизни Алеши свою правду. Это не правда самого автора, но онъ допускаетъ разную правду, а правда заключается въ томъ, чтобы жизнь была искренна, чтобъ человѣкъ не насиловалъ себя, былъ тѣмъ, что̀ есть, по-своему чувствовалъ и любилъ міръ и жизнь, и умѣлъ спокойно, величаво умереть. Алеша умеръ случайно, ранивъ себя на охотѣ, но смерть онъ сумѣлъ встрѣтить, какъ должно.

«Ольга Александровна присутствовала при его послѣднихъ минутахъ. Это происходило на другой день. Алеша очень ослабѣлъ. За эти сутки онъ перенесъ страшныя мученія, но умиралъ покойно. *Казалось, душу его ничто не обременяло.*

«Вспоминая объ этомъ много позже, Ольга Александровна вспомнила и свои мысли у источника Aqua acetosa о томъ, что, можетъ быть, существуютъ разныя правды. Смерть Алеши лишь сильнѣе убѣждала ее, что если его правда была и не очень большая, все же онъ стоялъ на ней до послѣдняго издыханія».

Той же правдой, какъ и Алеша, живетъ его сестра, жена Пети, Лизавета. Лизавета—человѣкъ инстинкта и порыва. Трудно сказать, умна она или нѣтъ, она взбалмошна, необычайно впечатлительна и искренна, смѣла до дерзости, не отдавая себѣ въ этомъ отчета. Она до безумія увлекается декадентствомъ, хотя несомнѣнно очень мало въ немъ понимаетъ умомъ, не менѣе ее увлекаетъ и жизнь богемы и революція, и все это у нея какъ-то одинаково и одинаково

искренно. Въ Лизаветѣ есть кое-что стоящее на границѣ пошлости. Ея ближайшая пріятельница Зина, со своими постоянными мимолетными увлеченіями, переходитъ эту границу, но Лизавету спасаетъ искренность ея порывовъ и душевная чистота. Образъ Лизаветы въ высокой степени совершененъ и приближается къ лучшимъ женскимъ образамъ Толстого. Въ ней есть кое-что напоминающее Наташу Ростову: та же непосредственность, власть инстинкта и обаятельность. Жизненная правда Лизаветы однако менѣе ясно выражена, чѣмъ у Алеши. Лизавета старается итти за Петей, и это нѣсколько нарушаетъ чистоту ея «правды».

Совсѣмъ иная правда у Степана. Онъ лишенъ инстинкта, идетъ въ жизни сознательно, руководствуясь головнымъ убѣжденіемъ, и заблуждается. Степанъ неудачно устраиваетъ свою личную жизнь, сойдясь съ Клавдіей, съ которой у него существуетъ идейная солидарность, къ которой онъ чувствуетъ физическое влеченіе, но къ которой нѣтъ настоящей, «мистической» любви. Степанъ сознательно и всецѣло отдается революціонному движенію. Но въ этомъ есть ложь. Ложь бо́льшая, чѣмъ въ случайной причастности къ революціи Пети, Лизаветы, Алеши. Тѣ приняли посильное участіе въ движеніи, поддаваясь своему влеченію. Степанъ принуждаетъ себя къ тому, что̀ ему чуждо. Онъ человѣкъ самопожертвованія, подвига, а становится убійцей, и во время террористическаго акта вмѣсто генерала убиваетъ случайно подвернувшагося ребенка. Его мучатъ угрызенія совѣсти, потому что онъ насилуетъ свою природу, потому что онъ заблудился, сдѣлавшись террористомъ.

«Степанъ,—говоритъ Петя,—ставитъ себѣ большія цѣли, только и всего. А выйдетъ ли изъ его жизни что или не выйдетъ, это еще посмотримъ. Я не думаю, чтобъ его жизнь была ничтожна».

«Не моего онъ романа,—отвѣчаетъ Алеша.—Медвѣдь лѣзетъ по лѣсу, сучья трещатъ... Кому-то тамъ хочетъ добра, а у самого лапы въ крови... и по дорогѣ давитъ мелюзгу».

Бываютъ люди: честные, добрые, умные, самоотверженные, воодушевленные лучшими намѣреніями, и все имъ не удается, они портятъ и свою и чужую жизнь, портятъ дѣло, за которое берутся, и въ концѣ концовъ они безгранично несчастны,—это обыкновенно заблудившіеся люди. Къ числу такихъ принадлежитъ Степанъ. Въ немъ нѣтъ непосредственнаго чутья жизни. Быть можетъ, потому онъ такъ упорно любитъ Лизавету, въ которой этого чутья такъ много. Несмотря на кажущуюся цѣльность, въ Степанѣ несомнѣнно есть двойственность. Послѣ террористическаго акта онъ по старому обычаю хочетъ поклониться въ ноги «православнымъ» и покаяться. Въ немъ, какъ въ огромномъ большинствѣ русскихъ, на-ряду съ новымъ чело-

вѣкомъ, позитивистомъ и революціонеромъ, живъ старый человѣкъ, патріархальнаго уклада, крѣпко вѣрующій и ищущій жертвы во имя своей вѣры. Такое сочетаніе часто бывало среди старыхъ народниковъ, и не случайно къ нимъ именно влечетъ Степана.

Они доживали свой вѣкъ спокойно позитивистами, такъ какъ жизнь не подвергала ихъ новой вѣры непосильному испытанію. Новая вѣра Степана не выдержала такого испытанія, какъ неудачный террористическій актъ и случайное убійство ребенка. Старое заговорило въ душѣ его непосредственно послѣ этого потрясенія, и тогда же у него явилась потребность въ покаяніи. Жизнь въ Сибири среди товарищей ссыльныхъ, бѣгство не создавали благопріятной обстановки для того, чтобы этотъ начавшійся процессъ развился, но старое было разбито, Степанъ метался, былъ близокъ къ самоубійству. Когда же Степанъ оказался одинъ въ патріархальной обстановкѣ жилища старой итальянки, такъ похожаго на монастырь, переворотъ совершился, и Степанъ вернулся къ религіи. Религія Степана, какъ и религія Пети, — христіанство, но она у нихъ очень различна. Петя—поэтъ, созерцатель, Степанъ фанатикъ и подвижникъ. Для Пети радость и правда въ мистическомъ созерцаньи міра, для Степана нужно другое.

«Надо жить по-новому, думаетъ онъ, по завѣту Того, Кто крестною смертью подтвердилъ и освятилъ божественную правду своего ученія. Надо любить и искупить любовью и *самопожертвованіемъ* свою горькую жизнь».

И Степанъ сумѣлъ быть вѣрнымъ своимъ новымъ завѣтамъ. Попавъ опять въ ссылку, онъ, чтобы спасти нѣсколькихъ невинно приговоренныхъ къ смерти, взялъ на себя вину и былъ разстрѣлянъ. Онъ умеръ примиренный и просвѣтленный, и ему казалось, что все объято одной любовью, переполнявшей сердце.

Обращеніе Степана къ религіи психологически вполнѣ правдоподобно. Но нельзя не видѣть авторской воли въ томъ, что чуть ли не всѣ герои Зайцева въ концѣ концовъ обращаются къ религіи.

Зайцевъ, несомнѣнно, вѣрующій христіанинъ. Его христіанство напоминаетъ христіанство Пети. Оно созерцательное, съ пантеистическимъ оттѣнкомъ, лишенное аскетическаго элемента и потребности въ жертвѣ. Христіанскій Богъ облегчаетъ Зайцеву его мистическое воспріятіе міра; онъ разлитъ въ мірѣ и какъ бы роднитъ міръ съ человѣкомъ. Главное у Зайцева—это любовное воспріятіе міра, съ жизнью и смертью, радостью и печалью. Мы видѣли, какія скорбныя ноты звучатъ въ заключительныхъ строкахъ романа «Дальній Край».

У Зайцева есть нѣсколько произведеній, проникнутыхъ этой поэзіей скорби. Таковы: «Спокойствіе», «Жемчугъ», «Актриса» и др. Главный герой «Спокойствія», Константинъ Андреевичъ, нѣсколько напо-

минаетъ Петю. Это какъ бы тотъ же Петя, но не молодой, много испытавшій и глубоко страдающій. У него произошелъ разрывъ съ женой, которую онъ продолжаетъ любить вѣчной любовью. Онъ идетъ въ деревню, тамъ видитъ скучную, пошлую, тоску наводящую жизнь. Къ нему въ домъ проникаетъ экспропріаторъ, загнанный человѣкъ, ожидающій ареста и смертной казни, голодный, измученный; сотни такихъ же загнанныхъ бродятъ кругомъ. Онъ ѣдетъ въ Италію; тамъ ему пришлось быть секундантомъ его друга Ѳеди, на дуэли съ мужемъ любимой имъ женщины. Ѳедя убитъ. Константинъ Андреевичъ возвращается въ Москву, на его глазахъ умираетъ мальчикъ Женя, сынъ доктора Ямина; охваченъ безысходной скорбью и этотъ сильный человѣкъ. Наконецъ, пріѣзжаетъ жена Константина Андреевича; повидимому, ея увлеченіе другимъ, послужившее поводомъ къ разрыву, прошло, она по-прежнему любитъ мужа, но между ними выросла пропасть. Они любятъ другъ друга чистой, вѣчной любовью, но ихъ чувство слишкомъ цѣломудренно, чтобы забыть происшедшее. Вмѣстѣ жить они не могутъ.

«Другъ мой, говоритъ Натали, я уѣду отсюда, уѣдете и вы, мы не будемъ жить вмѣстѣ. Это понятно?—она улыбнулась. Но въ нашихъ сердцахъ такъ глубоко, что никто, кромѣ насъ, не могъ бы увидѣть—вѣчно будетъ жить эта любовь, *таинственная* наша любовь, устоявшая противъ всего. Мы свободны, бездомны, Костя, мы можемъ встрѣчаться, и будемъ это дѣлать.

— Но въ мірѣ земномъ всегда будутъ между нами преграды.

— Благословите меня,—сказалъ Константинъ Андреевичъ, на новую жизнь. Теперь я вашъ бѣдный далекій рыцарь».

Константинъ Андреевичъ называетъ Ѳедю «средневѣковымъ человѣкомъ», за его безграничную любовь къ женщинѣ, изъ-за которой онъ погибъ на дуэли. Въ сущности, «средневѣковый человѣкъ» и самъ Константинъ Андреевичъ съ его любовью рыцаря, да и многіе герои Зайцева. Любовь у Зайцева таинство, полное красоты, которое онъ воспѣваетъ, какъ минестрель. Прекрасна любовь счастливая, но прекрасна и скорбная, нераздѣленная. Любовь земная лишь прообразъ любви міровой, божественной, согрѣвающей и созидающей міръ. Да и сама земная любовь въ сущности не земная, а вѣчная. Она будетъ продолжаться за гробомъ. Тоскуя по покинувшей его женѣ, Константинъ Андреевичъ думаетъ:

«За жизнью она съ нимъ вѣчно; но вѣдь онъ *человѣкъ*! «Хорошо, а волосъ ея не увижу? Родинку на рукѣ».

Характерно и это противорѣчіе: вѣра въ любовь за гробомъ, все-таки, не успокаиваетъ; несмотря на свою мистическую религіозность, герой Зайцева слишкомъ реалистъ, слишкомъ любитъ реаль-

ный міръ. Воспріятіе міра у любимыхъ героевъ Зайцева, какъ Петя, Константинъ Андреевичъ, можно назвать «мистическимъ реализмомъ». Міръ воспринимается реальный, подлинный; въ немъ дороги волосы любимой женщины, красоты Италіи, родныя поля, цвѣтущія липы. Но во всѣхъ этихъ реальныхъ вещахъ, конкретное бытіе которыхъ наивно отстаивалъ Петя противъ Канта, онъ кромѣ того видитъ присутствіе высшей мистической силы, и эта сила придаетъ вещамъ, жизни, міру ихъ смыслъ, ихъ красоту. Любуясь пейзажемъ вблизи Равенны, Константинъ Андреевичъ переживаетъ такія чувства:

«Эта страна чужая, но какъ онъ близокъ ей! Удивительна, радостна такая мысль». Открылъ глаза. «Да, я чужой, но и въ своей странѣ, потому что всѣ страны одного хозяина, и *вездѣ онъ является моему сердцу. И здѣсь я его чувствую*».

Вотъ это постоянное ощущеніе присутствія въ вещахъ хозяина міра является характернымъ не только для любимыхъ героевъ Зайцева, но и для него самого. Зайцевъ христіанинъ, но его христіанство—не христіанство Степана, а христіанство Пети и Константина Андреевича. Христіанство его даже кажется какимъ-то верхнимъ наноснымъ пластомъ на почвѣ языческаго пантеизма. Между этими двумя элементами—христіанскимъ и языческимъ—въ міроощущеніи Зайцева чувствуется нѣкоторое противорѣчіе.

Не наше дѣло оцѣнивать міросозерцаніе художника, спорить съ нимъ. Если наша правда и не сойдется съ его правдой, это не важно, лишь бы была у него своя правда. У г. Зайцева его собственная правда есть, и эта правда не только даетъ «душу» его творчеству, она сообщаетъ его таланту особую цѣломудренность и красоту.

Н. Коровка.

АПОЛЛОНЪ ГРИГОРЬЕВЪ.

(Къ пятидесятилѣтію смерти).

Въ обзорахъ исторіи литературы сороковыхъ—шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка обычно нѣсколько страницъ отводится Аполлону Григорьеву, какъ представителю любопытной вѣтви литературной критики той поры, «органической» критики, какъ называлъ ее самъ

Григорьевъ. Въ этихъ обзорахъ, основанныхъ большей частью на статьяхъ, собранныхъ въ единственномъ первомъ томѣ его произведеній (вышелъ въ 1876 г., подъ редакціей Н. Н. Страхова), дается общая характеристика этой «органической» критики, излагаются въ законченномъ видѣ взгляды ея на искусство и на русскую литературу. При этомъ неизмѣнно отмѣчается значительная туманность, многословность и незаконченность писаній Григорьева, которыя и были, въ связи съ нѣкоторыми комически-восторженными увлеченіями его, причиною того, что онъ въ свое время не пользовался ни популярностью, ни вліяніемъ и прошелъ мимо своего времени не понятый и не оцѣненный.

Въ предѣлахъ настоящей замѣтки мы не имѣемъ возможности повторять изложенія основныхъ идей критики Григорьева, болѣе или менѣе общеизвѣстныхъ. Но нельзя не пожалѣть, что такъ мало изучена *исторія* этихъ его идей, исторія его жизни. Послѣдняя переплетается съ жизнью множества выдающихся людей—славянофилы, Островскій, Достоевскій, Фетъ и т. д. Какъ человѣкъ, когда всматриваешься въ его жизнь и дѣятельность, Григорьевъ кажется гораздо интереснѣе, живѣе и глубже, чѣмъ его раскидавшаяся и незаконченная ни въ чемъ цѣльномъ литературная дѣятельность. Написано имъ очень много стиховъ, повѣстей и статей, интересныхъ, какъ матеріалъ для его характеристики, но все это большей частью даже не зарегистровано. Посвященныя этой безпокойной и нескладной жизни двѣ книжки Шахъ-Пароніанца и Д. Михайлова, выпущенныя къ 35-лѣтію его смерти, очень далеки отъ біографической полноты и представляютъ, большей частью, поверхностный пересказъ автобіографіи и немногихъ статей о немъ.

«Идеи русской самобытности» — пишетъ о Григорьевѣ авторъ болѣе обстоятельной о немъ работы, г. Шахъ-Пароніанцъ — «составляютъ ключъ къ пониманію личности Григорьева и разгадку всей его литературной дѣятельности». Идеи, какъ логическій выводъ, какъ результатъ работы рефлектирующаго ума, конечно, сами по себѣ не могутъ объяснить человѣческой личности, какъ совокупности и логическихъ, и моральныхъ, и физическихъ силъ. Ключа нужно искать въ порядкѣ психологической воспріимчивости и отзывчивости человѣка.

Довольно многочисленныя некрологическія статьи (Григорьевъ умеръ 25 сентября 1864 г.) дружно отдали дань уваженія ему, какъ необыкновенно искреннему человѣку, неизмѣнно преданному съ пыломъ и восторженностью вопросамъ художественной жизни. «А. А. Григорьевъ—писала напр. «Библіотека для чтенія»—былъ чистымъ и истиннымъ представителемъ одного изъ отживающихъ у насъ литературныхъ типовъ. Это былъ, во-первыхъ, литераторъ въ томъ старомъ

исключительномъ значеніи этого слова, которое многимъ теперь уже становится непонятнымъ, такъ какъ публицистика все болѣе и болѣе завладѣваетъ у насъ литературной ареной; во-вторыхъ, это была натура артистическая въ столь же полномъ и исключительномъ значеніи слова. Явленія чистой мысли, поэзія и сопредѣльныя съ ней изящныя искусства составляли для него все, поперемѣнно увлекая его въ свою область» («Библ. для чтенія» 1864, № 8). Онъ былъ участникомъ многихъ журналовъ и въ то же время велъ свою линію и политическія войны совершенно одиноко, не находя себѣ вполнѣ нигдѣ единомышленниковъ и соратниковъ, постоянно расходясь съ людьми, даже весьма его цѣнившими, но «во всѣ пятнадцать или болѣе лѣтъ его литературно-журнальнаго поприща, никто ни разу не могъ заподозрить Аполлона Григорьева въ неискренности, въ двусмысленности, нечистотѣ побужденій» (Некрологическій отзывъ Ивана Аксакова въ «Днѣ», 1864, № 40).

Много писалъ и собралъ значительные матеріалы для характеристики и біографіи Григорьева Н. Н. Страховъ, его другъ и соратникъ по журналамъ Достоевскаго «Время» и «Эпоха», гдѣ появлялись послѣднія статьи и начата была любопытнѣйшая автобіографія Григорьева. Съ внѣшней стороны Страховъ такъ описывалъ его: «Григорьевъ былъ средняго роста и имѣлъ прекрасную наружность, поражавшую соединеніемъ силы и граціи; въ немъ дѣйствительно была грандіозность, такъ шедшая къ его напряженной натурѣ. Сѣрые глаза небольшіе, но замѣчательно далеко разставленные одинъ отъ другого, имѣли необыкновенный блескъ, поразившій меня, когда я увидѣлъ его въ первый разъ. Носъ орлиный. Руки, съ которыми онъ обращался крайне небрежно, были малы, нѣжны и красивы, какъ у женщины». («Эпоха», 1864 г. № 9). Но вообще Страховъ о Григорьевѣ писалъ такъ же, какъ принято писать въ некрологахъ, затушевывая и смягчая дѣло (такъ же, какъ онъ сдѣлалъ это позднѣе въ своихъ воспоминаніяхъ о Достоевскомъ, что стало теперь извѣстно по опубликованіи писемъ Страхова къ Льву Толстому). Григорьевъ, какъ въ вышеприведенныхъ отзывахъ, холодно представленъ Страховымъ въ свойственномъ ему самому и безобидномъ видѣ ученаго человѣка не отъ міра сего, напр. въ такихъ строкахъ: «Это былъ человѣкъ съ возвышеннымъ душевнымъ настроеніемъ, весь преданный идеямъ, которыми онъ жилъ, младенчески-добродушный и незлобивый, впадавшій въ увлеченія и дѣлавшій иногда глупости, но неспособный ни покривить душой, ни дѣйствовать по разсчету. Жизнь для него была очень трудна по его дѣтской небрежности и неумѣлости во всякихъ дѣлахъ. Его истинную радость и его истинное дѣло составляли произведенія словеснаго художества» («Кругозоръ», 1876, № 12).

Все это, конечно, совершенно справедливо, но не соотвѣтствуетъ въ полной мѣрѣ тому бурно неистовому темпераменту, который отличалъ Григорьева и который онъ самъ признавалъ причиною и всѣхъ своихъ увлеченій, бѣдъ и мученій и неудачъ въ личной и литературной жизни. Ближе къ истинѣ, чѣмъ некрологисты, тѣ, кто въ свое время въ эпиграммахъ и т. п. подчеркивали эту сторону личности Григорьева. Въ полемическихъ выпадахъ его не щадили. Напр., въ книгѣ Н. Потѣхина «Наши безобразники» Григорьевъ изображенъ въ видѣ пьянаго, буйнаго скандалиста, изрыгающаго неосмысленную ругань противъ заграницы (дѣло происходитъ въ Парижѣ). Но и соратникъ самого Григорьева по «молодой редакціи» «Москвитянина», Алмазовъ писалъ о немъ, напр., въ эпиграммѣ:

Мраченъ ликъ, взоръ дико блещетъ,
Умъ отъ чтенья извращенъ,
Рѣчь парадоксами хлещетъ...
Се Григорьевъ Аполлонъ.

Или въ одной пародіи:

...Медузой вдохновенный,
Рекъ Григорьевъ Аполлонъ:
«Демоническимъ началамъ
Честно, вѣрно я служу...» и т. д.

Бурный темпераментъ, съ задатками неуравновѣшенности и совершенной неустойчивости, достался Григорьеву по печальному наслѣдству отъ предковъ. Дѣдъ его, какъ сообщено въ автобіографіи Григорьева, очень близко напоминалъ буйнаго и самовластнаго Багрова-дѣда, мать постоянно страдала нервными припадками, терзавшими весь домъ. Григорьевъ умеръ 42 лѣтъ отъ роду отъ слѣдствій неудержимаго алкоголизма, развившагося при той жизни богемы, какую онъ повелъ, оторвавшись отъ родительскаго дома. По собственному признанію Григорьева, его проводило сквозь жизнь родовое «нѣчто совсѣмъ бѣшеное и неистовое».

Сквозь бурный темпераментъ Григорьева равномѣрно проходили самыя разнообразныя литературныя, художественныя, философскія и иныя вліянія и «вѣянія», какъ любилъ онъ говорить, и онъ воспринималъ ихъ съ необыкновенною страстью и всегда въ серьезъ.

Двѣ-три странички изъ его забытой автобіографіи, похороненной до сихъ поръ въ трудно разыскиваемыхъ старыхъ журналахъ («Время» 1862 г., №№ 11 и 12 и «Эпоха» 1864 г., №№ 3 и 5), лучше всего даютъ понятіе о томъ, какъ страстно и горячо принимались Григорьевымъ къ сердцу проносившіяся надъ нимъ «вѣянія», и какъ разнообразны и сложны они были, представляя цѣлыя важ-

ныя страницы нашего общественно-литературнаго и психологическаго развитія.

«Вотъ она, эпоха сѣренькихъ, тоненькихъ книжекъ «Телеграфа» и «Телескопа», съ жадностью читаемыхъ, до тла дочитываемыхъ молодежью тридцатыхъ годовъ, окружавшей мое дѣтство; эпоха, когда журчали, еще носясь въ воздухѣ, стихи Пушкина, ароматомъ наполняли воздухъ повсюду, даже въ густыхъ садахъ диковинно-типическаго Замоскворѣчья,—эпоха безсознательныхъ и безразличныхъ восторговъ, въ которую наравнѣ съ этими вѣчными пѣснями восхищались добрые люди и «Аммалатъ-Бекомъ». Эпоха, надъ которой нависла тяжелой тучей другая, ей предшествовавшая, въ которой отзывается какими-то зловѣще-мрачными вѣяніями тогдашнее время въ трагической участи Полежаева. Несмотря на безсознательность и безразличіе восторговъ, на какое-то беззавѣтное упоеніе поэзіею, на какую-то дюжинную вѣру въ литературу, въ воздухѣ носилось что-то мрачное и тревожное. Души настроены этимъ мрачнымъ, тревожнымъ и зловѣщимъ, и стихи Полежаева, игра Мочалова, Варламовскіе звуки даютъ отзывъ этому настройству... А тутъ является колоссальный романъ Гюго («Соборъ Парижской Богоматери».—Ч. В—ій) и кружитъ молодыя головы; а тутъ Надеждинъ въ своемъ «Телескопѣ» то и дѣло поддаетъ романтическаго жара переводами молодыхъ, лихорадочныхъ повѣстей Дюма, Сю, Жанена...

«Яснѣетъ... Раздается могущественный голосъ, вмѣстѣ и узаконивающій и пришпоривающій стремленія и неясныя гаданія эпохи,—голосъ великаго борца, Виссаріона Бѣлинскаго. Въ «Литературныхъ мечтаніяхъ», какъ во всякомъ геніальномъ произведеніи, схватывается въ одно цѣлое все прошедшее и вмѣстѣ закидываются сѣти въ будущее.

«Вѣетъ другой эпохой.

«Дѣтство мое личное давно уже кончилось. Отрочества у меня не было, да не было собственно и юности. Юность, настоящая юность, началась для меня очень поздно, а это было что-то среднее между отрочествомъ и юностью. Голова работаетъ, какъ паровая машина, скачетъ во всю прыть къ оврагамъ и безднамъ, а сердце живетъ только мечтательною, книжною, напускною жизнью. Точно не я это живу, а разные образы литературы во мнѣ живутъ. На входномъ порогѣ этой эпохи написано: «Московскій университетъ—послѣ преобразованія 1836 года—университетъ Рѣдкина, Крылова, Морошкина, Крюкова, университетъ таинственнаго гегелизма, съ тяжелыми его формами и стремительной рвущейся неодолимо впередъ силой,—университетъ Грановскаго»...

Изъ этихъ временъ онъ особенно вспоминаетъ свои философскія

сомнѣнія и наслажденія, и то, какъ бывало въ эту пору «ранней молодости и нетронутой свѣжести всѣхъ физическихъ силъ и стремленій, въ какое-нибудь яркое и дразнящее и зовущее весеннее утро, подъ звонъ московскихъ колоколовъ на святой—сидишь, весь углубленный въ чтеніе того или другого изъ искателей и показывателей абсолютнаго хвоста... сидишь, и голова пылаетъ и сердце бьется—не отъ вторгающагося въ раскрытое окно съ ванильно-наркотическимъ воздухомъ призывовъ весны и жизни... а отъ тѣхъ громадныхъ міровъ, связанныхъ цѣлостью, которые строитъ органическая мысль, или тяжело, мучительно роешься въ возникшихъ сомнѣніяхъ, способныхъ разбить все зданіе старыхъ душевныхъ и нравственныхъ вѣрованій... и физически болѣешь, худѣешь, желтѣешь отъ этого процесса... О! эти муки и боли души—какъ онѣ были отравительно сладки! О! эти безсонныя ночи, въ которыя съ рыданіемъ падалось на колѣна съ жаждою молиться и мгновенно же анализомъ подрывалась способность къ молитвѣ—ночи умственныхъ бѣснованій, вплоть до разсвѣта и звона заутрень—о, какъ онѣ высоко подымали душевный строй!..»

Послѣ Московскаго университета, который онъ окончилъ совсѣмъ юношей 21-го года, Григорьевъ, переживъ неудачную влюбленность, уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и началась его литературная дѣятельность (стихами, беллетристикой, статьями о театрѣ).

«Волею судебъ, или, лучше сказать, неодолимою жаждою жизни, я перенесенъ въ другой міръ. Это—міръ гоголевскаго Петербурга, Петербурга въ эпоху его миражной оригинальности, когда существовала даже особенная петербургская литература... Въ этотъ новомъ мірѣ для меня промелькнула полоса жизни совершенно фантастической; надъ нравственной природой моей пронеслось странное мистическое вѣяніе, — но съ другой стороны я узналъ, съ его запахомъ довольно тухлымъ и цвѣтомъ довольно грязнымъ, міръ панаевской «тли», міръ «Песцовъ», «Межаковъ» и другихъ темныхъ личностей (Песоцкій и Межевичъ, петербургскіе литераторы и издатели «Репертуара и Пантеона»—гдѣ много писалъ А. Григорьевъ.—*Ч. В—ій*), міръ «Александріи» въ полномъ цвѣтѣ ея развитія съ водевилями г. Григорьева 1-го и еще скитавшагося Некрасова-Перепельскаго, съ особеннымъ кресломъ для одного богатаго купчика, и вмѣстѣ съ высокой артисткой, заставлявшей порою забывать этотъ странно-пошлый міръ (повидимому, Асенкова, которой посвящено трогательное стихотвореніе влюбленнаго въ нее Некрасова.—*Ч. В—ій*).

«И затѣмъ опять Москва! Мечтательная жизнь кончена. Начинается настоящая молодость, съ жаждою настоящей жизни, съ тяжкими уроками и опытами. Новыя встрѣчи, новые люди, люди, въ которыхъ нѣтъ ничего или очень мало книжнаго, люди, которые «продер-

гиваютъ» въ самихъ себѣ и въ другихъ все напускное, все подогрѣтое, и носятъ въ душѣ безпритязательно, наивно до безсознательности вѣру въ народъ и народность (кружокъ «молодой редакціи Москвитянина», съ Островскимъ и другими.—*Ч. В—ій*). Все «народное», даже мѣстное, что окружало мое воспитаніе, все, что я на время успѣлъ почти заглушить въ себѣ, отдавшись могущественнымъ вѣяніямъ науки и литературы, — поднимается въ душѣ съ нежданною силою и растетъ, растетъ до фанатической исключительной мѣры, до нетерпимости, до пропаганды... Пять лѣтъ новой жизненной школы».

Въ эти годы, говоритъ онъ еще:—«я оживалъ душою, я вѣрилъ... я всѣми отправленіями рвался навстрѣчу къ тѣмъ великимъ откровеніямъ, которыя сверкали въ начинавшейся дѣятельности Островскаго, къ тѣмъ свѣжимъ ключамъ, которые били въ «Тюфякѣ» и другихъ вещахъ Писемскаго, да въ ярко талантливыхъ и симпатическихъ наброскахъ покойнаго И. Т. Кокорева (авторъ разсказа «Савушка» и нѣсколькихъ очерковъ,—*Ч. В—ій*). Передо мной какъ будто изъ сосуда возникалъ міръ преданій, отринутыхъ только логическою рефлексіею; со мной заговорили вновь и заговорили внятно, ласково и старыя стѣны стараго Кремля, и безъискусственно-высоко-художественныя страницы старыхъ лѣтописей; меня какъ что-то растительное сталъ опять обвѣвать, какъ въ годы дѣтства, органическій міръ народной поэзіи. Одиночествомъ я перерождался, — я, жившій нѣсколько лѣтъ какою-то чужою жизнью, переживавшій чьи-то, но во всякомъ случаѣ не свои страсти—начиналъ на днѣ собственной души доискиваться собственной самости.

«Вѣяніе новой поры влекло меня съ неодолимой силою. Есть для меня что-то наивное, до смѣшного и вмѣстѣ до трогательнаго, въ той фанатической вѣрѣ, съ которой я рвался впередъ, какъ всѣ мы, все-таки рвался впередъ, хоть и думали мы—что возвращаемся назадъ... Такой вѣры ужъ не нажить! Хорошо было это все, какъ утренняя заря, какъ блестящая пыль на лепесткахъ цвѣтовъ».

Григорьевъ былъ въ это время близокъ къ славянофильству, расходясь съ нимъ лишь въ представленіи о всепреобладающемъ значеніи надо всѣмъ «лучшаго изъ земныхъ дѣлъ», искусства—(надъ наукою и даже религіею) и въ представленіи о «народности», живущей, по его мнѣнію, не только въ крестьянствѣ, но и въ великорусскомъ купечествѣ, и даже въ послѣднемъ — особенно ярко. Но и на этомъ Григорьевъ не остановился: онъ увлекается Шеллингомъ, ѣдетъ за границу и ищетъ новаго самостоятельнаго выраженія новымъ своимъ настроеніямъ (послѣднія ярче всего выражены въ его послѣдней статьѣ «Парадоксы органической критики»).

Онъ вспоминаетъ, «какъ въ концѣ 1856 года, мнѣ, лежавшему

больнымъ на постели,—уже пережившему и вторую молодость, разбитому морально и физически—одинъ изъ добрыхъ старыхъ могикановъ, знаменитый донъ Базиліо Педро (Василій Петровичъ Боткинъ. — *Ч. В—ій*), прислалъ въ утѣшеніе только что вышедшій вступительный томъ въ философію миѳологіи Шеллинга. Пріѣхать благородный донъ побоялся потому, что я былъ боленъ запоздавшей оспой, но книгу прислалъ съ запиской, и въ запискѣ между прочимъ упоминалъ, что онъ уже нюхалъ и что хорошо какъ-то пахнетъ... И впился я больными, слабыми глазами въ таинственную и хорошо пахнущую книгу — и опять всего меня потащило за собою могучее вѣяніе мысли—и силою покойный отецъ, ходившій за мною, какъ нянька, долженъ былъ отнимать у меня эту «лихую пагубу».

«И въ саду итальянской виллы подлѣ Tomba tusca сидѣлъ я по цѣлымъ часамъ надъ этой «лихой пагубой» и ея послѣдующими томами—и опять голова пылала и сердце билось, какъ во дни студенчества — и ни запахъ розъ и лимоновъ, ни боязнь тарантуловъ, на счетъ мѣстожительства которыхъ въ Этрусской гробницѣ предваралъ меня весьма положительный англичанинъ Белль, гувернеръ моего ученика, князя Т. (Трубецкого)—ничто не могло развлечь меня.

«Трансцендентальное вліяніе, sub alia forma, вновь охватило и увлекло меня».

«Западная жизнь—говоритъ онъ еще:—воочію развертывается передъ мною чудесами своего великаго прошедшаго (это было въ концѣ пятидесятыхъ годовъ.—*Ч. В—ій*). И вновь дразнитъ, поднимаетъ, увлекаетъ. Но не сломилась въ этомъ живомъ столкновеніи вѣра въ свое, народное. Смягчала она только фанатизмъ вѣры».

Таковъ процессъ умственный и нравственный, который Григорьевъ мечталъ изложить въ своей столь широко задуманной, къ сожалѣнію, неоконченной автобіографіи. Создавалась она не безъ вліянія герценовскаго «Былого и думъ» (Герцена вообще Григорьевъ ставилъ въ рядъ писателей великихъ и геніальныхъ, какъ видно изъ многихъ глухихъ упоминаній объ этомъ запретномъ съ конца сороковыхъ годовъ имени) и представляла бы, въ законченномъ видѣ, аналогично герценовскому созданію, живой узоръ личной жизни на фонѣ общихъ вѣяній. Подробно Григорьевъ успѣлъ коснуться только своего дѣтства и отрочества, и это—занимательнѣйшія страницы въ богатой литературѣ русскихъ мемуаровъ.

Въ автобіографіи Григорьевъ какъ бы отрекается отъ своего ранняго періода, отъ времени Московскаго университета и петербургской жизни, но достаточно сравнить его письма сороковыхъ годовъ съ тѣмъ, чѣмъ была его жизнь и дѣятельность, чтобы убѣдиться, насколько во всѣхъ своихъ бурныхъ порывахъ онъ былъ и цѣленъ, и сынъ вос-

питавшей его эпохи русскаго романтизма. Въ 1843 г. онъ пишетъ, напримѣръ, Погодину, что нечего дѣлать въ университетѣ (Григорьевъ бросилъ службу въ немъ, уѣзжая въ Петербургъ) ему «фанатику, который не можетъ равнодушно слышать мерзости, который обрекъ себя бороться, страдать до смерти». «О чемъ же мнѣ плакать и раскаиваться? О томъ, что я гордо и смѣло пошелъ искать истины и свободы, что не отдѣлялъ мышленія отъ жизни, слова отъ дѣла, что поднимаю по сидамъ знамя борьбы, Божественный крестъ Іисуса... Я любилъ—это правда,—но давно уже отказался отъ всякой мысли о личномъ счастьѣ, давно я уже смотрю на себя, какъ на часть цѣлаго человѣчества, и на страданія свои, какъ страданія эпохи. И поэтому-то я имѣю святое право быть гордымъ»... Съ сороковыхъ годовъ и до конца, съ такимъ же настроеніемъ жилъ онъ «послѣднимъ романтикомъ» (его «Одиссея о послѣднемъ романтикѣ»), какъ онъ самъ себя называетъ въ зрѣлые годы жизни. И въ этомъ лучшее опредѣленіе личности Григорьева. Здѣсь, сказать кстати, объясненіе также уклона Григорьева въ сторону идей русской самобытности. Вѣдь, и на Западѣ въ очень широкое и разностороннее теченіе романтизма входило тяготѣніе къ разнообразнымъ проявленіямъ національнаго.

«Сила въ томъ,—пишетъ еще справедливо Григорьевъ о своемъ времени:—что трансцендентализмъ былъ силой, былъ вѣяніемъ, уносившимъ за собою все, что только было способно мыслить во дни оны. Все то, что только способно было чувствовать, уносило другое вѣяніе которое, за недостаткомъ другого слова, надобно назвать романтизмомъ. Въ сущности, то и другое—трансцендентализмъ и романтизмъ—были двѣ стороны одного и того же»... Григорьевъ и былъ одинаково захваченъ тѣмъ и другимъ теченіемъ, какъ стремленіемъ къ познанію абсолютной истины, раскрываемой метафизикою, такъ и стремленіями романтизма дать полный просторъ и свободу переживаніямъ въ чувствахъ, наиболѣе интенсивнымъ и страстнымъ. Онъ столько же выразилъ въ своей жизни и дѣятельности эти стремленія, сколько былъ и ихъ жертвою, при своей недисциплинированной ничѣмъ положительнымъ мысли и при неуравновѣшенной натурѣ. Напомнимъ, что даже губившій его разгулъ освящался, можно сказать, въ романтическомъ представленіи, какъ освобожденіе чувства и страсти...

Раннія произведенія Григорьева очень любопытны, какъ выраженіе этихъ очень распространенныхъ настроеній эпохи.

Въ критическихъ его статьяхъ развито, напр., систематическое отрицаніе «тревожнаго» начала, какъ онъ называлъ байроническіе порывы эпохи (въ Печоринѣ Лермонтова и его подражаніяхъ), противопоставляя этимъ «хищнымъ» типамъ «смирное» начало, выраженное у Пушкина въ «кроткомъ» типѣ и разсказахъ Бѣлкина. Между

тѣмъ, въ юношескихъ писаніяхъ Григорьева, въ его многочисленныхъ и чудовищно наивныхъ повѣстяхъ, подписанныхъ псевдонимомъ «Трисмегистовъ», въ этихъ его Виталиныхъ и другихъ герояхъ бросается въ глаза именно подражаніе Лермонтову. Драма Григорьева «Два эгоизма» представляетъ рабское подражаніе лермонтовскому «Маскараду»; въ ней интересна теперь развѣ одна только сцена, въ которой фигурируютъ портретные очерки московскаго образованнаго общества, въ томъ числѣ Константинъ Аксаковъ подъ именемъ Баскакова, пріѣзжій изъ Петербурга «фурьеристъ» Пѣтушевскій, въ которомъ узнается Петрашевскій, гегелистъ Мертвиловъ — кто-то изъ московскихъ западниковъ, и т. п.

Переплетеніе романтическихъ шиллеровскихъ и байроновскихъ мотивовъ, отголосковъ Жуковскаго и Лермонтова, составляетъ и ранняя лирика Григорьева. Его стихотворенія до сихъ поръ не собраны, о чемъ нельзя не пожалѣть такъ же, какъ объ отсутствіи изданія его автобіографіи. Давно составляющій большую библіографическую рѣдкость сборничекъ стихотвореній Григорьева 1846 года далеко не исчерпываетъ его стихотворнаго наслѣдства (не говоря о хорошихъ переводахъ Шекспира, Байрона и др.). Григорьевъ несомнѣнно совершенствовался въ своихъ стихахъ во второй половинѣ сороковыхъ годовъ и въ пятидесятыхъ и, послѣ искусственной «напряженности» раннихъ опытовъ, выражалъ въ нихъ все съ большею силою и искренностью свои душевныя муки.

Благодаря статьѣ Добролюбова о «Темномъ царствѣ» Островскаго, многіе, вѣроятно, знаютъ дубоватыя вирши Григорьева изъ его стихотворнаго фельетона, написаннаго въ пику поклонникамъ Рашели и во славу Любима Торцова и Островскаго. Но многіе ли прочли „Venezia la bella“, эту тяжеловатую по стиху, но несомнѣнно искреннюю и одушевленную поэму—исповѣдь (напечатана въ «Современникѣ» 1859 г., № 12).

Въ противоположность прежнимъ мистическимъ упованіямъ и наивнымъ порываніямъ Григорьева, во вкусѣ Жуковскаго, въ «небесную обитель», исповѣдь трезва и скорбна. Его «душа устала таинственному вѣрить» и обращается только къ земному, въ которомъ самымъ свѣтлымъ и самымъ больнымъ и мучительнымъ была нераздѣленная любовь...

Исторія ея пока не разсказана, мы знаемъ только, что память о ней проводила Григорьева чрезъ всю жизнь. «Свѣтлый сильфъ съ душой изъ крѣпкой стали», дѣвушка—какъ можно судить по этой исповѣди,— была увлечена восторженно-настроеннымъ юношею. Онъ ввелъ ее въ новый для нея міръ отважной мысли и лихорадочныхъ исканій истины, но въ концѣ концовъ и испугалъ и измучилъ ее непомѣрно и самоанали-

зомъ, и бурными порывами. Вотъ нѣсколько біографическихъ строкъ изъ этого романа Григорьева, романа, характернаго для того времени (напомнимъ «напряженные» романы Бѣлинскаго, нѣкоторыхъ героевъ Тургенева и т. п.). Григорьевъ пишетъ:

... не разъ
Я сравнивалъ тебя съ листомъ мимозы,
Пугливо дикимъ, какъ и ты подчасъ,
Когда мой ропотъ въ мрачныя угрозы
Переходилъ, и мой языкъ, какъ ножъ,
Въ минуты скорби тягостной иль гнѣва
Мѣщанство, пошлость, хамство или ложь
Рубилъ съ плеча направо и налѣво...
Тогда твои сжимались черты,
Какъ у мимозы трепетной листы.
Прости меня! Романтикъ, съ малолѣтства,
До зрѣлыхъ лѣтъ—увы! я сохранилъ
Мочаловскаго времени наслѣдство
И, какъ Торцовъ, «трагедіи любилъ».
Я склонность къ героическому съ дѣтства
Почувствовалъ: въ душѣ ее носилъ,
Какъ нѣкій кладъ; испробовалъ всѣ средства
Жизнь прожигать и безобразно пилъ:
Но было въ этомъ донкихотствѣ дикомъ
Не самолюбье пошлое одно.
Кто слезы лить способенъ о великомъ,
Чье сердце жаждой истины полно,
Въ комъ фанатизмъ способенъ на смиренье,
На томъ печать избранья и служенья.
А все же я «трагедіи ломалъ»,
Хоть надъ трагизмомъ первый издѣвался...
Мочаловскій завѣтный идеалъ
Невольно предо мною рисовался;
Но съ ужасомъ я часто узнавалъ,
Что я до боли сердца заигрался,
Въ страданьяхъ ложныхъ искренно страдалъ
И гамлетовскимъ хохотомъ смѣялся;
Что билася дѣйствительно во мнѣ
Какая-то *неправильная жила*
И въ страстно лихорадочномъ огнѣ
Меня всегда держала и томила,
Что въ мѣру я—ужъ такъ судилъ мнѣ Богъ—
Ни радоваться, ни страдать не могъ.

.... тебя терзать мнѣ было больно
Сознательно, разсчетливо терзать...
Боль сердца, какъ нытье больного зуба
Ужасную,—тебѣ я передать
Безжалостно хотѣлъ.—Я былъ сугубо

Виновенъ.—Я, привыкшій раздувать
Въ себѣ безумство, наслаждаясь грубо
Сознаніемъ, что въ силахъ ты страдать.
Какъ я же. О, прости меня: жестоко
Наказанъ я за вызовъ темныхъ силъ!...

Столь же важный матеріалъ, для пониманія личности и развитія Григорьева, какъ забытая его лирика, забытая частью незаслуженно, составляетъ его переписка. Въ ней, какъ въ письмахъ большинства выдающихся людей былыхъ поколѣній, заключено рѣдкое богатство и душевныхъ признаній и изліяній. Опубликованные отрывки писемъ Григорьева (въ статьяхъ о немъ Н. Н. Страхова, въ біографіи Погодина и немногихъ другихъ книгахъ) своимъ живымъ, страстнымъ тономъ и историко-литературнымъ интересомъ заставляютъ желать опубликованія писемъ Григорьева въ болѣе тщательно комментированномъ видѣ...

Забытыми, наконецъ, остаются многочисленныя статьи Григорьева о театрѣ, представляющія существенный интересъ и для исторіи русскаго театра, и для характеристики самого Григорьева и его взглядовъ на искусство.

Пора бы, давно пора Григорьеву найти и новаго издателя, и серьезнаго изслѣдователя, который полнѣе воскресилъ бы предъ нами его колоритную фигуру.

Многія мысли и настроенія Григорьева, въ особенности его борьба противъ разсудочно-механическаго пониманія жизни и искусства, защита полноты жизни и чувства въ искусствѣ, поиски національнаго типа въ литературѣ и многое иное живо соотвѣтствуютъ пробивающимся тамъ и снмъ исканіямъ нашей современности.

Ч. Вѣтринскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— Украинскій вопросъ. Изданіе редакціи журнала „Украинская Жизнь“. Спб., 1914. Ц. 75 коп.

Эта книга, представляющая собою всестороннее изслѣдованіе одного изъ важнѣйшихъ современныхъ вопросовъ, настолько объективное, на сколько можно ожидать отъ горячихъ приверженцевъ Украины, пріобрѣтаетъ особый интересъ именно въ настоящую минуту. Галиція, почти на половину населенная украинцами, стала театромъ военныхъ дѣйствій и вошла, одною своею частью, въ составъ русскаго генералъ-губернаторства; къ «русскому народу», въ ней обитающему, обращено одно изъ недавнихъ воззваній верховнаго главнокомандующаго. Больше чѣмъ когда-либо, поэтому, важно все способствующее сбли-

женію одноплеменныхъ народностей, не только внѣшнему, но и внутреннему—сближенію, вполнѣ совмѣстному съ сохраненіемъ особенностей, свойственныхъ каждой изъ нихъ. Первое условіе такого сближенія—знаніе дѣйствительности, устраненіе затемняющихъ ее недоразумѣній. Указавъ вкратцѣ на различіе условій, историческихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, при которыхъ выработались типы великорусскій и малорусскій, разбираемая нами книга останавливается подробно на украинскомъ языкѣ, какъ «наиболѣе существенной и яркой чертѣ» украинской индивидуальности. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь узелъ вопроса, такъ какъ отрицательное отношеніе къ малорусскому языку лежитъ въ основѣ съ одной стороны — ограничительныхъ правительственныхъ мѣръ, съ другой стороны—скептицизма, съ которымъ смотритъ на украинское движеніе немалая часть русскаго образованнаго общества. Споръ о томъ, имѣется ли въ данномъ случаѣ *языкъ* или *нарѣчіе*, находилъ отголоски въ государственной жизни. Слова П. А. Валуева: «Никакого особеннаго малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ», сказанныя въ 1863 г., въ бытность его министромъ внутреннихъ дѣлъ, послужили какъ бы исходной точкой стѣсненій, которымъ въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій подвергалось малороссійское печатное слово. Близко подходитъ къ этой точкѣ зрѣнія и недавній журнальный походъ противъ украинскаго партикуляризма, стремящагося, будто бы, къ «раздвоенію русской культуры». Можно было ожидать, что конецъ безплоднымъ, раздражающимъ спорамъ положитъ авторитетный голосъ Академіи Наукъ, выступившей, въ 1905 г., на защиту опальнаго языка и опальной литературы; но это ожиданіе не оправдалось, и больше чѣмъ когда-либо, въ послѣдніе годы, шли рука объ руку оффиціальные и не-оффиціальные враги «украинофильства». Намъ кажется, что о тщетѣ этой вражды говоритъ, прежде всего, ея полнѣйшая безрезультатность. Подобно тому, какъ греческій философъ фактомъ движенія опровергалъ отрицателей движенія въ принципѣ, украинская литература своею устойчивостью, своимъ распространеніемъ и развитіемъ, своими нравственными завоеваніями побѣдоносно говоритъ сама за себя и не оставляетъ камня на камнѣ въ аргументаціи ея противниковъ. Никому и ничему она не угрожаетъ; раздвоеніе, если оно есть, не ею вносится въ русскую жизнь. Если даже и можно было допустить, что украинскій языкъ—только «нарѣчіе», украинская литература—только «діалектная» литература, то и отсюда не вытекала бы законность и цѣлесообразность какихъ бы то ни было для нихъ стѣсненій, какого бы то ни было противодѣйствія имъ, хотя бы идущаго не отъ власти, а изъ среды самого общества. Понесла ли нѣмецкая литература какой-либо ущербъ отъ громаднаго успѣха, выпавшаго, во второй половинѣ прошлаго вѣка, на долю произведеній

Фрица Рейтера, написанныхъ на нижненѣмецкомъ нарѣчіи? Уменьшилъ ли этотъ успѣхъ, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, значеніе господствующаго верхненѣмецкаго языка? Конечно—нѣтъ. Къ прежней суммѣ эстетическихъ наслажденій прибавилось еще одно; тѣснѣе стала духовная связь между сѣверомъ и югомъ Германіи. А новопровансальская литература во Франціи—въ этой странѣ, больше чѣмъ всѣ другія дорожащей своимъ національнымъ единствомъ? Развѣ приходило кому-нибудь на мысль домогаться преслѣдованій ея и запрещеній, развѣ усомнился кто-нибудь въ патріотизмѣ Жасмена и Мистраля, развѣ выдвинуто было пугало провансальскаго сепаратизма? Украинская литература гораздо богаче и разнообразнѣе нижненѣмецкой и новопровансальской; тѣмъ болѣе безнадежны всѣ попытки остановить ея ростъ и заключить ее въ тѣсныя, произвольно опредѣленныя рамки... Слѣдуетъ помнить притомъ, что особенное значеніе украинская литература получила въ послѣднее время именно въ Галиціи, представляя собою готовую почву для сближенія зарубежнаго «русскаго народа» съ населеніемъ юго-западной Россіи.

Отдѣленіе украинскаго населенія отъ другихъ областей Россіи считалъ ненужнымъ, въ свое время, такой яркій украинофилъ, какъ Драгомановъ; ненужнымъ считаетъ его теперь такой выдающійся украинскій публицистъ и историкъ, какъ М. С. Грушевскій. Съ другой стороны, такой упорный противникъ украинскаго движенія, какъ академикъ Соболевскій, признаетъ, что «малороссы держатся за свой языкъ и свои бытовыя особенности» и что «столѣтіе близкаго сосѣдства малороссовъ съ великороссами не превратило ихъ въ великороссовъ». Не пора ли, затѣмъ, отказаться какъ отъ подозрѣній, лишенныхъ всякаго реальнаго основанія, такъ и отъ борьбы съ національнымъ чувствомъ, пережившимъ длинный рядъ тяжелыхъ испытаній? Въ «Украинскомъ вопросѣ» приведена масса данныхъ, говорящихъ за неотложность этого рѣшенія. Не знаменательно ли, напримѣръ, что въ 1897 г., когда была произведена первая всероссійская народная перепись, общій средній процентъ грамотности населенія Россіи составлялъ 23,3%, а среди украинскаго населенія не поднимался выше 16,4%? Эта послѣдняя цифра получилась въ Черниговской губерніи, гдѣ имѣются на-лицо и дѣйствуютъ не хуже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, земскія учрежденія. Очевидно, малорусскимъ дѣтямъ начальная школа, въ основу которой положенъ великорусскій языкъ, не приноситъ той пользы, которую получаютъ отъ нея въ центральныхъ губерніяхъ Россіи. Еще ярче это доказывается тѣмъ, что въ великорусскихъ губерніяхъ грамотныхъ между новобранцами оказывается 81%, въ малорусскихъ—55%. Изъ ста поступившихъ въ начальную школу въ петербургскомъ учебномъ округѣ въ 1910 г. окончили курсъ 12,3%,

въ кіевскомъ—9,1%. А въ половинѣ XVII вѣка у казаковъ всѣ умѣли читать, въ половинѣ XVIII вѣка въ семи полкахъ Гетманщины изъ 1094 поселеній школы были въ 866... Недостатокъ умственнаго развитія приводитъ въ Малороссіи къ слабому росту сельско-хозяйственной и промышленной культуры. По истинѣ настоятельнымъ, въ виду такихъ фактовъ, является широкое введеніе украинскаго языка въ область начальной, и не одной только начальной школы. Не меньше доводовъ можно привести и въ пользу введенія его въ область суда и администраціи. Для украинской національности, многочисленной, богато одаренной, свобода культурнаго самоопредѣленія необходима больше, чѣмъ для какой бы то ни было другой.

К. Арсеньевъ.

— С. И. Гусевъ-Оренбургскій. Враги. Т. XI. Ц. 1 р. Спб. Изд. «Жизнь и знаніе».

Гусевъ-Оренбургскій какъ будто подобрѣлъ къ своимъ батюшкамъ, пересталъ видѣть въ изображаемой средѣ лишь матеріалъ для критики и протеста, далъ волю инымъ чувствамъ. И теперь особенно видна тѣсная связь его съ роднымъ бытомъ. Нужно быть *своимъ*, чтобъ подмѣтить и передать тѣ тончайшіе, юмористическіе штрихи, которыми выдѣляются колоритные разсказы новаго сборника.

Физіономія новаго сборника, вообще, отличается отъ прежнихъ. Въ немъ много лиризма. И я думаю, что именно здѣсь полнѣе всего выразилась писательская сущность Гусева-Оренбургскаго. Онъ не критикъ и не бунтарь, а поэтъ. Ему нуженъ предметъ для любви и воспѣванія, любовь у него беретъ надо всѣмъ верхъ.

Предметъ воспѣванія у Гусева довольно неблагодарный: самъ онъ сказывалъ не разъ, какъ много темныхъ сторонъ въ его сословіи, какъ часто среди руководителей стада народнаго встрѣчаются лже-пастыри, служащіе не Духу Святому, а Мамонѣ. Но на этотъ разъ онъ обходитъ всѣ скользкія мѣста и рисуетъ священника съ идиллической стороны. Все это патріархальные деревенскіе батюшки, близкіе душѣ народа, живущіе одною съ нимъ жизнью. Правда, они иногда слишкомъ усердно прикладываются къ бутылочкѣ, не прочь поспорить и поссориться другъ съ другомъ, но все же, въ основѣ, люди недурные. И распря соперниковъ-враговъ (въ разсказѣ «Враги» на тему о Ромео и Джульетѣ), и недоразумѣніе между отцами и дѣтьми заканчивается вполнѣ благополучно. Когда въ семинаріи хотятъ исключить ученика за то, что онъ отказался донести на товарищей, на сцену является легендарный архіерей и заставляетъ торжествовать правду.

Добро на этотъ разъ у Гусева всегда побѣждаетъ; чувствуется избытокъ солнечнаго тепла и ласки; даже охотясь за рыбой, страстный

рыболовъ-дьяконъ любовно приговариваетъ: «Клюй же! Клюй, рыбка Божья!» Также ласково уговариваетъ беззубый батюшка запутавшуюся въ его бородѣ пчелку: «Ну, улетай... выпутывайся съ Господомъ!» Эти два разсказа: «Не отъ міра сего» и «Сирень» принадлежатъ къ числу наилучшихъ. Фигуры идеалистовъ-священниковъ въ нихъ нѣсколько разукрашены, но живы. Особенно любовно нарисованъ о. Павелъ въ «Сирени» съ его пантеистичной любовью къ жизни и вѣрой въ безсмертіе.

Е. К.

С. Подъячевъ. Забытые. Изд. «Освобожденіе». СПБ. 1914 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Настоящій сборникъ Подъячева нѣсколько жиже прежнихъ. Разсказы заключаютъ въ себѣ сырей, мало обобщенный матеріалъ—авторскія впечатлѣнія и настроенія. Но, по обыкновенію, они захватываютъ своей ѣдкой правдой. Возможно, что эта-то колючая правда и отвлекаетъ автора отъ болѣе тщательной литературной отдѣлки его произведеній. Чувствуется, что онъ всецѣло во власти своихъ впечатлѣній, не преодолѣлъ ихъ, не взглянулъ на нихъ по-чеховски—«съ высока». Объ этомъ нельзя не пожалѣть, ибо въ авторѣ замѣтенъ талантъ—не большой, но самобытный... Правда—правдой, а мастерство—мастерствомъ.

Рѣчь, какъ всегда, идетъ у Подъячева о «забытыхъ», объ униженнѣйшихъ изъ униженныхъ. Это все та же нищая, пьющая Русь. Особенно выдѣляются, на этотъ разъ, «забытые» деревни. Самый воздухъ деревенской избы «нагоняетъ на душу ту тоску, отъ которой либо пьютъ мертвой чашей, либо бѣгутъ, куда глаза глядятъ». Какъ и у Бунина, деревня у Подъячева поражаетъ своей безпомощностью и звѣриной жестокостью. Настроеніе автора, склоннаго одновременно плакать и ужасаться, достигаетъ наибольшей силы въ разсказѣ «Шпитаты», гдѣ описано медленное мученичество въ деревенскихъ семьяхъ несчастныхъ питомцевъ Воспитательнаго дома. Не столько сами эти безвинные мученики, жертвы жестокаго промысла «выкармливанія», сколько тѣ, кто этимъ промысломъ занимаются, возбуждаютъ ужасъ.

Картина бурной семейной схватки, въ результатѣ которой получилось убійство призрѣваемаго «шпитата», достаточно ярко рисуетъ деревенскіе нравы.

«Она, обезумѣвъ отъ злобы, перегнувшись какъ-то и сдѣлавшись похожей на кошку, прыгнула къ мужу и ударила его не рукой, а ногой въ животъ. Мужикъ ухнулъ и упалъ навзничь... Вскочивъ, онъ бросился къ ней. Она взмахнула бывшей у нея въ рукѣ тряпкой, желая ударить его по лицу, но не попала, а задѣла за лампу и по-

гасила ее. Въ избѣ моментально настала кромѣшная тьма и началось поистинѣ что-то невѣроятно-дикое и страшное. Въ непроглядной тьмѣ они сцѣпились, сквернословя во всю глотку. Шпитаты въ люлькѣ и ребята на печкѣ визжали и вопили такъ отчаянно жалобно, что невозможно было безъ содроганія слушать. Растерявшись и не зная, что дѣлать, какъ быть, я чиркнулъ спичкой и освѣтилъ избу. Пока она горѣла, я увидѣлъ, какъ мужъ и жена, забившись въ темнотѣ подъ койку—казенку, дрались и, какъ мнѣ показалось, кусали другъ дружку зубами, точно собаки... Въ пылу этого дикаго побоища, кто-то изъ нихъ задѣлъ или ударилъ нечаянно по люлькѣ, и она, отъ этого удара, описавъ дугу, ударилась объ столбъ казенки и изъ нея вылетѣло на полъ скорчившееся, пронзительно вопіющее, несчастное тѣльце»...

Къ сожалѣнію, этотъ драматическій сюжетъ не подвергся художественной обработкѣ, а, просто, пересказанъ и, притомъ, довольно неуклюже и небрежно. Въ отношеніи «обработки» въ позднѣйшихъ разсказахъ Подъячева, вообще, замѣчается регрессъ по сравненію съ прежними.

Е. Колтоновская.

АНАТОЛІЙ КОНСТАНТИНОВИЧЪ ЛЯДОВЪ.

(Скончался 15 августа въ Боровичахъ).

Смерть Лядова не была полной неожиданностью для знавшихъ о тяжелой болѣзни сердца, которою онъ страдалъ уже всю прошлую зиму. Для русскаго музыкальнаго творчества эта смерть тяжелая утрата.

Лядовъ умеръ въ полномъ обладаніи своихъ творческихъ способностей, и именно произведенія послѣднихъ годовъ («Баба-Яга», «Волшебное озеро», «Кикимора» для оркестра) показываютъ какую-то особенно яркую вспышку его таланта. Этотъ талантъ получалъ особую творческую силу каждый разъ, когда Лядовъ соприкасался съ народнымъ русскимъ творчествомъ (вспомнимъ его переложенія русскихъ пѣсенъ для голоса съ оркестромъ или для одного оркестра).

Продуктивность Лядова была невелика: онъ написалъ всего около 64 сочиненій, изъ которыхъ огромное большинство очень небольшого размѣра. Главное количество этихъ сочиненій посвящено фортепіано, однако наибольшую популярность имѣютъ сочиненія для оркестра, указанныя выше. Ни оперъ, ни симфоній, ни квартетовъ Лядовъ не оставилъ, но маленькія вещицы (Сарабанда, Мазурка), написанныя

имъ для квартетныхъ сборниковъ «Пятницы», посвященныхъ М. П. Бѣляеву, очаровательны.

Въ музыкальныхъ кругахъ принято говорить, что Лядовъ писалъ такъ мало вслѣдствіе своей лѣни. Я думаю, что это невѣрно. Лядовъ мало писалъ потому, что больше писать ему не позволяло отношеніе къ своему творчеству. Лядовъ сочинялъ только тогда, когда чувствовалъ къ этому искреннюю потребность: ни исканіе выгодъ, ни стремленіе къ славѣ не могли заставить его сочинять музыку, какъ это бываетъ, къ сожалѣнію, слишкомъ часто. Для него сочиненіе музыки было священнымъ актомъ творчества, а вдохновеніе къ творчеству посѣщало его не такъ часто, какъ бы этого хотѣлось поклонникамъ его таланта. Лядовъ обладалъ чрезвычайно тонкимъ вкусомъ въ сужденіяхъ о музыкѣ, и требованія этого вкуса онъ строжайшимъ образомъ примѣнялъ къ самому себѣ. Соединеніе этого вкуса съ національной способностью къ юмору, съ умѣніемъ видѣть комическую сторону вещей и охраняло Лядова отъ изданія въ свѣтъ плохой или неискренней музыки. Среди сочиненій Лядова есть вещи болѣе или менѣе удачныя въ зависимости отъ напряженія творчества въ моментъ ихъ созданія, но нѣтъ вещей надуманныхъ, неискреннихъ, созданныхъ однимъ только техническимъ умѣніемъ, которымъ Лядовъ владѣлъ въ совершенствѣ.

Но если природная лѣнь, по-моему, не была причиною малой продуктивности творчества Лядова, то все-же она сильно мѣшала его педагогической дѣятельности. Лядовъ преподавалъ разные отдѣлы теоріи музыки въ Спб. консерваторіи съ 1878 года и обладалъ настоящимъ учительскимъ даромъ. Здѣсь его вкусъ и юморъ имѣли особенное значеніе и чрезвычайно оживляли преподаваніе. Къ сожалѣнію, ученикамъ нерѣдко приходилось тщетно дожидаться своего любимаго учителя. Точно также лѣнь въ соединеніи съ отсутствіемъ честолюбія и повелительскихъ наклонностей въ характерѣ Лядова помѣшали ему сдѣлаться выдающимся дирижеромъ. Не говоря уже о первоклассныхъ музыкальныхъ способностяхъ и познаніяхъ, Лядовъ имѣлъ превосходный точный взмахъ палочки, твердый режимъ и прекрасную память—способности, необходимыя для дирижера. Но когда онъ становился за дирижерскій пультъ, то уже послѣ перваго часа репетиціи оркестръ видѣлъ, что Лядовъ усталъ, что ему уже надоѣло работать, и полузакрытые глаза и насмѣшливая улыбка показывали, что стараться болѣе уже не стоило, и оркестръ начиналъ играть кое-какъ. Такъ бывало въ Русскихъ симфоническихъ концертахъ и въ концертахъ Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества, гдѣ Лядовъ нѣсколько разъ выступалъ въ качествѣ дирижера.

Какъ человѣкъ, Лядовъ обладалъ чрезвычайно благожелатель-

нымъ къ ближнему характеромъ, и всѣ, кому приходилось съ нимъ чаще встрѣчаться, питали къ нему не только искреннее уваженіе, но и прочныя симпатіи.

Лядовъ родился 29 апрѣля 1855 г. Онъ былъ сынъ извѣстнаго композитора и дирижера Императорской Русской оперы въ Петрог. Константина Николаевича Лядова, который рано сталъ учить своего сына музыкѣ, замѣтивъ его выдающіяся способности. Къ сожалѣнію, ни систематическаго ученія, ни воспитанія маленькій Анатолій не получилъ. Большую часть времени мальчикъ проводилъ на сценѣ Маріинскаго театра, гдѣ былъ всеобщимъ любимцемъ и принималъ участіе въ шествіяхъ и толпѣ. Позже Лядовъ поступилъ въ консерваторію, гдѣ учился сперва на скрипкѣ и рояли, позже по теоріи музыки у Іогансена. Для изученія свободнаго сочиненія Лядовъ перешелъ въ классъ Н. А. Римскаго-Корсакова, но за свою неисправимую лѣность былъ исключенъ въ сезонъ 1875 — 1876 г. Тѣмъ не менѣе весною 1878 года Лядовъ рѣшилъ все-же добиться диплома свободнаго художника и получилъ таковой, представивъ кантату на текстъ «Мессинской невѣсты» Шиллера. Въ томъ же году Лядовъ сдѣлался преподавателемъ Петроградской консерваторіи.

Съ 1904 года Лядовъ состоялъ однимъ изъ трехъ членовъ (вмѣстѣ съ Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ и А. К. Глазуновымъ, съ которыми его связывала тѣсная дружба) Попечительнаго Совѣта для поощренія русскихъ композиторовъ и музыкантовъ, созданнаго М. П. Бѣляевымъ и обезпеченнаго огромными средствами согласно завѣщанію основателя.

Викторъ Вальтеръ.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Война и настроеніе страны. — Какъ выдержаны первые дни всенароднаго испытанія. — Прочность національной ткани государства. — Общее одушевленіе.—Жертвы и подъемъ общественной энергіи.—Крестьянская помощь „міромъ". — Великое отрезвленіе Россіи. — Поразительные результаты мѣсячнаго опыта.—Благодарность и мольбы населенія о продолженіи опыта.— Народная трезвость, какъ внутренняя и неожиданная побѣда.

Военный вихрь, налетѣвшій на Россію, принесетъ чрезвычайныя послѣдствія, которыхъ въ настоящее время нѣтъ возможности ни предвидѣть, ни подсчитать. Ясно пока одно, что на страну обруши-

лось неслыханное испытаніе и что первые дни и недѣли стихійнаго потрясенія встрѣчены и выдержаны съ удивительной стойкостью, съ неожиданнымъ и всеобщимъ одушевленіемъ, съ громаднымъ подъемомъ духа. Неожиданная война, развернувшаяся, притомъ, въ неслыханныхъ размѣрахъ, поставила всю Россію какъ бы предъ тяжкимъ и всенароднымъ экзаменомъ. Испытуется не только физическая мощь государства, не только его моральная стойкость, но и прочность его государственной, національной, соціальной и бытовой ткани.

Соціальная ткань во всѣхъ странахъ не особенно прочна вслѣдствіе непрерывнаго глухого поединка между капиталомъ и трудомъ. Въ Россіи, сверхъ того, внушала тревогу пестрая ткань національностей, степень объединенности которыхъ на общей россійско-государственной основѣ была не ясна до самыхъ послѣднихъ дней. И внѣшній врагъ, поднявшій мечъ на Россію, казалось, имѣлъ нѣкоторое основаніе ждать, что внезапный порывъ военнаго вихря подорветъ соціальную и національную ткань страны и что колебанье или смута въ рабочей средѣ и въ многочисленныхъ національностяхъ Россіи облегчитъ его завоевательную задачу.

Прошло уже нѣсколько недѣль съ начала войны,—самый важный періодъ, въ который, можетъ быть, уже намѣтился ея исходъ,—и на пережитое можно оглянуться съ удивленіемъ и благодарностью. Единодушный порывъ возвелъ страну на ту рѣдкую высоту, гдѣ забываются мелкія и крупныя обиды вчерашняго дня, гдѣ откладываются давнишніе счеты и несогласія, исчезаетъ внутренняя рознь, разность интересовъ слоевъ населенія, партій и національностей. И какъ бы ни пошла дальше борьба съ опаснымъ противникомъ, какъ бы ни складывалась дальнѣйшая жизнь Россіи, было бы странно и несправедливо забыть эти первые историческіе дни мірового пожара, который въ національныхъ чертахъ Россіи освѣтилъ не панику, не малодушіе, не колебанье, а мужество, взаимное примиреніе и общую рѣшимость на дружный, сліянный отпоръ всеобщей бѣдѣ.

Тысячи русскихъ путешественниковъ, застигнутыхъ войной за границей и вернувшихся домой необычнымъ путемъ черезъ Финляндію, съ удивленіемъ и восторгомъ разсказываютъ о неожиданной теплой встрѣчѣ, которую всѣмъ имъ оказали хмурые финны. Пріѣхавшіе изъ Польши, а также газетныя извѣстія изъ этихъ мѣстъ единодушно говорятъ о теплотѣ отношенія къ Россіи и о патріотическомъ воодушевленіи польскаго населенія. Особенно цѣнно, что эта близость къ Россіи сказалась въ первые дни войны, когда еще не появилось знаменитое воззваніе верховнаго главнокомандующаго, слѣдовательно, предъ польскимъ населеніемъ не было этой собственной, не-

ожиданной и нынѣ осуществимой цѣли для борьбы съ австро-германскимъ натискомъ. Отзвуки одушевленія немедленно проявились съ первыхъ же дней войны и въ малорусскомъ населеніи юго-западныхъ губерній. Нелицемѣрнымъ было поведеніе евреевъ, организовавшихъ по городамъ патріотическія шествія, возсылавшихъ моленья въ синагогахъ о дарованіи побѣдъ русскому оружію и жертвовавшихъ крупныя суммы на помощь семействамъ воиновъ. Трогательны были отклики на общегосударственную опасность кавказскихъ народностей, поволжскихъ магометанъ, прибалтійскихъ латышей и прочихъ разноплеменныхъ инородцевъ.

Въ громадномъ масштабѣ здѣсь, видимо, сказался тотъ житейскій законъ, по которому члены одной семьи мгновенно забываютъ всѣ внутреннія ссоры, когда на семью нападаетъ извнѣ опасный врагъ. Разноплеменная Россія оказалась именно государственной семьей, а не насильственнымъ соединеніемъ враждебныхъ и чуждыхъ другъ другу національностей. И съ благодарностью оглядываясь на прошедшее, гдѣ сильнѣе оказались не тѣ или другія ошибки внутренней политики, а культурное и бытовое сожительство народностей, незамѣтно воспитавшихъ въ себѣ другъ для друга пріязнь, уваженіе и сочувствіе, — слѣдуетъ принять выявленіе удивительнаго содружества народностей Россіи въ грозные дни войны какъ указаніе и предвѣщаніе для будущаго. Если равными оказались онѣ предъ общей опасностью, то естественно быть имъ равными и въ мирномъ строительствѣ, которое возобновится послѣ военной грозы.

Удивительны были первые дни и недѣли войны и тѣмъ стихійнымъ взрывомъ гражданскихъ, общественныхъ, самоотверженныхъ и добрыхъ чувствъ, которыя повсемѣстно по Россіи выразились въ безчисленныхъ личныхъ пожертвованіяхъ и общественныхъ ассигновкахъ, въ организаціи сборовъ, въ процентныхъ отчисленіяхъ изъ жалованья и заработка, въ учрежденіи всяческихъ формъ общественной помощи семействамъ лицъ, ушедшихъ на войну. Жизнь, бросивъ на одну чашку вѣсовъ ужасъ, кровь, стоны и стихійное, неотвратимое безуміе войны, для равновѣсія и утѣшенія поспѣшила бросить на другую чашку такое же стихійное проявленіе человѣчности, жалости, доброты и отзывчивости людей.

Тѣ учрежденія,—какъ, напримѣръ, уѣздныя и губернскія земства,—которыя еще вчера жаловались на отсутствіе людей и денегъ, въ дни войны немедленно нашли и деньги для помощи семействамъ запасныхъ, и людей для сложной общественной работы. Разрозненныя, вялыя до войны земства въ нѣсколько дней сорганизовались въ общеземскій союзъ, и во главѣ его оказался все

тотъ же блестящій дѣятель кн. Г. Е. Львовъ, который въ японскую войну и въ голодные годы стоялъ во главѣ тогдашней общеземской организаціи совсѣмъ иного состава, далеко отличнаго отъ нынѣшнихъ правыхъ земствъ. Война и здѣсь принесла примиреніе и возвратила земству утерянную спанность дѣйствій. Городскія самоуправленія соединились въ общегородской союзъ. Новая общественная сила—кооперація—привлечена къ широкому и сложному служенію нуждамъ военнаго времени. Различнаго рода общественныя собранія, общества и организаціи, тянувшія до войны сѣрую нить обывательскаго существованія, открыли лазареты для раненыхъ, столовыя для дѣтей и женъ призванныхъ запасныхъ и разные другіе виды общественной помощи.

Кое-кого изъ общественныхъ дѣятелей, недавно съ отчаяніемъ глядѣвшихъ на тусклое теченіе русской жизни, высокая волна нынѣшняго общественнаго оживленія привела въ такое радостное возбужденіе, что они какъ бы даже забыли объ ужасной причинѣ, вызвавшей это оживленіе. Недавно встрѣтился мнѣ видный общественный дѣятель, который летаетъ сейчасъ то въ Москву, то въ Петербургъ, то въ крупные губернскіе города, читая повсюду доклады объ общественной организаціи для нуждъ военнаго времени, встряхивая застывшія старыя общественныя учрежденія, призывая къ учрежденію новыхъ, пропагандируя кооперацію и общеземскій союзъ и вообще взывая настойчивымъ и громкимъ голосомъ къ общественному пробужденію. Онъ говоритъ такъ, какъ не могъ бы говорить полтора мѣсяца назадъ, и его слушаютъ такъ, какъ не могли бы слушать до войны. Его нельзя узнать, до того онъ преобразился. Онъ весь заряженъ электричествомъ дѣятельности.

— Вильгельму нужно заживо памятникъ поставить,—говорилъ онъ мнѣ торопливо, встрѣтившись на вокзалѣ,—вся жизнь пошла по-другому,—такъ пошла, какъ надо.

— То-есть какъ именно?—полюбопытствовалъ я.

— А такъ, какъ надо. Шла безъ колеи, а теперь вошла въ колею.

Яснѣе онъ не могъ или не пожелалъ отвѣтить. Но точный отвѣтъ нужно было искать не въ его словахъ, а въ его взглядѣ, съ разсѣяннымъ и горячимъ нетерпѣньемъ устремленномъ куда-то впередъ. Это радостное возбужденіе показалось мнѣ похожимъ на ту лихорадочную дѣятельность, которая охватываетъ энергичныхъ людей во время большого пожара. Они какъ бы забываютъ о горѣ, о слезахъ пострадавшихъ, и работа помощи почти превращается для нихъ въ нѣчто похожее на спортъ. Это какъ будто немножко жестоко, но все же лучше того безсильнаго мягкодушія, которое не идетъ дальше искренняго, но бездѣятельнаго состраданія. Къ

тому же, разумѣется, дѣятельное возбужденіе отмѣченнаго общественнаго работника углублялось и облагораживалось надеждой на то, что нынѣшняя общественная встряска не ограничится временнымъ оживленіемъ, а, опаливъ россійскую вялость огнемъ войны, введетъ общественную энергію въ колею длительной и плодотворной созидательной работы, которая не окончится и долго спустя послѣ войны.

Въ томъ морѣ пожертвованій, которымъ ознаменовались первыя недѣли войны и въ которомъ мелькаютъ милліоны московскихъ купцовъ, милліонныя ассигновки крупныхъ земствъ и большихъ городовъ, трогательное впечатлѣніе производитъ своеобразная крестьянская лепта.

Деревенскій «міръ» помогаетъ трудомъ. «Саратовскій Листокъ», напримѣръ, сообщаетъ: «Общественная уборка хлѣбовъ организована во всѣхъ уѣздахъ губерніи. Почти всѣ сельскія общества составили соотвѣтствующіе приговоры о безплатной уборкѣ хлѣбовъ и запашкѣ земли подъ посѣвъ озимей «міромъ» для тѣхъ семействъ, изъ которыхъ взяты на войну запасные и ратники. При этомъ крестьяне всюду въ первую очередь убираютъ хлѣба семей, взятыхъ на войну, а послѣ уже свой хлѣбъ. Въ губернскомъ присутствіи получены о ходѣ этихъ работъ слѣдующія свѣдѣнія: въ Царицынскомъ у. хлѣбъ уже убранъ съ полей и свезенъ на гумна; въ Петровскомъ, Вольскомъ, Кузнецкомъ, Камышинскомъ и Саратовскомъ уѣздахъ общественныя работы по уборкѣ хлѣбовъ семействъ призванныхъ въ войска идутъ полнымъ ходомъ. Въ Сердобскомъ уѣздѣ уборка задерживается дождями, но крестьяне приступили къ сѣву озимыхъ. Въ двухъ волостяхъ Вольскаго уѣзда хлѣбъ семействъ запасныхъ, призванныхъ въ войска, убранъ средствами экономіи графини Шереметевой и графа Орлова-Денисова; въ с. Балтаѣ хлѣбъ запасныхъ и ратниковъ убранъ съ помощью сельскохозяйственныхъ машинъ, отпущенныхъ безплатно фирмой Гельферихъ-Саде. Въ другихъ селахъ хлѣбъ убирался машинами изъ земскихъ складовъ, подъ руководствомъ агрономовъ и инструкторовъ. Въ общественной уборкѣ хлѣбовъ принимаетъ дѣятельное участіе и сельское духовенство».

Этотъ видъ помощи оказался примѣненнымъ во многихъ губерніяхъ. Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» пишетъ изъ Коврова: «Обращаетъ на себя вниманіе заботливое отношеніе деревни къ семьямъ ушедшихъ на войну. Эта заботливость выразилась въ немедленной же помощи оставшимся семьямъ, безъ всякаго толчка со стороны. Во многихъ селеніяхъ были собраны помочи по уборкѣ хлѣба съ полей. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ были составлены приговоры о всесторонней хозяйственной помощи семьямъ запасныхъ и ратниковъ; такъ, напримѣръ, такой приговоръ написанъ въ с. Усолье Малышевской во-

лости. Земская помощь хозяйствамъ на первыхъ порахъ выразилась въ безплатной выдачѣ молотильныхъ машинъ, а крестьяне съ своей стороны устраивали помочь лошадьми. Такъ былъ обмолоченъ хлѣбъ въ Вознесенскомъ участкѣ у пяти семей, и такъ какъ молотьба продолжается до конца сентября, то есть надежда удовлетворить всѣ наиболѣе нуждающіяся семьи. Что касается посѣва и обработки озимаго поля, то тутъ дѣло сложнѣе. Земство можетъ придти на помощь лишь рядовыми сѣялками, работу же должны взять на себя или родственники, или же сами общества».

О такой же «мірской» уборкѣ хлѣба осиротѣвшихъ семей пишутъ «Русскимъ Вѣдомостямъ» изъ Рязанской губерніи, изъ Донской области, а «Русскому Слову» телеграфируютъ изъ Симбирскаго уѣзда, изъ губерній Курской, Вятской, Екатеринославской и т. д.

Изъ Костромы телеграфируютъ «Русскому Слову»: «Въ селѣ Красномъ всѣ работы на участкахъ запасныхъ выполнены міромъ. Въ Солигаличскомъ уѣздѣ были случаи, когда на работы являлись крестьяне отдаленныхъ деревень, предлагавшіе свой трудъ семьямъ запасныхъ. Аналогичныя рѣшенія вынесены на многихъ крестьянскихъ сходахъ Костромской губерніи».

Корреспондентъ газеты «Сибирь» изъ с. Зимы, Балаганскаго уѣзда, отмѣчаетъ: «Подъемъ благотворительности, охватившій со дня объявленія войны всю Россію, всколыхнулъ и наше село. 3 августа зиминскій сельскій сходъ постановилъ выдать на уборку хлѣба и посѣвъ озимей семьямъ призванныхъ запасныхъ и ратниковъ 1.000 руб. Достойно вниманія то обстоятельство, что на путь благотворительности здѣсь ранѣе всѣхъ и по собственной иниціативѣ выступили крестьяне».

Суммировать обильный потокъ личныхъ и общественныхъ пожертвованій, разныхъ видовъ помощи и доказательствъ душевнаго порыва къ смягченію общей бѣды—нѣтъ возможности.

На великое испытаніе Россія сумѣла отвѣтить достойно не только милліонными арміями, но и стихійнымъ подъемомъ единодушія, благотворенія, взаимопомощи, самоотверженія и благородной энергіи. Если такъ протекутъ и дальнѣйшіе недѣли и мѣсяцы военной грозы, то, надо думать, пережитое военное испытаніе оставитъ за собой не только стоны, кровь и слезы, но и свѣтлыя воспоминанія, броситъ особыя сѣмена въ будущую судьбу Россіи.

Въ первые дни войны случилось во внутренней жизни Россіи одно совершенно исключительное событіе, которое уже и теперь носитъ характеръ неожиданной и большой внутренней побѣды, а, будучи

укрѣпленнымъ и удлиненнымъ, можетъ принести плоды изумительные и чрезвычайные. Россія переживаетъ великій опытъ всенародной трезвости. Повсемѣстное закрытіе винныхъ лавокъ, трактировъ, кабачковъ и пивныхъ было сдѣлано въ виду мобилизаціи. Но, поспособствовавъ въ немалой степени блистательному и быстрому проведенію мобилизаціи, эта мѣра принесла побочные результаты, наполнившіе Россію изумленьемъ, восторгомъ и благодарностью. Какъ будто по мановенію волшебнаго жезла исчезли съ улицъ городовъ и селъ пьяные дебоши, озорные выкрики, ссоры и побоища. На фабрикахъ и въ мастерскихъ стали быстро и точно выполняться заказы. Въ семьяхъ, привыкшихъ къ пьянымъ крикамъ, къ бѣдности, къ ругани и побоямъ, настала внезапная тишина, и оказался хотя и маленькій, но замѣтный и, по неожиданности, радостный прибытокъ. Россія какъ бы стала облагообразивать свой ликъ, обезображенный долголѣтней привычкой къ одурманиванію себя алкоголемъ.

Неудивительно, что въ Петроградъ вихремъ полетѣли со всѣхъ концовъ Россіи ходатайства и мольбы о продленіи запрещенія торговать водкой. Просили земства, просили городскія думы, составлялись сотни крестьянскихъ приговоровъ, газеты засыпались письмами взволнованныхъ обывателей. И все сливалось въ одинъ вопль, въ одну мольбу: прекратить торговлю водкой на все время войны, а еще лучше—навсегда.

Не вѣря себѣ, Россія облегченно перевела духъ, увидя зеленаго змія во временной летаргіи. И естественно воспрянуло всеобщее, бурное, нетерпѣливое и страстное желанье задавить этого змія окончательно и навсегда. Едва-ли когда-либо, гдѣ-либо и какая-либо принудительная мѣра правительства вызывала такой всенародный восторгъ и всенародную признательность, какъ этотъ рѣшительный опытъ съ прекращеніемъ водочной торговли. Населеніе готово (и публично заявляетъ объ этомъ) на всякія денежныя жертвы, на новые и увеличенные налоги, на значительныя податныя отягощенія, лишь бы правительство завершило свой смѣлый опытъ окончательнымъ ударомъ алкоголизму. Газеты, удовлетворяя горячему желанію населенія, приводятъ многочисленные факты благодѣтельнѣйшаго вліянія на русскую жизнь исчезновенія алкоголя въ пробный мѣсяцъ.

«Русское Слово», напримѣръ, засыпается такого рода телеграммами изъ всѣхъ концовъ Россіи. Изъ Вятки телеграфируютъ: «Съ закрытіемъ питейныхъ заведеній значительно уменьшилось количество кражъ въ городѣ. Хулиганство проявляется крайне рѣдко. Арестантскія при полиціи, переполнявшіяся въ базарные дни пьяными, пустуютъ. По свидѣтельству гласныхъ губернскаго земства, деревня совершенно преобразилась. Праздники и ярмарки въ селахъ проходятъ

спокойно и дѣловито. Обычныя пьянство, драки, безчинства прекратились. Деревенскія женщины благословляютъ мудрое распоряженіе о закрытіи казенокъ. Губернское земство и городская дума единогласно постановили ходатайствовать о закрытіи питейныхъ заведеній до окончанія войны».

Изъ Симбирска: «Прекращеніе торговли виномъ оказало благотворное вліяніе. Уголовная преступность и, въ частности, кражи сократились по сравненію съ предыдущимъ мѣсяцемъ на половину, хулиганства и безчинства—на 90%. Такое явленіе наблюдается и въ цѣломъ рядѣ селеній».

Изъ Орла: «Запрещеніе торговли крѣпкими напитками сократило количество преступленій и проступковъ, по сравненію съ предыдущими мѣсяцами, на 80%. Камеры городскихъ судей и арестные дома пустуютъ. Раньше оборванные, ремесленники теперь пріодѣлись и высказываютъ благодарность за закрытіе мѣстъ торговли спиртными напитками».

Изъ Воронежа: «По свѣдѣніямъ воронежскаго уѣзднаго полицейскаго управленія, за вторую половину іюля, когда винныя лавки были закрыты, въ Воронежскомъ уѣздѣ зарегистрировано 8 убійствъ, кражъ, грабежей и различныхъ насилій. Во второй половинѣ іюня, когда винныя лавки функціонировали, тѣхъ же случаевъ преступныхъ дѣяній было зарегистрировано 27».

Изъ Екатеринослава: «По даннымъ городского и губернскаго сыскныхъ отдѣленій, всѣ преступленія, связанныя, по мѣстнымъ и общимъ условіямъ, съ потребленіемъ водки, совершенно исчезли. Со дня мобилизаціи не было случаевъ убійствъ, грабежей, разбоевъ и хулиганства, дававшихъ раньше болѣе 100 случаевъ ежемѣсячно. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, потребленіе водки въ іюлѣ, благодаря закрытію казенныхъ винныхъ лавокъ, уменьшилось въ губерніи противъ прошлаго года на 104.657 ведеръ. Въ августѣ, благодаря полному закрытію питейныхъ заведеній, населеніе съэкономитъ около двухъ милліоновъ рублей».

Изъ Екатеринодара: «По заявленіямъ мѣстной полиціи, преступность за послѣдній мѣсяцъ упала на 90%. Хулиганство совершенно исчезло. Въ городѣ абсолютный покой».

Изъ Саратова: «Закрытіе казенныхъ винныхъ лавокъ въ Саратовѣ дало слѣдующіе результаты. До закрытія казенокъ въ Саратовѣ въ среднемъ за мѣсяцъ регистрировалось до 130 уголовныхъ преступленій. Въ іюлѣ, послѣ закрытія казенокъ, число преступленій уменьшилось до 60-ти. Въ общемъ, по заявленію начальника сыскной полиціи, преступность въ городѣ уменьшилась на 65%. Пріютъ для

алкоголиковъ пустъ. Береговые рабочіе пріодѣлись и шлютъ деньги на родину. Покушенія на самоубійство прекратились».

Изъ Ярославля: «По статистикѣ городскихъ судей видно, что съ 18-го іюля по 16-е августа по ст. 38 уст. о нак. имѣлось въ производствѣ всего одно дѣло. Раньше за такой же промежутокъ времени было свыше 200. Въ маѣ и іюнѣ въ полицейскихъ участкахъ зарегистрировано было 1.888 задержанныхъ за пьянство. Съ 18-го іюля по 17-е августа—только 32 пьяныхъ, изъ которыхъ 24 человѣка напились на пароходахъ».

Изъ Костромы: «Въ теченіе мѣсяца въ Костромѣ регистрируется въ среднемъ до 300 проступковъ и преступленій. Послѣ закрытія винныхъ лавокъ, т. е. за вторую половину іюля, въ обѣихъ полицейскихъ частяхъ города составлено всего 8 протоколовъ. Съ 18-го іюля по 18-е августа не было ни одного случая привлеченія за буйство или хулиганство. Раньше составлялось до 40 и болѣе протоколовъ по 38, 40 и 31-й ст.ст. уст. о наказ. За вторую половину іюля и первую половину августа по этимъ статьямъ не было ни одного привлеченія. Раньше при камерахъ для вытрезвленія въ первой полицейской части въ теченіе мѣсяца перебывало до 300 человѣкъ. Теперь же, начиная со времени мобилизаціи, полицейскія камеры абсолютно пустуютъ. Въ общемъ, послѣ закрытія казенныхъ винныхъ лавокъ и пивныхъ и прекращенія продажи крѣпкихъ напитковъ, преступность понизилась на 95%. Случаи хулиганства, нарушенія общественной тишины и спокойствія прекратились совершенно».

Изъ Кіева: «Кіевъ съ 700-тысячнымъ населеніемъ отличается большой уголовной преступностью. Полицейскія учрежденія, ведущія статистику уголовныхъ преступленій, будучи заняты военными дѣлами, за послѣдній мѣсяцъ сводки не дѣлали. Поэтому точныхъ цифръ нѣтъ. Но всѣ единогласно отмѣчаютъ рѣзкое паденіе числа уголовныхъ преступленій за послѣдній мѣсяцъ. Начальникъ сыскной полиціи заявилъ вашему корреспонденту, что обыкновенно за мѣсяцъ въ Кіевѣ регистрируется 2—3 убійства и 3—5 покушеній на убійства. За истекшій мѣсяцъ ни убійствъ, ни покушеній на убійство не зарегистрировано. Совершенно не наблюдалось скандаловъ въ ресторанахъ и трактирахъ. Камеры для вытрезвленія пусты. Число мелкихъ уголовныхъ преступленій — кражъ, мошенничествъ, проявленій хулиганства и безчинства—значительно уменьшилось. Владѣльцы фабрикъ, заводовъ и промышленныхъ заведеній единодушно заявляютъ вашему корреспонденту, что закрытіе винныхъ лавокъ сократило прогульные дни, повысило интенсивность труда, устранило ссоры, дрязги и пререканія и вообще создало мирную, трудовую атмосферу. Исчезли обычныя сцены въ дни получекъ, когда жены рабочихъ при конто-

рахъ поджидали мужей, перехватывая получки изъ опасенія, что мужья пропьютъ заработокъ. Сами рабочіе указываютъ, что въ ихъ личной жизни исчезли семейныя сцены, избіенія женъ и дѣтей и взаимныя столкновенія. Въ обществѣ «скорой медицинской помощи», неизмѣнно вызываемой полиціей на происшествія, вашему корреспонденту заявили, что, благодаря закрытію питейныхъ заведеній, преступность и особенно хулиганскія безчинства поразительно уменьшились».

Въ такомъ же родѣ телеграммы изъ Ростова-на-Дону, изъ Н.-Новгорода и чуть ли не изъ всѣхъ городовъ Россіи. И отовсюду восторженныя извѣстія о волшебной перемѣнѣ лика провинціи, о чудесныхъ и мгновенныхъ улучшеніяхъ въ быту, въ трудѣ, въ уличномъ и общественномъ порядкѣ, о сказочномъ уменьшеніи преступности, объ улучшеніи народнаго здравія, о вытрезвленіи не только тѣла, но и духа населенія и о повсемѣстной радости и благодарности за прекращеніе алкогольнаго отравленія.

Можетъ быть, итоги корреспондентовъ слишкомъ поспѣшны и преувеличены, но несомнѣнно, что опытъ съ радикальнымъ вытрезвленіемъ Россіи оказался поразительнымъ по своимъ результатамъ.

Очевидная польза этой мѣры и всеобщія мольбы населенія, видимо, склонили правительство продолжить опытъ. Отсюда остается еще одинъ рѣшительный шагъ къ окончательному изгнанію алкоголизма изъ Россіи. И это была бы такая великая внутренняя побѣда, что, какъ бы ни закончилась наша внѣшняя война, одинъ этотъ неожиданный и побочный результатъ военной грозы могъ бы, въ значительной степени, окупить страданія и жертвы войны.

И. Жилкинъ.

ВОЙНА И НАЦІОНАЛЬНОСТИ.

26-го іюля, въ памятномъ засѣданіи Государственной Думы представитель польскаго коло воскликнулъ, при бурномъ одобреніи всей залы: «Разъединенные территоріально, мы въ чувствахъ своихъ и симпатіяхъ къ славянамъ должны составлять единое цѣлое... Дай Богъ, чтобы славянствомъ, подъ главенствомъ Россіи, былъ данъ тевтонамъ такой же отпоръ, какъ пять столѣтій тому назадъ Польшей и Литвой былъ имъ данъ при Грюнвальденѣ. Пусть наша кровь и ужасы братоубійственной для насъ войны приведутъ къ соединенію разорваннаго на три части народа». Аналогичныя чувства выска-

залъ въ тотъ же день и представитель поляковъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Поляки,—сказалъ онъ,—«пойдутъ въ бой, руководствуясь не однимъ лишь исполненіемъ долга. Они идутъ дать отпоръ прусскому Drang nach Osten. Кровь ихъ прольется за правое дѣло. Я буду надѣяться, что прольется она и за прекращеніе вѣкового русско-польскаго раздора и за прочное навсегда русско-польское согласіе».

Эти слова, скоро подтвердившіяся на дѣлѣ — мобилизація въ Царствѣ Польскомъ прошла безупречно,—не остались безъ отклика сверху. Недѣлю спустя, верховный главнокомандующій, великій князь Николай Николаевичъ, обратился къ полякамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ:

«Пробилъ часъ, когда завѣтная мечта вашихъ отцовъ и дѣдовъ можетъ осуществиться.

Полтора вѣка тому назадъ живое тѣло Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ея. Она жила надеждой, что наступитъ часъ воскресенія Польскаго народа, братскаго примиренія его съ Великой Россіей.

Русскія войска несутъ вамъ благую вѣсть этого примиренія.

Пусть сотрутся границы, разрѣзавшія на части Польскій народъ. Да возсоединится онъ воедино подъ скипетромъ Русскаго Царя.

Подъ скипетромъ этимъ возродится Польша, свободная въ своей вѣрѣ, въ языкѣ, въ самоуправленіи.

Одного ждетъ отъ васъ Россія — такого же уваженія къ правамъ тѣхъ народностей, съ которыми связала васъ исторія.

Съ открытымъ сердцемъ, съ братски протянутой рукой идетъ вамъ навстрѣчу Великая Россія. Она вѣритъ, что не заржавѣлъ мечъ, разившій врага при Грюнвальдѣ.

Отъ береговъ Тихаго океана до сѣверныхъ морей движутся Русскія рати.

Заря новой жизни занимается для васъ.

Да возсіяетъ въ этой зарѣ знаменіе Креста,—символъ страданія и воскресенія народовъ».

Поистинѣ громадно значеніе этого историческаго акта, напоминающаго, по своей важности, манифестъ 17-го октября 1905-го года. Каждое его слово звучитъ чѣмъ-то новымъ, свѣжимъ и радостнымъ. И притомъ, если можно такъ выразиться, оно стоитъ внѣ конкурренціи: ему не можетъ быть противопоставлено ничего равносильнаго со стороны воюющихъ съ нами державъ. Австрія дала подвластнымъ ей полякамъ немалую долю свободы, но обѣщать возстановленіе Польши она не въ состояніи, потому что это шло бы въ разрѣзъ съ

интересами и видами Пруссіи, а, слѣдовательно, и Германіи. Никогда преемники Фридриха II не допустятъ добровольно включеніе Познани и, тѣмъ болѣе, польскихъ округовъ Силезіи и Западной Пруссіи въ составъ объединенной Польши; никогда поляки не подчинятся добровольно государству, чуждому имъ по крови и всего болѣе опасному для національнаго ихъ склада. Въ иномъ положеніи находится Россія, подъ властью которой уже находилось *царство* польское, Россія, «братскому примиренію» которой съ польской націей не противостоятъ никакія непреодолимыя преграды.

Прошло болѣе вѣка со времени паденія Рѣчи Посполитой. Раздѣлъ ея «живого тѣла», съ самаго начала вызвавшій и впослѣдствіи много разъ вызывавшій протесты Франціи и Англіи, надолго соединилъ своеобразною связью участвовавшія въ немъ державы. Казалось, что эта связь не можетъ распасться всецѣло и навсегда; даже когда измѣнялась система союзовъ, можно было думать, что непрочны новыя комбинаціи, пока остаются нетронутыми результаты сообща совершеннаго дѣла. Недаромъ свиданія монарховъ, направленныя къ укрѣпленію традиціонныхъ узъ, происходили такъ часто на бывшей польской территоріи (Калишъ, Варшава, Скерневицы); недаромъ громадной услугѣ, оказанной русскимъ правительствомъ прусскому во время войнъ 1866 и 1870—71 гг., предшествовали болѣе мелкія, но въ свое время высоко цѣнившіяся услуги, оказанныя Россіи прусскимъ правительствомъ на основаніи конвенціи 8-го февраля 1863-го года. Австрія «удивила весь міръ неблагодарностью» въ 1854—55 гг., Пруссія—въ 1878 г.; и все-таки старыя преданія не вовсе потеряли свою силу. Теперь имъ нанесенъ смертельный ударъ—и это тѣмъ болѣе отрадно, чѣмъ вреднѣе отзывались австро-прусскія и спеціально прусскія вліянія не только на внѣшней, но и на внутренней политикѣ Россіи. Государственная отсталость Россіи, уменьшая ея силу, была выгодна для ея непосредственныхъ западныхъ сосѣдей.

Съ оффиціальной точки зрѣнія всѣ три раздѣла Польши постоянно—за исключеніемъ рѣдкихъ и короткихъ минутъ, обусловленныхъ либеральными порывами Александра I-го,—разсматривались какъ нѣчто безусловно выгодное для Россіи. Воззваніе верховнаго главнокомандующаго знаменуетъ собой разрывъ съ этой точкой зрѣнія. «Растерзаніе живого тѣла на куски», не сопровождаемое «смертью души», не можетъ быть благопріятнымъ для тѣхъ, кто въ немъ участвовалъ. Душа, оставшаяся живою, не только страдаетъ сама: она и для другихъ становится источникомъ страданій. И такихъ страданій послѣдствія раздѣловъ принесли Россіи не мало. Если ихъ не хотѣли замѣчать или съ ними, какъ и съ страданіями самой польской націи, не хотѣли считаться, то объясненіемъ этому служитъ долго держав-

шаяся вѣра въ воспослѣдовавшую уже или близкую смерть польской души. Она предполагалась умершей, умирающей или, во всякомъ случаѣ, приговоренной къ смерти, когда предпринимались попытки «обрусенія» поляковъ, когда отрицались или оспаривались права польскаго языка, бралась подъ сомнѣніе польская культура. Всему этому кладетъ конецъ «воскресеніе польскаго народа». Отношеніе къ раздѣламъ измѣняется радикально; передъ разрѣзаннымъ ими на части открыта перспектива возсоединенія. Само собою разумѣется, что возсоединиться должны не части случайнаго конгломерата разноплеменныхъ областей, образовавшихъ старую Рѣчь Посполитую, а части *польскаго народа:* къ нему обращено воззваніе, въ немъ живетъ призываемая къ новому бытію польская душа. Не можетъ, поэтому, быть и мысли о возстановленіи Польши «отъ моря и до моря», о присоединеніи къ ней губерній или уѣздовъ съ преобладающимъ бѣлорусскимъ, литовскимъ или украинскимъ населеніемъ. А тамъ, гдѣ поляки составляютъ несомнѣнное большинство, они оправдаютъ, конечно, ожиданіе, высказанное въ воззваніи верховнаго главнокомандующаго: они отнесутся съ уваженіемъ «къ правамъ народностей, съ которыми ихъ связала исторія».

Какъ бы ни опредѣлилась, въ зависимости отъ исхода войны, судьба польскаго народа, какъ одного цѣлаго, судьба поляковъ, подвластныхъ Россіи, предрѣшена въ значительной мѣрѣ уже теперь: воззваніе обѣщаетъ имъ свободу въ вѣрѣ, въ языкѣ, въ самоуправленіи. *Воскресшей* націи не можетъ не принадлежать право національнаго самоопредѣленія, во всѣхъ разнообразныхъ его видахъ и формахъ. Не могутъ не отойти въ прошедшее тѣ преграды, которыя еще недавно встрѣчало на своемъ пути польское населеніе Россіи; не можетъ не исчезнуть недовѣріе, изъ-за котораго искусственно ограничивалось участіе этого населенія въ избраніи Государственной Думы. Не можетъ оставаться непричастной къ земской жизни вся область Вислы, Нѣмана, Виліи и Западнаго Буга.

«Братоубійственной» настоящая война можетъ быть названа не одними поляками. «Разорванными на двое», сражающимися въ противоположныхъ рядахъ являются и литовцы; ихъ много и по ту сторону прусской границы. Въ засѣданіи 26-го іюля представитель русскихъ литовцевъ, какъ и представитель польскаго коло, напомнилъ объ участіи своихъ соплеменниковъ въ былой борьбѣ съ тевтонскимъ орденомъ и выразилъ надежду, что литовцы будутъ соединены подъ однимъ русскимъ знаменемъ. Верховному главнокомандующему членъ Думы Ичасъ представилъ, отъ имени литовскихъ организацій и литовской печати, декларацію, полную воспоминаній о прошломъ и надеждъ на

будущее. «Въ теченіе послѣднихъ вѣковъ—сказано въ этой декларації—литовскій народъ понесъ много жертвъ и потерпѣлъ много перемѣнъ своей судьбы. Несмотря на иноземныя вліянія и на потерю многихъ отрекшихся отъ него, онъ сумѣлъ сохранить свою самобытность и свою культуру. Нынѣ насталъ рѣшительный часъ. Мы снова плечо къ плечу съ русскимъ народомъ вступаемъ въ упорную и тяжелую борьбу съ всепоглощающимъ германизмомъ... Мы вѣримъ, что наши зарубежные братья по крови будутъ освобождены отъ германскаго ига и возсоединены съ нами, ибо историческая миссія Россіи—быть освободительницей народовъ. Россія ихъ соединитъ не ради поглощенія, а для мирнаго, культурнаго сотрудничества». На долю литовцевъ не выпало такого блестящаго прошлаго, какъ то, которымъ гордятся поляки; но сохранивъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, свою національную особенность, создавъ и продолжая создавать свою литературу, они имѣютъ право на самостоятельное развитіе, все равно, осуществится или не осуществится объединеніе, о которомъ они мечтаютъ при шумѣ боя. Крайне печальное впечатлѣніе производитъ, поэтому, отказъ министра внутреннихъ дѣлъ въ разрѣшеніи г. Ичасу издавать газету на литовскомъ языкѣ.

Издавна разорваны на части и малороссы или украинцы; главная ихъ масса живетъ въ Россіи, отдѣльныя, довольно многочисленныя группы—въ Австро-Венгріи. Къ нимъ, какъ къ «русскому народу», обращено второе воззваніе верховнаго главнокомандующаго. Приводимъ его цѣликомъ, какъ и первое.

«Братья!

Творится судъ Божій.

Терпѣливо, съ христіанскимъ смиреніемъ, въ теченіе вѣковъ томился русскій народъ подъ чужеземнымъ игомъ, но ни лестью, ни гоненіемъ нельзя было сломить въ немъ чаяній свободы.

Какъ бурный потокъ рветъ камни, чтобы слиться съ моремъ, такъ нѣтъ силы, которая остановила бы русскій народъ въ его порывѣ къ объединенію.

Да не будетъ больше подъяремной Руси. Достояніе Владиміра Святого, земля Ярослава Осмомысла, князей Даніила и Романа, сбросивъ иго, да водрузитъ стягъ единой, великой, нераздѣльной Россіи.

Да свершится промыселъ Божій, благословившій дѣло великихъ собирателей земли Русской.

Да поможетъ Господь царственному своему помазаннику Императору Николаю Александровичу Всея Россіи завершить дѣло великаго князя Ивана Калиты.

А ты, многострадальная братская Русь, встань на срѣтеніе русской рати.

Освобождаемые русскіе братья!

Всѣмъ вамъ найдется мѣсто на лонѣ Матери Россіи. Не обижая мирныхъ людей, какой бы они ни были народности, не полагая своего счастья въ притѣсненіи иноземцевъ, какъ это дѣлали швабы, обратите мечъ свой на врага, а сердца свои къ Богу съ молитвой за Россію, за Русскаго Царя».

Если до появленія этого воззванія, въ историческій день 26-го іюля не было слышно въ Государственной Думѣ, на-ряду и въ унисонъ съ голосами поляковъ и литовцевъ, голоса депутатовъ отъ малороссійскихъ губерній, то это объясняется особенностями дѣйствующей избирательной системы, оставляющей, въ сущности, безъ представительства массу населенія обширнаго юго-западнаго края. Между тѣмъ, голосу Малороссіи слѣдовало прозвучать громко и внятно уже потому, что въ теченіе многихъ лѣтъ систематически перетолковывались и извращались взгляды и чувства широкихъ слоевъ ея населенія. Распространялись и комментировались на всѣ лады сказки о «мазепинцахъ», о тяготѣніи украинской интеллигенціи къ австрійцамъ, о мысленной ея измѣнѣ отечеству, отъ которой только одинъ шагъ до измѣны въ полномъ смыслѣ этого слова. Умственная и нравственная связь между украинцами по сю и по ту сторону австро-русской границы—связь, укрѣпляемая и углубляемая общностью литературы,—такъ велика, что для зарубежнаго «русскаго народа» чрезвычайно важно знать истинное настроеніе его ближайшихъ родичей въ Россіи. За отсутствіемъ заявленій въ Госуд. Думѣ, на сцену выступила малороссійская печать. «Украинская Жизнь»—журналъ, пользующійся заслуженнымъ авторитетомъ не въ однихъ только малороссійскихъ кругахъ—поспѣшила выпустить экстренный номеръ, озаглавленный: «Война и украинцы». «Въ идеалахъ украинцевъ и въ практическихъ постулатахъ украинскаго общества—читаемъ мы здѣсь,—начиная съ Кириллo-Меѳодіевскаго Братства и вплоть до нашихъ дней, національное развитіе части украинскаго народа, вошедшей въ составъ Россіи, всегда мыслилось въ предѣлахъ послѣдней и въ тѣсномъ союзѣ съ народами, ее населяющими. Желанное разрѣшеніе украинскаго вопроса въ Россіи украинцы не связывали съ авантюристскими построеніями, ставя это разрѣшеніе въ тѣсную зависимость отъ общаго хода развитія общественной жизни Россіи. Благополучіе и развитіе этой жизни мыслилось какъ предпосылка, какъ элементарное conditio sine qua non желаннаго разрѣшенія національнаго вопроса въ Россіи вообще и

украинскаго въ частности... Противники Россіи, конечно, будутъ стараться привлечь украинское населеніе на свою сторону и всякими обѣщаніями, политическими и національными посулами посѣять смуту среди него. Украинцы не поддадутся провокаціоннымъ воздѣйствіямъ и выполнятъ свой долгъ гражданъ Россіи въ это тяжелое время до конца, и не только на полѣ брани, въ рядахъ бранной рати, сражающейся противъ нарушителей мірового мира и права, но и какъ граждане-обыватели, обязанные въ мѣру своихъ силъ и возможностей содѣйствовать успѣшному выполненію русской арміей исключительно отвѣтственной задачи, выпавшей на ея долю» [1]).

Итакъ, «освобождаемые русскіе братья» встрѣтятъ въ населеніи, ближайшемъ къ нимъ по крови и по языку, настроеніе, вполнѣ гармонирующее съ тѣмъ, которымъ проникнуто воззваніе верховнаго главнокомандующаго. Для всѣхъ искусственно разъединенныхъ племенъ, живущихъ по обѣ стороны нашей западной границы, открывается просвѣтъ въ лучшее будущее. Вмѣстѣ съ усиленіемъ шансовъ успѣха на полѣ брани растетъ надежда на безпрепятственное движеніе впередъ въ мирное время.

Когда вопросъ національный, выдвинутый на очередь войною, поставленъ такъ рѣшительно и прямо, какъ въ обоихъ воззваніяхъ верховнаго главнокомандующаго, постановку его не могутъ измѣнить случайныя обстоятельства, столь легко возникающія именно въ военное время. Такою случайностью явилось выступленіе, на австрійскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, галицко-польскихъ сокольскихъ организацій, прибѣгающихъ, вдобавокъ, къ употребленію воспрещенныхъ международными конвенціями разрывныхъ пуль. Именно какъ случайность оно характеризовано и въ объявленіи верховнаго главнокомандующаго отъ 11-го минувшаго августа. Если бы и были возможны какія-либо недоразумѣнія по этому предмету, они были бы устранены заявленіемъ, обнародованнымъ поляками-членами Государственной Думы и Государственнаго Совѣта и польскими общественными дѣятелями. «Польское общественное мнѣніе—гласитъ это заявленіе,—признаетъ людей, принимающихъ участіе въ

---

[1]) Точка зрѣнія, намѣченная въ статьѣ «Украинской Жизни», развита съ большою подробностью и основательностью въ брошюрѣ, недавно изданной редакціею этого журнала подъ заглавіемъ: «Украинскій вопросъ». Она освѣщаетъ всѣ стороны дѣла, сравнительно мало знакомаго широкимъ кругамъ русскаго общества, и готовитъ почву для взаимнаго пониманія, одинаково желаннаго для всѣхъ, кому важно общенародное благо (см. замѣтку объ этой брошюрѣ въ нашемъ „Литературномъ обозрѣніи“.

различныхъ добровольческихъ организаціяхъ, содѣйствующихъ австрійской арміи, безсознательными защитниками германизма, врагами польскаго дѣла и всего славянства. Съ тѣмъ большимъ негодованіемъ польское общественное мнѣніе осуждаетъ пользующихся разрывными пулями».

Закончимъ нашу замѣтку глубоко симпатичными словами редактора одной большой парижской газеты, заимствуемыми нами изъ корреспонденціи г. А. Деренталя, появившейся на-дняхъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 188). Уѣзжая на войну, онъ такъ простился съ своими читателями: «Черезъ три дня я буду уже въ рядахъ моего полка на восточной границѣ. Я не знаю, вернусь ли я оттуда. Но если вернусь, вы можете быть увѣрены, что я не буду такимъ, какимъ вы привыкли видѣть меня все время! На многое у меня сейчасъ открылись глаза. И прежде всего я увидѣлъ, что, несмотря на все различіе нашихъ убѣжденій, мои противники такіе же люди, какъ и я... Такъ же, какъ и я, они любятъ нашу прекрасную родину и такъ же готовы за нее умереть... Я не смогу забыть всего этого, если я вернусь! Я думаю, другіе тоже не забудутъ, и я вѣрю, твердо, искренне вѣрю, что отнынѣ наша будущая жизнь станетъ лучше, чище, возвышеннѣе и свѣтлѣе». Мы убѣждены, что аналогичныя мысли и чувства найдутъ широкое распространеніе и у насъ, какъ между вернувшимися съ войны, такъ и между тѣми, которые оставались по необходимости пассивными, но не равнодушными ея свидѣтелями. Пускай и у насъ многимъ станетъ ясно, что противники—также люди, и не только люди, но и граждане одного и того же государства, имѣющіе право быть не пасынками его, а сынами. Во Франціи призывъ къ справедливости и миру имѣетъ въ виду въ особенности партійныя распри; у насъ онъ долженъ быть направленъ съ не меньшей силой противъ національныхъ предубѣжденій.

К. Арсеньевъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Война и дипломатическіе подлоги.—Безуміе прусскаго милитаризма.—Проявленія массоваго психоза въ Германіи.—Страхъ передъ шпіонами и германскія звѣрства.—Средневѣковые пріемы Вильгельма II и его войскъ.—Упраздненіе международнаго права.—Неизбѣжные практическіе выводы.—Положеніе дѣлъ во Франціи.—Перспективы войны.—Смерть папы Пія X.—Избраніе папы Бенедикта XV.

«Молчатъ законы, когда дѣйствуетъ оружіе»—silent leges inter arma:—это старое латинское изреченіе кажется безцвѣтнымъ и наивнымъ въ примѣненіи къ условіямъ настоящей войны. Правители Германіи, вызвавшіе на бой почти всѣ главные народы культурнаго міра, заставили молчать не только существующіе законы человѣческаго общежитія, не только законы права и этики, но и законы простого здраваго смысла. Какое-то стихійное безуміе овладѣло правящими классами Германіи и Австро-Венгріи.

Въ теченіе нѣсколькихъ роковыхъ дней, по сигналу, данному изъ Берлина и поддержанному Вѣною, подготовлена была величайшая катастрофа, какая могла постигнуть Европу и все человѣчество,—подготовлена умышленно, при помощи лживыхъ ухищреній и грубыхъ дипломатическихъ подлоговъ, съ цѣлью обмануть общественное мнѣніе. Люди, поставленные во главѣ двухъ могущественныхъ имперій, прибѣгли къ завѣдомо недобросовѣстнымъ и даже преступнымъ пріемамъ, чтобы возбудить національныя и патріотическія страсти противъ мирнаго населенія сосѣднихъ странъ. Вильгельмъ II публично обвинялъ Россію въ злостномъ предательствѣ по отношенію къ Германіи и грозилъ «стереть въ порошокъ» Россійскую имперію и ея союзниковъ; газетные листки въ восторженномъ тонѣ повторяли его обвиненія и призывы. Народъ повѣрилъ своему «кайзеру» и лакейскимъ истолкователямъ его словъ, и бросился выражать свои чувства въ отвратительныхъ нападеніяхъ на отдѣльныхъ русскихъ, имѣвшихъ несчастье очутиться на германской территоріи. Вильгельмъ II сознательно говорилъ неправду, извращая факты, которые не могли быть извѣстны публикѣ. Его уличили безспорные документы, напечатанные въ «оранжевой» и «синей» книгахъ. Относительно примирительнаго сербскаго отвѣта на австрійскій ультиматумъ былъ прямо допущенъ оффиціальный подлогъ, какъ мы указывали уже въ прошломъ нашемъ обозрѣніи: подлинный, безусловно миролюбивый и покорный отвѣтъ былъ замѣненъ австрійцами краткимъ сообщеніемъ о категорическомъ отказѣ

Сербіи исполнить предъявленныя ей требованія. Какъ видно изъ нашей «оранжевой» книги, оффиціальныя телеграммы изъ Бѣлграда съ изложеніемъ содержанія сербской ноты нарочно задерживались австрійскимъ правительствомъ; депеша въ Парижъ шла двадцать часовъ, а нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ получилъ возможность ознакомиться съ сербскимъ отвѣтомъ только на третій день, 14-го іюля, т. е. черезъ два дня послѣ состоявшагося уже разрыва дипломатическихъ сношеній между Австріею и Сербіей. Русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Берлинѣ телеграфировалъ 15-го числа, что «здѣшнее бюро Вольфа не напечатало сообщеннаго ему текста сербской отвѣтной ноты, и пока таковой полностью не появился ни въ одной изъ мѣстныхъ газетъ, повидимому не желающихъ давать ему мѣсто на своихъ столбцахъ въ сознаніи того отрезвляющаго впечатлѣнія, которое онъ бы произвелъ въ германскихъ читающихъ кругахъ». Мы уже знаемъ, что это нежеланіе оглашать текстъ сербской ноты имѣло вполнѣ установленную оффиціальную причину: ложное свѣдѣніе объ отрицательномъ отвѣтѣ Сербіи было уже оглашено въ манифестѣ императора Франца-Іосифа и усердно распространялось оффиціозными органами Вѣны и Берлина.

Этотъ дипломатическій подлогъ, придуманный для оправданія войны, далеко оставляетъ за собою знаменитую исторію эмской депеши, слегка поддѣланной Бисмаркомъ передъ началомъ франко-прусской кампаніи. Вопросъ объ эмской депешѣ 1 (13) іюля 1870 года вызвалъ въ свое время много шума и занялъ уже соотвѣтствующее мѣсто въ исторіи внѣшней политики Пруссіи; но въ сущности тогда прямой поддѣлки не было, а было только нѣкоторое измѣненіе редакціи, въ связи съ сокращеніемъ текста, при чемъ получился болѣе рѣзкій оттѣнокъ въ описаніи послѣднихъ сношеній короля Вильгельма I съ французскимъ посланникомъ, графомъ Бенедетти, въ Эмсѣ. Депеша, полученная Бисмаркомъ отъ завѣдывавшаго личнымъ кабинетомъ короля, Абекена, не имѣла значенія оффиціальнаго документа и заключала въ себѣ только отчетъ о происходившихъ въ Эмсѣ дипломатическихъ переговорахъ, съ предоставленіемъ канцлеру права «сообщить посланникамъ и печати о новыхъ требованіяхъ Бенедетти и объ отклоненіи ихъ». Бисмаркъ воспользовался этимъ правомъ и разослалъ депешу съ краткимъ изложеніемъ фактовъ, которое само по себѣ могло считаться вѣрнымъ, но имѣло видъ оскорбительнаго отвѣта на назойливыя и высокомѣрныя приставанія французской дипломатіи. Теперь самые факты представлены въ превратномъ видѣ, и подлогъ касается иностранной дипломатической ноты, имѣвшей рѣшающее значеніе для вопроса о мирѣ или войнѣ.

Такіе обманные способы воздѣйствія на общественное мнѣніе

могутъ временно имѣть успѣхъ, вызывая соотвѣтственные патріотическіе порывы въ народѣ; но обманъ неизбѣжно раскрывается и не проходитъ безслѣдно для его виновниковъ даже въ случаѣ полнаго торжества затѣяннаго ими дѣла. Князь Бисмаркъ въ своихъ воспоминаніяхъ оправдывалъ тенденціозное сокращеніе эмской депеши тѣмъ обстоятельствомъ, что нельзя было избѣжать войны съ императорскою Франціею и, по авторитетному мнѣнію графа Мольтке и военнаго министра Роона, лучше было воевать немедленно, чѣмъ откладывать развязку до другого времени. Наполеонъ III, занимавшій до второй половины шестидесятыхъ годовъ первенствующее положеніе въ Европѣ дѣйствительно ставилъ преграды германскому объединенію подъ главенствомъ Пруссіи, и сломить его могущество было необходимо для осуществленія національныхъ плановъ Бисмарка. Такого оправданія не было и нѣтъ у нынѣшнихъ правителей Германіи и Австро-Венгріи: никто не угрожалъ ни нѣмцамъ, ни австрійцамъ; въ Европѣ господствовалъ полный миръ, когда, по выраженію германскаго посла въ Парижѣ фонъ-Шена, «выпущена была Австріей стрѣла», побудившая Германію зажечь опустошительный пожаръ міровой войны. Съ точки зрѣнія здраваго смысла остается совершенно непонятнымъ, почему изъ-за австрійскаго проекта карательной экспедиціи противъ Сербіи германское правительство предприняло грандіозное нападеніе на Россію и Францію, обрушилось на Бельгію, вызвало на бой Англію, подняло противъ себя Японію, рискуя потерять всѣ свои колоніальныя владѣнія и уничтожить свою міровую торговлю. Нѣмецкіе патріоты объясняли, что необходимость воевать вызвана для Германіи опасеніемъ возростающаго военнаго могущества Россіи, которое черезъ два-три года могло бы доставить перевѣсъ державамъ тройственнаго согласія надъ силами тройственнаго союза. Чтобы предупредить будущія предполагаемыя опасности, нѣмцы рѣшили погубить себя и другихъ заблаговременно; изъ страха утонуть они бросились въ воду. Дѣйствовать такимъ образомъ можно только въ состояніи умственнаго разстройства.

На чемъ держалось и отъ чего зависѣло мирное существованіе великихъ культурныхъ націй—это мы ясно видѣли въ тотъ день, когда Вильгельмъ II, причастившись св. тайнъ, взялъ на себя роль новаго Наполеона или Тамерлана. Онъ сдѣлалъ знакъ—и его народъ, казалось бы столь добросовѣстный, трудолюбивый и образованный, внезапно превратился въ кровожадную, разрушительную силу, готовую истреблять огнемъ и мечомъ мирныя поселенія сосѣднихъ странъ. Царство крови и желѣза водворилось въ значительной части Европы, и прусскій милитаризмъ раскрылъ себя во всей своей наготѣ передъ цѣлымъ міромъ. Мы привыкли смотрѣть на милитаризмъ, какъ на неизбѣжное зло при совре-

менномъ характерѣ европейскихъ государствъ и существующихъ между ними отношеній; мы разсуждали о вредныхъ послѣдствіяхъ милитаризма, объ его пагубномъ вліяніи на народное хозяйство и на народную психику, но упускали изъ виду его собственную психологическую основу, его зловредную внутреннюю сущность, дѣлающую его опаснѣйшимъ врагомъ и бичемъ культурнаго человѣчества. Арміи и связанныя съ ними военныя учрежденія существуютъ повсюду, но милитаризмъ въ томъ видѣ, какъ онъ выработался и господствуетъ въ Пруссіи и Германіи, есть исключительная принадлежность германской жизни, продуктъ спеціальныхъ традицій и условій политическаго строя прусской монархіи, наложившей свое ярмо на всю Германію. Основная черта его—принципъ безусловнаго господства грубой физической силы въ вопросахъ войны и мира, полное отрицаніе всякихъ моральныхъ и правовыхъ нормъ предъ лицомъ «бронированнаго кулака», воплощеннаго въ арміи и въ управляющихъ ею лицахъ. Германская нація въ теченіе ряда поколѣній проходила школу прусской военной службы, гдѣ ей старательно прививали культъ силы въ самыхъ рѣзкихъ ея формахъ и проявленіяхъ. Все должно было склоняться передъ требованіями военнаго вѣдомства и соображеніями военныхъ спеціалистовъ—не потому, что эти требованія и соображенія предписывались нуждами и выгодами государства, а потому, что они вытекали изъ спеціальныхъ свойствъ прусско-германской военной организаціи. Для господствующаго военнаго класса государство было только орудіемъ, а не цѣлью; военные дѣятели подготовляли и устраивали войну въ силу обязанностей своего призванія и своей профессіи, а вовсе не потому, что война нужна для достиженія какихъ-либо національныхъ и политическихъ цѣлей. Стремленіе къ войнѣ и постоянная ея подготовка при всякихъ вообще международныхъ обстоятельствахъ, независимо отъ разумныхъ задачъ внѣшней политики, составляютъ вторую характерную черту односторонняго прусскаго милитаризма. Война становится самостоятельною цѣлью, а не средствомъ для защиты и огражденія насущныхъ интересовъ государства. И если вся политическая власть находится фактически въ рукахъ руководителей арміи, и если они же вдохновляютъ и направляютъ дипломатію, то въ каждый данный моментъ можетъ оказаться, что немедленная война съ будущимъ вѣроятнымъ противникомъ вызывается настоятельными военными соображеніями, хотя бы для нея не было никакихъ реальныхъ или правдоподобныхъ мотивовъ.

Самая идея о скорѣйшемъ разгромѣ возможнаго соперника или противника, пока онъ не усилился до опасной степени, есть идея чисто-прусская, порожденная одностороннимъ господствомъ милитаризма. Предлагать накинуться на сосѣда, чтобы обезопасить себя отъ

будущихъ его посягательствъ или отъ его конкурренціи, пока онъ еще не дорось до нашего уровня, — значитъ, очевидно, переносить въ современную Европу взгляды и нравы средневѣкового разбойничьяго рыцарства. Разсуждая такимъ образомъ, всѣ народы должны были бы поочередно избивать и разорять другъ друга, и ни одна страна не могла бы спокойно развиваться и усиливать свои культурныя и промышленныя связи съ сосѣдними государствами. Если бы Англія раздѣляла прусскіе взгляды, она должна была бы уже давно предпринять войну противъ Германіи, чтобы своевременно уничтожить ея соперничество на моряхъ и помѣшать чрезмѣрному увеличенію ея военнаго флота; однако, англичане довольствовались только соотвѣтственнымъ усиленіемъ и обезпеченіемъ своего собственнаго морского могущества, хотя и видѣли ясно, что лихорадочныя морскія усилія Германіи направлены къ злонамѣренной цѣли—къ будущему нападенію на Англію. Такъ же точно и въ Россіи никто не безпокоился бы о промышленныхъ успѣхахъ и колоніальныхъ пріобрѣтеніяхъ Германіи, если бы она постоянно не угрожала намъ своими непрерывно возрастающими вооруженіями, направленными одновременно противъ Россіи и противъ Франціи.

Приписывать французамъ намѣреніе напасть на Германію казалось нелѣпостью въ глазахъ самихъ нѣмцевъ, увѣренныхъ въ военной слабости Франціи и въ непригодности ея республиканскаго строя для воинственныхъ внѣшнихъ предпріятій. Франція думала и думаетъ лишь о своей защитѣ отъ непримиримаго и безпощаднаго врага, не только отнявшаго у нея двѣ провинціи, но съ тѣхъ поръ съ непонятною злобою подстерегавшаго каждый ея шагъ для новой убійственной борьбы. Вся Европа находилась въ постоянной тревогѣ только потому, что въ Германіи вѣчно готовились къ войнѣ и изъ года въ годъ увеличивали свои вооруженныя силы до колоссальныхъ размѣровъ, прибѣгая для этого къ совершенно исключительнымъ финансовымъ мѣрамъ, предполагающимъ неминуемость скораго взрыва. Сорокъ три года Германія ни съ кѣмъ не воевала; вся континентальная Европа добровольно и молчаливо подчинялась ея главенству, которое долго поддерживалось авторитетомъ и разсчетливою политикою Бисмарка. Знаменитый канцлеръ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что ему приходилось постоянно бороться съ вліятельною военною партіею, убѣждавшею монарха не слушаться дипломатіи и тотчасъ же приступить къ исполненію того или другого военнаго плана; двадцать лѣтъ онъ прямо или косвенно возставалъ противъ такъ называемыхъ предупредительныхъ войнъ, и только впослѣдствіи эта идея предупрежденія была прочно усвоена высшими военными сферами Германіи. Теперь она пущена въ ходъ, и весь безсмысленный ужасъ ея обрушился на милліоны ни въ чемъ неповинныхъ людей, на мирное населеніе передовыхъ культурныхъ странъ, на ихъ города и села.

Посыпались грозные ультиматумы; объявленія войны слѣдовали одно за другимъ, начиная съ германскихъ по адресу Россіи и Франціи, отъ 19-го іюля, и кончая японскимъ противъ Германіи, отъ 3 (16) августа. Такого скопленія страшныхъ катастрофъ въ короткій десятидневный срокъ—и притомъ катастрофъ безпричинныхъ, ничѣмъ реальнымъ не вызванныхъ,—не бывало во всемірной исторіи. Вильгельмъ II и его военные совѣтники осуществили мечту, которую лелѣяли четверть вѣка: они наконецъ достигли той боевой готовности, какая требовалась для одновременной «предупредительной» борьбы противъ нѣсколькихъ могущественныхъ государствъ. Въ Европѣ мирились съ безуміемъ прусскаго милитаризма, пока оно выражалось лишь въ болѣзненной погонѣ за новыми вооруженіями и въ разорительныхъ тратахъ по военно-морскому вѣдомству; но правительства и народы съ ужасомъ убѣдились, что эти многолѣтнія приготовленія, дѣйствительно, разсчитаны были на войну съ тѣми державами, которыя не подчиняются Германіи и хотятъ сохранить свою самостоятельность во внѣшней политикѣ. Еще худшее увидѣла Европа, когда милліонныя германскія арміи ворвались въ нейтральную Бельгію и стали исполнять неслыханно-звѣрскія распоряженія Вильгельма II, когда изъ разныхъ мѣстностей, занятыхъ его войсками, пришли ужасающія вѣсти о систематическомъ добиваніи раненыхъ на полѣ битвы, о разрушеніи беззащитныхъ городовъ, объ организованныхъ разбояхъ и грабежахъ, о захватѣ и разстрѣлѣ заложниковъ, объ убійствахъ стариковъ, женщинъ и дѣтей. Безумная мечта о всемірномъ владычествѣ выразилась въ дѣйствіяхъ, которыя нельзя назвать иначе, какъ актами буйнаго помѣшательства. Правители, располагающіе милліонными арміями и всевозможными новѣйшими орудіями разрушенія, желали запугать чужіе народы путемъ массоваго террора, заставить не только Бельгію, но и Англію и Россію преклониться предъ германскимъ могуществомъ и отказаться отъ дальнѣйшаго сопротивленія. Это желаніе навести страхъ на такія державы, какъ Англія и Россія,—очевидно, продуктъ больного ума.

Удивительнѣе всего та легкость, съ какою кровавый психозъ Вильгельма II и его приближенныхъ былъ усвоенъ широкими кругами нѣмецкаго населенія и почти всею германскою прессою. Германія оказалась насквозь проникнутою идеями и чувствами надменной оффиціальной военщины; нѣмцы серьезно увѣровали въ необходимость покончить съ Россіею, чтобы обезпечить за ними прочный миръ, связанный съ спокойнымъ владычествомъ германцевъ на ближнемъ Востокѣ. Ненависть къ русскимъ и вообще къ иностранцамъ, мѣшающимъ исполненію великолѣпныхъ германскихъ плановъ, приняла въ моментъ объявленія войны форму какого-то повальнаго дикаго психоза. Зажи-

гательныя фразы Вильгельма II, суровые приказы властей и безсовѣстныя заявленія печати вызвали такой разгулъ злобныхъ инстинктовъ, какого нельзя было ожидать отъ культурной германской націи даже по отношенію къ злѣйшимъ и несомнѣннымъ врагамъ. Русскіе, захваченные этой волною германской ненависти, доказали свое дружелюбное и довѣрчивое отношеніе къ нѣмцамъ самымъ фактомъ своего пребыванія въ германскихъ и австрійскихъ курортахъ, изъ которыхъ многіе процвѣтали, главнымъ образомъ, благодаря обилію пріѣзжихъ изъ Россіи. Больные или ищущіе отдыха русскіе, привыкшіе, по традиціи, посѣщать благоустроенные нѣмецкіе курорты, считались, по видимому, желанными гостями для обогащаемыхъ ими мѣстныхъ обывателей, хозяевъ отелей, пансіоновъ и виллъ. Какіе же они враги? Почему съ такимъ ожесточеніемъ набросились на нихъ нѣмцы всякаго званія, пользуясь ихъ беззащитностью въ чужой странѣ? За что германскія и австрійскія власти подвергали ихъ всевозможнымъ оскорбленіямъ, издѣвательствамъ и насиліямъ? Сотни и тысячи нашихъ молодыхъ людей ежегодно отправлялись въ Германію для изученія разныхъ наукъ и искусствъ; наши начинающіе ученые обязательно доканчивали свою подготовку къ научной дѣятельности въ германскихъ университетахъ, и еще недавно г. Кассо довѣрилъ нѣмецкимъ профессорамъ образованіе новой школы русскихъ университетскихъ преподавателей взамѣнъ устраненныхъ самостоятельныхъ ученыхъ, провинившихся, будто бы, въ излишнемъ либерализмѣ. Оффиціальная Россія вообще относилась къ германской имперіи съ почтительнымъ вниманіемъ, обращаясь къ ней нерѣдко за совѣтами и указаніями. Въ экономическомъ отношеніи нѣмецкій народъ извлекалъ огромныя выгоды изъ промышленныхъ и торговыхъ связей съ Россіею; нѣмцы издавна пользовались у насъ разными льготами и преимуществами во всѣхъ областяхъ хозяйственной и общественной жизни, имѣли широкій доступъ къ вліятельнымъ сферамъ и устраивали у насъ свои дѣла безъ всякихъ стѣсненій. Откуда же у нихъ это внезапное озлобленіе противъ Россіи и русскихъ?

Это озлобленіе возникло прежде всего подъ вліяніемъ паники, вызванной страшнымъ призракомъ войны, и нашло пищу въ нелѣпыхъ оффиціальныхъ и газетныхъ утвержденіяхъ, что всѣ находящіеся въ Германіи русскіе, даже женщины и дѣти, занимаются шпіонствомъ. Взрывъ отчаянія по поводу войны, жажда мести ея мнимымъ виновникамъ, давнишнее презрѣніе къ Россіи, какъ къ «варварской» странѣ,—все это слилось воедино съ чувствомъ безотчетнаго страха передъ вездѣсущими шпіонами. Въ каждомъ русскомъ, кто бы онъ ни былъ, видѣли скрытаго или явнаго врага и лазутчика. Болѣзненный страхъ шпіонства получилъ характеръ какой-

то психической эпидеміи, охватившей населеніе одновременно въ Германіи и Австріи. Толпы народа съ гикомъ и свистомъ окружали несчастныхъ русскихъ туристовъ, которыхъ подъ конвоемъ водили по улицамъ разныхъ нѣмецкихъ городовъ подъ предлогомъ подозрѣнія въ шпіонствѣ; имъ наносили удары, плевали въ лицо, ихъ запирали на цѣлыя недѣли въ вонючіе сараи, женщинъ вмѣстѣ съ мужчинами, не позволяя имъ выходить ни на минуту; багажъ и вещи выбрасывались на улицу, деньги при обыскѣ отнимались, множество ни въ чемъ неповинныхъ людей, женщинъ и дѣтей объявлялось какъ бы внѣ закона. Мѣстные обыватели соперничали съ военными властями въ жестокомъ преслѣдованіи русскихъ; изъ санаторій выгоняли больныхъ на улицу, наложенныя повязки срывались для провѣрки, нѣтъ ли подъ ними секретныхъ документовъ, даже родильницъ заставляли выѣзжать немедленно. Нѣмецкія тюрьмы были переполнены арестованными русскими, при чемъ жены отдѣлялись отъ мужей, матери—отъ дѣтей; кормили ихъ чернымъ хлѣбомъ и грязной похлебкой, взимая за это плату, какъ за хорошій пансіонъ. Сами исполнители нелѣпыхъ распоряженій не знали, что̀ дѣлать съ этими массами иностранцевъ, которыхъ почему-то приняли за преступниковъ. Нѣкоторые, послѣ долгихъ мытарствъ, приводились въ помѣщеніе военнаго суда, гдѣ ихъ прежде всего спрашивали, зачѣмъ они пріѣхали въ Германію—и многіе дѣйствительно затруднялись отвѣчать, такъ какъ ссылка на простое желаніе отдыха или на необходимость поправленія здоровья могла бы показаться неправдоподобною. Сами нѣмцы какъ будто давали нашимъ туристамъ понять, что для отдыха и поправленія здоровья найдется достаточно хорошихъ мѣстъ въ Россіи и что нѣтъ никакой надобности безпокоить для этого чужое государство. Погоня за мнимыми шпіонами и безсмысленное преслѣдованіе русскихъ подданныхъ происходили одинаково и въ Австріи, гдѣ, между прочимъ, задержанъ и нашъ М. М. Ковалевскій, проходившій обычный курсъ леченія въ Карлсбадѣ; какіе-то невѣжественные австрійскіе офицеры подвергли его обыску и вывели заключеніе, что его нельзя выпустить изъ австрійскихъ предѣловъ. Ни возрастъ, ни болѣзнь, ни европейское имя арестованнаго не принимаются во вниманіе, ибо мотивы здраваго смысла потеряли, очевидно, свою силу. Часто нѣмецкія власти обвиняли въ измѣнѣ и задерживали какъ преступниковъ своихъ собственныхъ согражданъ только потому, что они знали хорошо русскій языкъ и долго жили въ Россіи, гдѣ исполняли даже обязанности германскихъ консуловъ; въ то же время изъ русскихъ подданныхъ признавались особенно подозрительными тѣ, которые слишкомъ хорошо говорили по-нѣмецки. Эти фантастическіе поиски русскаго шпіонства были, конечно, придуманы сверху, съ цѣлью при

чиненія возможно большихъ непріятностей Россіи и русскому народу; оттого и возмутительныя издѣвательства надъ русскими производились повсюду съ одинаковымъ напряженіемъ, по одному общему плану, при видимомъ сочувствіи нѣмецкой публики и нѣмецкой печати. Идея этого плана была дана Вильгельмомъ II. Цѣлый мѣсяцъ продолжалась эта дикая травля многихъ тысячъ русскихъ путешественниковъ и ихъ семействъ, оставшихся безъ средствъ и лишенныхъ возможности дать о себѣ свѣдѣнія своимъ роднымъ и близкимъ. Въ концѣ концовъ надо было какъ-нибудь практически разрѣшить вопросъ о судьбѣ задержанныхъ иностранцевъ, тѣмъ болѣе, что хулиганское обращеніе съ ними германскихъ и австрійскихъ властей вызывало горячіе протесты въ нейтральныхъ государствахъ и особенно въ Соединенныхъ Штатахъ. Испанское правительство, взявшее на себя заботу о русскихъ подданныхъ въ предѣлахъ Германіи и Австро-Венгріи, поручило своему послу въ Берлинѣ 7 (20) августа выразить германскому правительству свое сожалѣніе по поводу того, что «подданнымъ воюющихъ съ Германіей государствъ, не исключая стариковъ, больныхъ и дѣтей, вслѣдствіе распоряженій военныхъ властей, все еще не разрѣшается выѣхать изъ Германіи». Послу было отвѣчено, что и «германское правительство сожалѣетъ объ этомъ, но что суровымъ мѣрамъ, неизбѣжнымъ во время войны, подвергаются и германскіе подданные въ непріятельскихъ странахъ»; впрочемъ, правительство заявило, что оно уже «предприняло шаги къ тому, чтобы по возможности отмѣнить многія незаслуженныя суровыя мѣры». Это лицемѣрное заявленіе, разумѣется, совершенно противорѣчитъ фактамъ: нигдѣ, кромѣ Германіи, не арестовывали курортныхъ больныхъ, женщинъ и дѣтей, и не держали ихъ по цѣлымъ недѣлямъ въ вонючихъ стойлахъ; и эти безумно-злобныя мѣры ни въ какомъ случаѣ не могли считаться неизбѣжными съ наступленіемъ войны. Только десять дней спустя послѣ даннаго испанскому послу обѣщанія, 17 (30) августа, опубликовано было въ Берлинѣ слѣдующее оффиціальное сообщеніе: «Подданнымъ непріятельскихъ государствъ отнынѣ разрѣшается выѣздъ изъ Германіи, поскольку такой выѣздъ разрѣшается германскимъ подданнымъ изъ упомянутыхъ непріятельскихъ государствъ. Такимъ образомъ, русскіе подданные, не подлежащіе призыву подъ знамена, могутъ теперь же выѣхать за границу, при чемъ выѣзду ихъ черезъ Данію и Швецію будетъ оказано всевозможное содѣйствіе». Въ нашихъ газетахъ отъ 23 августа было напечатано, что «между императорскимъ (русскимъ) и германскимъ правительствами состоялось соглашеніе, въ силу котораго разрѣшается выѣздъ русскихъ подданныхъ изъ Германіи и германскихъ подданныхъ изъ Россіи за исключеніемъ офицеровъ, какъ

состоящихъ на службѣ, такъ и числящихся въ отставкѣ, лицъ отъ 17 до 45 лѣтъ отъ роду, а также лицъ подозрительныхъ». Такъ окончилась съ формальной стороны печальная исторія русскихъ любителей заграничныхъ путешествій; но бѣдствія и обиды, причиненныя нѣмцами русскому обществу безъ всякаго смысла и основанія, оставили неизгладимый слѣдъ въ русскомъ общественномъ мнѣніи.

При самомъ началѣ войны Германія ясно показала, что нормы международнаго права для нея не существуютъ. Германское правительство твердо держалось того принципа, что при превосходствѣ силы нѣтъ надобности соблюдать какое бы то ни было право. Съ нашей стороны были своевременно опубликованы тѣ правила, которыми Россія обязалась руководствоваться во время настоящей кампаніи.

Высочайшимъ указомъ 1-го августа было повелѣно:

«I. Дѣйствіе всякихъ льготъ и преимуществъ, предоставленныхъ подданнымъ непріятельскихъ государствъ договорами или началами взаимности, прекратить. Задержать подданныхъ непріятельскихъ государствъ, какъ состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ, такъ и подлежащихъ призыву, въ качествѣ военноплѣнныхъ. Предоставить подлежащимъ властямъ высылать подданныхъ означенныхъ государствъ, какъ изъ предѣловъ Россіи, такъ и изъ предѣловъ отдѣльныхъ ея мѣстностей, а равно подвергать ихъ задержанію и водворенію въ другія губерніи и области. Въѣздъ въ Россію подданныхъ непріятельскихъ государствъ допустить лишь съ особаго въ каждомъ случаѣ разрѣшенія подлежащей власти.

«II. Задержать торговыя суда непріятельскихъ государствъ, застигнутыя войною въ русскихъ портахъ. Тѣ изъ числа упомянутыхъ судовъ, постройка коихъ указываетъ, что они предназначены для обращенія въ военныя, подвергнуть конфискаціи въ порядкѣ, установленномъ въ положеніи о морскихъ призахъ, на общемъ основаніи ст. 10 этого положенія.

«III. Предоставить подданнымъ нейтральныхъ государствъ безпрепятственно продолжать торговыя сношенія съ русскими портами и городами, подъ условіемъ соблюденія распоряженій военныхъ или военно-морскихъ властей.

«IV. Соблюдать подъ условіемъ взаимности, сверхъ установленныхъ въ законѣ на случай войны правилъ, постановленія нижеслѣдующихъ международныхъ договоровъ: 1) парижской морской декларації 4 (16) апрѣля 1856 года; 2) петроградской декларації 29 ноября (11 декабря) 1868 года объ исключеніи изъ употребленія взрывчатыхъ пуль; 3) декларацій, подписанныхъ на первой конференціи мира въ Гаагѣ 17 (29) іюля 1899 года, а именно: о неупотребленіи снарядовъ, имѣющихъ единственнымъ назначеніемъ распространить удушающіе или вредоносные

газы, и о неупотребленіи пуль, легко разворачивающихся или сплющивающихся въ человѣческомъ тѣлѣ, къ каковымъ относятся оболочныя пули, коихъ твердая оболочка не покрываетъ всего сердечника или имѣетъ надрѣзы; 4) женевской конвенціи 23 іюня (6 іюля) 1906 г. объ улучшеніи во время сухопутной войны участи раненыхъ и больныхъ воиновъ; 5) договоровъ, подписанныхъ на второй конференціи мира въ Гаагѣ 5 (18) октября 1907 года, а именно: конвенціи о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны; о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ державъ и лицъ въ случаѣ сухопутной войны; о положеніи непріятельскихъ торговыхъ судовъ при началѣ военныхъ дѣйствій; объ обращеніи торговыхъ судовъ въ суда военныя; о бомбардированіи морскими силами во время войны; о примѣненіи къ морской войнѣ началъ женевской конвенціи и о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ державъ въ случаѣ морской войны».

Всѣ перечисленныя въ этомъ указѣ конвенціи подписаны и Германіею и Австро-Венгріею, но названныя державы считали излишнимъ вспомнить объ ихъ существованіи; онѣ просто рѣшили отбросить въ сторону всякія обязательства, вытекающія изъ общепринятыхъ положеній международнаго права. Въ силу конвенціи 1907 года о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны, воюющему государству «запрещается принуждать населеніе занятой мѣстности давать свѣдѣнія объ арміи противника или объ его средствахъ обороны» (ст. 44). Честь и права семейныя, жизнь отдѣльныхъ лицъ и частная собственность, равно какъ и религіозныя убѣжденія и отправленіе обрядовъ вѣры, должны быть уважаемы; частная собственность не подлежитъ конфискаціи (ст. 46). Грабежъ безусловно воспрещается (ст. 47). Если непріятель взимаетъ въ занятой имъ области установленные въ пользу государства налоги, пошлины и денежные сборы, то онъ обязанъ дѣлать это, по возможности сообразуясь съ существующими правилами обложенія и раскладки ихъ, при чемъ на него ложится проистекающая отсюда обязанность нести расходы по управленію занятою областью, въ размѣрахъ, въ коихъ обязывалось къ тому законное правительство (ст. 48). Взысканіе непріятелемъ въ занятой имъ области другихъ денежныхъ сборовъ, сверхъ упомянутыхъ выше, допускается только на нужды арміи или управленія этой областью (ст. 49). Никакое общее взысканіе, денежное или иное, не можетъ быть налагаемо на все населеніе за тѣ дѣянія единичныхъ лицъ, въ которыхъ не можетъ быть усмотрѣно солидарной отвѣтственности населенія (ст. 50). «Собственность общинъ, учрежденій церковныхъ, благотворительныхъ и образовательныхъ, художественныхъ и научныхъ, хотя бы принадлежащихъ государству, приравнивается къ частной собственности. Всякій преднамѣренный захватъ, истребленіе

или поврежденіе подобныхъ учрежденій, историческихъ памятниковъ, произведеній художественныхъ и научныхъ, воспрещаются и должны подлежать преслѣдованію» (ст. 56). Приблизительно такія же правила установлены были еще брюссельскою конференціею 1874 года. Брать въ плѣнъ можно только военныхъ, принадлежащихъ къ непріятельской арміи, или вооруженныхъ добровольцевъ, а никакъ не безоружныхъ жителей или женщинъ; шпіономъ можетъ быть признаваемо «только такое лицо, которое, дѣйствуя тайнымъ образомъ и подъ разными ложными предлогами, собираетъ или старается собрать свѣдѣнія въ мѣстности, занятой непріятелемъ, съ намѣреніемъ сообщить ихъ противной сторонѣ; лазутчикъ, пойманный на мѣстѣ, подлежитъ наказанію не иначе, какъ по суду».

Нѣтъ ни одного изъ приведенныхъ правилъ, которое не было бы грубѣйшимъ образомъ нарушено руководителями германскихъ и австрійскихъ армій. Военные дѣятели обѣихъ союзныхъ имперій задались преступною мыслью возстановить старинные варварскіе пріемы безпощадной борьбы, съ цѣлью устрашенія противниковъ. У взятыхъ въ плѣнъ австрійцевъ найдены сербскими властями особыя инструкціи, какъ австрійскія войска должны поступать съ сербами. Въ этихъ приказахъ, напечатанныхъ сербскимъ бюро печати, говорится буквально слѣдующее: «Всѣ лица, обнаруженныя на сербской территоріи не въ военномъ платьѣ, но съ оружіемъ въ рукахъ, должны быть немедленно убиты. Тѣ австрійскіе солдаты, которые будутъ уличены въ несоблюденіи этого приказа, подлежатъ самому строгому наказанію. Австрійскія войска, вступая въ сербскую деревню, должны захватить немедленно заложниковъ, главнымъ образомъ священниковъ, учителей и землевладѣльцевъ. Если въ деревнѣ, въ которой были взяты заложники, раздастся выстрѣлъ, то всѣ заложники должны быть немедленно преданы смертной казни. Австрійскія войска, вступая въ деревню, должны подвергать обыску всѣ дома, и если въ таковыхъ окажется оружіе, то они должны быть немедленно разрушены. Если обитатели домовъ, въ которыхъ будетъ найдено оружіе, окажутся скрывшимися, то слѣдуетъ захватить другихъ жителей той же деревни, и если они откажутся дать свѣдѣнія о бѣжавшемъ населеніи, немедленно всѣхъ повѣсить. Всякій сербъ, который будетъ встрѣченъ за городомъ и особенно въ лѣсахъ, долженъ быть разсматриваемъ какъ членъ банды, который лишь скрылъ гдѣ-либо свое оружіе. Всякій житель, на котораго падетъ подозрѣніе, что онъ скрываетъ или не желаетъ выдать оружія, долженъ быть убитъ на мѣстѣ. Необходимо во всѣхъ мѣстностяхъ, которыя заняты, или будутъ заняты нашими войсками, брать заложниковъ. Эти заложники должны находиться въ распоряженіи войскъ, и въ случаѣ, если населеніе

позволитъ себѣ нападеніе на нашихъ солдатъ или измѣну, то эти заложники должны быть немедленно преданы смерти, а ихъ селенія—огню».

Подобныя же инструкціи имѣлись, очевидно, и въ германскихъ войскахъ. Нѣмецкіе отряды, вступившіе въ городъ Калишъ, свирѣпствовали въ немъ почти цѣлую недѣлю, съ 20 по 27 іюля, подъ начальствомъ коменданта Прейскера. Какой-то караульный солдатъ, испугавшись чего-то ночью, сталъ стрѣлять въ темнотѣ; началась безпорядочная общая стрѣльба по городу, и въ наказаніе за эту панику комендантъ на слѣдующее утро приступилъ къ бомбардировкѣ и подвергъ городъ полному разгрому; солдатамъ предоставлено было убивать и грабить жителей, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей. Самъ Прейскеръ велѣлъ разстрѣлять губернскаго казначея Соколова за то, что до прихода прусскихъ войскъ онъ исполнилъ распоряженіе своего законнаго начальства о сожженіи наличныхъ суммъ мѣстнаго казначейства. Этотъ преступный комендантъ дѣйствовалъ уже не какъ военный, принадлежащій къ составу регулярной арміи, а какъ бандитъ, подлежащій уголовному суду. Пока еще не было извѣстій о томъ, что Прейскеръ арестованъ и отданъ подъ судъ, и едва-ли получится такое извѣстіе, если онъ случайно не попадется въ руки русскихъ властей. Ужасъ именно въ томъ, что Прейскеры являются лишь исполнителями приказовъ Вильгельма II и его генераловъ. То, что натворилъ Прейскеръ въ Калишѣ, сдѣлалъ позднѣе самъ Вильгельмъ II въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ въ Бельгіи, распорядившись «сравнять съ землею» городъ Лувенъ со всѣми его художественными сокровищами, изящными старинными зданіями и богатѣйшею библіотекою,—въ отместку за взаимную стрѣльбу растерявшихся нѣмецкихъ солдатъ, которые потомъ приписали неправильно произведенные выстрѣлы мѣстнымъ городскимъ обывателямъ. Жутко читать оффиціальное сообщеніе бельгійскаго министерства отъ 15 (28) августа: «Во вторникъ (25 авг.) бельгійцы разбили германскій корпусъ, который отступилъ въ безпорядкѣ къ Лувену. Германскіе отряды, охранявшіе входъ въ городъ, открыли огонь по своимъ же войскамъ, принявъ ихъ за бельгійцевъ. Впослѣдствіи германцы стали утверждать, что не ихъ войска, а жители города Лувена стрѣляли въ нѣмцевъ, несмотря на то, что все населеніе было обезоружено уже недѣлю тому назадъ. Не произведя никакого разслѣдованія, командующій германскими силами объявилъ, что городъ будетъ немедленно разрушенъ. Жителямъ было приказано покинуть дома. Мужчины были заключены въ тюрьму, а женщины и дѣти увезены неизвѣстно куда. Затѣмъ солдаты подожгли съ разныхъ сторонъ лувенскій соборъ св. Петра; кромѣ того, сожжены университетская библіотека и разныя научныя

учрежденія. Нѣсколько гражданъ разстрѣляно. Однимъ словомъ, отъ города въ 45 тысячъ жителей, бывшаго умственнымъ центромъ культурнѣйшей страны съ XV-го столѣтія, нынѣ осталось одно лишь пепелище». Такіе акты безумнаго вандализма не могутъ и не должны пройти безнаказанно для его виновниковъ. Разрушеніе цѣлаго города за мнимую провинность отдѣльныхъ его жителей, даже безъ предварительной провѣрки ихъ виновности, напоминаетъ скорѣе дѣйствія Тимура или Батыя, чѣмъ европейскаго правителя, и этотъ сумасшедшій поступокъ соотвѣтствуетъ всей системѣ веденія войны со стороны Германіи и Австро-Венгріи. Наложеніе многомилліонныхъ контрибуцій на Брюссель, Льежъ и другіе занятые нѣмцами города, съ цѣлью обогащенія германской казны, идетъ рядомъ съ безсмысленными звѣрствами, которыя, кромѣ глубокаго отвращенія и негодованія, ничего въ Европѣ вызвать не могутъ.

Иностранныя и русскія газеты полны отчетами объ этихъ звѣрствахъ. Мы не говоримъ уже о бросаніи бомбъ съ аэроплановъ и дирижаблей въ открытые городскіе центры, о бомбардировкѣ беззащитныхъ городовъ и т. п.; эти способы дѣйствія все-таки могутъ быть отнесены къ категоріи «военныхъ операцій». Но нѣмцевъ и ихъ вождей обвиняютъ въ болѣе серьезныхъ и возмутительныхъ преступленіяхъ. Французское правительство оффиціально сообщаетъ въ нотѣ отъ 7-го (20-го) августа, что въ сраженіяхъ, происходившихъ въ концѣ іюля, «нѣмцы добили значительное число раненыхъ, стрѣляя въ нихъ въ упоръ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ размѣры ранъ; другихъ раненыхъ намѣренно топтали и наносили удары каблуками; германскіе солдаты систематически поджигали деревни и села, черезъ которыя они проходили; въ той же мѣстности германцы заставили жителей итти впереди развѣдчиковъ». Бельгійское правительство на основаніи многихъ фактовъ удостовѣряетъ, что нѣмцы калѣчатъ и сжигаютъ заживо поселянъ, похищаютъ и насилуютъ дѣвушекъ и даже дѣтей, добиваютъ раненыхъ на полѣ битвы, опустошаютъ занятыя мѣстности. Такъ, въ мѣстечкѣ Ленсмо, послѣ неудачной стычки нѣмецкихъ уланъ съ небольшимъ бельгійскимъ отрядомъ, произведена была экзекуція надъ ни въ чемъ неповинными жителями: артиллеріей разрушено нѣсколько фермъ и домовъ; одиннадцать крестьянъ были перевязаны веревками и поставлены въ канаву, гдѣ ихъ впослѣдствіи нашли съ разбитыми черепами. Въ деревнѣ Вельмъ, «въ то время, когда его населеніе спало, германцы проникли въ деревню, зажгли ее и увели съ собой почти обнаженную женщину за версту отъ ея дома. Тамъ они ее отпустили и стали стрѣлять по ней, когда она бѣжала отъ нихъ. Мужа этой женщины германцы отвели въ другую сторону отъ деревни и произвели въ него три выстрѣла. Этотъ чело-

вѣкъ теперь при смерти». Въ другомъ мѣстѣ германцы «разрѣзали одному старику руку на три продольныхъ полосы, а затѣмъ повѣсили его за ноги и сожгли живого. Въ Орсмалѣ у нѣкоторыхъ лицъ были отрѣзаны половые органы. Молодыя дѣвушки и дѣти были изнасилованы. Велосипедистъ-карабинеръ, раненый и взятый въ плѣнъ, былъ повѣшенъ, а бельгійскій солдатъ, который хотѣлъ оказать ему помощь, былъ разстрѣлянъ подъ телеграфнымъ столбомъ на дорогѣ въ Сенъ-Тропъ». Въ одномъ изъ округовъ сѣверной Франціи, въ нѣкоторыхъ кантонахъ, по сообщенію префекта, «женщины, молодыя дѣвушки, старики были убиты безъ всякой причины и безъ малѣйшаго повода; дома систематически сжигались германскими войсками. Въ Бадонвилье были умерщвлены одиннадцать человѣкъ, въ томъ числѣ жена мэра; 78 домовъ облито керосиномъ и сожжено, весь городъ разграбленъ, церковь разрушена артиллеріей». Несчастному мэру этого городка пожалованъ орденъ Почетнаго Легіона, за то, что «послѣ убійства его жены и сожженія его дома нѣмцами онъ съ замѣчательнымъ самообладаніемъ и хладнокровіемъ продолжалъ охранять безопасность населенія и между прочимъ спасъ жизнь одного германскаго плѣнника отъ расправы со стороны возмущенныхъ жителей, чѣмъ показалъ удивительный примѣръ великодушія и энергіи». Приведенный фактъ является блестящимъ образцомъ истинной человѣческой культуры, свойственной французамъ и англичанамъ, въ отличіе отъ германскаго поклоненія грубой внѣшней силѣ и техникѣ. Ослѣпленные своимъ военнымъ могуществомъ, нѣмцы не стѣсняются подражать турецкимъ башибузукамъ. Парижская газета «Liberté» отъ 10-го августа приводитъ выдержки изъ писемъ солдатъ, которые сообщаютъ, что пруссаки отрѣзали взятымъ въ плѣнъ французскимъ унтеръ-офицерамъ носы и уши; искалѣченнымъ плѣнникамъ удалось убѣжать отъ нѣмецкихъ палачей. По свѣдѣніямъ нашихъ газетъ отъ 16 августа, начальникъ сувалкскаго губернскаго жандармскаго управленія представилъ министерству внутреннихъ дѣлъ слѣдующее донесеніе отъ 8 августа: «29 іюля въ 12 час. дня непріятельскіе разъѣзды, въ числѣ 25 чел., прибыли въ посадъ Сударги, Владиславовскаго уѣзда, и, ворвавшись въ квартиру земскаго стражника Абакумова и удаливъ изъ дома его жену, нанесли стражнику Абакумову рану въ грудь и отрѣзали у него уши и носъ». Эти жестокости, вѣроятно, радуютъ сердце Вильгельма II, привыкшаго выражать свои чувства къ противникамъ грозными словами — «раздавить», «уничтожить», «стереть въ порошокъ», «не давать пощады», «сдѣлать такъ, чтобы тысячу лѣтъ помнили». Австрійцы и въ этомъ отношеніи оставались вѣрными его союзниками и усердно слѣдовали его указаніямъ. Вотъ что пишетъ напр. корреспондентъ «Новаго Времени» изъ Ниша, отъ 14 августа, о сербскомъ городѣ Шабацѣ,

бывшемъ болѣе десяти дней во власти австрійцевъ: «Австрійская армія разрушила и самымъ варварскимъ образомъ разграбила Шабацъ. На двухъ главныхъ улицахъ нѣтъ ни одного дома, который не былъ бы поврежденъ и разграбленъ. Магазины были взломаны, а товары расхищены. Въ частныхъ домахъ все то, что оказалось невозможнымъ забрать, было выброшено на улицу. Нѣсколько домовъ сожжено; другіе дома носятъ слѣды поджога. 60 солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ, были перебиты; молодыя дѣвушки, 12 лѣтъ и старше, изнасилованы; въ одномъ домѣ было обнаружено 20 перебитыхъ дѣвушекъ. Всюду на своемъ пути непріятель оставилъ слѣды варварства; онъ все превратилъ въ развалины, вездѣ сѣялъ смерть. Во всѣхъ деревняхъ австрійцы захватили заложниковъ, которыхъ они потомъ разстрѣляли; нѣкоторые же изъ нихъ были уведены, и судьба ихъ неизвѣстна. Молодыя дѣвушки были уведены и найдены изнасилованными вдали отъ своихъ деревень, а нѣкоторыя изъ нихъ перебиты или же замучены до изнасилованія. Въ первые дни австрійцы разстрѣливали мужчинъ, женщинъ и дѣтей, съ завязанными глазами. Впослѣдствіи же они убивали жителей, не завязывая глазъ, и, жалѣя зарядовъ, прикалывали ихъ штыками, о чемъ свидѣтельствуютъ тѣла убитыхъ, покрытыя штыковыми ранами. Въ деревнѣ Бадна было разстрѣляно 4 поселянина; въ деревнѣ Сикало, у Яребице, были перебиты всѣ жители, а деревня подверглась разграбленію. Въ деревнѣ Брезьяка было убито штыками 17 старцевъ, женщинъ и дѣтей. Жители деревни Клубче были уведены въ качествѣ заложниковъ, при чемъ у нихъ были отняты значительныя суммы денегъ. Жители Лозницы были принуждены заплатить 30.000 динаровъ, чтобы спасти городъ отъ сожженія. Несмотря однако на то, что деньги были внесены, австрійцы все же увели заложниковъ».

Свое презрѣніе къ международному праву и къ элементарнымъ человѣческимъ приличіямъ германское правительство выказывало и въ безцеремонномъ обращеніи съ оффиціальными дипломатическими представителями иностранныхъ государствъ. Французскій посолъ въ Берлинѣ, Поль Камбонъ, могъ выбраться изъ Германіи только съ большими затрудненіями и послѣ крупныхъ задержекъ, подъ оскорбительнымъ контролемъ прусскихъ офицеровъ и солдатъ, причемъ съ него неожиданно потребовали уплаты двухъ тысячъ франковъ золотомъ за проѣздъ до границы,—тогда какъ германскій посолъ въ Парижѣ, фонъ-Шенъ, получилъ отъ французовъ роскошный салонъ-вагонъ, который и доставилъ его въ Берлинъ со всевозможнымъ комфортомъ, въ сопровожденіи двухъ французскихъ проводниковъ; этотъ салонъ-вагонъ, предоставленный безплатно въ распоряженіе германскаго посла, былъ сначала конфискованъ нѣмцами, потомъ отвезенъ

къ швейцарской границѣ, затѣмъ опять конфискованъ и только черезъ недѣлю отпущенъ обратно, а несчастные дипломатическіе проводники нѣсколько разъ подвергались аресту, несмотря на заступничество приставленнаго къ нимъ фонъ-Шеномъ германскаго чиновника; и только благодаря случайному вмѣшательству представителя швейцарскихъ желѣзныхъ дорогъ они могли выбраться изъ Германіи вмѣстѣ съ своимъ салонъ-вагономъ. А фонъ-Шенъ послалъ даже благодарственное письмо въ Парижъ за исключительную любезность и вниманіе французскихъ властей при проѣздѣ его въ Германію; только Поль Камбонъ не могъ отвѣтить нѣмцамъ такою же благодарностью. Съ второстепенными дипломатическими агентами непріятельскихъ державъ нѣмцы уже совершенно не церемонились; такъ, русскій, французскій и британскій консулы въ Данцигѣ получили отъ германской администраціи приказъ покинуть городъ въ теченіе одного часа; они были отвезены съ семействами до городка Бентгейма на голландской границѣ, и въ пути имъ пришлось выдержать цѣлый рядъ оскорбленій и униженій; въ доставленіи пищи имъ было отказано. Черезъ три дня консулы были отдѣлены отъ своихъ женъ и дѣтей и заперты въ камеру, гдѣ уже находились сыновья британскаго консула и одинъ изъ чиновниковъ французскаго консульства въ Прагѣ. Они были подчинены режиму, установленному для уголовныхъ преступниковъ; въ пищу имъ давали только хлѣбъ и воду; спать назначено было на соломѣ; они обязаны были убирать свое помѣщеніе и выводились на получасовую прогулку вмѣстѣ съ уголовными преступниками. Французскій консулъ заболѣлъ и просилъ пригласить къ нему доктора; врачъ прописалъ ему касторку. Прошло четыре дня, и британскій консулъ былъ выпущенъ на свободу; къ своему удивленію, онъ нашелъ свою жену и дѣтей въ другой камерѣ, гдѣ ихъ заперли и держали безъ его вѣдома. Французъ же остался въ тюрьмѣ. Такъ не обращаются съ оффиціальными представителями чужихъ государствъ даже азіатскіе деспоты или африканскіе дикари. И подобными способами Германія думаетъ доказать свое право на руководящую роль въ Европѣ!

Многіе затрудняются у насъ дать точное названіе настоящей войнѣ. Это не отечественная война, ибо она ведется не только противъ насъ и нисколько не угрожаетъ нашему національному существованію и нашей независимости, а гораздо сильнѣе она направлена противъ Франціи. Это и не европейская война, потому что она охватываетъ владѣнія воюющихъ державъ и въ другихъ частяхъ свѣта; она въ сущности и не міровая, ибо она затѣяна одной Германіею и не вызвана никакими міровыми интересами и обстоятельствами. Это также не борьба германизма противъ славянства, такъ какъ въ ней

участвуютъ и Франція и Англія. Намъ кажется, что по своему фантастическому источнику, по своимъ непонятнымъ міру мотивамъ и по самому способу своего возникновенія эта война должна быть названа безумною; такова она и по способу своего веденія со стороны предпринявшихъ ее державъ. Съ безумными виновниками этой войны немыслимо никакое примиреніе; ихъ надо одолѣть и обезоружить во что бы то ни стало, если Европа не желаетъ подчиниться грубой германской военщинѣ, которая отбросила бы ее за сотни лѣтъ назадъ. Необходимость покончить съ безуміемъ прусско-германскаго милитаризма выражена весьма авторитетно въ утѣшительномъ извѣстіи, сообщенномъ въ телеграммѣ изъ Лондона, отъ 23 августа (5 сентября): «Въ силу декларація, подписанной сегодня графомъ Бенкендорфомъ, Греемъ и Камбономъ, правительства Россіи, Франціи и Великобританіи взаимно обязуются не заключать сепаратнаго мира въ теченіе нынѣшней войны. Правительства всѣхъ трехъ державъ согласились, что, когда наступитъ моментъ обсужденія условій мира, ни одна изъ союзницъ не предъявитъ тѣхъ или иныхъ условій мира безъ согласія на таковыя остальныхъ двухъ державъ».

Обстоятельства такъ сложились, что сама Германія поставила ребромъ вопросъ: быть или не быть владычеству Гогенцоллерновъ и ихъ разбойничьяго милитаризма надъ всѣми народами и государствами Европы? Теперь отступленія нѣтъ: для каждой изъ воюющихъ державъ дѣло идетъ о жизни или смерти. Германія и Австро-Венгрія должны бороться уже за собственное существованіе, точно такъ же, какъ и безпричинно терзаемая германскимъ нашествіемъ Франція; Россія и Англія ведутъ борьбу за все свое будущее—и доведутъ ее до конца.

Въ связи съ кровавыми событіями, совершающимися въ культурнѣйшихъ и населеннѣйшихъ мѣстахъ Европы, происходитъ сравнительно мелкая, подпольная, но могущая имѣть большое практическое значеніе германофильская кампанія въ Турціи, Румыніи и отчасти даже въ Болгаріи, съ цѣлью побудить правительства этихъ странъ присоединиться къ австро-германской коалиціи противъ Россіи. Въ Турціи Германія прочно утвердила свое преобладающее вліяніе, поощряя патріотическія мечты честолюбивой военной партіи, во главѣ которой стоитъ военный министръ Энверъ-паша. Германцы распоряжаются на берегахъ Босфора въ качествѣ хозяевъ, снабжаютъ турокъ деньгами и оружіемъ, присылаютъ имъ своихъ военныхъ инструкторовъ, опытныхъ морскихъ и пѣхотныхъ офицеровъ; наконецъ, они добились назначенія нѣмецкаго генерала Сандерса командующимъ войсками въ Европейской Турціи и возбудили среди ея патріотовъ

особенный энтузіазмъ фиктивною продажей турецкому правительству двухъ могучихъ крейсеровъ новѣйшаго типа, «Гебенъ» и «Бреслау», которымъ въ Средиземномъ морѣ угрожала почетная гибель въ борьбѣ съ англо-французскою броненосною эскадрою. Такъ называемая «молодая Турція» рвется на войну, чтобы разсчитаться съ Греціею, захватившею ея острова въ Эгейскомъ морѣ, и отомстить Россіи за ея постоянное заступничество въ пользу балканскихъ народностей. Надежды на возрожденіе прошлаго величія и могущества Оттоманской имперіи при помощи современныхъ исключительныхъ обстоятельствъ вдохновляютъ многихъ турецкихъ дѣятелей, но страхъ передъ Англіею заставляетъ болѣе благоразумныхъ изъ нихъ держаться осторожной политики нейтралитета, безъ ущерба для усиленныхъ военныхъ приготовленій— на всякій случай. Въ Румыніи общественное мнѣніе стоитъ за Россію противъ Австро-Венгріи, а король Карлъ, въ качествѣ вѣрнаго Гогенцоллерна, склоняется къ союзу съ германскими державами, въ чемъ его поддерживаютъ нѣкоторые близорукіе политическіе дѣятели стараго типа. Въ Болгаріи, царь Фердинандъ, какъ бывшій нѣмецкій офицеръ, не можетъ раздѣлять чувства и стремленія народа, освобожденнаго Россіею отъ турецкаго ига, и въ болгарской политикѣ замѣчается направленіе, которое должно привести къ печальнымъ для правительства послѣдствіямъ. Вездѣ ждутъ рѣшительнаго поворота войны въ ту или другую сторону, и вопросъ о нейтралитетѣ или активномъ выступленіи разрѣшится тогда самъ собою для заинтересованныхъ второстепенныхъ государствъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и Италія съ ея мудрѣйшими (въ истинномъ смыслѣ этого слова) дипломатами не останется нейтральною и приметъ энергичное участіе въ раздѣлѣ австрійской территоріи послѣ окончательной неудачи Австро-Венгріи въ предпринятой ею войнѣ.

Благородная Франція, тѣснимая милліонными германскими арміями, съ удивительнымъ самообладаніемъ и спокойствіемъ переживаетъ состояніе, которое намъ трудно даже представить себѣ: народъ вынужденъ защищать свои города и села отъ напора непріятеля, не знающаго пощады; вся политическая, общественная и культурная жизнь страны сосредоточилась на одной великой и страшной задачѣ— защитѣ родины въ тѣсномъ и буквальномъ смыслѣ этого слова. Различныя партіи объединились между собою, и это объединеніе выразилось въ образованіи 27 (14) августа новаго министерства, въ которомъ рядомъ съ умѣреннымъ Рибо, съ Бріаномъ, Делькассе, Мильераномъ и Семба, занялъ мѣсто извѣстный вождь соціалистовъ, Жюль Гедъ. Во главѣ кабинета остается по-прежнему Вивіани. Въ виду

послѣдовательнаго приближенія германскихъ войскъ къ Парижу правительство перенесло свою резиденцію 21 августа (2 сентября) въ Бордо, куда переѣхалъ и президентъ Пуанкаре со всѣми министрами.

Среди этихъ грандіозныхъ событій и задачъ прошла незамѣченною въ Европѣ смерть папы Пія X, въ ночь на 20 (7) августа. Конклавомъ выбранъ на его мѣсто одинъ изъ «молодыхъ» кардиналовъ, болонскій архіепископъ, другъ и сторонникъ покойнаго Рамполлы, шестидесятилѣтній Делла-Кіеза, принявшій имя Бенедикта XV.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Отраженіе войны во внутренней жизни.—Главныя черты общественнаго настроенія.—Война и отрезвленіе народа.—Всероссійскіе земскій и городской союзы.—Задачи союзовъ.—Призрѣніе семействъ запасныхъ и ратниковъ.—М. Е. Соломка, Г. А. Горбуновъ †.

Въ теченіе сорока слишкомъ лѣтъ непрерывно ожидавшаяся, но, когда она вспыхнула, поразившая своей неожиданностью,—европейская война со сказочной быстротой разрубила узлы безконечнаго ряда вопросовъ и международной, и нашей внутренней жизни. Гроза войны еще только наростаетъ, громъ пушекъ еще только усиливается, но сквозь волны бушующаго воздуха уже съ исчерпывающей опредѣленностью обозначились отвѣты на вопросы, такъ недавно представлявшіеся неразрѣшимыми. Воздухъ политической атмосферы сталъ ясенъ въ первые же дни войны. Откуда шла со времени франко-германской войны неустранимая опасность европейскому миру, гдѣ былъ очагъ болѣзни, заставлявшей государства и народы Европы напрягать всѣ силы на развитіе способовъ и средствъ вооруженія,—эти вопросы разлетѣлись, какъ дымъ. Двухъ отвѣтовъ на нихъ нѣтъ и уже быть не можетъ. Почему акты международныхъ соглашеній и обязательствъ не внушали въ себѣ полнаго довѣрія—и этотъ вопросъ разлетѣлся. Нарушеніемъ нейтралитета Бельгіи, разгромомъ Лувена и Калиша и разстрѣлами безъ суда Германія цинично сорвала съ себя маску. Гордая своей культурой, она надменно показала міру цѣну своего внѣшняго лоска. И міръ воочію увидѣлъ всю сущность германизма XX вѣка, — германизма, давившаго міръ и нынѣ сказавшаго, что онъ желаетъ властвовать...

Съ первыми ружейными выстрѣлами въ Россіи не стало классовой, національной и партійной розни, рухнула стѣна между общественностью и властью, «съ открытымъ сердцемъ, съ братски протянутой рукой» двинулась «великая Россія» навстрѣчу живой душѣ Польши и настало то, что казалось неосуществимой мечтой: закрылся казенный кабакъ. Въ лицѣ центра и самыхъ отдаленныхъ окраинъ, всѣхъ классовъ, всѣхъ національностей и всѣхъ теченій политической мысли, въ лицѣ общественнаго сознанія и власти, деревни, города и присутственныхъ мѣстъ,—страна, какъ одинъ человѣкъ, встала грудью противъ бросившаго намъ вызовъ германизма. И такое утвержденіе—не фраза. Въ немъ заключается несомнѣнный фактъ, завѣренный мѣсяцемъ войны, днями радости и горя, народнымъ откликомъ на побѣды и на тяжелыя неудачи, — фактъ, получающій во всемъ и отовсюду подтвержденія и не имѣвшій ни одного противопоказанія.

Призывъ забыть внутреннюю рознь отозвался даже изъ заграничныхъ эмигрантскихъ круговъ. Лишенные возможности возвратиться домой и вступить въ русскія войска, тысячи эмигрантовъ поступили въ ряды французской арміи. Война уже успѣла дать эпизодъ, ярко иллюстрирующій съ двухъ сторонъ вызванную войной эволюцію въ еврейскомъ вопросѣ. Еврей Оснасъ, уроженецъ Вильны, вынужденный, по окончаніи средней школы, продолжать образованіе за рубежемъ, немедленно по объявленіи мобилизаціи вернулся на родину и поступилъ вольноопредѣляющимся. Въ штыковомъ бою, когда знаменщикъ палъ мертвымъ и нѣмцы бросились къ знамени, онъ, самъ тяжело раненый, схватилъ знамя и вынесъ его изъ сферы огня. По приказанію командующаго войсками, Оснасъ былъ перевезенъ съ особыми заботами въ виленскій военный госпиталь, куда затѣмъ получилась телеграмма: «Принять мѣры къ спасенію жизни героя Оснаса».

Германія объявила войну Россіи съ явнымъ разсчетомъ на наши внутреннія распри. Она жестоко ошиблась. Возвращающіеся, послѣ неимовѣрныхъ мытарствъ по прусскимъ желѣзнымъ дорогамъ и тюрьмамъ, несчастные русскіе туристы, которыхъ война застала въ германскихъ и австрійскихъ курортахъ, разсказываютъ, какими небылицами полны нѣмецкія газеты. Тѣ же небылицы повторяютъ плѣнные солдаты. И свое общественное мнѣніе, и свои войска, германское правительство желаетъ увѣрить, что Россія пылаетъ въ заревѣ революціи. На нашихъ же лицахъ всѣ эти разсказы вызываютъ лишь улыбку Настолько они явно нелѣпы. Россія встрѣтила войну страной политически зрѣлой. Еще никогда революціонный взрывъ не былъ такъ далекъ, какъ онъ далекъ въ настоящую минуту. Германія дала намъ случай убѣдиться самимъ и показать другимъ, въ какой мѣрѣ все русское населеніе сцементировано въ несокрушимый монолитъ и на-

сколько были условно-разрушительны тѣ крайнія требованія, которыя предъявлялись въ 1905-мъ году.

Наблюдая уличную жизнь, порой можно даже забывать о войнѣ. Улица магазиновъ, трамваевъ, извозчиковъ живетъ своей обычной повседневностью. Единственное, что необычно—это закрытыя двери казенныхъ винныхъ лавокъ, пивныхъ и погребовъ. Еще банки одно время, когда вклады были выбраны, пустовали, но и они начинаютъ понемногу оживать. Общее отношеніе улицы къ созданному войной положенію характеризуется полнымъ спокойствіемъ. Но это отнюдь не спокойствіе безразличія. Напротивъ, извѣстія съ театра войны ожидаются съ трепетомъ. Газетный тиражъ удесятерился. Дневные и вечерніе листки берутся нарасхватъ. Улица спокойна глубокимъ сознаніемъ правоты русскаго дѣла. Улица не шумитъ, ибо въ ней и тѣни нѣтъ разогрѣтаго виномъ бахвальства. Нынѣшняя война особенно знаменательна тѣмъ, что ни высшіе слои общественности, ни народныя массы не закрываютъ глазъ на исключительную важность минуты и на всю серьезность грозящей изъ центра Европы опасности. Отсюда—спокойная сосредоточенность, сдержанность настроенія. Радостно, съ восторгомъ, но безъ бурныхъ криковъ, принимаются извѣстія о побѣдахъ. Съ затаенной грустью, но безъ унынія и подавленности, принимаются извѣстія о неудачахъ на нашемъ фронтѣ и на французскомъ. Такое настроеніе служитъ залогомъ того, что ни въ какомъ случаѣ паники не будетъ. А разъ народъ застраховалъ себя отъ паники,—въ этомъ вѣрнѣйшій залогъ конечнаго успѣха въ ниспосланномъ судьбой великомъ испытаніи.

Внѣ улицы вездѣ и всюду кипитъ работа. Такъ или иначе вложить въ войну свою крупицу—силъ, энергіи, денегъ—стало потребностью всѣхъ и каждаго. Красный Крестъ, городскія думы и земскія управы завалены предложеніями всевозможныхъ услугъ. Юноша-студентъ, который не пошелъ на войну добровольцемъ, не ожидая вопроса, спѣшитъ объяснить, почему онъ остался. Онъ чувствуетъ, что долженъ былъ уйти и что только особыя причины могутъ его оправдать. И, оставаясь въ университетѣ, онъ записывается въ простые санитары, чтобы выносить раненыхъ изъ вагоновъ и сопровождать ихъ въ больницы. Всѣ вакансіи сестеръ милосердія давно заполнены и на каждую имѣются десятки кандидатокъ. Въ самыхъ глухихъ городахъ выростаютъ то столовыя для семей запасныхъ, то «ясли». Помѣщики отдаютъ подъ больницы и санаторіи свои усадьбы. Подъемъ во всемъ и подъемъ во всѣхъ. Но опять—подъемъ спокойный, безъ крика и шума...

Денежныя пожертвованія льются рѣкой. Въ экономическомъ отношеніи война вспыхнула въ тотъ моментъ, когда обычно наблю-

дается отливъ денегъ на реализацію урожая. Съ другой стороны, размѣнъ фондовъ пріостановился; нельзя было продать ренту, не только что акціи. Несмотря, однако, на такія неблагопріятныя условія, частный починъ нашелъ и все продолжаетъ находить исключительно большія деньги на дѣла помощи больнымъ и раненымъ и на призрѣніе семей запасныхъ и ратниковъ ополченія. Въ печать проскальзывали даже совершенно безпримѣрныя предложенія добровольнаго самообложенія, и не на какое-либо опредѣленное дѣло, а на общее усиленіе рессурсовъ казны, ослабленныхъ пріостановленіемъ казенной продажи вина. Такимъ предложеніямъ, конечно, нельзя придавать реальнаго значенія, но такъ какъ они сопровождались обязательствами авторовъ вносить тѣ или другіе налоги въ двойномъ размѣрѣ,—а бывали примѣры, что предлагающіе и вносили деньги,—то, какъ показатель охватившаго всѣхъ настроенія, они не могутъ не заслуживать вниманія.

Мѣсяцъ войны далъ поразительную картину народнаго отрезвленія. И, чтобы быть объективнымъ, нельзя не признать, что замѣчаемое повсюду наблюдательно-спокойное отношеніе къ войнѣ, безъ эксцессовъ, какъ въ одну, такъ и въ другую сторону, если не главнымъ образомъ, то въ весьма значительной мѣрѣ, должно быть отнесено на счетъ изъятія изъ обращенія алкоголя. Нельзя также не признать, что систематики-гунны XX-го вѣка, учитывая шансы успѣшнаго нападенія на славянство, внѣ всякаго сомнѣнія, учли въ свою пользу и тотъ милліардъ, который собирала съ населенія русская казна въ обмѣнъ на сорокаградусный спиртъ. Но какъ они ошиблись въ разсчетѣ на наши внутреннія тренія и распри, на забастовочное движеніе среди рабочихъ и на оппозиціонность интеллигентныхъ слоевъ, такъ точно они ошиблись и въ разсчетѣ на второго союзника—на водку.

Алкоголь въ первую минуту поднимаетъ настроеніе человѣка, бодритъ его. Но уже во вторую — наступаетъ реакція, и на смѣну бодрости является подавленная угнетенность. Когда въ 1877-мъ году, или потомъ въ 1904-мъ, двигались войска и эшелоны запасныхъ, проводы на вокзалахъ представляли тяжелое зрѣлище. Еще за десять, за пять минутъ до отхода поѣзда толпа бывала настроена бурно и шумливо. Воздухъ прорѣзали хвастливые крики. Не горе разлуки, не сознаніе опасности для уѣзжающихъ, казалось, привело мужскую половину толпы на проводы, а величайшій подъемъ патріотизма. Едва,

однако, раздавалась команда «садиться», бодрость толпы мигомъ испарялась. Поѣзда отходили подъ гулъ воплей и рыданій,—пьяныхъ рыданій, съ причитаніями и ручьями несдерживаемыхъ слезъ. Въ нынѣшнюю мобилизацію подобныхъ зрѣлищъ не было и слѣда. Намъ приводилось видѣть отправляющіеся эшелоны, и ни среди солдатъ, ни среди провожавшихъ мы не видѣли ни одного пьянаго. Трезвый народъ провожалъ трезвыхъ солдатъ. Въ моментъ отхода поѣздовъ гремѣло трезвое, а не хвастливо-слезливое «ура!».

Продажа спиртныхъ напитковъ была прекращена сначала лишь на время мобилизаціи. Но благодѣтельное закрытіе кабаковъ такъ полно и явственно показало въ нѣсколько дней весь ужасъ отравы народа алкоголемъ, что возникъ даже страхъ, когда приблизился срокъ снятія печатей съ казенныхъ и иныхъ винныхъ лавокъ. Пока кабаки торговали, пьянство казалось неизбѣжнымъ и неустранимымъ зломъ, безнадежно укоренившимся въ народныхъ нравахъ. И, какъ со зломъ неустранимымъ, мысль если не мирилась съ пьянствомъ, то всегда и во всемъ съ нимъ считалась. Мысль не рисовала себѣ картины отрезвленія, ибо въ возможность ея не вѣрила. Только когда оно предстало во всемъ величіи реальнаго факта, стало ясно, что пьянство есть зло, съ которымъ можно бороться съ полной надеждой на успѣхъ борьбы.

Изъ всѣхъ угловъ концентрированной общественной мысли раздалось единодушное требованіе не открывать кабаковъ на все время войны. Громко подняла голосъ печать, безъ различія направленій. Не съ ходатайствами, а съ мольбой стали обращаться городскія думы. Какъ противъ нѣмцевъ, страна единой волей и единой мыслью встала противъ многовѣкового отравителя народа—противъ спирта, въ какомъ бы количествѣ градусовъ и гдѣ бы онъ ни предлагался. Столичныя думы обратились съ просьбой распространить запретъ и на, такъ называемые, рестораны перваго разряда, т. е. на мѣста распивочнаго потребленія спирта состоятельными классами. Требованія общественнаго сознанія нашли живой откликъ во всѣхъ органахъ мѣстной и центральной власти. Въ русло общаго теченія вошли губернаторы и всѣ министры, не исключая министра финансовъ.

Въ бесѣдѣ съ извѣстнымъ борцомъ противъ пьянства, М. Д. Челышевымъ, П. Л. Баркъ ставилъ одно условіе прекращенія продажи спиртныхъ напитковъ: «путемъ составленія сельскихъ приговоровъ и постановленій городскихъ думъ, населеніе должно заявить, что оно не желаетъ продажи спиртныхъ напитковъ». «Дайте мнѣ эти приговоры,—говорилъ онъ,—чтобы я могъ на нихъ опереться. Въ обычное время я, быть можетъ, и не рѣшился бы примѣнить эту

мѣру. И я заявляю вамъ, что до конца войны продажа крѣпкихъ спиртныхъ напитковъ не будетъ разрѣшена нигдѣ».

По единогласному общему отзыву, «отсутствіе водки переродило народъ». Слово «переродило» дѣйствительно самое подходящее для той грани, на одной сторонѣ которой стоитъ вѣковой казенный и акцизный кабакъ, а на другой—его отсутствіе. Несмотря на призывъ запасныхъ и ополченцевъ, уборка урожая идетъ повсемѣстно съ полнымъ успѣхомъ. Таковы сообщенія изъ деревни. Старики и одиночки не только справляются со своими полосами, но съ готовностью убираютъ хлѣбъ и съ тѣхъ полосъ, хозяева которыхъ ушли на войну. Производительность труда рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ и въ мелкихъ промышленныхъ предпріятіяхъ замѣтно повысилась. Городскіе чернорабочіе пріодѣлись. Жены не нарадуются на своихъ мужей: — «свѣтъ увидѣли», говорятъ онѣ. Судебные слѣдователи Петрограда печатно заявляли, что число поступавшихъ къ нимъ дѣлъ о всякаго рода личныхъ посягательствахъ внезапно сократилось. За время съ 20 іюля по 20 августа прошлаго года въ петроградскія городскія больницы поступило 1.121 человѣкъ съ различными поврежденіями и ножевыми раненіями, произведенными и полученными подъ вліяніемъ вина. За тотъ же мѣсячный срокъ въ текущемъ году, такихъ случаевъ зарегистрировано только 416. Въ прошломъ году съ 20 іюля по 20 августа городскія больницы приняли 560 алкоголиковъ, а теперь всего лишь 147. И при оцѣнкѣ этихъ цифръ необходимо еще помнить, что въ теченіе, по крайней мѣрѣ, недѣли послѣ начала мобилизаціи въ распоряженіи шинкарей оставались ранѣе купленные запасы водки.

Ни для кого не секретъ, что не столько боязнь тайнаго винокуренія заставляла предшественниковъ П. Л. Барка бережно охранять систему винной монополіи, сколько ея колоссальное бюджетное значеніе. И вслѣдствіе этого во время войны, когда расходы государственнаго казначейства возростаютъ въ громадныхъ размѣрахъ, тѣмъ болѣе всегда представлялось невозможнымъ длительное закрытіе кабаковъ. При желаніи, однако, оказалось, что и это соображеніе не неустранимо. Въ той же бесѣдѣ съ г. Челышевымъ министръ финансовъ говорилъ совершенно справедливо: «Въ обычное время недоборъ 70 милліоновъ рублей въ мѣсяцъ явился бы ощутительнымъ, но сейчасъ, когда война все равно потребуетъ отъ насъ высшаго напряженія духовныхъ и матеріальныхъ силъ, когда мы вынуждены будемъ затратить 1—3 милліарда рублей, то, конечно, этотъ недоборъ не можетъ явиться значительнымъ».

Другого, еще недавно, широко распространеннаго, возраженія противъ уничтоженія «пьянаго бюджета»,—теперь почти не слышно.

Голоса винокуренныхъ заводчиковъ замолкли. Голоса представителей трактирнаго промысла кое-гдѣ раздавались, но сочувственнаго отклика не встрѣчали. Нѣтъ спора, что даже одинъ мѣсяцъ прекращенія торговли спиртными напитками причинилъ огромные убытки владѣльцамъ трактировъ и погребовъ и пивоваренным заводамъ. Если они не ликвидируютъ теперь же своихъ дѣлъ, то весьма возможно, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ для нихъ наступитъ даже разореніе. Нѣтъ спора также, что неминуемо должна пострадать вся та армія представителей личнаго труда, дѣятельность которой такъ или иначе связана съ казенной продажей водки и съ трактирнымъ промысломъ. Не можетъ не отразиться народное отрезвленіе и на интересахъ винокуренныхъ заводчиковъ, какъ бы ни поощрялось развитіе потребленія денатурированнаго спирта. Но можно ли по соображеніямъ этого рода сохранять ту финансовую систему, губительный вредъ которой для населенія стоитъ внѣ сомнѣній и возможность разстаться съ которой для населенія стоитъ внѣ сомнѣній и возможность разстаться съ которой опытъ доказалъ такъ блестяще? Всякая крупная финансовая реформа неизбѣжно вноситъ переворотъ въ промышленность, но она, въ итогѣ реформъ, не гибнетъ, ибо обладаетъ живительной способностью приспособляться. Продавцы винныхъ лавокъ и прислуга питейныхъ заведеній найдутъ другое примѣненіе труда, винокуренные заводчики—другой способъ сбыта зерна, владѣльцы трактировъ—другое помѣщеніе для капитала.

То развитіе у насъ пьянства, которое приводило въ ужасъ своимъ неудержимымъ ростомъ, естественно вызвало движеніе въ пользу абсолютной трезвости. И сторонники этого движенія не отличаютъ водки отъ напитковъ со слабымъ содержаніемъ алкоголя, какъ пиво и виноградное вино. Пока, кромѣ какъ въ ресторанахъ перваго разряда, нѣтъ продажи никакихъ спиртныхъ напитковъ.

И въ тѣхъ же предѣлахъ запретъ сохранитъ силу на все время войны.

Съ особенной горячностью и живостью отозвались на нужды, вызываемыя войной, органы земскаго и городского самоуправленія. И въ тѣхъ, и въ другихъ, естественно, сразу же возникла мысль объ объединеніи. На этотъ разъ она не встрѣтила препятствій. Центральная власть, напротивъ, отнеслась къ земству и къ городамъ съ полнымъ довѣріемъ. 30 іюля, въ Москвѣ, состоялось собраніе уполномоченныхъ земствъ, въ составѣ предсѣдателей губернскихъ земскихъ

управъ и особо выбранныхъ представителей губернскихъ земскихъ собраній. 8 августа, въ Москвѣ же, собрался съѣздъ городскихъ головъ губернскихъ городовъ, рѣшившій, по примѣру земскаго, образовать обще-городской союзъ, выбравшій главноуполномоченнаго и предложившій городскимъ думамъ избрать членовъ обще-городского съѣзда, какъ распорядительнаго органа союза, и членовъ временнаго комитета—органа исполнительнаго.

12 августа послѣдовало Высочайшее соизволеніе «на разрѣшеніе, на время войны, дѣятельности всероссійскаго земскаго союза помощи больнымъ и раненымъ воинамъ, въ составѣ главнаго, губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ». Вмѣстѣ съ опубликованіемъ Высочайшаго соизволенія, министръ внутреннихъ дѣлъ циркулярно предложилъ губернаторамъ земскихъ губерній оказать, съ своей стороны, возможное содѣйствіе и поддержку образующимся губернскимъ и уѣзднымъ комитетамъ, а равно и отдѣльнымъ лицамъ, дѣйствующимъ отъ имени союза, при достиженіи ими поставленной себѣ патріотической задачи. Внѣ земскаго союза осталось одно «истинно-русское» курское губернское земство, не пожелавшее совмѣстными усиліями вести общее дѣло.

Цѣль образованія земскаго союза—помощь больнымъ и раненымъ воинамъ. Уже и сама по себѣ взятая, эта цѣль раскрываетъ чрезвычайно широкое поле дѣятельности. Съ другой стороны, именно она требуетъ общей организаціи, для единства въ направленіи мѣстной земской работы и для объединенія назначенныхъ на помощь больнымъ и раненымъ земскихъ средствъ. Театръ войны охватилъ громадную территорію, откуда больные и раненые подлежатъ обязательной эвакуаціи и распредѣленію по тыловымъ губерніямъ. Правильное ихъ распредѣленіе составляетъ едва-ли не самую главную трудность задачи. Само собою понятно, что долженъ быть центръ, въ которомъ сосредоточивались бы свѣдѣнія о потребности и мѣстныхъ способахъ и средствахъ ея удовлетворенія, изъ котораго могли бы исходить распоряженія и который могъ бы переливать деньги изъ однѣхъ губерній въ другія. Столь же понятно, что этотъ центръ долженъ быть органически связанъ съ периферіей, т. е. долженъ быть для мѣстныхъ земскихъ учрежденій своимъ органомъ—своимъ въ смыслѣ порядка образованія и способовъ дѣйствій.

Но возлагаемыя войной на земства задачи далеко не исчерпываются одной помощью больнымъ и раненымъ. Законъ 1912-го года, правда, изъялъ изъ вѣдѣнія земства заботы по призрѣнію семействъ запасныхъ и ратниковъ. Также точно и общее руководство закупкой провіанта для арміи взяло на себя главное управленіе земледѣлія и землеустройства. Непосредственными, однако, заготовителями провіанта все-таки, надо думать, придется быть земскимъ управамъ. Да и съ

призрѣніемъ семействъ запасныхъ едва-ли удастся справиться безъ содѣйствія если не земства, то земцевъ, уѣзднымъ съѣздамъ, ослабленнымъ, къ тому же, призывомъ большого числа земскихъ начальниковъ на военную службу.

Примѣръ японской войны засвидѣтельствовалъ, что заботы о тѣхъ и о томъ, кто и что остались за спиной запасныхъ—о ихъ матеряхъ, и женахъ, и дѣтяхъ, и о ихъ крестьянскомъ хозяйствѣ—требуютъ особеннаго напряженія энергіи. Ушедшій на войну солдатъ имѣетъ право быть спокойнымъ за судьбу своего «дома», своего хозяйства и тѣхъ, кого онъ кормилъ. И онъ долженъ быть спокойнымъ:—въ этомъ отнюдь не маловажное условіе успѣха на войнѣ. Въ смыслѣ размѣра денежной помощи на прокормленіе законъ 1912-го года поставилъ дѣло для деревни, сравнительно, не худо. Паекъ, около трехъ рублей въ мѣсяцъ на взрослаго ѣдока и около полутора рубля на малолѣтняго, устраняетъ голодъ и необходимость посылать дѣтей «въ кусочки». Но и паекъ долженъ дойти до ѣдоковъ своевременно. А кромѣ того, остается непочатый край насущныхъ, но не предусмотрѣнныхъ закономъ заботъ: объ уборкѣ, вспашкѣ и обсѣмененіи полей, о размѣщеніи сиротъ, о починкѣ пришедшей въ ветхость избы, о заготовкѣ дровъ и т. д., и т. д.

Война, далѣе, особенно если она затянется, внѣ всякаго сомнѣнія, отразится на хозяйственномъ бытѣ деревни вообще. Трудно теперь предвидѣть, какія именно послѣдствія вызовутъ неизбѣжныя измѣненія въ условіяхъ экспорта и импорта, кредита и внутренняго передвиженія грузовъ; но что хозяйственный бытъ нарушится—это ясно. Достаточно напомнить, какъ глубоко стала проникать повсемѣстно идея кооперації и какъ широко раскинулись разнообразныя кооперативныя учрежденія, въ основѣ которыхъ лежитъ кредитъ. Прилагать заботы въ этой области уже прямо лежитъ на обязанности земскихъ учрежденій, ибо имъ ввѣрено закономъ попеченіе о сельскомъ хозяйствѣ, промышленности и торговлѣ. Въ однихъ случаяхъ губернскія и уѣздныя земскія учрежденія должны будутъ непосредственно дѣйствовать, въ другихъ—возбуждать соотвѣтственныя ходатайства. Но и для тѣхъ, и для другихъ—необходимъ общій планъ, необходима цѣлесообразность, продуманная спаянная система мѣропріятій, основанная на данныхъ, собранныхъ не въ одномъ уѣздѣ и не въ одной губерніи. Если же такъ, то и внѣ предѣловъ дѣла помощи больнымъ и раненымъ сама собою напрашивается мысль о земскомъ союзѣ.

Непосредственныя, въ виду войны, задачи городовъ, главнымъ образомъ, отличаются отъ задачъ органовъ земскаго самоуправленія, въ томъ, что въ городахъ забота о семьяхъ запасныхъ и ратниковъ закономъ 1912-го года возложена на городскія думы, управы и ко-

миссіи. Казна лишь отпускаетъ деньги по пайковому разсчету, въ распредѣленіе же ихъ не вмѣшивается. Но если, такимъ образомъ, съ организаціонной стороны дѣло въ городахъ поставлено лучше, то со стороны финансовой оно представляетъ неизмѣримо большія трудности, особенно въ столицахъ и въ большихъ промышленныхъ центрахъ.

Трехъ и полуторарублевый паекъ для деревни есть нѣчто, а въ столицѣ—ничто. Въ деревнѣ жена запасного замѣнъ домъ. Въ городѣ—ей надо платить за квартиру. Въ деревнѣ она лишилась той рабочей силы, которая стояла во главѣ общихъ рабочихъ силъ семьи. Въ городѣ—изъ семьи ушелъ единственный работникъ, единственный кормилецъ. Въ деревнѣ основа крестьянскаго бюджета—продукты земли. Въ городѣ—все стоитъ денегъ, все нужно купить. И когда, взамѣнъ мѣсячнаго заработка мужа и отца въ 30—50 рублей, семья получаетъ 6 рублей пайковаго пособія, передъ ней встаетъ неизбѣжно нищета и голодъ. Но, съ другой стороны, ни одинъ городъ, конечно, не въ состояніи выплачивать семьямъ запасныхъ все то, что зарабатывали мужья и отцы. Слѣдовательно, возникаетъ вопросъ о пріисканіи занятій для трудоспособныхъ членовъ семьи, а въ прямой связи съ нимъ—вопросъ объ освобожденіи матерей отъ заботы о дѣтяхъ, о пріютахъ, яслях, столовыхъ. Далѣе возникаетъ вопросъ о привлеченіи частной благотворительности—личнаго труда и денежныхъ пожертвованій. На дѣло призрѣнія семействъ запасныхъ въ городахъ, кромѣ казеннаго пайка, нужны, во всякомъ случаѣ, колоссальныя суммы. Пока недостатка въ пожертвованіяхъ нѣтъ. Дни сборовъ даютъ сотни тысячъ рублей. Дай Богъ, чтобы рука дающаго не оскудѣвала на все время войны! Кромѣ помощи всѣмъ семьямъ запасныхъ вообще, городамъ на свои средства и на средства частной благотворительности пришлось полностью взять самыя несчастныя семьи—незаконныя, которыя казеннымъ пайкомъ обездолены.

Союзъ городовъ пока еще не получилъ формальнаго признанія. Но милліонъ рублей въ его распоряженіе министромъ финансовъ уже данъ, а, по представленіи смѣтъ, обѣщано отпустить 20 милліоновъ.

Рѣдѣютъ ряды тѣхъ, кого предконституціонная волна на краткій мигъ выбросила-было на поверхность политической жизни. Почти одновременно скончались членъ первой Думы Илларіонъ Егоровичъ Соломка и членъ второй Думы Григорій Арсеньевичъ Горбуновъ.

Въ изданіи Сытина подъ портретомъ И. Е. Соломки, съ типичнымъ лицомъ крестьянина-хохла въ барашковой шапкѣ, имѣется краткая запись: «Родился въ 1873 г. Трудовикъ. Крестьянинъ. Зем-

ледѣлецъ. Окончилъ земскую школу. Штундистъ». И въ этихъ словахъ вся его несложная біографія. Онъ былъ рядовымъ крестьяниномъ-землеробомъ, наивно посланнымъ въ Думу «за землей». Послѣ роспуска Думы Соломка лишь много времени спустя вернулся въ родную губернію.

Г. А. Горбуновъ занималъ во второй Думѣ выдающееся положеніе лидера самой крайней лѣвой партіи. Сначала служба, затѣмъ частная практика, въ качествѣ врача-окулиста, тѣсно связали его съ Пятигорскомъ, гдѣ онъ пользовался исключительной популярностью. Въ Думѣ Г. А. выступалъ весьма часто и много работалъ въ комиссіяхъ. Послѣ роспуска второй Думы онъ отошелъ въ сторону отъ политики и цѣликомъ отдался своей спеціальности. Пріемная этого врача-безсребренника была всегда полна бѣдняками. Прошлой зимой осуществилась его завѣтная мечта: онъ былъ приглашенъ въ составъ преподавателей женскихъ медицинскихъ курсовъ въ Москвѣ и получилъ свою каѳедру и свою клинику. Но вскорѣ затѣмъ началъ хворать. Скончался въ Пятигорскѣ. На рѣдкость Г. А. былъ добрымъ, отзывчивымъ, хорошимъ человѣкомъ.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.

Руководителямъ германскихъ и австрійскихъ армій предстояла въ настоящей войнѣ весьма сложная задача. Австрійцы должны были, разгромивъ Сербію, бросить свои главныя силы на Россію и добиться существеннаго успѣха прежде, чѣмъ сосредоточеніе русскихъ войскъ будетъ доведено до конца; германцы же имѣли въ виду, оставивъ на восточной границѣ нѣкоторое количество корпусовъ для предварительнаго захвата пограничныхъ русскихъ владѣній, быстро раздавить французовъ своимъ численнымъ превосходствомъ и затѣмъ направить массы своихъ освободившихся войскъ противъ Россіи, чтобы вмѣстѣ съ австрійцами покончить съ нею. Германія не предполагала встрѣтить активное сопротивленіе въ Бельгіи при проходѣ войскъ черезъ ея территорію; она не разсчитывала также на прямое вмѣшательство Англіи, такъ что первоначальный планъ кампаніи долженъ былъ значительно измѣниться на первыхъ же порахъ. Упорное и успѣшное

сопротивленіе Бельгіи задержало германскія военныя операціи на цѣлыхъ двѣ недѣли, давъ французскимъ арміямъ возможность своевременно собраться и двинуться въ бельгійскіе предѣлы; вмѣстѣ съ тѣмъ и Англія высадила на материкъ свою вспомогательную армію, въ образцовомъ порядкѣ, безъ всякихъ затрудненій. Однако, увѣренность Германіи въ неминуемомъ успѣхѣ ея оружія нисколько не была поколеблена, такъ какъ огромный перевѣсъ силъ и превосходство вооруженія оставались все-таки на сторонѣ нѣмцевъ, несмотря на враждебныя военныя дѣйствія Бельгіи и Англіи.

Послѣ перваго мѣсяца войны можно уже сказать положительно, что ожиданія германскаго главнаго штаба совершенно не оправдались. Австрійская часть задачи потерпѣла полное фіаско: стремительное нападеніе на Сербію, въ видѣ грозной карательной экспедиціи, закончилось разгромомъ двухсотъ-тысячной австро-венгерской арміи въ бояхъ при Шабацѣ и Церѣ, съ 3 по 6 августа, послѣ чего австрійцы вынуждены были отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ карательнаго воздѣйствія на сербовъ. Двѣ значительныя австрійскія арміи, вступившія въ пограничныя русскія губерніи, послѣ нѣкоторыхъ частичныхъ успѣховъ, были поочередно разбиты русскими войсками въ кровопролитныхъ сраженіяхъ съ 6 до 20-го и 24-го августа; главный городъ Галиціи, сильно укрѣпленный Львовъ, взятъ 21 августа арміей генерала Рузскаго, а древне-русскій городъ Галичъ занятъ въ тотъ же день арміей генерала Брусилова. На прусской границѣ наши войска дѣйствовали наступательно съ большой энергіей, заняли часть Восточной Пруссіи и одержали блестящую побѣду при Гумбиненѣ, 7—9-го августа; Дальнѣйшее наступленіе было отчасти задержано появленіемъ свѣжихъ германскихъ войскъ, которыя 18-го августа обрушились въ превосходныхъ силахъ на два нашихъ корпуса и подвергли ихъ сильнѣйшему обстрѣлу тяжелою артиллеріею, причинившею намъ крупныя потери, при этомъ погибъ генералъ Самсоновъ. Какъ сообщалось въ оффиціальномъ донесеніи, для устраненія возможныхъ послѣдствій этого прискорбнаго событія приняты всѣ необходимыя мѣры, и битва при Сольдау-Остероде не можетъ повліять на общій ходъ кампаніи. Наконецъ, на бельгійскомъ и французскомъ фронтѣ всѣ усилія германскихъ армій привели лишь къ страшнымъ потерямъ съ обѣихъ сторонъ и не доставили нѣмцамъ ни одного прочнаго и окончательнаго успѣха; французскія и британскія войска, непрерывно нанося противнику жестокіе удары, постепенно, систематически втягивали германскія силы внутрь страны и ставили ихъ этимъ въ опасное положеніе, которое можетъ окончиться для нихъ катастрофою.

Мы считаемъ излишнимъ вдаваться въ подробное изложеніе и оцѣнку событій чисто-военнаго характера; намъ кажется достаточнымъ

привести здѣсь авторитетныя оффиціальныя свѣдѣнія, заимствованныя изъ опубликованнаго въ газетахъ обстоятельнаго отчета британскаго правительства, отъ 25 августа (7 сентября), о военныхъ дѣйствіяхъ на западномъ театрѣ войны.

«Къ концу перваго мѣсяца войны, — говорится въ этомъ оффиціальномъ сообщеніи британскаго правительства, — господство на моряхъ неизмѣнно остается въ рукахъ Великобританіи и ея союзниковъ. Главныя силы германскаго и австрійскаго флотовъ остаются въ отечественныхъ гаваняхъ подъ прикрытіемъ своихъ батарей и минныхъ заграждений. Четыре германскихъ крейсера, одинъ вспомогательный крейсеръ, два контръ-миноносца, одна подводная лодка и одинъ австрійскій крейсеръ затоплены. Одинъ германскій дредноутъ и одинъ крейсеръ бѣжали, не рѣшившись вступить въ бой, и нашли прибѣжище въ Дарданеллахъ. Потери великобританскаго флота заключаются всего въ одномъ легкомъ крейсерѣ. Вслѣдствіе такого господства на водахъ, свыше 300.000 человѣкъ солдатъ могли быть переправлены моремъ въ различныхъ направленіяхъ, не потерявъ ни одного человѣка. Британскій экспедиціонный отрядъ былъ переправленъ во Францію; были посланы колоніальныя экспедиціи для нападенія на германскія колоніи въ Африкѣ и на островахъ Тихаго океана; французскія войска были перевезены изъ Алжира во Францію подъ прикрытіемъ соединенной англо-французской эскадры въ Средиземномъ морѣ. Подъ защитою великобританскаго флота сухопутныя арміи въ Европѣ будутъ получать непрерывныя подкрѣпленія австралійскими, канадскими, индійскими и африканскими войсками.

«Германскій торговый флотъ исчезъ съ водъ океана, между тѣмъ какъ моря открыты для свободныхъ торговыхъ сношеній Великобританіи. Повсюду, въ далекихъ водахъ Китая, Тихаго и Атлантическаго океановъ, германскія суда уклонились отъ боя съ британскими крейсерами, предпочитая производить безрезультатныя нападенія на безоружныя торговыя суда, вмѣсто того, чтобы атаковать военные корабли. Хотя германскіе крейсера все еще появляются въ открытомъ морѣ, ихъ добыча не велика, и они не въ состояніи крейсировать тамъ, гдѣ британская торговля могла бы серьезно пострадать отъ ихъ нападенія.

«Великобританская и французская арміи на французскомъ театрѣ войны имѣли рядъ жаркихъ сраженій, въ которыхъ они нанесли непріятелю гораздо болѣе тяжкія потери, чѣмъ тѣ, которыя были имъ причинены; ихъ боевая сила остается неизмѣнною. Въ то же время въ отвѣтъ на призывъ правительства 300.000 новыхъ рекрутовъ добровольно вступили въ ряды британской арміи. Много новыхъ дивизій уже находятся въ стадіи сформированія, число же ежедневно поступающихъ въ настоящее время рекрутъ равняется полутора дивизіямъ. Вся имперія всецѣло объединена и исполнена твердой рѣшимости довести войну до успѣшнаго конца.

«Внѣ Европы японскій флотъ и сухопутныя войска блокируютъ Циндао въ Китаѣ. Германская колонія Того въ западной Африкѣ сдалась англо-французскимъ войскамъ. Великобританія, захвативъ на озерѣ Ніасса германское вооруженное судно «Wissman», обезпечила

за собой господство надъ названнымъ озеромъ. Торговля и промышленность во всѣхъ колоніяхъ Великобританіи развиваются безпрепятственно. Военныя силы Новой Зеландіи завладѣли германскими островами Самоа въ Тихомъ океанѣ.

«Что касается операцій англійской арміи за послѣднее время, то въ различныхъ мѣстахъ растянутаго на огромномъ протяженіи фронта происходили сраженія, которыя во всякой другой войнѣ разсматривались бы какъ столкновенія выдающагося значенія; однако, въ этой кампаніи они являются лишь эпизодами, вытекающими изъ факта стратегическаго отступленія союзныхъ армій, вызваннаго первоначальнымъ столкновеніемъ на границѣ и въ Бельгіи, а также и тѣмъ подавляющимъ количествомъ войскъ, съ которымъ нѣмцы обрушились на западный театръ войны. Страдая отъ недостатка людей, британскій экспедиціонный отрядъ на востокѣ Франціи дѣйствовалъ въ полной согласованности съ французскими силами и всецѣло подчинялся стратегическому плану французскаго генеральнаго штаба. Англичане дѣйствовали такимъ образомъ, начиная отъ сраженія подъ Камбрэ 12 августа, гдѣ англійскія войска съ успѣхомъ охраняли лѣвый флангъ всей французской боевой линіи отъ возможнаго обхода его германцами.

«Поддержанная огромными силами, седьмая французская армія начала оперировать на нашемъ лѣвомъ флангѣ, находясь все время въ контактѣ съ пятой арміей, въ свою очередь оперировавшей на нашемъ правомъ флангѣ, что и имѣло послѣдствіемъ облегченіе усилій, выпавшихъ на нашу долю. Въ частности, пятая французская армія 16 августа продвинулась впередъ отъ позицій, занятыхъ ею на рѣкѣ Уазѣ, въ цѣляхъ воспрепятствовать наступленію германцевъ, въ результатѣ чего и началось серьезное сраженіе къ востоку отъ Гиза. Въ этомъ бою французская армія добилась значительнаго успѣха, отбросивъ три германскихъ корпуса, а именно—десятый, гвардейскій и резервный, которымъ она нанесла чувствительный уронъ. Предполагаютъ, что при этомъ былъ убитъ командиръ пятнадцатаго германскаго корпуса. Несмотря на этотъ успѣхъ и выгоды, вытекавшія изъ него, общее отступленіе все же продолжалось въ южномъ направленіи, а германскія войска, слѣдуя за британской арміей, все время находились въ контактѣ съ нашимъ аріергардомъ. 17 и 18 августа англійское прикрытіе и резервъ неоднократно дѣйствовали въ отдѣльныхъ бояхъ, а 19 августа германцы произвели энергичный натискъ, который привелъ къ жаркому бою, въ окрестностяхъ Компьена. Въ дѣлѣ этомъ, въ которомъ наиболѣе интенсивное участіе принимали первая англійская кавалерійская и четвертая гвардейская бригады, успѣхъ оказался всецѣло на нашей сторонѣ. Германская атака, начатая съ большой энергіей, была парализована и пріостановлена только послѣ сильной рѣзни и овладѣнія англичанами десятью германскими орудіями. Главныя потери въ этомъ сраженіи приходятся на нашу гвардейскую бригаду, въ которой выбыло изъ строя убитыми и ранеными около 300 человѣкъ.

«20 августа было первымъ спокойнымъ днемъ за весь періодъ времени, начиная отъ сраженія при Монсѣ 10 августа. Въ теченіе всего этого періода происходили непрерывные бои, во время кото-

рыхъ англійскія потери достигли цифры въ 15.000 человѣкъ, считая офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Въ виду того, что большинство боевъ происходило на развернутомъ фронтѣ и сопровождалось повторными отступленіями, немалое число людей и даже небольшія войсковыя части отставали отъ главныхъ силъ. Однако, въ настоящее время уже можно утверждать, что значительное число людей, заключенныхъ было въ списокъ нашихъ потерь, вновь возвратилось въ свои части. Тяжелыя потери, понесенныя сравнительно незначительными силами, нисколько не отразились на настроеніи войсковыхъ частей. Уронъ англійской арміи не достигаетъ и трети той убыли, которую англичане нанесли непріятелю. Ряды британской арміи пополнены въ размѣрахъ свыше понесенныхъ ею потерь. Она находится въ настоящее время къ югу отъ Марны на одной линіи съ французскими силами на лѣвомъ и правомъ флангахъ ея. Послѣднія извѣстія о непріятелѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ, минуя Парижъ, наступалъ въ юго-восточномъ направленіи къ Марнѣ и противъ лѣваго фланга и центра французской линіи.

Первая германская армія, какъ сообщаютъ, находится между Ла-Ферте-су-Жуаръ (La Ferté-sous-Jouarre) и склонами Вофора (Voffort). Вторая германская армія, овладѣвъ Реймсомъ, подошла къ Шато-Тьерри (Château Thierry), а къ востоку отъ этихъ мѣстностей продвигается, какъ сообщаютъ, четвертая германская армія, направляясь къ юго-западу отъ Аргонскаго лѣса, между Сюипъ (Suippes) и Вилль-сюръ-Жауръ (Ville sur Jouarre). Всѣхъ этихъ пунктовъ германцы достигли 21 августа. Седьмая германская армія была отброшена французскимъ корпусомъ у Денвиль (Deinville). Все это заставляетъ предполагать, что обходное движеніе, предпринятое противъ англо-французскаго лѣваго фланга, оставлено германцами—потому ли, что такое громадное обходное движеніе фактически неосуществимо, или потому, что они предпочитаютъ открытую атаку на линіи союзныхъ войскъ. Ближайшія событія покажутъ, произвели ли германцы эту перемѣну плана по собственному желанію, или были вынуждены къ этому стратегическимъ положеніемъ и силою союзныхъ войскъ, находившихся передъ ними».

По сообщенію нашего «Правительственнаго Вѣстника» отъ 25 августа характеръ послѣднихъ передвиженій англо-французскихъ армій объясняется слѣдующимъ образомъ:

«Численный составъ обученной арміи сдѣлалъ возможнымъ для Германіи не только укомплектовать постоянныя организаціонныя войсковыя единицы, но и придать почти къ каждому дѣйствующему корпусу по резервной дивизіи. Кромѣ того, въ Германіи на западной границѣ въ первую линію было выдвинуто и нѣсколько резервныхъ корпусовъ. За перволинейными войсками въ германской арміи на западномъ фронтѣ непосредственно слѣдуютъ ландверныя дивизіи, которыя освобождаютъ полевыя войска не только отъ обслуживанія тыла, но и отъ осадныхъ работъ, неизбѣжныхъ при дѣйствіяхъ подъ непріятельскими крѣпостями. Такой составъ дѣйствующихъ на западномъ фронтѣ вооруженныхъ силъ Германіи вполнѣ соотвѣтствуетъ ея стремленію обрушиться всѣми силами на франко-англійскую армію и

разгромить ее въ самое короткое время—именно въ тотъ періодъ военныхъ операцій, когда наступленіе русскихъ войскъ, по мнѣнію германскихъ военачальниковъ, неизбѣжно должно замедлиться сопротивленіемъ германскихъ войскъ въ Восточной Пруссіи и упорствомъ австрійскихъ войскъ въ отстаиваніи своей территоріи. Однако, доблесть французскихъ и союзныхъ съ ними войскъ, а также искусное ихъ маневрированіе не позволили германскимъ войскамъ осуществить этотъ планъ, и прежде чѣмъ могло бы удаться Германіи перебросить съ западнаго фронта на восточный достаточныя силы, австрійская армія будетъ серьезно ослаблена. Кромѣ того, время, затраченное на операціи противъ все еще грозной французской арміи, основательно препятствуетъ въ настоящее время Германіи сосредоточить достаточныя силы для того, чтобы вѣрнымъ успѣхомъ противостоять русскимъ войскамъ, когда угрозы съ австрійской стороны могутъ быть только слабой попыткой къ противодѣйствію.

«Германскія силы обрушились на франко-англійскія и бельгійскія войска, имѣя надъ ними численный перевѣсъ въ семь корпусовъ, и это обстоятельство, при ограниченномъ фронтѣ боевыхъ столкновеній, составляетъ для Германіи большое преимущество. Исходъ наступленія французской арміи на востокъ отъ Мааса черезъ Арденскій лѣсъ могъ бы грозить германской арміи полнымъ разгромомъ, и если теперь эта армія производитъ на территоріи Франціи глубокое обходное движеніе франко-англійскаго лѣваго фланга, то это не даетъ еще увѣренности въ томъ, что такое движеніе не явится крайне рискованнымъ для германцевъ. Втянутыя въ частые бои по всему фронту, франко-англійскія войска были лишены возможности выдвинуть достаточныя силы, чтобы ими остановить движеніе германцевъ вглубь Франціи. Но все-таки и при такихъ условіяхъ избѣгнуто было пораженіе союзныхъ армій путемъ охвата превосходными силами ихъ лѣваго крыла, и этотъ охватъ воспрепятствовалъ Германіи перебросить большую часть своихъ войскъ на востокъ для выручки венгерской арміи.

«Изъ всего сказаннаго становится яснымъ, что, жертвуя значительною частью своей цвѣтущей страны, французская армія искусно противодѣйствуетъ непріятельскимъ охватамъ и наноситъ врагу глубокія раны. Французская армія втягиваетъ германскія войска вглубь Франціи, при каковомъ положеніи непріятель, обходящій французскія войска, можетъ самъ оказаться обойденнымъ. Несмотря на успѣшное съ виду движеніе впередъ германскихъ войскъ, оно не даетъ въ руки Германіи ни трофеевъ, ни надеждъ на скорое достиженіе поставленной ею цѣли».

Музыкальный фонд Московской обл. библиотеки

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

И. А. Ададуровъ. Основы кредитоспособности, способы ея опредѣленія и провѣрки. Спб., 1914 г. Отр. 118. Цѣна 1 руб.

Въ военное время трудно, конечно, говорить объ условіяхъ правильнаго коммерческаго кредита, но поднятый г. Ададуровымъ вопросъ имѣетъ общее значеніе и затрагиваетъ такія стороны современной народно-хозяйственной организаціи, которыя заслуживаютъ вниманія при всякихъ обстоятельствахъ. Появленіе „безчисленнаго множества банковыхъ учрежденій и перенасыщеніе кредитами всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ раіоновъ и городовъ, въ первый періодъ развитія ихъ дѣятельности, и затѣмъ такой же безосновательный періодъ стягиванія разбросанныхъ ими капиталовъ“ оказало, по словамъ автора, „ужасающее вліяніе на неустойчивость торгово-промышленныхъ предпріятій“: кредитными учрежденіями поддерживались и нарождались цѣлыя массы слабосильныхъ фирмъ, которыя, сами пользуясь легкимъ и безотвѣтнымъ кредитомъ, давали и своимъ кліентамъ кредитъ съ такою же легкостью, съ какою получали его сами; оттого при малѣйшемъ стѣсненіи денежнаго рынка „гибли цѣлыя сотни большихъ и малыхъ предпріятій, увлекая въ своемъ паденіи даже крупныя фирмы“. Послѣдствія этой неосновательной практики особенно рѣзко выразились въ обостреніи кризиса, вызваннаго настоящей войною.

Сборникъ пролетарскихъ писателей. Съ предисловіемъ Максима Горькаго. Спб., 1914. Стр. 166. Ц. 40 к.

Оригинальная мысль—собрать произведенія мыслящихъ представителей рабочаго класса и напечатать болѣе удачныя и характерныя изъ этихъ произведеній въ особомъ сборникѣ — имѣла неожиданный успѣхъ: послѣ первой публикаціи объ этомъ предпріятіи въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, какъ сообщаетъ издательство въ предисловіи, получено было свыше 450 рукописей,—въ томъ числѣ около 300 стихотвореній и 8 драматическихъ пьесъ,—принадлежащихъ перу 94 авторовъ, большею частью рабочихъ, ремесленниковъ, крестьянъ, приказчиковъ и т. п. Между прочимъ, въ числѣ авторовъ оказались „извозчикъ-беллетристъ, поэтъ-городовой и торговецъ свѣчами въ епархіальной лавкѣ“; изъ тюремъ и ссылки доставлено пятнадцать рукописей. Въ интересномъ предисловіи Максима Горькаго высказано нѣсколько вѣскихъ замѣчаній о значеніи народнаго творчества въ области литературы и искусства.

Проф. В. Ф. Левитскій. Исторія политической экономіи въ связи съ исторіей хозяйственнаго быта. Харьковъ, 1914. Стр. 493.

Изданный авторомъ курсъ лекцій, читанныхъ въ теченіе многихъ лѣтъ въ Харьковскомъ университетѣ, заключаетъ въ себѣ обстоятельное параллельное изложеніе исторіи экономическихъ теорій и народнохозяйственнаго быта отъ временъ древней Греціи до конца девятнадцатаго вѣка. Въ краткомъ обзорѣ соціалистическихъ ученій авторъ останавливается на доктринахъ Родбертуса и Маркса; изложеніе взглядовъ австрійской школы и соціалистовъ-ревизіонистовъ, а также германскихъ соціальныхъ политиковъ, должно составить предметъ послѣдующихъ частей этого курса.

В. В. Лункевичъ. Одна изъ міровыхъ загадокъ. Жизнь и клѣтка. Съ 150 рисунками въ текстѣ. Спб., 1914. Изд. В. Яковенко. Стр. 255. Ц. 1 руб. 50 к.

Напечатанныя въ этой книгѣ общедоступныя лекціи, читанныя въ русскомъ народномъ университетѣ въ Парижѣ, распредѣлены по тремъ отдѣламъ: о „живомъ существѣ“, о „созданіи и разрушеніи“ и о „круговоротѣ энергіи и смѣнѣ формъ“. Заключительный выводъ автора сводится къ тому, что міровая загадка, представляемая вопросомъ объ источникѣ органической жизни, остается неразрѣшимою для современной науки. „Организмъ—говоритъ

г. Лункевичъ въ концѣ своей интересной и живо написанной книги, — возникаетъ только изъ организма. Живое существо можетъ быть создано только при содѣйствіи уже имѣющагося живого вещества. Это для нашихъ дней общепризнанная истина". Всякія попытки объяснить самую сущность жизненнаго процесса получаютъ неизбѣжно характеръ безплодной схоластики; но это не значитъ, что человѣческій умъ долженъ по существу признать себя несостоятельнымъ: мысль, „вольная, какъ птица, устремляется въ лазурную даль грядущихъ вѣковъ и тутъ, въ наукѣ будущаго, предвидитъ рѣшеніе волнующихъ загадокъ". Этимъ духомъ бодраго оптимизма проникнуто все содержаніе труда г. Лункевича.

Въ теченіе августа въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Анджелло. Дневникъ дней моихъ и ночей. Грани. Спб., 1914 г.

Афанасьевъ, Леонидъ. Стихотворенія. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Бобыревъ, Николай. Алтарь. Харьковъ, 1914 г. Цѣна 1 руб.

Буше, М. Четвертое измѣреніе. Пер. Б. С. Бычковскаго. Спб., 1914 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Быховскій, В. В. Нѣмецкія звѣрства. Спб., 1914 г. Цѣна 50 коп.

Витковская, С. Кругомъ земли. Спб., 1915 г. Цѣна 8 руб. 50 коп.

Дворниковъ, П. и *Соколовъ, С.* Географическій справочникъ. Москва, 1914 г. Цѣна 45 коп.

Дастръ, А., проф. Жизнь и смерть. Часть II. Пер. Б. С. Бычковскаго. Спб., 1914 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Kiszkaff, Karl. Практическій курсъ бактеріологіи. Пер. О. Г. Баргера и И. Л. Кричевскаго, подъ ред. проф. В. И. Кедровскаго. Москва, 1914 г. Цѣна 1 руб. 60 коп.

Кузминъ, М. Глиняныя голубки. Третья книга стиховъ. Спб., 1914 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Личковъ, Борисъ. Границы познанія въ естественныхъ наукахъ. Кіевъ, 1914 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. М. Ю. Лермонтовъ. Къ столѣтію со дня рожденія великаго поэта. Спб., 1914 г. Цѣна 90 коп.

Орловъ, П. Второбрачникъ. Повѣсть. Спб., 1914 г. Цѣна 85 коп.

Падалка, Л. В. Прошлое Полтавской территоріи и ея заселенія. Полтава, 1914 г. Цѣна 1 руб. 20 коп.

— Карта казацкихъ полковъ на Полтавской территоріи. Полтава, 1914 г. Цѣна 50 коп.

— Карта Боплана о населеніи Полтавской территоріи во второй четверти XVII вѣка. Полтава, 1914 г Цѣна 50 коп.

Никсановъ, Н. К. Хронологія русской литературы для учащихся. Спб., 1914 г. Цѣна 30 коп.

Пятницкій, В. Тематическій разборъ оперы-былины „Садко" Н. А. Римскаго-Корсакова. Подъ редакц. В. Гурдова. Спб., 1914 г. Цѣна 60 к.

Сорокинъ, Антонъ. Стоны послѣдніе. Омскъ, 1914 г.

Шапиро, І. А. Руководство по всѣмъ отраслямъ кооперації. Спб., 1914 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Юркунъ, Юр. Шведскія перчатки. Спб., 1914 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

С.-Петербургъ и его жизнь. Спб., 1914 г.

Финансовый отчетъ по казенной винной операціи за 1913 годъ. Спб., 1914 г.

Baring, Maurice Hon. The mainsprings of Russia. London, 1914.

Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: А. С. Посниковъ. К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

ФАБРИКАНТЫ

Художественной мебели.

Торговый Домъ

Братья А. и С.

ЮРАСОВЫ.

МОСКВА, Кузнецкій мостъ.

Телефонъ № 41-16.

ИБАХЪ

РОЯЛИ-ПІАНИНО

ГЛАВНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ

І.Ф.МЮЛЛЕРЪ

МОСКВА,
ПЕТРОВКА, 16.

Книжный Складъ

М. М. СТАСЮЛЕВИЧА.

(Спб. Вас. остр., 5 лин., собств. д. № 28).

Имѣются въ продажѣ слѣдующія книги по исторіи русской литературы.

Анненковъ, П. В. Литературныя воспоминанія. Спб. 1909 г. Ц. 3 р., въ перепл. 3 р. 55 к.

Ашевскій, С. Бѣлинскій въ оцѣнкѣ его современниковъ. Спб. 1911 г. Ц. 1 р. 25 к.

Буличъ, Н. Н., проф. Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка, 2 тома (въ одной книгѣ). Изд. 2-е. Спб. 1912 г. Ц. 2 р.

Бѣлинскій, В. Г. Собраніе сочиненій въ трехъ томахъ. Подъ редакціей Иванова-Разумника. Изд. 2-е. Спб. 1913 г. Ц. 3 р. 50 к., въ перепл. 5 р.

Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Въ 2-хъ томахъ. 4-е изд., дополненное. Спб. 1914 г. Ц. за оба тома 3 р., въ перепл. 3 р. 55 к.

—— О смыслѣ жизни. Ѳедоръ Сологубъ, Леонидъ Андреевъ и Левъ Шестовъ. Спб. 1910 г. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

—— Объ интеллигенціи. Что такое махаевщина? Изд. 2-е. Спб. 1910 г. Ц. 80 к.

Котляревскій, Н. А., проф. Николай Васильевичъ Гоголь. Изд. 3-е. Спб. 1911 г. Ц. 2 р. 50 к. (1 ф. 26 л.), въ перепл. 3 р. 5 к. (2 ф. 6 л.).

—— Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Изд. 4-е. Спб. 1912 г. Ц. 2 руб., въ перепл. 2 р. 55 к.

—— Литературныя направленія Александровской эпохи. Изд. 2-е. Спб. 1913 г. Ц. 2 р

Лемке, Мих. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. Спб. Изд. 2-е. 1909 г. Ц. 2 р. 50 к.

Михайловскій, Н. К. Собраніе сочиненій. Т. I—VII и X. Спб. 1907—1913 гг. по 2 р. за томъ.

—— Послѣднія сочиненія. Т. I—II. Спб. 1905 г. по 1 р. 50 к. за томъ.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н., проф. Собраніе сочиненій, т. I. Н. В. Гоголь. Изд. 4-е. Спб. 1912 г. Ц. 1 р. Т. II. И. С. Тургеневъ. Изд. 4-е. Спб. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к. Т. III. Л. Н. Толстой. Изд. 4-е. Спб. 1913 г. Ц. 1 р. 50 к. Т. IV. А. С. Пушкинъ. Изд. 2-е. Спб. 1912 г. Ц. 1 р. Т. VII. Исторія русской интеллигенціи, ч. 1-я. Изд. 5-е. Спб. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к. Т. VIII. Исторія русской интеллигенціи, ч. 2-я. Спб. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к. Т. IX. Исторія русской интеллигенціи, ч. 3-я. Спб. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

—— Левъ Николаевичъ Толстой. Очеркъ его художественной дѣятельности и оцѣнка его религіозныхъ и моральныхъ идей. (Въ собр. соч. не входитъ). Ц. 1 р.

—— Гоголь въ его произведеніяхъ. Изд. 2-е. Спб. 1911 г. Ц. 60 к.

—— Поэзія Генриха Гейне. Спб. 1909 г. Ц. 75 к.

Пыпинъ, А. Н. Исторія русской литературы. 4 тома. Спб. Ц. 10 р.

—— Н. А. Некрасовъ. (Нѣсколько воспоминаній. Историко-литературныя справки. Письма Некрасова къ И. С. Тургеневу, 1847—1861. Новѣйшая литература о Некрасовѣ). Спб. 1905 г. Ц. 2 р.

—— М. Е. Салтыковъ. Идеализмъ Салтыкова. Журнальная дѣятельность 1863—1864 гг. Библіографическая замѣтка. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

—— Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Изд. 2-е, съ дополненіями и примѣчаніями. Спб. 1908 г. Ц. 3 р. 50 к., въ перепл. 4 р. 5 к.

—— Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. Изданіе 4-е, съ третьяго, дополненнаго, безъ перемѣнъ. Спб. 1909 г. Ц. 3 р.

—— Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Изд. 4-е. Спб. 1908 г. Ц. 3 руб.

—— Мои замѣтки. Съ приложеніемъ статей: „Два мѣсяца въ Прагѣ“ и „Вячеславъ Ганка“. Подъ редакціей В. А. Ляцкой. Съ портретомъ и факсимиле А. Н. Пыпина. М. 1910 г. Ц. 2 р.

Сиротининъ, А. Россія и славяне. Спб. 1913 г. Ц. 2 р. 95 к.

М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке, т. 1-й. Съ 5-ю портретами. Спб. 1911 г. Ц. 3 р., т. 2-й. Спб. 1912 г. Ц. 3 р., т. 3-й. Спб. 1912 г. Ц. 4 р., т. 4-й. Спб. 1912 г. Ц. 3 р., т. 5-й. Спб. 1913 г. Ц. 3 р.

Полный каталогъ Склада высылается за 4 коп. марку.

Продажа въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Красоту

придаетъ нѣжное, чистое лицо, розовый юный видъ, бѣлая, бархатная кожа и ослѣпительно красивый цвѣтъ лица
Все это достигается настоящимъ

Мыло „Конекъ"

Бергмана и Ко., Радебейль-Дрезденъ.
Требуйте только красную упаковку.
Кусокъ 50 К. Можно получать вездѣ.
Главный складъ для Россійской Имперіи:
Контора химическихъ препаратовъ, С.-Петербургъ,
Малая Конюшенная № 10.

Булгаковъ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ПУТЬ"

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:
Москва, Новинскій бул., д. 103.

Ближайшее участіе принимаютъ:
С. Н. Булгаковъ, Г. А. Рачинскій, Кн. Е. Н. Трубецкой, В. Ф. Эрнъ.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

А. АСКОЛЬДОВЪ — А. А. Козловъ. Ц. 1 р. 50 к.
Н. БЕРДЯЕВЪ. — Философ. свободы. Ц. 2 р.
Н. БЕРДЯЕВЪ — А. С. Хомяковъ. Ц. 1 р. 60 к.
С. БУЛГАКОВЪ. „Два града". Изслѣдованіе о природѣ общественныхъ идеаловъ. Въ 2-хъ т. Ц. 3 р. за оба тома, каждый томъ продается отдѣльно по 1 р. 50 к.
С. БУЛГАКОВЪ. — Философія хозяйства. Ч. I. Ц. 2 р.
С. БУЛГАКОВЪ. — Очерки по исторіи экономическихъ ученій, Выпускъ I. Изд. автора. Ц. 1 р. 50 к.
ГЕРШЕНЗОНЪ, М. О. — Жизнь В. С. Печерина. Ц. 1 р. 50 к.
И. ЗЕЙПЕЛЬ.—Хозяйственно-этическіе взгляды отцовъ церкви. Пер. съ нѣм. съ предисл. С. Н. Булгакова. Ц. 2 р.
Вл. КАРПОВЪ.—Основныя черты органическаго пониманія природы. Ц. 80 к.
КИРѢЕВСКІЙ, И. В. — Полн. собр. соч., въ 2-хъ томахъ, съ портр., подъ ред. М. Гершензона. Ц. 4 р.
ЛОПАТИНЪ, Л. — Философскія характеристики и рѣчи. Ц. 2 р.
Кн. В. Ѳ. ОДОЕВСКІЙ. — Русскія ночи. (Съ дополнен. и поправк. по рукоп.). Ц. 2 р.
Вл. СОЛОВЬЕВЪ. — Россія и вселен. Церк. Пер. съ фр. Г. Рачинскаго. Ц. 2 р. 25 к.
Вл. СОЛОВЬЕВЪ. — Русская идея. Пер съ фр. Г. А. Рачинскаго. Ц. 75 к.
Вл. СОЛОВЬЕВЪ. — Владиміръ Святой и христіанское государство и отвѣтъ на корреспонденцію изъ Кракова. Пер. съ фр. Г. Рачинскаго съ предисл. кн. Евг. Трубецкого. Ц. 75 к.
О Вл. СОЛОВЬЕВѢ. Сборн. статей:— С. Булгакова.—В. Иванова.—Кн. Е. Трубецкаго. — А. Блока. — Н. Бердяева. Вл. Эрна. Ц. 1 р. 70 к.
Религія Л. ТОЛСТОГО.—Сборн. статей: Булгакова, Зѣньковскаго, Кн. Трубецкого, Экземплярскаго, Бѣлаго, Бердяева, Волжскаго, Эрна. Ц. 1 р. 70 к.
Кн. Евг. Трубецкой. — Міросозерцаніе Вл. Соловьева. Въ 2-хъ томахъ. Изд. авт. Ц. 4 р.
Свящ. С. ЩУКИНЪ. — Сборн. статей. Ц. 1 р.
Вл. ЭРНЪ.—Борьба за логосъ. Ц. 2 р.
Вл. ЭРНЪ. — Г. С. Сковорода. Жизнь и ученіе. Ц. 2 р.

Продаются во всѣхъ извѣстн. книжн. маг. Высылаются нал. плат. Проспектъ по треб. безплатно.

Книгоиздательство
„ПРОБЛЕМЫ ЭСТЕТИКИ“ М. МАРЕКЪ.
Открыта подписка на изданіе
„ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ“.

Въ это изданіе войдетъ весь знаменитый, одновременно выходящій на всѣхъ европейскихъ языкахъ циклъ руководствъ „Ars una—species mille“ въ авторизованныхъ, исключительно намъ предоставленныхъ переводахъ, а также монографическіе труды Вельфлина, Фромантэна и Ю. Мейера-Грефе.

Все изданіе печатается на мѣловой бумагѣ и составитъ 10 томовъ (свыше 4,000 стр. текста) съ 5,000 иллюстр., печатанныхъ съ оригинальныхъ клише, и 26 рисунками въ краскахъ, исполненными въ Парижѣ.

Вышли изъ печати:

1) **С. Рейнакъ.** Аполлонъ. Исторія пластическихъ искусствъ. 650 рис.
2) **Ю. Мейеръ-Грефе.** Импрессіонисты. 60 рис.
3) **Э. Фромантэнъ.** Старые мастера. (Бельгія и Голландія). 91 рис. въ текстѣ и 2 рис. въ краскахъ.
4) **Л. Гуртикъ.** Исторія искусства во Франціи. 945 рис. и 4 рис. въ краскахъ.

Печатаются:

5) **Коррадо Риччи.** Исторія искусства въ Италіи. 771 рис. и 4 рис. въ краскахъ.
6) **Г. Масперо.** Исторія искусства въ Египтѣ. 565 рис. и 4 рис. въ краскахъ.
7) **Г. Вельфлинъ.** Классическое искусство. 126 рис.

Готовятся къ печати:

8) **В. Армстронгъ.** Исторія искусства въ Британіи и Ирландіи. 598 рис. и 4 рис. въ краскахъ.
9) **М. Дьелафуа.** Исторія искусства въ Испаніи и Португаліи. 745 рис. и 4 рис. въ краскахъ.
10) **М. Роозъ.** Исторія искусства во Фландріи. 656 рис. и 4 рис. въ краскахъ.

Стоимость всего изданія въ изящн. кожан. перепл. по подпискѣ 39 р. съ пересылкой.

Все изданіе закончится въ декабрѣ 1914 г.

Условія подписки: При подпискѣ уплачивается **3 р.** и при полученіи первыхъ девяти томовъ по **4 р.** за каждый; десятый томъ высылается безплатно. За наложенный платежъ по 10 коп. съ каждой посылки.

Проспекты высылаются безплатно.

Гл. контора кн-ва „ПРОБЛЕМЫ ЭСТЕТИКИ“ М. Марекъ: Москва, Рождественскій бульваръ, д. 10, кв. Б. Тел. 268—45.

Отдѣленіе для СПБ., Поварской, 8, кв. 10, тел. 51—56.

Поставщики ИМПЕРАТОРСКАГО Общества охоты.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Я. ЗИМИНА вдова и С. НИКИФОРОВЪ.

Москва, Тверская улица, близъ Газетнаго, домъ № 15.

ВСЕ необходимое и лучшее для ОХОТЫ.

Громадный выборъ ружей центр. боя заграничн. фабрикъ отъ 27 р. ✪ Особенно рекомендуемъ ружья Императорскаго Тульскаго завода отъ 34 р. ✪ Шомпольныя двухствол. отъ 12 р. ✪ Берданы дробов. отъ 6 р. 75 к. ✪ Карабины Монтекристо для цѣлевой стрѣльбы отъ 11 р. ✪ Пистолеты карман. Монтекр. отъ 1 р. 50 к. ✪ Пугачи самыхъ разнородныхъ типовъ отъ 1 р. ✪ Револьверы отъ 5 р. 50 к. **Новость!** Безобидный пистолетъ Браунъ Марсъ съ коробкою театральн. патроновъ съ пересыл. во всѣ города 4 руб.

Лыжи, коньки и пр. принадлежности по ДОСТУПНЫМЪ ЦѢНАМЪ.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно,—на пересылку просимъ приложить 2 почт. марки по 7 к. 1—1

МНѢНІЕ НАУКИ

О ГИЛЬЗАХЪ КАТЫКА.

Торговымъ Домомъ А. КАТЫКЪ и Ко представлены гильзы своей фабрики для испытанія, не содержитъ-ли бумагъ какихъ либо вредныхъ для здоровья веществъ. При химическомъ изслѣдованіи бумаги, а также продуктовъ горѣнія таковой, никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ не обнаружено, причемъ установлено, что бумага состоитъ исключительно изъ растительной клѣтчатки.

Завѣдывающій лабораторіей, инженеръ-химикъ А. ШТАНГЕ.

Химико-аналитическая и бактеріологическая лабораторія высочайше утвержденнаго Россійскаго Фармацевтическаго Общества. Москва 21 февраля 1907 г.

Требуйте ТОЛЬКО ГИЛЬЗЫ КАТЫКА!

СПЕЦІАЛЬНО МАТЕРІИ ДЛЯ МЕБЕЛИ КОВРЫ, ПОРТЬЕРЫ, ТЮЛЬ, БАХРОМА, ШНУРЪ, АГРАМАНТЪ.

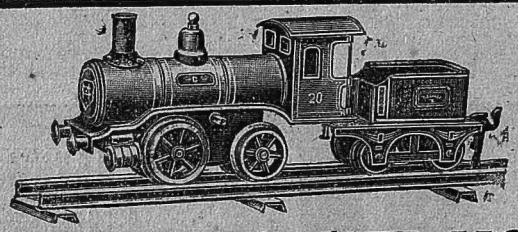
ФАБРИК.
Бр. БАЛАКИНЫ

МОСКВА, ИЛЬИНКА, ПРОТ. ГОСТ. ДВОР.
С. ПЕТЕРБУРГЪ, ЕКАТЕРИН. КАНАЛЪ

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ВСѢХЪ СОРТОВЪ и СТИЛЕЙ
ПРОДАЖА ПО ЦѢНАМЪ ФАБРИКИ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки



ПУСТЬ ДѢТИ ИГРАЮТЪ

Но не давайте имъ глупыхъ безсодержательныхъ игрушекъ. Вѣдь есть же игрушки, которыя не только развлекаютъ ребенка, но и интересуютъ и **развиваютъ** его **молодой умъ**. Пусть дѣти, **играя**, **учатся**. Прежде чѣмъ купить игрушки своимъ дѣтямъ, или подарить игрушки дѣтямъ знакомыхъ, обязательно зайдите къ намъ и полюбуйтесь нашей громадной коллекціей техническихъ игрушекъ. Мы Васъ ждемъ.

Магазинъ **Звѣрева**, Москва, Петровскія линіи, д. 18.

Телефонъ № 512—96.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

СЕДЬМОЕ СОВЕРШЕННО ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ЗНАЧИТЕЛЬНО РАСШИРЕННОЕ ИЗДАНІЕ

подъ редакціей профессоровъ Ю. С. ГАМБАРОВА, В. Я. ЖЕЛѢЗНОВА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, С. А. МУРОМЦЕВА (†) и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

Изъ содержанія XXIII—XXV томовъ: Кавказскія войны—**М. Н. Покровскаго.** Кавказъ — **проф. Д. Н. Анучина.** Кальвинизмъ—**проф. И. В. Лучицкаго.** Кантъ—**проф. Н. Н. Ланге.** Капитализмъ—**проф. В. Я. Желѣзнова.** Картографія—**проф. Д. Н. Анучина.** Кельтскіе языки.—**проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ.** Китай—**проф. А. И. Иванова.** Киты и китовый промыселъ—**проф. М. А. Мензбира.** Климатъ—**проф. А. И. Воейкова.** Ключевскій—**проф. А. А. Кизеветтера.** Кодификація—**проф. П. И. Люблинскаго.** Колебательное движеніе—**проф. О. Д. Хвольсона.** Колонія—**П. П. Маслова.** Кольчатыя—**проф. М. А. Мензбира.** Комары—**проф. Г. А. Кожевникова** Кометы—**проф. С. Н. Блажко.** Конт. **проф. Н. Н. Ланге.** Кооперація на западѣ. **проф. М. И. Туганъ-Барановскаго.** Кооперація въ Россіи—**С. Н. Прокоповича.** Костомаровъ.—**А. С. Грушевскаго и проф. А. А. Кизеветтера.** Котики и котиковый промыселъ—**проф. М. А. Мензбира.** Крестовскій.—**В. Л. Львова-Рогачевскаго** Крестьяне въ Россіи до XVIII вѣка—**В. И. Пичета.** Крестьяне въ Россіи съ XVIII вѣка—**В. И. Семевскаго.**

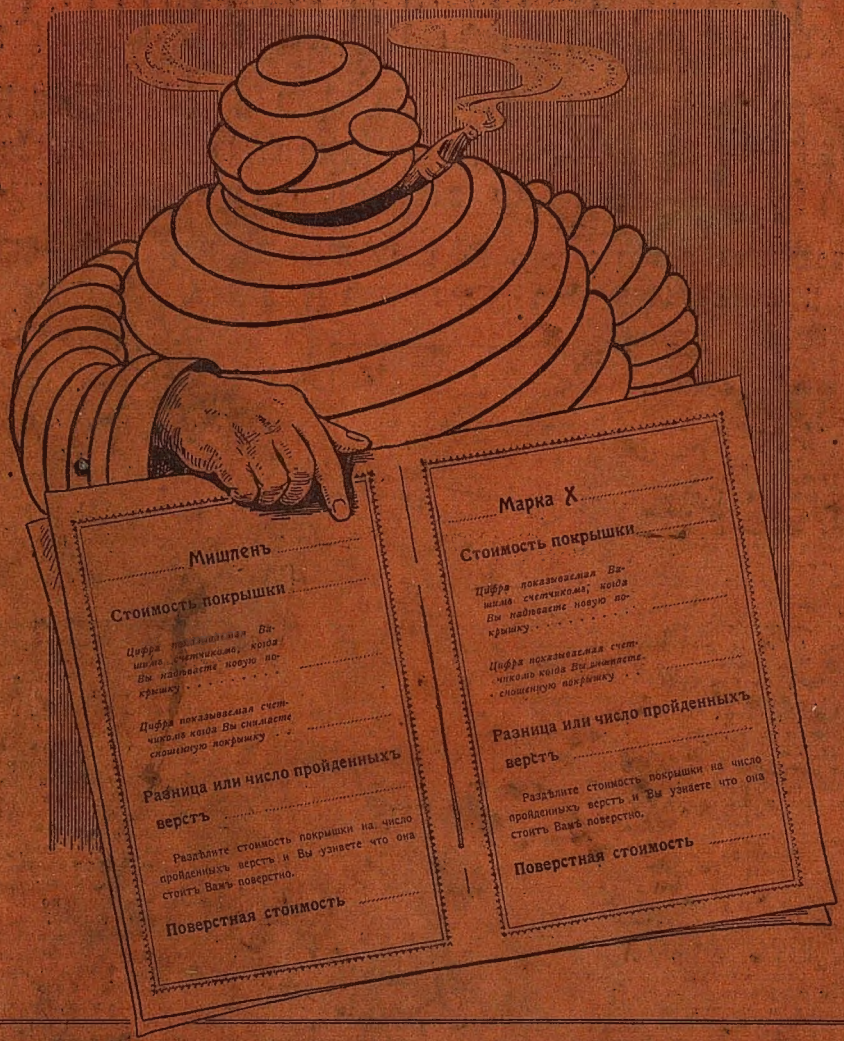
ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ СТОЛИЧНОЙ ПЕЧАТИ: „Большинство статей входящихъ въ словарь представляетъ вполнѣ оригинальныя работы, написанныя лучшими спеціалистами, и отличаются строгой научностью изложенія. Нѣкоторыя изъ этихъ статей разрослись въ обширныя монографіи. Такъ, въ восьмомъ томѣ начато печатаніе статьи М. М. Ковалевскаго объ исторіи Великобританіи, занявшей уже 488 столбцовъ и доведенной пока только до реставраціи Стюартовъ. Нужно ли говорить о томъ, насколько цѣнными являются подобныя статьи, высоко поднимающія настоящій словарь надъ уровнемъ изданій справочнаго характера и превращающія его въ своего рода библіотеку для самообразованія" („Русск. Вѣд.", 1911, № 227). „Характеръ основныхъ статей Словаря отличается во вновь вышедшихъ томахъ такими же высокими достоинствами, какъ и въ предыдущихъ.. Превосходныя статьи К. А. Тимирязева, М. А. Мензбира, М. М. Ковалевскаго и многихъ другихъ авторовъ по своей содержательности далеко превосходятъ статьи на аналогичныя темы даже въ лучшихъ западно-европейскихъ энциклопедіяхъ" (тамъ же, 1913, № 69). „Словарь т-ва Гранатъ является необходимой и прекрасной настольной книгой" („Вѣст. Воспит.", 1911, № 8). „Статьи.., зачастую представляютъ собою обширныя монографіи, отличающіяся живостью и яркостью изложенія и читающіяся съ захватывающимъ интересомъ" („Сѣв. Зап.", 1914, № 1): „Его научно-объективное изложеніе не походитъ на формальный перечень данныхъ, принятый обыкновенно въ нѣмецкихъ энциклопедіяхъ... Эти условія выдѣляютъ „Словарь" изъ ряда многочисленныхъ энциклопедическихъ изданій и дѣлаютъ его не только справочнымъ пособіемъ, но и собраніемъ чрезвычайно интересныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія" („День", 1913, № 47). „Историко-литературныя статьи... написаны наиболѣе авторитетными спеціалистами" („Гол. Минувш.", 1913, № 11). „...цѣлый рядъ статей крупной цѣнности, использовавшихъ всѣ матеріалы данной области и въ полной мѣрѣ удовлетворяющихъ и богатствомъ свѣдѣній, и мастерствомъ изложенія, руководимаго принципомъ, „чтобы словамъ было тѣсно, а мыслямъ (тутъ надо прибавить—и фактамъ)—просторно" („Рѣчь", 1912, № 49). „Изданіе ведется съ любовью, со знаніемъ дѣла, поставило себѣ прекрасныя цѣли, даетъ богатый матеріалъ" („Современный Міръ", 1913, № 1). „Совершенно исключительной особенностью этого изданія, выдѣляющей его изъ всѣхъ другихъ ему подобныхъ изданій у насъ, является поистинѣ роскошная внѣшность" („Голосъ Современника", 1912 № 5). „Иллюстративная часть далеко оставляетъ за собою все, что до сихъ поръ давалось подобными изданіями не только въ Россіи, но и за границей" („Утро Россіи", 1910, № 317). „Словарь вполнѣ заслужилъ тотъ широкій успѣхъ, который онъ встрѣтилъ" („Современное Слово", 1913, № 1998).

Въ первыхъ **25-хъ** томахъ **помѣщено: 114 текстовыхъ приложеній** (1,802 стб.) **496 художественныхъ приложеній** въ цѣлую страницу въ т. ч. **разборныя модели тѣла человѣка, головы и глаза и двигателя Дизеля**, 379 репродукцій въ краскахъ и 78 англійскихъ геліогравюры—REMBRANDT INTAGLIO. **Географическія карты составятъ** особый **томъ-атласъ**, который будетъ снабженъ *подробнымъ указателемъ географическихъ мѣстностей* и ихъ расположенія.

Цѣна тома (при подпискѣ на все изданіе): удешевленнаго изд.—2 р. 30 к.; полнаго иллюстрированнаго изд. 3 р. 30 к. За пересылку (по рис. ак. живоп. Л. О. Пастернака) 50 к. За пересылку по дѣйствит. стоимости. По соглашенію съ конторой допускается разсрочка платежа. **Первые 10 томовъ вышли двумя повторными, стереотипн. изданіями** (8-мъ и 9-мъ), подготовляется новое (10-е) стереотипное изданіе ихъ. По желанію тома Словаря высыл. **для ознакомленія** (съ правомъ возврата).

ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ, высылаются по требованію БЕЗПЛАТНО.

Т-во „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°" Москва, Тверской б., 15-Е, С.-Петербургъ, Моховая, 37.



Мы настолько увѣрены, что Шина Мишленъ лучше и экономичнѣе чѣмъ какая-либо другая, что готовы выслать Вамъ безплатно эту Счетную Книжку.

Это дастъ Вамъ возможность, самому высчитать во что обходится Вамъ поверстно каждая изъ Вашихъ шинъ.

Затребуйте одинъ экземпляръ этой книжки у

Русскаго Генеральнаго Агентства Шинъ Мишленъ—Москва.